

История искусства в Халдее и Ассирии, том 1 (из 2)

Шарль Чипес
Жорж Перро

A history of art in Chaldæa & Assyria, Vol. 1
(of 2)

Georges Perrot and Charles Chipiez

The Project Gutenberg eBook of A history of art in Chaldæa & Assyria, Vol. 1 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной в Интернете на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История искусства в Халдее и Ассирии, том 1 (из 2)

Автор: Жорж Перро

Шарль Чипес

Переводчик: Сэр Уолтер Армстронг

Дата выхода: 14 февраля 2009 [eBook #28072]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Полом Дрингом, Адрианом Мастронарди и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF ART IN CHALDÆA & ASSYRIA, VOL. 1 (OF 2) ***

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА В ХАЛДЕЕ И АССИРИИ

С ФРАНЦУЗСКОГО ЖОРЖА ПЕРРО, ПРОФЕССОРА ФАКУЛЬТЕТА ПИСЬМА В ПАРИЖЕ, ЧЛЕНА ИНСТИТУТА, И ШАРЛЯ ЧИПЬЕЗА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЧЕТЫРЬМЯСТАМИ ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ ДВУМЯ ГРАВЮРАМИ В ТЕКСТЕ И ПЯТНАДЦАТЬЮ СТАЛЬНЫМИ И ЦВЕТНЫМИ ПЛАСТИНАМИ.

В ДВУХ ТОМАХ. I.

ПЕРЕВОД И РЕДАКТИРОВАНИЕ УОЛТЕРА АРМСТРОНГА, бакалавра, Оксон, АВТОРА "АЛЬФРЕДА СТИВЕНСА" И ДР.

Лондон: CHAPMAN AND HALL, Limited.
Нью-Йорк: A. C. ARMSTRONG AND SON.
1884.

Лондон:
R. Clay, Sons, and Taylor,
ХЛЕБ СТРИТ ХИЛЛ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перед лицом сердечного приема, оказанного первым двум томам "Истории древнего искусства" ММ. Перро и Чипьеца "История древнего искусства", любые вступительные слова с моей стороны по отношению к этой второй части были бы самонадеянностью. Со своей стороны, однако, я могу позволить себе выразить благодарность за одобрение, оказанное моей скромной доле в представлении "Истории искусства Древнего Египта" новой публике, и надеяться, что на следующих страницах не будет найдено ничего, что могло бы изменить это одобрение на порицание.

W. A.

10 октября 1883 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ХАЛДЕЙСКО-АССИРИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

	PAGE
§ 1. Положение и границы Халдеи и Ассирии	1-8
§ 2. Природа в бассейне Евфрата и Тигра	8-13
§ 3. Примитивные элементы населения	13-21
§ 4. Клинья	21-33
§ 5. История Халдеи и Ассирии	33-55
§ 6. Халдейская религия	55-89
§ 7. Народ и правительство	89-113

ГЛАВА II.

ПРИНЦИПЫ И ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ХАЛДЕЙСКО-АССИРИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

§ 1. Материалы	114-126
§ 2. Общие принципы формы	126-146
§ 3. Строительство	146-200
§ 4. Колонна	200-221
§ 5. Арка	221-236
§ 6. Вторичные формы	236-260
§ 7. Украшение	260-311
§ 8. Об ориентации зданий и церемониях основания	311-322
§ 9. Механические ресурсы	322-326
§ 10. О графических процессах, используемых при изображении зданий	327-334

ГЛАВА III.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА.

§ 1. Халдейские и ассирийские представления о будущей жизни	335-355
§ 2. Халдейская гробница	355-363

ГЛАВА IV.

РЕЛИГИОЗНАЯ АРХИТЕКТУРА.

§ 1. Попытки восстановления основных типов	364-382
§ 2. Руины ступенчатых башен	382-391
§ 3. Подчиненные типы храма	391-398

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ПЛАТЫ.

I. Вавилон	К лицевой стороне страницы 154
II. Прямоугольный халдейский храм	370

III. Квадратный двуххрамный халдейский храм	378
IV. Квадратный ассирийский храм	380

РИС.	СТРАНИЦА
1. Кирпич из Эреха	24
2. Фрагмент надписи, выгравированной на спине статуи из Телло	25
3. Печать из Оуркама	38
4. Гений в позе поклонения	42
5. Ассурбанипал в погоне	45
6. Демоны	61
7. Демоны	62
8. Орлиноголовое божество	63
9. Ану или Дагон	64
10. Камень Меродаха-Баладана I	73
11. Ассирийский цилиндр	74
12. Ассирийский цилиндр	74
13. Боги, которых несут в процессии	75
14. Боги, которых несут в процессии	76
15. Статуя Небо	81
16. Терракотовая статуэтка	83
17. Халдейский цилиндр	84
18. Крылатый глобус	87
19. Крылатый глобус с человеческой фигурой	87
20. Халдейский цилиндр	95
21. Халдейский цилиндр	95
22. Царь Саргон и его великий визирь	97
23. Свита Саргона	99
24. Свита Саргона	101
25. Фрагмент барельефа из алебаstra	105
26. Барельеф Тиглата Пилесера II	106
27. Пир Ассурбанипала	107
28. Праздник Ассурбанипала	108
29. Подношения богу	109
30. Конвой с заключенными	111
31. Конвой заключенных	112
32. Вавилонский кирпич	118
33. Кирпич из Хорсабада	119
34. Храм	128
35. Телль-Эде, в Нижней Халдее	129

36. Хаман, в Нижней Халдее	131
37. Вавил, в Вавилоне	135
38. Крепость	138
39. Вид на город и его дворцы	140
40. Дом в Курдистане	141
41. Храм на берегу реки, Хорсабад	142
42. Храм в королевском парке, Куюнджик	143
43. Вид на группу зданий, Куюнджик	145
44. План угла, Хорсабад	147
45. Сечение стены через АВ на рис. 44	147
46. Возвышение стены, Хорсабад	148
47. Разрез в перспективе через юго-западную часть дворца Саргона в Хорсабаде	149
48. Храм в Мугейре	154
49. Верхняя часть дренажного устройства кургана	159
50. Современное состояние одних из городских ворот, Хорсабад	161
51. Крепость; с ворот Балавата, в Британском музее	164
52. Дворец в Фируз-Абаде	170
53. Дворец в Сарбистане	170
54. Разрез через дворец в Сарбистане	171
55. Реставрация зала в гареме в Хорсабаде	174
56. Королевский шатер, Куюнджик	175
57. Палатка, Куюнджик	175
58. Интерьер езидского дома	178
59. Крепость	180
60. Грубая кирпичная постройка	181
61. Армянский "фонарь"	183
62-65. Терракотовые цилиндры в перспективе, разрезе и плане	184
66. Наружные лестницы в руинах Абу-Шарейна	191
67. Интерьер царского шатра	193
68. Скиния; от ворот Балавата	194
69. Печать Сеннахериба	196
70. Тип открытой архитектуры в Ассирии	197
71. Почитание <i>Самаса</i> или <i>Шамаса</i>	203
72. Ножны мачты из кедрового дерева, бронза	205

73. Интерьер дома, поддерживаемого деревянными столбами; от ворот Балавата	206
74. Ассирийская столица, в перспективе	207
75. Столица; из маленького храма	209
76. Вид на дворец	210
77. Столица; из маленького храма	212
78. Столица	212
79. Халдейская скиния	212
80. Табличка из слоновой кости, найденная в Нимруде	212
81. <i>Древо жизни</i>	213
82. Декоративное основание, из известняка	214
83. Модель основания, вид сбоку	215
84. То же самое, вид спереди	215
85. Крылатый Сфинкс, несущий основание колонны	216
86. Фасад ассирийского здания	216
87, 88. Основания колонн	217
89. Гробница в Мугейре	222
90. Интерьер камеры в гареме дворца Саргона в Хорсабаде	225
91. Возвращение за угол архивольта в одних из ворот Дур-Сарюкина	227
92. Дренаж в Хорсабаде с остроконечной аркой	229
93. Канализация в Хорсабаде, с полукруглым сводом	232
94. Канализация в Хорсабаде, с эллиптическим сводом	233
95. Декорированная перемычка	238
96. Подоконник двери, из Хорсабада	240
97. Бронзовая нога из ворот Балавата и ее гнездо	243
98, 99. Ассирийская лепнина. Сечение и высота	245
100. Фасад разрушенного здания в Варке	246
101. Украшение одних из ворот гарема в Хорсабаде	247
102. Вид на угол <i>обсерватории</i> в Хорсабаде	249
103. Боковой фасад дворца в Фируз-Абаде	251
104. Батареи из ассирийского дворца	251
105. Боевые элементы Хорсабадской	252

обсерватории

106. Боевые элементы дворца Саргона в Хорсабаде	255
107. Алтарь	255
108. Алтарь в Лувре	256
109. Алтарь в Британском музее	257
110. Стела из Хорсабада	258
111. Обелиск Шалманесера II в Британском музее	258
112. Высеченная в скале стела из Куюнджика	259
113. Фрагмент из Вавилона	263
114. Лев с человеческой головой	267
115. Барельеф с несколькими регистрами	269
116. Орнамент, нанесенный на штукатурку	275
117. Орнамент, нанесенный на штукатурку	275
118. Орнамент, нанесенный на штукатурку	276
119. План и проекция части фасада в Варке	278
120. Конус с цветным основанием	279
121, 122. Розетки в глазурованной керамике	290
123. Деталь эмалированного архивольта	291
124. Деталь эмалированного архивольта	292
125. Эмалированный кирпич в Британском музее	293
126. Орнамент на эмалированном кирпиче	294
127. Фрагмент глазурованного кирпича	295
128. Фрагмент глазурованного кирпича	297
129. Табличка из слоновой кости в Британском музее	301
130. Фрагмент таблички из слоновой кости	301
131. Порог из Куюнджика	303
132. Розетка	304
133. Букет цветов и бутонов	305
134. Расписная кайма	306
135. Фрагмент порога	306
136. Орнамент двери	307
137. Пальметта	308
138. Козы и пальметта	308
139. Крылатые быки и пальметта	309
140. Олень на пальметте	310
141. Крылатый бык на розетке	311

142. Олень, пальметта и розетка	311
143. План храма в Мугейре	312
144. План города и дворца Саргона в Хорсабаде	313
145. Общий план останков в Нимруде	314
146. Бронзовая статуэтка	316
147. Бронзовая статуэтка	317
148. Бронзовая статуэтка	318
149. Терракотовый конус	319
150. Терракотовый цилиндр	320
151. Перевозка быка	324
152. Постановка быка на место	326
153. Халдейский план	327
154. Ассирийский план; из Балаватских ворот в Британском музее	329
155. План и разрез крепости	329
156. План, разрез и высота укрепленного города	330
157. План и высота укрепленного города	331
158. Крепость с защитниками	333
159, 160. Вазы	342
161. Плакетка из чеканной бронзы. Аверс	350
162. Бляшка из чеканной бронзы. Реверс	351
163. Гробница в Мугейре	357
164. Гробница в Мугейре	358
165. Гробница в Мугейре	358
166. Гробница, или гроб, в Мугейре	359
167. Карта руин Мугейра	362
168. Вид на Бирс-Нимруд	367
169-171. Продольный разрез, план и горизонтальный разрез прямоугольного типа халдейского храма	370
172. Карта Варки с ее руинами	371
173. Тип квадратного одnobашенного халдейского храма	375
174-176. Поперечный разрез, план и горизонтальный разрез квадратного одnobашенного халдейского храма	377
177-179. Поперечный разрез, план и горизонтальное сечение квадратного двуххрамного халдейского храма	378

180-182. Квадратный ассирийский храм. Продольный разрез, горизонтальный разрез и план	380
183. Карта руин Вавилона	383
184. Фактическое состояние так называемой обсерватории в Хорсабаде	387
185. Обсерватория восстановлена. Возвышение	388
186. Восстановленная обсерватория. План	389
187. Обсерватория. Поперечный разрез через АВ	390
188. План небольшого храма в Нимруде	393
189. План небольшого храма в Нимруде	393
190. Храм с треугольным фронтоном	394

Фронтоны и т. д.

Голова льва, золото (Французская национальная библиотека)	<i>Титульный лист</i>
Голова льва, глазурованный фаянс (Лувр)	113
Две кроличьи головы, слоновая кость (Лувр)	334
Голова коровы, слоновая кость (Британский музей)	363
Орел, с барельефа (Британский музей)	398

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

В

ХАЛДЕЕ И АССИРИИ

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ХАЛДЕЙСКО-АССИРИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

§ 1.- Положение и границы Халдеи и Ассирии.

Первобытная цивилизация Халдеи, как и Египта, зародилась в нижних районах большого аллювиального бассейна, в котором почва была отвоєвана у моря длительными отложениями речного ила. В долине Тигра и Евфрата, как и в долине Нила, именно на больших равнинах у океана жители впервые вышли из состояния варварства и организовали гражданскую жизнь. С течением веков эта культура медленно поднималась вверх по течению, и, как Мемфис был старше Фив на много веков, если не по достоинству, то по фактическому существованию, так Ур и Ларсам были старше Вавилона, а Вавилон - Ниневии. Нравы и верования, искусство и письменность Египта были перенесены в самые отдаленные

уголки Эфиопии, частично путем торговли, но в большей степени путем военного вторжения; так и халдейская цивилизация заявила о себе на огромных расстояниях от места своего рождения, даже в холодных долинах и снежных плато Армении, в районах, которые отделены десятью градусами широты от пылающих берегов, где бог рыб Оаннес явился грубым отцам расы и научил их "таким вещам, которые способствуют смягчению жизни".^[1] В Египте прогрессивное развитие происходило с севера на юг, в то время как в Халдее его направление было обратным. Однако кажущийся контраст - это не более чем сходство. Ориентация, если можно так выразиться, двух бассейнов противоположна, но в каждом из них распространение религии с ее обрядами и символами, письменности с ее адаптацией к различным языкам, а также всех тех искусств и процессов, которые, взятые вместе, составляют то, что мы называем цивилизацией, продвигалось от морского побережья к речным источникам.

В этих двух странах сознание человека, похоже, впервые пробудилось к его врожденной способности улучшать свое состояние путем хорошо направленного наблюдения, разработки законов и предвидения будущего. Между Египтом, с одной стороны, и Халдеей с той Ассирией, которая была не более чем ее ответвлением и продолжением, с другой, есть сильные аналогии, как будет ясно видно в ходе нашего исследования, но есть и различия, которые не менее заметны. Профессор Роулинсон очень наглядно демонстрирует это на странице описательной географии, которую он позволит нам процитировать в ее нынешнем виде. Это будет не последнее наше заимствование из его превосходной работы *"Пять великих монархий древневосточного мира"*, книги, которая так много сделала для популяризации открытий современных ученых.^[2]

"Широкий пояс пустыни, пересекающий восточное полушарие в общем направлении с запада на восток (или, говоря точнее, с запада на юго-запад на северо-восток) от Атлантики с одной стороны почти до Желтого моря с другой, прерывается в центре полосой богатой растительности, которая одновременно нарушает непрерывность засушливого региона и служит также для обозначения точки, где пустыня меняет свой характер с равнины на низком уровне на возвышенное плато или столовую землю. К западу от этого благоприятного района Аравийские и Африканские пустоши представляют собой моря земли, редко поднимающиеся намного выше, а часто опускающиеся ниже уровня океана; в то время как к востоку от него, в Персии, Кермане, Сеистане, Китайской Тартарии и Монголии, пустыня состоит из ряда плато, имеющих от 3000 до почти 10000 футов высоты. Зеленый и плодородный регион, расположенный между "высокогорными" и "низменными" пустынями,^[3] как ни странно, участвует в обеих характеристиках. Там, где песчаный пояс пересекается долиной Нила, не происходит заметного изменения высоты; и сплошная низменная пустыня просто прерывается несколькими милями зеленой и возделываемой поверхности, вся она такая же гладкая и плоская, как и пустыри по обе стороны от нее. Но на более восточном участке все обстоит иначе. Затем зеленая и плодородная страна разделяется на два участка, идущих параллельно друг другу, из которых западный представляет собой черты, не похожие на те, что характеризуют долину Нила, но в гораздо большем масштабе; в то время как восточный - это возвышенная горная область, состоящая по большей части из пяти или шести параллельных хребтов и поднимающаяся во многих местах намного выше уровня вечных снегов.

"В данном случае мы имеем дело именно с западным или равнинным регионом. Между внешними пределами Сиро-Аравийской пустыни и подножием великого горного хребта Курдистана и Луристана находится территория, давно известная в мировой истории и являющаяся главным местом расположения трех из пяти империй, историю, географию и

древности которых мы предлагаем рассмотреть в настоящем томе. Известный евреям как Арам-Нахараим, или "Сирия двух рек"; грекам и римлянам как Месопотамия, или "страна между реками"; арабам как Аль-Джезирех, или "остров", этот район всегда получал свое название от потоков, которые составляют его самую яркую особенность, и которым, по сути, он обязан своим существованием. Если бы не две великие реки - Тигр и Евфрат с их притоками, более северная часть Месопотамской низменности ничем не отличалась бы от Сиро-Аравийской пустыни, к которой она примыкает и на которую по широте, высоте и общему геологическому характеру она в точности похожа. К югу значение рек еще больше; ведь о Нижней Месопотамии можно сказать с большей правдой, чем о Египте,^[4] что это "приобретенная земля", фактический "дар" двух потоков, омывающих ее с обеих сторон; это полностью недавнее образование - отложение, которое потоки сделали в мелких водах залива, в который они впадали на протяжении многих веков.^[5]

"Разделение, которое здесь навязывается нашему вниманию, между Верхней и Нижней Месопотамией, очень необходимо для того, чтобы привлечь наше внимание к древней Халдее. Нет никаких оснований думать, что термин "Халдея" когда-то имел обширное значение Месопотамии, и уж тем более, что он относился ко всей равнинной стране между пустыней и горами. Халдея была не всей, а лишь частью великой Месопотамской равнины, которая была достаточно обширна, чтобы вместить в себя три или четыре значительные монархии. Согласно совокупному свидетельству географов и историков,^[6] Халдея располагалась на юге, так как граничила с Персидским заливом, и на западе, так как примыкала к Аравии. Если мы хотим более точно определить ее границы, которые, как и границы большинства стран, не имеющих прочных естественных рубежей, подвергались многочисленным колебаниям, мы, пожалуй, вправе сказать, что Персидский залив на юге, Тигр на востоке, Аравийская пустыня на западе и граница между Верхней и Нижней Месопотамией на севере составляли естественные пределы, которые никогда не были сильно превышены и никогда не нарушались. Эти границы в большинстве своем достаточно четкие, хотя неизменным остается только север. Природные причины, о которых будет сказано далее, постоянно меняют русло Тигра, берег Персидского залива и линию разграничения между песками Аравии и зеленью долины Евфрата. Но на половине Месопотамской низменности природа поставила постоянный знак - разницу в геологическом строении, которая очень бросается в глаза. Недалеко от Хита на Евфрате и немного ниже Самары на Тигре^[7] путешественник, спускающийся по течению, прощается с несколько волнистой и слегка приподнятой равниной вторичного образования и вступает на мертвый плоский и низкий уровень нового аллювия. Линия, образованная таким образом, заметна и неизменна; она представляет собой единственное естественное разделение между верхней и нижней частями долины; и вероятность, и история указывают на нее как на фактическую границу между Халдеей и ее северным соседом."^[8]

Независимо от того, жили ли два государства самостоятельной и отдельной жизнью, или, как в последующие годы, одно из них своим политическим и военным превосходством низводило другое до состояния вассала, линия разграничения была постоянной, прочерченной в первую очередь природой и ставшей более жесткой и неизгладимой в результате исторических событий. Даже когда Халдея номинально стала всего лишь провинцией Ассирии, две национальности оставались разными. Халдея была старше Ассирии. Центрами ее гражданской жизни были города, построенные на аллювиальных землях между тридцать первым и тридцать третьим градусом широты. Самым известным из этих городов был Вавилон. Те, кого мы называем ассирийцами, народ, который достиг могущества и славы в гораздо более позднее время, черпали семена своей цивилизации у своего более раннего соседа.

Эти выражения, Ассирия и Халдея, сегодня употребляются в гораздо более точном смысле, чем в древности. Для Геродота Вавилония была всего лишь районом Ассирии;^[9] в его время оба государства входили в состав Персидской империи и не имели собственного существования. Плиний называет Ассирией всю Месопотамию.^[10] Страбон проводит западную границу Ассирии вплоть до Сирии.^[11] Для нас эти различия не имеют большого значения. Географическая и историческая номенклатура древних никогда не была четко определена. Она всегда была более или менее плавающей величиной, особенно для тех стран, которые для Геродота или Диодора, для Плиния или Тацита были смутно различимы на крайних границах их горизонта.

Однако несложно показать, что, придавая более определенное значение рассматриваемым терминам - а с этим согласны почти все современные историки, - мы не отрываем их от первоначального восприятия; в лучшем случае мы придаем им больше постоянства и точности, чем того требовал разговорный язык греков и римлян.^[12] Выражения *Khasdim* и *Chaldæi* использовались в Библии и классическими авторами в основном для обозначения жителей Вавилона и его окрестностей; и мы находим Страбона, который с точностью приписывает название *Aturia*, которое является не чем иным, как вариантом *Assyria*, тому району, орошаемому и ограниченному Тигром, в котором находилась Ниневия.^[13] Наша единственная цель - принять раз и навсегда такие термины, которые будут легко понятны нашим читателям и сделают невозможной путаницу между двумя царствами, между народами севера и юга.

Чтобы дать точное определение Ассирии, мы должны определить ее границы, а это можно сделать лишь приблизительно. По мере роста государства его территория расширялась в определенных направлениях. Однако на востоке, где грозный вал Загроса препятствовал любому продвижению, такого расширения не происходило. Эти высокие и обрывистые цепи, которые мы сегодня называем горами Курдистана, можно было пересечь только в двух-трех местах, причем по перевалам, которые в течение нескольких месяцев, когда они свободны от снега и наводнений, давали доступ к высокогорным равнинам Медии. Эти узкие дефиле вполне могли быть пройдены армией во время летней кампании, но ни жилые дома, ни возделанные земли не могли с успехом вторгнуться в такой район; в лучшем случае они могли завладеть немногими участками плодородной земли, лежащими в устье боковых долин; такой, например, была равнина Арбелес, которую орошал великий Заб до своего слияния с Тигром. На юге не было никаких естественных препятствий, но в этом направлении всякое развитие сдерживалось плотностью халдейского населения, которое было густо рассеяно по стране над Вавилоном и по многочисленным городам и селениям, которые смотрели на этот город как на свою столицу. С другой стороны, на севере широкие террасы, которые, как ступени, поднимались от равнин Месопотамии к горам Армении, открывали широкие возможности для развития. На западе было еще больше места. Мало-помалу сельская и городская жизнь перетекала из долины Тигра в долину Чабораса или Хабура, главного притока Евфрата, пока, наконец, не достигла берегов самой великой западной реки. Во всей Северной Месопотамии, между холмами Синджара и последними склонами горы Масий, ассирийцы встречали только племена кочевников, которых они могли по своему усмотрению загнать в сирийскую пустыню. На всей территории этого региона были найдены остатки искусственных курганов, которые, должно быть, когда-то были местами дворцов и городов. В некоторых случаях овраги, прорезанные дождями в их боках, обнаруживают разрушенные стены и фрагменты скульптур, стиль которых напоминает ниневитские памятники.^[14]

В ходе своей победоносной карьеры ассирийцы присоединили еще несколько государств, таких как Сирия и Халдея, Каппадокия и Армения, но эти страны никогда не были больше внешними зависимостями, чем завоеванными провинциями. Если рассматривать собственно Ассирию в период ее наибольшего развития, то можно сказать, что она включала в себя Северную Месопотамию и территории, обращенные к ней с другого берега Тигра и лежащие между этим потоком и нижними склонами гор. Сердцем страны был район, лежащий по обе стороны реки между тридцать пятым и тридцать седьмым градусом широты и сорок первым и сорок вторым градусом восточной долготы. Три или четыре города, которые последовательно становились столицами Ассирии, находились в этом регионе и сейчас представлены руинами Хорсабада, Куюнджика с Небби-Юнасом, Нимруда и Калех-Шергата. Одно из этих мест соответствует *Ниносу*, как его называют греки, или Ниневии, знаменитому городу, который классические писатели, а также еврейские пророки рассматривали как центр ассирийской истории.

Чтобы дать некоторое представление об относительных размерах этих двух государств, Роулинсон сравнивает площадь Ассирии с площадью Великобритании, в то время как площадь Халдеи, по его словам, должна была быть равна площади королевства Дания.^[15] Это последнее сравнение кажется не совсем корректным, когда мы с компасом в руках пытаемся проверить его на современной карте. Несоответствие вызвано постоянным наступлением на море аллювиальных отложений двух великих рек. Тщательные наблюдения и расчеты показали, что береговая линия должна была находиться на сорок - сорок пять лиг севернее, чем в настоящее время, когда предки халдеев впервые появились на сцене.^[16] Вместо того чтобы течь вместе, как сейчас, образуя то, что называется *Шат-эль-Араб*, Тигр и Евфрат тогда впадали в море на расстоянии около двадцати лиг друг от друга в заливе, который простирался на восток до последних отрогов, отбрасываемых горами Ирана, и на запад до подножия песчаных высот, которыми заканчивается плоскогорье Аравии. "Таким образом, вся нижняя часть долины с начала нынешнего геологического периода была образована отложениями Тигра, Евфрата и таких мелких потоков, как Адем, Гындес, Хоаспес, потоков, которые, после долгого независимого существования и способствования отводу вод, в которые они впадали, закончили тем, что стали простыми питателями Тигра".^[17] Таким образом, мы видим, что когда Халдея приняла своих первых жителей, она была заметно меньше, чем сегодня, поскольку район, столицей которого сейчас является Бассора, и вся дельта реки Шат-эль-Араб еще не существовали.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Берос, фрагмент № 1, в книге *"Essai de Commentaire sur les Fragments cosmogoniques de Bérose d'après les Textes cunéiformes et les Monuments de l'Art Asiatique"* Франсуа Ленормана (Maisonnette, 1871, 8vo.).

[2] *Пять великих монархий древнего восточного мира; или История, география и древности Халдеи, Ассирии, Вавилона, Мидии и Персии. Собрано и проиллюстрировано из древних и современных источников* Джорджем Роулинсоном. Четвертое издание, 3 тома, 8vo., с картами и иллюстрациями (Murray, 1879).

[3] Гумбольдт, *Аспекты природы*, т. i. с. 77, 78.-Р.

[4] Геродот, ii. 5.

[5] Loftus's *Chaldaea and Susiana*, p. 282.-R.

[6] См. Strabo, xvi. 1, § 6; Pliny, H.N. vi. 28; Ptolemy, v. 20; Berossus, pp. 28, 29.-R.

[7] Росс дошел до конца аллювия и начала вторичной формации в широте 34°, долготе 44° (Journal of theographical society). 44° (Journal of Geographical Society, vol. ix. p. 446).

Аналогичным образом капитан Линч обнаружил, что русло Тигра переходит от гальки к простому аллювию возле Хан-Ихолигча, немного выше его слияния с Аахуном (Ib. p. 472). Место впадения Евфрата в аллювий см. в Fraser's Assyria and Mesopotamia, p. 27.-R.

[8] Rawlinson. *The Five Great Monarchies*, &c., vol. i., pp. 1-4. О названии и границах Халдеи см. также Guignaut, *La Chaldée et les Chaldéens*, в *Encyclopédie Moderne*, vol. viii.

[9] Геродот, i. 106, 192; iii. 92.

[10] Плиний, *Nat. Hist.* vi. 26.

[11] Страбон, xvi. i. § 1.

[12] *Бытие* xi. 28 и 31; *Isaiah* xlvii. 1; xiii. 19 и т. д.; Диодор ii. 17; Плиний, *Nat. Hist.* vi. 26; греческие переводчики Библии перевели еврейский термин Хасдим как Χαλδαίος; обе формы, по-видимому, происходят от одного и того же первобытного слова.

[13] Страбон, xvi. i. 1, 2, 3.

[14] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. i. pp. 312, 315; *Discoveries*, p. 245.

[15] Роулинсон, *Пять великих монархий*, т. I. стр. 4, 5.

[16] Лофтус, в журнале *Географического общества*, т. xxvi. с. 142; там же, сэр Генри Роулинсон, т. xxvii. с. 186.

[17] Maspero, *Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient*, p. 137.

§ 2. Природа в бассейне Евфрата и Тигра.

Затопление Нила каждый год дает новую жизнь тем равнинам Египта, которые он медленно формировал, и так же обстоит дело с Тигром и Евфратом. Нижняя Месопотамия - полностью их творение, и если бы пришло время, когда их живительные потоки перестали бы орошать ее поверхность, она очень скоро превратилась бы в однообразную и меланхоличную пустыню. В Халдее почти никогда не бывает дождей. [18] Есть несколько ливней на смену сезона, а зимой - несколько дней сильного дождя. Летом в течение долгих месяцев небо остается неумолимо голубым, а температура - жаркой и знойной. Зимой облака почти так же редки, но над огромными пространствами бескрайней страны часто бушуют ветры. Когда они дуют с юга, то вскоре теряют свое тепло и влажность при соприкосновении с почвой, которая совсем недавно лежала на дне моря и поэтому во многих местах еще сильно пропитана солью, которая действует как хладагент. [19] Опять же, когда северный ветер спускается со снежных вершин Армении или Курдистана, уже достаточно холодно, так что в декабре и январе ртуть часто опускается ниже точки замерзания даже в Вавилонии. На рассвете воды болот иногда покрываются тонким слоем льда, а ветер усиливает эффект низкой температуры. Лофтус рассказывает, что видел, как арабы из его эскорта ранним утром падали без сил с седла. [20]

Итак, именно от ручьев, и только от них, зависит плодородие почвы; все земли, до которых они не доходят, обречены на бесплодие и смерть. К счастью для процветания страны, через которую они протекают, Тигр и Евфрат ежегодно выходят из своих русел, не так, как Нил, почти в определенный день, но всегда в одно и то же время года, примерно в начале весны.

Без этих периодических наводнений многие части равнин Месопотамии были бы недоступны для орошения, но их регулярность позволяет запастись водой в достаточных количествах для использования в месяцы засухи. Однако, чтобы получить все преимущества этого драгоценного капитала, жители должны проявлять больше заботы и затрачивать больше труда, чем это необходимо в Египте. Подъем Евфрата и Тигра не такой медленный и не такой регулярный, как у Нила. Воды не так мягко растекаются по почве и не задерживаются на ней так долго;[21] с тех пор как они были предоставлены сами себе, как сейчас, большая часть их теряется, и, не принося пользы сельскому хозяйству, они превращают обширные области в опасные очаги инфекции.

Именно к западу от двойного бассейна в наибольшей степени ощущались неблагоприятные последствия территориальной перестройки. Долина Евфрата не похожа на долину Нила, представляющую собой канал, выдолбленный между двумя четко обозначенными берегами. От северной границы аллювиальной равнины до южной - очень небольшой уклон, а с востока на запад, от равнин Месопотамии до подножия Аравийского плато, - еще и наклон. Когда река разливается, правого берега уже не существует. Там, где он не поднят и не защищен дамбами, воды переливаются через него в нескольких местах. Через большие проломы они попадают в своеобразную котловину, где образуют широкие болота, подобные тем, что простираются в наши дни от страны к западу от развалин Вавилона почти до Персидского залива. В изнуряющую жару летних месяцев грязь чернеет, трескается и выдыхает миазматические пары, поэтому, прежде чем жить в этом регионе, необходимо пройти длительную акклиматизацию, как это делают арабы. Некоторые из этих арабов живут в лесах из тростника, подобных тем, что изображены на ассирийских барельефах.[22]

Их хижины из грязи и камыша возвышаются на низком острове в болотах, а все общение с соседними племенами и городом, в котором они продают продукцию своих рисовых полей, осуществляется на лодках. Тормоза непроходимее самого густого подлеска, но туземцы прорубили в них аллеи, по которым с помощью шестов проталкивают свои большие плоскодонные *терады*. [23] Иногда внезапный подъем реки поднимает уровень этих обычно застойных вод на ярд или два, и в течение ночи хижины и их обитатели, люди и животные вместе, оказываются в дрейфе. Две или три деревни были уничтожены таким образом при полном безразличии властей. Можно доверить десятичному фермеру проследить за тем, чтобы оставшиеся в живых платили налоги, причитающиеся их менее удачливым соседям.

Хозяева страны могли бы, если бы захотели, сделать многое, чтобы сделать страну более здоровой, более плодородной, более способной содержать многочисленное население. Они могли направлять ход ежегодных наводнений и сохранять их избыток. Когда землей управлял собственник, обладающий умом, энергией и дальновидностью, она, особенно в мелочах, приобретала изящество и живописность. Когда каждый фут земли был тщательно обработан, когда два великих потока тщательно поддерживались, их берега и берега многочисленных каналов, пересекающих равнины, были увиты пальмами. Глаз радуют высокие стволы с развевающимися плюмажами, букеты широких листьев с центром из желтых фиников, злаки и другие полезные и декоративные растения, растущие под их мягкой тенью и образующие ковер для богатой и роскошной растительности наверху. Вокруг деревень, расположенных на курганах, раскинулись фруктовые сады, разносящие аромат апельсиновых деревьев по окрестностям и представляющие собой картину, от которой никогда не устает глаз, - массы мрачной листвы, усыпанной золотыми плодами.

Чтобы разрушить все это очарование, не требовалось длинной череды военных катастроф; достаточно было пятидесяти лет или, самое большее, столетия плохого управления.[24] Поставьте на работу одного за другим десяток турецких пашей, таких, как те, с которыми

современные путешественники сталкивались в Моссуле и Багдаде; с помощью своих подчиненных они вскоре нанесут больше вреда, чем марши и столкновения армий. Нет более верной и разрушительной силы, чем правительство, которое одновременно бездействует, невежественно и коррумпировано.

За исключением узких районов вокруг нескольких городов и деревень, где небольшие группы населения сохранили что-то от своей прежней энергии и трудолюбия, Месопотамия сейчас, в течение большей части года, отдана бесплодию и запустению. Поскольку она почти полностью покрыта глубоким слоем растительной земли, весной даже самые заброшенные места покрываются пышным ростом трав и цветов. Лошади и скот утопают по брюхо в благоухающей листве,^[25] но после мая трава увядает и обесцвечивается, высохшие стебли расщепляются и трескаются под ногами, и вся зелень исчезает, за исключением берегов рек и болот. На них развеваются пернатые листья тамариска, а в застойной или медленно движущейся воде, заполняющей все впадины почвы, густыми массами растут водные растения, кувшинки, камыш, папирус и гигантский тростник, делая низменность похожей на обширную прерию, чью первозданную свежесть не в силах уничтожить даже солнце в зените. Во всем остальном природа столь же уныла в своем однообразии, как и обширные песчаные пустыни, окаймляющие страну на западе. В одном месте желтая земля покрыта высохшей, почти прокаленной стерней, в другом - серой пылью, которая поднимается тучами при малейшем дуновении ветерка, а в окрестностях древних поселений она приобрела красноватый оттенок от количества битого и толченого кирпича, с которым она смешана. В разных местах эти цвета различны, но от горы Масий до берегов Персидского залива, от Евфрата до Тигра путешественника почти постоянно встречается одно меланхоличное зрелище - раскинувшаяся перед ним до горизонта страна, в которой запустение продолжается до тех пор, пока регион, который библейская традиция представляет как колыбель человеческой расы, не стал неспособным поддерживать человеческую жизнь.^[26]

Физиономия Месопотамии претерпела глубокие изменения после падения древней цивилизации. В результате человеческой лени она лишилась своих украшений, а точнее, своего одеяния в виде широкой драпировки из машущих пальм и стоячей кукурузы, которое вызывало восхищение Геродота.^[27] Но общие черты и ведущие контуры пейзажа остались прежними. Восстановите в памяти одно из тех вавилонских сооружений, чьи возвышенные руины сегодня служат обсерваториями для исследователей или проезжающих мимо путешественников. Представьте себя во времена Навуходоносора, сидящим на вершине храма Бэла, на высоте ста или ста двадцати ярдов над уровнем равнины. На такой высоте невозможно оценить улыбчивые и живописные детали, которые раньше были так многочисленны, а теперь так редки. Куполообразные поверхности лесов будут казаться плоскими, разнообразная растительность, меняющиеся цвета полей и пастбищ будут едва различимы. Тогда, как и сегодня, вы были бы поражены масштабами и однообразием огромной равнины, простирающейся во все стороны от компаса.

В Ассирии, за исключением юга, где две реки начинают втягиваться друг в друга, равнины отличаются пологими волнами. По мере приближения к северным и восточным границам перед путешественником вырисовываются цепи холмов и даже снежные вершины. В Халдее ничего подобного нет. Единственные аварии на земле - те, что вызваны человеческой промышленностью; мертвый уровень простирается, насколько хватает глаз, и, подобно морю, тает в небе у горизонта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[18] Геродот, i. 193: Ἡ δὲ γῆ τῶν Ἀσσυρίων ὑεταί μὲν ολίγῳ

[19] Loftus, *Susiana and Chaldæa*, i. vol. 8vo. 1857, London, p. 73.

[20] Loftus, *Susiana and Chaldæa*, p. 73; Layard, *Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon*, p. 146 (i. vol. 8vo. 1853).

[21] Геродот преувеличивает это различие, но оно реально. "Растение, - говорит он, - получает питание и формирует колосья благодаря орошению из реки. Ибо эта река не переполняет, как в Египте, кукурузные поля сама по себе, а расстилается по ним руками или с помощью двигателей", i. 193. [Наши цитаты взяты из книги профессора Роулинсона "Геродот" (4 тома 8vo. 1875; Murray); прим. ред.] Наводнения Тигра и Евфрата не играют столь важной роли в жизни жителей Месопотамии, как Нил в жизни египтян.

[22] Layard, *A Second Series of the Monuments of Nineveh*, plate 27 (London, oblong folio, 1853).

[23] Layard, *Discoveries*, pp. 551-556; Loftus, *Chaldæa and Susiana*, chap. x.

[24] Лэйард (*Discoveries*, pp. 467, 468 и 475) рассказывает, что турки "сделали из двух самых прекрасных рек в мире, одна из которых судоходна на 850 миль от своего устья, а другая - на 600 миль".

[25] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. i. p. 78 (1849). "Цветы всех оттенков украшали луга; они не были тонко разбросаны по траве, как в северных странах, а располагались такими густыми гроздьями, что вся равнина казалась пестрой и разноцветной. Собаки, возвращаясь с охоты, выходили из длинной травы, окрашенной в красный, желтый или синий цвет, в соответствии с цветами, через которые они в последний раз пробирались".

[26] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. ii. pp. 68-75.

[27] Геродот, i. 193. "Из всех известных нам стран нет ни одной, которая была бы столь плодovита на зерно. Она не претендует на то, чтобы выращивать смоковницы, оливы, виноградники или какие-либо другие деревья; но в зерне она настолько плодovита, что обычно дает урожай в двести раз, а когда урожай наибольший, то даже в триста раз. Лопасть пшеницы и ячменя часто достигает четырех пальцев в ширину. Что касается проса и кунжута, то я не буду говорить, до какой высоты они растут, хотя это мне известно; ибо я не знаю, что то, что я уже написал о плодovitости Вавилонии, должно показаться невероятным тем, кто никогда не посещал эту страну..... Пальмы растут в огромном количестве по всей равнинной стране, в основном те, которые приносят плоды, и эти плоды снабжают их хлебом, вином и медом".

§ 3. Прimitивные элементы населения.

Два великих фактора всей жизни и всего растительного производства - это вода и тепло, поэтому из двух больших частей страны, которые мы только что описали, более южная должна была быть первой заселенной или, по крайней мере, первой, которая пригласила и помогла своим жителям испытать цивилизацию.

На севере две великие реки находятся далеко друг от друга. Огромные пространства, разделяющие их, включают в себя множество районов, которые всегда были и должны быть очень трудными для орошения, а следовательно, и для культивирования. На юге же, ниже тридцать четвертого градуса широты, Тигр и Евфрат подходят друг к другу на расстояние дневного марша от одного до другого, а на протяжении примерно восьмидесяти лиг, заканчивающихся лишь немного не доходя до места слияния, их русла почти параллельны.

Несмотря на жару, которая, конечно, сильнее, чем в Северной Месопотамии, нет ничего проще, чем провести благословение ирригации по всей территории такого региона. Когда воды в реках и каналах мало, ее можно поднять с помощью простых машин, схожих по принципу действия с теми, которые мы описывали, говоря о Египте.[28]

Поэтому именно здесь мы должны искать место первых попыток в Азии перейти от беспокойной и неопределенной жизни рыбака, охотника или пастуха-кочевника к жизни оседлого земледельца, привязанного к земле трудами по улучшению ее возможностей и усадьбой, которую он возвел на границе своих полей. В десятой и одиннадцатой главах Бытия мы имеем отголосок самых ранних традиций, сохраненных семитской расой о своем далеком происхождении. "И было, когда они шли с востока, нашли равнину в земле Шинар; и поселились там".[29] *Земля Шинар* - это древнееврейское название того, что мы называем Халдеей. Здесь нет места для ошибки. Когда священный писатель хочет рассказать нам о происхождении человеческого общества, он переносит нас в Нижнюю Месопотамию. Именно там он заставляет потомков Ноя построить первый великий город, Вавилон, прообраз исторического Вавилона; именно там он рассказывает нам о смешении языков и о существовании общего центра, из которого люди распространились по всей поверхности земли и стали разными народами. Древнейшими городами, известными собирателю этих преданий, были города Халдеи, расположенные на берегу Персидского залива.

"И родил Куш Нимрода, и стал он могущественным на земле.

Он был могущественным охотником перед Господом, поэтому и сказано: *"Как Нимрод, могущественный охотник перед Господом"*.

"Началом царства его был Вавилон, и Эрех, и Акад, и Калнех, в земле Синарской.

"Из той земли вышел Ассур и построил Ниневию, и город Рехобот, и Калах,

"И Ресен между Ниневией и Калой; тот же город великий".[30]

Эти утверждения подтверждаются архитектурными и другими останками, найденными в Месопотамии. Надписи, из которых день ото дня вырываются новые тайны; руины зданий, даты которых можно приблизительно определить по их планам, структуре и украшениям; статуи, статуэтки, барельефы и всевозможные *обломки* великой цивилизации, если изучать их с тем усердием, которое отличает современную науку, позволяют критику осознать огромную древность этих халдейских городов, в которых так любопытно смешались легенда и история.

Еще до того, как они смогли расшифровать их значение, ассириологи сравнили, с точки зрения палеографии, различные разновидности письменного знака, известного как *клинопись*, - знака, который в течение примерно двух тысяч лет служил для обозначения пяти или шести последовательных языков, по крайней мере, на которых жители Западной Азии выражали свои мысли. Эти клинообразные знаки в их наиболее примитивных и неразвитых формах встречаются в курганах, усеявших южные районы Месопотамии, вместе с самыми ранними признаками тех типов, которые особенно характерны для архитектуры, орнамента и пластических фигур Ассирии.

Есть еще одна особенность, в которой монументальные записи и библейская традиция согласуются. В те смутные века, когда зарождалась та работа, из которой со временем должна была развиться цивилизация бассейна Тигра и Евфрата, население Халдеи не было однородным; страну населяли племена, не имевшие ни общего происхождения, ни общего языка. Об этом мы узнаем из книги Бытия. Самые ранние вожди, построившие города в

Шинаре, олицетворяются там в лице Нимрода, сына Куша и внука Хама. Поэтому его и его народ следует отнести к той же семье, что и эфиопов, египтян и ливийцев, ханаанеев и финикийцев.[31]

Чуть ниже в той же генеалогической таблице к потомству Шема примыкает Асшур, который, как сказано в процитированных выше стихах, покинул равнины Синара, чтобы основать Ниневию в верхней стране.[32] Также из Ура Халдейского в Ханаан пришел Терах, еще один потомок Шема и, через Авраама, родоначальник еврейского народа.[33]

Мир, к сожалению, потерял труд Бероса, вавилонского священника, который при Селевкидах сделал для Халдеи то, что Манефон почти в тот же момент делал для Египта. [34] Берос составил историю Халдеи на основе национальных хроник и традиций. О потере его труда стоит сожалеть больше, чем о потере труда Мането. Клинки, возможно, никогда не будут прочитаны с такой же уверенностью, как иероглифы; остатки халдейско-ассирийской древности гораздо менее многочисленны и хорошо сохранились, чем остатки египетской цивилизации, а пробелы в существующих документах встречаются чаще и имеют другой характер. И все же много ценной информации, особенно в наши последние дни, было почерпнуто из тех фрагментов его работ, которые дошли до нас. В одном из них мы находим следующее свидетельство о смешении рас: "Сначала в Вавилоне было много людей, принадлежавших к различным народностям, которые колонизировали Халдею".[35]

Насколько далеко зашло это разнообразие? Термины, используемые Берозом, достаточно расплывчаты, а гебраистская традиция, похоже, сохранила память только о двух расах, живших одна за другой в Халдее, а именно о кушитах и шемитах. И не могли ли эти группы, хотя и отличающиеся друг от друга, быть более тесно связаны, чем готовы были признать иудеи? Мы знаем, как люто ненавидели евреи ханаанейские расы, с которыми они вели долгие и разрушительные войны; и вполне возможно, что, желая обозначить разделение между собой и своими ненавистными врагами, они закрывали глаза на преувеличение расстояния между двумя народами. Не один историк склонен считать, что кушиты и шемиты были менее далеки друг от друга, чем утверждают древнееврейские писатели. Почти каждый день критика обнаруживает новые точки сходства между евреями до плена и некоторыми их соседями, такими как финикийцы. Все они говорили почти на одном языке; у каждого из них были одни и те же искусства и одни и те же символы, а многие обряды и обычаи были общими для обоих. Ваалу и Молоху поклонялись в Иудее и Израиле, а также в Тире и Сидоне. Здесь не самое подходящее место для обсуждения такого вопроса, но, как бы мы ни относились к нему, исследования ассириологов, похоже, привели к следующему выводу: Что первобытная Халдея получила и сохранила различные этнические элементы на своей плодородной почве; что эти элементы со временем слились воедино, и что даже в самом начале различия, которые отличали их друг от друга, были менее заметны, чем буквальное принятие десятой главы Бытия могло бы заставить нас поверить.

Мы не можем здесь взяться за объяснение всех догадок, которые породил этот вопрос. Мы не обладаем, по крайней мере, некоторыми квалификациями, необходимыми для правильной оценки доказательств или, скорее, вероятностей, на которые опираются сторонники той или иной гипотезы. Мы должны отослать любопытных читателей к работам современных ассириологов; или же они могут, если захотят, найти все основные факты, собранные воедино в трудах ММ. Масперо и Франсуа Ленормана, которых мы будем часто цитировать.[36] Мы же ограничимся тем, что в кратких словах изложим теорию, которая в настоящее время представляется общепризнанной.

Нет никаких сомнений в присутствии в Халдее кушитских племен. Именно кушиты, представленные Нимродом, упоминаются в Бытие раньше всех остальных; это свидетельство косвенно подтверждается номенклатурой греческих писателей. Они часто использовали термины Κισσαίοι и Κισσοί для обозначения народов, принадлежавших именно к этой части Азии,[37] под которыми легко узнать несовершенные транслитерации имени, последний слог которого в семитских языках начинался со звука, который мы передаем как *ш*. Поскольку у греков не было букв, соответствующих нашим *h* и *j*, им приходилось обходиться придыханиями. Их потомкам пришлось сделать те же самые сдвиги, когда они попали под власть турок, и им пришлось выражать каждое слово языка своего завоевателя, не имея никаких знаков для тех звуков *ш* и *ж*, которыми он изобиловал.

Этот же вокабул сохранился до наших дней в названии одной из провинций Персии - Хузистан. Возражение, что Κισσαίοι или Κισσοί классических писателей и поэтов были помещены в Сузиану, а не в Халдею, уже не выдерживает критики. Сузиана граничит с Халдеей и относится, как и она, к бассейну Тигра. Между этими двумя странами, тесно связанными как в мире, так и в войне, нет естественной границы. С другой стороны, название "эфиопы", часто применяемое теми же авторами к жителям Персидского залива и Оманского моря, напоминает о родстве, которое связывало кушитов Азии с кушитами Африки в древнееврейских генеалогиях.

У нас есть еще более веские причины того же рода для утверждения, что шемиты или семиты занимали важное место в Халдее с самого начала. Лингвистические знания приходят здесь на помощь библейскому повествованию и подтверждают его этнографические данные. Язык, на котором написано большинство наших клинописных надписей, то есть тот, который мы называем ассирийским, тесно связан с древнееврейским. К периоду второй Халдейской империи другой диалект той же семьи, арамейский, по-видимому, был в обиходе от одного конца Месопотамии до другого. Сравнительное изучение обрядов и религиозных верований семитских рас приведет нас к тому же результату. Наконец, есть нечто очень важное в том, как легко классические авторы путают такие термины, как халдеи, ассирийцы и сирийцы; похоже, что они признавали лишь один народ между Суэцким перешейком на юге и Тавром на севере, между морским побережьем Финикии на западе и столовыми землями Ирана на востоке. В наши дни господствующим языком на всей огромной территории, ограниченной этими границами, является арабский, как и сирийский в первые века нашей эры, и арамейский при персах и преемниках Александра. С начала исторических времен семитский элемент не переставал играть главную роль от одного конца этого региона до другого. Что касается собственно Сирии, то ее главенство подтверждается рядом фактов, которые не оставляют места для сомнений. Путешественники и историки причисляли жителей Месопотамии к жителям Финикии и Палестины, поскольку для их непривычного слуха различия между их языками были едва уловимы, а личные качества практически идентичны. Такое родство и сходство можно объяснить только общим происхождением, хотя точка соприкосновения могла быть далекой.

Также утверждается, что арийский элемент помог составить население первобытной Халдеи, что родственные племена Индии и Персии, Армении и Малой Азии обеспечили своими контингентами смешанное население Шинара. Некоторые даже утверждают, что наступило время, когда эти племена получили главную власть. Возможно, так оно и было, но доказательства, на которые опирается гипотеза, весьма незначительны. Если допустить, что арии действительно поселились в Халдее, то они были гораздо менее многочисленны, чем другие колонисты, и так быстро влились в ряды большинства, что ни история, ни язык не

сохранили никаких заметных следов их существования. Поэтому мы можем не принимать их во внимание, пока не появятся новые доказательства.

Но у исследователей надписей было и другое, и, если мы примем теории ММ. Опперта и Франсуа Ленормана, более обоснованный сюрприз. Казалось маловероятным, что науке когда-либо удастся проникнуть за пределы тех отдаленных племен, прямых потомков Куша и Шема, которые занимали Халдею на заре истории; они составляли, по всей видимости, самый далекий фон, самый глубокий пласт, в который историк мог надеяться проникнуть; и все же, когда древнейшие эпиграфические тексты начали выдавать свои тайны, интерпретаторы столкнулись, как они уверяют нас, с этим поразительным фактом: самый ранний язык, на котором говорили или, по крайней мере, писали в этой стране, не принадлежал ни к арийской, ни к семитской семье, ни даже к тем африканским языкам, к которым иногда относят древний идиом Египта; он был в крайней степени тем, что мы сейчас называем *агглютинативным языком*. По своей грамматической системе и некоторым элементам словарного запаса он наводит на мысль о сравнении с финским, турецким и родственными языками.

Другие признаки, такие как социальные и религиозные условия, раскрываемые в текстах, в сочетании с этими характеристиками убеждают наших ассириологов в том, что первыми жителями Халдеи - первыми, то есть предпринявшими попытку цивилизации - были туранцы, часть той большой семьи народов, которые до сих пор населяют север Европы и Азии, от болот Балтики до берегов Амура и Тихого океана.[38] Языки всех этих народов, хотя и были достаточно разнообразны, имели некоторые общие черты. Ни один из них не достиг тонкого и сложного механизма внутренней и конечной инфлексии; они не были виноваты в тех тонких процессах, с помощью которых арийцы и семиты выражали тончайшие оттенки мысли и, склоняя субстантив и спрягая глагол, подчиняли второстепенное главной идее; они не понимали, как интимно и органично соединить корень с его квалификаторами и детерминативами, с прилагательными и фразами, которые придают слову цвет и указывают на точную *роль*, которую оно должно играть в предложении, в котором используется. Эти языки похожи друг на друга главным образом своими лакунами. Сравните их в словарях, и они покажутся очень разными, особенно если мы возьмем два языка, такие как финский и китайский, которые разделены шириной целого континента.

То же самое происходит и с их физическими типами. Некоторые племена, которые мы относим к туранской группе, имеют все отличительные черты белой расы. Другие едва ли можно отличить от желтых народов. Между этими двумя крайностями находятся многочисленные разновидности, которые переносят нас, без какого-либо резкого перехода, от самого совершенного европейского до самого совершенного китайского типа.[39] В арийской семье кровные узы ощутимы даже между самыми разными ветвями. Сравнительное изучение их языков, традиций и религиозных представлений позволило доказать, что индусы на Ганге, германцы на Рейне и кельты на Луаре - все они являются ответвлениями одного ствола. Среди туранцев связи между одной расой и другой ощутимы только в случае племен, живущих в непосредственной близости друг от друга и поддерживающих взаимные отношения на протяжении долгих лет. В этом случае легко прослеживается естественное родство, и можно с уверенностью говорить о семье народов. Эта классификация менее определенно обозначена и четко разделена, чем классификация арийской и семитской семей, но, тем не менее, она имеет реальную ценность для историка.[40]

Согласно доктрине, которая сейчас кажется наиболее общепринятой, именно из многочисленных рядов огромной армии, населявшей север, были выброшены племена,

которые первыми попытались начать цивилизованную жизнь на равнинах Шинара и плодородных склонах между горами и левым берегом Тигра. Считается, что эти племена уже обладали национальной конституцией, религией, системой законодательства, искусством письма и самыми необходимыми отраслями промышленности, когда они впервые завладели этими землями.[41] Традиция, до сих пор бытующая среди восточных турков, помещает колыбель расы в долинах Алтая, к северу от плато Памира.[42] Принесли ли эмигранты в Халдею зачатки своей цивилизации с собой, или же их изобретательские способности были пробуждены к действию только после их поселения на этой плодородной земле, не имеет особого значения. В любом случае можно сказать, что они были первыми, кто начал возделывать землю и основал трудолюбивые и неподвижные общины на берегах двух великих рек. Поселившись в Халдее, они, по словам М. Опперта, называли себя "народом Шумера" - название, которое в надписях постоянно ассоциируется с "народом Аккада". [43]

ПРИМЕЧАНИЯ

[28] *История искусства в Древнем Египте*, т. i. с. 15 (Лондон, 1883, Chapman and Hall). О халдейских чадуфах см. Layard, *Discoveries*, pp. 109, 110.

[29] *Бытие* xi. 2.

[30] *Бытие* x. 8-12.

[31] *Бытие* x. 6-20.

[32] *Бытие* x. 22: "Дети Шема".

[33] *Бытие* xi. 27-32.

[34] В своей работе "*Свидание с писателями, носящими имена Бероза и Манефу*" (Hachette, 8vo. 1873) мсье Эрнест Хаве попытался показать, что ни один из этих писателей, по крайней мере в том виде, в каком они представлены в дошедших до нас фрагментах, не заслуживает того доверия, которое им обычно оказывают. Статья является продуктом энергичного и независимого интеллекта, и в ней есть много наблюдений, которые следует тщательно взвесить, но мы не считаем, что в целом ее гиперкритичные выводы имеют хоть какой-то шанс быть принятыми. Все последние достижения египтологии и ассириологии доказывают, что данные фрагменты содержат много достоверной и ценной информации, несмотря на небрежность, с которой они были переписаны, часто со второй и третьей руки, сократителями *низшей эпохи*.

[35] См. § 2 фрагмента 1. Бероса в "*Историческом фрагменте Грёкорума*" Ш. Мюллера (*Греко-латинская библиотека Дидо*), т. ii. с. 496; Εν δὲ τῇ Βαβυλῶνι πολὺ πλῆθος ἀνθρώπων γενεσθαι ἀλλοεθνῶν κατοικῆσαντων τὴν Χαλδαίαν.

[36] Gaston Maspero, *Histoire ancienne des Peuples de l'Orient*, liv. ii. ch. iv. *La Chaldée*. Франсуа Ленорман, *Manuel d'Histoire ancienne de l'Orient*, liv. iv. ch. i. (3-е издание).

[37] Основные тексты, в которых встречаются эти термины, собраны в *Wörterbuch der griechischen Eigennamen* Папе (3-е издание), под словами Κισσία, Κισσιοί, Κοσσαιοί.

[38] Один голос, голос М. Халеви, возвышается в борьбе с этим мнением. Он отрицает, что в древнейших халдейских надписях нужно искать какой-либо язык, кроме семитского. По его словам, письмо, под которым, как утверждается, скрывается туранский идиом, является не более

чем вариацией ассирийской манеры обозначения слов, чем ранней формой письма, которая обязана своим сохранением квази-священному характеру, придаваемому ее чрезвычайной древностью. Мы не намерены обсуждать его тезис на этих страницах; мы должны отослать тех, кто интересуется этой проблемой, к диссертации М. Халеви в *Journal Asiatique* за июнь 1874 года: *Observations critiques sur les prétendus Touraniens de la Babylonie*". Мсье Станислас Гиар разделяет идеи мсье Халеви, которому его точные знания и тонкие критические способности оказывают немалую поддержку.

[39] Maspero, *Histoire ancienne*, p. 134. Об этимологии *туранцев* см. "*Науку о языке*" Макса Мюллера, 2-е издание, с. 300 и далее. О составных характеристиках туранской группы рас и языков можно прочесть на других страницах той же работы..... Различие между Тураном и Ираном можно найти в литературе древней Персии, но его значение возросло в средние века, как можно увидеть, обратившись к великому эпосу Фирдуси "*Шах-Наме*". Цари Ирана и Турана представлены в нем как непримиримые враги. Именно из персидской традиции профессор Мюллер позаимствовал термин, который сейчас обычно используется для обозначения тех северных рас Азии, которые не являются ни арийцами, ни семитами.

[40] Эту семью иногда называют *урало-алтайской*, термин, образованный по аналогии с *индогерманским*, который теперь вытеснен термином "арийский". Она состоит из названий двух горных цепей, которые, по-видимому, обозначают пространство, по которому распространялись ее племена. Как и слово "*индогерманский*", оно претендовало на точность, которая была оправдана лишь частично.

[41] Такого мнения придерживается М. Опперт. К выводу о том, что их письменность была изобретена в более северном климате, чем халдейский, его привело внимательное изучение ее знаков. Есть один знак, изображающий медведя, животное, которого нет в Халдее, а львы, которые встречались там в таком количестве, должны были обозначаться перефразировкой, их называли *большими собаками*. Пальма не имела никаких собственных признаков. См. в *Journal Asiatique* за 1875 год, p. 466, примечание к ответу М. Халеви под названием *Summérien ou rien*.

[42] Maspero, *Histoire ancienne*, p. 135.

[43] Эти вызывающие много споров термины, Шумер и Аккад, по мнению М.М. Халеви и Гиарда, не что иное, как географические названия двух районов Нижней Халдеи.

§ 4. Клинки.

Письменность Халдеи, как и Египта, вначале была не более чем сокращенным и условным изображением знакомых предметов. Принцип был идентичен тому, по которому египетские иероглифы и древнейшие китайские иероглифы. До наших дней не сохранилось ни одного текста, в котором использовались бы исключительно изображения, [44] но мы можем указать на несколько, где идеограммы сохранили свои примитивные формы в достаточной степени, чтобы мы могли с уверенностью распознать их происхождение. Среди ассирийских слоговых таблиц, которые так помогли в расшифровке клинописи, есть одна табличка, где примитивная форма каждого символа помещена напротив группы штрихов, имевших то же значение в последующие эпохи. [45]

Эта табличка, однако, совершенно исключительна, и, как правило, клинописные символы не могут быть таким образом прослежены до их первобытной формы. Но хорошо установленные и независимые факты позволяют нам прийти к определенным выводам, которые подтверждают даже эти скудные свидетельства.

Изобретая процесс письма и доводя его до совершенства, человеческий интеллект у туранцев Халдеи работал по тем же принципам, что и везде. Отправная точка и ранние этапы были одинаковыми у всех народов, хотя одни останавливались на полпути, а другие - когда три четверти пути были пройдены. Высшим открытием, которое должно увенчать эти усилия, является приписывание особого знака каждой из элементарных артикуляций человеческого голоса. Этот конечный объект, над которым столько веков трудились самые одаренные народы древности, египтяне просто упустили. Они, можно сказать, потерпели крушение в порту, и слава создания алфавита, которым люди будут пользоваться до тех пор, пока они думают и пишут, досталась финикийцам.

Даже когда их цивилизация была на пике своего развития, вавилоняне так и не приблизились к алфавиту, как египтяне. Здесь не место для выяснения причин их неудачи и даже для объяснения того, как знаки с фонетическим значением пробивались среди идеограмм и постепенно приобретали все большее значение. Наш интерес к этим двум видам письма имеет другую природу: мы должны изучить и объяснить их влияние на пластические искусства в тех странах, где они использовались.

Пытаясь определить стиль египетской скульптуры и объяснить ее особенности, мы были вынуждены придать большое значение привычкам глаза и руки, которые были предложены и подтверждены вырезанием и рисованием иероглифов. В своих монументальных надписях, если нигде больше, символы египетской системы сохранили свою конкретную образность до конца; и изображения, хотя и сокращенные и упрощенные, никогда не теряли своего сходства; [46] и если необходимо знать нечто большее, чем конкретное животное или вещь, которую они изображают, прежде чем мы сможем понять их значение, то это только потому, что в большинстве случаев они имели метафорическое или даже чисто фонетическое обозначение, а также идеографическое. В большинстве случаев, однако, легко определить их происхождение, и в этом они сильно отличаются от символов первого халдейского алфавита. В самых древних документах встречаются некоторые идеограммы, которые, когда мы предупреждены, напоминают нам о природных объектах, с которых были взяты их формы, но связь незначительна и трудноуловима. Даже в случае с теми символами, чьи формы наиболее ясно указывают на их истинное образное происхождение, было бы невозможно определить прототип каждого из них без помощи более поздних текстов, где они, с большей или меньшей модификацией, составляли части предложений, общее значение которых было известно. Наконец, ассирийские слоговые таблицы сохранили значение знаков, которые, насколько мы можем судить, в противном случае стали бы камнем преткновения даже для мудрецов Ниневии, когда они столкнулись с такими древними надписями, как те, чьи фрагменты до сих пор находят среди руин Нижней Халдеи.

Даже в те далекие времена, когда были вырезаны самые почтенные из этих надписей, изображения, на которых основывались их формы, были сделаны почти неузнаваемыми благодаря любопытной привычке или капризу, который является уникальным в истории. Письменность еще не стала полностью *клинописной*, она еще не приняла те треугольные штрихи, которые иногда называют гвоздями, иногда наконечниками стрел, а иногда клиньями, как исключительные составляющие ее характера. Если мы рассмотрим таблички, извлеченные г-ном Лофтусом из развалин Варки, древнего Эреха (рис. 1), или надписи на диоритовых статуях, найденных М. де Сарзекон в Телло (рис. 2), то обнаружим, что в тот далекий период, к которому относятся эти письмена, большинство знаков имели то, что мы можем назвать непрерывным следом. [47] Этот след, как и след иероглифов, был бы вполне пригоден для лаконичного подражания природным объектам, если бы не жесткое исключение тех изгибов, которые так любит природа. Это исключение полное, все линии прямые и пересекают друг друга под разными

углами. Ужас перед кривой зашел так далеко, что даже солнце, которое в египетской и других идеографических системах изображается кругом, здесь представляет собой ромб.

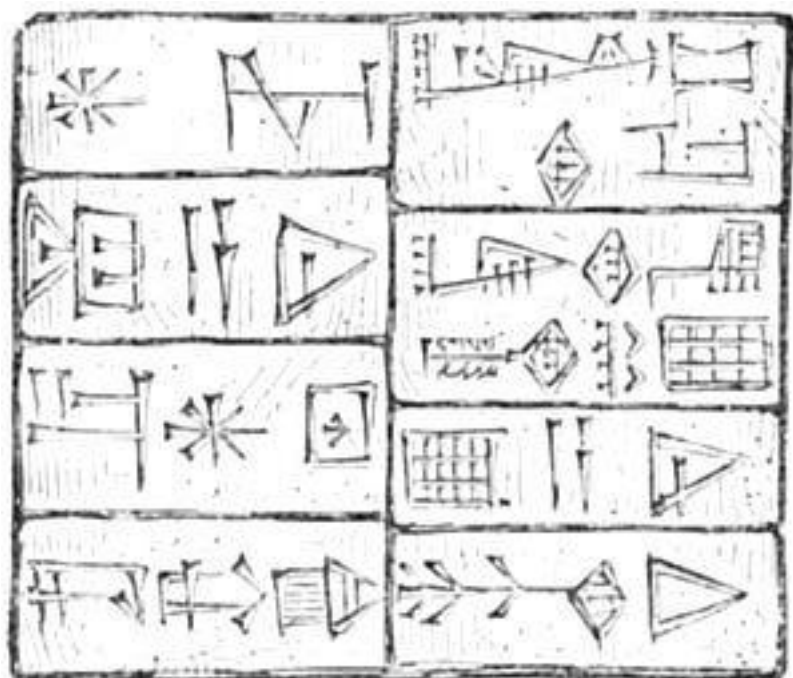

Рис. 1.- Кирпич из Эреха.

Очень маловероятно, что даже самые древние из этих текстов показывают нам халдейское письмо на его самой ранней стадии. Аналогия заставляет нас думать, что когда-то эти фигуры должны были быть более непосредственно подражательными. Однако, как бы то ни было, изображение должно было быть очень несовершенным с того дня, как прямолинейный след вошел в общее употребление. Фигуры должны были быстро превратиться в обычные знаки. Те, кто их использовал, уже не могли претендовать на реальное изображение объектов, которые они хотели обозначить. Они должны были довольствоваться тем, что предлагали свои идеи с помощью знака, значение которого определялось обычаем. Эта трансформация ускорилась благодаря определенным привычкам, которые навязались людям, как только они окончательно утвердились в земле Синар.

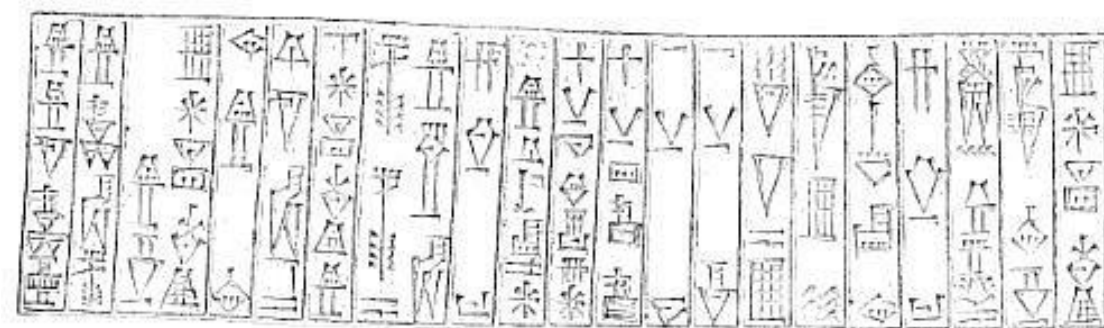

Рис. 2. Фрагмент

надписи, выгравированной на спине статуи из Телло. Лувр. (Длина 10¼ дюйма.)

Нам говорят, что в ассирийском языке есть некоторые выражения, которые заставляют поверить, что самая ранняя письменность была на коре деревьев, что она была первой поверхностью для писца в тех далеких северных регионах, откуда эмигрировали первые жители Халдеи. Несомненно, что обитатели этой обширной аллювиальной равнины были вынуждены в силу

самой природы почвы использовать глину для многих целей, к которым не прибегала ни одна другая цивилизация. В Месопотамии, как и в долине Нила, жителям было достаточно опуститься, чтобы подобрать отличную лепную глину, тонкую по текстуре и зернистую - глину, которая была оторвана от горных склонов двумя великими реками и отложилась в неисчерпаемых количествах по всей ширине двойной долины. Далее мы увидим, какую важную роль играли кирпичи, сырые, обожженные и эмалированные, в строительстве и украшении халдейских зданий. Из этого же материала было сделано большинство надписей.

Глина сочетала в себе удобство и долговечность, с которыми не мог сравниться ни один другой материал. Мягкая и влажная, она легко принимала форму любой фигуры, нанесенной на нее. Ловкий инструмент мог выгравировать символы на ее податливой поверхности почти так же быстро, как тростник - на папирусе, и гораздо быстрее, чем резец - в дереве. А в окончательном состоянии, в виде твердой терракоты, она могла прослужить гораздо дольше, чем дерево или папирус. После безопасного прохождения через печь ему нечего было бояться, кроме преднамеренного разрушения. Послание, вложенное в терракотовую плиту или цилиндр, могло быть окончательно утрачено только в результате превращения последних в порошок. В *Хилле*, городе, который сейчас занимает угол огромного пространства, некогда покрытого улицами Вавилона, и по сей день находят кирпичи, вмонтированные в стены, на которых ассирийский ученый может прочесть, как он бежит, царский стиль и титулы Навуходоносора. [48]

По мере развития цивилизации жители Персидского залива испытывали все большее влечение к искусству письма. Оно служило средством связи с отдаленными пунктами, а также связующим звеном между одним поколением и другим; с его помощью сын мог воспользоваться накопленным отцом опытом. Плита из терракоты была самым очевидным материалом для его получения. Она почти ничего не стоила, в то время как такая сложная материя, как египетский папирус, никогда не была очень дешевой. Плита легко поддавалась требуемому от нее воздействию, и писателю, доверившему свои мысли ее поверхности, достаточно было обжечь ее на час-другой, чтобы обеспечить им некую вечность. Эта последняя мера предосторожности не требовала длительного путешествия; печи для обжига кирпича должны были пылать день и ночь из одного конца Халдеи в другой.

Если мы на минуту задумаемся о свойствах материала и рассмотрим дошедшие до нас останки, то сразу поймем, во что превратилось письмо под тройным импульсом желания писать много, писать быстро и использовать глину так, как мы, современные, используем бумагу. Предположим, что мы вынуждены выводить на глине фигуры, линии которых требуют постоянного изменения направления; под каждым углом или поворотом придется поворачивать руку, а вместе с ней и инструмент, потому что поверхность глины, какой бы нежной она ни была, все равно будет оказывать определенное сопротивление. Такое сопротивление вряд ли стало бы препятствием, но в какой-то степени уменьшило бы скорость, с которой можно было бы управлять инструментом. Теперь, как только письмо вошло в обиход, большинство тех, кто использует его в обычных жизненных делах, не могут терять времени. Поэтому важно избегать любых препятствий, мешающих быстрой работе. Старинное письмо с его штрихами, то прерывистыми, то непрерывными, то толстыми, то тонкими, утомляло пишущего и отнимало много времени, и в конце концов на глину стали наносить несколько коротких, четких треугольных штрихов, каждый из которых по форме был похож на своего собрата. Поскольку все эти углубления имели одинаковую глубину и форму, а руке не приходилось ни менять давление, ни менять положение, с практикой она достигла чрезвычайной быстроты исполнения.

Некоторые утверждают, что инструмент, с помощью которого делались эти отметки, был найден среди месопотамских руин. Нам говорят, что это небольшой стилет из кости или слоновой кости со скошенным треугольным острием. [49] И все же, когда мы внимательно смотрим на эти

терракотовые надписи, мы начинаем сомневаться, что полые знаки, из которых они состоят, могли быть сделаны таким острием. Нет никаких признаков тех царапин, которые, как мы ожидали бы, оставил острый инструмент в процессе вырезания и удаления части глины. Общий вид поверхности наводит нас на мысль, что удары наносились путем вдавливания в глину какого-то инструмента с острым гребнем, напоминающим угол плоского правила, и что ничего не отрывалось, как в случае с деревом или мрамором, а оставался лишь отпечаток, полученный в результате вдавливания земли в себя. [50] Как бы то ни было, первым элементом клинописи был полый надрез, сделанный одним движением руки и имеющий форму, которую можно сравнить с сильно вытянутым треугольником. Эти треугольники были иногда горизонтальными, иногда вертикальными, иногда наклонными, и, располагаясь в более или менее сложных группах, могли легко содержать все необходимые символы. В ранние века элементы некоторых идеографических или фонетических знаков - знаков, которые впоследствии стали просто сложными группами клиньев, - были расположены таким образом, чтобы наводить на мысль о примитивных формах, то есть о более или менее грубо начертанных изображениях, из которых они первоначально возникли. Рыбу можно легко узнать в следующей группе : в то время как символ,

обозначающий *солнце*, , напоминает нам о ромбе, который был примитивным знаком для

этого светила. В двух символах и мы можем, проявив немного доброй воли, узнать *лопату* с ручкой и *ухо*. Но даже в самых древних текстах случаи, когда примитивные типы все еще узнаваемы, очень редки; клин почти во всех случаях полностью трансформировал и, так сказать, разложил их первоначальные черты.

Так обстоят дела даже в так называемой шумерской системе, а когда ее знаки и процессы были заимствованы другими народами, тенденция к отказу от образности, конечно, была еще более заметной. Теперь ясно доказано, что клинья служили, по крайней мере, четырем языкам, помимо того, на котором их придумали, и что при переходе от одного народа к другому их группы никогда не теряли фонетического значения, которое им приписывали их первые изобретатели. [51]

В отсутствие этой расширенной работы все попытки расшифровать клинья были бы с самого начала обречены на почти несомненный провал, но как только ее существование стало несомненным, появились все основания рассчитывать на успех. Он позволял переводить слова текста в фонетические символы, и тогда раскрыть их смысл было делом времени, терпения и метода.

Таким образом, мы видим, что система знаков, изобретенная первыми жителями Халдеи, пользовалась популярностью, подобной той, что была у алфавита финикийцев в Средиземноморском бассейне. Для всех народов Западной Азии она была мощным двигателем прогресса и цивилизации. Поэтому мы можем понять, как получилось, что клин, важнейший элемент всех тех групп, которые составляют клинопись, стал для ассирийцев одним из священных символов божественного разума. На камне, названном *Кайю-Мишо* по имени его первооткрывателя, он изображен стоящим на алтаре и принимающим молитвы и почести священника. [52] Он заслуживал всяческого уважения; благодаря ему вавилонский гений смог выработать и передать потомкам науку, из которой Греция извлекла столь значительную пользу.

И все же, несмотря на все услуги, которые она оказала, эта форма письма вышла из употребления к началу нашей эры; даже в стране своего происхождения она была вытеснена алфавитами, заимствованными у финикийцев. [53] У него был один серьезный недостаток: его фонетические знаки всегда слоги. Ни одно из сообществ, использовавших клин, не сделало того решающего

шага, честь которого принадлежит только финикийцам. Никто из них не зашел в анализе языка так далеко, чтобы свести слог к его элементам и отличить согласный, немой сам по себе, от гласного, от которого зависит, если можно так выразиться, его активная жизнь.

Все те расы, которые не заимствовали свой алфавит *целиком* у соседей или предшественников, а изобрели его сами, начинали с подражания предметам. Сначала мы имеем просто набросок, сделанный для удовлетворения какой-то особой потребности. [54] Чем больше повторялись эти фигуры, тем больше они стремились к единой стереотипной форме, причем эпитомизированной и условной. Они были лишь знаками, так что не было ни малейшей необходимости тщательно воспроизводить каждую черту оригинала, как если бы он копировался ради своей пластической красоты. Со временем письмо и рисование обрели самостоятельное существование, но сначала их нельзя было отличить одно от другого, второе было лишь использованием первого, и в каком-то смысле можно даже сказать, что письмо было первым и самым простым из пластических искусств.

В Египте это искусство оставалось более верным своему происхождению, чем в других странах. Даже достигнув наивысшего развития в этой стране и увенчав свои достижения изобретением настоящего алфавита, оно продолжало воспроизводить общие формы и очертания предметов. Иероглифы действительно были системой письма, с помощью которой все звуки языка могли быть отмечены и почти сведены к их конечным элементам; но они также были, вплоть до последнего дня, системой дизайна, в которой были тщательно выделены характерные черты родов и видов, если не отдельных людей.

Было ли то же самое в Халдее? Оказали ли методы и то, что мы можем назвать стилем национальной письменности, какое-либо заметное влияние на пластические искусства, на то, как понималась и воспроизводилась живая природа? Мы не думаем, что оказывали, и причину этого различия искать далеко не надо. Самые древние идеографические знаки Халдеи гораздо дальше от объектов, на которых они были основаны, чем египетские иероглифы; и когда клин стал основным элементом всех знаков, писец перестал давать даже самый отдаленный намек на реальные формы обозначаемых вещей. На протяжении всего периода расцвета могущественных империй в Месопотамии, творениями которых восхищались и копировали все народы Западной Азии, более или менее сложные группы и расположения клинописи, к какому бы языку она ни относилась, не имели иной цели, кроме как изображать иногда целые слова, иногда слоги, из которых эти слова состояли. В таких условиях кажется маловероятным, что формы письменных знаков могли внести большой вклад в формирование стиля художников, работавших с фигурами людей и животных. Можно сказать, что скульпторы и художники Халдеи не были, подобно египетским, учеными писцами.

И все же существует определенная аналогия между работой с надписями и барельефами. Несомненно, окончательное объяснение этого сходства следует искать в природе используемых материалов, но не менее верно и то, что письмо было гораздо более ранним и более общим искусством, чем скульптура. Халдейский художник, должно быть, выполнял свою лепку с помощью игры рук и инструментов, освоенной при вырезании текстов на глине и, тем более, на камне. Один и тот же удар резцом встречается в обоих случаях; очень уверенный, очень глубокий и немного резкий.

Как бы то ни было, мы не можем приступить к истории искусства в Халдее, не сказав ни слова о ее графической системе. Если и есть одно более важное доказательство великой роли халдеев в древнем мире, то это успех их письменности и ее распространение вплоть до берегов Эвксинского моря и восточных островов Средиземноморья. Недавно в Каппадокии было обнаружено несколько клинописных текстов, язык которых соответствует языку этой страны [55], а самые последние открытия позволяют сделать вывод, что киприоты заимствовали из Вавилонии

символы, которыми обозначались слова греческого диалекта, на котором говорили на их острове.
[56]

Нам еще предстоит посетить не одну знаменитую страну. В нашем путешествии по равнинам, где античная цивилизация была набросана и начала свой долгий путь к зрелости, мы, всякий раз, когда мы пересекаем границы нового народа, начнем с того, что обратим наше внимание на его надписи; и где бы мы ни встретили те символы, которые в своих древнейших формах встречаются в текстах из Нижней Халдеи, там мы обязательно найдем пластические формы и мотивы, примитивные типы которых можно проследить в остатках халдейского искусства. Письменность человека часто говорит нам о том, где прошли его ранние дни и под чьим руководством его юный интеллект получил тот изгиб, который может отнять только смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

[44] Нам сообщили, что в Сузах есть надпись подобного характера. Она была изучена, но пока не воспроизведена. Поэтому мы не можем использовать ее. См. Франсуа Ленорман, *Manuel d'Histoire ancienne*, vol. ii. p. 156.

[45] М. Ленорман воспроизводит эту табличку в своей *"Древней истории Востока"* (9-е издание, т. i. с. 420). Следует внимательно изучить всю последнюю главу этого тома. Она хорошо проиллюстрирована и написана с восхитительной ясностью. Те же теории и открытия подробно изложены во введении к большому труду М. Ленорманта под названием *"Essai sur la Propagation de l'Alphabet phenicien"*, из которого пока вышел только один том (Maisonnette, 8vo., 1872). В самом начале своих исследований М. Опперт обратил внимание на любопытные формы некоторых символов в древнейших надписях. См. *Expédition scientifique de Mésopotamie*, vol. ii. pp. 62, 3, в частности, параграф под названием *Origine Hiéroglyphique de l'Écriture anarienne*. Тексты, на которые опирались замечания ММ. Опперт и Ленорман были опубликованы под названием *"Ранние надписи из Халдеи"* в бесценном труде сэра Генри Роулинсона (*A Selection from the Historical Inscriptions of Chaldaea, Assyria, and Babylonia*, prepared for publication by General Major Sir Henry Rawlinson, assisted by Edwin Norris, British Museum, folio, 1861).

[46] См. *"История искусства в Древнем Египте"*, т. II. стр. 350-3 (?).

[47] Эта особенность еще более заметна на гравированной известняковой мостовой, которая была обнаружена в том же месте, но ее фрагменты настолько изуродованы, что не могут быть воспроизведены здесь.

[48] Layard, *Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon*, p. 506.

[49] Oppert, *Expédition scientifique de Mésopotamie*, vol. ii. pp. 62, 3.

[50] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. ii. p. 180.

[51] Список этих языков и сжатое, но ясное объяснение исследований, которые привели к более или менее полной расшифровке различных групп текстов, можно найти в *"Руководстве по древней истории Востока"* Ленормана, 3-е издание, т. ii. с. 153 и т. д. - "Несколько языков - до настоящего времени нам известно пять - придавали этим символам одно и то же фонетическое значение. Однако ясно, что эту систему должен был изобрести один народ", - Опперт, *Journal Asiatique*, 1875, p. 474. М. Опперт интересно описал способ дешифровки во *Введении* и в *Главе 1*. первого тома своего *"Научного исследования Мезопотамии"*.

[52] Репродукция этого камня будет приведена далее. Деталь, о которой идет речь, выгравирована в книге Лэйарда *"Ниневия и ее остатки"*, т. ii. с. 181.

[53] Самая поздняя клинописная надпись, которой мы располагаем, датируется временем Домициана. Она была опубликована М. Оппертом в *"Mélanges d'Archéologie égyptienne et assyrienne"*, vol. i. p. 23 (Vieweg, 1873, 4to.). Были обнаружены очень длинные, относящиеся ко времени Селевкидов и ранних Арсакидов.

[54] Отсюда и название *пиктография*, которое некоторые ученые применяют к этой примитивной форме письма. Термин достаточно ясен, но, к сожалению, плохо составлен: он представляет собой гибрид греческого и латинского, чего достаточно, чтобы не допустить его принятия нами.

[55] См. *Труды Общества библейской археологии*, двенадцатая сессия, 1881-2.

[56] См. Michel Bréal, *Le Déchiffrement des Inscriptions cypriotes* (*Journal des Savants*, август и сентябрь, 1877). На последней странице своей статьи М. Бреаль, полностью признавая возражения, утверждает, что "трудно избежать признания общего сходства (*difficile de méconnaître la ressemblance générale*)". Он отсылает нас к работе герра Деке, озаглавленной *Der Ursprung der Kyprischen Sylbenschrift, eine paläographische Untersuchung*, Strasbourg, 1877. Недавно была выдвинута еще одна гипотеза и предпринята попытка связать кипрский слог с пока еще малопонятной иероглифической системой хеттов. См. статью профессора А. Х. Сэйса *"Забывтая империя в Малой Азии"* в № 608 журнала *"Фрейзерс мэгэзин"*.

§ 5. История Халдеи и Ассирии.

Мы не можем попытаться описать историю этих великих империй, сменявших друг друга в Месопотамии вплоть до периода персидского завоевания. До недавнего времени их история была не более чем тканью сказок и легенд, за которой трудно было уловить проблеск немногих серьезно подтвержденных фактов, немногих людей, которые были больше чем тенью, и династий, последовательность которых можно было установить. Передний план занимали сказочные существа, такие как Нинус и Семирамида, скомпонованные живым воображением греков из черт, взятых от нескольких строителей и завоевателей Вавилона и Ниневии. Так и в случае с Египтом был выкован образ того великого Сесостриса, который так ярко вырисовывается на страницах греческих историков и объединяет в своем лице многих фараонов из главных фиванских династий. Романтические рассказы Ктесия были объединены Роллином и его единомышленниками с другими утверждениями, возможно, еще более сомнительной ценности. Книга Даниила была свободно использована, и все же несомненно, что она не была написана до года, когда умер Антиох Эпифан. Книга Даниила полемическая, а не историческая; Вавилон, в котором разворачивается ее действие, - это Вавилон из воображения; писатель выбрал его как наилучшую основу для своих уроков израильтянам и для угроз, которые он хотел излить на их врагов. [57] Лучшие материалы можно найти в других частях Библии, в *Царствах*, в *Хрониках* и у старших пророков. Но для критика было бы неблагоприятной задачей пытаться выработать гармоничный результат из свидетельств, столь различных по происхождению и ценности. Самые искусные критики потерпели бы неудачу в этой попытке. С такими материалами невозможно прийти к какому-либо согласованному результату, который был бы, не скажем, истинным, но вероятным.

Открытие Ниневии, исследование руин в Халдее и расшифровка клинописных надписей изменили все это, хотя многие детали еще предстоит заполнить, особенно в ранние периоды. Теперь мы можем проследить ведущие линии, обозначить основные разделы, одним словом, собрать воедино скелет будущей истории. Мы больше не знаем ни о происхождении вавилонской цивилизации, ни о том, в каких направлениях она распространялась; Мы можем осознать как сильные различия, так и тесные узы связи между Ассирией и Халдеей, понять, как качался маятник, который в течение двух тысяч лет смещал политический центр страны то назад, то вперед от Вавилона к Ниневии, в то время как от гор Армении до Персидского залива верования,

нравы, искусства, разговорные диалекты и письменные знаки сохраняли столько поразительных сходств, что их общее происхождение не вызывает сомнений.

Не проходит и года, как обнаруживаются свежие документы, а процесс перевода позволяет нам ретушировать и дополнять историю. ММ. Масперо и Ленорман представили нам ее в том виде, в каком она сложилась в результате их последних исследований, и мы воспользуемся ими для быстрого определения характера и приблизительной продолжительности каждого из тех периодов, на которые можно разделить двадцать веков развития. Тогда у нас появятся определенные точки опоры, по которым мы сможем ориентироваться в обширном регионе, памятники которого нам предстоит исследовать. Таким образом, если мы скажем, что определенный фрагмент относится к *первой* или *второй Халдейской империи*, наши читатели будут знать, возможно, не точную дату, но, по крайней мере, его относительный возраст, и все риски спутать время Уркама или Хаммураби со временем Навуходоносора будут исключены.

Когда мы пытаемся взобраться на поток истории и пронзить туман, который становится все гуще по мере приближения к его истоку, что же мы видим? Мы видим нижнюю часть бассейна, через который протекают реки-близнецы, полностью занятую племенами различного происхождения и крови, этнические особенности которых мы уже пытались указать. Эти смешанные народы разделены Тигром на две различные группы. Эти группы часто вступали в жестокие столкновения, и, несмотря на взаимные отношения, поддерживаемые в течение долгих лет, линия разграничения между ними всегда оставалась четкой.

На востоке, на равнине, окаймляющей реку, и на террасах, возвышающихся одна над другой до плоскогорья Ирана, находится страна, называемая греками Сузианой, а евреями - царством Элам. К западу от Тигра, в Месопотамии, медленно формируется первая Халдейская империя.

Восточное государство, столицей которого были Сузы, в отдельные периоды становилось великой военной державой и не раз насылало свои войска не только на Вавилонию, но и на сирийские провинции к западу от Евфрата. Но в этих кратковременных успехах, тем не менее, роль, которую играло это государство, была в целом подчиненной. Оно тратило себя на кровавые конфликты с месопотамскими империями, которым в конце концов подчинилось, но при этом, похоже, не сделало ничего для развития цивилизации ни отдельными изобретениями, ни общим упорством на путях прогресса. Мы очень мало знаем о его внутренней истории, нам нечего сказать о его религии и правительстве, о его нравах и законах; но тех немногих памятников, которые были обнаружены, достаточно, чтобы доказать, что его искусство не имело самостоятельного существования, что оно никогда не было чем-то лучшим, чем вторичной формой халдейского искусства, ветвью, отломанной от родительского ствола.

В случае с первой Халдейской империей мы лучше, или, скорее, менее плохо, информированы. Фрагменты Бероса дают нам некоторое представление о ее начале, по крайней мере, в той мере, в какой история сохранилась в национальных традициях, а остатки, по которым можно проверить и исправить традицию, более многочисленны, чем в случае с Сузианой.

Хроники, на которых Берос основывает свой труд, начинаются с божественной династии, которую сменила человеческая династия баснословной продолжительности. Эти легендарные государи, подобно библейским патриархам, жили по много веков, и к ним, как и к предшествовавшим им богам, были прикреплены определенные мифы, следы которых мы находим в дошедших до нас памятниках. Такими мифами были бог рыб Оаннес и халдейский потоп с его Ноем, Ксисутросом.

Этот двойной период с его неумеренной продолжительностью соответствует тем темным и запутанным векам, когда интеллект человека был поглощен постоянной и мучительной борьбой с природой, когда ему не было досуга ни вести счет времени, ни считать поколения по мере их прохождения. После этой длинной череды богов и героев Берозус приводит так называемую династию *Медиков*, в которой, как считается, сохранилась память о некоем периоде арийского господства. В любом случае, у нас есть серьезные основания полагать, что третья из династий Бероса с ее одиннадцатью царями была сусийского происхождения. Не говоря уже о других признаках, которые были изобретательно сгруппированы современной критикой, прямое подтверждение этой гипотезы можно найти в свидетельствах Библии. В последней мы находим Хедорлаомера, царя Элама, хозяина всего бассейна Тигра и Евфрата во времена Авраама. Среди его вассалов были Амрафель, царь Шинара, и Ариох, царь Элласара, двух главных городов Ассирии. [59] Все сомнения в этом вопросе исчезли после того, как были расшифрованы тексты, в которых Ассурбанипал, последний из ниневийских завоевателей, восхваляет свои подвиги. В двух из этих надписей он рассказывает, как взял Сузы через 1635 лет после того, как эламский царь Чедорнахунта завоевал Вавилон; он нашел в этом городе священные статуи, которые были вывезены из Эреха эламским царем. Он вернул их в Халдею и установил в святилище, из которого они были насильственно удалены. [60]

Ассурбанипал взял Сузы в 660 году. Вся древность утверждает, что вавилоняне и сирийцы очень рано почувствовали вкус к хронологии. Это доказывает одноименная система ассирийцев, которую следует предпочесть египетской привычке датировать свои памятники только годом текущего царствования. [61] Более того, разве не увековечили древние славу астрономических таблиц, составленных халдеями и основанных на наблюдениях, относящихся к очень отдаленной эпохе? Такие таблицы не могли быть составлены без строгого учета времени. Таким образом, у нас нет причин сомневаться в цифре, названной Ассурбанипалом, и его хроника может быть принята за самую древнюю дату в истории Халдеи - 2 295 год до н. э., как год завоевания Суз.

Эламитская династия сменилась, согласно Беросу, исконной халдейской династией. Беросус - а его даты пользуются большим уважением - помещает появление этой новой царской семьи в 2 047 году, давая ей сорок девять государей и 458 лет продолжительности. Таким образом, мы доходим до завоевания Месопотамии египетскими фараонами восемнадцатой династии. Имена халдейских князей были переписаны теми византийскими хронистами, которым мы обязаны дошедшими до нас немногочисленными и короткими фрагментами "Бероса".

С другой стороны, надписи, выкопанные на месте халдейских городов, предоставили нам пятьдесят царских имен, которые, как предполагается, могут быть приписаны к периоду, основные разделы которого мы только что изложили. Ассириологи классифицировали их настолько хорошо, насколько могли - на основе более или менее архаичных символов их языка и письма, на основе элементов, из которых состоят имена собственные, и на основе отношений, которые, как показывают некоторые тексты, существовали между одним принцем и другим - но они все еще далеки от создания непрерывного ряда, подобного тому, который был организован для фараонов даже Древней империи. Прерывания часты, а об их масштабах мы не можем даже догадываться. Первобытная Халдея, к несчастью, не оставила после себя такого документа, как список Мането, который помог бы нам в расположении царских имен, которыми усыпаны памятники.

Мы даже не знаем, как следует читать самое раннее царское имя на надписях; скорее для того, чтобы не говорить о нем в пересказе, чем по какой-либо другой причине, имя Оуркам было присвоено принцу, чьи следы можно найти на развалинах большинства южных городов. Символы текстов, выбитые на кирпичах, найденных в зданиях, возведенных им, имеют, как известно всем ассириологам, своеобразную физиономию. Оуркам - это Менес Халдейский, и его дата

установлена задолго до Сусийского завоевания, о котором мы говорили выше. Печати Оуркама (см. [рис. 3](#)) и его сына Илги [\[62\]](#) были найдены. Имя последнего встречается среди руин Южной Халдеи почти так же часто, как и имя его отца.

Рис. 3.- Печать

Оуркама.

К этой отдаленной эпохе относятся древнейшие города Нижней Халдеи: Ур, ныне *Мугейр* или *Битум*, Урух, ныне *Варка*, Ларсам (*Сенкерч*), Нипур (*Ниффер*), Сиппара, Борсиппа, Вавилон и др. Ур, расположенный на правом берегу Евфрата и недалеко от его древнего устья, по-видимому, был первой столицей страны и ее главным торговым центром в те ранние времена.

Превосходство Вавилона как священного города и резиденции царской власти было установлено не ранее, чем много позже. Вся страна между Хиллой и Бассорой сейчас мало чем отличается от пустыни. То тут, то там возвышаются несколько палаток или тростниковых хижин, принадлежащих арабам Монтефик, племени диких кочевников, наводящих ужас на путешественников.

Европейцам удавалось исследовать эту негостеприимную страну лишь в исключительных обстоятельствах. [\[63\]](#) И все же именно там, за две-три тысячи лет до нашей эры, произошло смешение идей и рас, положившее начало цивилизации Халдеи.

Чтобы найти царя, которому мы можем дать вероятную дату, мы должны спуститься вплоть до Исми-Дагана, который должен быть отнесен к четвертой династии Бероса. Тиглат-Пилесер Первый, правивший в Ассирии в конце двенадцатого века, оставил нам официальный документ, в котором рассказывает о том, как он восстановил в Элласаре (ныне *Калех-Шергат*) храм Оаннеса, основанный Исми-Даганом за семьсот лет до этого. Таким образом, мы вынуждены поместить последнего царя около 1800 года. [\[64\]](#) В то же время мы узнаем, что во времена Исми-Дагана Ассирия была населена народом, который заимствовал своих богов из Халдеи и был зависим от правителя последней страны. На самом деле именно на берегах Персидского залива, достаточно далеко от Ассирии, Оаннес сделал свое первое откровение, и именно в Уре, в том же регионе, имена Исми-Дагана и его сыновей Гун-Гуна и Самсибина можно найти выбитыми на кирпичках. Поэтому мы можем рассматривать их эпоху как ту, в которую первая халдейская империя достигла своего апогея. Тогда она охватывала всю Месопотамию, от склонов горы Загрос до впадения двух великих рек.

Властители Халдеи, подобно фараонам Египта, с умом и неустанным упорством трудились над освоением ресурсов обширной области, хозяевами которой они себя считали. Они положили начало великим общественным работам, память о которых сохранилась здесь и там до наших дней. С момента появления в стране первых колонистов, какой бы расы они ни были, они должны были заняться регулированием водных потоков; они должны были принять меры, чтобы использовать наводнения для формирования запасов и использовать естественное падение земли, пусть и незначительное, для распределения удобрительной жидкости. Первые группы земледельцев были основаны в непосредственной близости от Тигра и Евфрата, где для орошения полей не требовалось ничего, кроме нескольких каналов, прорубленных в берегах реки, но когда пришло время заселять области, расположенные на некотором расстоянии от обеих рек, потребовались более продуманные меры; необходимо было разработать систематический план и осуществить его путем согласованных действий. О том, что цари Халдеи вполне справились с возложенной на них задачей, свидетельствуют надписи Хаммураби, одного из преемников Исми-Дагана, переведенные и прокомментированные М. Жоахимом Менаном. [65]

Канал, которому этот царь похвастался тем, что дал свое имя, *Нахар-Хаммураби*, в более поздние времена назывался царским каналом, *Нахар-Малча*. Геродот видел его и восхищался им, его хорошее состояние было предметом заботы самого царя, и мы знаем, что он был значительно отремонтирован Навуходоносором. Ее можно сравнить с главной артерией; от нее вправо и влево отходили более мелкие сосуды, которые в свою очередь разветвлялись на еще более мелкие и заканчивались капиллярами, несущими прохладу к корням каждой жаждущей пальмы. Даже в наши дни путешественник в провинции Багдад может час или два идти по одному из этих древних русел, не сворачивая ни вправо, ни влево, а их берега, хотя и сильно изломанные во многих местах, все еще возвышаются над окружающей почвой и служат желанной дорогой для путешественников по болотистым равнинам. [66] Все эти кажущиеся случайности земли - остатки великих гидротехнических сооружений той Халдейской империи, которая начала проступать сквозь тени прошлого около двадцати лет назад и с тех пор постепенно обретает форму. Когда цивилизация решится вновь войти в эту страну, для пробуждения в ней жизни и репродуктивной энергии не потребуется ничего другого, кроме восстановления великих работ, предпринятых современниками Авраама и Иакова.

По всей видимости, именно египетское завоевание около шестнадцати веков до нашей эры привело к разделу Месопотамии. Вавилонский трон заняли вассалы Тотмеса и Рамсеса, которых Берос называет "арабскими царями". Племена Верхней Месопотамии находились дальше от Египта, и их вождям было легче сохранять независимость. Сначала у каждого города был свой князь, но со временем одно из этих мелких царств поглотило остальные, и Ниневия стала столицей единой Ассирии. С годами границы образованного таким образом государства постепенно отодвигались на юг, пока вся Месопотамия не оказалась под единым скипетром. Это завершение, по-видимому, произошло к концу четырнадцатого века, когда Египет, ослабевший и откатившийся назад, перестал оказывать свое влияние на Евфрат. Даже тогда Вавилон сохранил своих собственных царей, но они стали не более чем наследственными сатрапами, получавшими инвентуру из Ниневии. Вавилон снова и снова пытался сбросить иго своего соседа, но вплоть до седьмого века его восстания всегда подавлялись, а господство Ассирии восстанавливалось после более или менее отчаянных конфликтов.

В течение почти полувека, примерно с 1060 по 1020 год до н. э., Вавилон, похоже, восстановил свое превосходство. Победы ее князей положили конец так называемой Первой Ассирийской империи. Но через одно или два поколения новая семья взойшла на северный трон и, энергично работая в течение столетия или около того, чтобы утвердить величие монархии, основала Вторую

Ассирийскую империю. Верхняя страна восстановила свое господство с помощью военных институтов, детали которых сейчас от нас ускользают, хотя их результаты можно проследить на протяжении всей последующей истории Ассирии. Начиная с X века, последствия этих институтов становятся заметны в походах армий Ассирии то к берегам Персидского залива или Каспия, то через горы Армении в равнины Каппадокии, то через сирийскую пустыню в Ливан и прибрежные города Финикии. Первые князья, чьи фигурные памятники - в отличие от простых надписей - дошли до нас, принадлежали к тем временам. Самым древним из них был Ассурназирпал, чья резиденция находилась в Калахе (*Нимруде*). Барельефы, которыми был украшен его дворец, сейчас находятся в Лувре и Британском музее, причем большинство из них - в последнем. [67] Их можно сразу узнать по полосе надписей, проходящей через фигуры и вновь и вновь воспроизводящей один текст (рис. 4). Сыну Ассурназирпала Шалманезеру III принадлежит обелиск из базальта, который также находится в Британском музее. Его четыре грани украшены рельефами и бегущим комментарием, выгравированным с особой тщательностью. [68]

Рис. 4.- Гений в позе поклонения. Из северо-западного дворца в Нимруде. Лувр. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Шалманесер был бесстрашным военным человеком. Надписи на его обелиске рассказывают о событиях тридцати одной кампании, проведенной против соседних народов под

предводительством самого царя. Он всегда побеждал, но народы, которые он сокрушал, никогда не признавали поражения. Как только он поворачивался спиной, они бросались к оружию и снова отрывали его от отдыха в большом дворце, который он построил в Калаче, рядом с дворцом своего отца. [69]

При ближайших преемниках Шалманесера *престиж* Ассирии поддерживался на высоком уровне благодаря все тому же обильному кровопролитию и яростной энергии; но ближе к VIII веку он начал падать. Наступил период томления и упадка, отголоски которого и сопутствующих ему бедствий, по-видимому, были воплощены греками в романтической истории о Сарданапале. В надписях нет ни тени подтверждения истории о первом разрушении Ниневии, и в середине того же века мы снова видим ассирийское оружие торжествующим под предводительством Тиглата Пилесера II, царя, созданного по образцу великих воинов прежних времен. Этот принц, похоже, пронес свое победоносное оружие далеко на восток, до Инда, и на запад, до границ Египта.

И только при его втором преемнике, Сарьюкине, или, чтобы дать ему популярное имя, Саргоне, основателе новой династии, Сирия, за исключением Тира, была полностью покорена после великой победы над египтянами (721-704). [70] В перерывах между своими походами Саргон построил город и дворец, которые были обнаружены в Хорсабаде, *Дур-Сарьюкине*, или "городе Саргона".

Его сын Сеннахериб превзошел его и как солдат, и как строитель. Вначале он с непоколебимой суровостью подавил мятежников Элама и Халдеи; в гневе он почти истребил жителей Вавилона, вечного очага восстаний; но, с другой стороны, он отремонтировал и восстановил Ниневию. Большинство его предшественников отсутствовали в столице и пренебрегали ее постройками. Они предпочитали размещать свои жилища там, где можно было скрыться от толпы и связанных с ней опасностей. Но Сеннахериб был другого мнения. Он выбрал место в черте города для великолепного дворца, который мистеру Лэйярду удалось вернуть миру. Это здание теперь известно как *Куюнджик*, по названию деревни, расположенной на кургане, внутри которого были спрятаны постройки Сеннахериба. [71]

Одновременно Сеннахериб отстроил стены, башни и набережные Ниневии, так что столица, которая никогда не переставала быть самым сильным и густонаселенным городом империи, снова стала резиденцией царя - это отличие она сохраняла до скорого наступления даты своего окончательного разрушения.

Сын Сеннахериба, Эсархаддон, и его внук, Ассурбанипал, продвинули приключения и завоевания ассирийского оружия еще дальше. Они покорили весь север Аравии и не раз вторгались в Египет. Они взяли и отвоевали Мемфис и Фивы, разделили всю долину Нила от эфиопской границы до моря на множество вассальных княжеств, чья покорность была гарантирована слабостью и взаимной ревностью их повелителей. Всегда готовый к восстанию, Вавилон снова подвергся разграблению, а Сузиана, помогавшая мятежникам, была разграблена, опустошена и настолько разгромлена, что была на грани того, чтобы навсегда исчезнуть со сцены как независимое государство. Был момент, когда великая семитская империя, основанная Саргонидами, коснулась даже Эгеиды, так как Гигес, царь Лидии, обнаружив, что ему угрожают киммерийцы, принес почести Ассурбанипалу и попросил помощи против этих врагов всей цивилизации. [72]

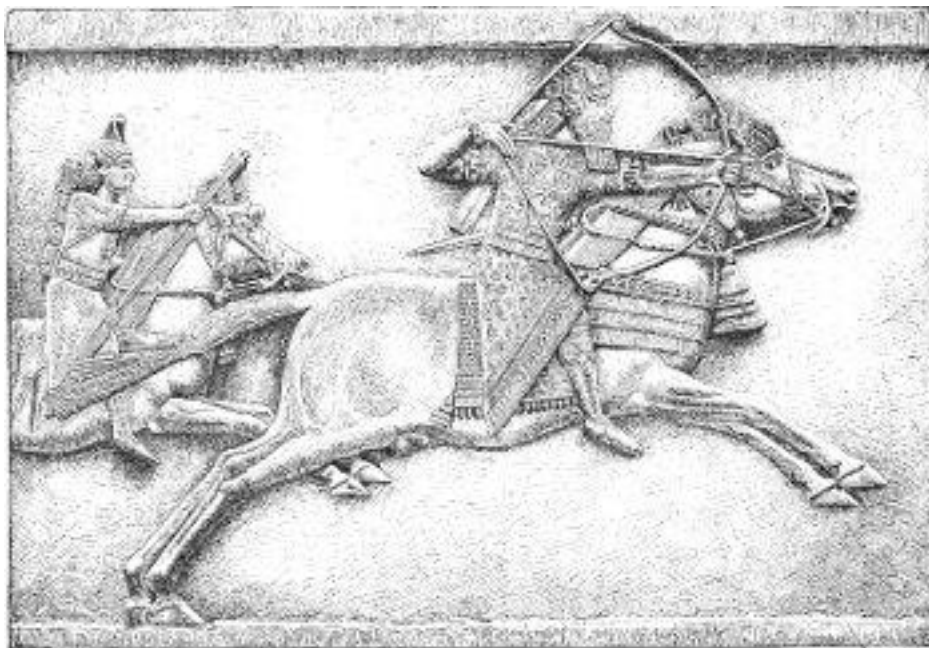

Рис. 5.- Ассурбанипал в

погоне. Куйнджик. Британский музей. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Как и их предки, эти великие воины были также великими строителями. В одной из своих надписей Эсархаддон хвастается тем, что построил десять дворцов и тридцать шесть храмов в Ассирии и Халдее. [73] Некоторые следы одного из этих дворцов были найдены в *пределах* Ниневии, в Небби-Юнасе; но Эсархаддон оставил следы своего великолепия главным образом в Нимруде. При нем был начат дворец, названный Юго-западным, из-за его расположения в кургане. Он так и не был закончен, но в плане был более грандиозным, чем все остальные царские жилища. Если бы он был завершен, то в нем был бы самый большой зал, когда-либо построенный ассирийским архитектором для помпы ниневитского двора.

Ассурбанипал был жесток в победе и неутомим в погоне. Судя по его барельефам, он гордился львами, которых убивал сотнями на своих охотах, а также людьми, истребляемыми тысячами во время его войн и военных походов, или пленниками, которых он гнал перед собой, как стада беспомощного скота, из одного конца Азии в другой. Судя по всему, он также был покровителем литературы и искусства. Именно при нем во дворце в Куйнджике была собрана коллекция терракотовых табличек с надписями, [74] из которой сегодня удалось извлечь множество фрагментов. Он приказал переписать несколько древних текстов, которые были впервые нарезаны за много веков до этого в Уре Халдейском. По сути, он собрал ту царскую библиотеку, чьи останки, хоть и пострадавшие от времени, все же являются одним из самых ценных сокровищ Британского музея. Среди них можно найти документы самых разных видов: сравнительные словари, списки божеств с их отличительными эпитетами, хронологические списки царей и эпонимических героев, грамматики, истории, таблицы астрономических наблюдений, научные труды различных описаний и т. д., и т. п. Эти таблички были классифицированы по темам и расположены в нескольких комнатах верхнего этажа, так что они сильно пострадали при обрушении полов и крыш. Очень немногие из них не пострадали, но во многих случаях их удалось собрать воедино. При первом обнаружении эти разбитые останки покрывали полы погребенного дворца на глубину около двух футов. [75]

Здание не менее примечательно богатством и красотой своих барельефов. У нас еще будет повод воспроизвести не одну из представленных там сцен охоты, первую иллюстрацию которых мы приводим на противоположной странице. В кургане Небби-Юнас были обнаружены остатки другого дворца, построенного тем же принцем.

Никогда еще империя не казалась такой сильной и процветающей, как сейчас, и все же она была близка к своему падению. Саргониды умели воевать и грабить, но они не предпринимали постоянных усилий, чтобы объединить различные народы, которые они успешно завоевывали и топтали ногами. Ассирийцев сравнивают с римлянами, и в некоторых отношениях параллель удачна. Они проявляли римскую энергию в ведении непрерывной борьбы, а солдаты, которые так часто приносили победу на штандартах Сеннахерибов и Шалманезеров, были в свое время, как и легионы консулов и диктаторов в более поздние годы, лучшими войсками в Азии: они были лучше вооружены, лучше дисциплинированы и лучше руководили, чем солдаты соседних государств, более привычные к усталости, к долгим маршам и быстрым перестроениям. Таким образом, объясняется блеск их успеха и его продолжительность, ведь вожди империи, похоже, никогда не подозревали о ловкой политике, которая впоследствии должна была привязать к римскому скипетру столько покоренных народов. Первая потребность цивилизованного человека - это безопасность: надежда или, скорее, уверенность в том, что он сможет спокойно пользоваться плодами своего труда. Когда эта уверенность ему обеспечена, он быстро прощает и забывает нанесенные ему обиды. Этот факт постоянно игнорировался восточными завоевателями, и ассирийскими завоевателями больше, чем другими. Египтяне и персы, похоже, время от времени преуспевали в примирении подвластных им рас и в смягчении взаимной ненависти, уделяя некоторое внимание их политическим нуждам. Но ассирийцы полагались исключительно на террор. И все же одного поколения часто хватало, чтобы стереть память о самых жестоких бедствиях. Сыновья не учились на опыте своих отцов, и, хотя разгоняли и уничтожали их множество раз, враги Ассирии никогда не признавали своего поражения. В навязанном им подчинении они жаждали мести, а выплачивая дань, считали часы и зорко следили за каждым движением своего повелителя. Стоило ему зайти в какую-нибудь дальнюю провинцию или ввязаться в затяжные военные действия, и они тут же бросались к оружию. Если принц воевал в Армении или на границах Каспия, против него поднимались Халдея и Сузиана; если оспаривал долину Нила у эфиопов, в его тылу восставала Сирия, и мятеж распространялся по равнинам Азии с быстротой пожара в прерии.

Таким образом, ни один вопрос не получил окончательного решения. На следующий день после тяжелейшей победы борьба должна была начаться заново. Самые сильные и храбрые истощали себя в такой игре. Каждая кампания оставляла бреши в рядах правящих и воюющих классов, и со временем их очевидные привилегии становились самым тяжким бременем. Это же бремя вот уже столетие медленно разрушает доминирующую расу в современной Турции. Представители этой расы занимают почти все официальные посты, но им приходится снабжать и армию. С тех пор как был отменен обычай набирать ее из детей христиан, оторванных от семьи в младенчестве и обращенных в исланизм, численность армии сокращается год от года. Еще одна-две войны, подобные последней, и род Османов вымрет.

Потери в боях стали главной причиной упадка государства, которое не смогло дисциплинировать подвластные народы и включить их в свои армии. Дальнейшее объяснение можно найти в вялости и истощении, которые со временем одолевают самых воинственных принцев, самых храбрых генералов и самые закаленные расы-завоеватели. Несколько лет расслабленной бдительности, ленивого и мягкосердечного государя достаточно, чтобы выпустить на свободу все накопившиеся силы неповиновения и объединить их в одно грозное усилие. Таким образом, мы видим, что во многих отношениях ничто не могло быть более шатким, чем процветание той Ассирии, чьи наглые триумфы так часто поражали мир со времен воцарения Саргона.

Первое потрясение пришло с севера. Около 632 года вся западная Азия была внезапно захвачена варварами, которых греки называли киммерийскими скифами. *С быстротой*, которой не могло противостоять ничто, они распространились по стране, лежащей между берегами Каспийского и

Персидского заливов; они угрожали даже границам Египта. Открытые города были разграблены и разрушены, поля и сельскохозяйственные деревни безжалостно опустошены. Благодаря высоте и толщине защитных стен Ниневия, Вавилон и некоторые другие города избежали разграбления, но Месопотамия в целом жестоко пострадала. У жителей ее обширных равнин не было недоступных вершин или скрытых долин, куда они могли бы отступить, пока волна разрушений не пройдет дальше. Через несколько лет скифы, нагруженные добычей, ушли в степи Центральной Азии, откуда их потомки спустя шесть веков вновь стали угрожать существованию цивилизации; они оставили после себя Ассирию и Халдею, наполовину лишенные своих жителей.

Работу, начатую скифами, завершили меды. Это были арийские племена, долгое время подчинявшиеся ассирийцам, которые начали формироваться как народ в первой половине седьмого века и под предводительством Киаксара, настоящего основателя их власти, уже после смерти Ассурбанипала напали на Ниневию. Это вторжение привело к своего рода вынужденному перемирию, но когда медяне смелым ударом, которым так восхищается Геродот, заставили скифов отступить в свои пустыни, они быстро возобновили наступление [76]. Мы не можем проследить все колебания конфликта; сведения, оставленные ранними историками, туманны и противоречивы, и у нас нет клинописных надписей, которые могли бы нам помочь. После падения Ниневии глиняные цилиндры и алебастровые плиты больше не покрывались клиньями ассирийских писцов. Они подробно рассказывали о своих победах и завоеваниях, но ни один из них, насколько нам известно, не позаботился о том, чтобы проследить мрачную историю окончательного поражения.

Все, что мы можем предположить, это то, что последний правитель Ниневии пал перед коалицией, в которой главные роли играли Медия и Халдея [77]. Набополассар, полководец, которому он доверил оборону Вавилона, вступил в союз с Киаксаресом. Ассуредилани заперся в своей столице, где сопротивлялся, сколько мог, и в конце концов поджег свой дворец и позволил сжечь себя живьем, чем попасть живым в руки врагов (625 г. до н. э.). Ниневия, "жилище львов", "кровавый город", увидела свой последний день; "Ниневия опустела, - говорит пророк Наум, - кто будет оплакивать ее?" [78]

Современный историк пожалеет Ассирию больше, чем еврейский поэт, искренний истолкователь национальной ненависти, которой способствовали частые и жестокие раны, нанесенные национальной гордости. Мы можем простить Ниневии многое, потому что она так много писала и так много строила, потому что она покрыла так много глины своими наконечниками стрел и так много стен своими резными рельефами. Мы прощаем ее за то, что руинам ее дворцов и разбитым фрагментам ее скульптур мы обязаны большей частью наших современных знаний о великой цивилизации, некогда заполнявшей бассейн Тигра и Евфрата. Цари Ассирии продолжали строить дворцы до последнего момента. Каждое царствование пополняло ряды царских жилищ, в которых каждая камера была заполнена надписями и живыми фигурами. Некоторые из этих сооружений были возведены в самой Ниневии, некоторые - в соседних городах. У юго-восточного угла кургана в Нимруде были раскопаны остатки дворца, начатого Ассуредилани. Его строительство было прервано медами и скифами, так что он остался недостроенным. Его предполагаемая площадь была очень мала. Комнаты были узкими и плохо устроенными, а их стены были украшены у подножия плитами из голого известняка вместо скульптурного алебаstra. Над образовавшимся цоколем они были покрыты грубо выполненной росписью по штукатурке, а не эмалированным кирпичом. И план, и декор свидетельствуют о спешке и беспокойстве. Акт суверенитета должен был быть совершен, но всякая уверенность в завтрашнем дне исчезла. С того момента, как ассирийская скульптура достигла своего наивысшего расцвета в правление Ассурбанипала, материальные ресурсы царства и количество квалифицированных рабочих медленно, но постоянно сокращались. [79]

Ниневия разрушена, империя, столицей которой она была, исчезла вместе с ней. Новая Вавилонская империя, империи мидов и персов сменяли друг друга с такой быстротой, что ассирийские герои и их доблесть вполне могли быть забыты. Слабые воспоминания, которые они оставили в памяти людей, окрасились в цвета романтики. Греки получили удовольствие от басни о Сарданапале: они развили ее в нравоучительную сказку с замысловатыми образами и показательными контрастами, но не изобрели ее с нуля. Первый намек на нее, должно быть, дали легенды о падении и разрушении Ниневии, бытовавшие в городах Экбатана, Сузы и Вавилон, когда Ктесий находился в их стенах.

После уничтожения Ниневии мидяне и халдеи поделили между собой Западную Азию. Семейный союз был заключен между Набополассаром и Киаксаром в момент согласования нападения, которое должно было иметь столь блестящий успех, и то ли в результате этого союза, то ли по каким-то неизвестным причинам эти два народа остались добрыми друзьями после общей победы. Мидяне удержали Ассирию и распространились на север, на всю страну между Каспием и Черным морем. Они дошли бы до Эгеиды, если бы не существование Лидийской монархии, которая задержала их на левом берегу Халиса. К югу от этих регионов сформировалась Вторая Халдейская империя (625-536 гг. до н.э.). Она не пыталась распространиться на восток, на плато Ирана, где арийский элемент в лице медов, а вскоре и персов, приобретал все больший перевес, но претендовала на суверенитет в Египте и Сирии. В первой стране, однако, саитские князья возродили национальный дух, и границы успешно удерживались против захватчиков. Иначе обстояло дело с еврейским народом. Саргон взял Самарию и положил конец Израильскому царству; Иудейское царство было уничтожено Навуходоносором. Благодаря своему островному положению Тир избежал участи Иерусалима, но остальная часть Финикии и вся северная Сирия были покорены Вавилоном.

Во всем этом регионе семитский элемент уже давно теснил другие элементы, которые предшествовали ему и были связаны с ним в самом начале. Во всей Месопотамии говорили и писали только на одном языке, на языке, который мы сейчас знаем как *ассирийский*, но должны называть *ассиро-халдейским*. Различия в диалектах между севером и югом не имели большого значения, и речь идет о языке, на котором написаны надписи в обеих странах.

Необходимо упомянуть еще об одном изменении. Наши читатели помнят названия Ур, Эрех и многие другие города, которые сыграли большую роль в ранней истории страны и поочередно были ее столицами. Однако со временем Вавилон приобрел неоспоримое превосходство над всеми ними. Резиденция ассирийских наместников во времена господства Северного царства, он стал метрополией новой империи после падения Ниневии. Остальные города, не потеряв ни своей численности, ни своего процветания, опустились до уровня провинциальных городков.

В течение ста лет Вавилон подвергался жестокому обращению со стороны ассирийцев, следствием чего были нескончаемые восстания. Набополассар начал работу по восстановлению, а его сын Навуходоносор, настоящий герой Второй Халдейской империи, с энтузиазмом продолжал ее на протяжении всего своего долгого царствования. "Он восстановил каналы, соединявшие Тигр с Евфратом над Вавилоном; отстроил мост, обеспечивавший сообщение между двумя половинами города; отремонтировал большие резервуары, в которых первые цари ловили и хранили излишние воды Евфрата во время ежегодных наводнений. На этих работах в огромном количестве были заняты его военнопленные, сирийцы и египтяне, евреи и арабы. Великая стена Вавилона была возведена заново; храм Нево в Борсиппе тоже; водохранилище в Сиппаре, царский канал и, по крайней мере, часть озера Паллакопа были раскопаны; Кути, Сиппара, Борсиппа, Вавилон возвысились на своих собственных руинах. Навуходоносор был для Халдеи тем

же, чем Рамсес II был для Египта, и нет ни одного места в Вавилоне или около него, где бы не встречалось его имя и следы его чудесной деятельности". [80]

Навуходоносор царствовал сорок три года (604-561) и оставил Вавилон самым большим и прекрасным городом Азии. После его смерти наступил быстрый упадок. В течение нескольких лет на троне сменяли друг друга несколько царей, а на плато Ирана совершалась революция, которой суждено было стать роковой для Халдеи. Господство в этом регионе перешло от слабых и истощенных медов в руки персов, другого народа того же происхождения. Последние представляли собой племя горцев, кипящее природной энергией, и их сила была систематически организована молодым и доблестным вождем, которому они полностью доверяли, потому что он вселил в них веру в себя. Кир начал с завоевания Мидии, Ассирии и Малой Азии, заставив народы, жившие между южными границами Персии и горами Верхней Индии, признать его верховенство. Наконец, он собрал свои силы для нападения на Халдею, и в 536 году Вавилон пал перед его руками.

И все же Вавилон не исчез из истории в один день; он не был разрушен, как Ниневия, одним ударом. Кир, похоже, не причинил ей вреда. При персидских царях он оставался одним из главных городов империи. Но она не отказалась от своей привычки бунтовать при каждом удобном случае, и Дарий, сын Гистаспеса, устав от осады, закончил тем, что разобрал ее укрепления, а Ксеркс пошел дальше и разграбил ее храмы. Но главные здания остались стоять. В середине пятого века они вызвали восхищение Геродота, а пятьюдесятью годами позже - Ктесия. Страбон, напротив, находил это место почти пустыней. [81] Вавилон был разрушен после основания Селевкии на Тигре, на расстоянии более тридцати миль от древней столицы. Пораженный красотой ее памятников и преимуществами места, Александр задумал восстановить Вавилон и предложил сделать его своей постоянной резиденцией; но он умер, не успев осуществить свое намерение, и Селевк Никатор предпочел построить город, который должен был называться в его честь и по крайней мере увековечить его имя. Новый город насчитывал до шестисот тысяч жителей. При парфянах Ктесифон сменил Селевкию, а на смену ему пришел Багдад, арабская метрополия халифов. Этот новейший город мог бы сравниться со своими предшественниками по великолепию, если бы торговые пути не претерпели столь значительных изменений с начала современной эры, и, прежде всего, если бы турки не стали хозяевами страны. Можно не сомневаться, что следующее поколение увидит, как цивилизация Запада вновь овладеет плодородными равнинами, на которых она родилась и вскормилась, а от берегов Средиземного моря до берегов Персидского залива будет проведена железная дорога. Такая дорога была бы самым прямым путем из Европы в Индию, и ее строительство пробудило бы Халдею к лихорадочной активности нашей современной жизни. Населенная, орошаемая и обрабатываемая в самых отдаленных уголках, она снова стала бы такой же плодородной, как в былые времена. Ее станция на обочине скоро превратит ее города в такие же густонаселенные, как при Навуходоносоре, и мы даже можем предположить, что ее значение в будущем уменьшит ее прошлое до незначительности и сделает ее столицу таким Вавилоном, какого мир еще не видел.

ПРИМЕЧАНИЯ

[57] Th. Noeldeke, *Histoire littéraire de l'ancien Testament*, французская версия. См. главы vii.

[58] Этот рассказ о сказочном происхождении цивилизации в Халдее и Ассирии можно найти во второй книге Бероса. См. *Fragmenta Historicorum Græcorum* X. Мюллера, т. I. fr. 4, 13. Книга i. посвящена космогонии, книга iii. - Второй Халдейской империи.

[59] *Бытие* xiv.

[60] F. Lenormant, *Manuel de l'Histoire ancienne*, vol. ii. p. 24. Смит (*Ассирийские открытия*, стр. 224) помещает взятие Сузы в 645 г. и, таким образом, приходит к дате 2280 г. до н.э.

[61] Ленорман (Lenormant, *Manuel de l'Histoire ancienne*, vol. ii. p. 65) рассказывает о системе, по которой специальные магистраты давали свое имя каждому году, и о списках, которые сохранились.

[62] Этот список был недавно найден в Багдаде после того, как долгое время считался утерянным. Теперь он находится в Британском музее.

[63] Он был посещен в лучших условиях и лучше всего описан У. Кеннетом Лофтусом, который находился в нем с 1849 по 1852 год. Прикрепленный в качестве геолога к английской миссии под командованием полковника, впоследствии генерала сэра Фенвика Уильямса из Карса, которой было поручено разграничить турко-персидскую границу, он был обеспечен достаточным количеством сопровождающих и мог останавливаться там, где ему заблагорассудится. Он был страстным путешественником и прекрасным наблюдателем, и наука понесла настоящую утрату после его смерти. Единственная работа, которую он оставил после себя, может быть прочитана с удовольствием и пользой, а именно: "*Путешествия и исследования в Халдее и Сузиане, с отчетом о раскопках в Варке, "Эрейхе" Нимрода, и Шуше, "Шушанском дворце" Эстер*", 8vo, Лондон: 1857. Статьи Дж. Э. Тейлора, английского вице-консула в Бассоре, помещенные в том хв. "*Журнала Азиатского общества*" (1855), также могут быть прочитаны с пользой. Он прошел по той же самой территории, а также провел раскопки в некоторых местах Нижней Халдеи, которые были пройдены г-ном Лофтусом. Наконец, М. де Сарсек, французский консул в Бассоре, которому мы обязаны любопытной серией халдейских предметов, недавно пополнивших богатства Лувра, получил возможность исследовать тот же регион благодаря дружбе могущественного арабского вождя. Очень хотелось бы, чтобы он дал нам полный отчет о своем пребывании и о поисках, которые он проводил.

[64] Lenormant, *Manuel de l'Histoire ancienne*, vol. ii. p. 30.

[65] J. Ménant, *Inscriptions de Hammourabi, Roi de Babylone*; 1863, Paris. Эти надписи - самые древние документы фонетического характера, дошедшие до нас. См. Oppert, *Expédition scientifique*, vol. i. p. 267.

[66] Ker Porter, *Travels in Georgia, Persia, etc.*, 4to., vol. ii. p. 390. Layard, *Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon*, p. 535. "Александр, после того как он перенес резиденцию своей империи на восток, так хорошо понимал важность этих великих работ, что приказал очистить и отремонтировать их и лично руководил работами, управляя своей лодкой собственными руками по каналам".

[67] Этот дворец назывался *Северо-западным*.

[68] Layard, *The Monuments of Nineveh, from Drawings made on the spot, Illustrated in one Hundred Plates* (large folio, London: 1849), plates 53-56.

[69] Сейчас он называется *Центральным дворцом в Нимруде*.

[70] Главным трудом по этому периоду, самому блестящему и самому известному в ассирийской истории, являются "*Фауты Саргона*" М. М. Опперта и Менана. Oppert и Ménant (Париж: 1865).

[71] Дворец занимал весь юго-западный угол кургана.

[72] Масперо (*Histoire ancienne*, p. 431) отсылает нас к авторам, которые перевели и объяснили надпись, в которой рассказывается об отношениях между царями Лидии и Ассирии. Главным из них является Джордж Смит, который в своей "*Истории Ассурбанипала*" объединил и прокомментировал различные тексты, из которых мы узнаем факты этого блестящего царствования. О ранней смерти этого молодого ученого нельзя не сожалеть. Несмотря на свою сравнительную молодость, он многое добавил к нашим знаниям об Ассирии, и, кроме того, ему принадлежит заслуга распознавания истинного характера кипрского алфавита.

[73] Rawlinson, *The Five Great Monarchies*, vol. ii. p. 196.

[74] Северный дворец.

[75] Эта библиотека всегда привлекала внимание ассириологов, и наиболее сохранившиеся из ее текстов были опубликованы в разное время под руководством сэра Генри Роулинсона и Джорджа Смита. Эти тексты были переведены на английский, французский и немецкий языки и активно обсуждались учеными всех трех стран. Читатель также может ознакомиться с небольшим томом, предоставленным М. Ж. Менаном в *Эльзевирскую восточную библиотеку* под названием: *La Bibliothèque du Palais de Ninive*. 1 том. 18мо., 1880 г. Эрнест Леру.

[76] Геродот, i. 106.

[77] Геродот (i. 106) упоминает об этом важнейшем событии лишь в паре слов, в которых он обещает дать более полный отчет обо всем деле в другой работе - *ἐν ἑτέροις λόγοις* - несомненно, в той "*Истории Ассирии*" ("*Ἀσσυριοὶ λόγοι*" i. 184), которая либо никогда не была написана, либо вскоре была утрачена. Диодор, который приводит косвенные подробности как коалиции, так и осады, датирует ее на столетие раньше, меняет все имена и примешивает к своему рассказу множество басен (ii. 23-28). Чтобы составить правильное представление о катастрофе и ее дате, мы должны полагаться главным образом на утраченных историков, таких как Абиденус и Александр Полигистор, фрагменты работ которых сохранили для нас Евсевий и Георгий Синцелл. См. Rawlinson, *The Five Great Monarchies*, etc., vol. ii. pp. 221-232.

[78] Нахум ii. 11; iii. 1, 7.

[79] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. ii. pp. 38-39. *Discoveries*, p. 655.

[80] Maspero, *Histoire ancienne*, p. 506.

[81] Страбон, xvi. i. 5.

§ 6. Халдейская религия.

О религии Халдеи мы знаем гораздо меньше, чем о религии Египта. Религиозных памятников в Месопотамии гораздо меньше, чем в долине Нила, и их значение менее ясно. Их серии не столь разнообразны и не столь полны, как в более ранних цивилизациях. Определенные порядки сюжетов повторяются до пресыщения, в то время как другие, которые были бы более интересными, полностью отсутствуют.

Именно в погребальных надписях сердце человека, прикоснувшееся к тайне могилы, обнажает свои чаяния с наибольшей откровенностью и простотой. Движимое желанием избежать уничтожения, с одной стороны, и посмертных страданий - с другой, именно здесь он обращается с самыми горячими призывами к высшей силе и позволяет нам прийти к ясному пониманию его

представлений о действии, характере и силе божества. В Мемфисе, Абидосе и Фивах подобные документы были найдены тысячами, а сопровождающие их рисунки служили комментариями к их тексту и помогали нам прояснить все сомнения относительно их природы. Таким образом, из глубин каждой египетской гробницы доносятся голоса; но халдейские гробницы немые. В ней нет ни надписей, ни барельефов, ни росписей. До сих пор не найдено ни одного ассирийского захоронения.

Посвящения, фразы, выражающие почтение тому или иному божеству, имена и отличительные эпитеты богов - все это встречается в Месопотамии; иногда *in situ*, в виде художественных украшений, иногда в виде гравированных фрагментов неизвестного происхождения. То же самое можно сказать и о различных божественных типах. Иногда мы находим их в монументальной скульптуре, чаще на тех печатях, которые мы называем *цилиндрами*. Но как неясны, неполны и бедны эти документы по сравнению с длинными страницами иероглифов, в которых фараоны обращаются к своим богам или заставляют их говорить за себя! Как бесконечно уступают по выразительности и значимости огромные картины, покрывающие стены фиванских храмов и представляющие перед нами всех представителей египетского пантеона в их черед! Какова надежда, что раскопки в Халдее и Ассирии когда-нибудь дадут нам такие останки, как те группы статуй, которые заполняют наши музеи, где чучело одного бога повторяется сотни раз со всеми вариациями типа, позы и атрибутов, данных ему египетской теософией? С одной стороны, какое изобилие, можно сказать, какое сверхизобилие; с другой - какая бедность, какие зияющие бреши в цепи материальной истории! Среди богов и джинов, чьи имена дошли до нас, как мало тех, чьи изображения мы можем с уверенностью указать; и, опять же, как мало фигур, которым мы можем дать имя, не боясь ошибиться!

Написать историю этих верований - трудная задача, и не только потому, что *идолов*, как их когда-то называли, мало, а халдейско-ассирийские надписи скорее исторические и повествовательные, чем религиозные и догматические, но и потому, что интерпретация текстов, особенно древнейших, гораздо менее развита, чем интерпретация иероглифов. Когда речь идет о документах на старом языке или, по крайней мере, написанных примитивными идеографическими символами, речь идет скорее о гадании, чем о переводе в строгом смысле этого слова.

Следует отметить еще одну трудность: классическая литература практически ничем не помогает нам заполнить эти пустоты и рассеять неясности, которые они вызывают. Греки совершали множество ошибок, пытаясь понять и описать чужие религии, но их отношения с египтянами и финикийцами были столь продолжительными и, в конце концов, столь близкими, что в конце концов им удалось постичь некоторые из доктрин, преподаваемых в святилищах Гелиополя и Фив, Библа и Иераполя. С их живым умом они вряд ли могли посещать храмы, осматривать священные изображения и расспрашивать жрецов о национальных обрядах и церемониях, не узнав хотя бы части истины. С Халдеей дело обстояло иначе. Вавилон был слишком далеко. Вплоть до завоеваний Александра самые смелые путешественники не заглядывали на его улицы и в монументальные здания, а Ниневия к тому времени уже давно перестала существовать. Только при первых Селевкидах, когда в центре Месопотамии было основано македонское царство, любопытство греков заставило их предпринять поиски, подобные тем, которые они вели на протяжении трех столетий в долине Нила. Мы не можем сомневаться, что это желание получить информацию возникло у самих последователей этих принцев; многие из них были очень умными людьми; и когда Берос решил написать свою историю на греческом языке, он, возможно, хотел ответить на вопросы, заданные ему греческими писателями и философами; теми александрийцами, которые не все находились в Александрии. К сожалению, почти вся его работа была утеряна.

В конце полутора веков Вавилон избавился от эллинизма, а Месопотамия попала в руки парфян. Этот народ в какой-то степени повлиял на поэзию и искусство Греции, но в основе своей был не более чем восточными варварами. Их столица, Ктесифон, кажется, никогда не привлекала ученых людей и никогда не была местом тех исследований прошлого древних рас, которыми так увлекались культурные города греческого мира. Когда Рим стал наследником Греции и увековечил ее традиции, можно полагать, что при Траяне он начал утверждаться в этой стране; но вскоре он счел необходимым отступить за Евфрат, и это была его потеря, когда парфяне утратили власть, а на смену им в Месопотамии пришли Сасаниды. [82]

Таким образом, мы видим, что, за исключением одного короткого периода, Халдея была тем, что греки называли варварской страной после падения ее родной королевской власти, и что это мало поможет нам в наших попытках понять природу и масштабы ее религиозных верований. Последний из афинских философов, Дамасий, безусловно, оставил нам некоторые сведения о вавилонских божествах, которые, похоже, были взяты из достоверных источников. [83] Это, вместе с несколькими фрагментами из работы Бероса, все, что донесла до нас эллинская традиция. Здесь нет ничего, что можно было бы хотя бы отдаленно сравнить с трактатами об Исиде и Осирисе и богине Сирии, сохранившимися под именами Плутарха и Лукиана.

Но мы не можем приступить к обсуждению халдейского искусства, не сделав попытки описать суть национальной религии и ее главных персонажей. В каждой стране высшей функцией искусства является воплощение религиозных представлений народа в зримые формы. Архитектор, скульптор, художник, каждый по-своему, воплощают эту идею; первый - в размерах, которые он придает своим храмам, в их плане и в украшении их стен; второй и третий - в выборе черт, выражений и атрибутов для образов, в которых боги становятся видимыми для людей. Четкость и точность воплощения идеи зависит от природных способностей расы и возможностей имеющихся материалов. Пластиковые творения, по своей природе, всегда должны уступать мысли, которую они призваны выразить; они ни в коем случае не могут выйти за ее пределы. Эта истина нигде не проявляется так ярко, как в искусстве Греции. К счастью, там мы можем увидеть, как одна тема обрабатывается, в первую очередь, в поэзии, - толкователе народных верований, - а затем и в искусстве; мы можем узнать, как Фидий и Пракситель, если говорить только о скульпторах, обрабатывали типы, созданные Гомером и Гесиодом. В случае с Халдеей у нас нет такой возможности. Она не оставила нам ни памятников сакрального богословия, подобных тем, что мы унаследовали в таком бесчисленном количестве из Египта, ни блестящей образности, в которой оды и эпосы греков обрисовывали личности богов. Но даже в Халдее искусство было тесно связано с религией, и, несмотря на сложность задачи, историк искусства должен попытаться пронзить тени, которые заслоняют этот вопрос, и обнаружить узы союза между ними.

Благодаря недавно расшифрованным текстам мы знаем кое-что о религиозных обрядах и верованиях древнейшего народа, населявшего Месопотамию и оставившего свой след в истории. Как бы мы их ни называли - аккадами или сумирами, или обоими именами сразу, - мы знаем, что для них вся вселенная была населена огромной толпой духов, одни из которых обитали в недрах земли, другие - в море, а третьи плавали на ветру и зажигали в небе огни дня и ночи. [84]

Как среди людей есть хорошие и плохие, так и среди этих духов одни были благосклонны, другие - наоборот, а третий класс был полезен или вреден в зависимости от того, умилялись ли его подношениями или раздражали пренебрежением. Очень важно было знать, как прибегнуть к услугам духов, когда они требовались. Использование определенных жестов, звуков и членораздельных слов оказывало таинственное, но неотразимое воздействие на этих невидимых существ. Как это происходит, никто не спрашивал, но в том, что это происходит, никто не сомневался. Высшей из наук была магия, ибо она хранила нити, с помощью которых управлялись обитатели невидимого мира; хозяином земли был колдун, который мог заставить их повиноваться

ему кивком головы, словами или заклинанием. Мы можем составить некоторое представление о практических результатах такой системы на основании того, что нам известно о нравах и социальном состоянии тех туранских племен в Азиатской России, которые исповедуют то, что называется *шаманизмом*, а также о состоянии большинства негритянских племен и жителей Полинезийских островов. Среди всех этих людей, которые все еще остаются в умственном состоянии, от которого остальные представители рода давно избавились, мы находим самые высокие места, занятые жрецами-магами. Время от времени народная ярость заставляет их жестоко расплачиваться за неудачу своих заклинаний, но, как правило, их лица и приписываемая им безграничная власть не внушают ничего, кроме презренного страха.

Страх, по сути, является основным чувством во всех религиях, в которых есть вера в духов. Человек никогда не может быть уверен, что, несмотря на все свои предосторожности, он не навлечет на себя недовольство таких требовательных и капризных хозяев. Возможно, какое-то условие сделки, которую постоянно заключают с покровителями, ничего не дающими за просто так, было невольно упущено. "Духи и их поклонники одинаково эгоистичны. Как правило, озорные духи получают больше почтения, чем добрые; тех, кто, как считается, живет рядом, боятся больше, чем тех, кто находится на расстоянии; те, кому отведена какая-то особая *роль*, считаются более важными, чем духи с более широким, но менее определенным авторитетом".

[85]

Конечно, бывали моменты, когда люди с благодарностью обращались к скрытому благодетелю, которому они считали себя обязанными за какое-то неожиданное исцеление или неожиданный успех, когда радость и уверенность двигали их сердцами при мысли о действенной защите от будущих бед; но такие моменты были немногочисленны и коротки. Привычным чувством была тревога, можно даже сказать, ужас, так что когда воображение пыталось придать конкретные формы существам, о которых шла речь, оно представляло их скорее как объекты страха, чем любви. Настал день, когда искусство попыталось материально воплотить мечты, которые до этого смутно виделись во сне или в еще более смутных видениях в часы бодрствования, и для этого, естественно, были выбраны отвратительные и угрожающие черты. Именно этим объясняются многочисленные фигуры демонов, найденные в Халдее и Ассирии, иногда в барельефах, иногда в виде небольших бронзовых фигурок и терракот. Человеческое тело увенчано головой разъяренного льва с собачьими ушами и лошадиной гривой; руки держат длинные острия, ноги заменены ногами хищной птицы, вытянутые когти, кажется, вцепляются в землю (*рис. 6*). Жесты варьируются, правая рука то вытянута вниз во всю длину, то согнута в локте, но сочетание форм, характер фигуры и ее замысел всегда одинаковы. Мы еще не раз столкнемся с этим типом, когда будем говорить о Каппадокии.

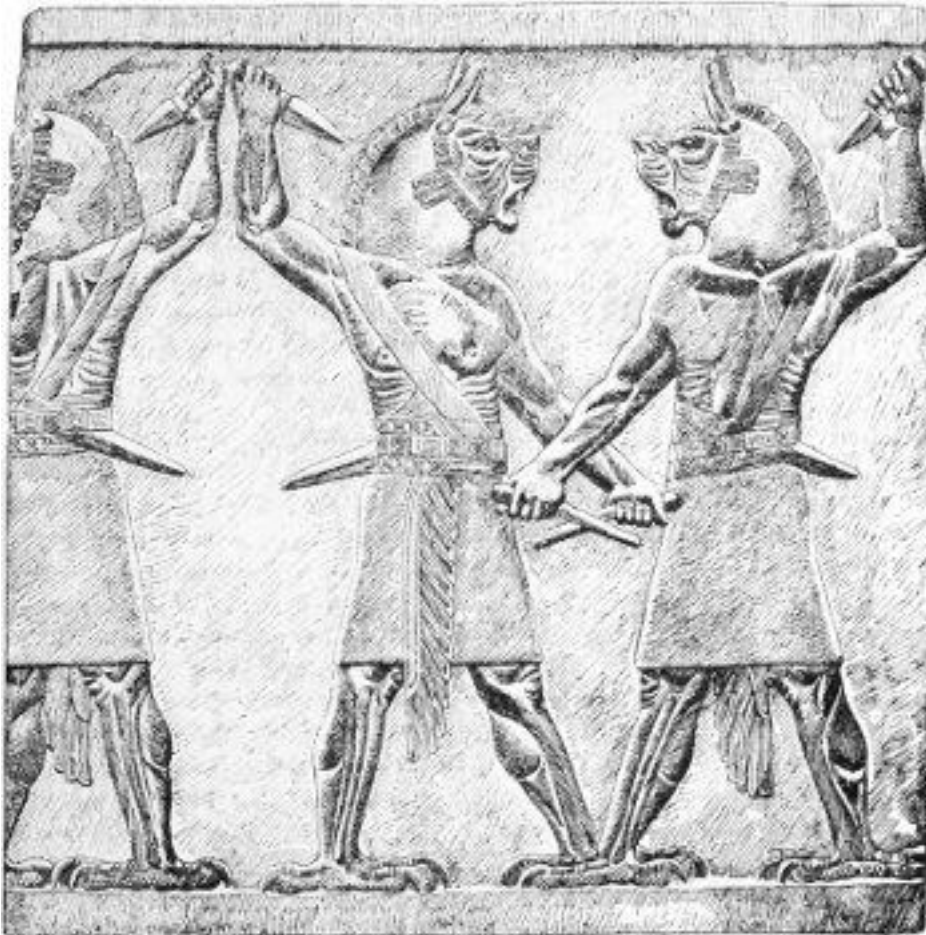

Рис. 6.- Демоны; из дворца

Ассурбанипала в Куюнджике. Британский музей. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Эта вера в духов - вторая фаза, через которую должна пройти первобытная религия, изученная нами в Египте под названием *фетишизм* или *анимизм*. [86] Вначале простое существование отождествляется с жизнью. Все вещи наделяются душой, подобной той, которую человек ощущает в себе. Поклоняются таким безжизненным предметам, как камни и горы, деревья и реки, а также полезным и вредным животным. [87] Каким бы детским ни казалось нам поклонение духам, оно, по крайней мере, является продвижением вперед. Оно предполагает определенную способность к размышлению и абстрагированию, благодаря которой люди пришли к выводу, что интеллект и воля не обязательно связаны с телом, которое можно увидеть и потрогать. Жизнь была мобилизована, если можно так выразиться, и таким образом мы пришли к *полидемонизму*; под этим мы понимаем теорию, которая разделяет управление миром между толпой джинов, которые, хотя часто воюют между собой, всегда более могущественны, чем человек, и могут причинить ему много вреда, если он не сумеет завоевать их помощь и добрую волю.

Рис. 7.- Демоны. Лувр.

Поклонение звездам - лишь одна из форм этого религиозного представления. Великие светила ночи и дня, конечно же, наделялись жизнью и силой людьми, которые чувствовали себя в такой полной зависимости от них.

Рис. 8.- Орлиноголовое

божество, из Нимруда. Лувр. Алебастр. Высота сорок дюймов. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Насколько мы можем судить, примитивная форма фетишизма оставила лишь слабые следы в религии цивилизованных Халдеи и Ассирии. Мало признаков того поклонения священным камням, которое играло такую важную роль у семитов запада и даже у греков, [88] и мы не можем найти, чтобы страх или благодарность когда-либо приводили к поклонению животным, покорным помощникам или грозным врагам человека, в той же степени, как это было в Египте. И все же Халдея и Ассирия последовали примеру Египта, смешав формы людей и животных в своих священных статуях. Об этом мы знаем как из текстов, так и из фигурных памятников. Но не только в зарождающемся искусстве первобытного населения использовались такие сочетания, и не только низшие джины были представлены в такой необычной манере.

Рис. 9.- Ану или Дагон. Нимруд. Layard, Discoveries, p. 350.

Когда в результате развития религии капризное и неуправляемое множество духов было поставлено под власть небольшого числа высших существ, эти существа, которых мы можем назвать богами-властителями, часто изображались с головами львов или орлов (см. [рис. 8](#)). Еще до того, как были найдены подобные изображения, мы уже знали от Бероса, каким было божество, благодаря которому на земле зародились первые зародыши искусства и письма. "Все тело у него было как у рыбы, но под головой рыбы у него была другая голова [человека], а под хвостом рыбы были человеческие ноги. У него также был человеческий голос, и его изображения еще не найдены". [89] Было найдено более одного скульптурного типа, отвечающего этому описанию (см. [рис. 9](#)).

Почему при создании божественных типов искусство придавало такое большое значение чертам, заимствованным у низших животных? Было ли это вызвано простой неспособностью различить по разным чертам, формам и поведению разных богов, созданных воображением? Или же мы должны рассматривать приписывание тому или иному божеству форм, заимствованных у быка, льва или орла, как намеренный акт символизма, призванный намекнуть, что боги, о которых идет речь, обладают качествами животных, из которых отчасти состояли их личности? Чтобы прийти к справедливому выводу, мы, конечно, должны принять во внимание как сопротивление материала, так и возможности, которые прозрачная система аллегорий дала бы художнику в

разработке его мысли; мы должны также признать, возможно, что национальный интеллект был готов искать и восхищаться такими комбинациями. Возможно, он был предрасположен к ним привычкой восхищаться терпеливой силой тягловой лисицы и разрушительной мощью орла и льва, приобретенной в течение долгих лет.

Историческая аналогия и изучение скульптурных типов заставляют нас думать, что племена Месопотамии прошли через те же религиозные фазы, что и племена долины Нила, но, похоже, что самые примитивные верования были менее долговечны в Халдее, чем в Египте, и что они были менее глубоко выгравированы в сердце народа.

Вера в колдовство никогда не угасала в Халдее; до самых последних дней древности она не теряла своей власти, по крайней мере, над низшими слоями народа. Со временем жрецы присоединили астрологию к магии. Как происходил этот переход, можно легко понять. Маг начинал с поиска заклинаний, достаточно сильных, чтобы заставить повиноваться не только вульгарную толпу джинов, но и тех, кто в виде больших и малых звезд населяет небесные просторы и являет себя человеку блеском своих огней. Если предположить, что он хорошо владеет своим искусством, то его успех не вызывал бы сомнений в отношении его клиентов.

Спустя много веков после возникновения этого необычного заблуждения даже греки и римляне не отказывались верить в то, что магические формулы иногда обладали той силой, о которой в них говорилось. "Инкантация, - вызывает брошенный любовник у Вергилия, - может спустить с неба саму луну".

"Carmina vel cælo possunt deducere lunam". [90]

Хотя простые умы позволяли себе верить, что подобные чудеса не совсем невозможны, опытные люди не могли не видеть, что, несмотря на призывы, обращенные к ним жрецами и магами, ни солнце, ни луна никогда не покидали своего места на небосводе и не прерывали своего ежедневного движения. Когда надежда повлиять на действие звезд угасала, желание изучить их движение становилось все сильнее. В славные ночи Халдеи великолепие неба возбуждало не только любопытство, но и восхищение людей, а чистота воздуха облегчала наблюдение. То тут, то там, в более густонаселенных и лучше орошаемых частях равнины, в определенные периоды над землей стелились легкие туманы, но они не были реальной помехой для наблюдения. Чтобы избежать их, нужно было лишь слегка приподняться над равниной. Стоило наблюдателю подняться на несколько футов над самыми высокими пальмами, и никакие облака не мешали его глазам перемещаться от огней, пылающих в зените, к бледным звездам, сгрудившимся на горизонте. Не было никаких случайностей на земле, с помощью которых астроном мог бы подняться над дымом городов или туманом, висящим над озерами и каналами, и чтобы компенсировать их отсутствие, вскоре должны были появиться массивные и многоэтажные башни, которые люди начали строить, как только научились делать кирпичи и класть их. Эти башни возводились на искусственных насыпях, которые сами по себе были выше самого высокого дома или пальмы. Таким образом, платформы на их вершинах создавали самые благоприятные условия для наблюдения за небом до изобретения телескопа. [91]

Благодаря климату и этим великим обсерваториям, которые очень рано в халдейской истории появились по всей равнине, небо можно было читать как открытую книгу; и халдеи любили такое чтение, потому что оно давало им, как они думали, надежное средство предсказания будущего. Они не очень-то верили в силу своих самых грозных заклинаний повлиять на величественную закономерность небесных движений - закономерность, которая, должно быть, впечатляла каждое поколение сильнее, чем предыдущее, когда оно сравнивало свой собственный опыт с наблюдениями тех, кто был до него. Но они не могли убедить себя в том, что могущественные джинны, направляющие эти великие тела в их бесконечном путешествии, могут быть безразличны

к судьбам человека и что между ним и ними не существует никаких уз, никакой таинственной связи. Они претендовали на то, чтобы обнаружить эту скрытую связь. Когда ребенок произносит свой первый крик, между новой жизнью и одним из бесчисленных тел, населяющих космос, устанавливается интимная связь, заявляли они. Бесстрастная звезда, по их словам, управляла жизнью и судьбой смертного, который, возможно, по незнанию считал себя хозяином самого себя и хозяином некоторых из тех, кто был рядом с ним. Будущее каждого человека определялось характером звезды, которая председательствовала при его рождении, и в зависимости от положения, занимаемого ею на небе в момент какого-либо важного действия в его жизни, это действие будет удачным в своем исходе или наоборот. [92] В этих утверждениях содержится зародыш всех будущих разработок астрологии. Среди всех цивилизованных народов эта мнимая наука наконец-то утратила свою былую славу. С самой далекой древности и до конца XVI века, а кое-где и гораздо позже, она пользовалась редкой силой и престижем. Следы этого еще можно найти не в одном знакомом выражении, напоминающем о верованиях и идеях, которые сформировались на равнинах Месопотамии задолго до того, как на берегах двух великих рек возвысились дворцы Вавилона и Ниневии.

Астрология не могла не сгладить путь для астрономии, ее преемницы. Чтобы извлечь пользу из указаний звезд, необходимо было предугадать, какие позиции они займут на небе в тот или иной день или час. Многие начинания удаются только тогда, когда они тщательно продуманы. Если предстоит идти на большой риск, то нет особого смысла получать советы и предупреждения звезд в последний момент, когда решающий шаг, возможно, уже сделан и отступление невозможно. Тогда уже поздно будет задумываться о шансах на успех, и слишком частым результатом станет внезапный отказ от уже начатого дела или столь же внезапное принятие задачи, к которой не было достаточной подготовки.

Избежать подобной опасности или затруднений можно было только одним способом: во-первых, путем многократных наблюдений точно знать маршрут, которым следуют звезды по небу, и скорость их движения; во-вторых, отличать их друг от друга, знать каждую по имени, узнавать ее физиономию, характер и привычки. Первой обязанностью астролога было подготовить такой перечень и выяснить принцип этих движений; тогда и только тогда он мог дать удовлетворительный ответ на вопрос, где будет находиться та или иная звезда по истечении определенного количества дней, недель или месяцев. Благодаря такой информации его клиент мог бы закрепить счастливое сочетание небесных тел или, по крайней мере, избежать момента, когда их влияние окажется на стороне бедствия. В любом важном деле наиболее благоприятный час мог быть выбран задолго до того, человек, которого это касалось, - час, когда его звезда будет находиться в лучшей четверти неба и в наиболее благоприятных отношениях со своими соседями.

Феномены, возникшие в Халдее в результате этих исследований, не раз повторялись в истории цивилизации; они воплощают в себе одно из тех удивлений, которым человечество обязано большей частью своего прогресса. Конечный объект всех этих терпеливых исследований так и не был достигнут, потому что отношения, на которых основывалась вера в его осуществимость, были абсолютно химерическими, но в качестве компенсации вспомогательные и предварительные знания, простые средства для достижения тщетной цели, имели неисчислимую ценность. Так, чтобы придать внушительную и, казалось бы, прочную основу своим астрологическим доктринам, халдеи изобрели такую нумерацию, которая позволяла производить действительно сложные вычисления. С помощью этой системы они уже в раннем возрасте набросали все великие теории астрономии. В течение нескольких столетий они довели эту науку до уровня, которого никогда не достигали египтяне. [93]

Главная трудность на пути к полному объяснению халдейской системы арифметики заключается в интерпретации символов, служивших ей для шифров, что тем более важно, что, судя по всему, у

них было несколько разных способов написания одного числа. В некоторых случаях обозначения менялись в зависимости от цели вычислений. Математик использовал одну систему для собственных исследований, а другую - для документов, которые должны были быть прочитаны публикой. Однако совместными усилиями ассириологов и математиков сомнения, связанные с этим вопросом, постепенно разрешаются. В начале своей цивилизации халдеи поступили так, как поступали другие народы, когда их не устраивало то грубое противопоставление единства множеству, которого было достаточно для диких рас, и попытались установить ряд чисел и определить их свойства. "Они также начали со счета на пальцах, *пятерками* и *десятками*, или, другими словами, единицами *по пять*; позже они приняли обозначение *шестерками* и *двенадцатками* как улучшение примитивной системы, в которой главный элемент, *десятка*, не мог быть разделен ни на три, ни на четыре равные части". [94] Таким образом, были сформированы два регулярных ряда, один из которых состоял из шести, а другой - из пяти единиц. Самыми общими терминами были, конечно, те, которые встречаются в обеих сериях. От греческих писателей мы знаем, что халдеи считали время в *соссах* по шестьдесят, в *нерах* по 600 и в *сарах* по 3600 лет, и эти термины не ограничивались временем, они использовались для обозначения всех видов величин. *Сосс* можно было рассматривать как *пять двенадцати* или *шесть десятков*. Так же и с *ер* (600), который представляет собой *шесть сотен*, или *сосс* из *десятков*, или *десять сосс*, или *пятьдесят двенадцать*. Аналогичным образом можно проанализировать и *сар*.

Таким образом, была создана система счисления, на которую можно смотреть с двух точек зрения: во-первых, с ее *шестидесятиричной* основы, которая, безусловно, адаптируется к различным требованиям с большей легкостью, чем любая другая; [95] во-вторых, с чрезвычайной легкостью, с которой при ее использовании можно производить не только сложение, но и все виды сложных вычислений. [96]

Имея всего два символа, один для единиц, другой для десятков, любое число можно было выразить, придерживаясь правила расположения, подобного тому, которое управляет нашей письменной нумерацией; при каждом шаге влево один знак, вертикальный *клин*, увеличивался в шестьдесят раз; десятки располагались рядом с ним, а пробел в том или ином столбце соответствовал нашему нулю.

Основанная на шестидесятиричной системе счисления, метрическая система Вавилона и Ниневии была "самой научной из всех известных и практиковавшихся древними: до разработки французской метрической системы она была единственной, каждая часть которой была научно скоординирована и основополагающей концепцией которой было естественное развитие всех мер площади, объема или веса из одной единицы длины, концепция, которая была принята в качестве отправной точки французской комиссией мер и весов".

Кубит, равный 525 миллиметрам, стал основой всей системы. [97] Мы не будем здесь пытаться объяснить, как другие меры - маршрутные, аграрные, вместимости, веса - произошли от куба; для наших целей достаточно обратить внимание на следы, оставленные в нашей номенклатуре двенадцатиричной или шестидесятиричной системой вавилонян, даже после полного торжества десятичной системы. Она используется, например, при делении окружности на градусы, минуты и секунды, при делении года на месяцы, а дня на часы и их доли.

Эта удобная, точная и высокоразвитая система арифметики и метрологии позволила халдеям хорошо использовать свои наблюдения и извлечь из них связную астрономическую доктрину. Они начали с регистрации явлений. Они составили карту небес и поняли разницу между неподвижными звездами и подвижными телами, которые греки называли планетами - к последним они, естественно, относили солнце и луну, наиболее заметные из них как по размеру, так и по движению, чьи траектории были первыми, которые изучили и описали. Было определено

видимое шествие Солнца сквозь многолюдные ряды небесной армии, а его последовательные этапы отмечены двенадцатью созвездиями, которые до сих пор называются *знаками Зодиака*. Со временем даже эти наблюдения были превзойдены, и теперь кажется несомненным, что халдеи признавали ежегодное смещение экваториальной точки на эклиптике - открытие, которое обычно приписывают греческим астрономам. Но, как и Гиппарх, они допускали ошибки в расчетах из-за дефектов своих инструментов. [98]

То же самое было и с Луной. Им удалось определить ее среднее суточное движение, а когда они установили период в двести двадцать три луны, то сумели предсказать ее затмения. Затмения солнца представляли большие трудности, и халдеи довольствовались тем, что отмечали их появление. Они были знакомы с солнечным годом, состоящим из трехсот шестидесяти пяти дней с четвертью; они использовали его в своих астрономических расчетах; но их религиозный и гражданский год состоял из двенадцати лунных месяцев, попеременно полных и коротких, то есть из двадцати девяти и тридцати дней соответственно. Лунный и солнечный годы были приведены в соответствие интеркальным циклом в восемь лет. [99]

Утверждение философа Симплиция было поставлено под сомнение по весьма правдоподобным причинам. Симплиций утверждает, основываясь на вере Порфирия, что Каллистен послал из Вавилона своему дяде Аристотелю копию халдейских наблюдений, датированных 1903 годом до вступления Александра в Месопотамию, то есть более чем двадцатью двумя веками до нашей эры. [100]

Как бы то ни было, все древние писатели сходятся в том, что халдеи начали наблюдать и записывать астрономические явления задолго до египтян; [101] более того, в различных частях Халдеи и Ассирии были найдены остатки тех глиняных табличек, на которых, как сообщает нам Плиний со ссылкой на греческого астронома Эпигена, халдеи записали и сохранили астрономические наблюдения за семьсот восемьдесят тысяч лет. [102] Нам нет нужды останавливаться на огромности этой цифры; неважно, объясняется ли она ошибками переписчика или тщеславием халдеев и излишней доверчивостью греков; главное - существование астрономических табличек, причем тех, которые видел сам Эпиген. Библиотека Ассурбанипала в Ниневии включала каталоги звездных и планетарных наблюдений, в том числе время Венеры, Юпитера и Марса и фазы Луны для каждого дня месяца. [103] Недавно были обнаружены таблички с расположением звезд на небе для каждого сезона и объяснением правил, которым следовало следовать при вставке интеркалярных месяцев. Наконец, во дворце Сеннахериба был найден фрагмент ассирийской планисферы. [104]

Даже если бы классические авторы молчали на эту тему, а все оригинальные документы исчезли, мы могли бы по одному только виду фигурных памятников догадаться, как сильно халдеи почитали звезды, как много изучали и исследовали их; мы могли бы предположить, что они жили, устремив свой взор на небосвод и источники света. Взгляните на стелы с царскими изображениями, на изображения на контрактах и других документах такого рода (см. [рис. 10](#)), на цилиндрические или конические печати, которые тысячами попадают в наши музеи ([рис. 11](#) и [12](#)); вы увидите человека, поклоняющегося звезде, еще чаще вы увидите солнечный диск и полумесяц, изображенные на поле, с одной или несколькими звездами. Эти изображения опущены только на рельефах, которые носят чисто повествовательный и исторический характер, как большинство из тех, что находятся в ассирийских дворцах. В любом другом месте, на каждом предмете и в каждой сцене, имеющей религиозный и священный характер, отведено место для соответствующих символов, если их можно так назвать. Их присутствие свидетельствует о почитании халдеями звезд и о вере, которую они возлагали на их предполагаемые откровения. Дополнительным доказательством тому служит древняя письменность, в которой идеограммой *царя* была звезда.

"На воображение египтян в основном производили впечатление суточные и годовые круги солнца. В этом теле они видели самое впечатляющее проявление Божества и самое яркое воплощение законов, управляющих миром; поэтому они обращались к нему для олицетворения божественной силы". [105] Внимание халдеев, с другой стороны, не было так поглощено и, так сказать, потеряно в созерцании одной-единственной звезды, превосходящей все остальные по силе воздействия на добро или зло и по несравненному блеску. Они наблюдали за небом с любопытством, слишком живым и слишком разумным, чтобы позволить себе добровольно пожертвовать всеми звездами ради одной. Солнце *Самас* и лунный бог *Син* играли важную роль в их религии и теологии, но не похоже, что боги остальных пяти планет уступали им по рангу. Если принять параллели, установленные греками и римлянами, то ими были *Адар* (Сатурн), *Меродах* (Юпитер), *Нергал* (Марс), *Истар* (Венера) и *Небо* (Меркурий).

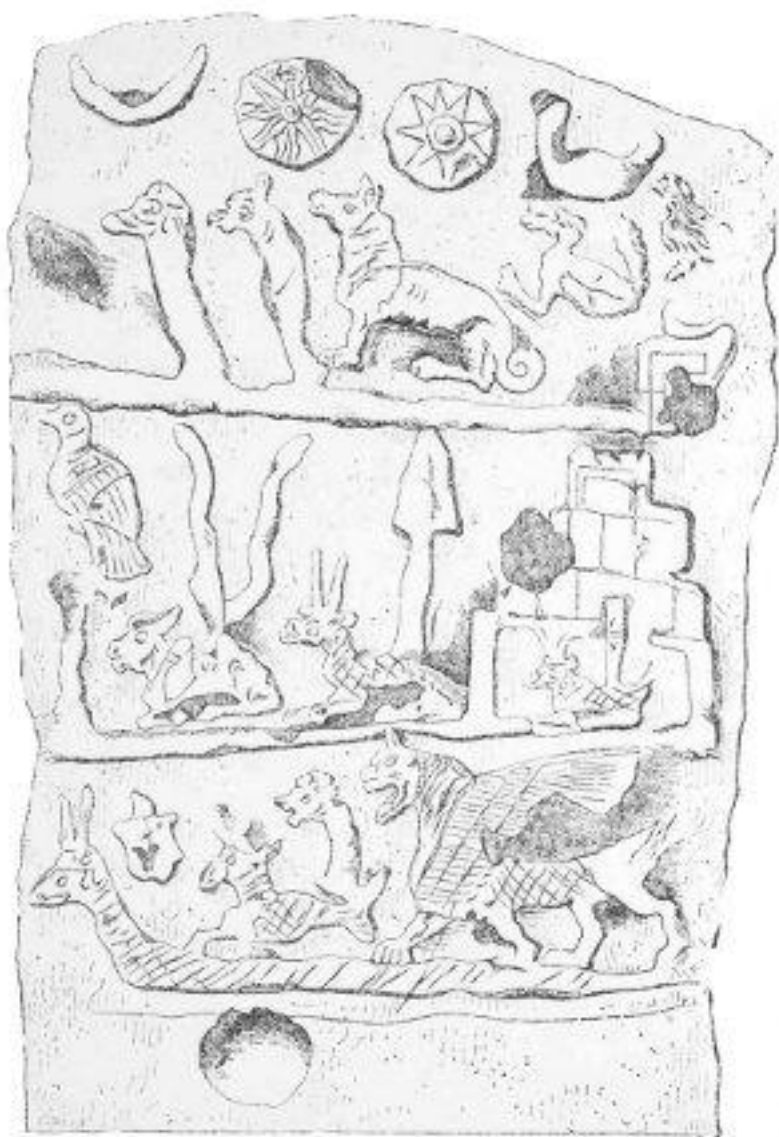

Рис. 10.- Камень Меродаха-Баладана I.

(Smith's Assyrian Discoveries).

Главные атмосферные явления также персонифицировались, и мы можем привести один пример. Все путешественники по Халдее сходятся в описании тех внезапных бурь, которые обрушиваются на страну с ясного неба, особенно в начале лета. Без единого предвестника огромный, черный водяной смерч надвигается с какой-то точки на горизонте, по его бокам сверкают молнии и гремит гром. Через несколько минут он достигает путника и окутывает его

своими черными парами; ветер с песком ослепляет его, дождь льет на него сплошными потоками; но едва он осознает свое положение, как буря проходит и солнце снова сияет в голубых глубинах над головой. Если бы не разорванные и опрокинутые палатки и деревья, вырванные с корнем или пораженные электрическим флюидом, незнакомец мог бы поверить, что он оказался во сне. [106]

Рис. 11. Ассирийский цилиндр, хранящийся в Национальной библиотеке в Париже. Джаспер.

Рис. 12. Ассирийский цилиндр в Национальной библиотеке в Париже. Серпентин.

Сила и внезапность таких визитов не могла не поразить воображение народа, подверженного им, и неудивительно, что в Месопотамии был свой бог бурь и грома. Именно он, Раман, возможно, изображен на барельефе из Нимруда, приведенном ниже (рис. 13 и 14), [107], на котором бог предстает с топором в правой руке, а в левой - с каким-то охалком, значение которого могло бы ускользнуть от нас, если бы не свет, брошенный на него классической скульптурой. Последняя, несомненно, заимствовала известную форму с Востока, и данный предмет - не что иное, как молния, которой греческие художники наделили своего Зевса.

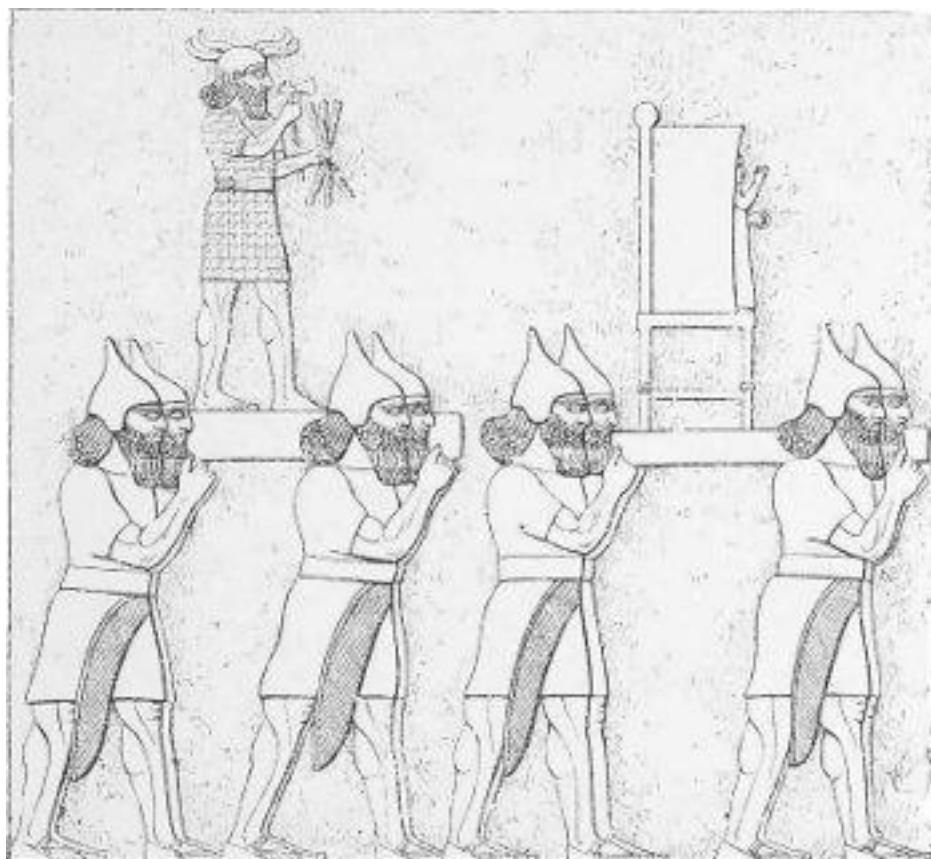

Рис. 13. Боги, которых несут в

процессии; из Layard's Monuments of Nineveh, первая серия, pl. 65.

Именно это поклонение звездам и планетам постепенно привело к тому, что мы называем политеизмом. Человек разделил те ужасные силы природы, над которыми он чувствовал себя спорщиком, между огромным количеством агентов, между толпами джиннов, от милости которых он считал себя зависимым и которых он изо всех сил старался умиротворить дарами и заставить с помощью магии. Постепенно интеллект совершенствовал ту работу по абстрагированию и упрощению, благодаря которой все расы, кроме тех, кто крепко засел в концепциях своего младенчества, пришли к единому выводу. Не переставая верить в существование джиннов, они придумали богов, расу существ, гораздо более могущественных, чем не только недолговечный человек, но даже чем запутанная армия демонов, тех существ, которые контролировали не одну из таинственных сил, чей явный конфликт и конечное согласие являются причинами жизни, движения и равновесия мира.

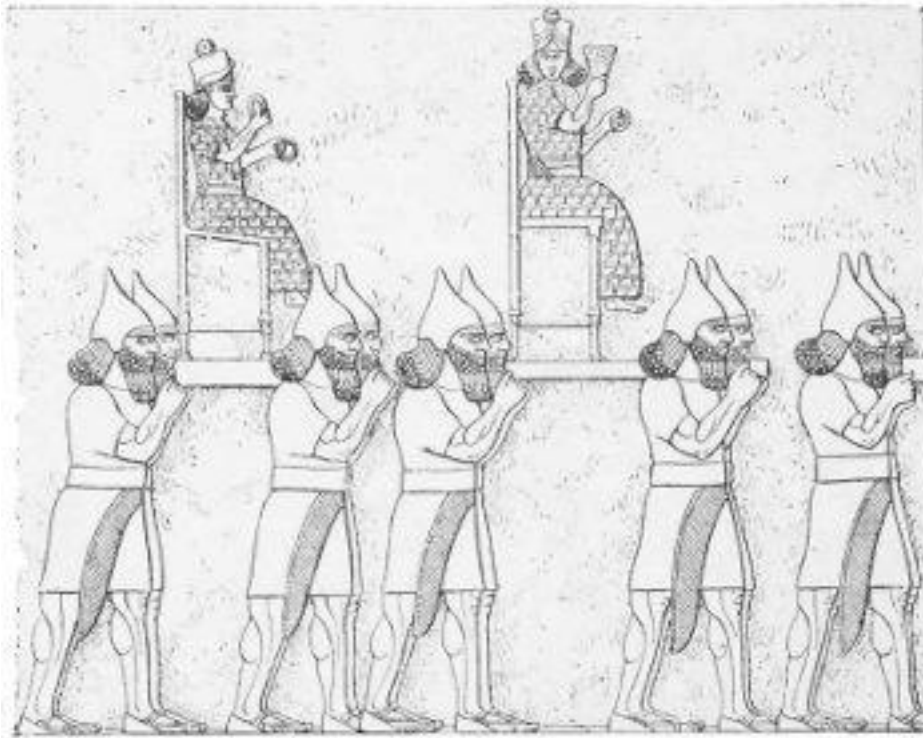

Рис. 14. Боги, которых несут в

процессии; из Layard's Monuments of Nineveh, первая серия, pl. 65.

Когда интеллект пришел к этой доктрине, на него снизошли спокойствие и безмятежность. Каждое божество стало личностью с определенными, четко определенными силами и атрибутами, личностью, которая не могла избежать понимания и призывов человечества с той легкостью, с какой меняются и фантазируются толпы демонов. Верующим можно было указать место его обитания - на его собственной звезде, среди вечных снегов на вершинах далеких гор или рядом, в храме, построенном для него его поклонниками. К такому божеству можно было обращаться, как к государю, чья честь и интересы связаны с его словом. Пока молитвы, а тем более жертвоприношения соблюдали условия со стороны просителя, бог, пусть и невидимый, выполнял свой долг и защищал тех, с кем заключил неписанный договор.

Но для того, чтобы установить эти взаимные отношения между богами и людьми, необходимо было, чтобы первые были в пределах досягаемости вторых. С развитием религиозных чувств и появлением определенных и ясных представлений о богах, пластические способности были призваны к большим усилиям, чем раньше.

От него требовалось нечто большее, чем гримасы и чудовищные изображения джиннов. Требовались фигуры, которые должны были воплощать в себе нечто от благородства и величия, приписываемых вечным владыкам мира. Божественное чучело было воплощением божества, одной из форм, в которых оно проявляло себя, это был, как сказали бы египтяне, один из его *двойников*. Такое чучело должно было служить достойным обрамлением для высшего достоинства бога, а построенный руками человека дом, в котором он соблаговолил поселиться, должен был быть таким, чтобы его высшее величие с первого взгляда отличало его от сравнительно скромных жилищ, в которых смертные проводили свою короткую и беглую жизнь.

Таким образом, храмы и статуи богов обретали форму, когда различные божества начинали четко отличаться друг от друга и в процессе мысленной конденсации приобретали определенную последовательность и прочность. Халдейские храмы, в отличие от египетских и греческих, покорились времени, а древние тексты, в которых они описаны, кратки и неясны. Их руины представляют собой не более чем бесформенные груды *обломков*. В попытке прийти к ясному пониманию халдейских представлений о богах, мы не можем изучить, как это было в других

местах, формы их религиозных сооружений, их планы, размеры и поучительное разнообразие декоративных символов и фигур, которыми были покрыты святилища и их окрестности.

С другой стороны, до нас дошло достаточное количество фигурок богов. Они в изобилии встречаются на небольших предметах, таких как цилиндры, гравированные камни, конусы, скарабеи, ободки колец, терракотовые таблички и статуэтки. Они также встречаются, хотя и реже, среди *обломков* монументальной скульптуры, на барельефах ниневийских дворцов и даже на некоторых круглых фигурах, найденных на развалинах этих последних зданий. Поэтому мы легко можем узнать, какими именно атрибутами наделял художник, как толкователь национальных верований, тех богов, чьи видимые тела он должен был создавать; мы можем увидеть, какой выбор и сочетание форм он считал наиболее подходящими для решения поставленной перед ним задачи. Но, как, мы пока не в состоянии дать имя каждому даже из наиболее часто повторяющихся фигур. В случае с Египтом такой трудности нет: когда мы встречаем изображение одного из ее богов на стенах храма или в витринах музея, мы можем без колебаний сказать: "Это Осирис или Птах", в зависимости от обстоятельств, "Амен или Горус, Исида, Сехет или Хатор". С Халдеей дело обстоит иначе. Там часто находят фигуры без надписей, и даже когда надпись присутствует, она нередко вызывает трудности в интерпретации, которые еще не прояснены; ведь божественные имена обычно представляют собой идеограммы. Лишь некоторые из них были идентифицированы без всяких сомнений, а именно те, для которых у нас есть еврейские или греческие транскрипции, сохранившие для нас настоящий халдейский оригинал; Илу, Бел, Нисрох, Белтис, Истар - вот примеры этого. Отсюда следует, что ассириологи часто испытывают неловкость, когда их просят указать на памятниках фигуры даже тех богов, имена которых вызывают у них наименьшие сомнения. У ассирийцев и халдеев, как и у других народов древности, было то, что мы сейчас называем *фигурной мифологией*, но мы до сих пор плохо с ней знакомы. Даже для тех, кого мы можем назвать самыми возвышенными персонажами халдейского Олимпа, ученым едва ли удалось проиллюстрировать тексты памятниками и объяснить памятники текстами; и мы еще далеки от того, чтобы ввести постоянное и стандартное сравнение, как мы это сделали в случае Египта и еще больше в случае Греции, между божественными типами, как они появляются в религиозных формулах и в национальной поэзии, и теми же типами, воплощенными в воображении художника.

Пройдет немало времени, прежде чем можно будет создать мифологическую галерею Халдеи, в которой все важные члены месопотамского пантеона займут свои места и будут известны под теми именами, которые они носили в свое время, но уже сейчас можно сформулировать принципы, на основе которых они были представлены в искусстве. Образы различных богов создавались в значительной степени с помощью комбинаций, подобных тем, что использовались при изображении мелких демонов. Естественная склонность к такому методу интерпретации, возможно, была унаследована от тех времен, когда *наивное* поклонение всем тем животным, которые помогают или вредят человечеству, составляло часть национального культа; опять же, определенные животные по своей форме и конституции лучше других подходили для олицетворения того или иного качества, которое в своей полноте считалось божественным. Поэтому вполне естественно, что в те ранние времена художник обозначал силы божества с помощью форм, заимствованных у самых сильных, самых красивых или самых грозных животных. Ничто не могло передать мгновенную стремительность бога лучше, чем распластанные крылья орла или стервятника, или его разрушительную и неодолимую силу лучше, чем их клювы и когти, рога и росяной платок быка или грива и когти льва.

Поэтому у скульптора была веская причина использовать эти и многие другие формы, предложенные ему фауной населенных им регионов. Он ввел их в свою работу с мастерством и решением, и получил с их помощью композиционные типы, которые мы можем сравнить с

египетскими. Но были и некоторые отличия, которые заслуживают внимания. Человеческому лицу месопотамские скульпторы уделяли больше внимания, чем египетские. За исключением сфинксов и двух-трех менее важных типов, египтяне, как помнят наши читатели, увенчивали человеческое тело головой змеи, льва или крокодила, ибиса или ястреба, а иногда и неуклюжего зверя вроде гиппопотама, [108] и их фигуры доминируют и характеризуются головами, которые им таким образом даны. В Вавилоне и Ниневии ситуация обратная. Головы животных встречаются, как правило, только на плечах тех фигур, которые по общему мнению считаются скорее гениями, чем богами. В последнем случае преобладает противоположное расположение. У них может быть, как у Дагона, рыбий хвост, свисающий со спины, или, как у колоссальных стражей царского дворца, тело и конечности льва или быка с крыльями орла, но голова - человеческая, и скульптор придает ей всю возможную красоту. В этом, как мы полагаем, есть только одно исключение - орлиноголовый бог, которому ассириологи присвоили имя Нисрох. Он, по-видимому, занимал высокое место среди месопотамских божеств (рис. 8).

Но на этом различия между двумя системами не заканчиваются. Есть несколько божеств, таких как Птах, Осирис и Амен, которым египтяне придали человеческий облик в его простой целостности, но даже в этих случаях он не был воспроизведен в его исконном изяществе и благородстве. Конечности Птаха и Осириса были окутаны некой оболочкой, что делало их фигуры похожими скорее на мумии, чем на существа, наделенные силой жизни и движения. В Халдее все было не так, как мы увидим, если рассмотрим действия месопотамского художника, когда ему приходилось изображать великих богов, тех, в ком высшие усилия умственной абстракции находили конкретное выражение. Возьмем, к примеру, Небо, бога разума и пророчества, и Истар, олицетворяющую плодородие земли, ее силу созидания и разрушения и ее неиссякаемую энергию. Небо стоит прямо, его голова покрыта рогатой диадемой: его обширная борода собрана в три ряда тесных локонов: он одет в длинную мантию, ниспадающую прямо до земли (рис. 15). Что касается Истар, то это молодая женщина, обнаженная, крупнобедрая, сжимающая руками свою грудь (рис. 16). Неловкость и грубость, которые в некоторой степени характеризуют эти фигуры, объясняются неопытностью художника; его намерения были благими, но его мастерство вряд ли было равноценно тому, чтобы придать им полный эффект. Его Небо должен был быть величественным, как царь или верховный жрец; его Истар - супруга, мать, кормилица; она - богиня, "которая", как гласят надписи, [109] "радует человечество", которая, будучи оплодотворена любовью, гарантирует продолжительность и вечность рода. Именно этот метод интерпретации привел в последующие годы к тем великим творениям греческого искусства, красота которых до сих пор вызывает удивление человечества. Между этими халдейскими фигурами и фигурами греческих скульпторов разница была лишь в степени. Антропоморфизм халдеев был более откровенным, чем у египтян, и пока искусство Халдеи превосходило египетское, хотя и превосходило его по исполнительным качествам. Метод, которому она посвятила себя, - прилежное и страстное изучение человеческой фигуры - был королевской дорогой к совершенству в пластических искусствах.

Рис. 15. Статуя Небо; из Нимруда. Британский музей. Кальциевый камень. Высота 6 футов 5 дюймов.

Но наше дело - выяснить реальные представления этого народа о своих богах и получить четкое представление об их характерных качествах. Поэтому мы не будем пытаться показать принадлежность большинства из них к одной из тех божественных триад, которые, как считается, встречаются как в Халдее, так и в Египте: мы не будем спрашивать, как эти триады были подчинены, во-первых, одна другой, а во-вторых, единому верховному существу, которое в Месопотамии, как и в других местах, со временем было воспринято более или менее ясно и поставлено во главе божественной иерархии. Такие триады почти всегда встречаются в политеистических религиях, и на то есть достаточно очевидные причины.

Рис. 16. Статуэтка из терракоты; из книги Heuzey's *Figurines antiques du Musée du Louvre*. Самая простая связь, которую органический мир предлагает человеческому разуму, - это связь полов, их противоположность и необходимость их союза. Везде, где возникают религиозные представления, боги и богини создаются вместе. Все силы, постигнутые человеческим разумом, удваиваются в двух личностях, тесно объединенных, одна из которых дополняет другую. Одна из них играет активную, а другая - пассивную *роль*. Египет, Халдея, Греция - все имели эти божественные пары; Апсу, или, как называет его Дамасий, Апасон и Тауте; Ану и Анту, Анаитис греческих писателей; Бел и Белит, или Белту, возможно, греческая Милитта; Самас, солнце, и Аллат, царица мертвых; Меродах (или Мардук) и Зарпанит, богиня-мать, которая защищала нерожденных младенцев и председательствовала при родах; Набу и Нана; Ассур и Истар; Думузи и Истар. Точные сведения о статусе этих божеств пока отсутствуют. Некоторые из них, похоже, в одно время были наделены ярко выраженной индивидуальностью, а в другие периоды были почти неотличимы от других божеств. Они не обладали характерными чертами и атрибутами обитателей Олимпа, но у нас не остается сомнений относительно бинарных делений, о которых мы говорили.

Притяжение желания и союз полов приводят к рождению ребенка; с появлением последнего семья становится полной, а вместе с ней и тип, на котором основывалась тройственная классификация богов. Но даже когда мы пытаемся проследить состав одной группы и определить каждому ее члену его место, возникает большое затруднение. Мы видим, что один и тот же бог иногда исполняет *роль* мужа и отца, а иногда - сына; или одна и та же богиня в разное время выступает в роли жены и дочери одного и того же бога. Некоторые из этих кажущихся противоречий должны быть отнесены к недостатку определенности в нашей интерпретации надписей, некоторые - к плавающему качеству концепций, к которым они относятся. Возможно, никогда не удастся составить полный список или такой, который не будет подвергаться критике по другим основаниям; кроме того, историку искусства нет необходимости вступать в подобные дискуссии или приводить детали номенклатуры, в отношении которой у самих ассириологов есть много сомнений. Достаточно указать на множественность пар и триад, на чрезвычайно разнообразие божеств и тем самым указать причину весьма своеобразного облика цилиндров и гравированных камней Халдеи, на сложные формы богов и на множество разнообразных символов, которыми заполнены поля ее скульптурных рельефов. Некоторые из фигур,

заполняющих эти узкие поверхности, настолько фантастичны, что поражают глаз не меньше, чем возбуждают любопытство (см. [рис. 17](#)).

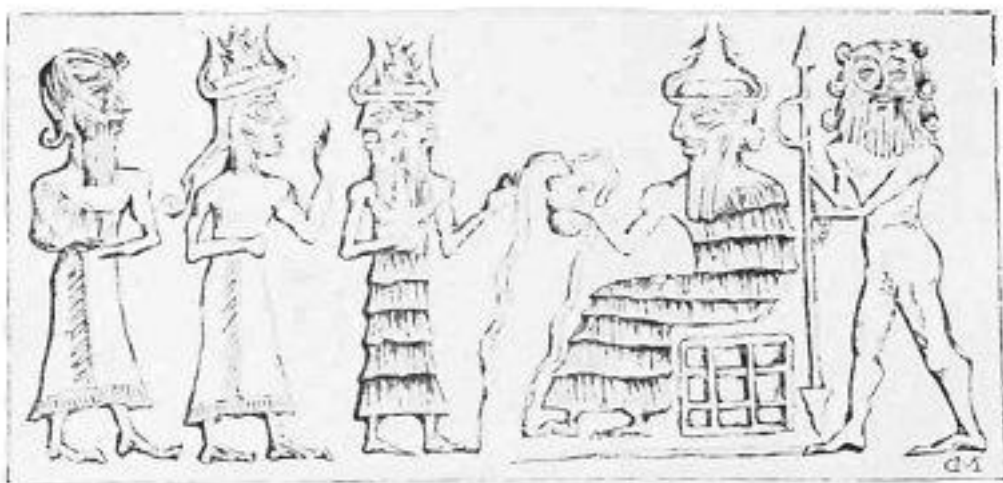

Рис. 17. Халдейский

цилиндр: из книги Ménant "La Bible et les Cylindres Chaldéens".

Количество божественных типов и вытекающие отсюда трудности классификации увеличиваются, как и в Египте, тем, что в каждом важном городе были свои местные божества, божества, которые были его собственными, особыми богами. В течение стольких веков и стольких последовательных перемещений политического центра тяжести порядок старшинства месопотамских богов часто менялся. Господствующий город выдвигал своих богов над головами их собратьев и на время, которое могло быть долгим или коротким, изменял сравнительную значимость халдейских божеств. Син, бог луны, возглавлял список во время господства Ура, Самас - во время господства Ларсама. С возвышением Ассирии ее национальный бог Ассур, несомненно, верховный бог неба, приобрел неоспоримое превосходство. Именно во имя него ассирийцы покорили всю Азию и пролили такие потоки крови. Их войны были войнами Ассура; они были предприняты для расширения его империи и прославления его имени. Отсюда крайняя суровость, отвратительная жестокость наказаний, которым царь подвергал своих непокорных подданных; он карал еретиков и отступников. [110]

В религиозных излияниях Месопотамии мы иногда находим акцент возвышенного благочестия, напоминающий тон древнееврейских писаний; но не похоже, чтобы монотеистическая идея, к которой они постоянно стремились, но не достигли ее и не прониклись ее истиной, когда-либо обрела достаточную последовательность, чтобы побудить халдейского художника к созданию типа, превосходящего по красоте и благородству богов второго ранга. О том, что такая идея существовала, можно судить по использованию определенных терминов, а не по упоминанию ее в теологических формах или воплощению в пластических искусствах.

В Ниневии Ассур, безусловно, рассматривался как величайший из богов, если не как единственный бог. Идолы, захваченные у завоеванных народов, иногда возвращались своим поклонникам, но не раньше, чем на них были выгравированы слова: "*Во славу Ассура*". Ассур всегда стоял во главе божественных списков. Считается, что он происходил от Ану или Сина: но, став национальным божеством, он поднялся на такую высоту, что в нем невозможно стало проследить отличительные черты его первичного состояния как бога природы; он стал, подобно Иегове израильтян, богом, превосходящим природу. Его атрибуты были очень общего характера, и все они в большей или меньшей степени вытекали из его достоинства вождя и отца, повелителя легионов и президента в собраниях богов. Его считали верховным арбитром, дарителем победы и

победных трофеев, богом справедливости, ужасом для злодеев и защитником справедливых. Великий бог ассирийцев был, конечно, богом битв, начальником армий и в этом качестве супругом Истар, которая была не менее воинственна, чем он сам. Его имя часто использовалось во множественном числе для обозначения богов в целом, как имя Истар - для богинь. До нас не дошло ни одного мифа, в котором он играл бы главную роль, что объясняется его сравнительно поздним появлением на позиции абстрактного верховенства. [111]

В Вавилоне второй халдейской империи, казалось бы, было двойное воплощение божественного превосходства: Меродах, бог-воин, бог царской власти, и Небо, бог науки и вдохновения. В Халдее власть жрецов и ученых не уступала власти монарха. И все же в ее сложной религии можно проследить некий скрытый и инстинктивный монотеизм. Богов было много, но один возвышался над всеми остальными, и, независимо от того, обращались ли они к Меродаху или Небо, цари любили называть себя поклонниками "Господа господствующих", *Бел-Бели*. [112]

Как и Ассур в Ниневии, это верховное божество иногда называли сокращенно *Илу*, или бог, - термин, который с небольшими вариантами использовали все народы, говорящие на семитских языках. [113]

Но, несмотря на все свои устремления и величественную *роль, отведенную* их Меродаху, Небо и Ассуру, Халдея и Ассирия не лучше Египта преуспели в создании достойного воплощения суверенного модератора вселенной, царя и общего родителя богов и людей. Их искусство не обладало мастерством и силой, необходимыми для создания образа, который был бы достоин мысленной идеи. Ни в храмах Ниневии, ни в храмах Вавилона не было олимпийского Иова.

Ассур подошел к обретению верховного и уникального божества ближе, чем любой из его соперников, но мы не знаем с полной уверенностью, какие черты были присущи ему в пластических изображениях. Некоторые узнали его в группе, которая часто встречается на исторических барельефах и цилиндрах: здесь он парит над полем битвы, там введен в какую-то сцену поклонения. Вас сразу же поразит сходство этой группы с одним из самых распространенных египетских символов - крылатым шаром на карнизе почти каждого храма в долине Нила. Задолго до того, как они проникли в качестве завоевателей в Фивы и Мемфис, ассирийцы могли найти этот мотив, тысячу раз повторенный на слоновой кости, драгоценностях, различных предметах роскоши, которые финикийские купцы везли из портов Дельты, чтобы распространить по всем соседним странам. [114]

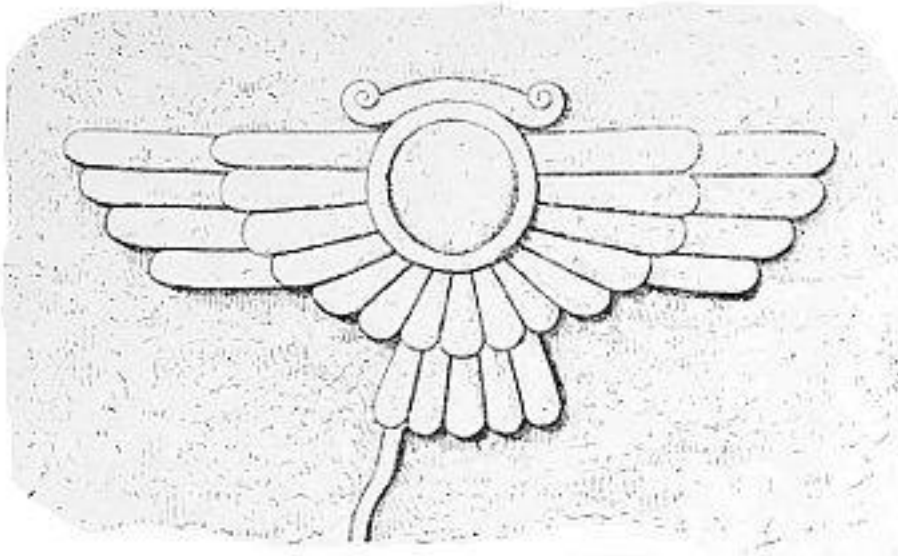

Рис. 18. Крылатый глобус; из

Layard.

Ассирийцы присвоили себе эту эмблему, иногда почти не изменив ее египетскую форму (рис. 18), но чаще с изменениями, имеющими определенное значение. В центре символа, между распростертыми крыльями, изображено кольцо, а внутри него - фигура человека, облаченного в струящиеся одежды и покрытого диадемой. Он стоит прямо, в одних случаях его правая рука поднята как бы в молитве, а левая держит сильный лук (рис. 19); в других - он натягивает лук и собирается пустить трехглавую стрелу, которая может быть ничем иным, как громовым ударом.

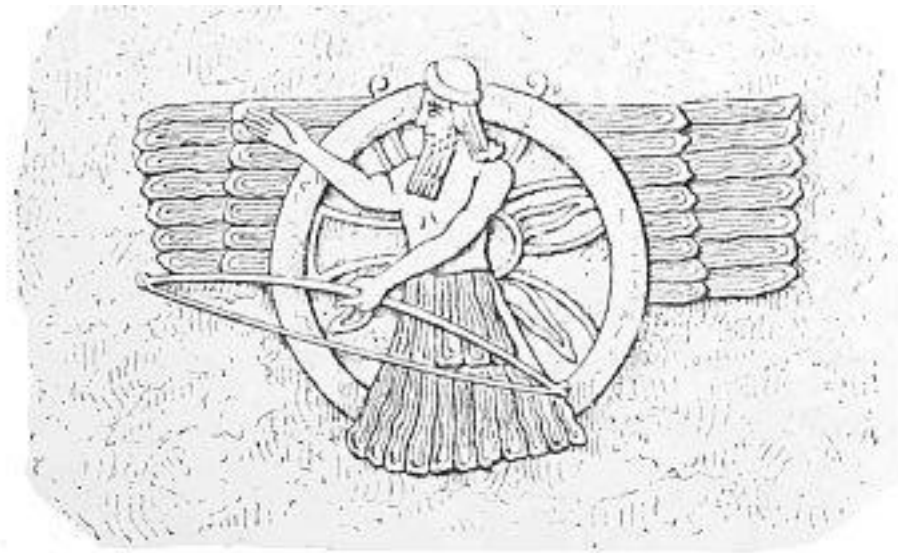

Рис. 19. Крылатый шар с

человеческой фигурой; из Layard.

Значение, которое ассирийцы придавали этой пластической группе, становится понятным благодаря тому, какое важное место она занимала в религиозных образах арийцев Мидии и Персии. Эти люди, последние представители древнего азиатского мира, заимствовали почти все свои художественные мотивы у своих предшественников; они лишь изменяли их значение, когда этого требовала разница между их религиозными представлениями и представлениями изобретателей. Теперь мы находим этот символ на скалах Бехистана и Персеполиса, где, согласно текстам, значение которых не вызывает сомнений, он

представляет Ахура-Мазду. Название изменилось, но мы можем с полным основанием заключить, что идея и намерение остались прежними. Как в Месопотамии, так и в Иране эта группа должна была воплощать представление о верховном существе, владыке вселенной, милосердном и верном покровителе избранной расы, образы которого множились до бесконечности.

В этом кратком анализе верований жителей Тигра и Евфрата мы не делали попыток провести различие между Халдеей и Ассирией. Для того, кто смотрит скорее на сходства, чем на различия, эти два народа, братья по крови и языку, имели, по сути, лишь одну религию. Мы располагаем несколькими списками ассирийских богов и богинь, и когда мы сравниваем их, то видим, что они отличаются друг от друга как по именам, так и по количеству божеств, записанных в них; но, за исключением Ассура, в них нет ни одного имени, которое не принадлежало бы Халдее. Ничто не может быть более естественным. Халдея была родиной ассирийцев, и тесные отношения между ними не прекращались ни на день. Даже когда их вражда была наиболее ожесточенной, они не могли отказаться друг от друга. Вавилон всегда был своего рода священным городом для царей Ассирии; те из них, кто с особой жестокостью карал непокорных халдеев, считали делом чести приносить жертвы их богам и поддерживать их храмы в порядке. Именно в Вавилоне, в Борсиппе и в старых городах близ побережья жили в основном жрецы, которые сохранили ранние мифы и разработали доктрины, которым жители Месопотамии были обязаны превосходством своей цивилизации. Ассирийцы ничего не изобретали. Сам Ассур, похоже, был лишь вторичной формой какого-то халдейского божества, парвеню, вознесенного на вершину власти энергией и удачей воинственного народа, чьим покровителем он был, и удерживавшегося там до окончательного разрушения своей столицы. Когда Ниневия пала, Ассур пал вместе с ней, а те боги, которым поклонялись и северяне, и южане, долго сохраняли свои имена, славу и святость своих алтарей.

Религия Ниневии отличалась от вавилонской, однако, в незначительных деталях, на которые уже обращалось внимание. [115] Одна и та же система теологии по-разному понимается людьми, чьи манеры и интеллектуальный склад отличаются друг от друга. Обряды в Вавилоне, по-видимому, были более сладострастными и чувственными, чем в Ниневии; именно в первом городе Геродот видел те религиозные проституции, которые поразили его своей безнравственностью. [116] Склонность ассирийцев к монотеизму вызвала такой фанатизм, от которого в Халдее не осталось и следа. Ниневийские завоеватели поставили перед собой задачу расширить поклонение своему великому национальному богу; они приносили в жертву гекатомбы самонадеянным врагам, хулившим имя Ассура. Жертва целомудрия была в фаворе в Вавилоне, а жертва жизни казалась ассирийцам более действенной. Воинственный народ, они были закалены вековыми распрями, вечными тяготами поля боя, бесконечными конфликтами, в которых они находили удовольствие. Поэтому их религиозные представления были более узкими и суровыми, а обряды - более жестокими, чем у их южных соседей. Вавилонская цивилизация была более утонченной, люди давали себе больше досуга для размышлений и развлечений; их манеры были менее грубыми, их идеи менее жесткими и консервативными; они были более склонны к интеллектуальному анализу и спекуляциям. Поэтому, когда мы находим следы верований и полезных искусств Месопотамии на побережьях и даже островах Эгеиды, честь отдать их следует Вавилону, а не Ниневии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[82] *История ассирийцев и медов*, которую Евсевий (*Préparation évangélique*, 1, 12 и 41) приписывает писателю, которого он называет Абиденом, датируется, возможно, тем периодом, когда Римская империя обратила свое внимание на бассейн Евфрата и попыталась вновь овладеть им. Немногочисленные сохранившиеся фрагменты этого автора собраны в книге Х. Мюллера "*Fragmenta Historicorum Græcorum*", т. iv. стр. 279. Мы ничего не знаем о том, когда он жил, но он писал на ионийском диалекте, как и Арриан в своей книге об Индии, и, кажется, трудно отнести его ко второму веку. Вероятно, его начинание относится к тому движению в сторону исследования, которое началось в правление Августа и продолжалось до последних лет правления Антонинов.

[83] Δαμασκίου διαδοχου αποριαι και λυσεις περι των πρωτων αρχων (издание Kopp, Frankfort-on-the-Main, 1826, 8vo), ch. 125. Ch. Émile Ruelle, *Le Philosophe Damascius; Étude sur sa Vie et ses Ouvrages, suivie de neuf Morceaux inédits, Extraits du Traité des premiers Principes et traduits en Latin* (в *Revue archéologique*, 1861), fragments i. and ix.

[84] По этому вопросу читатель должен обратиться к книге М. Фр. Ленорманта "*Магия у халдеев и ее происхождение*" (*La Magie chez les Chaldéens et les Origines Accadiennes*, Paris: 1874, 8vo). Английский перевод, датированный 1877 годом, или, что еще лучше, немецкая версия, опубликованная в Йене в 1878 году (*Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldæer*, 8vo), будут более полезны, чем французский оригинал. Оба издания, по сути, являются новыми и содержат свежую информацию.

[85] Tiele, *Manuel de l'Histoire des Religions* (Leroux, 1880, 8vo). В нашем объяснении халдейско-ассирийских религий мы будем следовать этому прекрасному руководству, дополняя его информацией, взятой из другой работы того же автора, "*Сравнительная история древних религий Египта и народов Семиречья*" - обе работы на голландском языке.

[86] *История искусства в Древнем Египте*, т. I. стр. 47-57.

[87] В Эрзеруме мистер Лэйард узнал о некоторых курдских племенах к юго-западу от этого места, которые, как ему сказали, "все еще являются идолопоклонниками, поклоняясь почтенным дубам, большим деревьям, огромным одиноким скалам и другим грандиозным явлениям природы". *Discoveries*, p. 9.

[88] François Lenormant, *Les Bétyles* (извлечено из *Revue de l'Histoire des Religions*, p. 12):- "Клинописные надписи упоминают семь черных камней, которым поклонялись в главном храме Уруха в Халдее, и которые олицетворяют семь планет". В той же статье приводится огромное количество фактов, которые показывают, насколько широко было распространено это поклонение в Сирии и Аравии, и с каким упорством оно сохранялось, по крайней мере, до проповеди исламизма. Нетрудно доказать, что оно до сих пор сохранилось в народных суевериях. Что касается этого культа у греков, см. также статью М. Хозея "*Священный Пьер в Антибе*" (*Mémoires de la Société des Antiquaires de France*, 1874, p. 99).

[89] Берозус, фрагмент 1. § 3. во "*Фрагментах исторического наследия*" Ч. Мюллера, т. ii. с. 496.

[90] Вергилий, *Буколики*, viii. 69. См. в издании Бенуаста (Hatchette, 8vo, 1876) отрывки из Горация и Овидия, которые доказывают, что суеверие, о котором идет речь, было тогда достаточно распространено, чтобы поэты могли использовать его без слишком большого нарушения вероятности.

[91] Это очень ясно видели древние. Лучше, чем Цицерон, об этом не скажешь: "Principio Assyrii, propter planitiem magnitudinemque regionum quas incolebant, cum cælum ex omni parte patens et apertum intuerentur, trajectiones motusque stellarum observaverunt."-De *Divinatione*, i. 1, 2.

[92] "Chaldæi ... diuturnâ observatione siderum scientiam putantur effecisse, ut prædeci posset quid cuique eventurum et quo quisque fato natus esset."-Cicero, *De Divinatione*, i. 1, 2.

[93] Это было ясно показано Лапласом в "*Précis de l'Histoire de l'Astronomie*", которая является пятой книгой его "*Exposition du Système du Monde*" (пятое издание). Он дает резюме того, что, по его мнению, было главными результатами, полученными халдейскими астрономами (стр. 12-14 в отдельном выпуске "*Précis*" 1821 г., 8vo). Теперь, возможно, благодаря недавним открытиям, можно будет привести более точные и косвенные подробности, чем у Лапласа.

[94] Aurès, *Essai sur le Système métrique assyrien*, p. 10 (в *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes*, vol. iii. Vieweg, 4to, 1881). Мы отсылаем тех, кто интересуется этими вопросами, к этой превосходной работе, из которой пока опубликована только первая часть (1882). В ней цитируются и обсуждаются все предыдущие работы на эту тему.

[95] "Шестьдесят можно разделить на любой делитель из десяти или двенадцати. Из всех чисел, которые можно было бы выбрать в качестве неизменного знаменателя для дробей, у него больше всего делителей" - Фр. Ленорман, *Manuel d'Histoire ancienne*, vol. ii. p. 177, третье издание.

[96] Aurès, *Sur le Système métrique assyrien*, p. 16. На терракотовой табличке, обнаруженной в Нижней Халдее среди руин Ларсама и с полным основанием считающейся очень древней, приведен список квадратов дробных чисел между $^{(1)}_{(60)}2$ и $^{(60)}_{(60)}2$, или $^{(1)}_{(60)}$, вычисленных с идеальной точностью (Lenormant, *Manuel*, &c. vol. ii. p. 37). См. также Sayce, *Babylonian Augury by means of Geometrical Figures*, in the *Transactions of the Society of Biblical Archæology*, vol. iv. p. 302.

[97] Lenormant, *Manuel*, &c. vol. ii. p. 177, третье издание.

[98] *Ibid.* p. 37.

[99] Ленорман, *Мануил*, т. ii. с. 175, 178, 180. G. Smith, *Assyrian Discoveries* (London, 1876, 8vo), pp. 451, 452. Rawlinson, *Ancient Monarchies*, vol. i. pp. 100, 101, четвертое издание. Мы знаем, что *астрономический канон* Птолемея начинается с воцарения вавилонского царя Набонассара в 747 году до н. э. М. Фр. Ленорман считает, что эта дата была выбрана александрийским философом потому, что она совпала с заменой этим принцем солнечного года на лунный. Таким образом, астрономические наблюдения стали бы гораздо проще в использовании, в то время как зарегистрированные по античной системе могли быть использованы только после долгих и сложных вычислений. Таким образом, объясняется причина, по которой Птолемей довольствовался столь сравнительно современной датой. (*Essai sur les Fragments cosmogoniques de Bérosee*, pp. 192-197.)

[100] См. работу М. Т. Х. Мартина из Пенна "*Sur les Observations astronomiques envoyées, dit on, de Babylone en Grèce par Callisthène*", Paris, 1863.

[101] Тексты на этот счет можно найти в эссе М. Мартена. Здесь же мы ограничимся цитатой из Цицерона, которая выражает общее мнение: "Chaldæi cognitione siderum sollertiaque ingeniorum antecellunt". *De Divinatione*, i. 91.

[102] Плиний, *Естественная история*, vii. 57, 3. Рукописи дают 720, но весь контекст доказывает, что эта цифра слишком мала, она не согласуется ни с мыслью писателя, ни с другими утверждениями, которые он приводит с целью показать, что изобретение письма можно отнести к очень отдаленной эпохе. Переписчики, несомненно, пропустили букву М после DCCXX. Силлиг, следуя Перизониусу, внес это исправление в свой текст.

[103] Ленорман, *Мануил* и т. д., т. ii. с. 175.

[104] G. Smith, *Assyrian Discoveries*, p. 407.

[105] Lenormant, *Manuel*, &c. vol. ii. p. 181.

[106] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. i. p. 124. Эти штормы длятся едва ли час.

[107] Некоторые ассириологи считают, что это изображение Меродаха.

[108] *История искусства Древнего Египта*, т. I. с. 56, 57 и рис. 39-45.

[109] Rawlinson, *The Five Great Monarchies*, &c. vol. i. p. 139.

[110] Tiele, *Histoire comparée des anciennes Religions de l'Égypte et des Peuples Sémitiques*, перевод Collins, p. 222. Первый том английского перевода, выполненного Джеймсом Баллингемом, был опубликован в Trübner's Oriental Series.-Ed.

[111] *Ibid.* p. 224.

[112] Tiele, *Histoire*, &c. p. 237.

[113] Отсюда и название Вавилон, которое дошло до нас в несколько измененном виде по классической традиции. Истинная халдейская форма - *Баб-Илу*, буквально "Врата Бога".

[114] *История искусства в Древнем Египте*, т. ii. стр. 399-400 и рис. 311-313.

[115] Tiele, *Manuel*, &c. pp. 77, 78.

[116] Геродот, i. 99.

§ 7. Народ и правительство.

Мы уже объясняли, почему религии Халдеи и Ассирии известны нам хуже, чем религии Египта; недостаточность наших знаний о политической и социальной организации этих двух царств следует объяснить теми же причинами. Надписи, достаточно подробные по некоторым вопросам, почти не затрагивают другие, которые были бы гораздо интереснее, и, кроме того, их интерпретация полна трудностей. Греческие путешественники ничего не знали о Ниневии, а их визиты в Вавилон пришлись на годы его упадка. По-видимому, они были поражены в первую очередь кастой священнослужителей, которой они дали название Χαλδαῖοι.

Происхождение этого священнического корпуса много обсуждалось. Одни видят в нем потомков и наследников первобытного населения, тех, кого они считают туранцами; другие считают их семитскими переселенцами, пришедшими с севера и принесшими с собой искусства и доктрины, хранителями и толкователями которых они стали в новой стране. Вряд

ли мы вправе принимать участие в этом споре. Несомненно, с одной стороны, что влияние этих квази-церковников стало ощущаться в отдаленный период национальной истории, а с другой - что они, как и склонившееся перед ними население, очень рано стали семитскими как по расе, так и по языку. Идиома, используемая халдеями, принадлежит к той же семье языков, что и арабский, древнееврейский и арамейский; их богов можно найти, с небольшими изменениями имен и атрибутов, от Йемена на юге до севера Сирии и далеко на западе, вплоть до столовой земли Каппадокии.

Несомненно, Диодор говорит о *халдеях*, опираясь на авторитет Ктесия, своего любимого проводника в вопросах восточной истории. Возможно, Ктесий видел их в Вавилоне во времена Артаксеркса Мнемона, когда они выполняли свои функции. "Халдеи, - пишет историк, - древнейшие вавилоняне... (и) занимают в содружестве такое же положение и достоинство, как египетские жрецы в Египте; ибо, будучи назначены на божественные должности, они проводят все свое время в изучении философии и особенно славятся искусством астрологии. Они обладают огромной способностью к гаданиям, предсказывают будущие события и прибегают к очищениям, жертвоприношениям или другим чарам, чтобы отвлечь зло или обеспечить удачу и успех. Они также искусны в искусстве гадания по полету птиц и толковании снов и чудес; и считаются оракулами (в предсказании того, что произойдет) благодаря точному и тщательному просмотру внутренностей жертв. Но они достигают этих знаний не так, как греки; ибо халдеи получают их по преданию от своих предков, сын от отца, которые в то же время свободны от всех других общественных должностей и занятий; и поскольку их родители являются их наставниками, они оба учатся всему без зависти и с большей уверенностью полагаются на истинность того, чему их учат; и будучи приучены к этому обучению с самого детства, они становятся самыми известными философами, будучи в возрасте, наиболее способном к обучению." [117]

Потребовались столетия для роста такой корпорации и прочного утверждения ее власти на основе хорошо продуманной системы обрядов и доктрин. Институты, описанные Ктесием, вряд ли заметно отличаются от тех, что действовали в той же стране до персидских завоеваний. В своем двойном качестве жрецов и астрологов халдеи пользовались почти безграничным влиянием как на царей, так и на частных лиц; всеобщая вера в их способности к гаданию делала их в некотором смысле хозяевами и вершителями судеб. При национальных царях "члены их касты возглавляли национальные армии и занимали все главные посты в царстве". Царские дома, сменявшие друг друга в Вавилоне, происходили из их рядов как во времена вассальной зависимости от Ассирии, так и в период полной независимости. Их иерархию возглавлял архимаг; мы не знаем его титула на национальном языке, но знаем, что после царя он был главным человеком в империи. Он сопровождал государя повсюду, даже на войнах, чтобы регулировать его действия в соответствии с правилами своего искусства и указаниями небес. Когда царь умирал, а его преемник не успевал принять бразды правления, архимаг становился регентом на время междоцарствия, как, например, в период между смертью Набополассара и воцарением Навуходоносора. [118]

Почти теократический характер этого режима имел как свои преимущества, так и неудобства. Эти жрецы были учеными своего времени. Почести, которые им воздавались, должны были стимулировать интеллектуальную культуру и материальное благополучие, но, с другой стороны, постоянное вмешательство священнослужителей в государственные дела не могло не ослабить воинский дух, энергию и ответственность полководцев. Не то чтобы священники были менее проникнуты национальными чувствами, чем их соотечественники. Гордясь своими древними традициями и превосходством своей науки, они добавляли к

презрению, которое испытывали к чужеземному владыке, будь он из Вавилона или Суз. Жрецы были главарями тех восстаний против Ассирии, а в более поздние годы - против Персии, которые так дорого обошлись Вавилону. Лишь однажды обещанный ими успех был достигнут, и то во времена Набополассара, когда Ниневия была истощена долгой чередой войн и побед. Во всех остальных случаях преимущество оставалось за расами менее образованными и менее утонченными, но среди которых власть, сосредоточенная в руках государя, была использована для того, чтобы направить все жизненные силы царства на практику войны и подготовку к ней.

С другой стороны, Вавилон обладал определенными элементами процветания и гарантиями долгого национального существования, которых не хватало тем соперникам, под чье иго ему не раз приходилось попадать. Правящие классы в Халдее были более быстрыми по уму и гораздо более образованными, чем в других местах. Их страна поддавалась широкой и хорошо организованной системе земледелия лучше, чем холмистые районы Ассирии или узкие долины и бесплодные равнины Ирана. Связь была более быстрой и легкой, чем между террасами, которые возвышаются одна над другой от левого берега Евфрата до высоких земель Персии и Мидии: чтобы перейти с одной из этих террас на другую, нужно карабкаться по голой скале, что представляет немалую опасность для путешественника и его терпеливых домашних животных. [119] В Халдее, напротив, близость двух рек друг к другу и идеальная горизонтальность почвы значительно облегчают работу по орошению. Земледельцы не подвергались опасности полного неурожая - несчастья, которое достаточно часто постигало верхние регионы Месопотамии. Евфрат и Тигр находятся на большом расстоянии друг от друга, и земля между ними далеко не ровная. Многие районы вынуждены были почти полностью зависеть от оросительных дождей. И опять же, когда речь шла о путешествии из одного города в другой или о перевозке продуктов с полей, халдеец мог выбирать между сухопутными маршрутами, проложенными вдоль берегов каналов, и водными путями, пересекающимися друг с другом по всей поверхности страны. В наши дни путь между Багдадом и Бассорой, составляющий около трехсот миль, предполагает долгий крюк на восток вдоль подножия гор, чтобы избежать непроходимых болот и банд бродячих арабов, преданных убийству и грабежу. Равнинная страна кишит конными разбойниками, которые нападают на незащищенных путников, но в древние времена здесь кипело движение, каждая дорога была запружена товарами и караванами, поля пересекались во всех направлениях каналами, и высокие паруса лодок, двигавшихся между их берегами, поднимались над развевающимися посевами, как сегодня в дельтах Мёз и Рейна, ведь Халдея была южной Голландией.

Несравненное положение Вавилона должно было привести к большой промышленной и торговой активности, несмотря на любые недостатки его правителей. Он стоял в центре удивительно плодородного региона, между верхней и западной Азией. Две великие реки находились у ее дверей, доставляя ей без затрат и усилий продукты из своих верхних бассейнов, а с другой стороны, они обеспечивали ей легкое сообщение с Персидским заливом и Индийским океаном. Вавилонские купцы общались с жителями Леванта по удобному и хорошо утоптанному дорогам, пересекающим вброд средний Евфрат. Менее прямые дороги, расположенные дальше к северу, использовались почти так же часто. Одни из них проходили через Киликийские перевалы, пересекали Аман и Тавр на плато Малой Азии и заканчивались у берегов Эгеиды и Эвксинского моря; другие шли через Ассирию в Мидию, через Каспийские перевалы на центральное плато Азии и в далекую Бактрию, откуда удобные проходы вели в верхнюю долину Инда. Таким образом, Вавилон *был местом прихода* караванов с востока и запада, а также мореплавателей, прибывавших из портов Африки, Аравии и Индии.

Существуют, если можно так выразиться, естественные столицы и столицы искусственные. Места расположения первых определяются конфигурацией Земли. Когда они погибают, это лишь временная смерть, за которой последует жизнь, зачастую более полная и яркая, чем первая. Вторые обязаны своим процветанием капризу государя или политическим комбинациям, которые проходят и не оставляют следов. Фивы и Ниневия были искусственными городами; оба исчезли и не оставили после себя ничего, кроме своих руин; на их месте остались только деревни и незначительные города. С другой стороны, Мемфис снова живет в Каире, и, когда Вавилон полностью обезлюдел, Селевкия и Ктесифон, Куфа и Багдад возродились, чтобы продолжить ее дело.

Центр утонченной цивилизации и широких торговых связей, Вавилон не мог обойтись без оригинального искусства, отмеченного особыми чертами национального гения. К несчастью, имевшиеся в ее распоряжении материалы значительно уступали тем, которыми могли распоряжаться египтяне и греки. Это привело к тому, что, с одной стороны, ее произведения никогда не достигали определенного уровня совершенства, а с другой - плохо сохранились. Вавилоняне не принадлежали к тем счастливым народам, чьи художники могли упражнять свои инструменты на том единственном материале, который рождает великих скульпторов и великих архитекторов - камне, достаточно мягком, чтобы поддаваться резцу, но достаточно твердом, чтобы сохранить в вечности наводящие на размышления формы, нанесенные на него рукой человека.

Поэтому наши знания о халдейском искусстве не идут ни в какое сравнение с тем, что мы узнали об искусстве Египта и Греции, Этрурии и Рима. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас останкам, это искусство было гораздо менее разнообразным и всеобъемлющим, чем египетское. Гробницы Мемфиса и Фив с их расписанными стенами отражают, как в верном зеркале, самое интересное и самое забавное из всех зрелищ - повседневную жизнь древнейшего из всех цивилизованных обществ. В Халдее нет ничего подобного. Халдейская гробница дает нам, по своему устройству и убранству, проблески веры, схожей по сути с египетской, но мы не находим ничего, что могло бы сравниться с изображениями повседневной работы и удовольствий, которые заполняют мастабы и фиванские гробницы; нет ничего, что могло бы сравниться с теми одушевленными формами и образами, которые вновь воспроизводят на стенах гробницы длинную драму из ста актов, первое представление которой заняло столько веков и заполнило сцену, простирающуюся от болот Дельты до катаракты Сиены. Мы особенно благодарны этим погребальным сценам за то, что они передают нам, в надежной нише храма искусств, тех бедных и скромных людей, которые так мало значат в этом мире, где они несут самые тяжелые бремена, и память о которых после смерти зависит от услуг, которые они оказывают великим. Мы будем тщетно искать среди скудных остатков вавилонской скульптуры позы, жесты и черты лица тех тружеников, на которых строилось процветание страны. Мы не найдем ни торговцев и ремесленников в городах, ни земледельцев, возделывавших поля и дававших им воду, которую они не переставали жаждать. Нет и намека на тех рыбаков Персидского залива, которые, по словам Геродота, жили исключительно за счет сушеной рыбы, измельченной в порошок и превращенной в подобие лепешки. [120] Наивные, живописные и анекдотические иллюстрации обычной жизни, которых так много в Египте, почти полностью отсутствуют в искусстве Халдеи.

С другой стороны, мы находим, как и следовало ожидать из того, что мы знаем о халдейском обществе, постоянные следы сакрального духа и большой роли, которую играл царь с помощью и под опекой жречества. На стенах дворцов, храмов и городов, на статуэтках из бронзы и терракоты, которые закапывались под пороги зданий и ставились в храмах в

качестве жертвоприношений, на цилиндрах и гравированных камнях мы находим только сложные и разнообразные эмблемы, фантастические и символические формы, позы, наводящие на мысль о поклонении и жертвоприношении (рис. 20 и 21), изображения богов, богинь и второстепенных джиннов, принцев, окруженных царской пышностью и приносящих свои почести божеству. Отсюда определенная бедность и монотонность, а также недостаток восстанавливающих сил, неотделимый от поглощенного созерцания священных типов и трансцендентного мира.

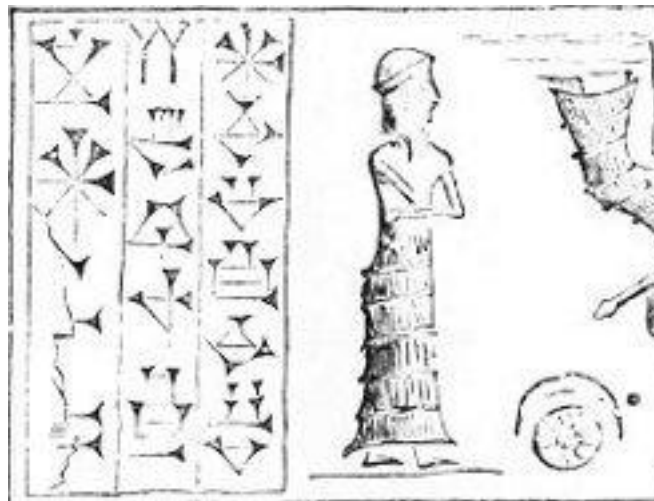

Рис. 20.- Халдейский цилиндр.

Рис. 21.- Халдейский цилиндр; из Британского музея. [121]

Ассирийское общество во многих отношениях отличалось от халдейского. В обеих странах, несомненно, поклонялись одним и тем же богам, и их поклонение было связано с высокопоставленным жречеством; но в Ниневии царская власть опиралась на армию, а инициатива и независимость государя были гораздо выше, чем в Вавилоне. Ассирия была военной монархией в самом полном смысле этого слова. Почти так же часто, как наступала весна, царь вел свои непобедимые легионы на завоевание новых подданных для Ассирии. Он проходил через пустыни, пересекал безбрежные горные цепи, погружался в леса, полные скрытых опасностей. Он разрушал стены и башни вражеских городов, несмотря на дождь стрел, камней и кипящей смолы, который обрушивался на него и его войска; он был одновременно искусным полководцем и доблестным солдатом, он планировал атаку и не щадил себя в схватке. Первый в опасности, он был первым в чести. Он лично молил о благосклонности бога, ради которого отважился на столько опасностей, лично благодарил его за успех и преподносил ему трофеи побежденного врага. Если его не обожествляли, как фараонов, ни при жизни, ни после смерти, он был наместником Ассирии на земле, толкователем его указов и их исполнителем, его лейтенантом и понтификом, а также получателем его доверия. [122]

Рядом с этим вооруженным первосвященником не было места для священнической касты, совершенно равной ему по престижу. Власть и слава царя росли с каждой победой, и в огромной империи Саргонидов самые высокие посты занимали люди, которых монарх связывал с собой в бесконечной работе по завоеванию и подавлению. Прежде всего появился своего рода великий визирь, *тартан*, или главнокомандующий царскими войсками. Именно этого человека мы так часто видим на барельефах, стоящего перед

королем в позе, исполненной достоинства и уважения (см. [рис. 22](#)). Далее следовали высшие офицеры дворца, *министры*, как мы бы назвали их в современном языке, и губернаторы завоеванных провинций. Евнухам поручался надзор за гаремом, и они, как и на современном Востоке, занимали высокие места при дворе. Их можно узнать на барельефах, где они группируются вокруг царя, по круглым безбородым лицам (см. [рис. 23](#) и [24](#)). *Кислар-Ага* в современном Константинополе - это то, чем, должно быть, был не один из этих персонажей в Ниневии. Прочитайте рассказ Плутарха, основанный на авторитете Ктесия, об убийственных и вероломных интригах, которыми был омрачен дворец в Сузах во времена Артаксеркса-Мнемона. Тогда вы будете иметь некоторое представление о той роли, одновременно неясной и преобладающей, которую более умные из этих несчастных существ могли играть в семьях великих завоевателей и неутомимых охотников, которыми последовательно были заняты дворцы в Хорсабаде, Куюнджике и Нимруде.

Рис. 22. Царь Саргон и его

великий визирь. Барельеф из Хорсабада; хранится в Лувре. Алебастр. Высота 116 дюймов. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Рис. 23. Свита Саргона,

продолжение. Барельеф из Хорсабада; в Лувре. Алебастр. Высота 90 дюймов. Рисунок Сент-Эльма Готье.

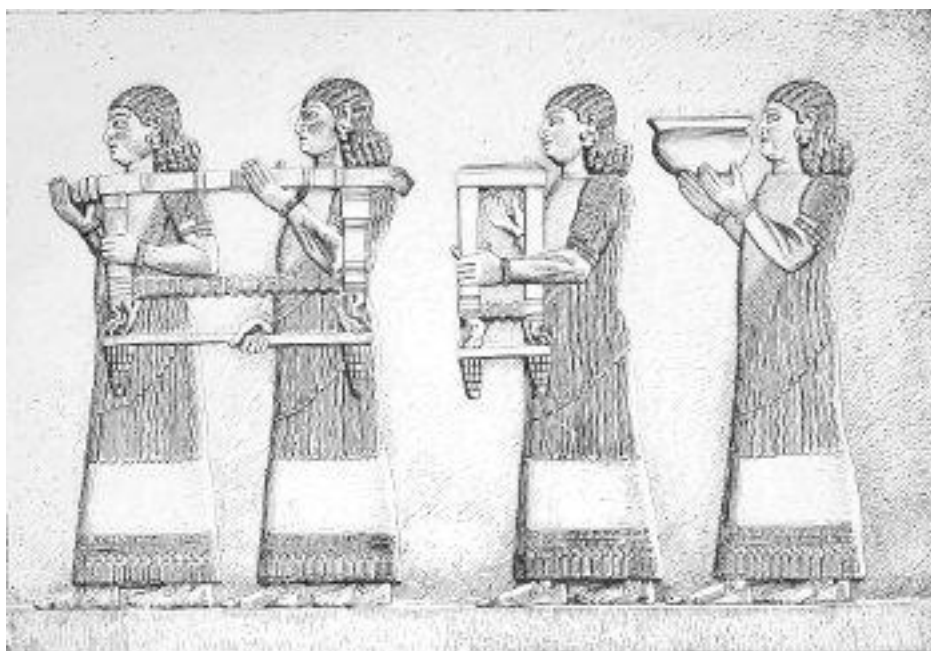

Рис. 24. Свита Саргона,

продолжение. Барельеф из Хорсабада. Алебастр. Высота 97 дюймов. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Все эти военные и администраторы, жрецы различных богов, а также домашние слуги, которые зачастую были самыми влиятельными из всех, смотрели на руку самого царя и не зависели ни от какого другого хозяина. Храбрость и военный талант должны были быть самыми надежными путями к продвижению по службе, но иногда, как при арабских халифах и османских султанах, каприз государя заставлял его возводить человека из самых низких рядов в высшие сановники государства. *Режим* Ассирии можно описать словами, которые применимы к режиму России: это был деспотизм, одобренный убийством. "И было, когда он (Сеннахериб) поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адраммелех и Шарезер, сыновья его,

поразили его мечом, и они убежали в землю армянскую. И воцарился вместо него Эсархаддон, сын его". [123] Отец Сеннахериба, Саргон, погиб таким же образом.

Возможно, эти убийства были местью за какое-то оскорбление или наказание, неосторожно нанесенное в минуту гнева; но как бы то ни было, ни в одном, ни в другом случае они не помешали законному наследнику стать преемником своего отца. Сеннахериб сменил Саргона, а Эсархаддон - Сеннахериба. Ассирийское господство поддерживалось только постоянным присутствием во главе армии царя, готового к любым обстоятельствам; несколько недель анархии или междоусобия привели бы всю империю в смятение; царская власть была краеугольным камнем арки, элементом, от которого зависела устойчивость колоссального сооружения, подвергавшегося различным нагрузкам. В таком обществе у искусства вряд ли могла быть иная миссия, кроме прославления власти, не имеющей границ и контроля, - власти, на которую только и должны были уповать ассирийцы, чтобы сохранить свое столь дорого завоеванное господство. Архитектор, скульптор и художник исчерпали все ресурсы своего искусства: один - в строительстве дворца для принца на высоком кургане, возвышающемся над окружающей равниной, другие - в украшении его после постройки и умножении образов его почти божественного обитателя. Подвиги государя, его великие и бесконечные достижения как завоевателя и уничтожителя чудовищ, как понтифика Ассура и основателя дворцов и городов - вот темы, которым ассирийская скульптура посвящала себя на протяжении многих веков, подхватывая их и варьируя бесчисленными способами, и, очевидно, без опасения, что тот, для кого предназначалась вся работа, когда-нибудь устанет от повторения.

Подобные сюжеты предполагают реальное происхождение изображаемых событий, которые художники могут понять либо из личного наблюдения, либо из описаний. Это обуславливает весьма ощутимое отличие халдейской скульптуры от ассирийской, по крайней мере, в той мере, в какой последняя может быть изучена в украшениях дворца. В тех характеристиках и качествах исполнения, которые позволяют дать определение, стиль, несомненно, тот же, что и в Халдее. Художники Вавилона и Ниневии были учениками одной школы - они смотрели на природу одними и теми же глазами; одни и те же черты интересовали и привлекали внимание тех и других; у них были одни и те же предрассудки и одни и те же условности. Символы и сочетания форм, которые мы отмечали как характерные для халдейского искусства, встречаются и здесь; сцены обращения к богам и джиннам; орнаментальные группы и мотивы. Пример последнего можно найти в богатой вышивке, которой покрыты одеяния ассирийских царей. [124] Наконец, мы должны помнить, что все ассирийское искусство не было включено в украшение дворца. Прежде чем составить о нем полное и определенное суждение, необходимо рассмотреть памятники религиозного и промышленного искусства, но, к сожалению, до нас не дошло ни одного храмового интерьера и очень мало предметов домашней роскоши и повседневного обихода. Эти пробелы достойны сожаления, но не следует забывать, что барельефы были заказаны царем, что тысячи фигур, которые они содержат, были введены для того, чтобы придать *блеск* силе, доблести и гению государя, и что их исполнение, несомненно, было поручено лучшим художникам, которыми могла похвастаться Ассирия. С учетом изложенного мы можем посвятить себя изучению ниневийских скульптур, заполнивших музеи Лондона и Парижа, и считать их самыми сильными и оригинальными творениями ассирийского искусства.

Рис. 25. Фрагмент

барельефа из алебастра. Лувр. Высота 23 дюйма. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Теперь скульптура на алебастровых плитах, которыми были покрыты стены дворцов Шалманесера и Саргона, Сеннахериба и Ассурбанипала, ограничивается в основном походами, сражениями и сечами, она более *реалистична*, чем скульптура Халдеи, страны, которая меньше сделала, особенно на полях сражений, но больше изобрела и больше придумала, чем ее воинственный соперник. Мы в немалой степени обязаны меченосцам Ассирии, несмотря на пролитую ими кровь и ужасные жестокости, которые они совершали и радовались тому, что их запечатлели на страницах подробных историй их царствований. Работы, доверенные их художникам, оставили нам драгоценные документы и элементы для восстановления исчезнувшего мира. Филологи могут не торопиться с расшифровкой текстов, начертанных на рельефах, но великий хищный народ, который на протяжении по крайней мере четырех веков грабил всю Азию, не смягчаясь от обладания столькими накопленными богатствами, живет отныне в длинной серии изображений, восстановленных для мира Лэйярдом и Боттой. Суровые завоеватели появляются вновь, вооруженные, в шлемах и кирасах, как они проходили перед трепещущими народами тридцать веков назад. Они невысокого роста, но энергичные и крепкие, с исключительным развитием мускулатуры. Несомненно, их с младенчества готовили к выполнению воинских обязанностей с помощью системы гимнастических упражнений, подобных тем, что практиковали другие народы воинов. Носы у них высокие и крючковатые, глаза большие, черты лица в целом ярко выраженные семитские (см. [рис. 25](#)).

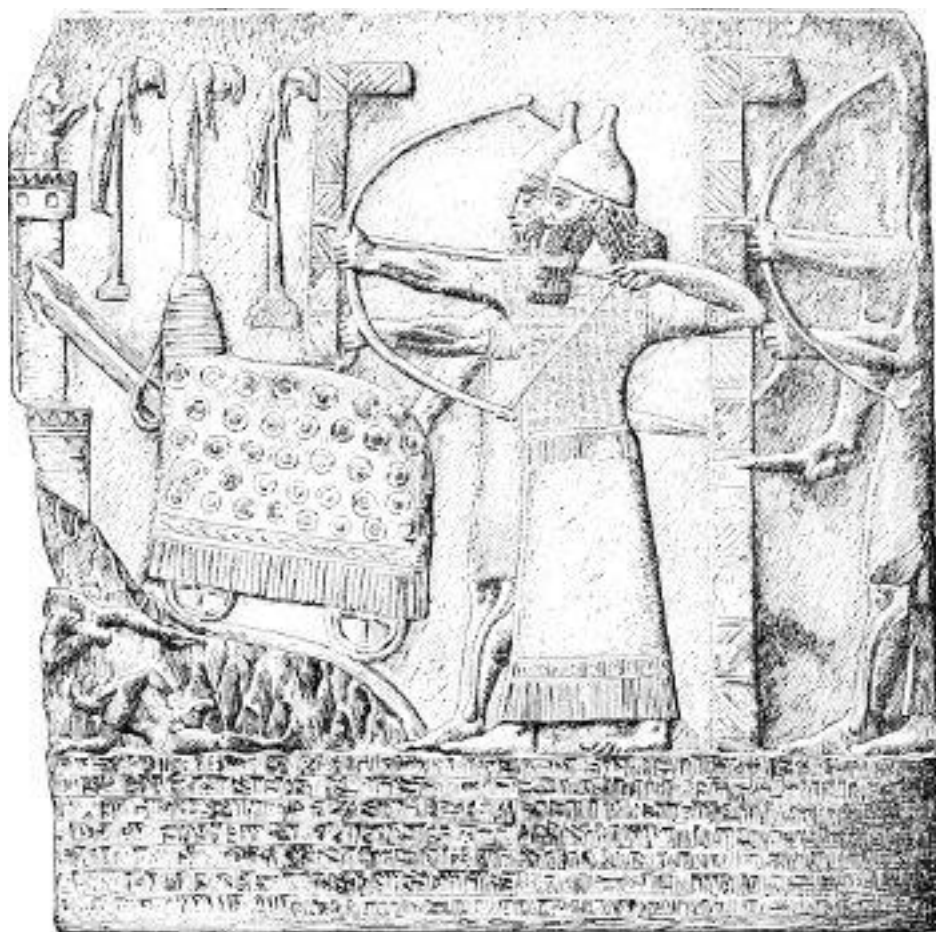

Рис. 26. Бас-рельеф Тиглата Пилесера II; из Нимруда. Британский музей. Высота 44 дюйма. Нарисован Сент-Эльмом Готье.

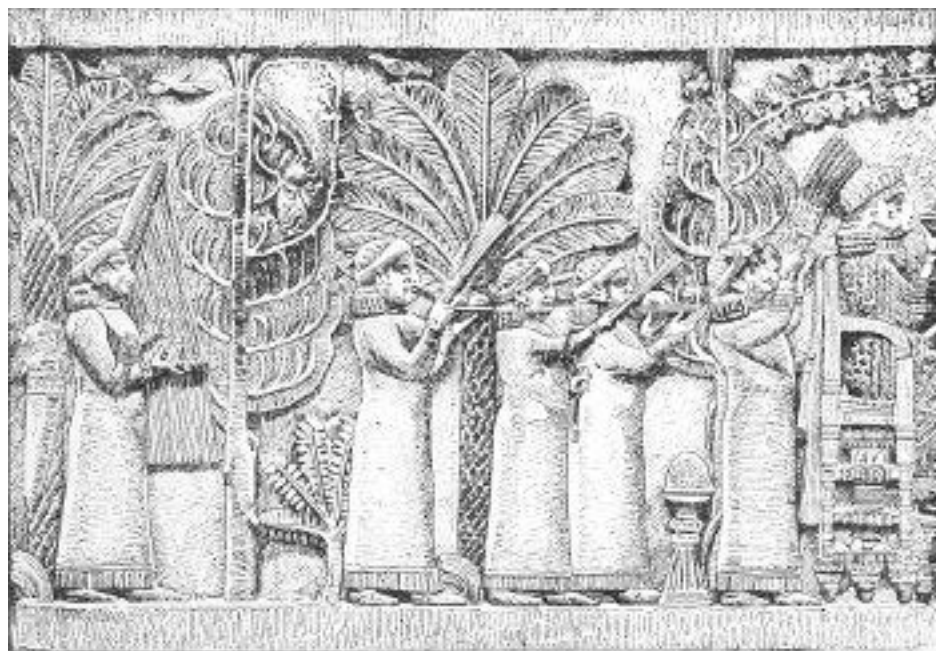

Рис. 27.- Пир Ассурбанипала; из Кюнджика. Британский музей. Высота 20¾ дюйма. № 1, Слуги на пиру.

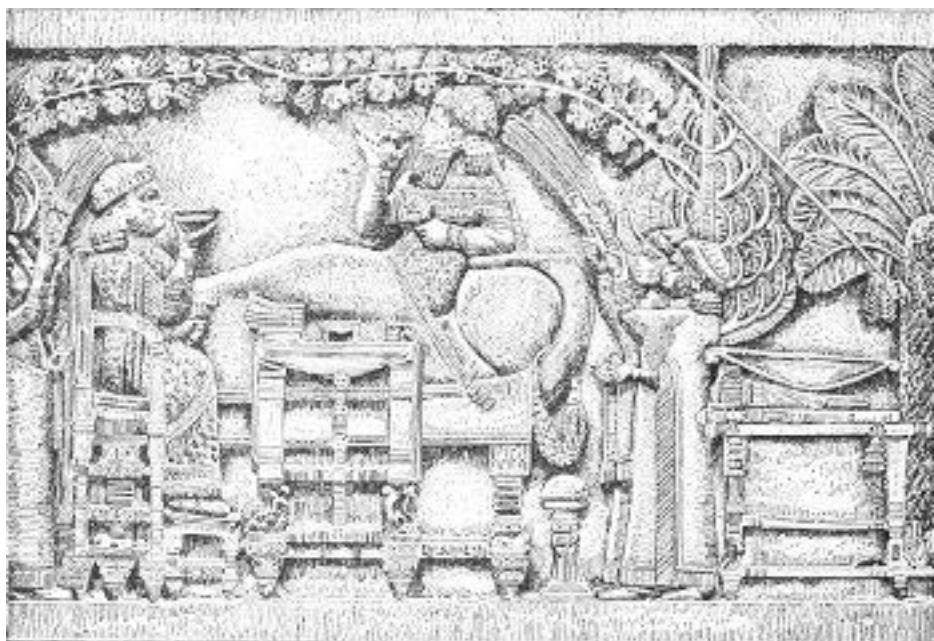

Рис. 28.- Пир

Ассурбанипала, продолжение. № 2, Царь и царица за столом. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Моральный облик народа показан не менее ярко. Вспоминается свирепость, которую они сохраняли среди всех роскошных приспособлений своей цивилизации. Зверства всех видов находят место в рельефах. Среди военнопленных наиболее удачливы те, кого вели за веревку, продетую через губы. Другие изуродованы, распяты, сожжены заживо. Тиглат Пилесер II показан нам осаждающим город, перед стенами которого он обезглавил трех пленников, захваченных у защитников (см. [рис. 26](#)). В других местах мы видим писцов, пересчитывающих кучи голов, прежде чем заплатить за них цену. [\[125\]](#) Когда они срывались с плеч важных врагов, их несли в процессии и берегли как почетные трофеи. На одном из рельефов мы видим Ассурбанипала, который после возвращения в Ниневию после усмирения южных мятежников лежит на роскошном диване в саду своего гарема и разделяет роскошную трапезу с любимой женой. На деревьях поют птицы, служительница играет на арфе, цветы и пальмы заполняют задний план, а на дереве возле правой [\[126\]](#) сцены висит голова эламского царя, которого Ассурбанипал победил и захватил в плен в своем последнем походе (см. [рис. 27](#) и [28](#)). Князья, получавшие удовольствие от этих ужасов, были щепетильны в своем благочестии. Мы находим множество изображений их в позах глубокого почтения перед своими богами, а иногда они приносят жертвы и возлияния в руках (см. [рис. 29](#)). Таким образом, без помощи надписей, по одним только скульптурам мы можем понять, какие странные контрасты представлял собой ассирийский характер - характер одновременно кровожадный и сладострастный, жестокий и утонченный, мистический и жестокий.

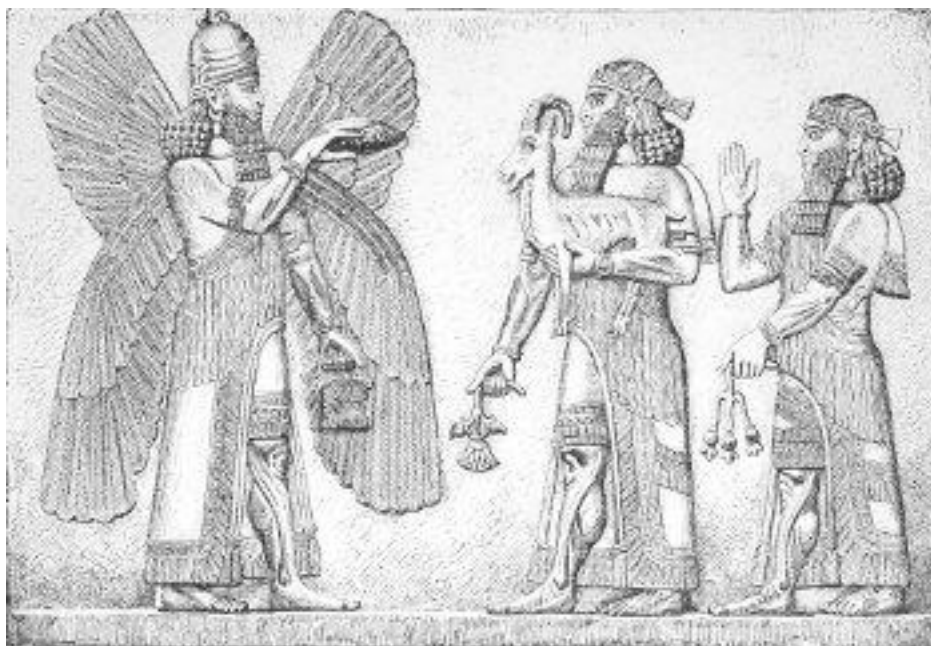

Рис. 29. Подношения богу;

алебастровый рельеф. Лувр. Высота 10 футов. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Искусство оставило нам столь искренний рассказ об этом необычном народе не только тем, что оно говорит, но и тем, что оно оставляет недосказанным, тем, что оно забывает рассказать. Царь и его лейтенанты, министры и домашние слуги, ветераны, составлявшие силу его легионов, и молодые люди, из которых набирались их ряды, не составляли всего ассирийского народа. Были также землепашцы, представители бесчисленных профессий, которые предполагает цивилизованное общество, - крестьяне, ремесленники и торговцы всех мастей, которые кормили, одевали и снаряжали армии; люди, которые выполняли полезную, но скромную работу, без которой боевая машина должна была вскоре остановиться. И все же они полностью отсутствуют в скульптурах, в которые художник, кажется, включил все, что показалось ему достойным интереса. Мы встречаем их то тут, то там, но только случайно. Время от времени их можно увидеть на фоне какой-нибудь сцены войны, в качестве рабочих или в каком-нибудь другом скромном качестве. В остальном скульптор игнорировал их существование. Они не были солдатами, что равносильно тому, чтобы сказать, что они были никем. Можно ли привести еще какой-нибудь пример того, как в искусстве, столь хорошо одаренном, полностью подавляется то, что мы должны называть гражданским элементом жизни? На барельефах мы также не находим женщин: те, на которых изображена царица Ассурбанипала, совершенно уникальны в своем роде. За исключением сцен, изображающих захват города и увод его жителей в качестве военнопленных, женщины почти полностью отсутствуют. В этих случаях мы иногда видим их на мулах или в колесницах (см. [рис. 30](#) и [31](#)). На некоторых барельефах Ассурбанипала, посвященных его походу на Сузы, женщины играют на тамбурине и поют хвалу царю. Но все это - исключения. Женщина, чью грацию и красоту так остро ощущали египтяне, почти полностью отсутствует в скульптуре Ассирии.

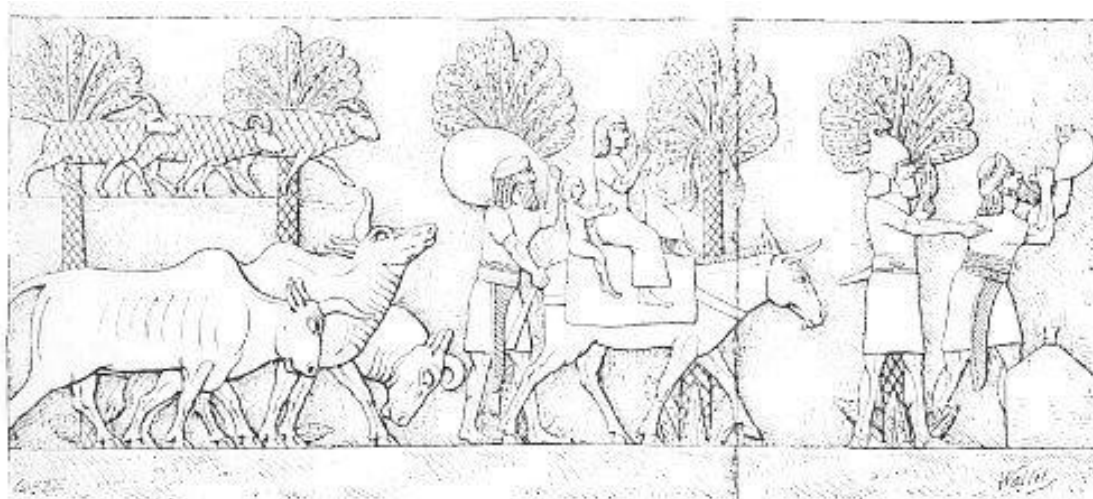

Рис. 30.-

Конвой пленников. Куюнджик. Из Лэйарда.

Ограничив таким образом сферу своего применения, скульптура обрекла себя на множество повторений и на единообразие, не далекое от однообразия; но само ее молчание красноречиво говорит о бесчеловечной оригинальности системы, которой Ассирия была обязана как великолепию своих военных успехов, так и окончательностью своего падения. Великий укрепленный лагерь, центром которого была Ниневия, однажды был разбит; ряды ветеранов, в которых постоянная война и война без четверти проделали такие широкие бреши, однажды были сломаны, и от настоящей Ассирии не осталось ничего, кроме невежественных масс государства второго сорта, для которых смена хозяев не имела большого значения, и нескольких огромных зданий, обреченных вскоре исчезнуть под своими собственными руинами.

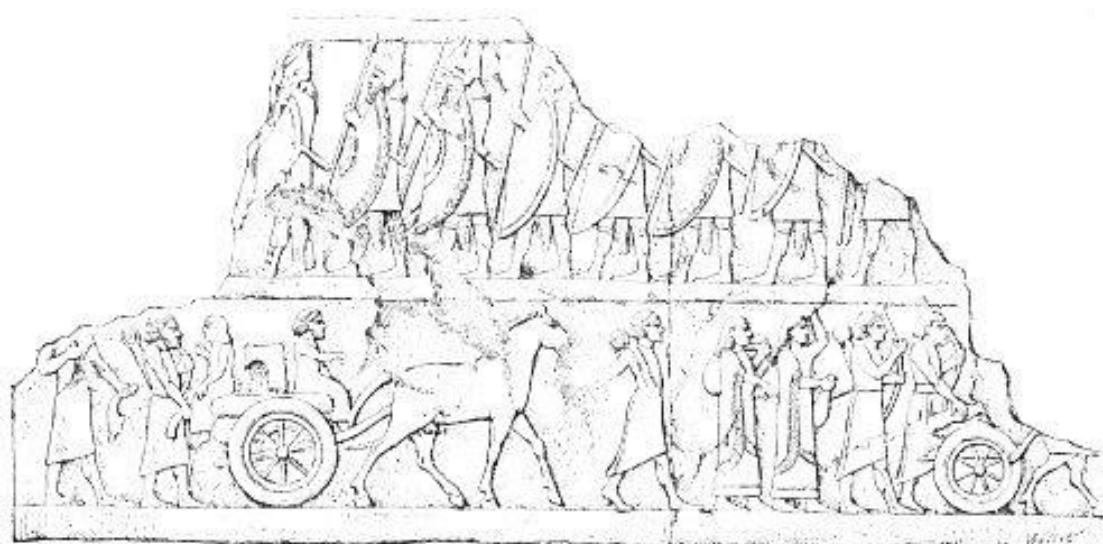

Рис. 31. Конвой

с пленными. Куюнджик. Из Лэйарда.

Когда мы закончим изучение ассирийской скульптуры, столь богатой в одних отношениях, столь бедной в других, мы поймем, с какой быстротой молчание и забвение поглотили столько славы и мощи; мы поймем, как спустя два столетия после победы Набополассара и окончательного триумфа Вавилона и его союзников Ксенофонт и его греки могли подниматься на Тигр и смотреть на все еще грозные стены покинутых городов Меспила и Лариса, даже не слыша произнесенного имени Ниневии. Жаждающие знаний, они проходили

по земле, не подозревая, что пыль, поднятая их ногами, когда-то была городом, который знали и боялись во всей Азии, и что столица империи, едва ли менее великой, чем империя Артаксеркса, с которым они столкнулись при Кунаксе, когда-то покрывала землю, на которой они стояли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[117] Диодор, ii. 29.

[118] Fr. Lenormant, *Manuel de l'Histoire ancienne de l'Orient*, vol. ii. p. 252.

[119] Loftus, *Travels and Researches in Chaldæa and Susiana*, p. 309. Греки дали соответствующее название κλιμακες тем ступенчатым дорогам, которые ведут из долины и с морского побережья на высокие равнины Персии.

[120] Геродот, i. 200. Подобный предмет питания широко используется в настоящее время на западных островах Шотландии и на других отдаленных побережьях, где почва бедна.

[121] По поводу этого цилиндра, в котором Джордж Смит хотел распознать изображение Адама и Евы, искушаемых змеем, см. работу М. Иоахима Менана под названием "*La Bible et les Cylindres Chaldéens*" (Paris, 1880, Maisonneuve, 8vo). Месье вкратце разбирает эту вынужденную интерпретацию и несколько подобных заблуждений, которые начали завоевывать определенное признание.

[122] О священных функциях царя см. в Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 474.

[123] 2 Царств xix. 37.

[124] Layard, *The Monuments of Nineveh* (folio, 1849), plates 43-50.

[125] Layard, *A Second Series of the Monuments of Nineveh* (folio, 1853), таблички 26 и 27. Писцы, о которых идет речь, по-видимому, писали на рулонах кожи.

[126] Во всей этой работе слова "правый" и "левый" относятся к правому и левому краю надписей, а не к читателю. Только благодаря этой системе можно избежать путаницы при описании статуй и композиций с фигурами.

ГЛАВА II.

ПРИНЦИПЫ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АССИРО-ХАЛДЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

§ 1. Материалы.

Халдея была колыбелью цивилизации, и, следовательно, искусства, характеристики которого нам предстоит определить. Почва Халдеи на большой глубине под поверхностью представляет собой мелкую рыхлую землю, похожую на почву дельты Нила. Только в нескольких местах на равнине, и то вблизи Персидского залива, есть несколько скалистых выступов, остатки древних островов, которые постепенное вторжение двух великих рек соединило с материком Азии. Их значение настолько незначительно, что мы вполне можем игнорировать их существование и вообще утверждать, что в Халдее нет камня. Как и все великие реки, Тигр и Евфрат в верхней и средней частях своего течения несут вниз куски горных пород со своих родных гор, но после того, как они вступают на аллювиальную почву у границы между Ассирией и Халдеей, их потоки становятся вялыми, и эти тяжелые тела опускаются на дно и впечатываются в почву; вода уже не несет с собой ничего, кроме мельчайших частиц, которые с течением веков образуют огромные глинистые берега. На всем расстоянии между Багдадом и морем можно взять лопату и, перевернув почву, где угодно, не найти камня величиной с орех.

В отсутствие природного камня нужно было найти что-то, что могло бы занять его место, и был изобретен искусственный материал, который мы называем кирпичом. Человеческий интеллект отказывается от состязания с природой перед первыми препятствиями, которые, кажется, мешают его продвижению; если он не может отмахнуться от них, то поворачивается к ним флангом. Самой незначительной случайности часто бывает достаточно, чтобы подсказать желаемое решение. Происхождение почти всех великих открытий, которыми усеяна история цивилизации, можно отнести к счастливой случайности. Первые жители Халдеи соорудили грубые кухни для приготовления простой пищи из влажной и пластичной глины, а костры из тростника и сломанного дерева, разожженные на этих простых очагах, раскалили и затвердели, пока глина не стала похожа на камень. Кто-то из посторонних, более наблюдательный, чем остальные, заметил это изменение и стал отцом керамики. Мы используем это слово в самом широком, этимологическом смысле. *Керамика* - это искусство лепки из глины и обжига ее в огне, чтобы получить конструкционные материалы, домашнюю утварь или предметы роскоши и украшения. [127]

Еще до того, как была построена первая кирпичная или гончарная печь, должно быть, было известно, что в таком климате, как в Халдее, высушенная на солнце земля хорошо подходит для определенных целей. Среди *обломков*, оставленных первыми пионерами цивилизации, мы находим остатки ваз, которые, похоже, были высушены только на солнце. Но такая пористая и рыхлая керамика могла использоваться лишь для некоторых целей, и от нее окончательно отказались, как только было открыто искусство обжига земли, сначала в горячей золе домашнего очага, а затем в ищущем пламени тесной печи. Иначе обстояло дело с кирпичом. Высыхание, производимое почти вертикальным солнцем Месопотамии, позволяло безопасно и выгодно использовать его в некоторых частях здания. В таком состоянии он называется сырцовым кирпичом, чтобы отличить его от более твердого материала, полученного под воздействием прямого жара дровяных костров.

В любом случае глина, предназначенная для использования в качестве строительного материала, подвергалась первичной подготовке, которая никогда не менялась. Ее

освобождали от инородных тел, которые могли попасть в нее, а затем, как и в Египте, смешивали с измельченной или скорее растертой соломой, что, как считалось, придавало ей большую плотность и устойчивость. Затем его смешивали с водой в пропорциях, которые диктовал опыт, и разминали ногами в широких и неглубоких бассейнах. [128] Кирпичники Моссула по сей день проходят через этот же процесс.

Как только глина достаточно разминалась, ей придавали форму почти квадратных форм. По размерам эти формы превосходили даже египетские: их поверхность составляла от 15¼ до 15½ дюймов в квадрате, а толщина - от 2 до 4 дюймов. [129] Похоже, что эти искусственные блоки получили такой экстравагантный размер, чтобы компенсировать отсутствие камня в природе; единственным ограничением размера, по-видимому, были трудности изготовления и обработки.

Сырой кирпич никогда не становится достаточно твердым, чтобы противостоять воздействию воды. В греческой истории мы читаем, как Агесиполис, царь Спарты, осаждая Мантинею, направил поток Офиса вдоль подножия ее стен из необожженного кирпича, и таким образом заставил их рассыпаться. Кимон, сын Мильтиада, таким же образом атаковал оборону Эйона на реке Стримон. Когда высыхание заходило достаточно далеко, такие материалы можно было использовать, по крайней мере, в интерьерах, чтобы они выполняли те же функции, что и камень или обожженный кирпич. Витрувий рассказывает, что магистраты, отвечавшие за строительные работы в Утике, не разрешали использовать кирпич, пока ему не исполнится пять лет. [130] Похоже, что ни в Халдее, ни тем более в Ассирии не было такого длительного ограничения. Лишь в виде исключения во дворцах Ниневии были найдены сырые кирпичи, высушенные до максимально возможной степени; почти единственный пример, который мы можем привести, - это кирпичи, составляющие арки дверных проемов дворца в Хорсабаде. Они прямоугольные, а в клиновидные промежутки между их гранями была залита более мягкая глина, чтобы заполнить швы. [131] Как правило, все делалось гораздо менее терпеливо. По истечении нескольких дней, а может быть, и недель, как только кирпичи становились сухими и достаточно твердыми, чтобы их можно было легко обрабатывать, их переносили на землю и укладывали, пока они еще были мягкими.

Об этом мы знаем из свидетельств М. Плейса, который пробил множество исследовательских шахт в массивных ассирийских зданиях и по внешнему виду своих раскопок мог судить о состоянии, в котором кирпичи были уложены на место. Сверху донизу их стороны представляли собой ровную и однородную поверхность; не было обнаружено ни малейших признаков швов. Кто-то может подумать, что кирпичи, вместо того чтобы быть мягкими, сначала высушивались на солнце, а затем, когда их нужно было использовать, каждый из них окунали в воду, чтобы придать ему кратковременную влажность перед укладкой на свое место. М. Плейс отвергает любую подобную гипотезу. Он указывает, что если бы ассирийские каменщики действовали подобным образом, то каждый шов можно было бы различить по более темному оттенку, чем остальная часть стены. На самом деле ничего подобного нет. Единственное, что доказывает, что его раскопки были сделаны из кирпича, а не из массы земли, взбитой трамбовкой, это, во-первых, то, что вырезанное вещество очень однородное и гораздо более плотное, чем если бы оно не было замешано и спрессовано в формах; и, во-вторых, то, что горизонтальные ряды здесь и там можно отличить друг от друга по разнице в оттенках. [132]

Искусство обжига кирпича относится, в случае с Халдеей, к очень отдаленной эпохе. Не сохранилось ни одной традиции о периоде, когда оно не практиковалось. После потопа, когда люди захотели построить город и башню, которая должна была достать до небес, "они

сказали друг другу: "Пойдем, сделаем кирпич и обожжем его; и был у них кирпич для камня, и слизь была у них для раствора". [133]

Вавилонские кирпичи были, как правило, размером в один халдейский фут (скорее больше английского фута). Их цвет варьируется в разных зданиях от темно-красного до светло-желтого, [134] но они всегда хорошо обожжены и отличного качества. Почти на всех из них имеется надпись следующего содержания: "Навуходоносор, царь Вавилона, восстановитель пирамиды и башни, старший сын Набополассара, царя Вавилона, I". При укладке кирпича лицевая сторона с этой надписью была повернута вниз. Символы оттискивались на мягкой глине с помощью штампа. Уже обнаружено более сорока разновидностей, что подразумевает существование такого же количества штампов (см. [рис. 32](#)). В Ассирии эти надписи иногда штамповались, иногда гравировались рукой ([рис. 33](#)).

Большинство кирпичей имеют правильную форму, с параллельными и прямоугольными гранями, но было найдено несколько клиновидных, как в Халдее, так и в Ассирии. Они, должно быть, были сделаны для строительства арок или сводов. Их наклон варьируется в зависимости от их предназначения в кривой. [135]

Тело эмалированного кирпича отличается от тела обычного. Оно более мягкое и рыхлое, кажется, что оно почти не обожжено. [136] Это отличие, которому так удивился М. Пляс, имеет свою причину. Производители понимали, что их эмалевые краски при стекловании будут глубже проникать в материал, на который их наносят, и теснее с ним соединяться, если последний не будет так полностью затвердевать.

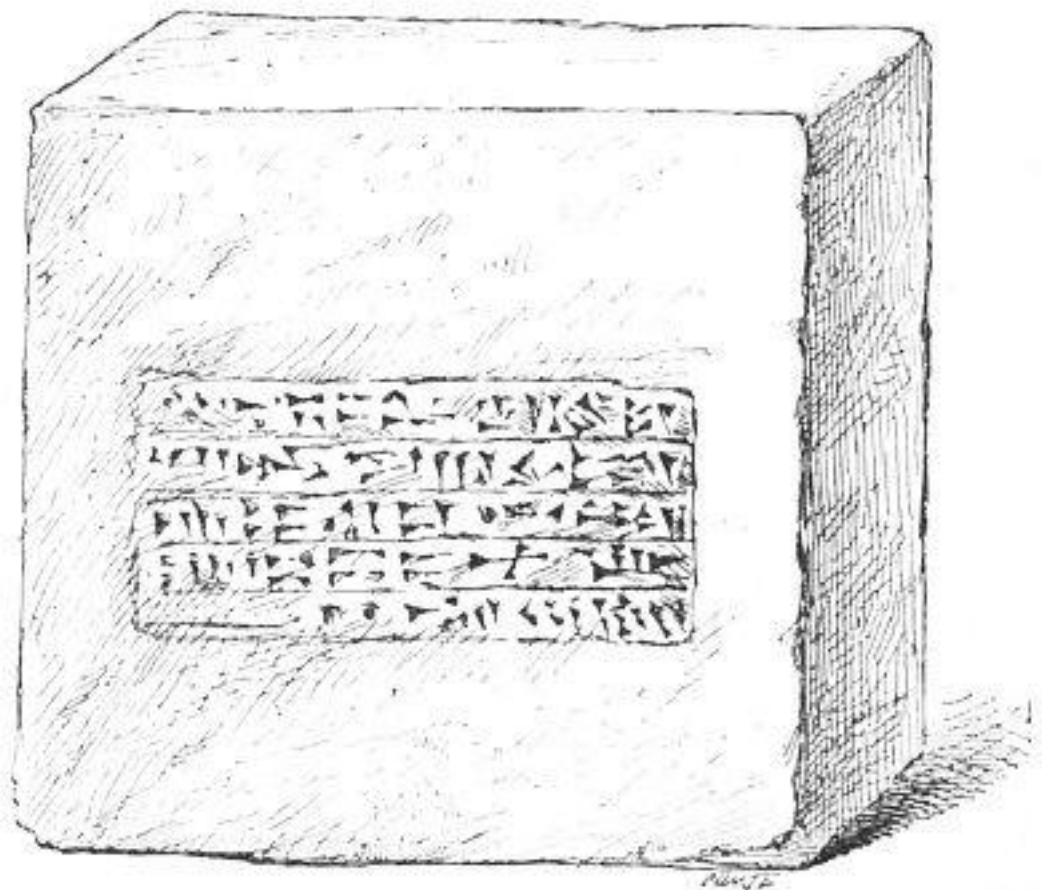

Рис. 32.-

Вавилонский кирпич; из Лувра. 16 дюймов квадратных с лицевой стороны и 4 дюйма толщиной.

Сырой кирпич, жженный кирпич и кирпич с эмалью - вот единственные материалы, которые были в распоряжении архитектора, по крайней мере, в городах Халдеи. Несколько фрагментов базальта и диорита, конечно, были найдены в их руинах, особенно в Телло, недавно раскопанном М. де Сарзекком; но по внешнему виду этих блоков мы легко можем сказать, что они играли очень подчиненную роль в зданиях, в которые их внедряли. Некоторые из них, похоже, использовались в качестве рельефных украшений на кирпичных стенах; другие, и эти наиболее многочисленные, по-видимому, использовались для главных входов в здания. На одной из граней можно заметить полукруглое углубление или гнездо, в котором должны были вращаться ножки бронзовых шарниров, точнее, шарниров, обутых и облицованных бронзой, на которые навешивались тяжелые деревянные двери и их металлические наличники. Следы последующего трения до сих пор хорошо видны. [137] Размеры этих камней никогда не были большими, и легко понять, что их использование в строительных целях всегда было ограничено. Их действительно приходилось привозить с большого расстояния. Города на берегу Персидского залива могли получать их из Аравии. [138] Вавилон и Ниневия, должно быть, черпали их из верхних долин Тигра и Евфрата. [139] Но добыча и транспортировка требовали таких затрат, которые не позволяли даже думать о том, чтобы ввести эти вулканические породы в обиход.

Рис. 33.- Кирпич из

Хорсабада; Лувр. $12^{(2)}_{(3)}$ дюймов в квадрате и $4^{(4)}_{(5)}$ дюймов толщиной.

По сравнению с городами, расположенными в низовьях Евфрата, Вавилон находился недалеко от гор, откуда с помощью каналов и рек можно было легко получить известняк хорошего качества. Даже в наши дни, когда торговля и промышленность в этих краях настолько упали, гипсовый алебастр из окрестностей Моссула в немалых количествах доставляется в Багдад. Он используется для облицовки бань и *сердабов*, в которые люди уходят летом. [140]

В останках великой столицы нет ни малейших следов одетых камней. И все же он использовался во времена Второй империи в некоторых из великих общественных работ, предпринятых Набополассаром и особенно Навуходоносором. Геродот, видевший Вавилон, заявляет об этом самым официальным образом в своем описании моста, который тогда впервые соединил два берега Евфрата. В то время как реку окаймляли набережные из обожженного кирпича, мост, говорит историк, "был построен из очень больших камней, скрепленных между собой железными хомутами, вбитыми в свинец". [141]

Однако это было лишь одно исключение, и оно было вызвано самой природой предстоящей работы. Не было цемента, который мог бы противостоять действию воды в течение неопределенного времени и сохранять целостность кирпичной кладки, подвергающейся ее неустанным атакам. Чтобы получить опоры, способные выдержать течение во время больших наводнений, лучше было использовать блоки значительного веса, которые можно было скрепить металлическими штырями или зажимами.

Лишь в редких случаях приходилось возводить здания, в которых приходилось отказываться от вековых привычек. Почему же такие сооружения погибли и не оставили после себя никаких следов? На этот вопрос можно легко ответить. Когда руины Вавилона начали использовать в качестве открытой каменоломни, каменные здания должны были исчезнуть первыми. Этот

материал, ценный своей редкостью и пользующийся большим спросом, чем любой другой, использовался снова и снова, пока не осталось никаких следов его первоначального назначения или зданий, в которых он был найден.

В Ассирии длинные цепи холмов пересекали равнину и тянулись то тут, то там до границ двух рек, кроме того, последние контрфорсы гор Курдистана вплотную подступали к левому берегу Тигра. Все эти холмы состояли из известняка. Было найдено два сорта: один - мелкий, твердый, плотнозернистый и немного шелушащийся, другой - более мягкий и рыхлый.

Для украшения своих монументальных дверных проемов и облицовки своих богатейших апартаментов архитектор выбрал и передал скульптору те прекрасные плиты из гипсового алебаstra, образцы которых можно увидеть в Лувре и Британском музее. На равнинах гипс служит основой или фундаментом для широких глиняных насыпей, которые раскинулись по всей стране и имеют гораздо меньшую толщину, чем на юге Халдеи. Алебастр встречается там в больших количествах, часто немного ниже поверхности почвы. [142] Это сульфат мела, серого цвета, мягкий и хорошо поддающийся полировке. Но у него много недостатков: он легко ломается и быстро портится под воздействием воздуха. Ассирийцы, однако, не боялись использовать его в больших количествах, о чем свидетельствуют быки в Лувре и Британском музее. До удаления эти резные человекообразные животные весили около тридцати пяти тонн, а некоторые из тех, что сохранились в Хорсабаде и Куюнджике, еще больше.

В Ассирии, как и в Халдее, темные и твердые вулканические породы были найдены лишь в нескольких отдельных фрагментах. Они использовались скорее скульпторами и орнаменталистами, чем архитекторами, и мы не можем с уверенностью сказать, где они их брали. Однако мы знаем, что базальт и другие подобные породы были найдены в верхних долинах ручьев, впадавших в две великие реки. [143]

Поэтому ассирийскому архитектору достаточно было протянуть руку, чтобы добыть камень достаточно разнообразной природы из почвы своей страны или с горных склонов. Конечно, он был посредственным по качеству, но обладал силой сопротивления, которая позволяла использовать его в определенных местах. На первый взгляд трудно понять, почему его так мало использовали. Но самом деле камень был для ассирийцев не более чем вспомогательным и дополнительным материалом; тела его сооружений никогда не состояли из него; он использовался в основном для цоколей, тротуаров и внутренней облицовки стен.

Несмотря на кажущуюся необычность, это решительное исключение легко объяснимо. Ассирийцы ничего не изобретали. Его язык и письменность, его религия и наука пришли из Халдеи, как и его искусство. Когда царям Ресена, Калеха и Ниневии взбрело в голову построить дворцы, они привозили из южного царства архитекторов, художников и скульпторов. Почему, спрашивается, эти художники остались верны традициям, в которых они выросли, оказавшись в столь разном окружении? Ответ заключается в том, что ничто так не живуче, как те профессиональные привычки, которые передаются из поколения в поколение благодаря практическому обучению в более или менее близких кругах, кроме того, мы должны помнить, что халдейские методы были прекрасно приспособлены для удовлетворения тех нетерпеливых принцев, по приказу которых велись работы. Для добычи, обработки и закрепления камня требовалось специальное и довольно утомительное образование. Производство и укладка кирпича были сравнительно простыми. Достаточно нескольких недель, чтобы научиться всему, что нужно было узнать о замешивании и формовке земли, ее высыхании на солнце или обжиге в печи. При условии наличия опытных людей для руководства последней операцией можно было делать миллионы хороших кирпичей в год. [144] Все это не требовало длительного обучения. Их укладка в горизонтальные ряды или группировка через определенные интервалы, в те линии бойниц,

которыми венчалась каждая стена, осуществлялась людьми *корвея*. Некоторые части здания, такие как арки и своды, требовали большей тщательности и мастерства, и их, несомненно, поручали опытным каменщикам, но, за этими исключениями, всю работу можно было доверить новичкам, тем армиям невольников, которых мы видим на барельефах, работающих в цепях, как каторжники.

Работая таким образом, даже самые грозные работы можно было завершить с необычайной быстротой. В Ассирии, как и в Халдее, принц не успевал прочно сесть на трон, как его архитекторы приступали к возведению дворца, который должен был полностью принадлежать ему. Он не желал, чтобы на его стенах было начертано какое-либо имя, кроме его, или чтобы на них были изображены какие-либо подвиги, кроме тех, которые он совершил благодаря собственной доблести. В жизни постоянных войн и приключений, которую вели эти государи-завоеватели, скорость была превыше всего, ведь они никогда не могли быть уверены в завтрашнем дне.

В том, что подобные соображения имели большое значение для решимости ассирийских архитекторов следовать системе, которую изобилие прочных материалов предлагало им отбросить, вряд ли можно сомневаться. Они не осмеливались вызвать недовольство хозяев, которые не любили ждать; они предпочитали скорее пожертвовать честью и славой, которые можно было завоевать возведением прочных и живописных зданий, чем использовать медленно обрабатываемые материалы, из которых только и можно было их построить.

Ассирия была во всех отношениях лучше обеспечена, чем Халдея. Сама природа, казалось, приглашала ее отбросить слишком покорный дух подражания и создать собственное искусство. Обладание камнем было не единственным ее преимуществом перед южным соседом: у нее была и древесина; по крайней мере, ниневийскому архитектору приходилось преодолевать гораздо меньшее расстояние, чем его вавилонскому сопернику, чтобы найти ее. С вершин высоких курганов, у подножия которых он устраивал свои мастерские, открывался далекий вид на горные цепи, долины которых были покрыты лесами из дуба и бука, сосны и кипариса. В пределах Нижней Месопотамии ничего подобного не было. Ближайшие горы, расположенные параллельно левому берегу Тигра, но на значительном расстоянии, даже в древности были более голыми, чем горы Курдистана и Армении. От одного края равнины до другого не было деревьев, кроме пальмы и тополя, из которых можно было вырезать бревна любой длины. Мягкая и волокнистая финиковая пальма - один из худших видов древесины в мире; тополь, хотя и более полезен, не менее хрупок и легок. Из таких материалов невозможно разработать систему плотницких работ, которая позволила бы покрывать огромные пространства и достигать больших высот. Когда Ниневия, а за ней и Вавилон завоевали всю Западную Азию, они, как и Египет до них, опирались на леса Ливана. Там она получала балки и доски для потолков и дверей своих роскошных дворцов. [145] Однако использование этих превосходных пород дерева всегда должно было быть редким и исключительным. Кроме того, утвердились и другие привычки. Когда эти новые ресурсы были предоставлены в распоряжение архитектуры, искусство было слишком старым и слишком тесно связанным со своими традиционными методами, чтобы принять их помощь. В использовании дерева, как и кирпича, Ассирия пренебрегла преимуществами, которые давали ей ее положение и природные богатства.

Если Халдея была плохо обеспечена камнем и древесиной, то у нее были все возможности для получения полезных и драгоценных металлов. Конечно, их нельзя было найти в аллювиальных равнинах, но металлы легко транспортировать, особенно в страну, чья торговля опирается на судоходные магистрали. Промышленные центры, в которых они производятся, часто отделены огромными расстояниями от мест, где они добываются из земли. Но чтобы добыть самые необходимые из них, жителям Тигра и Евфрата не нужно было преодолевать большие расстояния. Южные склоны Загроса, расположенные в трех-четыре днях пути от Ниневии, в изобилии

поставляли железо, медь, свинец и серебро. В Курдистане до сих пор работают или, по крайней мере, работали в очень недавние времена шахты, которые поставляют эти металлы в изобилии. Следы заброшенных выработок могут быть обнаружены даже поспешным и необразованным путешественником, а умелый инженер, несомненно, сделает новые открытия. [146] Мистеру Лэйярду не удалось узнать, было ли добыто золото в наши дни; но из предметов, найденных при раскопках, из надписей, в которых ассирийцы хвастаются своим богатством и расточительностью, из египетских текстов, в которых подробно описываются дани, выплачиваемые Ротен-ну, то есть народам Сирии и Месопотамии, ясно, что в великие времена Ниневии и Вавилона эти столицы обладали огромным количеством золота и использовали его множеством различных способов. В течение нескольких веков войн, побед и грабежей князя, офицеры и солдаты накопили огромные богатства путем простого процесса лишения народов Западной Азии всех ценностей, которыми они обладали. В случае Вавилона эти богатства постоянно пополнялись за счет активной торговли, которую он вел со странами, добывающими минералы, такими как Кавказ, Бактриана, Индия и Египет.

Есть некоторые виды архитектуры, например, греческая, которые сохраняют редкое благородство, даже если лишены металлических украшений и многоцветного декора. Архитекторы Вавилона и Ниневии находились в ином положении. Без металлов некоторые из их лучших эффектов были бы невозможны. Последние можно было использовать по своему усмотрению в виде гибких нитей или длинных узких лент, которые можно было прибивать или приклепывать к дереву или кирпичу. По ним можно бить молотком, придавать им форму долотом или гравировать резцом; их поверхность может быть как мертвой, так и полированной; разнообразие оттенков, на которые они способны, и блеск их отражений являются одними из самых ценных ресурсов декоратора, а содержащиеся в них красящие вещества дают художнику и эмалиру некоторые из самых богатых и прочных тонов. В Халдее архитектор был обречен *непреодолимой силой* обстоятельств использовать лишь сырой или жженный кирпич и плохую древесину; в Ассирии он добровольно обрекал себя на ограничения, которые они накладывали. Благодаря умелому и разумному использованию металлов ему удалось в какой-то степени преодолеть эти недостатки и скрыть под роскошным декором из золота, серебра и бронзы недостатки, присущие материалу, из которого в основном состояли его здания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[127] Г. Курциус считает, что слово *κεραμος* и, соответственно, его производные (*κεραμευς*, *κεραμεια*, *κεραμεικη* и т. д.) происходят скорее от корня *CRA*, выражающего идею *готовить*, чем от слова *κερᾶννυμι*, смешивать, замешивать (*Grundzüge der Griechischen Etymologie*, p. 147, 5th edition).

[128] См. *Нахум* iii. 14.

[129] Даже эти размеры иногда превышались. В Лувре хранится ассирийский кирпич более 17½ дюймов в квадрате. См. De Longperier, *Notice des Antiquités Assyriennes* (3-е издание, 1854, 12mo), № 44.

[130] Витрувий, 1. ii. гл. 3.

[131] Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol. i. p. 225. Свод галереи, обнаруженной Лэйярдом в центре башни, занимавшей часть кургана Нимруда, был построен таким же образом. *Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon*, p. 126.

[132] Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol. i. pp. 211-224.

[133] *Бытие* xi. 3.

[134] Layard, *Discoveries*, pp. 506 и 531.

[135] См. о Халдее: Loftus, *Travels and Researches*, p. 133; а об Ассирии: Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol. i. p. 250, and vol. ii. plates 38 and 39. В качестве примера разновидностей сечения этих кирпичей можно привести те, что были найдены М. де Сарзекон в руинах Телло, которые принадлежали круглому столбу. Этот столб был сложен из круглых кирпичей, уложенных горизонтальными рядами вокруг центра из того же материала. В других местах были найдены треугольные кирпичи, которые, должно быть, формировали углы зданий. Taylor, *Notes on the Ruins of Mugheir (Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 266). В Абу-Шарейне тот же путешественник нашел кирпичи с выпуклыми гранями (*Journal, &c.*, vol. xv. p. 409).

[136] Place, *Ninive, &c.*, vol. i. p. 233.

[137] Некоторые из этих фрагментов находятся в Лувре. В Ассирийской галерее они лежат на земле. Их формы слишком неправильны, чтобы их можно было воспроизвести здесь. Если бы не углубление, о котором идет речь, можно было бы предположить, что это просто бесформенные валуны. Лэйард заметил подобные останки среди руин Вавилона, *Discoveries, &c.*, p. 528.

[138] М. Опперт даже склонен думать, что некоторые из них пришли с Синайского полуострова и восточных берегов Египта (*Revue Archéologique*, vol. xlii. p. 272). Формирование Аравийских холмов еще не очень хорошо изучено, и мы не можем с уверенностью сказать, откуда могли появиться эти камни. Однако представляется вероятным, что они могли быть получены из определенных районов Аравии, откуда их можно было без особых усилий доставить в пределах досягаемости каналов, питаемых Евфратом, или какого-нибудь порта, торгующего с Персидским заливом.

[139] Layard, *Discoveries, &c.*, p. 528.

[140] Layard, *Discoveries*, p. 116.

[141] Геродот, i. 186. Диодор (ii. viii. 2), цитируя Ктесия, почти в тех же выражениях говорит об этом каменном мосте, который он приписывает Семирамиде.

[142] Botta, *Monuments de Ninive*, vol. v. p. 3.

[143] В долине Хабур, главного притока Евфрата, Лэйард обнаружил вулканы, чья активность, похоже, была погашена лишь в очень недавнюю эпоху. Длинные потоки лавы вытекали из их боков на равнину. *Discoveries*, p. 307.

[144] О простоте и быстроте процесса, с помощью которого в Персии и по сей день изготавливают сырцовые кирпичи, см. Texier, *L'Arménie et la Perse*, vol. ii. p. 64.

[145] Что касается использования в Ассирии кедра с Ливана, см. François Lenormant, *Histoire Ancienne*, vol. ii. p. 191, и надпись Сеннахериба, переведенную Oppert, *Les Sargonides*, pp. 52, 53. Его использование в Вавилоне доказывается несколькими фрагментами большого текста, известного как *Лондонская надпись*, в котором Навуходоносор рассказывает о великих работах, которые он приказал провести в своей столице (Lenormant, *Histoire*, vol. ii. pp. 228 и 233). Среди прочих мы находим такую фразу: "Я использовал в палате оракулов самое большое из деревьев, привезенных с вершин Ливана". Лэйард (*Discoveries*, pp. 356-7) рассказывает, что однажды вечером во время раскопок в Нимруде его рабочие разожгли костер, чтобы просушить себя после шторма, который они подпитывали бревнами, взятыми из развалин. Запах горящего кедра - аромат, который воспевали многие греческие и латинские поэты (*urit odoratam nocturna in lumina cedrum*, Virgil, *Aeneid*, vii. 13), - дал ему понять, что происходит. В Британском музее (галерея

Нимруд, корпус А) можно увидеть фрагменты восстановленных балок. Они настолько хорошо сохранились, что им можно было бы придать новую форму и отполировать, чтобы вновь проявились отметины и тонкий темно-желтый оттенок, который в немалой степени способствовал тому, что дерево стало таким ценным. Его искали как за приятный внешний вид, так и за известную прочность; и опыт доказал, что народное мнение, объявлявшее его неподкупным, имело под собой некоторые основания.

[146] Layard, *Nineveh*, vol. i. p. 223, and vol. ii. pp. 415-418.

§ 2. Общие принципы формы.

Если в нашей фантазии мы лишим здания Халдеи и Ассирии всех их аксессуаров, если мы уберем из них орнамент поверхности и рельеф крыш, то останется голая постройка, которую геометры называют *прямоугольным параллелепипедом*.

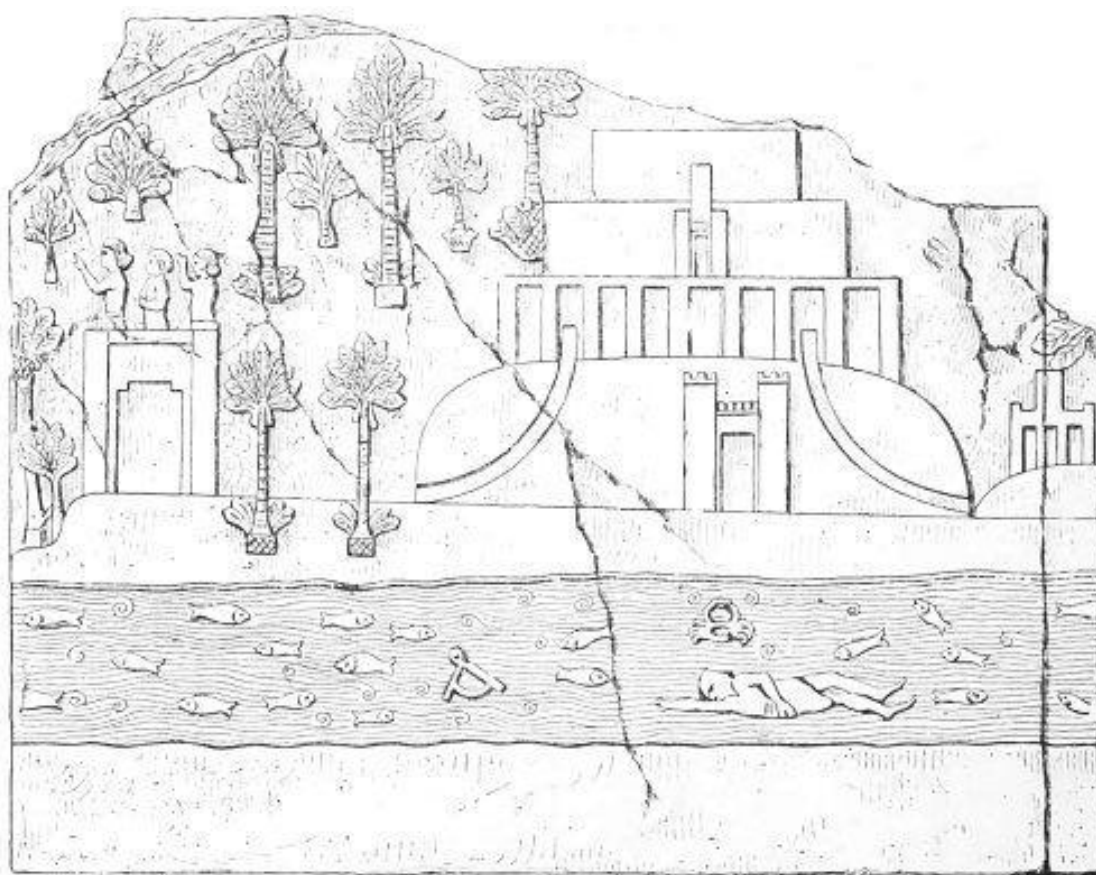
Из всех типов, созданных этой архитектурой, единственным, от которого до нас дошло несколько достаточно хорошо сохранившихся примеров, является дворец. Поэтому он является самым известным из всех, и первым, кто привлек к себе внимание и изучение. Теперь, на искусственной насыпи, широкой террасе, на которой раскинулась его внушительная масса, дворец можно сравнить с огромным ящиком, все грани которого расположены либо горизонтально, либо вертикально (Plate V.). Даже в многоэтажных храмах, общий вид которых в значительной степени зависит от их высоты, можно проследить тот же элемент. Мы попытались восстановить некоторые из них, сопоставив описания древних авторов с остатками, которые до сих пор сохранились во многих частях Месопотамии (таблички II., III. и IV.). Их общая форма может быть описана как коробка, с которой мы сравнивали дворец, повторенный несколько раз по вертикали, причем каждая коробка была меньше той, что находилась под ней. С помощью этих средств их строители предлагали придать им возвышенность, приближающуюся к чудесной. В некоторых отношениях система была похожа на пирамиду, но вновь входящие углы на каждом этаже придавали им совершенно иной вид, по крайней мере, если смотреть на них с небольшого расстояния. Лишь изредка мы встречаем наклон, подобный наклону сторон пирамиды, и в этих случаях он относится только к основаниям (Plate IV.). Как правило, стены или внешние поверхности перпендикулярны основаниям.

Полное отсутствие в Халдее системы строительства, которая была столь универсальной в Египте, мы, возможно, объясним различиями климата и используемых материалов. Несомненно, в Месопотамии дождей меньше, чем даже в Италии или Греции. Но дождь не является, как в Верхнем Египте, почти неизвестным явлением. Смена времен года сопровождается ливневыми дождями, которые по своей силе напоминают потопа. [147] По наклонным стенам из тесаного камня эти потоки могли бы биться, не причиняя большого вреда, но там, где использовался кирпич, неудобства такого наклона скоро стали бы ощутимы. Вода не падает так быстро по наклонной стене, как по перпендикулярной, а поверхность, сложенная из сравнительно тонкого кирпича, имеет гораздо больше швов, чем та, в которой используются камни значительного размера. Как правило, внешние стороны всех важных зданий облицовывались очень твердым и хорошо обожженным кирпичом. Но дождь, подгоняемый ветром, мог легко проникать через швы и распространяться по своему усмотрению через сердцевину просто высушенного на солнце кирпича внутри. Поэтому вертикальность ассирийских и халдейских стен была необходима для их сохранности. Без нее тонкое покрытие из обожженного кирпича не смогло бы выполнить свою работу по защите более мягкого материала внутри, и внезапные бури, которые то и дело наполовину топили равнины, были бы гораздо более разрушительными, чем они были.

Халдейский дворец, как и египетский храм, стремился в основном к боковому развитию. Его протяженность значительно превосходила высоту, а в общей физиономии преобладали

горизонтальные линии. Здесь существовала скрытая гармония между архитектурой природы и архитектурой человека, между великими равнинами Месопотамии с их далекими горизонтами и длинными стенами храмов и дворцов, нарушаемыми лишь их зубчатыми вершинами. Однако в сооружениях, задуманных по такой схеме и построенных в такой стране, должно быть, не хватало рельефности, зримости.

Этот последний недостаток был очевиден для самих месопотамцев, которые возводили жилища своих богов и царей на искусственном кургане с тщательно вымощенной вершиной. [148] На этой вершине и покоилось строение, так что в Халдее фундамент большого здания, вместо того чтобы быть, как в других местах, погруженным под землю, возвышается над ней так высоко, что линия земли дворца или храма, к которому он относится, поднимается над равниной на высоту, оставляющую далеко внизу крыши обычных домов и даже верхушки самых высоких пальм. Такое расположение придавало более четкую рельефность и внушительную массу сооружениям, которые в противном случае, из-за монотонности линий и огромного превышения горизонтального развития над вертикальным, имели бы мало эффекта.

барельефа из Куюнджика. Rawlinson, vol. i. p. 314.

Рис. 34.- Храм; с

Подобное расположение кажется излишним в случае с башнями в форме ступенчатых пирамид, чьи вершины могли быть подняты над равниной на любую причудливую высоту простым процессом добавления этажа к этажу. Но месопотамский строитель придерживался той же системы, что и в случае с его дворцами. В любом случае между влажной и часто смещающейся почвой и зданием необходимо было создать плотную, твердую и сухую массу, а также основание, которое своими размерами и прочностью должно было защитить огромное скопление материала, которое должно было быть размещено на нем, от повреждений в результате оседания фундамента. Кроме того, мощеная эспланада занимала свое место в общем хозяйстве. Она

образовывала просторный двор вокруг храма, священный *теменос*, как назвали бы его греки, *харам*, как сказал бы современный восточный человек. Он мог быть заселен статуями и украшен мистическими эмблемами; в его пределах могли собираться религиозные процессии.

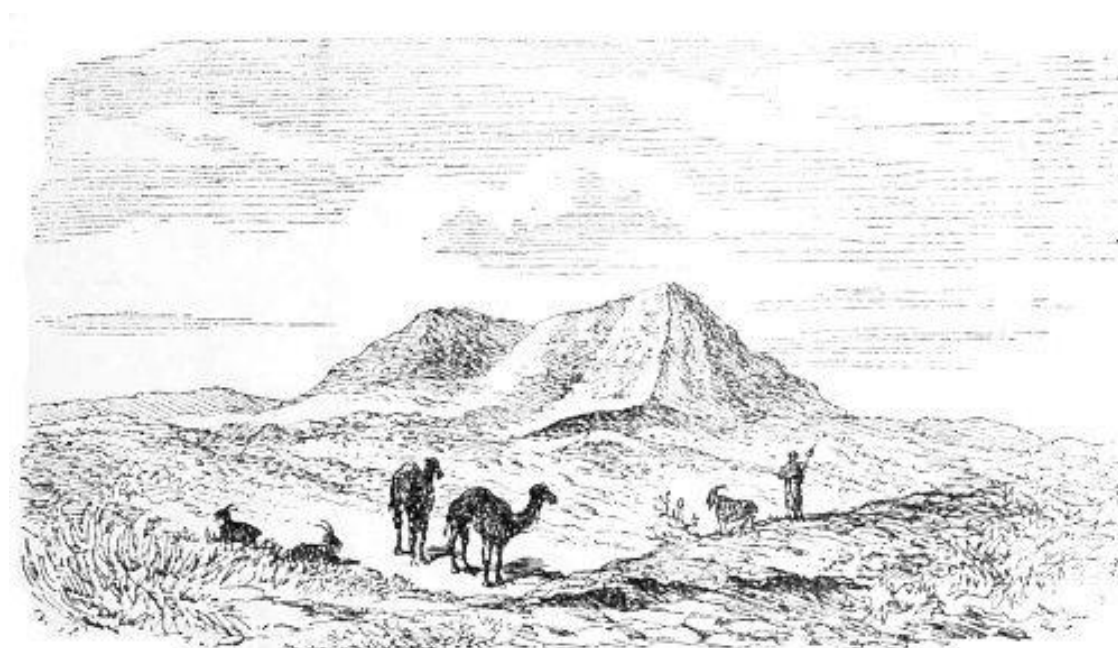

Рис. 35.- Тель-

Эде в Нижней Халдее. Из книги Роулинсона "Пять великих монархий".

Общим, можно сказать, неизменным, правилом в Месопотамии было то, что каждое сооружение определенной важности должно было располагаться на искусственном холме. Изучение самих руин и памятников, изображенных на барельефах, показывает нам, что эти субструкции не всегда имели одинаковую форму. Иногда их грани были вертикальными, иногда наклонными; иногда они снова представляли собой пологий изгиб наружу (см. [рис. 34](#)), но эти чисто внешние различия не влияли на принцип. Во всех речных бассейнах Месопотамии, будь то Евфрат, Тигр или малые притоки Персидского залива, когда бы вы ни увидели одну из этих *башен* или изолированных насыпей, возвышающихся над общей поверхностью равнины, вы можете быть уверены, что если вы прокопаете в ней траншею, то наткнетесь на те ряды сырцового кирпича, которые возводят о ее искусственном происхождении. Округлый от естественного распада и изрезанный дождевыми потоками, такой холм способен обмануть легкомысленного или невежественного путешественника, но опытный исследователь с первого взгляда понимает, что много веков назад на его вершине стоял храм, крепость или жилище какого-нибудь царя или владыки ([рис. 35](#)).

Отличительной чертой ступенчатых башен является их стремление к максимально возможной высоте. Правда, ни от Геродота, ни от Диодора мы не получаем никаких определенных заявлений относительно высоты самого известного из этих памятников, храма Белуса в Вавилоне; [\[149\]](#) Страбон говорит только о стаде (616 футов), и можно спросить, на каком основании он дает это измерение, которое свободно рассматривается как преувеличение. В любом случае, мы можем проверить это в определенной степени, изучив самый большой и лучше всего сохранившийся из искусственных холмов, о которых мы говорили, [\[150\]](#) и мы должны помнить, что все писатели древности единодушны в утверждении его огромной высоты. [\[151\]](#) Поэтому мы не рискуем преувеличить, говоря, что некоторые из этих халдейских храмов были намного выше, чем самые высокие пирамиды Гизе. Их общая физиономия была противоположна физиономии месопотамских дворцов, но она была не меньшим результатом естественной конфигурации страны. Их архитектор стремился найти свой эффект в контрасте; он старался произвести

впечатление на зрителя сильным, если не сказать жестоким, противостоянием между их взмывающими линиями и бесконечным горизонтом равнины. Такие башни, возведенные в холмистой стране, как Греция, выглядели бы гораздо меньше. Там их близкими соседями были бы иногда высокие горы и всегда смело очерченные холмы и скалы; как бы далеко в небо ни уходили их вершины, они все равно доминировали бы с одной или другой стороны. Невольно глаз требует от природы того же масштаба пропорций, что и в произведениях человека. Там, где они в основном примечательны своей высотой, большая часть их эффекта будет разрушена близостью таких холмов, как Акрокоринф или Ликабеттус, не говоря уже о Тайгете или Парнасе.

Совсем другое дело, когда поверхность страны простирается со всех сторон с непрерывностью и ровностью озера. В наши дни ни одно из великих зданий, о которых мы говорили, не сохранило более половины своей первоначальной высоты; [152] все, что осталось, - это бесформенная масса, обремененная грудami *обломков* у подножия, и все же, как отмечал каждый путешественник в стране, эти разрушенные памятники оказывают необычайное влияние на общий вид страны. Они производят впечатление гораздо большей высоты, чем есть на самом деле (рис. 36). В определенные часы дня, как нам говорят, эта иллюзия очень сильна: ранним утром, когда основание кургана теряется в кружащихся парах и только его вершина возвышается в чистом небе и принимает первые лучи солнца; и вечером, когда вся масса возвышается в сплошной тени на фоне красного и золотого западного неба. В это время легко понять, какими идеями руководствовался халдейский архитектор, создавая тип этих многоэтажных башен и разбрасывая их с таким изобилием по всему лицу страны. Главным недостатком его земли было живописное разнообразие, придаваемое случайностями земли ее ближайшим соседям, и этот недостаток он старался скрыть, заменяя эти пирамидальные храмы, эти возвышенные пагоды, как мы склонны их называть, пологими склонами и скалистыми вершинами, которых так много за пределами Халдеи. Своей заметной высотой и огромными затратами труда они должны были нарушить однообразие огромных равнин, которые лежали вокруг них; в то же время они должны были поразить современных путешественников и даже то отдаленное потомство, для которого они останутся не более чем бесформенной грудой руин. Они сделают больше, чем все труды историков, чтобы прославить силу и гений расы, которая осмелилась таким образом исправить и завершить работу природы.

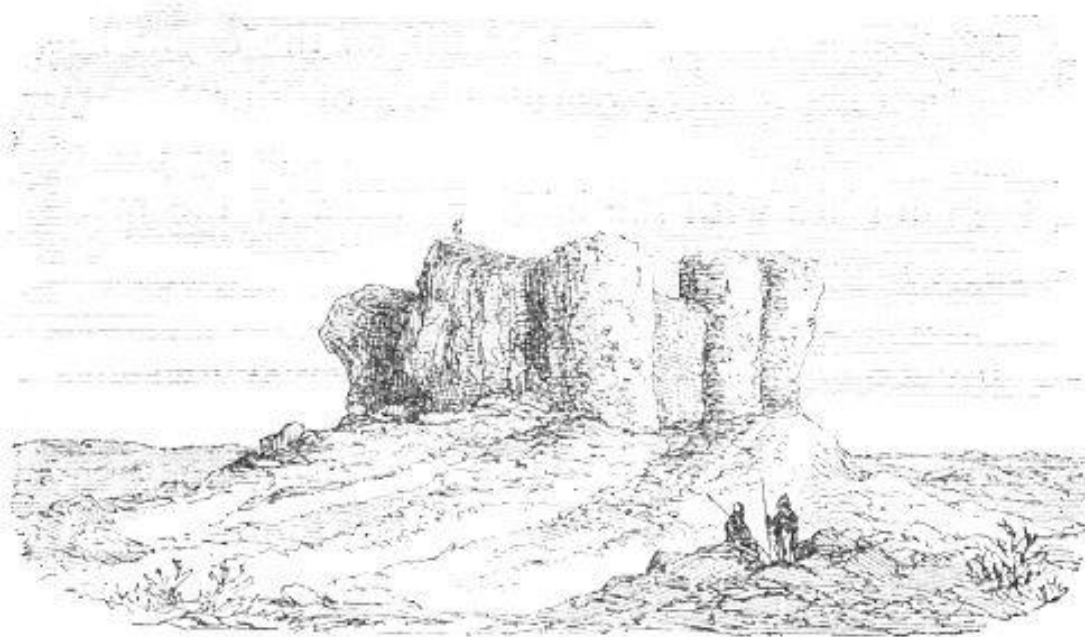

Рис. 36.- Хаман в

Нижней Халдее. Из Локтуса.

Когда царь и его архитектор заканчивали одно из этих сооружений, они могли рассчитывать на бесконечную продолжительность его существования без особых предположений, и это отчасти потому, что халдейское искусство, даже когда оно было наиболее амбициозным и предприимчивым, никогда не использовало никаких, кроме самых простых средств. Арка использовалась чаще, чем в Египте, но вряд ли она применялась в зданиях, которые должны были иметь большую высоту. Вряд ли можно обнаружить какие-либо ее следы в сохранившихся частях этих сооружений или в их скульптурных изображениях. Здесь нет ни одного из тех легких и изящных методов строительства, которые очаровывают и волнуют глаз, но за которые приходится расплачиваться определенной потерей устойчивости. Прямые линии - непреложное правило. Немногочисленные арки, которые можно обнаружить в интерьере, не оказывают никакого усилия, поскольку со всех сторон окружены тяжелыми массами. Теоретически равновесие идеально; и если, как показало событие, условия стабильности или, по крайней мере, длительности были менее благоприятными, чем в пирамидах Мемфиса или в храмах Фив, вина лежит на пороках, присущих используемому материалу, и на сравнительно неблагоприятном климате.

За неимением камня халдейский строитель был лишен многих наиболее удобных способов перекрытия, а значит, и умножения пустот. Говоря в целом, можно сказать, что он не использовал *ни опор, ни колонн, ни тех балок из известняка, песчаника или гранита, которые мы знаем как архитравы*; он, следовательно, не знал *портика* и никогда не был вынужден в силу художественных потребностей прибегать к тем изобретательным, тонким и научным усилиям, с помощью которых египтяне и греки пришли к тому, что мы называем *ордерами*. Этот термин хорошо понятен. Под ним мы понимаем опоры, главные части которых, основание, вал и столица, находятся в определенных постоянных и строго определенных взаимоотношениях. Подобно зоологическому виду, каждый ордер имеет свой характер и индивидуальную физиономию. Искусство, лишенное такого ресурса, обречено на реальную неполноценность. Оно может покрыть каждую поверхность роскошью пышного убранства, но, несмотря на все усилия, в его творениях будет заметна тайная бедность, недостаток гения и изобретательности.

Разнообразное устройство портика наводило на мысль о *гипостильном зале*, со всеми живописными изменениями, которые он претерпел от рук египтян, греков, римлян и людей современной Европы. Не зная пирсов и колонн, халдеи не могли придать своим зданиям те просторные галереи и покои, которые радуют глаз, уменьшая при этом фактическую массу здания. Их башни были искусственными горами, почти такими же массивными от основания до вершины, как и естественные холмы, с которых были взяты их линии. [153] Внутри них, у их внешних краев, было устроено несколько небольших апартаментов, которые можно было сравнить с пещерами, выдолбленными в скале. Таким образом, вес нижних этажей и подконструкции был огромен, вплоть до угрозы разрушения от полной разрушительной силы. Вся внутренняя часть была сложена из сырцового кирпича, и если, как принято считать, эти кирпичи были положены до завершения процесса высыхания, то усадка, вызванная ее продолжением, должна была плохо сказаться на всей конструкции в целом, особенно если учесть, что расположение рядов и более или менее благоприятные аспекты различных внешних сторон должны были вызвать определенное неравенство в скорости, с которой протекала эта операция. Соппротивление не было бы одинаковым во всех точках, и возникли бы осадки, которые могли бы нарушить равновесие верхних ступеней и подготовить разрушение всего здания.

Другая опасность заключалась в силе внезапных штормов и размывающим характере зимних дождей. Несомненно, внешние стороны стен были облицованы хорошо обожженным кирпичом, тщательно выложенным и часто покрытым непроницаемой эмалью; но от основания до вершины шла наклонная плоскость с более или менее пологим уклоном, чтобы обеспечить доступ к последней. Когда на одну из таких башен обрушивалась буря, эта плоскость в мгновение ока превращалась в русло смерча, поскольку ее внешний край, разумеется, был защищен невысокой стеной. Вода, как река, лилась по наклонному покрытию и с силой ударялась о каждый угол. Независимо от того, было ли ей позволено стекать по краям наклонной плоскости или, что кажется более вероятным, она была направлена по своему руслу так, чтобы сметать ее сверху донизу, в любом случае она должна была нанести ущерб, требующий постоянного наблюдения и частого ремонта. Если бы эта бдительность была ослаблена хоть на мгновение, некоторые из внешних обожженных и эмалированных кирпичей могли бы отделиться и оставить щель, через которую вода могла бы проникнуть к мягкой сердцевине внутри, и запустить процесс распада, который становился бы все более активным с каждым годом. Таким образом, нынешний вид этих руин в значительной степени объясним. Путешественники, побывавшие в этой стране, сходятся во мнении, что они представляют собой неровные курганы, глубоко изрезанные дождями; и те стороны, на которые в основном тратят свою силу ураганы и водопады, опустошающие Месопотамию, имеют наиболее заметные повреждения (см. [рис. 37](#)).

Уже в античные времена эти здания сильно пострадали. В Египте, когда верховная власть перешла после одного из тех периодов упадка, которые были нередки в ее долгой карьере, в руки энергичных принцев, таких как представители XVIII или XXVI династий, все следы ущерба, нанесенного общественным памятникам небрежением или насилием, были быстро стерты. Пирамиды могли позаботиться о себе сами. Они видели, как равнины у их ног снова и снова покрывались ордами варваров, и при этом не потеряли ни дюйма своего роста, ни камня с полированных кирас. Даже в храмах, чтобы вернуть им былое величие, достаточно было установить несколько упавших колонн, переделать несколько барельефов, отреставрировать одну картину.

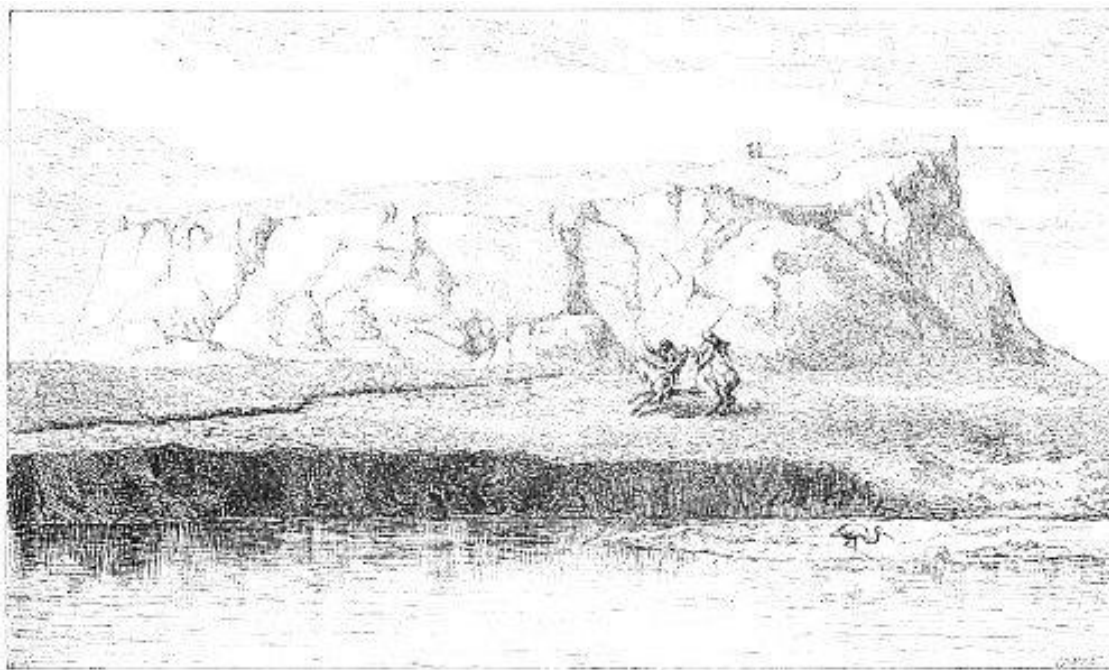

Рис. 37.- Бабил в

Вавилоне. Из Опперта.

В Халдее работа, проделанная Набополассаром и его династией, была гораздо более сложной. Ему пришлось отстроить почти все гражданские и религиозные здания от их фундамента, провести, как мы знаем из нескольких текстов, общую реконструкцию. [154] Новый Вавилон был поднят с земли. От прежних памятников архитектуры остались лишь фундаменты и материалы. На возвышенных курганах возвышались храмы, более богатые, чем первые, и, чтобы ускорить процесс, их часто строили из старых кирпичей, на которых были написаны имена забытых царей. Ничем не пренебрегали, не жалели средств, чтобы увеличить прочность новых зданий, и все же через пять или шесть веков от них не осталось ничего, кроме руин. Геродот, похоже, видел великий храм Бэла, когда он еще был практически цел, но Диодор говорит о нем как о сооружении, "которое время заставило рухнуть" [155], и добавляет, что "писатели не согласны в том, что они говорят об этом храме, так что мы не можем точно определить его реальные размеры". Поэтому кажется, что верхние этажи обрушились задолго до эпохи Августа. Возможно, даже Ктесий, который является постоянным проводником Диодора во всем, что он пишет о Халдее и Ассирии, никогда не видел этот памятник в его целостности. В любом случае, во времена Страбона здание представляло собой полные руины. "Гробница Белуса, - говорит этот точный и хорошо информированный географ, - теперь разрушена". [156] Страбон, как и Диодор, приписывает разрушение этих зданий отчасти времени, отчасти мстительной жестокости персов, которые, раздраженные бесконечными восстаниями Вавилона, в наказание разрушили самый гордый и знаменитый из ее храмов. То, что святилище было разграблено персами при Ксерксе, как утверждает Страбон, достаточно вероятно, но нам трудно поверить, что они беспокоились о том, чтобы разрушить само здание. [157] Это потребовало бы слишком больших усилий, а с учетом медленного, но верного воздействия стихий на его субстанцию, его бы просто выбросили на свалку. Для разрушения египетского памятника требовалась отчаянная и продолжительная атака, его нужно было намеренно убить, если можно так выразиться, но здания Месопотамии, с их тонкими панцирями из обожженного кирпича и мягкими телами, нуждались в заботе архитектора, чтобы сохранить их, можно сказать, врача, чтобы сохранить их живыми, чтобы наблюдать за ними изо дня в день и зашивать каждую рану, через которую погода могла добраться до их уязвимых частей. Брошенные на произвол судьбы, они бы вскоре умерли, и умерли естественной смертью.

Материалы и система строительства, подобные тем, что мы описали, могли привести только к близкому стилю архитектуры, к стилю, в котором пустоты составляют очень малую долю от твердых частей. И такой стиль хорошо подходил для климата. В длинное и палящее лето Месопотамии жители свободно обменивали свет на прохладу. Благодаря небольшим и узким проемам и толстым стенам температура в их жилищах могла поддерживаться гораздо ниже, чем в атмосфере без огня. [158] Так, во дворцах ниневитян мы находим внешние стены толщиной от пятнадцати до пяти с половиной футов. Было бы очень трудно проделать окна сквозь такую массу, и они давали бы лишь слабый свет. С этой трудностью откровенно справились, отказавшись от использования любых отверстий, кроме дверей и световых люков, прорезанных в крышах. Собственно окна были почти неизвестны. Мы едва ли можем указать на пример его использования среди ассирийских или халдейских останков или в их изображениях на барельефах. То тут, то там мы находим отверстия в верхних этажах башен, но это скорее петли-отверстия, чем окна (рис. 38). [159]

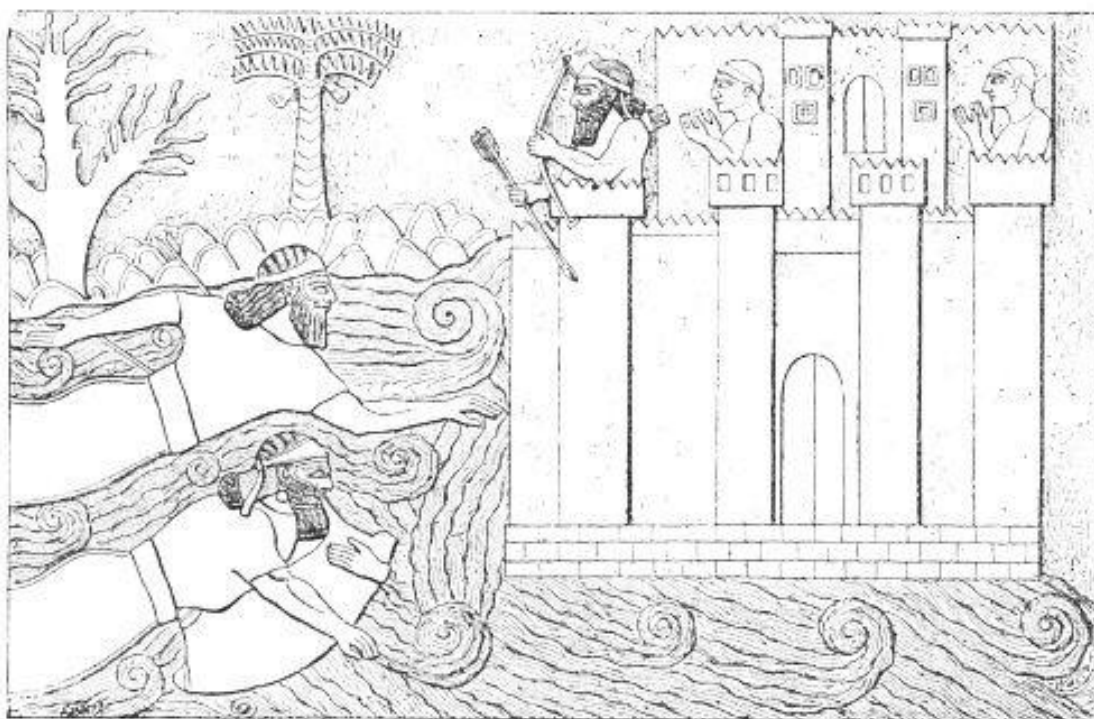

Рис. 38.

Крепость. Из Лэйярда.

Поначалу мы склонны жалеть королей, запертых в таких глухих стенах, как эти. Но мы не должны верить, что они не принимали никаких мер, чтобы насладиться вечерним бризом или окинуть взглядом широкие равнины у своих ног, города, лежащие под тенью высоких курганов, на которых были построены их дворцы. В определенное время года и дня они укрывались в своих толстых стенах и крышах; точно так же, как в настоящее время жители Моссула, Бассоры и Багдада укрываются в своих *сердабах*, как только солнце немного поднимется в небо, и остаются там до наступления вечера. [160]

Когда жара была менее удушающей, дворы были приятными, с их окружающими портиками, поддерживающими легкое покрытие, наклоненное к центру - расположение, требуемое климатом, которое можно найти как в Помпеях, так и в арабских домах Дамаска, и которое, несомненно, было принято жителями древней Халдеи. Дополнительное пространство давали широкие эспланады перед дверями и плоские крыши, на которых сон зачастую был более успешным, чем в комнатах внизу. Иногда освежающий бриз, прохладная тень и далекая

перспектива давали возможность наслаждаться всем вместе, так как на одном барельефе, который, кажется, изображает одно из тех великих зданий, руины которых мы имеем, мы видим открытую аркаду - *лоджию*, как ее назвали бы в Италии, - возвышающуюся над крышей на всю длину фасада (рис. 39). [161] В окрестностях Моссула есть дома с подобной планировкой, о чем свидетельствует эскиз г-на Лэйарда, изображающий дом в одной из курдистанских деревень, населенной несторианами (рис. 40). Он включает в себя модифицированный вид портика, колонны которого предложены или, скорее, потребованы необходимостью поддерживать потолок.

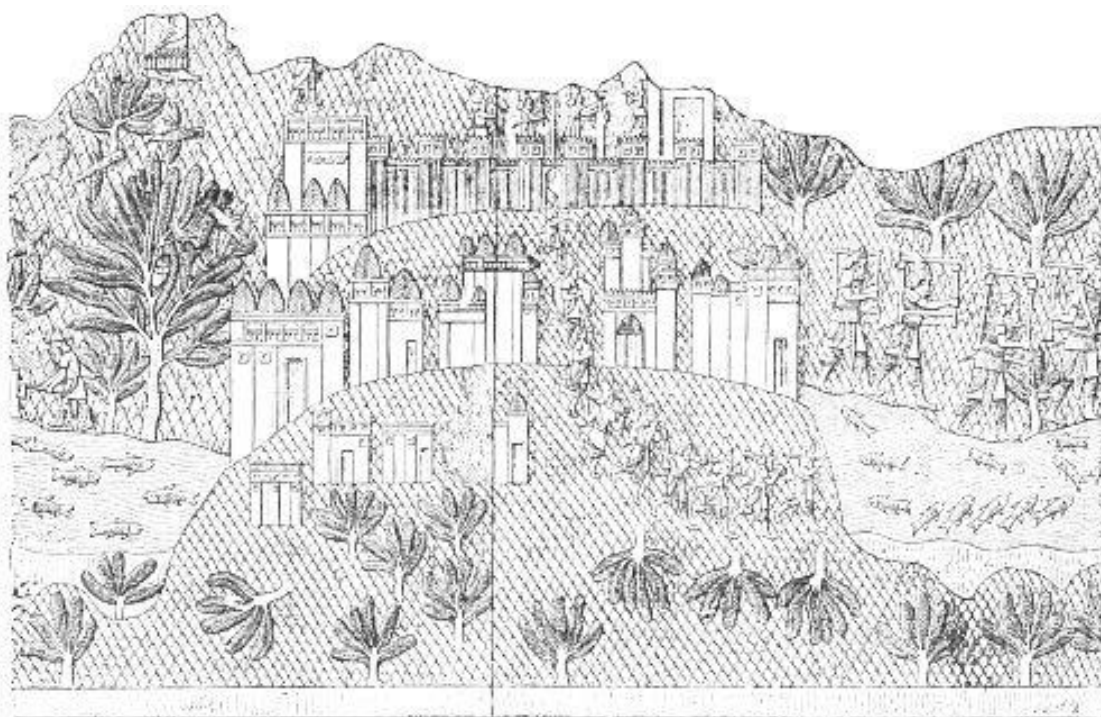

Рис. 39. Вид на город и его дворцы. Куюнджик. Из Лэйарда.

Если предположить, что такая конструкция существовала в Месопотамии, то из какого материала были сделаны опоры или колонны? Если бы они были из камня, их останки наверняка были бы найдены среди руин; но таких вещей никогда не находили, поэтому мы можем заключить, что они были из дерева или кирпича; крыша, по крайней мере, должна была быть деревянной. Стыки могли быть покрыты защитными пластинами из металла, которые обеспечивали их долговечность. Любопытный пример использования этих бронзовых накладок - остатки позолоченной пальмы, найденные М. Плейсом перед *гаремом* в Хорсабаде. Там же он обнаружил лежащий на земле ствол кедра, покрытый латунной оболочкой, на которой были имитированы все шероховатости кедровой коры. Створки дверей также были защищены металлическими полосами, которые часто украшались барельефами.

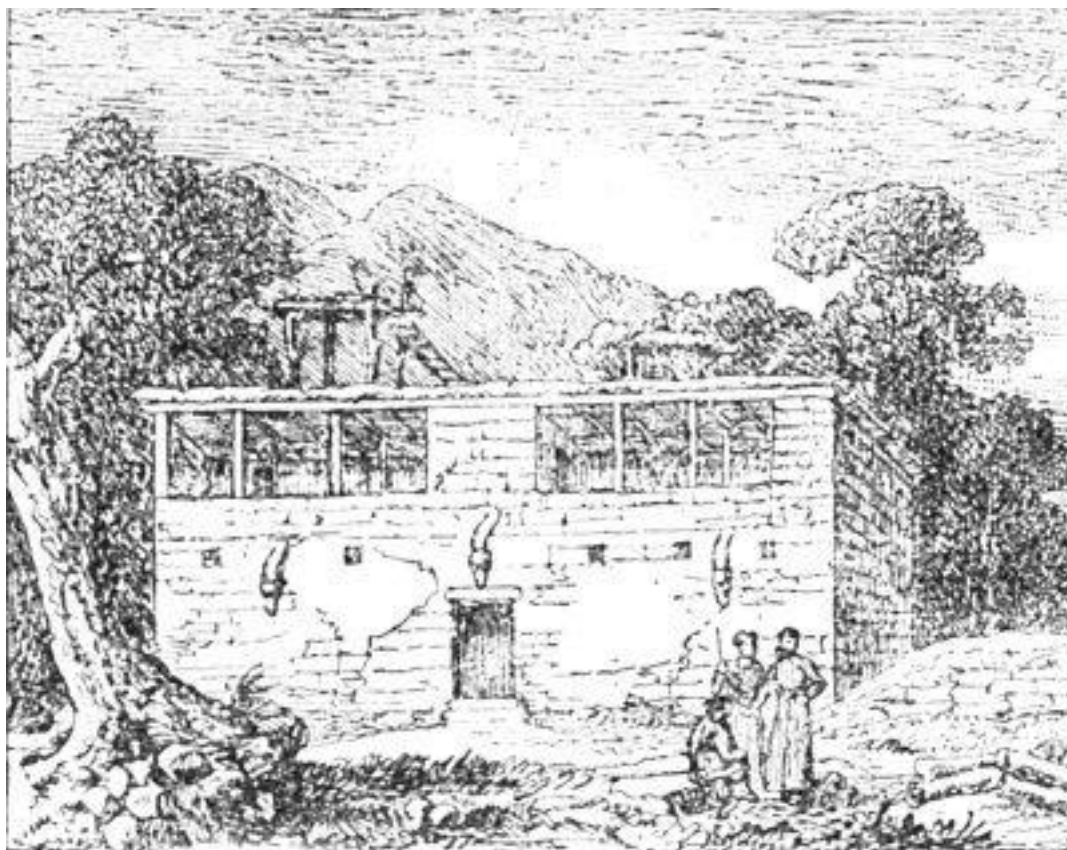

Рис. 40.- Дом в

Курдистане; из Layard.

Должны ли мы сделать вывод, что каменные колонны были неизвестны в Халдее и Ассирии? Что касается Халдеи, то у нас нет положительной информации по этому вопросу, но мы знаем, что у нее не было собственного строительного камня. Халдейский скульптор действительно мог привезти несколько блоков диорита или базальта из Аравии, Египта или долин горы Загрос для использования в статуях, что оправдало бы такие расходы; но архитектор, должно быть, был ограничен использованием материала, находящегося под рукой. В Ассирии известняк всегда был под рукой, и все же ассирийцам так и не удалось освободиться от традиционных методов настолько, чтобы заставить колонну играть роль, подобную той, что отводили ей народы Египта и Греции. Их привычки, и особенно привычка уважать обычаи и традиции Халдеи, были слишком сильны для них. Их использование колонны, хотя часто со вкусом и удовольствием, никогда не обходилось без некоторой робости. Склонен думать, что они догадывались о скрытых в ней возможностях, но им не хватало смелости, чтобы в полной мере использовать ее в интерьерах и на фасадах своих больших дворцов и башен. На барельефах мы видим колонны, использованные в киосках, построенных на берегах рек (рис. 41), и в павильонах или часовнях, выстроенных над королевскими садами (рис. 42). Кроме того, в ходе раскопок были найдены пьедесталы и капители, которые, несмотря на свою редкость, имеют двойное право на наше уважение. Ситуации, в которых они были обнаружены, показывают, что колонны иногда использовались перед дверными проемами, для поддержки крыльца или крытых дорожек, простирающихся до всех пределов эспланады; во-вторых, интересны сами их формы. Внимательное изучение убедит нас в том, что, будучи скопированными соседними народами, которые часто и повсеместно использовали каменные опоры, они вполне могли оказать влияние, которое ощущалось вплоть до Эгеиды, и иметь отношение к одному из самых прекрасных творений греческого искусства.

Таким образом, мы видим боковые проблески колонны в небольших зданиях, в портиках перед главными дверями дворцов и в открытых галереях, которыми увенчаны некоторые из последних построек (рис. 39). Во всех этих случаях он является лишь более или менее элегантным

аксессуаром; мы могли бы при желании дать достаточно полное описание месопотамской архитектуры без намека на его существование.

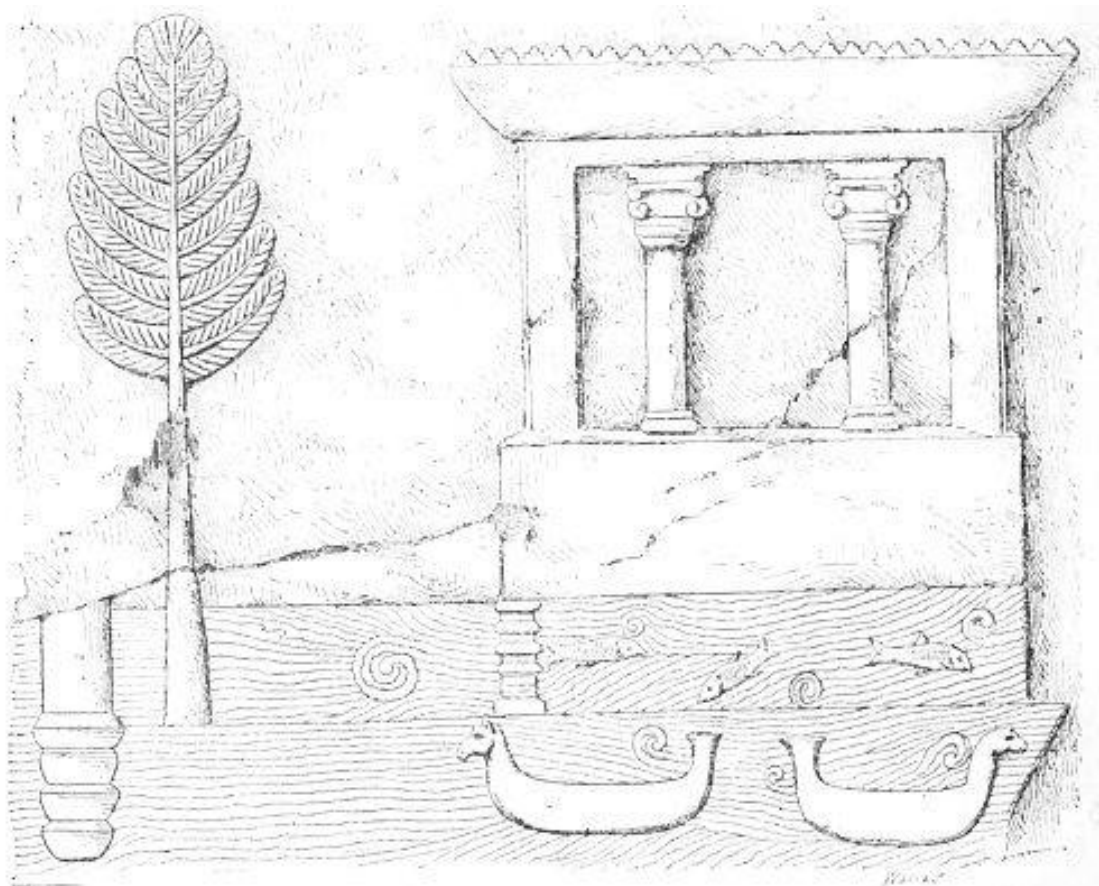

Рис. 41.- Храм на

берегу реки, Хорсабад; из Ботта.

Мы не можем сказать то же самое об арке, которая играла гораздо более важную *роль*, чем в Египте. Там она была изгнана, как мы видели, во второстепенные части здания. Она почти не входила в композицию зданий более высокого класса; ее использовали в основном в кладовых, построенных рядом с храмами, в проходах через внешние стены гробниц, а также в подземных погребках и переходах. [162] В Месопотамии, напротив, арка является одним из настоящих составных элементов национальной архитектуры.

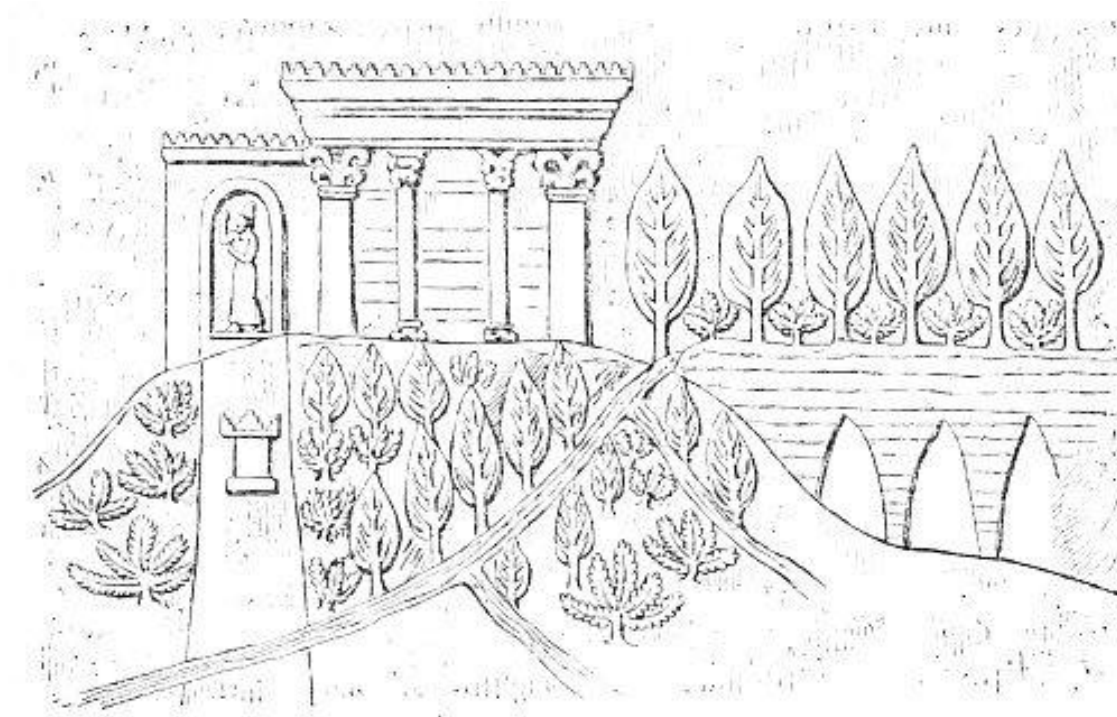

Рис. 42.- Храм в

королевском парке, Куйунджик; из Британского музея.

То, что халдейские архитекторы рано пришли к изобретению арки, легко понять. Они не могли опирать верхние части своих стен, потолков и крыш на каменные или деревянные балки, и им пришлось придумывать какие-то другие средства для достижения желаемого результата. Эти средства созревали не сразу. У большинства народов первый этап, вероятно, заключался в установке карнизов или отступов, с помощью которых ширина перекрываемого пространства уменьшалась шаг за шагом, пока не достигался стык в верхней части; иногда этот ранний этап мог и вовсе отсутствовать. В некоторых случаях мастер, которому приходилось перекрывать узкое пространство небольшими элементами конструкции, мог, пробуя их в различных положениях и комбинациях, натолкнуться на настоящий принцип арки. Везде этот принцип был открыт более или менее случайно; в одном месте случайность могла произойти раньше, чем в другом, и здесь она могла быть использована с большей пользой, чем там. Нам придется описывать и объяснять эти различия на каждом этапе нашего путешествия по истории искусства античности, но мы можем сразу же сформулировать общий закон, который выявят наши исследования и сравнения. Арку быстрее всего открыли и неизменно использовали те строители, которые в силу геологического строения своей страны были обречены на использование самых мелких элементов.

Халдеи были одними из таких строителей, и они часто использовали арку. Они не строили длинных аркад с опорами в виде пирсов или колонн, как римляне, и то лишь потому, что такие сооружения противоречили общим принципам их архитектуры. Они не использовали, как мы уже объясняли, те изолированные опоры, благодаря которым появились гипостильные залы в Египте и Персии, нефы греческих храмов и латинские базилики. Из-за отсутствия камня ни о каком подобном устройстве не могло быть и речи. Поэтому у нас нет оснований полагать, что их арки когда-либо опирались на опоры или на прочные части стен, свободно пробитые для проникновения света. Тип, из которого современный Восток создал так много прекрасных мечетей и церквей, был неизвестен в Халдее. В каждом здании, от которого мы имеем либо остатки, либо фигурное изображение, архивольты опираются на толстые и прочные стены.

В этих условиях свод был главным в определенных частях здания. Его использование там было настолько постоянным, что имело почти характер неизменного закона. Каждый дворец был пронизан в своей подконструкции водостоками, которые отводили дождевую воду и отходы жизнедеятельности многочисленного населения в соседнюю реку, и почти все эти водостоки были сводчатыми. Не следует думать, что архитектор намеренно прятал свои своды и арки или что он использовал их только в тех частях своих зданий, где они были скрыты и терялись в окружающей обстановке; они встречаются также на самых тщательных и тщательно продуманных фасадах. Ворота городов, дворцов и храмов, вообще большинства зданий, имеющих хоть какой-то монументальный характер, венчает арка, изгиб которой подчеркивается блестящим цветным софитом. Эта арка продолжается в виде бочкообразного свода по всей длине прохода, ведущего в интерьер, а такие проходы иногда бывают очень длинными. Своды, по всей вероятности, были бы обнаружены и над теми узкими камерами, которых так много в ассирийских дворцах, если бы не всеобщее разрушение, постигшее их надстройки. Наконец, были обнаружены некоторые квадратные помещения, которые, должно быть, были покрыты сводами в форме более или менее сплюснутых куполов.

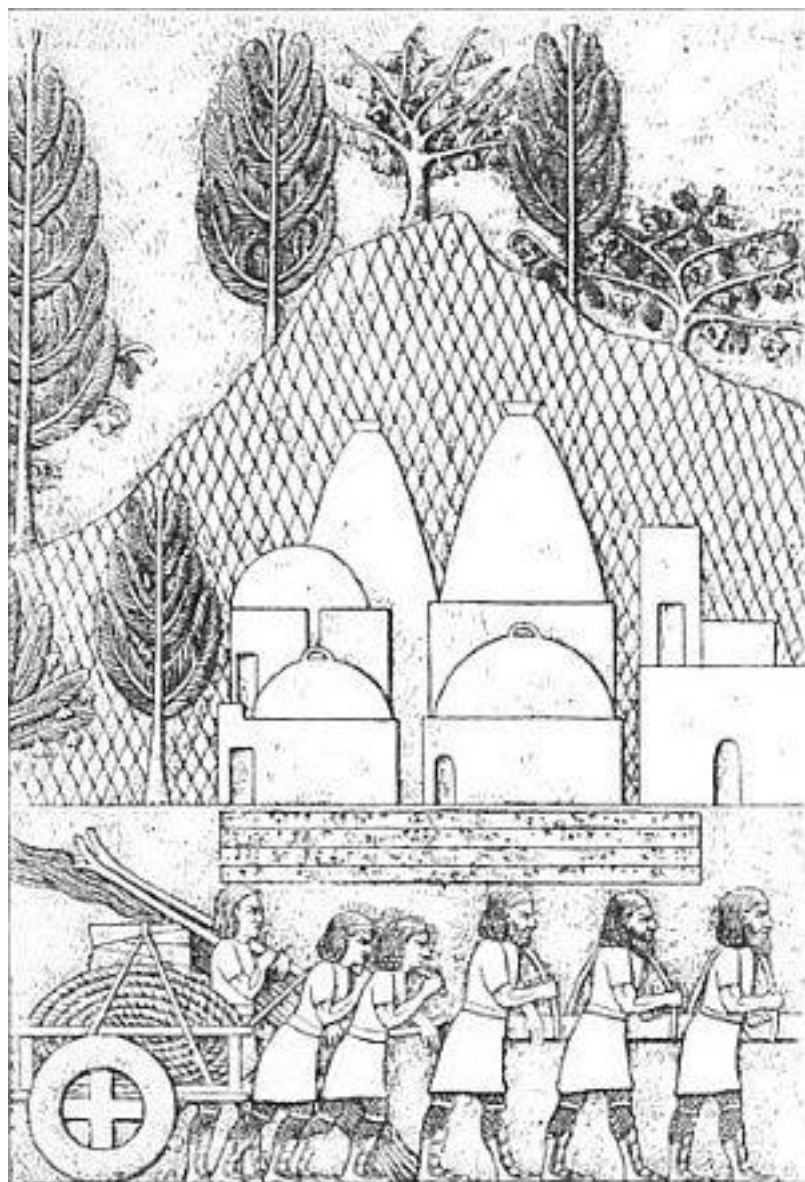

Рис. 43.- Вид на группу зданий;

Кюнджик; из Layard.

Здесь мы должны обратить внимание на важность барельефа, принадлежащего к любопытной серии резных изображений, на которых Сеннахериб запечатлел возведение своего дворца в Ниневии. Посмотрите внимательно на эту группу зданий, которая, кажется, возвышается на платформе у подножия холма, затененного кипарисами и плодовыми лозами (см. [рис. 43](#)). Здания справа имеют плоские крыши, слева, и они кажутся наиболее важными, имеют полусферические купола и высокие купола, приближающиеся по форме к конусам. Эти же формы до сих пор используются по всей стране, причем не только для общественных зданий, таких как бани и мечети, но и для самых скромных домашних построек. Путешественники часто удивлялись, встречая во многих деревнях Верхней Сирии и Месопотамии крестьянские дома с такими же сахарными крышами. [\[163\]](#)

Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. В этих общих и вводных замечаниях мы постарались как можно короче указать на то, как основные черты ассирийской архитектуры объясняются конфигурацией страны, характером имевшихся под рукой материалов и климатом, с которым приходилось считаться архитектору. Именно этим условиям была обязана оригинальность системы, в которой твердые частицы так сильно превышали пустоты, а боковые - вертикальные размеры здания. В этом последнем отношении здания Месопотамии оставляют далеко позади здания всех других стран, даже Египта. Они также возводились на необычайную

высоту без каких-либо усилий, чтобы придать верхней части большую легкость, чем основанию; обе части были одинаково прочными и массивными. Наконец, характер элементов, которыми могли распоряжаться месопотамские зодчие, был таков, что стремление к изяществу и красоте приходилось удовлетворять поверхностной системой декорирования, краской и резными плитами, нанесенными на поверхность стен. Красота без украшений была им недоступна, и их произведения можно сравнить с женщинами, чья привлекательность заключается в богатстве их нарядов и множестве драгоценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[147] Опперт (*Expédition scientifique*, vol. i. p. 86) приводит описание одной из таких бурь, с которой он столкнулся в окрестностях Багдада 26 мая.

[148] Layard, *Nineveh and its Remains*, vol. ii. p. 119. Когда один из этих курганов атакуется сверху, экскаваторы должны работать вниз, пока не дойдут до этой мощеной платформы. Как только она будет достигнута, не нужно пытаться углубиться дальше; тогда все внимание уделяется прокладке боковых траншей во всех направлениях. В Ассирии масса грубых кирпичей иногда покоится на каменном ядре, которое было использовано для экономии времени и труда (Layard, *Discoveries*, &c., p. 219).

[149] См. Геродот, i. 181-184; и Диодор, ii. 9.

[150] Таким образом, М. Опперт приходит к высоте 250 вавилонских футов, или около 262 футов английских, для памятника, который сейчас представлен курганом в окрестностях Вавилона, известным как Бирс-Нимруд. *Expédition scientifique de Mésopotamie*, vol. i. pp. 205-209, and plate 8.

[151] 'Ομολογεῖται δ' ὑψηλὸν γεγενῆσθαι καθ' ὑπερβολήν.-Diodorus, ii. 9, 4.

[152] Курган под названием Бабиль на месте Вавилона (плита I. и рис. 37) сейчас имеет высоту около 135 футов, но Бирс-Нимруд, самый высокий из этих развалин, все еще возвышается не менее чем на 220 футов (Layard, *Discoveries*, p. 495).

[153] См. рассказ Лэйарда о его раскопках внутри пирамидальной руины, занимающей часть платформы, которая сейчас возвышается над курганом Нимруд. С двух сторон к центру были прорыты траншеи; ни одна из них не встретила какой-либо пустоты (*Nineveh and its Remains*, vol. ii. p. 107). Позднее были прорыты новые траншеи и исследована остальная часть здания (*Discoveries*, pp. 123-129). Единственной пустотой, в которой удалось обнаружить какие-либо следы, была узкая сводчатая галерея длиной около 100 футов, шириной 6 и высотой 12. Она была закрыта с обоих концов и, судя по всему, никогда не имела доступа извне.

[154] См. Lenormant, *Histoire Ancienne*, vol. ii. pp. 228 и 233. Здесь приводятся переводы нескольких текстов, в которых говорится об этих реставрациях.

[155] τοῦ κατασκευασματος δια τοῦ χρόνου διατέλτωκοτος (ii. 9, 4).

[156] Страбон, xvi. 5.

[157] Диодор, описав сокровища храма, ограничивается общим утверждением: "Все это впоследствии было испорчено царем Персии" (ii. 9, 19).

[158] По личному опыту М. Плейса, древние сооружения больше подходили для климата этой страны, чем современные, пришедшие им на смену. Изнуряющая жара, от которой так страдают жители современного Моссула, во многом объясняется непродуманным использованием камня и штукатурки при строительстве домов. Во время его пребывания в этом городе термометр в его

квартире иногда поднимался до 51° по Цельсию (90° по Фаренгейту). Средняя температура летнего дня составляла от 40° до 42° по Цельсию (от 72° до примерно 76° по Фаренгейту).

[159] См. Layard, *Monuments of Nineveh*, 2nd series, plates 21 and 40.

[160] *Сердаб* - это своего рода погреб, стены и пол которого периодически заливались водой, которая, испаряясь, понижала температуру на несколько градусов.

[161] Город, изображенный на приведенной здесь скульптурной плите, не ассирийский, а финикийский; однако он дает данные, которые могут быть с полным основанием использованы при восстановлении верхней части ассирийского дворца. Вряд ли можно поверить, что месопотамские художники, иллюстрируя войны ассирийских царей, подневольно копировали реальные черты завоеванных городов. У них не было зарисовок "специальных художников", чтобы направлять свои резцы. Им рассказывали, что успешная кампания проходила в болотах в низовьях Евфрата или в стране, покрытой лесами финиковых деревьев, и они без труда изображали их, потому что у них перед глазами были примеры; так и в случае со зданиями мы можем с уверенностью заключить, что они заимствовали свои мотивы из архитектуры, с которой они были знакомы.

[162] См. *"История искусства в Древнем Египте"*, т. ii. с. 77-84.

[163] Layard, *Discoveries*, p. 112; Geo. Smith, *Assyrian Discoveries*, p. 341.

§ 3. - Строительство.

Как и следовало ожидать, в Халдее не было обнаружено ничего, что можно было бы назвать постройкой из обработанного камня; [164] только в Ассирии было найдено несколько примеров. Из них наиболее интересными, а также наиболее тщательно изученными и описанными являются стены дворца Саргона в Хорсабаде.

Даже там камень использовался только для облицовки стен, в которые был заключен курган - кюирасс из крупных блоков, тщательно обтесанных и закрепленных, придавал прочность всей массе, и в то же время по расположению блоков мы знаем, что внешний вид стены ни в коем случае не был упущен из виду. Все блоки одного хода были одной высоты, но разной глубины и ширины, и их расположение соответствовало регулярному порядку, как показано на рис. 46. Их внешняя сторона была тщательно отделана. [165]

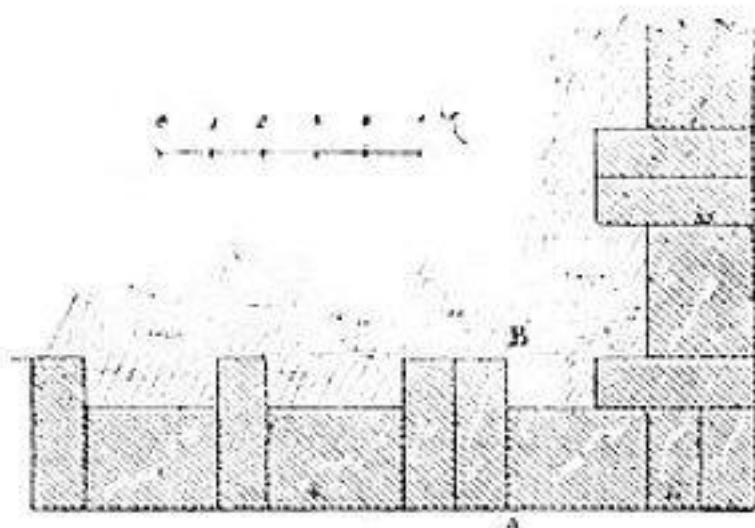

Рис. 44.- План угла, Хорсабад; с места.

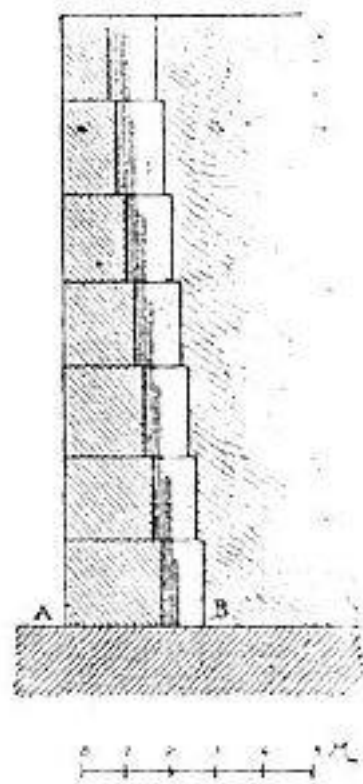

Рис. 45.- Сечение стены через АВ на рис. 44; с места.

Курсы состоят, в плане, из "растяжек" и "оголовков". Мы заимствуем у Плейса план угла (рис. 44), сечения (рис. 45) и возвышения (рис. 46). Ряды всегда горизонтальны, а стыки правильно скреплены. Каменные блоки у подножия стены очень большие. Толщина растяжек составляет шесть футов восемь дюймов, ширина - столько же, а длина - девять футов. Они весят около двадцати трех тонн. Удивительно, что ассирийцы, которые были очень быстрыми строителями, выбрали такие тяжелые и неуправляемые материалы.

Опорная стена постепенно становилась тоньше по направлению кверху, каждый ярус был немного отступлен от нижележащего на внутренней стороне (см. рис. 45). Такое расположение является общим для этих подпорных стен. В среднем они уменьшаются от семи до десяти футов у основания и от трех до шести у вершины.

Не меньшее мастерство конструктор проявил в использовании растяжек и оголовков. Они не только дали ему возможность безопасно уменьшить вес конструкции и сэкономить материалы, но и предоставили готовое средство для точного приспособления стены к той работе, которую она должна была выполнять. Головки проникали в грубую массу дальше, чем растяжки, и придавали стыку двух поверхностей прочность, подобную той, которую стена получает от своих сквозных камней или перпендикуляров.

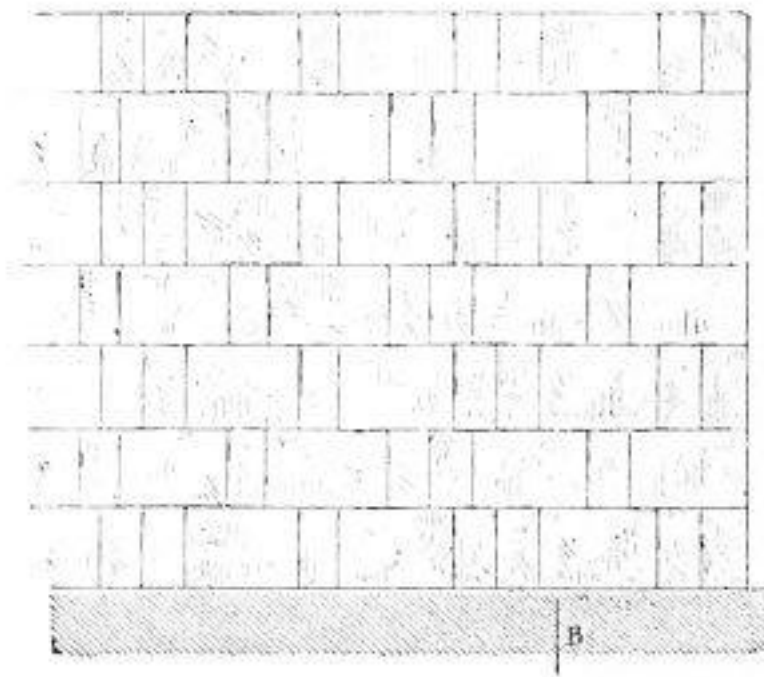

Рис. 46.- Возвышение стены, Хорсабад;

из Плейса.

Описывая эту стену, М. Плейс также обращает внимание на то, с какой тщательностью построены углы. "Первый ход, - говорит он, - состоит из трех "бабок", самая короткая сторона которых обращена наружу, а их длина включена в массу позади. Два из этих камней лежат параллельно друг другу, а третий пересекает их внутренние стороны". [\[166\]](#) Благодаря такому хитроумному устройству самая слабая и незащищенная часть стены способна противостоять любой атаке.

Поверхность, соприкасающаяся с ядром из сырцового кирпича, была лишь грубо обработана, что придало дополнительную прочность соединению двух материалов, но другие стороны были тщательно обработаны, выровнены и закреплены на месте простым сопоставлением. Архитектор рассчитывал на то, что достаточную прочность придаст сам вес камней и совершенство их поверхностей. [\[167\]](#)

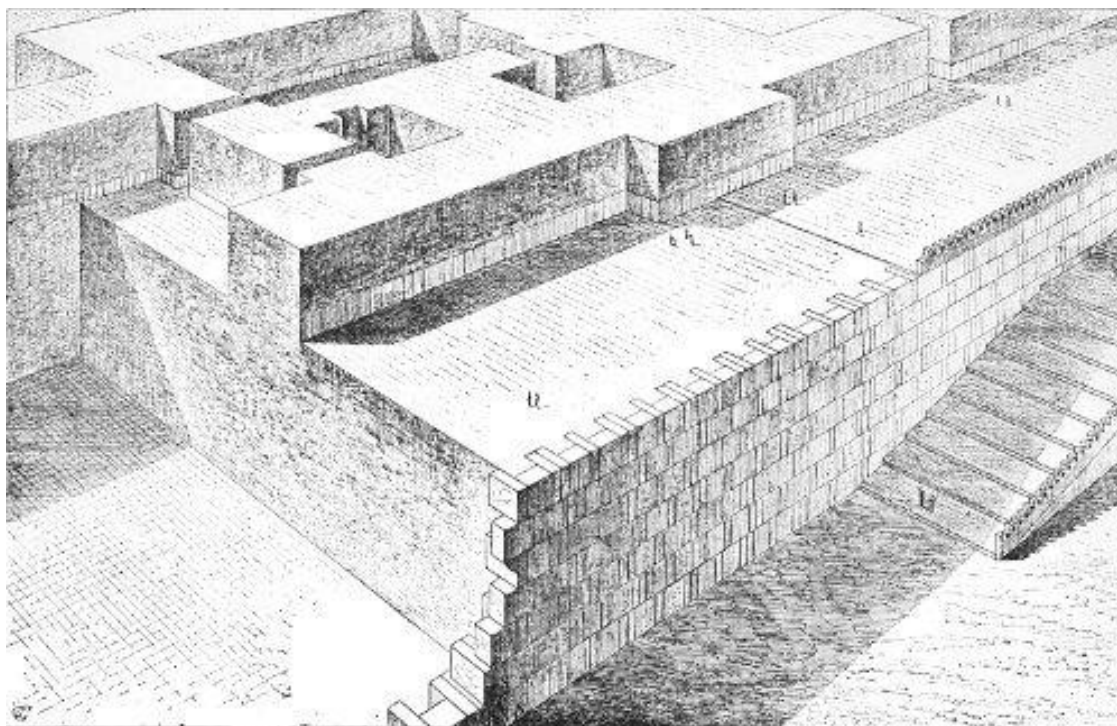

Рис. 47.- Разрез

в перспективе юго-западной части дворца Саргона в Хорсабаде; составлено по материалам Place.

Общая высота хорсабадской стены составляла шестьдесят футов - девять футов для фундамента, сорок шесть для подпорной стены и пять для парапета, так как стена не заканчивалась на уровне крыш. Ряд бойниц был необходим и как небольшое укрепление, и как украшение. [168] Они были завершены в верхней части открытыми кирпичными кренелями, вдоль основания которых шел фриз из нарисованных розочек. Ссылка на наш [рис. 47](#) объяснит все эти конструкции лучше всяких слов. Это вид с высоты птичьего полета в перспективе на юго-западную часть дворца.

Вертикальные разрезы справа на гравюре показывают, как камни были прикреплены к сырцовому кирпичу. Кренделя здесь отсутствуют, но их можно увидеть на месте слева.

Огромный размер камней и правильность кладки, высота стены и длинная линия бойниц, которыми она была увенчана, контраст между сияющей белизной основной поверхности и яркими красками расписного фриза, который, как мы предполагаем, определял ее вершину, - все это составляет композицию достаточно простую, но отнюдь не лишенную красоты и величия.

В *энсинте*, окружавшем город, также использовался камень, но в несколько ином ключе. Он использовался для придания прочности подножию стены, которая состояла из известнякового цоколя высотой около четырех футов, над которым возвышалась масса сырцового кирпича общей высотой около сорока четырех футов. Ее толщина составляла восемьдесят футов. Каменное основание, на котором покоился кирпич, состояло из двух подпорных стен с ядром из щебня. В первом случае использовались крупные блоки, тщательно обтесанные и закрепленные; во втором - куски битого камня, сложенные вперемешку, за исключением верхней части, где они располагались таким образом, чтобы создать гладкую поверхность, на которую можно было спокойно уложить первые ряды кирпича. [169]

Когда Ксенофонт пересекал Ассирию с "десятью тысячами", он заметил этот метод строительства городских стен, но во всех *энсинтах*, которые привлекли его внимание, высота цоколя была намного больше, чем в Хорсабаде. В Лариссе она составляла двадцать, а в Меспиле - пятьдесят футов, или, соответственно, пятую и третью часть общей высоты стен. [170] Эти цифры можно рассматривать только как приблизительные. Греки не развлекались, мы можем быть уверены, измерением памятников, которые встречались им на пути, даже если Тиссаферн давал им время.

Но на основании этих данных мы можем с уверенностью заключить, что в некоторых ассирийских городских стенах пропорция между цоколем и надстройкой сильно отличалась от той, что представлена в единственном дошедшем до нас примере.

Итак, в Хорсабаде камень играл гораздо более важную роль в дворцовой стене, чем в городской, но даже в последней он использовался умело и в немалом количестве; с другой стороны, во внутренних помещениях дворца он использовался только для мощения, для облицовки стен, для оснований, стволов и капителей колонн, а также для таких незначительных целей. В единственном полностью раскопанном дворце Саргона в Хорсабаде все построено из кирпича. Только Лэйард говорит о каменной камере во дворце Сеннахериба в Куюнджике, но не приводит никаких подробностей.

Создается впечатление, что ассирийцы довольствовались тем, что показывали себя мастерами в искусстве обработки и крепления камня, и, что доказано, никогда не заботились о том, чтобы использовать этот материал в основных конструкциях своих зданий. Как и халдеи, они предпочитали кирпич, в управление которым, однако, внесли некоторые собственные изменения. Сырой кирпич Ниневии и ее окрестностей использовался в сыром виде и, будучи уложенным на место, не сильно отличался от писэ. [171] Уложенные широкими горизонтальными рядами, плиты из мягкой глины прилипали друг к другу за счет своей пластичности, благодаря воздействию воды, которой они были пропитаны, и давления, оказываемого вышележащими рядами. [172] Таким образом, здание, по сути, представляло собой не что иное, как один огромный блок. Возьмите его целиком, отбросьте некоторые части, такие как дверные проемы и водостоки, которые были построены по совершенно иным принципам, закройте глаза на чисто декоративные дополнения, и вы получите огромную массу перемешанной земли, которая могла быть сформирована гигантами в колоссальной форме.

Каменщики Вавилона и других южных городов использовали жженный кирпич гораздо шире, чем каменщики севера. В Ассирии массивы писэ, как правило, не имели иного покрытия, кроме плит из алебаstra и известняка, а сверху - тонкого слоя лепнины. В Халдее грубые стены домов и башен были обложены теми превосходными обожженными кирпичами, которые жители Багдада и Хиллы до сих пор возят для использования в своих современных жилищах. [173] Грубые кирпичи, использовавшиеся за этим защитным эпидермисом, не утратили своей индивидуальности, так как в Ниневии они, по-видимому, использовались только после полного высыхания. Конечно, они гораздо более рыхлые, чем обожженные в печи; когда их лишают оболочки и подвергают воздействию погоды, они медленно возвращаются в состояние пыли, и их остатки можно увидеть в наклонных курганах, скрывающих подножие каждого древнего развалина (см. [рис. 48](#)), и все же, если вы проникнете в глубь массы, сложенной из этих кирпичей, вы легко различите курсы, а в некоторых случаях кирпичи обладают достаточной прочностью, чтобы их можно было передвигать и отделять один от другого. На самом деле это кирпичи, а не писэ. Но в Халдее, как и в Ассирии, курганы, на которых возвышались большие здания, не всегда из сырцового кирпича. Иногда их делали, огораживая большое пространство четырьмя кирпичными стенами и заполняя его землей и различными *обломками*, оставшимися от предыдущих построек. [174] Наши замечания о строительстве следует понимать как относящиеся к самим зданиям, а не к искусственным холмам, на которых они стояли.

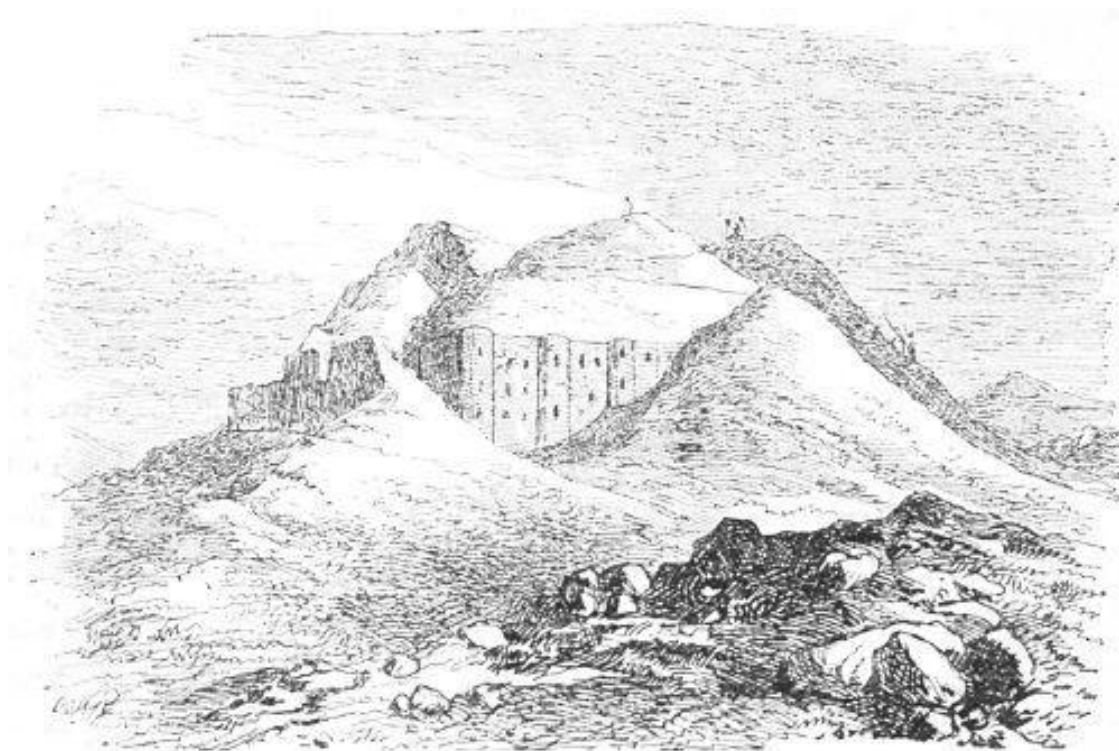

Рис. 48.- Храм в

Мугейре; из Лоптуса.

Ассирийцы, похоже, никогда не использовали для фиксации своих материалов ничего похожего на наш раствор или цемент. В сравнительно редких случаях, когда они использовали камень, они довольствовались тем, что с большой осторожностью обтесывали свои блоки и устанавливали их в абсолютном сопоставлении друг с другом. Когда они использовали сырцовый кирпич, достаточное сцепление обеспечивалось влагой, оставшейся в глине, и ее естественными свойствами. Даже когда они использовали обожженный или хорошо высушенный кирпич, они не заботились о том, чтобы придать ему прочность, и единственным цементом для них была обычная глина, смешанная с водой и небольшим количеством соломы. [175] Даже в наши дни каменщики и кирпичники Моссула и Багдада довольствуются теми же простыми материалами, и их строения не отличаются особой прочностью.

В Халдее, по крайней мере, в определенные времена и в определенных местах, строительство было более тщательным. В руинах, известных как *Бабиль*, , которые представляют собой один из главных памятников древнего Вавилона, между кирпичами нет ничего, кроме земли, которая, должно быть, была помещена туда в состоянии грязи. [176] Эти кирпичи можно отделить почти без усилий. Совсем иначе обстоит дело с двумя другими руинами в том же районе, называемыми соответственно *Каср* и *Бирс-Нимруд*. Их кирпичи скреплены отличным известковым раствором, и их невозможно отделить, не сломав. [177] В других местах, например, в Мугейре, раствор состоит из извести и золы. [178]

ПЛИТА I.

БАВИЛОН

ПО НЕОПУБЛИКОВАННОМУ РИСУНКУ ФЕЛИКСА ТОМАСА.

Наконец, почва Месопотамии давала и продолжает давать своего рода естественный раствор в битумных фонтанах, которые бьют из почвы в нескольких местах между Моссулом и Багдадом. [179] В наши дни он почти не используется, разве что в лодочном строительстве, для покрытия досок и конопатки. В древние времена он широко использовался в более тщательно построенных зданиях, и, поскольку его не было ни в Греции, ни в Сирии, он произвел большое впечатление на путешественников из этих стран. Они отмечали его как одну из особенностей халдейской цивилизации. В библейском рассказе о Вавилонской башне говорится следующее: "У них был кирпич вместо камня, и слизь была у них для раствора". [180] Геродот делает акцент на той же детали в описании того, как были построены стены Вавилона: "Когда они рыли рвы, то превращали вынутую землю в кирпичи, а когда их было достаточно, то обжигали их в печи. Наконец, в качестве раствора они использовали горячий битум, а через каждые тридцать рядов кирпичей клали слой тростника, переплетенного между собой". [181]

Эти стены давно исчезли. В течение многих веков их руины служили строительным материалом для жителей городов, сменявших друг друга на месте древнего Вавилона и вокруг него, а теперь их линии можно лишь слабо проследить в небольших волнистых участках земли, которые то тут, то там едва отличимы от берегов, окаймлявших каналы. Но в тех пустынях Нижней Халдеи, где палатка кочевника теперь почти единственное жилище, были найдены мало поврежденные строения, в которых можно легко различить слои тростника, расположенные через определенные интервалы среди кирпичей. Как правило, три или четыре слоя уложены один на другой, причем камыши в одном из них расположены под прямым углом к тем, что выше и ниже его. То тут, то там можно увидеть стебли, выступающие из стены. [182] Среди обломков этих зданий повсюду можно найти фрагменты битума, который, должно быть, использовался для приготовления раствора. Однако, похоже, он никогда не использовался по всей площади здания, а только в тех частях, где требовалась большая, чем обычно, сила сцепления. Так, в Варке, в руинах под названием *Бувария*, контрфорсы, отстоящие от основного здания, сложены из крупных обожженных кирпичей, уложенных в толстый слой битума, и все это образует настолько прочное тело, что кирке очень трудно произвести на него какое-либо впечатление. [183]

Следы такого же использования битума путешественники обнаружили и в развалинах Вавилона. В Ассирии он, по-видимому, использовался реже. Там он был обнаружен только под двумя слоями

кирпича, составляющими обычное покрытие крыш, дворов и палат. Архитектор, несомненно, ввел этот слой асфальта для двух целей: отчасти для придания прочности мостовой, отчасти для того, чтобы удерживать влагу и заставить воду в почве стекать по отведенным ей каналам. Такой же слой был уложен и под водостоками. [184]

Несмотря на все предосторожности, время и опыт заставили жителей Месопотамии осознать опасность сырого кирпича в качестве строительного материала; поэтому они старались дополнить его прочность огромными контрфорсами. Везде, где руины сохранили хоть какую-то форму, мы можем проследить, почти без исключения, присутствие этих опор, и, как правило, они лучше и тщательнее построены, чем сооружения, стены которых они поддерживают. Их существование подтверждает каждый путешественник, исследовавший руины Халдеи, [185] и в Ассирии их также можно найти, особенно перед прекрасной подпорной стеной, поддерживающей платформу, на которой был построен дворец Саргона. [186] Архитектор рассчитывал на вес своего здания и на эти громоздкие контрфорсы, чтобы придать ему прочный фундамент и сохранить равновесие материалов. Как правило, фундаментов в нашем понимании этого слова не было. В *Абу-Шарейне*, в Халдее, памятник, описанный Тейлором, и кирпичная мостовая, которая его окружает, оба расположены на песке. [187] Ботта заметил нечто подобное в связи с дворцовыми стенами в Хорсабаде: "Они покоятся, - говорит он, - на кирпичах насыпи без вмешательства какого-либо цоколя или другого вида прочного фундамента, так что местами они опустились ниже первоначального уровня платформы, на которой они расположены". [188]

Это не было вызвано небрежностью, поскольку в других отношениях эти сооружения выдают кропотливое стремление обеспечить стабильность работы и не меньшее мастерство в выборе средств. Так, халдейский архитектор пронизал свои грубые кирпичные массы многочисленными узкими туннелями, или вентиляционными трубами, через которые теплый и иссушающий воздух месопотамского лета мог соприкоснуться с каждой частью, а небольшие остатки влаги, все еще остававшиеся в кирпичах после их закрепления, могли постепенно выводиться. Такие шахты были найдены в руинах Вавилона и других халдейских городов. [189] В Ассирии ничего подобного обнаружено не было, и по очень простой причине. Было бы невозможно сохранить их в мягкой пасте, своего рода писе, которую мы описали.

Еще одна вещь, которую необходимо было тщательно предусмотреть, - это отвод дождевой воды, которая, если бы у нее не было соответствующих каналов отвода, проникала бы через трещины и щели в кирпиче и запускала бы быстрый процесс разрушения. Поэтому в ассирийских дворцах мы видим, что тротуары плоских крыш внутренних дворов и открытых залов имели значительный уклон, и дождевая вода отводилась к желобам, через которые она попадала в каналы, сообщающиеся с главным стоком, откуда в конце концов сливалась в ближайшую реку.

В Халдее дожди шли реже, чем в Ассирии. Но мы можем с уверенностью заключить, что халдейские архитекторы были столь же внимательны, как и их северные соперники, чтобы обеспечить такие меры предосторожности, как те, что мы описали; но их здания сейчас находятся в таком состоянии, что никаких определенных следов от них нельзя обнаружить. С другой стороны, руины в Нижней Халдее доказывают, что даже в самые древние времена перед строителем стояла та же задача, но средства, которыми он пользовался, были гораздо проще, хотя и не лишены изобретательности. Здесь мы расскажем о том, что узнали от одного из тех немногих наблюдателей, которым мы обязаны всеми нашими знаниями о самой ранней халдейской цивилизации.

Мистер Дж. Э. Тейлор, британский вице-консул в Бассоре, исследовал не мало курганов в непосредственной близости от Персидского залива, которые отмечают места захоронений, принадлежащие древнейшим городам Халдеи.

Вершины этих курганов вымощены жженым кирпичом; их масса состоит из нагроможденных гробов, отделенных друг от друга перегородками из того же материала. Чтобы обеспечить сохранность тел и погребенных вместе с ними предметов, необходимо было предусмотреть возможность отвода всевозможных жидкостей. Поэтому сооружения были пронизаны огромным количеством вертикальных стоков. Длинные каналы из терракоты (см. [рис. 49](#)) тянулись от мощеной вершины, на которой они открывались очень узкими устьями, к основанию. Они состояли из труб, каждая длиной около двух футов и восемнадцати дюймов в диаметре. В некоторых случаях их насчитывается до сорока штук, расположенных одна на другой. Они скреплены тонким слоем битума, а для придания им большей прочности их бока слегка вогнуты. Внутри они заполнены осколками битой керамики, которые служат надежной опорой, но при этом нисколько не препятствуют прохождению воды. Эти горшки даже расположены вокруг внешних сторон труб, так что последние нигде не соприкасаются с кирпичом; они имеют определенный люфт, и вместе с трубами, которые они закрывают, образуют ряд шахт, как дымоходы, размером около четырех футов в квадрате. Были приняты все меры предосторожности, чтобы отвести воду, оставшуюся после штормов. Они не довольствовались небольшим отверстием в головной части каждой трубы. Вся ее куполообразная верхушка была пронизана маленькими отверстиями, что превращало ее в своеобразный отстойник. Либо через него, либо через промежутки в упаковке горшков, вся влага, выходящая из центрального отверстия, находила безопасный путь на уровень земли, откуда, несомненно, уносилась к ручьям по каналам, скрытым теперь массой *мусора* у подножия каждого кургана.

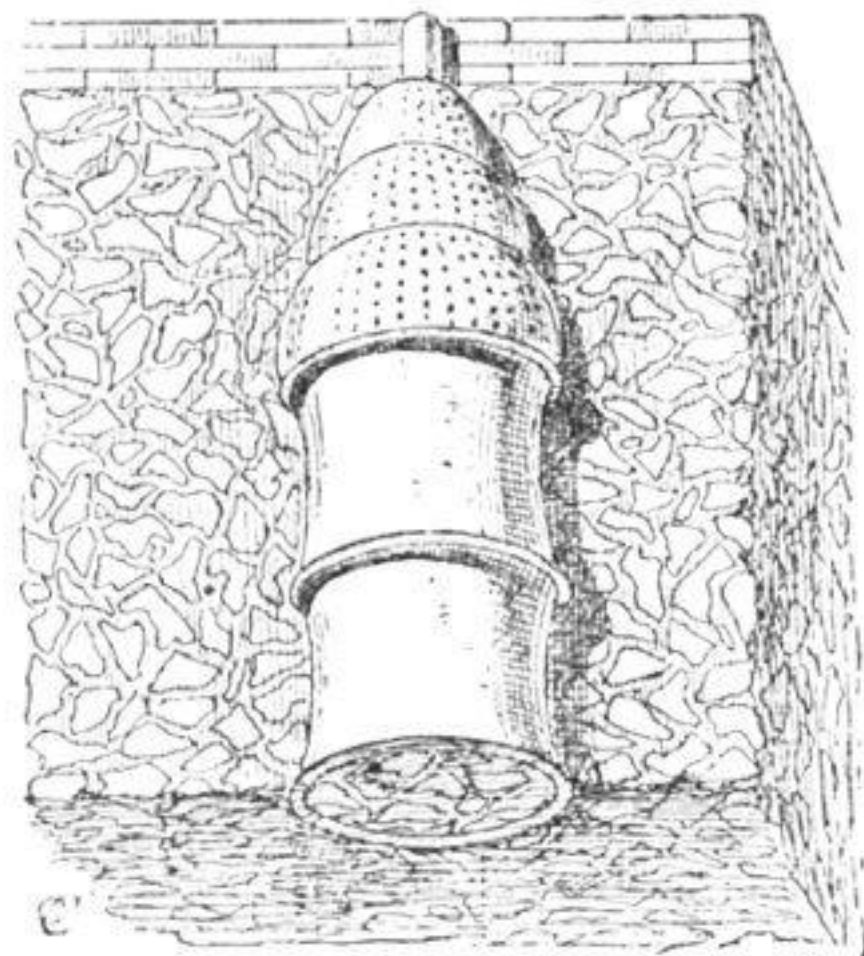

Рис. 49.- Верхняя часть

дренажной системы кургана.

То, что эти сооружения были хорошо приспособлены для своей цели, доказал результат. Благодаря описанным нами дренажам эти могильные курганы до сих пор остаются совершенно сухими. Не только гробы с металлическими или терракотовыми предметами, но даже сами скелеты сохранились в целости и сохранности. Прикосновение к ним превращает их в порошок, но при первом же открытии гробов они выглядят так, словно время никак не повлияло на их субстанцию. [190]

По этим деталям мы можем судить, насколько далеко зашло искусство конструктора в первые века Халдейской монархии. Они вызывают в нас сильное желание узнать о внутреннем устройстве его зданий, о том, каким образом предоставлялся или запрещался доступ в те покои вавилонских храмов и домов, великолепие которых отмечал каждый писатель, видевший их до своего разрушения. К сожалению, от памятников Халдеи, и особенно Вавилона, до нас не дошло ничего, кроме их подвалов и центральных масс ступенчатых башен. Ассирийские дворцы, правда, сохранились лучше, но даже в их случае мы задаемся многими вопросами, на которые нет определенного ответа.

Большая трудность во всех наших исследованиях и попытках реставрации вызвана полным отсутствием каких-либо удовлетворительных свидетельств о природе крыш, покрывавших маленькие или большие помещения. В большинстве случаев стены сохранились на высоте от десяти до пятнадцати футов; [191] ни в одном случае не было обнаружено стены с сохранившейся вершиной.

Снимок на противоположной странице (рис. 50) дает представление о том, как выглядит ниневийское здание после того, как раскопщики закончили свою работу. Это вид в перспективе на одни из ворот города Саргона: толщина стен составляет восемьдесят восемь футов, к которым контрфорсы добавляют еще десять футов; их средняя высота - от двадцати пяти до тридцати футов, достаточно высокая, чтобы арка, через которую входили в город, осталась нетронутой. Это исключение из правил. Ни в одной части дворца нет ничего, что соответствовало бы этой счастливой находке М. Плейса - ни одного свидетельства, по которому мы могли бы судить о формах ассирийских дверных проемов. Толщина стен всегда составляет от двенадцати до двадцати восьми футов (см. рис. 46). Комнаты прямоугольные, иногда квадратные, но чаще всего такие длинные, что скорее являются галереями, чем комнатами в обычном смысле этого слова.

Способ, которым были покрыты эти комнаты, много обсуждался. Сэр Генри Лэйард считает, что крыши были только плоскими, такими же, как у современных домов в Моссуле и соседних деревнях. Он рассказывает, что ни разу не наткнулся на малейшие следы свода, в то время как почти в каждой раскопанной комнате он находил древесную золу и карбонизированную древесину. [192] Он убежден, что разрушение нескольких из этих зданий произошло в первую очередь из-за пожара. Можно привести несколько скульптур, например, из дворца Сеннахериба, которые, когда их нашли, были черными от копоти. Они выглядят как рельефные отливки, которые долгое время стояли у задней стенки камина.

Длинные и узкие комнаты могли быть покрыты балками из пальмы или тополя, опирающимися на вершины стен. Что касается больших залов, то в центре они были открыты небу, а вокруг проема располагался портик, похожий на римский атриум, покатая крыша которого защищала рельефы, которыми были украшены стены. [193]

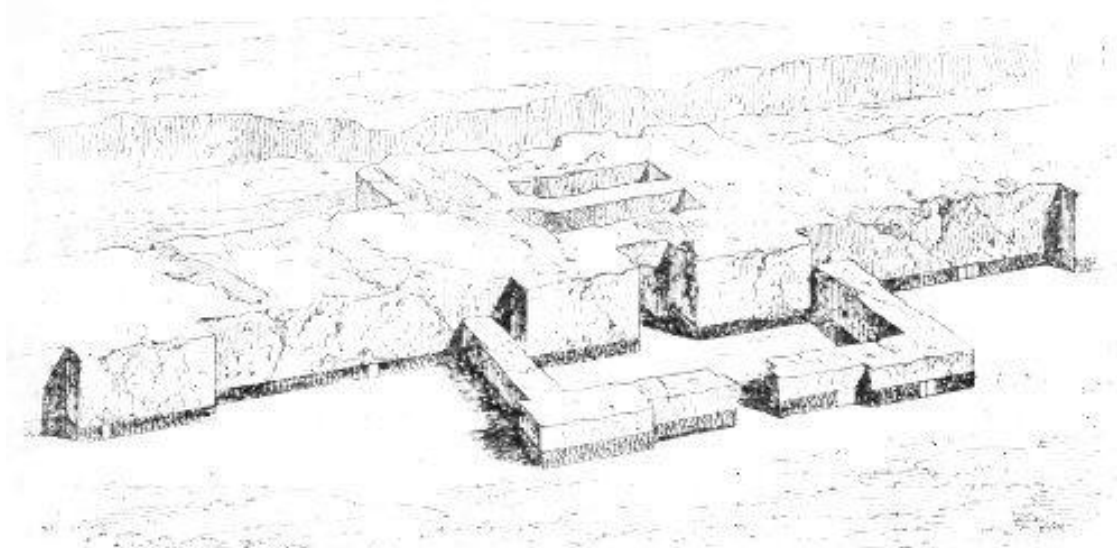

Рис. 50.-

Современное состояние одних из городских ворот, Хорсабад. Перспектива, составленная по планам и чертежам Плейса.

Однако сомнения в этом уже высказывал такой внимательный и рассудительный наблюдатель, как Лофтус, который считал, что арка сыграла очень важную роль в архитектуре Месопотамии. [194] Как он справедливо заметил, условия были совершенно иными, чем в приморских и горных провинциях Персии; здесь не было бриза с залива или с вершин снежных гор, которым нужно было предоставить все возможности для обдува домов и охлаждения нагретых помещений; проблема, которую нужно было решить, заключалась в том, как лучше всего противостоять непроницаемому щиту против ежедневной и длительной жары, которая в противном случае была бы невыносимой. Теперь ясно, что свод с его огромной силой сопротивления был бы гораздо лучше приспособлен для поддержки крыши, толщина которой должна быть в разумной пропорции к массивным стенам, чем потолок из плохой древесины. В наши дни мечети, бани и многие частные дома в Моссуле и Багдаде имеют куполообразные крыши. Не заезжая далеко в Месопотамию, путешественник по Сирии может увидеть, как разумно даже в самых незначительных городах туземный строитель использовал небольшой купол, построенный на квадрате, чтобы получить прочное и надежное жилище, полностью соответствующее климату, жилище, в котором должно быть тепло зимой и прохладно летом.

Мы также должны отметить, что состояние, в котором исследователи находят интерьеры комнат, больше соответствует гипотезе купольной крыши, чем любой другой. Они покрыты на глубину от пятнадцати до двадцати футов горами мусора, доходящими до верха стен, насколько последние уцелели. [195] Этот мусор состоит из кирпичной земли, смешанной с битым кирпичом, и кусков штукатурки. Если допустить деревянные крыши, то как можно объяснить такое скопление? Крыши, поддерживаемые балками, уложенными поперек от одной стены к другой, никогда не могли бы выдержать большой вес. Они должны были быть тонкими и сравнительно бесполезными в качестве защиты от солнца Месопотамии. С другой стороны, если мы предположим, что для покрытия были выбраны своды из пизэ, то все остальное легко объясняется. Они могли легко поддерживать плоскую крышу, а вся верхняя конструкция могла быть сделана достаточной толщины, чтобы исключить как жару, так и дождь, при этом нынешний вид руин вполне объясним.

Те, кто жил на Востоке, те, кто даже посетил Афины вплоть до Элевсиса или Мегары, наверняка не раз растягивались под звездами и на плоских крышах своих временных пристанищ искали отдых, которого не могли найти в жарких и тесных камерах внутри. Наверняка они, как и я, не раз замечали в одном из углов большой каменный цилиндр. В Греции и Малой Азии это в

большинстве случаев "барабан" от какой-нибудь античной колонны или погребальный *циппус*, извлеченный крестьянами из соседних развалин. Этому мурзику с Пароса или Пентелика приходится выполнять функции валика. Когда сильный дождь, смочив и размягчив верхнюю поверхность террасы, дает возможность исправить последствия долгой засухи, камень водят взад-вперед по податливому пису. Он заделывает трещины, уничтожает сорняки, которые, если оставить их на произвол судьбы, вскоре превратили бы крышу в поле, и делает поверхность твердой, как молотильный пол.

Крыши ассирийских зданий, должно быть, требовали такой же обработки, и мы знаем, что в наши дни она действительно практикуется. М. Плейс упоминает о валиках из известняка весом от двух до трех сотен килограммов, пронзенных с каждого конца квадратным отверстием, в которое вставлялись деревянные веретена для облегчения управления ими. [196] Некоторое количество таких валиков было найдено внутри камер, в которые они, должно быть, упали вместе с крышей. Как только за террасами перестали ухаживать, чтобы они не зарастали сорняками и кустарником и не пропускали воду, процесс разрушения должен был пойти быстро. Дожди вскоре превратили трещины в зияющие проломы, и через несколько лет каждый ураган обрушивал часть крыши. Столетия хватило бы, чтобы разрушить своды, а вместе с ними и верхние части стен, с которыми они были тесно связаны благодаря мастерству строителя. Исчезновение архивольтов и огромные кучи *обломков* объясняются таким образом. Однако материалы крыши были слишком мягкими, чтобы при падении повредить рельефные или круглые фигуры, украшавшие нижние покои, или резные плиты, которыми были облицованы их стены. Распространившись по этим скульптурам и похоронив их вдали от глаз и памяти, мягкая глина послужила потомкам более эффективно, чем самые аккуратные упаковщики.

Среди первых наблюдателей, заподозривших неладное с использованием свода в Месопотамии, были Эжен Фланден, помогавший Ботте раскапывать дворец Саргона, [197] и Феликс Томас, [198] коллега М. Плейса. Причины, по которым М. Томас пришел к выводу, что комнаты в ниневитских дворцах были сводчатыми, приводит М. Плейс, которого можно считать его рупором. [199]

Он не отрицает, что на некоторых хорсабадских рельефах есть следы пожара, но утверждает, и это после опыта четырех раскопок, что пожар был гораздо менее масштабным, чем можно предположить на основании заявлений некоторых путешественников. Ему не удалось обнаружить ни малейших следов пожара в ста восьмидесяти четырех комнатах и двадцати восьми дворах, которые он раскопал. Чудесная сохранность рельефов во многих залах, по его мнению, не согласуется с предположением, что дворец был уничтожен огнем; а если отказаться от этого предположения, то простого действия времени недостаточно, чтобы объяснить исчезновение такого количества деревянной кровли, поскольку то тут, то там, особенно возле дверных проемов, были найдены куски сломанных балок и дверных панелей. "Не вся древесина находится в таком состоянии, как нетленный кедр с позолоченных пальм, но везде, где она, безусловно, существовала, можно обнаружить ее следы. В стадии разложения она не более консистентна, чем порошок, ее можно взять и выбросить, оставив в более прочной глине точный слепок балки или столба, к которому она принадлежала".

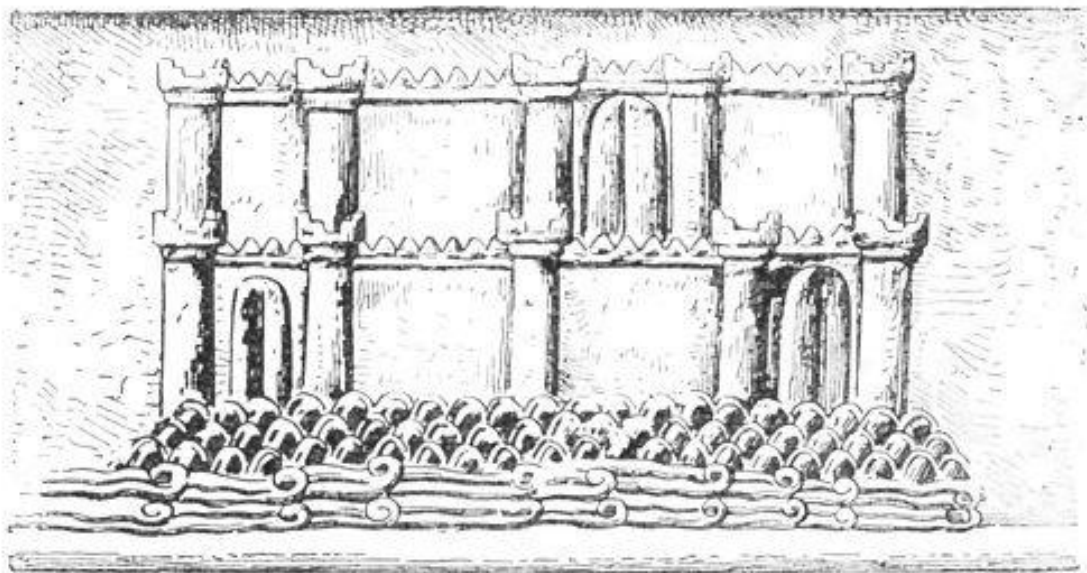

Рис. 51.-

Крепость; из ворот Балавата, в Британском музее.

Все это, однако, было лишь негативным свидетельством. На реальное решение проблемы впервые положительно повлияло обнаружение сводов на месте, в стоках и водных каналах, а также в городских воротах. Барельефы, на которых изображены города или крепости, также подтверждают мнение о том, что в Ассирии и соседних с ней странах широко использовались арочные проемы (см. [рис. 51](#)). Как только будет доказано, что ассирийцы понимали принцип арки, почему следует больше отрицать, что они использовали ее для перекрытия своих палат? Очевидно, что свод обеспечивал гораздо лучшую поддержку для веса, находящегося выше, чем любая деревянная крыша.

В ходе исследований вероятная догадка сменилась полной уверенностью. Те самые своды, необходимость которых доказывали индуктивные рассуждения, были найдены если не на месте, то, по крайней мере, в фрагментарном состоянии и в тех самых помещениях, которые они прикрывали - и здесь мы должны привести слова самих исследователей.

В наиболее глубоко зарытых помещениях здания раскопки велись с помощью горизонтальных туннелей или шахт. "Мне часто приходилось, - рассказывает М. Плейс, - прокладывать траншеи от одной стороны комнат к другой, чтобы получить четкое представление об их форме и расположении. В этих случаях мы часто сталкивались с некоторыми трудноуловимыми фактами, которым в то время мы не могли дать никакого объяснения. Эти факты представляли собой глиняные блоки, чьи нижние стороны были сегментно выдолблены и покрыты слоем штукатурки. Эти фрагменты находили то в нескольких футах от стен, то в середине комнат. Поначалу я был в полном недоумении, как их объяснить. Наши траншеи тщательно следовали за внутренними поверхностями стен, которые были легко узнаваемы по лепнине, если не имели облицовки из резных плит. Что же тогда делать с этими арочными блоками, также покрытыми лепниной, но найденными в центре комнат и вдали от стен? Такие признаки нельзя было игнорировать в исследовании, где все было новым и могло привести к непредвиденным результатам. Везде, где появлялся след лепнины, я внимательно следил за ним. Постепенно земля под лепными блоками и вокруг них расчищалась, и тогда мы оказывались перед тем, что выглядело как вход в арочный погреб. Тут и там эти части свода были много футов в длину, от четырех до шести в пролете, и три или четыре от венца арки до уровня, на котором она покоилась. С первого взгляда вид свода был законченным, и я подумал, что вот-вот проникну в подвал, где меня может ждать какая-нибудь интересная находка. Но при дальнейшем рассмотрении это приятное заблуждение развеялось. Притворный погреб резко оборвался и оказался не более чем участком свода, покинувшим свое

место..... Полученные таким образом доказательства стали еще более убедительными благодаря обнаружению с нижней стороны нескольких фрагментов росписей, которые, очевидно, предназначались для украшения потолка". [200]

Очевидно, что эти криволинейные блоки с фресками были фрагментами обрушившегося свода туннеля, и их существование объясняет большую толщину, которую ассирийский строитель придал не только внешним стенам, но и тем, которые разделяли комнату от комнаты. Самые тонкие из них едва ли меньше десяти футов, тогда как местами они достигают пятнадцати или шестнадцати. Что касается внешних стен, то их толщина иногда достигает от пяти и двадцати до тридцати футов. [201] Климат не может объяснить существование таких стен. Если в случае с внешними стенами такая причина может, растягиваясь, оправдать их экстравагантные размеры, то с простыми внутренними перегородками дело обстоит совсем иначе. Однако эта кажущаяся аномалия исчезает, если мы признаем существование сводов и необходимость противостоять огромной нагрузке, которую они создают. С таким материалом, как глина, необходимую прочность можно было придать, только увеличивая массу, пока ее толщина не превышала диаметр камер, в которые она была заключена.

М. Плейс делает большой акцент на диспропорции между длиной и шириной многих апартаментов. Мало найдется таких, в которых больший диаметр не был бы, по крайней мере, вдвое больше меньшего, а во многих случаях он в четыре, пять и даже семь раз больше. Он приходит к выводу, что эти любопытные пропорции были навязаны ассирийцам природой имевшихся в их распоряжении материалов. Такое расположение должно было быть разрушительным для архитектурного эффекта, а также неудобным, но глиняный свод не мог иметь большого пролета, и его опоры должны были находиться на разумном расстоянии друг от друга.

Взятый сам по себе, этот аргумент, возможно, имеет едва ли столько силы, сколько М. Плейс склонен ему придать. Несомненно, пристрастие к преувеличенному параллелограмму очень хорошо согласуется с теорией о том, что свод постоянно использовался месопотамскими архитекторами, но его с равным основанием могут привести и сторонники противоположной гипотезы - о деревянной крыше.

Лучшая причина для принятия всех этих доказательств в качестве подтверждения мнения, принятого ММ. Фландина, Лофтуса, Плейса и Томаса, является, во-первых, неоспоримый факт, что входы в город Хорсабад были проходами, покрытыми бочкообразными сводами; во-вторых, наличие среди обломков фрагментов арок, описанных выше; в-третьих, глубина массы разбитой земли в стенах каждой камеры; наконец, необычная толщина стен, которую можно удовлетворительно объяснить только предположением, что архитектор должен был обеспечить прочные опоры для арок, имевших не малый вес.

Трудно сказать, как ассирийцы начали строить эти арки из сырцового кирпича, но долгая практика позволила их архитекторам использовать этот неудовлетворительный материал с таким мастерством, о котором мы и не подозревали до эксгумации Ниневии. Благодаря своим природным качествам и опыту, с которым ее готовили, их глина была прочной и пластичной до такой степени, что не раз удивляла современных исследователей. Вырубленные при раскопках арочные галереи - иногда сегментные, иногда остроконечные, часто значительной высоты и ширины - никогда не смогли бы устоять в любом другом виде земли без мощных и многочисленных опор. И все же М. Плейс рассказывает, что именно эти галереи, именно в том состоянии, в котором их оставил мотыга, "служили жильем для рабочих и их семей, и с тех пор они служат убежищем для жителей соседних деревень. Рабочие и крестьяне укрывались под сводами, подобными тем, что были у древних ассирийцев. Иногда мы прорубались сквозь

случайные скопления веков, где глина, далеко не всегда тщательно уложенная, скорее потеряла многие из своих первоначальных качеств. Однако даже там крыша наших галерей оставалась подвешенной без каких-либо признаков неустойчивости, как бы свидетельствуя о том, что ассирийский архитектор знал, на что шел, когда так доверял достоинствам фактильного материала". [202]

Тех, кто особенно интересуется конструктивными методами, мы можем отослать к рассказу М. Плейса о любопытной моде, в соответствии с которой рабочие Моссула строят остроконечный свод без помощи каких-либо деревянных центров, используемых в Европе. В наше время, конечно, каменщики Моссула используют камень и раствор, но их пример тем не менее доказывает, что подобные результаты когда-то могли быть получены и из других материалов. [203] Свод, запущенный в воздух без всякого центрирования и несущий на своих незаконченных боках строителей, был явлением, способным поразить архитектора. Если принять во внимание все, то глиняные своды Хорсабада вызывают не больше удивления, чем купола современного Моссула. [204]

Мы не можем с уверенностью утверждать, что ассирийские строители использовали купола в дополнение к бочкообразным сводам, но все вероятности говорят в пользу такой гипотезы.

Купол - это особый вид свода, используемый для перекрытия квадратных, круглых или многоугольных помещений. Что касается круглых и многоугольных помещений, то в Ассирии не было найдено ни одного, но несколько квадратных было раскопано. На главном фасаде дворца Саргона есть два таких помещения приличного размера, около сорока восьми футов в каждую сторону. Томас не верил, что в этих апартаментах использовался бочковидный свод: пролет был бы слишком велик. Поэтому он искал способ, который бы одновременно хорошо подходил к особым условиям и гармонировал с общей системой. Он нашел его в полусферическом куполе.

Однако все сомнения по этому поводу были сняты открытием барельефа (рис. 43), воспроизведенного на странице 145, на котором мы видим группу зданий, покрытых крышами, некоторые из которых имеют сферические своды, а некоторые - эллиптические купола, приближающиеся по очертаниям к конусу. Это доказывает, что месопотамские архитекторы были знакомы с различными видами куполов, так же как и с разновидностями бочкообразного свода.

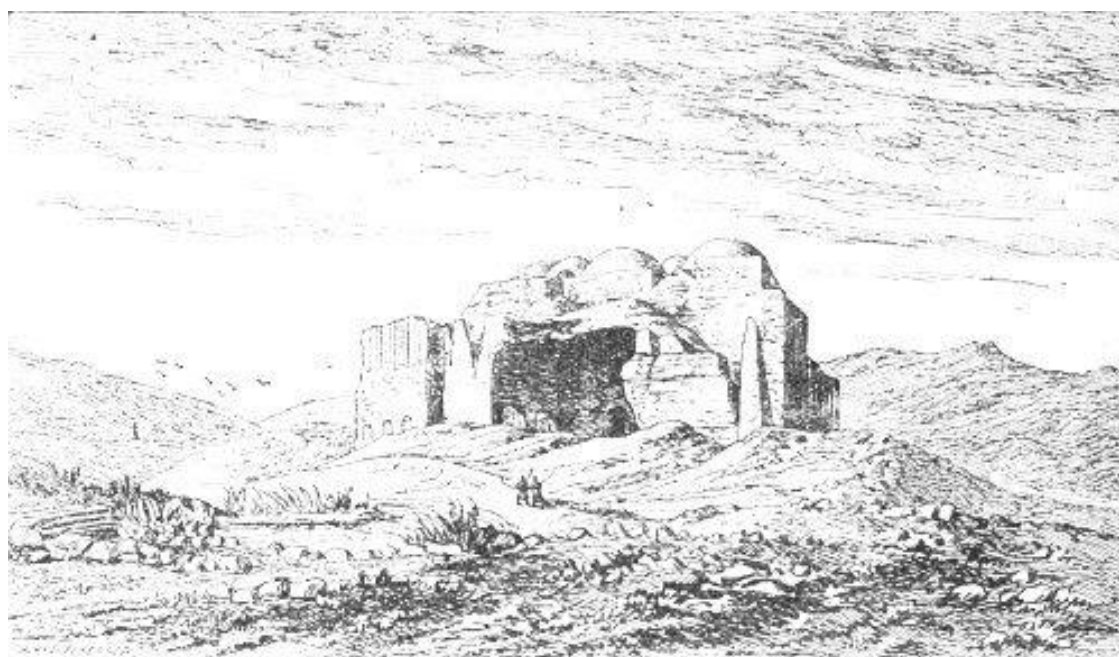
Высказывалось предположение, что этот уникальный в своем роде барельеф всего лишь изображает печи для обжига кирпича, использовавшиеся при строительстве дворца Сеннахериба. На это возражение есть не один ответ. Ассирийские скульптуры, которыми мы располагаем, представляют собой лишь малую часть целого, и каждое новое открытие знакомит нас с ранее неизвестными формами. Кроме того, если бы скульптор хотел изобразить печи, в которых обжигались кирпичи для дворца, он бы показал пламя, выходящее сверху. На рельефах горящих городов он никогда не оставляет пламя без внимания, и в данном случае, когда оно должно было обозначить активность, с которой велись строительные работы, он, конечно, не стал бы его опускать. Опять же, разве здание слева на фотографии не является, очевидно, домом с плоской крышей? Если это так, то, прежде чем принять теорию печи, мы должны поверить, что скульптор сделал странный отход от реальных пропорций соответствующих зданий. Кроме того, дверные проемы на рельефе в точности повторяют дверные проемы обычного дома, но не имеют никакого сходства с низкими и узкими проемами, которые во все времена использовались для печей. Почему же мы должны отказываться признать, что в Ниневии были своды, когда Страбон прямо говорит нам, что "все дома Вавилона были сводчатыми". [205]

В качестве доказательства этого любопытного рельефа Томас ссылается на вековые обычаи Востока: великая церковь Святой Софии, византийские церкви и турецкие мечети - все они не имели иной крыши, кроме купола. Во всем этом он видит лишь поздние примеры характерного

метода строительства, который был изобретен и усовершенствован за много веков до этого в Вавилоне и Ниневии.

От памятников, которыми были украшены эти два великих города, до наших дней не дошло ничего, кроме фундаментов и частей стен; но зданиям более поздней эпохи, периода, когда Селевкия и Ктесифон пользовались наследием Вавилона, повезло больше. В руинах дворцов, построенных парфянскими и сасанидскими монархами, до сих пор сохранились верхние строения, причем в более или менее хорошем состоянии. В них купольное расположение является универсальным. Иногда, как в Фируз-Абаде (рис. 52), мы видим сегмент сферы; в других местах, как в Сарбистане (рис. 53), купол имеет яйцевидную форму. Наш разрез последнего здания даст представление о внутреннем устройстве этих сооружений и покажет, как архитектору удалось подвесить круглый купол над квадратной квартирой. [206]

Эти памятники эпохи между далекой античностью и греко-римским периодом были построены из кирпича, как и дворцы Ниневии. [207] Климатические условия остались прежними, привычки и требования различных царских семей, сменявших друг друга в стране, не претерпели существенных изменений, в то время как Саргониды, Арсакиды и Сасаниды правили одним и тем же населением.

в Фируз-Абаде; из Flandin and Coste.

Рис. 52.- Дворец

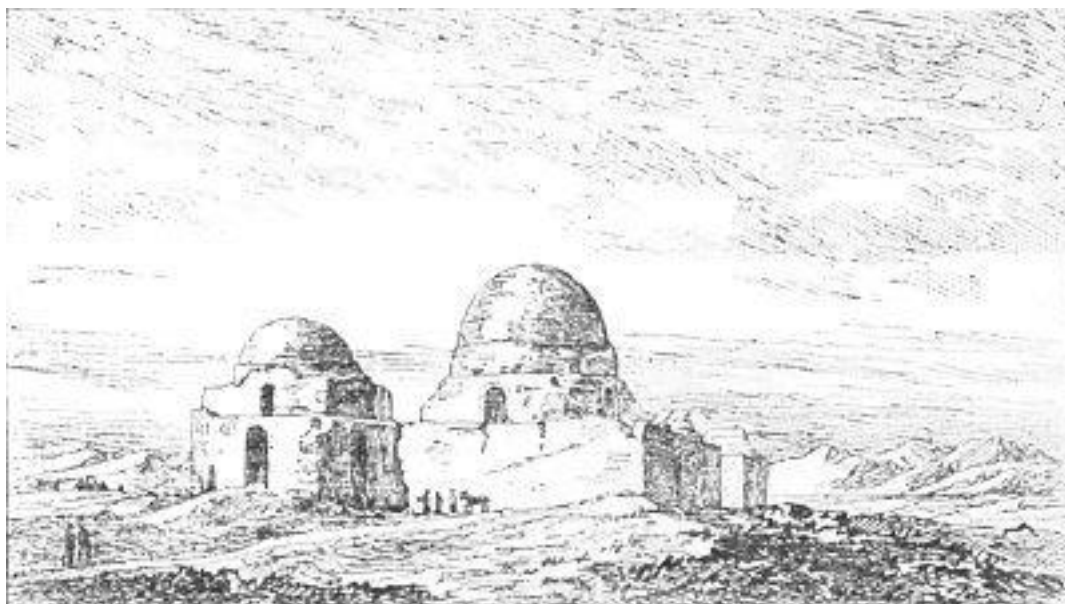

Рис. 53.- Дворец в

Сарбистане; из Фландена и Косте.

Корпорации архитекторов и рабочих должны были из века в век сохранять традиции своего ремесла, традиции, которые в первую очередь основывались на природных возможностях материалов и на данных проблемы, которую им предстояло решить. Поэтому историка нельзя обвинить в том, что он выходит за пределы справедливой индукции, когда от этих современных зданий возводит к их далеким предшественникам. После завоевания Александром орнаментальные детали и, более того, стиль скульптур, должно быть, в определенной степени подверглись влиянию сначала греческого, а затем римского искусства; но планы, внутренняя структура и общее расположение зданий должны были остаться прежними.

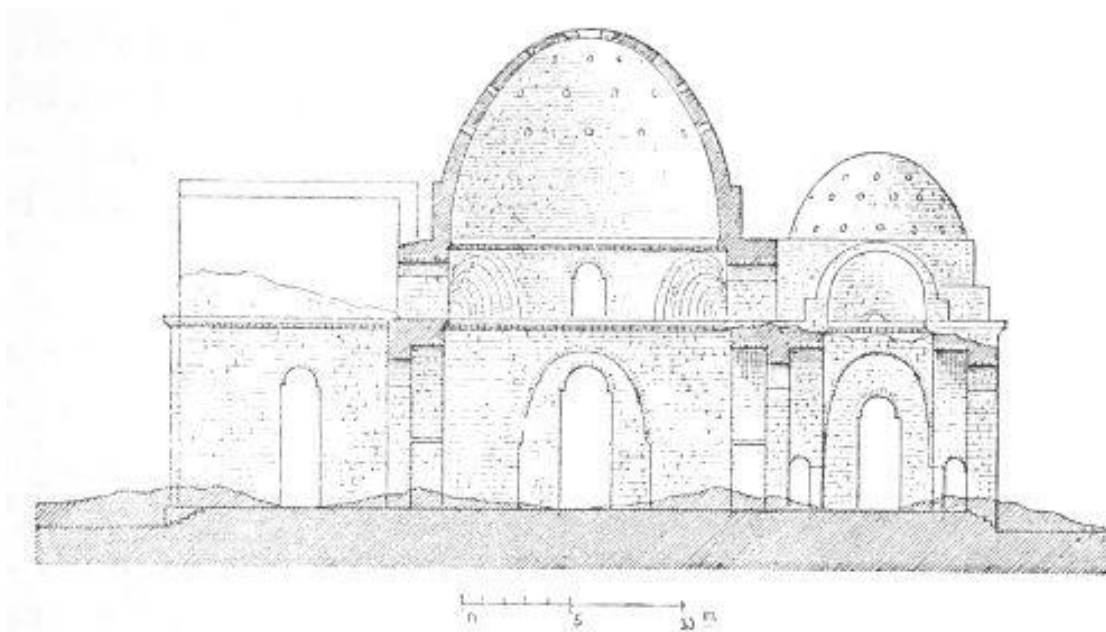

Рис. 54. Разрез

дворца в Сарбистане; по Фландину и Косте.

В этих аргументах по аналогии нет ничего опасного или вводящего в заблуждение; от дворца Хосроя к дворцу Саргона - вполне закономерный шаг. Возможно, когда-нибудь мы попытаемся пройти тот же путь в обратном направлении; мы попытаемся показать, что сохранение этих примеров и традиций вполне могло помочь направить архитектуру по новому пути в последние

годы существования Римской империи. Далее нам предстоит рассказать о школе в Малой Азии, чьи работы еще не изучены с должным вниманием. Здания, о которых идет речь, отличаются прежде всего тем, что в их строительстве важную роль играют свод и купол, опирающиеся на маятники; в них также можно обнаружить некоторые конструктивные процессы, которые, насколько мы можем судить, никогда не были известны и не практиковались на Востоке. Мы с трудом можем поверить, что руководители школы с самого начала изобрели систему строительства, принципы которой настолько отличались от принципов греков или даже поздних римлян. Возможно, они усовершенствовали систему, привив к ней колонну, но, по крайней мере, вероятно, что они переняли ее от тех, кто практиковал ее с незапамятных времен, от людей, которые научили их традиционным методам сокращения и облегчения труда исполнителей. Границы Малой Азии "сходились" с границами Месопотамии, и в последней каждый важный город имел здания из кирпича, покрытые куполами. Римляне часто посещали долину Евфрата, куда их приводили и война, и торговля; их победы иногда доводили их даже до Ктесифона на Тигре, так что не было недостатка в возможности изучать восточную архитектуру именно там, где она зародилась. Они могли судить и восхищаться красотой, которой она, безусловно, обладала, когда великие здания Месопотамии еще были одеты во все богатство своего убранства. Гений греков уже почти исчерпал формы и сочетания классического стиля; он устал от непрерывного труда в узком кругу и жаждал новых миров для завоевания. Мы можем легко понять, как он приветствовал систему, которая, казалось, обеспечивала новизну, которую он искал, которая, казалось, обещала элементы нового движения, которое могло быть развито во многих, еще неизвестных, направлениях. Если мы поставим себя на эту точку зрения, то увидим, что Исидор и Антемий, архитекторы Святой Софии, были учениками и продолжателями дела тех забытых мастеров, которые подняли в воздух столько миллионов кирпичей по приказу Саргона и Навуходоносора. [208]

Как бы ни относиться к этой гипотезе, не приходится сомневаться, что ассирийцы знали, как перейти от бочкообразного свода к полусферическому и даже к эллиптическому куполу. Как только они открыли принцип свода и нашли простые и быстрые методы его установки, все остальное последовало само собой. Их материалы одинаково хорошо подходили как для строительства купола, так и для сегментного свода, и обещали равную устойчивость в любом случае. Что касается их метода перехода от квадратной подконструкции к куполу, то мы ничего не знаем наверняка, но можем предположить, что система, использованная Сасанидами (см. [рис. 54](#)), унаследована от нее. Маловероятно, что для поддержания сводов во время строительства использовались деревянные центральные опоры. Древесина в Халдее была редкой и плохой, и людям пришлось бы научиться обходиться без нее. М. Чойси показал - как мы уже упоминали - что византийские архитекторы строили купола большого пролета без каких-либо лесов, каждый круговой ход поддерживался на месте до завершения строительства простым сцеплением раствора. [209]

М. Плейс также рассказывает о том, как он видел, как несколько курдских женщин строили печь в форме сарацинского купола из мягкой глины и без какой-либо внутренней опоры. Их конструкция, при возведении которой его живое любопытство заставило его помочь, состояла из нескольких колец, уменьшающихся в диаметре по мере приближения к вершине. [210] Купола из грубого кирпича, которые возвышались над многими курдскими домами, были сложены таким же образом, и часто они были значительных размеров. На вопрос М. Плейса о том, как они научились так искусно обращаться с кирпичом, печники ответили, что это "обычай страны", и нет никаких видимых причин, почему бы этому обычаю не восходить к далекой древности. Ассирийцы прибегали к подобным средствам, когда возводили купола своих великих дворцов. Возможно, они тоже оставляли день на просушку каждого кругового элемента и вновь смачивали его верхнюю поверхность, когда наступал момент для укладки следующего. [211]

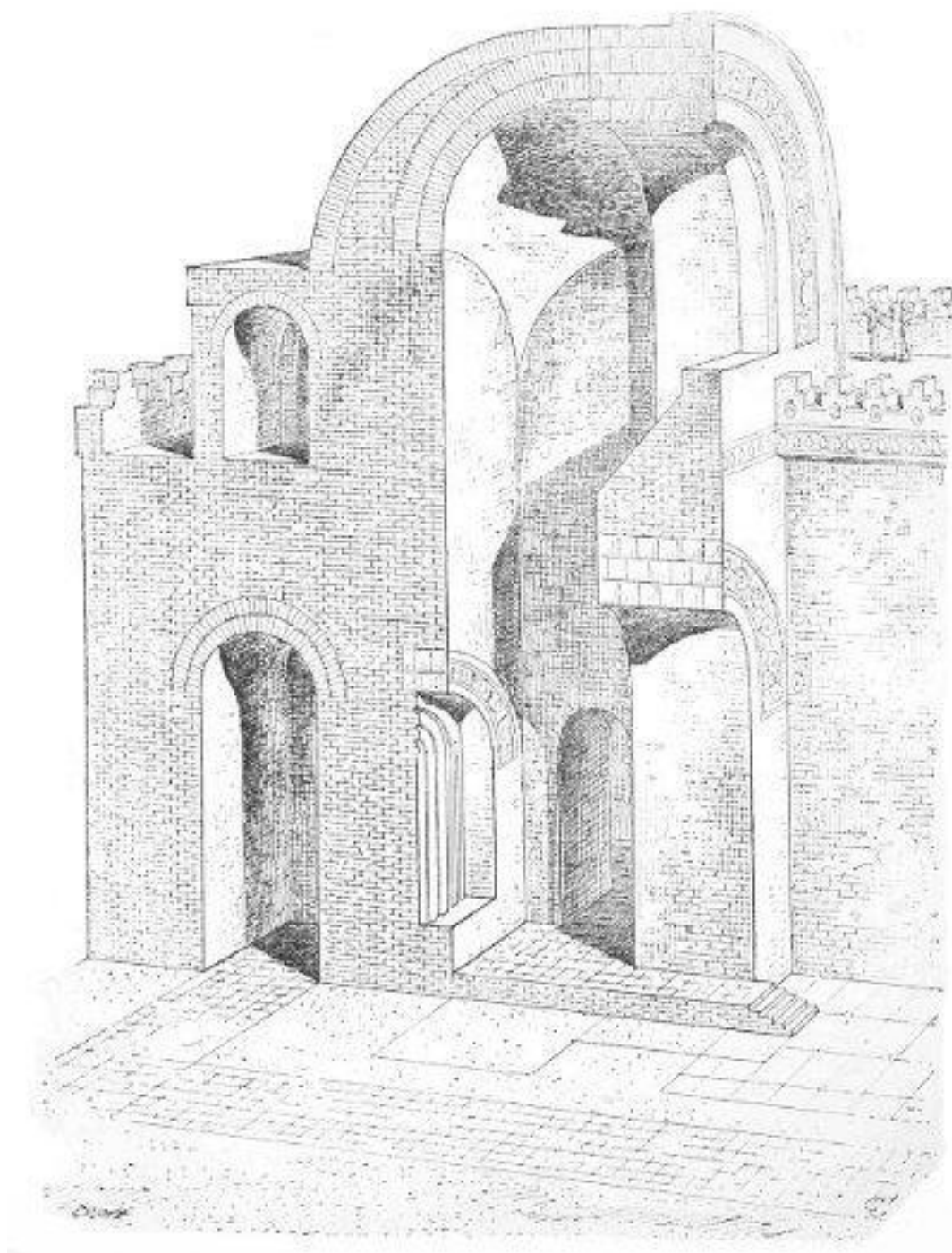

Рис. 55.-

Реставрация зала в гареме в Хорсабаде, составлено по материалам Плэсе.

Из существования куполов, которое он считает почти бесспорным, М. Плейс выводит существование полукуполов. Плейс выводит существование полукуполов, один из которых он относит к главной камере гарема во дворце в Хорсабаде (рис. 55). Чувствуя, вероятно, что это требует какого-то обоснования, он находит его в современном обычае, который он описывает так: "В городах этой части Востока внутренний двор гарема, как правило, завершается на одной из его оконечностей сводом, полностью открытым с одной стороны, в виде огромной ниши. По сути, это половина купола, разрезанная на две части сверху донизу; пол, приподнятый на несколько ступеней над тротуаром двора, устлан коврами и подушками так, что образует открытый и просторный салон, в котором женщины должны находиться в определенные часы. Этот диван защищен от дождя полукуполом, а от солнца - занавесками или циновками, развешанными по

арочному проему. Такое расположение вполне может быть продиктовано древней традицией. Оно хорошо соответствует климату, а это обстоятельство никогда не перестает оказывать решающее влияние на архитектуру". [212]

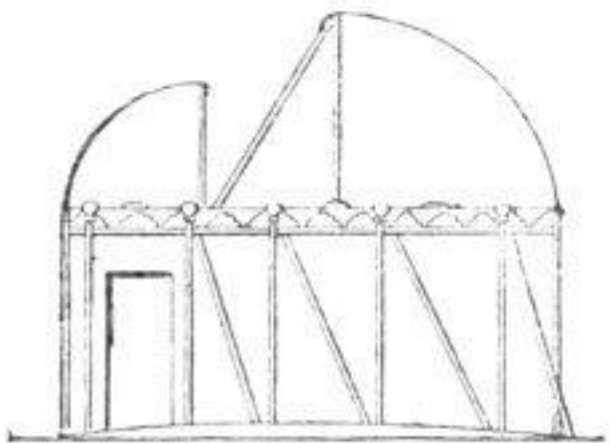

Рис. 56. Королевская палатка, Куйунджик. Британский музей.

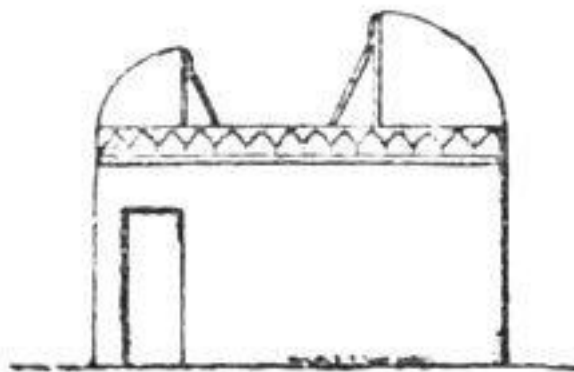

Рис. 57.- Палатка, Куйунджик. Британский музей.

И все же, возможно, было бы повод для колебаний, если бы эту индукцию не подтверждали фигурные памятники; ведь жители провинции Моссул отказались от традиций своих предков более чем в одном аспекте. Например, они отказались от использования сырцового кирпича, по крайней мере, в том, что касается стен их домов. Вместо него они использовали камень и штукатурку, поэтому в их жилищах не так свежо и прохладно, как в домах их отцов. В таком вопросе настоящее проливает свет на прошлое, но у обоих есть свои отличительные черты, даже если физические характеристики страны остались прежними. Лучшим свидетельством в пользу использования такой схемы в Ассирии является барельеф. Мы нередко встречаем там объекты, подобные тем, что изображены на этой странице. Иногда он находится посреди, казалось бы, укрепленного лагеря, иногда - в укрепленном городе. Его общий вид, некоторые мелкие детали, а иногда и сопровождающая надпись позволяют нам узнать в нем шатер или павильон царя. [213] Крыши этих сооружений, очевидно, состоят из двух полукуполов, неравных по размеру и разделенных незакрытым пространством. Если такая конструкция была удобна для переносного и временного жилища вроде шатра, то почему бы ее не применить для постоянного дома царя и его народа?

Арки, до сих пор стоящие в городских воротах, фрагменты сводов, найденные в покоях дворца Саргона в Хорсабаде, свидетельства барельефов и существующие методы строительства в Месопотамии - все это убеждает нас в том, что свод играл важную роль в постройках Ассирии, а следовательно, и Халдеи; Но мы не должны заходить так далеко, чтобы утверждать, что все комнаты во дворце в Хорсабаде и других местах были покрыты бочкообразными сводами, куполами или полукуполами. Наши избранные гиды, как нам кажется, позволили себе быть слишком абсолютными в этом вопросе; вполне возможно, что рядом со сводчатыми палатами были и другие, с деревянными крышами. На такой вывод наталкивает отчасти обнаружение сэром Г. Лэйярдом значительного количества древесной золы в раскопанных им дворцах, отчасти свидетельства древних текстов о том, что дерево часто использовалось в этом регионе для поддержки крыш, по крайней мере, частных домов. Прежде всего, мы можем процитировать некоторые замечания в рассказе Страбона о Сузиане, которые греческий географ позаимствовал у одного из своих оригинальных авторитетов: "Чтобы дома не нагревались, их крыши покрыты

двумя локтями земли, вес которой заставляет их делать свои жилища длинными и узкими, потому что, хотя у них были только короткие балки, они должны были иметь большие комнаты, чтобы не задохнуться". Тот же автор, говоря об этих крышах, описывает необычное свойство балок из пальмового дерева. По его словам, самые плотные и прочные из них, вместо того чтобы с возрастом покориться и прогнуться под тяжестью веса, который им приходится выдерживать, плавно изгибаются вверх, чтобы стать лучше, чем вначале, приспособленными для поддержки тяжелой крыши. [214]

Необходимость наличия толстой крыши между солнцем и внутренними помещениями здесь подтверждается очень четко. Следует также заметить, что от наблюдателя не ускользнула общая форма квартир в Сузиане и Ассирии. Как он ясно видел, огромная диспропорция между их длиной и шириной объяснялась как требованиями деревянной крыши, так и глиняного свода.

Пытаясь описать Вавилон, Страбон пишет: [215] : "За неимением дерева, в зданиях Вавилонии использовались балки и колонны из пальмового дерева. Эти колонны покрывались скрученными веревками из камыша, на которые наносилось несколько слоев краски. Двери были покрыты асфальтом. И двери, и дома были очень высокими. Можно добавить, что дома были сводчатыми, в связи с отсутствием дерева..... Разумеется, в странах, где никогда не бывает дождей, [216] таких как Вавилония, Сузиана и Ситтакения, черепичных крыш не было".

Сам Страбон никогда не посещал Месопотамию. Это мы знаем из отрывка из его введения, в котором он рассказывает, как далеко простирались его путешествия, с севера на юг и с востока на запад. [217] Когда ему нужно было описать Азию от Тавра до Индии, он мог сделать это только с помощью отрывков, заимствованных у разных авторов, и в ходе работы иногда случалось, что он приводил в сопоставление части информации, которые противоречили друг другу. [218] Нечто подобное произошло в процитированных нами строках, в которых он сначала говорит о столбах и деревянных крышах, а в конце заявляет, что все халдейские дома были сводчатыми, хотя своды и дерево не могли существовать вместе. Истина, по всей вероятности, заключается в том, что здесь преобладала одна система покрытия, а там - другая, и кажущееся противоречие в тексте объясняется поспешным редактированием. Из этого можно сделать вывод, что путешественники сообщали о существовании обеих систем, и что каждая из них объяснялась местными условиями и разным предложением материалов.

Эти две системы до сих пор существуют бок о бок во всей Западной Азии. От Сирии до Курдистана и Персидского залива постоянно встречается полусферический купол на квадратной подконструкции. Деревянная крыша встречается гораздо реже; когда квартира, в которой она используется, имеет значительные размеры, она опирается на два или три ряда деревянных колонн. Эти колонны опираются на каменные кубы, а между ними и балками, на которые они опираются, часто вставляется табличка из того же материала. Таким образом, создается некий деревенский ордер, в котором только вал сделан из дерева. Мы приводим эскиз сэра Х. Лэйарда, на котором изображена эта конструкция. Он взят из дома, населенного езидами, [219] в районе Верхней Месопотамии под названием *Синджар* (рис. 58).

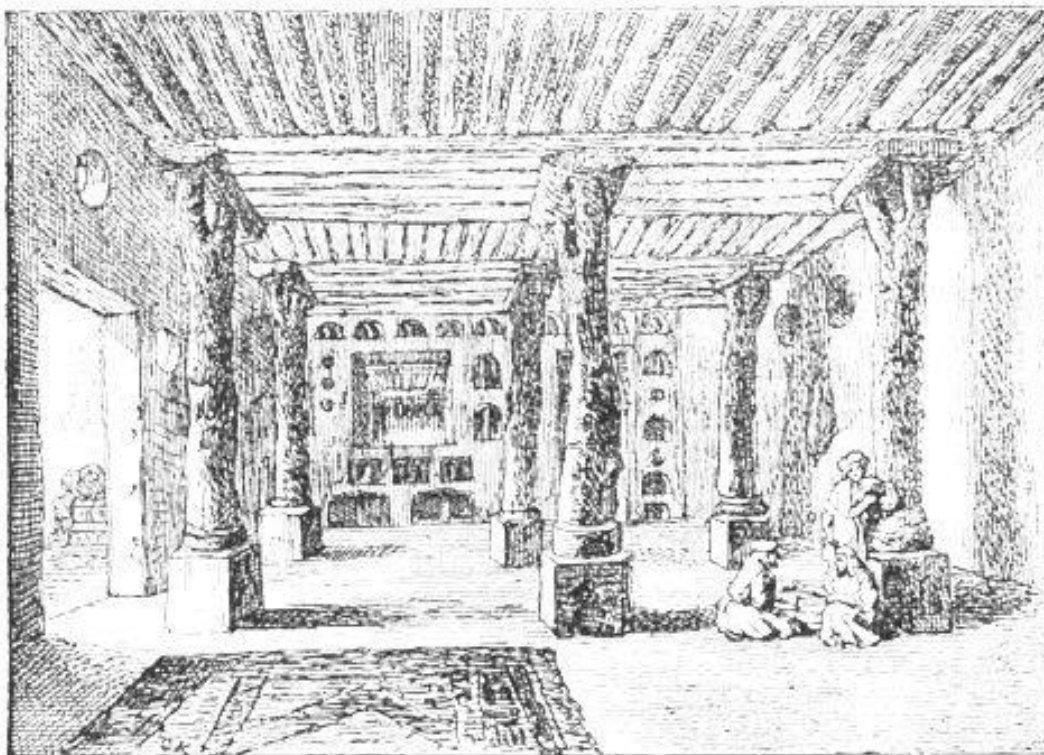

Рис. 58.-

Интерьер дома езидов; из Layard.

Мы склонны думать, что обе системы иногда встречались в одном здании. Туннельный свод и балочный потолок одинаково хорошо подходили для длинных галерей ассирийских дворцов. В одной комнате или ряде комнат мог использоваться только кирпич, в то время как в других предпочтение отдавалось дереву. Еще более вероятно, что один архитектор отдавал предпочтение древесине, а другой - глиняным сводам. В любом случае общее расположение, то, что мы можем назвать духом плана, останется неизменным.

Когда использовались деревянные крыши, они опирались на деревянные стойки или колонны из какого-либо другого материала? Поначалу Ботта был склонен ответить на этот вопрос утвердительно, но он не пытался скрыть, что раскопки обнаружили мало оснований для такой гипотезы. [220] Если бы столбы были каменными, они оставили бы следы среди развалин в виде сломанных колонн; если бы они были из обожженного кирпича (а в том, что это сырой материал, сомневаться не приходится), эти кирпичи были бы найдены на месте, которое они занимали, и их легко было бы узнать по их форме, которая, как мы уже показали, была специально приспособлена к той работе, которую они должны были выполнять. [221] Места сопряжения с тротуаром также были бы видны. Если мы утверждаем, что они были деревянными, как в доме, изображенном выше, то должны признать, что, по крайней мере, в более тщательно построенных домах, должны были быть приняты меры предосторожности, которыми не пренебрегают даже крестьяне-езиды, и деревянные колонны возвышались на каменных основаниях, которые защищали их от иногда сырого пола. Ни этих оснований, ни каких-либо следов их существования не было найдено ни в одном из руинов; поэтому мы приходим к выводу, что искать гипостильные залы в ассирийских дворцах - значит следовать воображению, а не разуму.

Если мы признаем, что архитекторы не использовали колонны для промежуточной поддержки тяжелых крыш, то поначалу будем склонны считать, что деревянные потолки использовались только в очень узких помещениях, поскольку вряд ли можно назвать длиной более двадцати четырех - двадцати семи футов балки, которые должны были поддерживать толстый слой земли, а также свой собственный вес. [222] Возможно, однако, мастерство плотников позволяло увеличить

пролет и жесткость используемых балок с помощью нескольких простых приспособлений. Один из них показан на [рис. 60](#), диаграмме, составленной М. Чипьезом, чтобы дать представление о различных методах строительства, использовавшихся ассирийскими строителями или, по крайней мере, находившихся в их распоряжении.

Над всеми помещениями возвышались плоские крыши, а наши горизонтальные разрезы показывают, как эти крыши крепились к куполам или деревянным перекрытиям, на которые они опирались. Слева на гравюре показаны полукруглые своды, справа - бревенчатая крыша. Устройство последней взято из этрусской гробницы в Корнето, где, однако, она выполнена в камне. [223] Подобная рама может быть собрана на месте и дает возможность покрыть более широкое пространство теми же материалами, чем при горизонтальном расположении крыши. Дальше возвышается один из тех куполов над квадратными подконструкциями, существование которых кажется нам столь вероятным. За ним снова открывается один из дворов, которыми была занята большая часть площади дворца. Композицию завершает стена с парапетом и фланкирующими башнями.

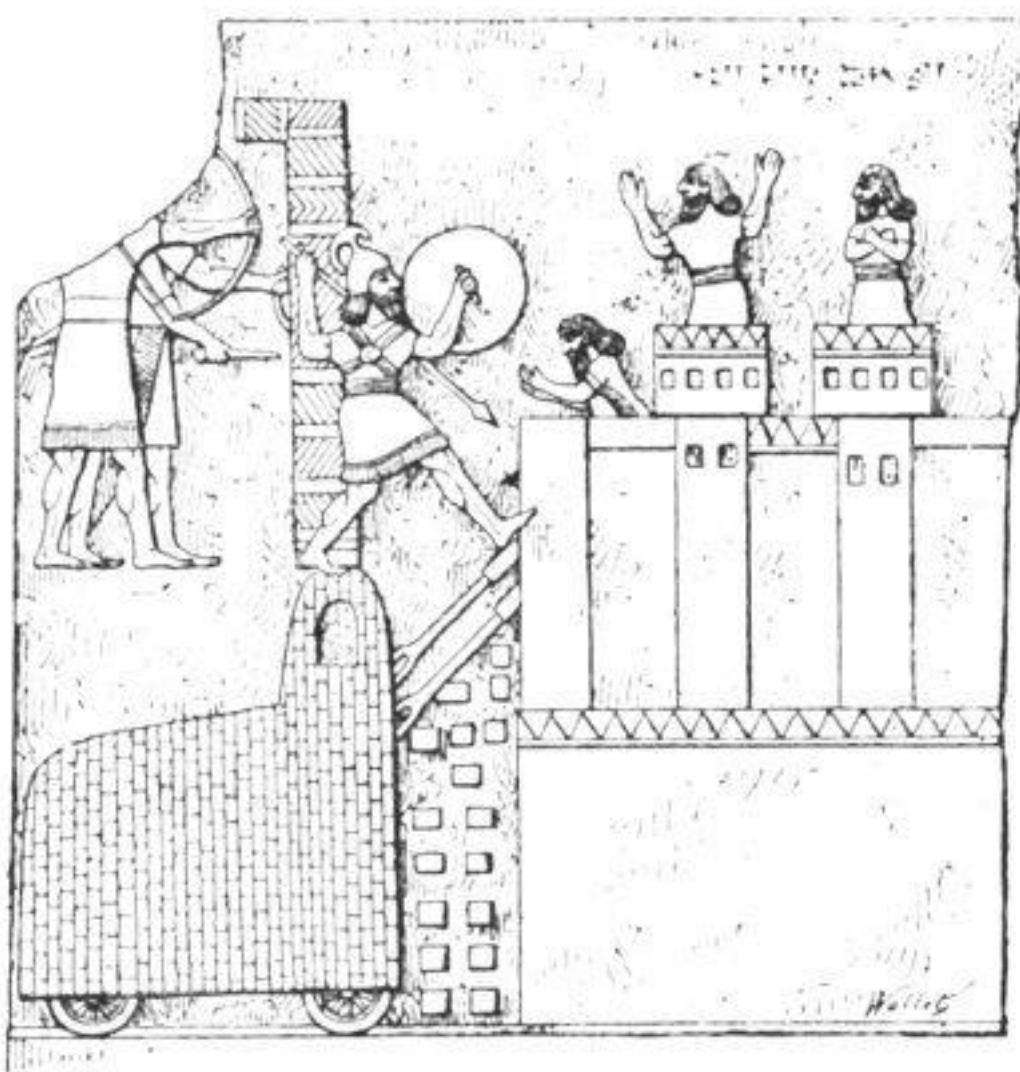

Рис. 59.- Крепость;

из книги Layard's Monuments, 1st Series.

После рассмотрения метода, использованного для кровли дворцовых апартаментов, мы, естественно, переходим к изучению системы их освещения. Учитывая экстравагантную толщину

стен, трудно поверить, что они использовали такие проемы, которые мы называем окнами. Небольшие отверстия-петли, изображенные на некоторых барельефах у вершин башен и крепостных стен, были просто амбразурами, предназначенными для доступа воздуха и света в узкие камеры, в которых защитники могли укрыться от вражеских ракет и хранить свое оружие и боевые машины (см. [рис. 59](#)). Стены Хорсабада и сейчас повсеместно имеют высоту не менее десяти футов, а в некоторых частях - пятнадцать, двадцать и пять с половиной футов, что намного превышает рост человека, и на них нет ни малейших следов окон. Таким образом, мы можем утверждать, что окна не пробивались в тех же условиях, что и в современной архитектуре. [\[224\]](#)

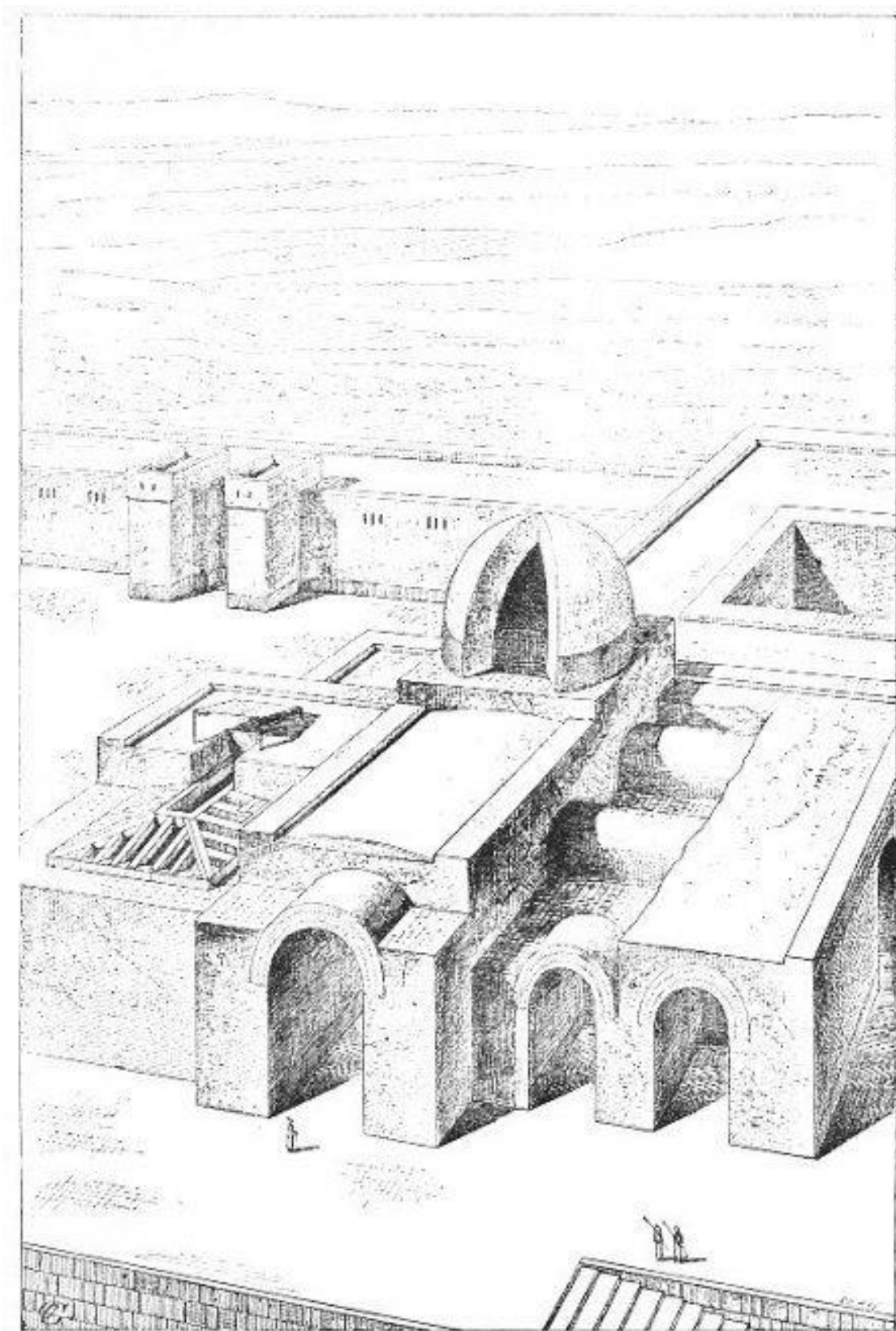

Рис. 60.- Грубая

кирпичная конструкция; составлено Чарльзом Чипьезом.

И все же длинные салоны дворца с их богатым убранством нуждались в свете, который они могли получить только через дверные проемы и отверстия, оставленные в крыше. Когда она была деревянной, дело обстояло достаточно просто, как показывает наша схема (рис. 60). Во

время своего путешествия к месту службы Ботта заметил еще одну конструкцию, которую, по его мнению, вполне могли использовать ассирийцы.

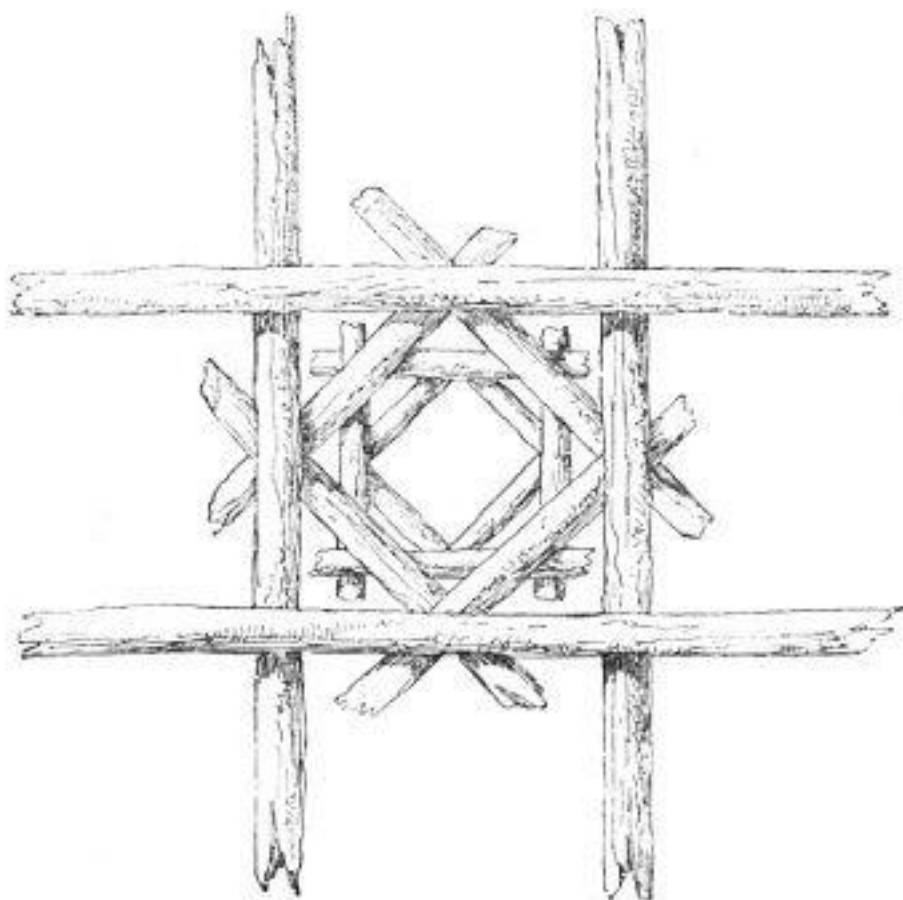

Рис. 61. Армянский

"фонарь"; из Ботты.

"Дома армянских крестьян, - говорит он, - погружены в землю, так что их стены немного возвышаются над уровнем почвы. Они освещаются через отверстие, которое служит одновременно и окном, и дымоходом, и располагается, как правило, в центре крыши. Деревянная рама этого отверстия часто имеет оригинальную конструкцию (рис. 61). Четыре толстые балки, но очень грубо отесанные, пересекаются между собой в середине дома. Через их углы укладываются более тонкие балки, и эта операция повторяется до тех пор, пока не будет возведен небольшой купол, открытый сверху, для проникновения света и выхода дыма". [225]

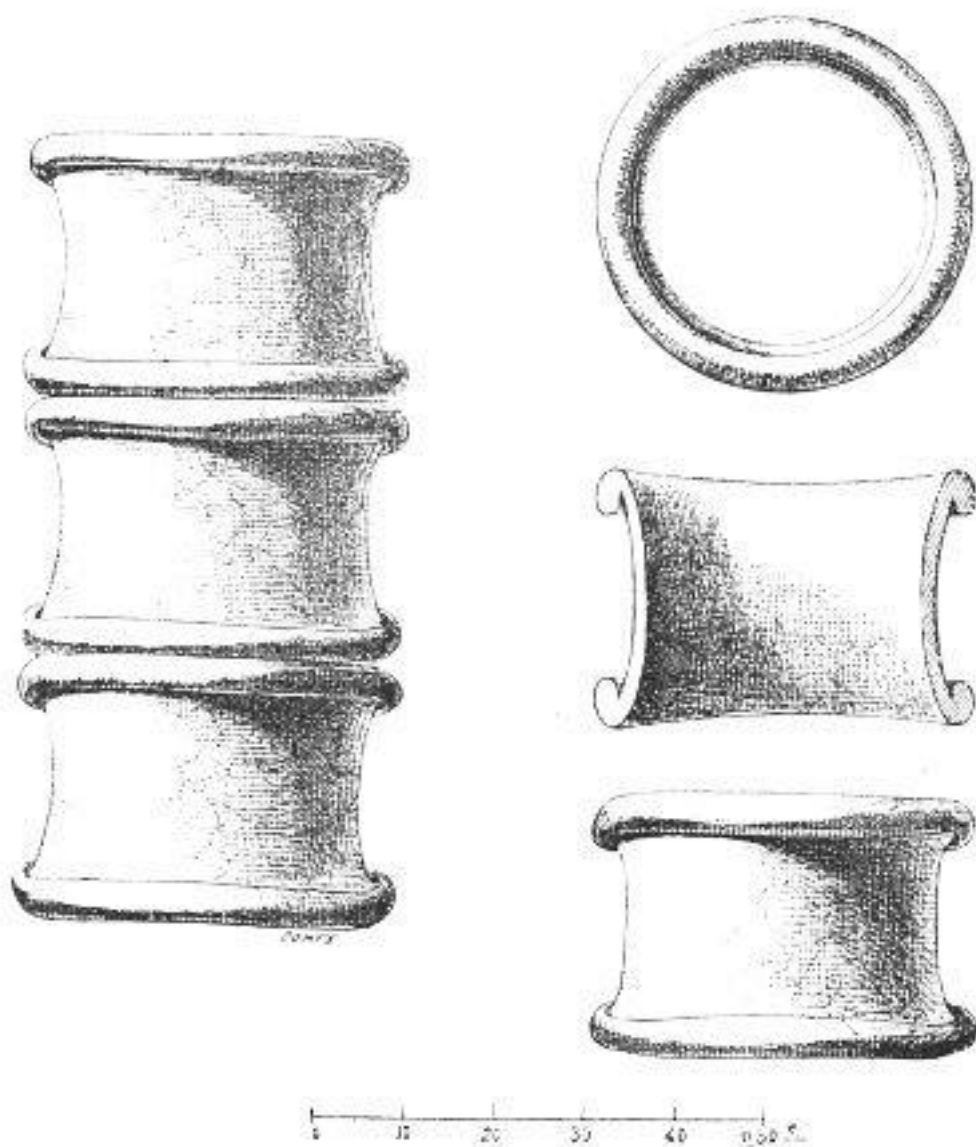

Рис. 62-65.-

Терракотовые цилиндры в перспективе, разрезе и плане; с сайта Place.

В случае со сводами как мы можем предположить, что помещения освещались? Вряд ли можно представить, что в венце свода были оставлены прямоугольные отверстия: такое приспособление пропускало бы очень мало света, а безопасность конструкции была бы серьезно нарушена. По мнению М. Плейса, желаемый результат был достигнут более искусным способом. В нескольких комнатах он обнаружил терракотовые цилиндры, похожие на те, что изображены ниже. Эти предметы, которые он тщательно описывает, были около тринадцати с половиной дюймов в диаметре и десяти дюймов в высоту. Мы можем отослать наших читателей к страницам М. Плейса за подробным изложением наблюдений, на основании которых он пришел к выводу, что эти цилиндры не хранились, как на складе, в комнатах, где они были впоследствии найдены, но что они составляли неотъемлемую часть крыши и разделяли ее разрушение. Можно сказать, что приводимые им доказательства вполне оправдывают его гипотезу.

Пронизывая крышу в различных точках, эти цилиндры обеспечивали бы проход наружного воздуха в нагретую камеру внутри, и в то же время пропускали бы определенное количество света. Опасности, возникающей из-за дождей, можно было в значительной степени избежать, придав им слегка наклонное направление. По сей день турецкие бани по всему Леванту от Белграда до Тегерана почти повсеместно освещаются этими маленькими

круглыми отверстиями, которые в большом количестве пробиты в низких куполах и закрыты неподвижными стеклами. Кроме того, мы можем указать на аналогичные устройства в домах, которые по своей дате и характеру гораздо ближе к ассирийским. Сасанидские памятники свидетельствуют, что спустя много веков после разрушения Ниневии обычай помещать цилиндры из терракоты в своды все еще практиковался. Несмотря на малый масштаб, эти круги можно различить на гравюре дворца Сарбистана, заимствованной нами у Косте и Фландена (рис. 54). [226]

Эти же авторы установили, что архитекторы Хосроя и Нуширвана использовали еще один способ освещения помещений, над которыми они возводили купола. Они сделали в последних так называемый "глаз", диаметром около трех футов, через который дневной свет мог вертикально падать в комнату под ними. По такому же принципу освещен Пантеон Агриппы; единственное отличие заключается в пропорциях. В Персии диаметр глаза всегда был очень мал по сравнению с диаметром купола. Если мы оправдаем нашу веру в то, что строители парфянских и сасанидских дворцов были не более чем увековечивателями систем, изобретенных архитекторами Ниневии и Вавилона, то и ассирийские купола вполне могли открываться на вершине подобным образом. На барельефе, воспроизведенном на рис. 42, два маленьких купола увенчаны крышками вокруг круглого отверстия, которое должно было пропускать свет. Более того, продуманная система водоотвода, которой были снабжены все стены ассирийского дворца, позволила бы дождевой воде стекать так же быстро, как и через такое отверстие. [227]

Что бы ни думали об этих предположениях, несомненно, что архитекторы Ниневии, хотя и не пренебрегали дополнительными источниками освещения, в основном полагались на двери, чтобы обеспечить свои здания достаточным количеством света и воздуха. Как говорит М. Плейс, когда мы рассматриваем планы дворца Саргона в Хорсабаде, мы поражаемся размерам дверных проемов не меньше, чем толщине стен. [228]

"Нет ни одного дверного проема, даже в самых маленьких покоях, даже в простых предбанниках для слуг и стражи, который не был бы по крайней мере шести футов или больше в ширину; большинство из них - десять футов, а те, что украшены скульптурами, еще шире". В их нынешнем разрушенном состоянии трудно сказать наверняка, какой высоты они могли быть. Однако, судя по руинам и обычным пропорциям высоты и ширины в пустотах ассирийских зданий, двери в Хорсабаде должны были достигать в высоту от пятнадцати до двадцати двух футов. "Такие размеры характерны для исключительно огромных проемов, особенно если вспомнить, что большинство из них открывали доступ не к государственным апартаментам, а к комнатам, используемым для самых обычных целей, кладовым, предбанникам, кухням, сервировочным комнатам всех видов и спальням. Когда мы видим, что архитекторы, которые так неохотно, как ассирийские, прорезали какие-либо отверстия в своих внешних стенах, используют дверные проемы таких экстравагантных размеров, мы можем с уверенностью заключить, что они предназначались для освещения и вентиляции помещений, а также для облегчения передвижения их обитателей." [229]

Даже в залах, которые освещались сразу несколькими круглыми глазками, подобными описанным, и широким дверным проемом, не было избытка света, и в целом комнаты Ассирии должны были быть темнее наших. Когда мы вспоминаем о разнице в климате, этот факт перестает нас удивлять. При нашем часто затянутом тучами небе у нас редко бывает слишком много света, и мы даем ему настолько широкие и частые проходы, насколько это соответствует устойчивости наших зданий. Чем дальше на север, тем сильнее проявляется эта тенденция. В Голландии соотношение пустот и массива гораздо больше, чем на фасаде парижского дома, и ту же тенденцию можно проследить от одного конца Европы до другого.

Но даже в Центральной Европе, как только температура поднимается выше определенной точки, шторы задергиваются, а жалюзи закрываются, то есть окно подавляется настолько, насколько это возможно. И разве этого не достаточно, чтобы предположить вероятную причину отсутствия окон, характерного для восточного жилища? Объяснение этому иногда ищут в жизни гарема и в желании восточных государей скрыться от глаз подданных. На праздности, доходящей почти до летаргии, нынешних хозяев Востока также много настаивали. Что, спрашивается, нужно этим людям от света? Они не читают и не работают, их не интересуют игры на ловкость и случай, которые составляют столь значительную часть западной деятельности; абсолютный покой, покой сна или оцепенения - вот их идеал существования. [230]

Эти наблюдения вряд ли имеют ту силу, которую им приписывают. Гарем - это не весь дворец, и даже на современном Востоке *селамлик*, или общественная часть дома, устроена совсем не так, как комнаты, отведенные для женщин. Ассирийские цари-охотники и цари-завоеватели много жили на публике. Они слишком часто появлялись во главе своих армий или среди гонимых, чтобы мы могли представить их, как греческая традиция представляла Сарданапала, запертым в глухих стенах в отдаленных и почти недоступных покоях. Мы должны предостеречь себя от ошибки искать слишком близкие аналогии между современным Востоком и Востоком веков, предшествовавших греческой цивилизации.

Люди, населяющие сейчас эти страны, находятся в состоянии томления и упадка. Жизнь ушла от них; их дни сочтены, а те немногие, что им осталось прожить, проходят в трансе, похожем на смерть. Но так было не всегда. Восток древности, Восток, на котором проснулся интеллект человека, пока он дремал в других местах, Восток, на котором зародилась и развилась та цивилизация, чьи богатые и разнообразные творения мы сейчас изучаем, был другим местом. Его жители были необычайно трудолюбивы и изобретательны, их интеллект был занят всеми формами мысли, а их активность была направлена на все виды искусства мира и войны. Мы не должны думать, что халдеи, которые изобрели первые методы науки, ассирийцы, которые пронесли свои завоевания до берегов Средиземного моря, финикийцы, которых счастливо называют "англичанами древности", имели большое сходство с турками, которые сейчас правят в Багдаде, Моссуле и Бейруте.

Но климат не изменился, и от него мы должны требовать ключ к характерному устройству месопотамских дворцов. Даже сейчас большинство зданий Моссула освещаются только через дверь, которая почти никогда не закрывается. Некоторые комнаты не имеют прямых путей ни для освещения, ни для вентиляции, и именно они являются излюбленным местом отдыха летом. "Я имел возможность, - говорит М. Плейс, - лично убедиться в этом. В доме консула на одной стороне двора было три комнаты одна в другой, из которых только первая освещалась извне, да и та имела перед собой крытую галерею, с помощью которой свет смягчался. В собаьи дни, когда солнце в середине дня превращало любую работу в наказание, самая внутренняя из этих трех комнат была единственной пригодной для жилья частью дома. Сердабы, или подземные комнаты, используются в тех же условиях. Они неудобны в некоторых отношениях, но узость отверстий, через которые свет, а вместе с ним и тепло, может проникать в их глубину, дает им преимущества, которыми не стоит пренебрегать". [231]

Грубые кирпичные стены древней Ассирии были гораздо толще, чем обломки и штукатурка современного Моссула, так что в комнаты могло проникать больше света, не нарушая их свежести. Кажется доказанным, что, по крайней мере, в большинстве комнат Хорсабада архитектор предусмотрел другие средства освещения и вентиляции, кроме дверных проемов, какими бы широкими и высокими они ни были. Он пробил крышу

многочисленными косыми и вертикальными отверстиями, оставил квадратные колодцы в деревянных перекрытиях и круглые глазки в куполах и сводах. Если они должны были выполнять свою задачу - пропускать свет и воздух в главные помещения, то последние не должны были иметь верхних этажей. В Моссуле стены гораздо тоньше, чем в Ниневии, а интерьеры проще по устройству и декору. Двадцать или пять с половиной футов глины ассирийских стен не позволили бы дать достаточно света через одни только двери для скульптур и картин, которыми были украшены комнаты. Мы не сомневаемся, что верхний свет также был необходим. Поэтому комнаты дворцов должны были сменять друг друга в одном горизонтальном плане. Небольшие перепады уровня между ними соединялись короткими пролетами, обычно из пяти тщательно выверенных ступеней. [232] Несмотря на все свое величие, царское жилище представляло собой не более чем огромный цокольный этаж.

При таких методах строительства, как описанные нами, было бы очень трудно умножить этажи. Ни своды, ни деревянные перекрытия не смогли бы выдержать огромные массы земли, из которой в основном состояли даже перегородки, так что архитектору не оставалось ничего другого, как сделать верхние покои одинаковыми по размеру с нижними этажами. Однако с этой трудностью он не столкнулся, поскольку необходимость обеспечить залы и коридоры верхним светом исключала возможность строительства верхнего этажа. Ни на одном из ассирийских развалин не обнаружено следов лестницы, которая должна была бы обеспечить доступ к верхнему этажу, [233], и все же какие-то средства для подъема на террасные крыши должны были быть предусмотрены, если не для обитателей нижних покоев - которые, однако, скорее всего, проводили на них ночи в жаркое время года, - то, по крайней мере, для рабочих, чьей обязанностью было поддерживать их в рабочем состоянии.

Некоторые части дворца, с другой стороны, могли быть подняты намного выше уровня остальных. Сэр Генри Лэйард обнаружил остатки таких палат во дворце Ассурназирпала на Нимруде. [234] На барельефе из Куюнджика, изображенном на рис. 39, можно заметить открытую галерею на большой высоте над землей. Но ни эта галерея, ни камеры, обнаруженные в Нимруде, не образуют того, что мы могли бы назвать "первым этажом". Лэйард не вел свои раскопки как архитектор, и он не может дать нам такой информации, как в случае с Хорсабадом, но он говорит нам, что камеры, о которых идет речь, составляли верхнюю часть своего рода башни, выступающей из одного угла фасада. В здании, изображенном на рельефе из Куюнджика, галерея также поддерживается главной стеной и стоит на ее вершине. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что когда ассирийский архитектор хотел возвести палаты, которые должны были возвышаться над окружающими их зданиями и страной, он размещал их не на первом этаже, а на прочных и независимых массах кирпича.

Лестница, таким образом, не могла иметь того внутреннего значения, которым она отличается в архитектурных системах, использующих несколько этажей. С другой стороны, она должна была играть очень заметную роль снаружи, перед внешними дверями и фасадами, через которые они были пробиты. Крепости, дворцы, храмы, все великие здания Халдеи и Ассирии возводились на искусственных насыпях, на широкой платформе, которая требовала удобного сообщения с равниной внизу. Этого можно было добиться только с помощью длинных ступеней или пологих наклонных плоскостей. Для пешеходов подойдут ступени, но для лошадей, колесниц и тягловых животных, как правило, требовалось именно последнее приспособление. Все, кто пытался реставрировать город, копировали расположение этих лестниц и наклонных дорог с руин Персеполиса, где ступени, вырубленные в самой скале, до сих пор можно проследить. Кирпичные склоны

Месопотамии, должно быть, начали исчезать в тот самый день, когда их хранители впервые начали пренебрегать их ремонтом.

Однако даже в самих зданиях можно найти подтверждение гипотезе, навеянной их положением. Например, в Абу-Шарейне, в Нижней Халдее, лестницу, изображенную на следующей странице (рис. 66), можно увидеть у подножия здания, раскопанного г-ном Тейлором; она давала доступ к верхней террасе того, что, по-видимому, было храмом. [235] Здесь ступени имеют ширину не более двадцати шести дюймов, но эта ширина, должно быть, часто значительно превышалась в других местах. Действительно, в этом же здании на второй этаж вела лестница длиной около семидесяти футов и шириной шестнадцать. Каменные ступени были двадцать два дюйма в длину, тринадцать в ширину и один фут в глубину. Они были закреплены с большой тщательностью с помощью бронзовых застёжек. К сожалению, исследователь не дает нам ни плана, ни высоты этой монументальной лестницы.

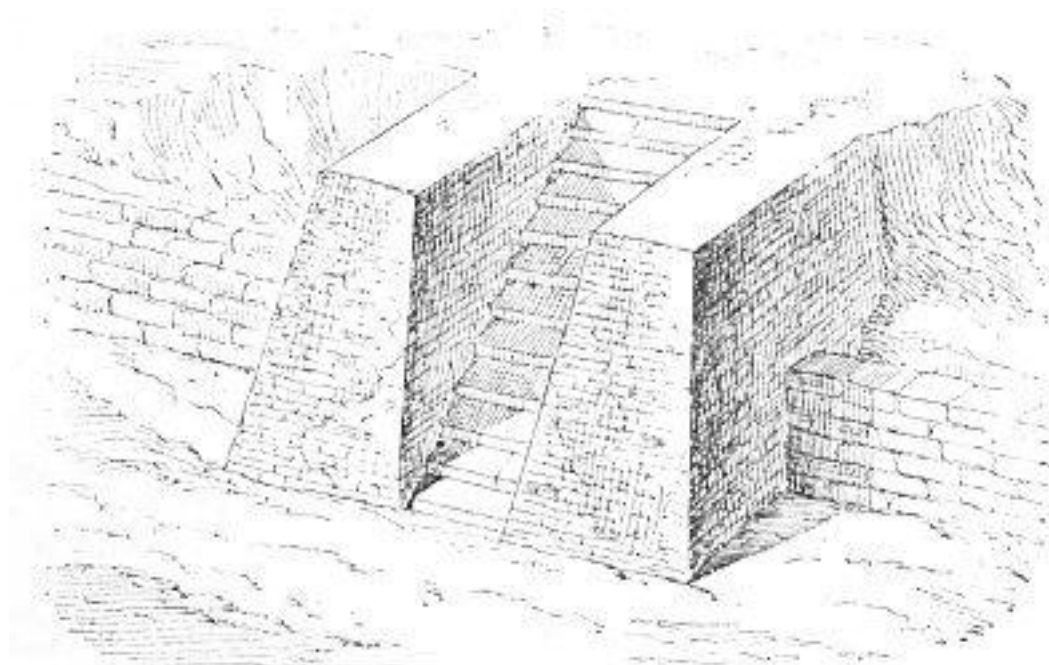

Рис. 66.- Наружные лестницы в руинах Абу-Шарейна.

Лэйард полагал, что, проезжая мимо месопотамских курганов, он часто различал на них следы ступеней, по которым поднимались на их вершины. [236] На восточной стороне дворца Сеннахериба, по его словам, ему были хорошо видны остатки широких склонов, по которым дворец сообщается с равниной. [237] Одна из таких лестниц изображена на барельефе из Нимруда; кажется, что она поднимается к линии бойниц, которые, несомненно, являются парапетом плоской террасы позади. [238] Наконец, на другом рельефе скульптор показывает два лестничных марша, огибающих одну часть кургана и заканчивающихся у двери в храм на его вершине. Кривая, описываемая этим пандусом, предполагала использование ступеней, которые приведены в *реставрации* М. Чипьеца (Plate IV.). Интересная серия рельефов, привезенная в Англию из Куюнджика, доказывает, что в дворцовых интерьерах существовали наклонные галереи для слуг. Нижние края алебастровых плит вырезаны под тем же наклоном, что и коридор, на стенах которого они были закреплены, и их скульптуры представляют ежедневное движение, которое проходило

и возвращалось в эти стены. [239] С одной стороны, четырнадцать конюхов ведут четырнадцать лошадей на водопой к Тигру, с другой - слуги, несущие на головах корзины с провизией для царского стола. [240]

Ступени из базальта и гипса, обеспечивающие сообщение между помещениями разного уровня в Хорсабаде, спланированы и выверены с большим мастерством и знанием дела. [241] Рабочие, строившие эти ступени, приняли, мы можем быть уверены, все необходимые меры предосторожности, чтобы люди и звери не поскользнулись на мощеных полах наклонных галерей. Они были построены по тому же плану, что и пандусы обсерватории М. Плейса, на которых мостовая состоит из ступеней длиной сорок дюймов, шириной тридцать два дюйма и высотой менее дюйма. Такие ступени дают наклон примерно один к тридцати четырем, и пандус, на котором они использовались, справедливее сравнить с наклонной плоскостью, подобной севильской Хиральде или Моле Адриана, чем с лестницей. По ней можно было без труда подняться или спуститься верхом на лошади. [242]

На этом примере мы видим, что, хотя ассирийский строитель не имел в своем распоряжении материалов, равных тем, которые использовали греки или египтяне, он умел изобретательно и умело использовать те, которые у него были.

Мы могли бы лучше оценить эти качества изобретательности и вкуса, если бы время не лишило нас той части работы месопотамских архитекторов, в которой им лучше всего помогали их материалы. Ассирия, как и Египет, практиковала строительство "путем сборки", а также два метода, которые мы уже отметили. У нее была легкая форма архитектуры, в которой главную роль играли дерево и металл. Однако, как и следовало ожидать, все, чего она достигла в этом направлении, погибло, и единственным свидетельством, по которому мы можем попытаться восстановить ее, являются скульптурные памятники, а они, к несчастью, гораздо менее информативны в этом отношении, чем памятники Египта. На росписях фиванских гробниц киоски и павильоны из дерева и металла изображены во всем разнообразии и живости, проистекающих из ярких красок, которыми они были украшены. В Месопотамии ничего подобного не найдено. Единственными нашими документами являются некрашенные рельефы, которые даже в отношении формы более сдержанны, чем хотелось бы. Но, несмотря на свою упрощенность, эти изображения позволяют нам достаточно ясно увидеть сочетание элегантности и богатства, которыми отличались рассматриваемые сооружения.

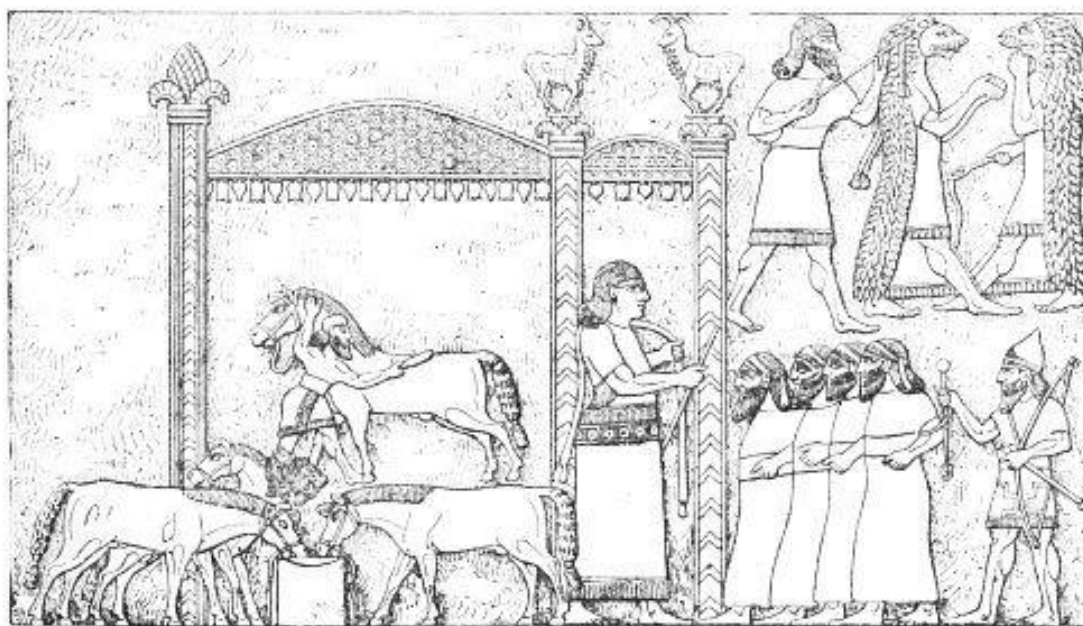

Рис. 67.-

Интерьер королевского шатра; из Layard.

Так, на барельефе из Нимруда, изображающем интерьер крепости, центральное место занимает небольшой павильон, который, как принято считать, представляет собой царский шатер (рис. 67). [243] Художник не смог дать полное представление о нем со всеми его подразделениями и людьми, которые в нем находились. Он показывает только помещение, в котором ухаживали и кормили породистых лошадей, тянувших царскую колесницу. Перед дверью павильона евнух принимает компанию пленников со связанными за спиной руками и солдатом под локтем. Выше на рельефе скульптор изобразил бога с рыбьей чешуей, с которым мы уже встречались (см. рис. 9). Возможно, именно ему царь приписывает взятие крепости, которая только что попала в его руки.

Однако сейчас нас интересует не объяснение этой сцены, а сама конструкция павильона со стройными колоннами и богатыми капителями на их вершинах, с куполообразной крышей, сделанной, несомненно, из нескольких шкур, сшитых вместе и удерживаемых металлическими грузами. Капители и две дикie козы, сидящие на валах, должны были быть из металла.

Что касается самих высоких и стройных колонн, то они, несомненно, были деревянными. Шевроны и вертикальные филенки, которыми они украшены, могли быть либо вырезаны из дерева, либо инкрустированы металлом.

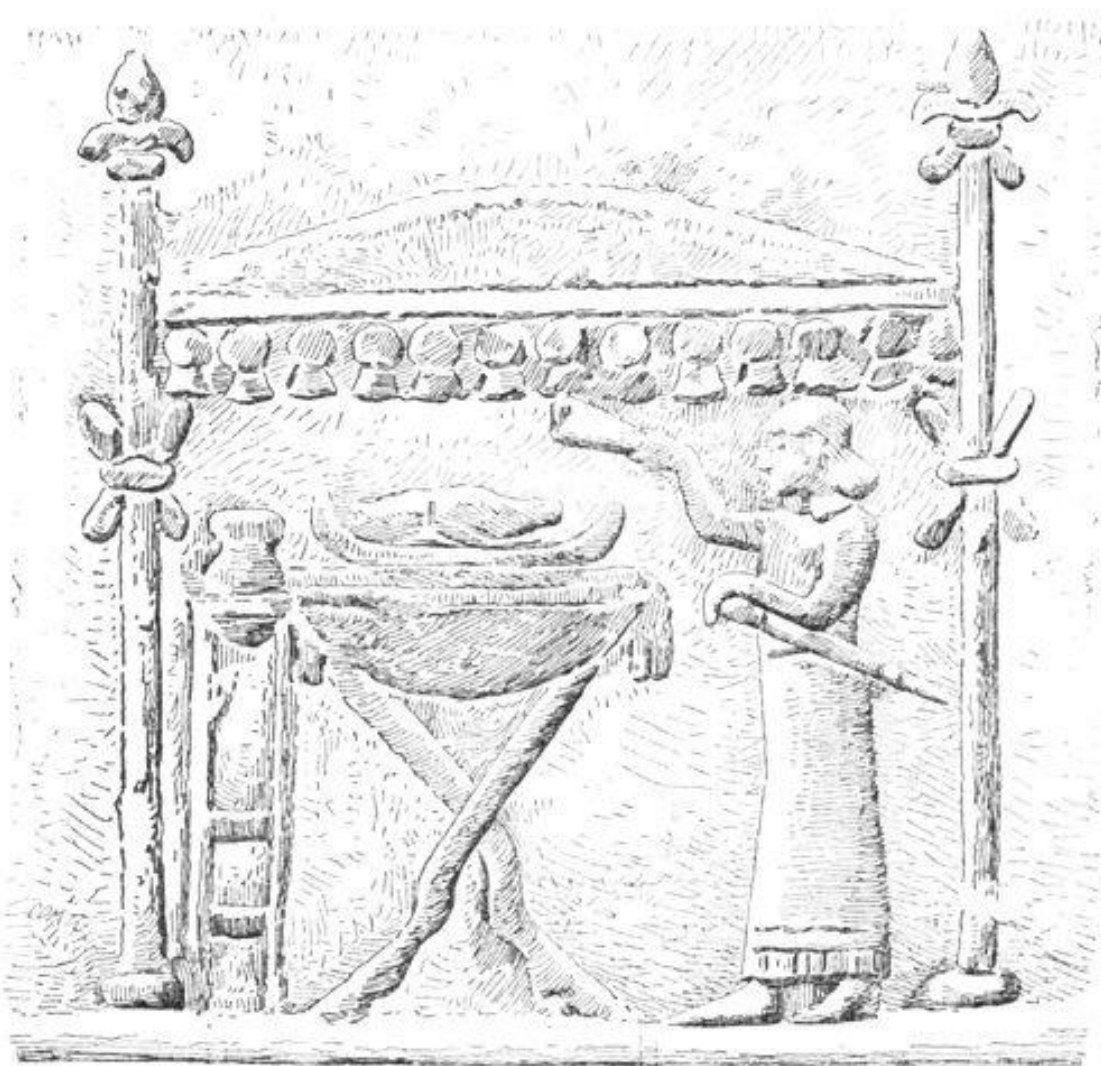

Рис. 68.-

Скиния; из ворот Балавата.

Павильон, который мы только что описали, был гражданским сооружением, временным местом отдыха государя. Те же материалы использовались в том же духе и с тем же расположением при возведении религиозных скиний (см. [рис. 68](#)). Иллюстрация на этой странице взята с пластин из битой бронзы, которые известны как *Врата Балавата* и являются одним из самых ценных сокровищ в Ассирийских галереях Британского музея. [244] На них изображены победы и военные походы Шалманесера II. В павильоне, который мы выделили из этой длинной серии рельефов, можно узнать полевую капеллу царя. Когда этот жестокий, но благочестивый завоеватель хотел отблагодарить Ассира за какой-нибудь большой успех, он мог за несколько минут воздвигнуть подобный шатер даже на самом поле боя. Она состоит из четырех легких колонн, поддерживающих навес из кожи, который поддерживается бахромой из тяжелых грузов. Над серединой этих колонн два кольца дают возможность для узелкового орнамента, который также может быть очень быстро устроен, а яркие цвета узелков заметно дополняют нарядный вид скинии. Под балдахином изображен сам царь, стоящий в позе поклонения и возливающий возлияние на переносной алтарь. Последний представляет собой треножник, вероятно, из бронзы, а на нем стоит блюдо с чем-то, нарисованным слишком грубо, чтобы его можно было идентифицировать. Справа стоит второй, меньший по размеру треножник с сосудом, содержащим жидкость, необходимую для обряда.

Графические навыки ассирийского скульптора были настолько несовершенны, что поначалу нам трудно представить себе оригиналы этих изображений; несмотря на тщательность проработки многих деталей, реальное строение этих небольших зданий уловить нелегко. Для наглядности М. Чипес восстановил одно из них, не используя при реставрации никаких материалов, кроме тех, которые можно найти в барельефах (рис. 70).

М. М. Чипез разместил свой павильон на выступающем бастионе, являющемся частью широкой эспланады. К нему ведут две лестницы, а стена, на которую опирается и замыкается вся терраса, украшена вертикальными желобками, которые являются столь распространенным мотивом в халдейской архитектуре. Перед павильоном, на балюстраде лестницы и на заднем плане у третьей ступени видны четыре изолированные колонны, две первые увенчаны овальными медальонами, две вторые - конусами. Смысл этих штандартов, скопированных с Балаватских ворот [245], неясен. На барельефах с сайта они расположены перед стелой с округлым верхом, которая изображена в верхней части нашей гравюры. На этой стеле изображена фигура монарха; еще одна подобная стела вырезана на цилиндре из зеленого полевого шпата, найденном Лэйярдом недалеко от главного входа во дворец Сеннахериба (см. рис. 69). [246]

Хотя колонны практически отсутствовали в больших кирпичных дворцах, здесь они играли важную и заметную роль. Она служила элегантно и богато украшенной опорой для навесов из шерсти, которые плавно поднимались и опускались от дуновения ветерка. На земле под ними расстилались прекрасные ковры, другие были подвешены к поперечным балкам, раскрашенным в яркие цвета, и устилали землю длинной бахромой из перьев, пришитой к их краям.

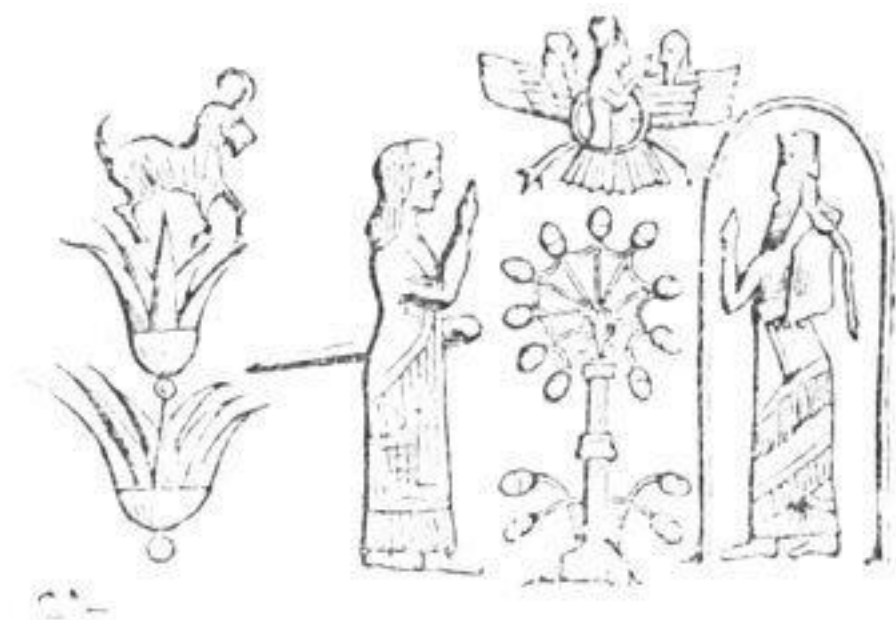

Рис. 69. Печать

Сеннахериба. Цилиндр из зеленого полевого шпата в Британском музее.

Разница между массивными зданиями, которые доминировали на месопотамских равнинах, и этими легкими, воздушными сооружениями, которые, должно быть, в огромном количестве возвышались в Халдее и Ассирии, здесь на берегах каналов и рек или на полянах тенистых парков, там на широких эспланадах храмов или во дворах царских дворцов, была огромной. Между глиняными горами с одной стороны и этими изящными скиниями с их стройными опорами и яркими покрытиями - с другой, контраст должен был быть одновременно

очаровательным и пикантным. Нигде больше мы не находим столь ярко выраженного различия между домом и шатром. Кроме того, последний должен был занимать гораздо более важное место в жизни народа, чем в Египте или Греции. Монарх проводил большую часть времени либо на охоте, либо в бою, и его двор должен был следовать за ним в поле. Более того, когда весна покрывает все луга сочной травой и яркими цветами, у жителей таких стран, как Месопотамия, возникает непреодолимое желание покинуть города и поселиться среди ароматов и зелени полей. Когда летняя жара высушивает равнины и делает улицы городов невыносимыми, жители устремляются в ближайшие горы, и жизнь ценится только тогда, когда ее можно провести среди бризов, дующих из их долин, и тени лесных деревьев.

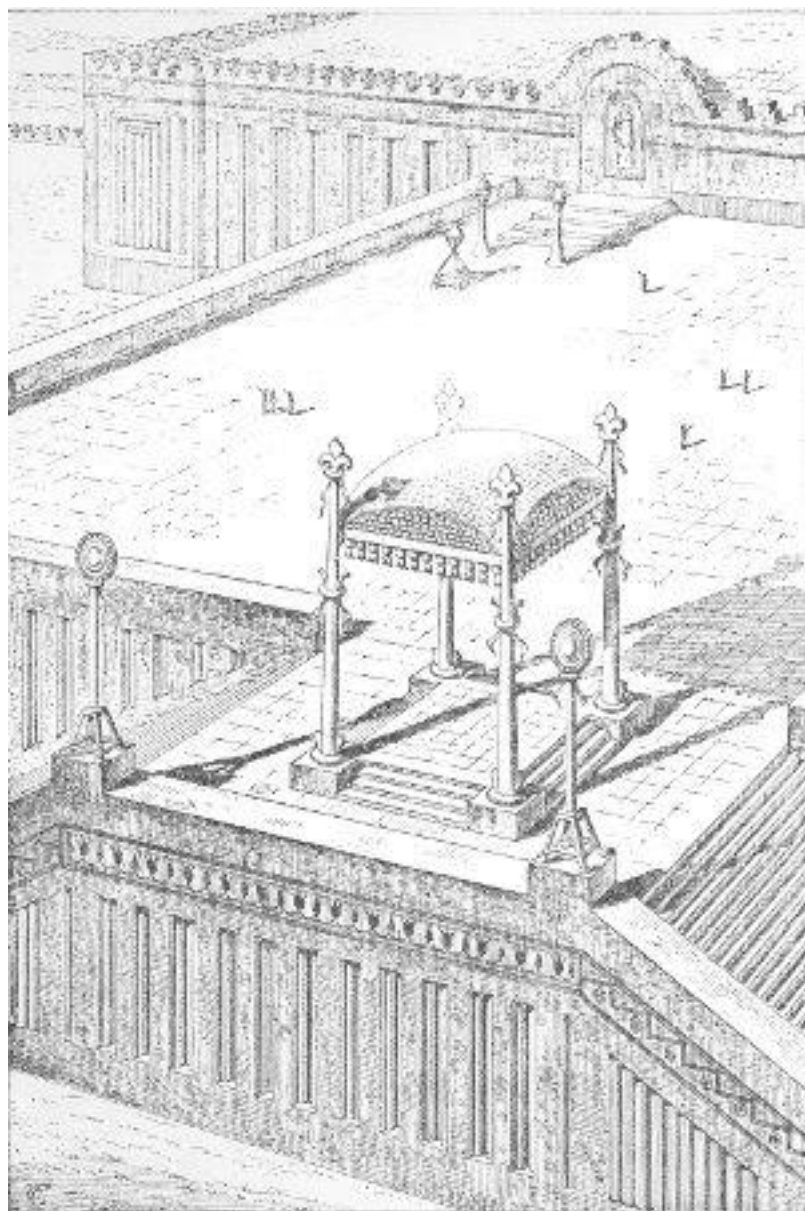

Рис. 70.- Тип открытой архитектуры в

Ассирии; составлено Чарльзом Чипьезом.

Даже в наши дни жители этих регионов переходят из дома в палатку с легкостью, которая кажется нам странной. В определенное время года некоторые племена кочевников поселяются в стенах Багдада и Моссула и ставят там свои длинные черные шатры из козьей шерсти. [247] Судя по барельефам, так поступали даже в древней Ассирии; на некоторых из них можно увидеть несколько палаток, разбросанных по пространству, окруженному линией

стен и башен. [248] Авраам и Лот спали в своих шатрах даже тогда, когда жили в стенах города. [249] В Содоме у Лота были и шатер, и дом. [250] Каждый год жители Моссула и соседних деревень в большом количестве выезжают в соседнюю страну и в апреле-мае на некоторое время возвращаются к той пастушеской жизни, которой неведома крыша над головой.

Века не смогли повлиять на такие привычки, потому что они были предложены, навязаны и увековечены самой природой, климатом Месопотамии; они сделали многое для создания и развития той легкой и элегантной формы здания, которую мы можем почти назвать архитектурой палатки. В наши дни и в стране, в самые отдаленные уголки которой проник упадок, палатка едва ли представляет собой нечто большее, чем просто укрытие; местами, у нескольких вождей, менее разоренных, чем остальные, она еще сохраняет определенный размер и элегантность, но, как правило, все, что от нее требуется, - это достаточная прочность и толщина, чтобы противостоять ветру, дождю и солнцу. В богатом и цивилизованном обществе, о котором мы сейчас говорим, все было иначе. Его обустройство и украшение тогда требовало изобретательности и утонченного вкуса, о которых мы можем судить по барельефам. Это дало возможность использовать формы и мотивы, которые не могли использоваться вообще или использовались в очень ограниченном виде в более солидных сооружениях, таких как дворцы и храмы. Из всех этих форм наиболее тесно связанной с необходимостью деревянной или металлической конструкции является колонна, и поэтому мы видим, что именно в шатровой архитектуре она приобретает характеристики, которые отличают ее от египетской колонны и придают ей собственную оригинальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[164] Остатки каменных стен, по крайней мере, настолько редки в Нижней Месопотамии, что мы можем не принимать во внимание их существование. В своих исследованиях я нашел упоминание только об одном примере. В Абу-Шарейне Тейлор обнаружил здание, в котором верхний этаж поддерживался массой грубого кирпича, облицованного блоками из отесанного песчаника. Камни нижних ярусов были скреплены раствором, а верхних - битумом. У нас нет информации о "связке" или размере использованных камней (*Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 408). Материалы для этого укрепления, должно быть, были добыты на одном из тех скалистых холмов - возможно, бывших островов, - которыми усеяна Нижняя Халдея. Тейлор упоминает один из них в семи милях к западу от Мугейра, в пустыне, которая простирается в сторону Аравии от правого берега Евфрата (*Journal*, &c. vol. xv. p. 460).

[165] Здесь мы приведем резюме наблюдений М. Плейса (*Ninive et l'Assyrie*, vol. i. pp. 31-34).

[166] Place, *Ninive*, &c. vol. i. p.

[167] *Ibid.* p. 33.

[168] Во всех странах, где над зданиями возвышались плоские крыши, принималась такая мера предосторожности: "Когда будешь строить новый дом, то сделай для крыши твоей бастиян, чтобы не пролить крови на дом твой, если кто упадет с него" (Второзаконие xxii). (Второзаконие xxii. 8). См. также *Les Monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylon, d'après les récentes découvertes archéologique, avec neuf planches lithographiées*, 8vo, by H. Cavaniol, published in 1870 by Durand et Pedone-Lauriel. Она содержит очень хорошее резюме, особенно в области архитектуры, тех трудов французских и английских исследователей, которым мы обязаны нашими знаниями о Халдее и Ассирии.

[169] Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol i. p. 64.

[170] Ксенофонт, *Анабасис*, iii. 4, 7-11. Идентичность Лариссы и Меспилы долго обсуждалась. Опперт считает, что это были Ресен и Дур-Сарьюкин; другие полагают, что это были Калех и Ниневия. Для нашего исследования этот вопрос не имеет значения. В любом случае, окружность в шесть парасангов (около 20½ миль), которую греческий писатель приписывает своей Меспиле, ни в коем случае не может соответствовать Хорсабаду.

[171] См. *"Историю искусства в Древнем Египте"*, т. I, с. 113.

[172] Ботта рассказывает о том, как в Хорсабаде отличались друг от друга ряды сырцового кирпича (*Monuments de Ninive*, vol. v. p. 57).

[173] Говоря о Хилле, Джордж Смит рассказывает (*Assyrian Discoveries*, p. 62):- "Немного южнее вырос город Хилла, построенный из кирпичей, найденных в старой столице. Туземцы наладили регулярную торговлю этими кирпичами для строительных целей. Несколько человек постоянно занимаются тем, что выкапывают кирпичи из развалин, а другие доставляют их на берега Евфрата. Там их упаковывают в грубые лодки, которые плывут вниз к Хилле, а после высадки грузят на ослов и везут в любое место, где ведется строительство. Каждый день, бывая в Хилле, я видел, как идет эта работа, продолжавшаяся веками, и как Вавилон медленно исчезает, не предпринимая попыток выяснить размеры и строения города или восстановить то, что осталось от его памятников. Северная часть стены, за пределами Вавилонского кургана, является местом, где сейчас (1874 г.) наиболее активно ведутся работы по разрушению, и она в некоторых местах полностью исчезла".

[174] Layard, *Discoveries*, &c. p. 110.

[175] Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 279. "Кирпичи не имели никакого раствора, кроме грязи, из которой они были сделаны", - говорит Ботта (*Monuments de Ninive*, vol. v. p. 30).

[176] Layard, *Discoveries*, &c. p. 503.

[177] Layard, *Discoveries*, pp. 499 и 506.

[178] Тейлор, *Заметки о руинах Мугейра* (*Журнал Королевского азиатского общества*, т. xv. стр. 261). Этот раствор до сих пор используется в стране; он называется *кхарур*.

[179] Самые обильные источники находятся в Хите, на среднем Евфрате. Однако они есть и дальше на север, например, в Калех-Шергате, у Тигра. На обширной территории этого района битум просачивается через каждую трещину в почве (Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 46). Что касается битумных источников в Хаммам-Али, близ Моссула, см. Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol. i. p. 236.

[180] *Бытие* xi. 3.

[181] Геродот, i. 179.

[182] *Варка, ее руины и остатки*, В. Кеннет Лофтус, стр. 9. (В изданиях *Королевского литературного общества*, вторая серия, часть I.) По мнению сэра Генри Роулинсона, укладка слоев тростника или камыша между кирпичными рядами продолжалась во всем этом регионе, по крайней мере, до парфянской эпохи. Следы этого можно найти на стенах Селевкии и Ктесифона (Rawlinson's *Herodotus*, vol. i. p. 300 note 1).

- [183] Loftus, *Travels and Researches*, i. p. 169. Обилие битума в развалинах Мугейра таково, что современное название города произошло от него; слово означает "битумный" (Taylor, *Notes on the Ruins of Mugheir*).
- [184] Place, *Ninive et l'Assyrie*, vol. i. p. 236; Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 261.
- [185] Loftus, *Warka, its Ruins*, &c. p. 10.
- [186] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 29 и 248.
- [187] Тейлор, *Заметки об Абу-Шарейне и Телль-эль-Лакме* (*Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 408).
- [188] Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 58.
- [189] Нибур (*Voyage en Arabie*, vol. ii. p. 235) заметил это, и его наблюдения с тех пор были подтверждены многими другими посетителями руин Вавилона. Кер Портер (т. ii. с. 391) заметил их на развалинах Аль-Хеймара. См. также Тейлора о "Мугейре" и т. д. (*Journal*, &c. vol. xv. p. 261). В Бирс-Нимруде эти каналы имеют высоту около девяти дюймов и ширину от пяти до шести. Они хорошо видны на рисунке, сделанном Фланденом и Косте для этих руин (*Perse ancienne et moderne*, pl. 221. ср. текст 1, p. 181).
- [190] Taylor, *Notes on the Ruins of Mugheir* (*Journal of the Royal Asiatic Society*), vol. xv. pp. 268-269.
- [191] В Хорсабаде средняя высота алебастровой облицовки составляет около десяти футов; выше нее осталось около трех футов кирпичной стены.
- [192] Layard, *Nineveh*, vol. i. pp. 127 and 350; vol. ii. pp. 40 и 350. Что касается следов пожара в Хорсабаде, см. Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 54.
- [193] Layard, *Nineveh*, vol. ii. pp. 256-264.
- [194] Loftus, *Travels and Researches*, pp. 181-183.
- [195] Это скопление иногда достигало высоты около 24 футов. Place, *Ninive*, vol. i. p. 294.
- [196] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 293-294.
- [197] E. Flandin, *Voyage archéologique à Ninive. 1. L'Architecture assyrienne. 2. La Sculpture assyrienne* (*Revue des Deux-Mondes*, 15 июня и 1 июля 1845 г.).
- [198] Все, что касается этого художника, одного из самых искусных рисовальщиков нашего времени, см. в биографическом очерке М. де Жирардо:- Феликс Томас, великий римский архитектор, художник, гравер, скульптор (Нант, 1875, 8vo.).
- [199] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 249-269.
- [200] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 254-255.
- [201] *Ibid.* p. 246.
- [202] Place, *Ninive*, vol. i. p. 264.
- [203] *Ibid.* p. 265. Рич сделал аналогичные наблюдения в Багдаде. Он заметил, что каменщики могли подниматься на свод через несколько минут после завершения каждого этапа (*Narrative of a Journey to the Site of Babylon*).

[204] М. А. Шуази, хорошо известный своими "Очерками о строительном искусстве римлян", показывает, что тот же метод постоянно использовался византийскими архитекторами. См. его "Заметку о строительстве ворот без кинтажа в византийский период" (*Annales des Ponts et Chaussées*, 1876, второй период, т. xii.). См. также рассказ г-на Фергюссона о возведении огромного каменного купола без какого-либо центрирования неграмотным мальтийским строителем в Мусте, недалеко от Валетты (*Handbook of Architecture*, Second Edition, vol. iv. p. 34).-Ed.

[205] Strabo, xvi. i. 5, Ὅι οἰκοὶ καμαρωτοὶ πάντες διὰ τὴν ἀξυλίαν.

[206] Описание этих зданий см. в книге Flandin and Coste, *Voyage en Perse, Perse ancienne*, Text, pp. 24-27 и 41-43 (6 vols. folio, без даты. Путешествие, о котором идет речь, состоялось в 1841 и 1842 годах).

[207] Кирпич играл, по крайней мере, самую важную роль в их строительстве. Купола и аркады были из хорошо обожженного кирпича; прямые стены часто возводились из битого камня, если таковой имелся поблизости. В Ктесифоне, с другой стороны, огромное здание, известное как *Тахт-и-Хосру*, полностью построено из кирпича.

[208] См. заметку М. Огюста Шуази "Строительство ворот и т. д.", стр. 14. Этот точный и проницательный критик разделяет нашу веру в эти отношения между халдейским востоком и римской Азией.

[209] *Note sur la Construction des Voûtes sans cintrage*, p. 12.

[210] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 266-267.

[211] Как замечает М. Шуази (*L'Art de bâtir chez les Romains*, p. 80), каждый горизонтальный ход, будучи в форме кольца, не имел бы тенденции к обрушению внутрь, а круглый в плане купол требовал бы каких-то средств для поддержания его формы, а не сопротивляющегося каркаса.

[212] *Ninive*, vol. i. p. 131.

[213] В обоих воспроизведенных примерах скульптор указал на шнуры, с помощью которых холщовые стены удерживались на месте. Почти такой же профиль мы находим на барельефе в Хорсабаде (Botta, *Monument de Ninive*, pl. 146), но там он вырезан с меньшим решением и нет шнуров. Между двумя полукуполами фигура человека возвышается над стеной до ее середины, что говорит о наличии внутри барбета. Возможно, здесь художник изобразил дом, а не палатку.

[214] Страбон, xv. 3, 10.

[215] Страбон, xvi. 1, 5.

[216] Κεραμὶ δ' οὐ χρωνταί, говорит Страбон. Эти слова, как заметил Летронн в связи с этим отрывком, объединяют понятия черепичной крыши и крыши с коньком. Одно понятие должно сочетаться с другим; отсюда можно сделать вывод, что вавилонские дома были с плоскими крышами.

[217] Страбон, ii. 5, 11.

[218] См. размышления мсье Амедея Тардые о методе работы Страбона в его "*Географии Страбона*" (Hachette, 3 тома, 12мо.), т. iii. p. 286, прим. 2.

[219] Что касается этого необычного народа и его религиозных верований, то информация, содержащаяся в двух работах сэра Х. Лэйярда ("*Ниневия*", т. 1. с. 270-305, и "*Открытия*", с. 40-92), будет прочитана с интересом. Благодаря особым обстоятельствам сэру Х. Лэйярду удалось ближе, чем любому другому путешественнику, познакомиться с этой подвергавшейся жестоким гонениям сектой. Он собрал много ценной информации о доктринах, которые даже после его слов остаются неясными и запутанными. Езиды питают особое почтение к злему принципу, или Сатане; кажется, они также поклоняются солнцу. На самом деле их религия представляет собой конгломерат различных уцелевших систем, которые сменяли друг друга в этой части Азии. Сами они не имеют четкого представления о ней как о едином целом. Она заслуживает изучения археологом религий.

[220] Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 70.

[221] См. выше, стр. 118, прим. 1.

[222] Ширина некоторых комнат достигает тридцати футов. Для них потребовались бы балки длиной не менее тридцати трех футов - длина, которую вряд ли можно допустить, учитывая весьма посредственное качество используемой древесины.

[223] *Gailhabaud, Monuments anciens et modernes*, vol. i.; табличка под названием *Tombeaux superposés à Corneto*.

[224] Place, *Ninive*, vol. i. p. 309. В этом отрывке М. Плейс утверждает, что г-н Лэйард обнаружил в одной из комнат одного из ниневитских дворцов несколько отверстий, вырезанных на высоте менее четырех футов над уровнем пола. Более того, несомненно, что эти проемы были предусмотрены первоначальным планом здания, поскольку рельефы прерываются таким образом, чтобы оставить место для окна без ущерба для скульптурных сцен, изображенных на них; но, добавляет М. Плейс, этот пример уникален, это одно из тех исключений, которые помогают подтвердить правило. Мы тщетно искали в двух работах сэра Генри Лэйярда утверждение, на которое ссылается М. Плейс. Английский исследователь лишь однажды упоминает об окнах, и то: "Даже в комнатах, ограниченных внешними стенами, нет ни малейших следов окон" (*Nineveh*, vol. ii. p. 260).

[225] Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 73.

[226] Flandin et Coste, *Voyage en Perse; Perse ancienne*, листы 28 и 29; и, в тексте, страница 25. Такие отверстия есть в большом сасанидском дворце в Ктесифоне, *Taxm-u-Xosru* (там же, стр. 216, и текст, стр. 175). Здесь терракотовые трубы имеют диаметр около восьми дюймов. По словам этих авторов, подобные приспособления до сих пор используются в Персии.

[227] В куполе дворца в Сарбистане (рис. 54) в верхней части вертикальной стены, между маятниками купола, можно заметить окно. Такие проемы вполне могли быть пробиты под ассирийскими куполами. Из многих приведенных нами иллюстраций видно, что ниневийские архитекторы не возражали против окон, если их можно было разместить в верхней части стены. Примеров окон, подобных нашим, пробитых на высоте фута или двух над землей, не найдено.

[228] Место. *Ninive*, vol. i. pp. 312-314.

[229] Place, *Ninive*, vol. i. p. 313.

[230] *Ibid.* p. 310

- [231] Place, *Ninive*, vol. i. p. 311.
- [232] Place, *Ninive*, vol. i. p. 307.
- [233] См. Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 53; Place, *Ninive*, vol. i. pp. 306, 307.
- [234] Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 15.
- [235] Taylor, *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 409.
- [236] Layard, *Discoveries*, p. 260.
- [237] Layard, *Discoveries*, pp. 645-6.
- [238] Layard, *Monuments, &c.*, first series, plate 19. Этот рельеф воспроизведен в Place, *Ninive*, vol. iii. plate 40, fig. 6.
- [239] Британский музей; Галерея Куюнджик, № 34-43. См. также "*Памятники*" Лэйарда, пластины 8 и 9.
- [240] Вторая наклонная галерея такого же типа была найдена Лэйардом в другом дворце Куюнджика (*Discoveries*, p. 650).
- [241] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 306, 307.
- [242] Place, *Ninive*, vol. i. p. 140.
- [243] Что касается огромных размеров, которых иногда достигали палатки арабских вождей, и средств, использовавшихся для разделения их на несколько квартир, см.
- [244] Фотографическое воспроизведение этих интересных рельефов есть в прекрасном издании, предпринятом Обществом библейской археологии. Эта работа, еще не завершенная (1883 г.), называется "*Бронзовые украшения ворот Балавата, Шалманесер II*" (*The Bronze Ornaments of the Gates of Balawat, Shalmaneser II*. 859-825, под редакцией, с введением, Сэмюэля Бирча, с описаниями и переводами Теофила Г. Пинчеса, фолио, Лондон. Перед нами три первые части. Мотив, воспроизведенный выше, относится к листу, обозначенному F, 5.
- [245] Они находятся на листе, предварительно пронумерованном B, 1, в вышеупомянутом издании.
- [246] Этот цилиндр, который сейчас находится в Британском музее, возможно, был настоящей печаткой царя.
- [247] Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 272.
- [248] Layard, *Monuments of Nineveh*, первая серия, табличка 77; вторая серия, таблички 24 и 36.
- [249] *Бытие*, xiii. 12.
- [250] *Бытие*, xix.

§ 4. Колонна.

Поскольку Халдея, если говорить в целом, не использовала камень в своих постройках, каменная колонна или вал были неизвестны ее архитекторам; по крайней мере, среди руин

не было найдено ни одного фрагмента такого сооружения. Иногда встречаются цилиндрические опоры, сложенные из небольших блоков. Иногда они сделаны из специально отформованного кирпича, [251] иногда из фрагментов песчаника, поддерживаемых слоем каменной кладки. Время разделило камни последней, и теперь она представлена лишь фрагментами, форма которых выдает их первоначальное предназначение. Тейлор, правда, нашел одну из этих опор все еще на месте во время своих раскопок в Абу-Шарейне, но его эскиз и описание настолько запутаны, что воспроизводить их совершенно бесполезно. [252]

С другой стороны, Халдея опередила Ассирию в искусстве возведения воздушных конструкций, состоящих в основном из дерева и металла, и от них она перешла к использованию стройных опор и декору, в котором изящество и элегантность были наиболее заметными чертами. Доказательством тому служит любопытный памятник, недавно приобретенный Британским музеем. Он происходит из Абу-Аббы, расположенной примерно в шестнадцати милях к юго-западу от Багдада, и находится в удивительной сохранности. Абу-Абба была признана местом расположения древней Сиппары, одного из древнейших халдейских городов. Его святилища, в которых главным образом поклонялись богу солнца Самасу, всегда имели большое значение.

Памятник, о котором идет речь, представляет собой табличку из очень зернистого серого камня длиной 11⁽¹⁾₃ дюймов и высотой 6 дюймов, а в центре толщиной около 3 дюймов. Толщина увеличивается от верха к низу. Край рифленый. Высоко на аверсе находится барельеф, под ним начинается длинная надпись, которая завершается на реверсе. [253] Более короткие надписи выгравированы на поле самого рельефа. Вся работа - фигуры, надписи и внешняя лепнина - выполнена с особой тщательностью. Кропотливость, с которой проработаны мельчайшие детали, объясняется назначением этой маленькой таблички - храма в центре Сиппара, в котором поклонялись триаде, состоящей из Сина, Самаса и Истара. [254]

Сам рельеф, который мы воспроизводим со слепка, любезно предоставленного нам доктором Бирчем, занимает чуть меньше половины аверса (рис. 71). На нем изображен царь по имени Набу-Абла-Идин, правивший около 900 года, который воздает почести богу солнца. [255] Мы вернемся к этой сцене и ее композиции, когда придет время рассматривать халдейскую скульптуру. Сейчас же мы хотим рассказать только о шатре, под которым божество восседает на стуле, поддерживаемом двумя существами - получеловеком и полубыком.

Этот вид скинии ограничен сверху и сзади бога стеной, о природе которой ничего не известно. Однако ее изящная, извилистая линия, похоже, исключает идею кирпичного свода, достаточно невероятную саму по себе. Возможно, он был деревянным, хотя даже в этом материале было бы нелегко добиться такого изящного изгиба.

Но подобные формы с легкостью передаются в металле, и мы готовы поверить, что художник хотел изобразить металлический каркас, который при необходимости можно было спрятать под навесом из кожи или шерсти, подобным тем, что мы уже встречали на ассирийских барельефах (рис. 67 и 68). На самом деле художник использовал достаточно распространенный у египтян графический прием. [256] Он дал нам боковое возвышение скинии с богом в профиль внутри нее, потому что его мастерство не справилось с задачей показать его анфас и сидящим между двумя колоннами фасада.

Единственная колонна, оставленная таким образом на виду, была изображена с большим мастерством и тщательностью; скульптор, похоже, с удовольствием останавливался на ее

мельчайших деталях. Тонкая, она, должно быть, сделана из дерева. Отметины на нем напоминают ствол пальмы, но можно усомниться в том, что ему позволили остаться в естественном непокрытом состоянии. Даже в климате Халдеи мертвый ствол дерева, выставленный на воздух, был бы не слишком долговечен. Рано или поздно солнце, дождь, изменения температуры дали бы о себе знать, и, кроме того, кусок грубого дерева вряд ли гармонировал бы с той роскошью, которую, несомненно, жители Сиппара возлагали на святилище своего величайшего божества.

Поэтому вполне вероятно, что дерево было покрыто пластинами из позолоченной бронзы, скрепленными гвоздями.

Эту гипотезу подтверждает одна из находок М. Плейса в Хорсабаде. [257] Там, перед гаремом, он обнаружил несколько крупных фрагментов круглой балки из кедрового дерева толщиной почти с человеческое тело. Оно было заключено в бронзовые ножны, сильно окисленные и напоминающие по расположению чешую рыбы (рис. 72). Металл был прикреплен к дереву большим количеством бронзовых гвоздей. Сравнивая эти останки с некоторыми барельефами, на которых изображены различные виды деревьев (рис. 27), мы можем легко увидеть, что ниневийские скульпторы хотели изобразить особые шероховатости пальмовой коры. Их обычные методы немного изменены требованиями материала и размером балки, на которой он использовался. Высота каждой чешуйки составляла около 4½ дюймов, а вся мачта, по расчетам М. Плейса, должна была быть высотой от пяти с половиной до сорока футов. Работая для зрителей, находящихся на более низком уровне и на некотором расстоянии, кузнец решил сделать свои детали как можно более регулярными и ярко выраженными; каждой шкале или листу он придал приподнятый край, чтобы обозначить его контур и отличить от остальных. Таким образом, общий эффект достигался за счет намеренного преувеличения рельефа и условности, которая была оправдана условиями решаемой задачи.

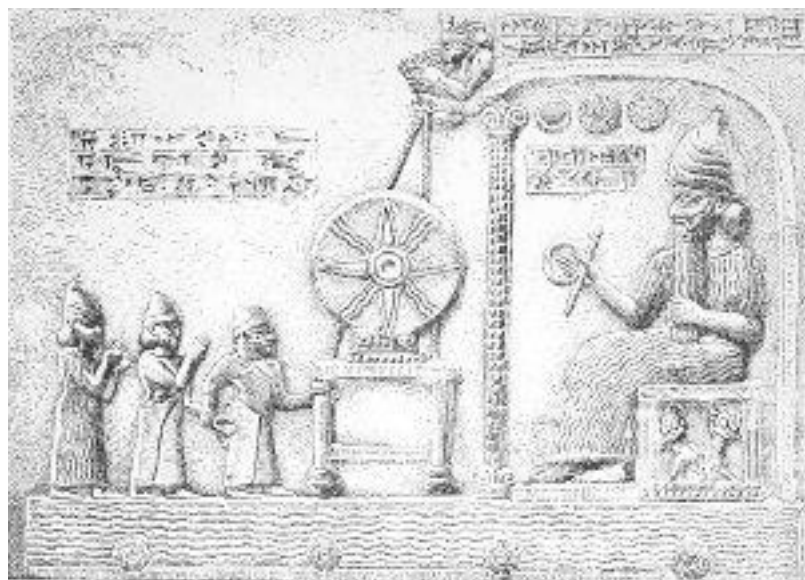

Рис. 71.- Памятник Самасу или

Шамасу. Планшет из Сиппара. Фактический размер. Рисунок Сент-Эльма Готье.

На небольшом расстоянии от этой сломанной балки М. Пляс нашел золотой лист, который сейчас находится в Лувре; он имеет те же яйцевидные формы, что и бронзовая оболочка, и, кроме того, многочисленные отверстия от гвоздей показывают, что он должен был выполнять ту же задачу, что и бронзовые пластины. Место, где она была найдена, ее размеры и форма -

все это доказывает, что она была положена на бронзу, как мы должны были бы положить сусальное золото. На ней имеется надпись, сделанная клинописью.

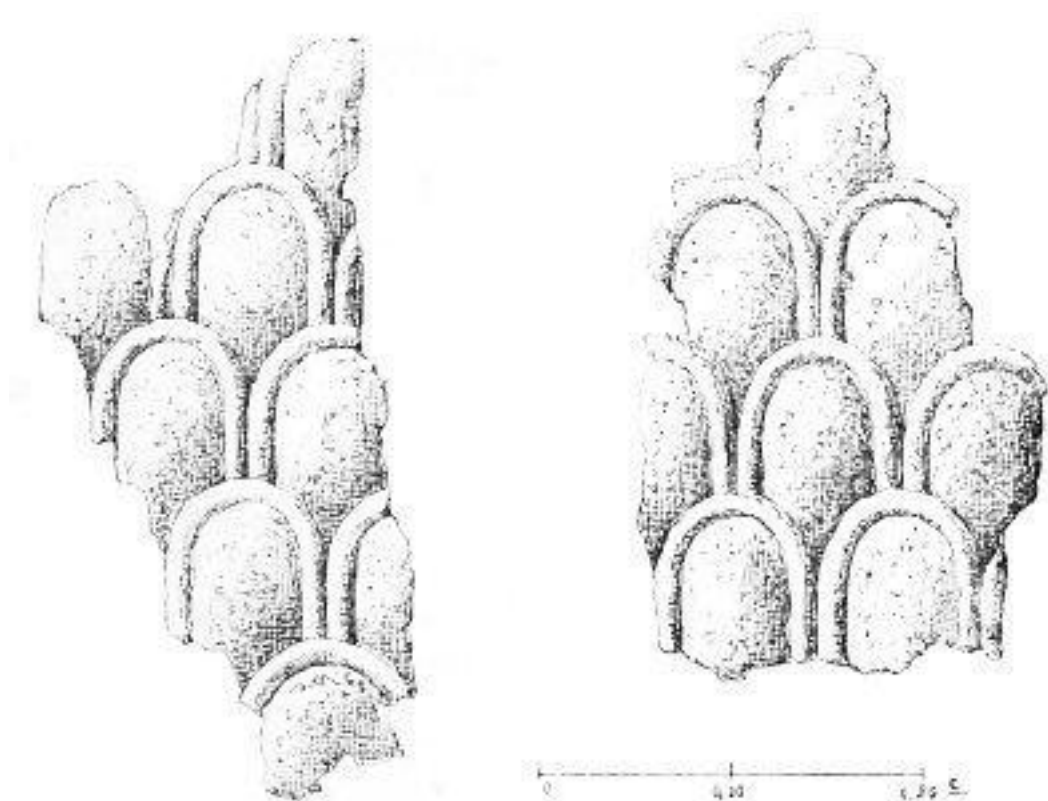

Рис. 72. Ножны

мачты из кедрового дерева, бронза.

Мы склонны взять эти пластины за образец при восстановлении колонн Сиппарской скинии. В богатстве этого двойного покрытия из бронзы и золота нет ничего удивительного, поскольку надпись, покрывающая часть лицевой и всю оборотную стороны таблички, представляет собой не что иное, как длинное перечисление даров, принесенных святилищу Самаса правящим царем и его предшественниками.

У этой колонны есть и столица, и основание. Первая не могла быть каменной: тяжелый блок базальта или даже известняка был бы совершенно неуместен в такой ситуации. Что касается основания, то оно является не более чем повторением столицы и должно было быть из того же материала; а этим материалом был металл, единственное вещество, которое, когда его сгибают рукой или бьют молотком, почти само собой принимает те изящные изгибы, которые мы называем *волютами*.

Мы верим в бронзовую столицу, покрытую позолотой. Под волютами видны три кольца, или *астрагалы*. С их помощью столица соединялась с валом. Первая состояла из двух волют, между которыми находилась вертикальная точка, напоминающая один из углов треугольника. Основание такое же, только без точки, а кольца соприкасаются с землей, а не с валом. Эти волюты также можно увидеть на столе перед скинией, где они поддерживают большой диск, символизирующий бога-солнце.

Рис. 73.-

Интерьер дома, поддерживаемого деревянными столбами; из ворот Балавата. Британский музей.

Прежде чем оставить эту табличку, мы можем указать на еще одно отличие колонны из Сиппара от валов из того же материала и тех же пропорций, которые мы встречали на ассирийских барельефах (рис. 67, 68 и 69). В последнем случае колонна возвышается над навесом, который крепится к валу скобами или гвоздями. В Сиппаре козырек опирается на саму колонну. Подобное расположение можно найти и в ассирийских изображениях этих легких сооружений; достаточно привести один пример, взятый с ворот Балавата (рис. 73). Здесь также пропорции колонн доказывают, что они были деревянными. Они не возвышаются над антаблементом. На них опирается архитрав, и, как в Греции и Египте, его непосредственный вес несут абаци.

В настоящее время наша цель - доказать, что Ассирия заимствовала из Халдеи первую идею этих высоких и стройных колонн, стволы которых были из дерева, покрытого металлом, а капители - из последнего материала. Изящные и оригинальные формы халдейского искусства могли бы подготовить почву для создания колонной архитектуры из камня, если бы этот материал был доступен. Вавилон, однако, не видел такой архитектуры. Ее пластический гений так и не попал под влияние, которое заставило бы ее импортировать камень из-за границы; а изящество и разнообразие ордеров осталось неизвестным ее строителям. Как и Египет, Халдея давала уроки, но не получала их. Формы ее искусства объясняются врожденными особенностями ее народа и природными условиями, в которых он оказался.

В Ассирии условия были совсем другими. Каменная колонна там использовалась, но робко и нерешительно. Она так и не достигла той свободы и независимости, которые были бы характерны для нее, если бы она возникла естественным образом из требований строительства. [258]

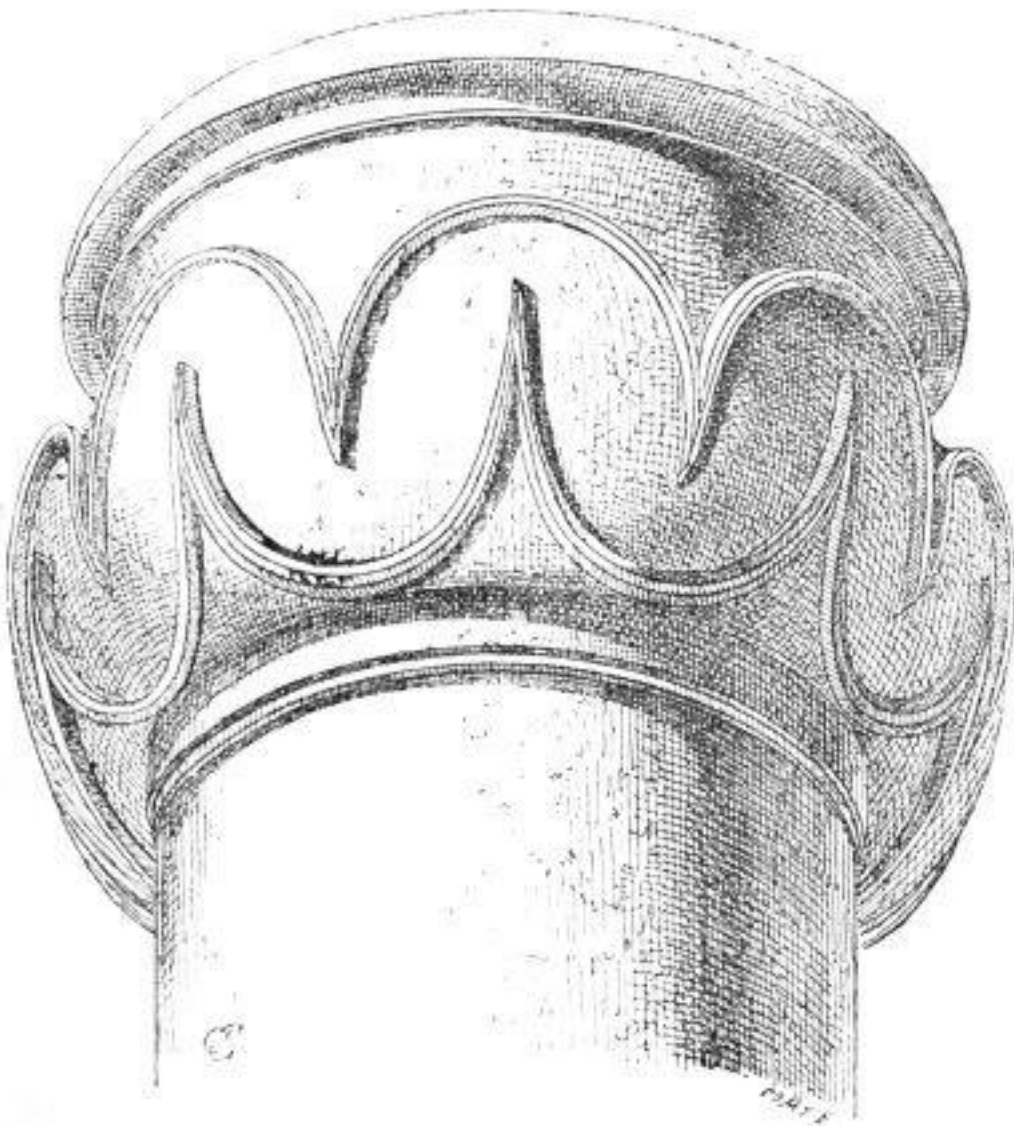

Рис. 74.-

Ассирийская столица в перспективе; составлено по Плейсу.

Мы располагаем только одной колонной, или, скорее, одним фрагментом колонны, из Ассирии, которая была найдена М. Плейсом в Хорсабаде (рис. 74). Это блок тщательно обработанного и высеченного известняка высотой около сорока дюймов, включающий в себя как столицу, так и верхнюю часть вала в единственном экземпляре.

Такое сочетание не могло долго существовать в архитектурных системах, в которых каменная колонна играла свою истинную роль. Это пережиток использования дерева. Другой характерной особенностью является полное отсутствие как на этом фрагменте, так и на колоннах в скульптурных рельефах вертикальных линий или делений любого рода, не было найдено никаких следов рифленого или многоугольного вала. [259]

При написании истории египетской колонны мы объяснили, как естественное желание получить как можно больше света привело архитекторов Бени-Хасана к преобразованию квадратного пирса сначала в восьмиугольную призму, а затем в призму с шестнадцатью сторонами. [260] И именно этой постепенной разработке многогранного вала, как нам кажется, обязаны своим происхождением флейты. С другой стороны, при высоких и стройных опорах, таких как стволы пальм, не возникает необходимости в уменьшении и вырезании углов, и о флейтах, чье особое сечение обусловлено стремлением к счастливой

игре света и тени, никогда бы не подумали. Если мы имитируем в камне ствол из натурального дерева, то получаем гладкую цилиндрическую колонну, как на [рис. 74](#).

Опять же, стволы колонн на барельефах кажутся тонкими по сравнению с египетскими или дорическими стволами древнейших греческих храмов (см. [рис. 41](#) и [42](#)). На фрагменте колонны из Хорсабада ([рис. 74](#)) мы имеем лишь небольшую часть вала, но, если судить по слабому выделению столицы, ее пропорции должны были быть скорее стройными, чем тяжелыми и массивными.

Везде, где каменная колонна использовалась в зданиях посредственного размера, архитектор, по-видимому, был вынужден по какой-то оптической необходимости делать угловые колонны более тонкими, чем другие опоры. Так было в Ассирии, в маленьком храме в Куюнджике ([рис. 42](#)), где внешние колонны ощутимо толще тех, что между ними; в Хорсабаде ([рис. 41](#)) тот же результат был достигнут скорее другими средствами. Сооружение, представленное на этом барельефе, имеет немалое сходство с некоторыми египетскими храмами и с греческим храмом в *Антисе*. [261] прочность этих угловатых опор удачно контрастирует с изяществом колонн между ними. Последние широко расставлены, и, как в некоторых египетских зданиях, архитрав является лишь горизонтальным продолжением угловых опор.

Если мы проанализируем колонну и рассмотрим три ее части по отдельности, то придем к аналогичным выводам. Каменная колонна, несомненно, имела архитрав на своей основе везде, где она использовалась, и как в Халдее, так и в Ассирии мы находим такое же расположение в тех легких сооружениях, которые мы классифицировали как относящиеся к архитектуре шатра ([рис. 70](#) и [72](#)). Происхождение форм, используемых в каменных зданиях, наиболее четко прослеживается в частом появлении волюты - криволинейного элемента, вызванного использованием и особыми свойствами металла.

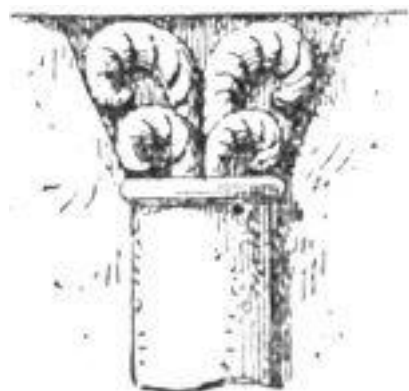

Рис. 75.- Капитал; из небольшого храма. Мы находим эти волюты повсюду, на каменных и деревянных валах. Рассматривая детали нашего [рис. 67](#), мы склонны думать, что первое представление о них было почерпнуто из рогов горного козла или дикой козы. У колонны справа на этом рисунке между волютами находится еловая шишка, а у колонны слева - маленькие таблички, на которых сидят те самые животные, чьи головы вооружены этими рогами.

Как бы то ни было, данная форма, как и все другие, заимствованные человеком у природы, вскоре была изменена и развита искусством. Кривая была удлинена и обращена внутрь себя. На одной из капителей маленького храма в Куюнджике ([рис. 42](#)) можно увидеть две пары таких рогов, расположенных одна над другой ([рис. 75](#)), но нигде больше мы не находим такого расположения. Будь колонна деревянной, как на табличке из Сиппары ([рис. 71](#)), или каменной, как в тех зданиях, где вес и массивность антаблемента решительно указывают на этот материал ([рис. 41](#) и [42](#)), мы

находим волюту в повсеместном использовании, которая лишь незначительно отличается в своей общей физиономии от привычного орнамента ионической капители.

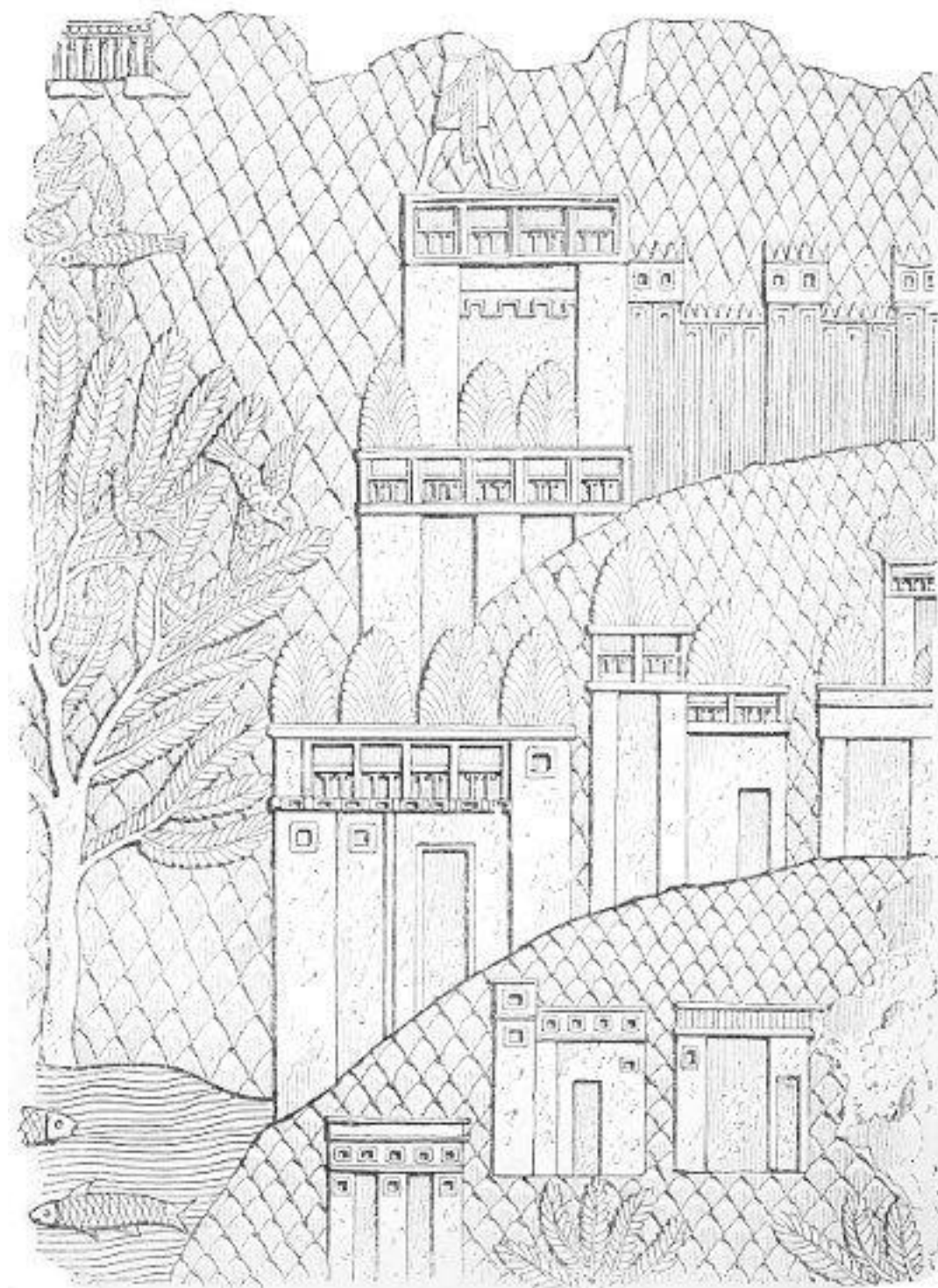

Рис. 76. Вид на

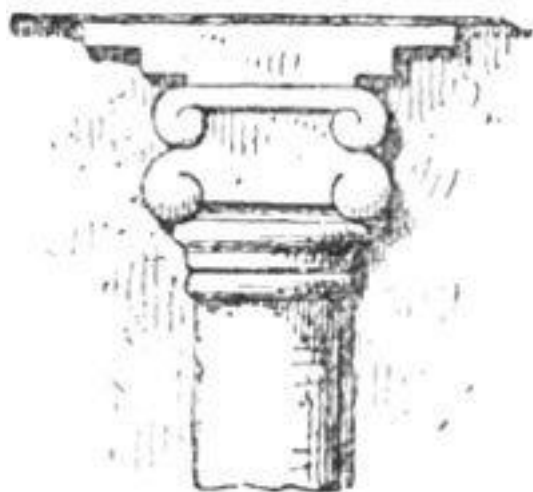
дворец; из Layard.

Вернемся на мгновение к загородному дому или дворцу, общий вид которого мы приводили на [рис. 39](#). На самой высокой части здания мы обнаружим открытую лоджию, поддерживаемую небольшими колоннами, многократно повторяющимися. Мы воспроизводим эту часть рельефа в более крупном масштабе ([рис. 76](#)), чтобы ее детали были более видны. Совсем небольшого знакомства с изобразительными процессами ассирийцев достаточно, чтобы понять, что вид

шпалер , которыми покрыто ложе рельефа, характерен для горной страны. Дворец возвышается на берегу реки, на что указывают извилистые линии в правом нижнем углу. Сами здания, над которыми то тут, то там возвышаются круглые верхушки деревьев, посаженных, надо полагать, во внутренних дворах, стоят на курганах на разной высоте над равниной. Самые низкие из них выглядят как отдельные строения, например, передовые сооружения крепости . Далее следует линия башен, а затем искусственный холм, который венчает, собственно говоря, дворец. Фасад последнего обрамляют высокие и рельефные башни, через вершины которых проходит открытая галерея, о которой мы уже говорили. [262] Она поддерживается многочисленными колоннами, которые, судя по их общему расположению и расстоянию между ними, должны были быть деревянными. Галерея, по всей вероятности, представляла собой платформу, поддерживаемую стволами деревьев, либо выровненными, либо оставленными в грубой форме и увенчанными капителями, покрытыми битой бронзой.

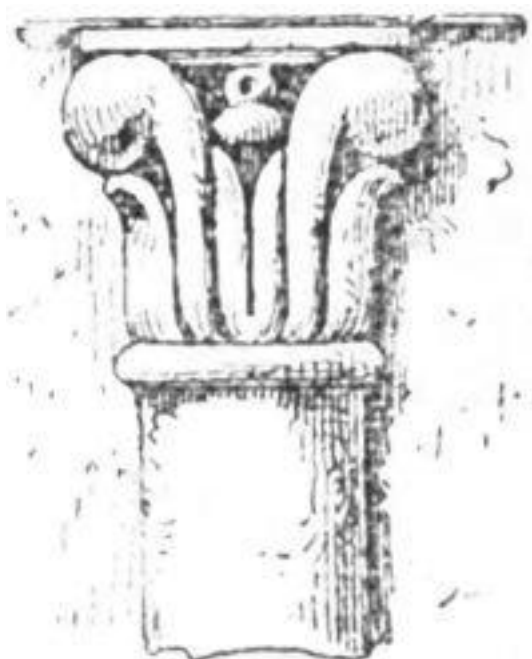
Волюта здесь довольно простой формы; в других местах мы видим ее удвоенной, так что между астрагалом и абакусом встречаются четыре волюты (рис. 42 и 77). [263] В других примерах она также удлинена вверх, пока не приобретает форму, мало чем отличающуюся от акантовых листьев коринфской столицы (рис. 78). [264]

Эта волюта встречается по всей Ассирии и Халдее. Она украшает углы небольшого храма, изображенного на камне, известном как "Черный камень лорда Абердина" (рис. 79). Он также встречается на многих слоновых костях, но они, возможно, по большей части финикийские. Но в любом случае ассирийцы постоянно использовали его в декоре своей мебели. На дощечке из слоновой кости, несколько образцов которой хранятся в Британском музее, изображен мужчина, стоящий и держащий в левой руке стебель лотоса (рис. 80). Этот стебель опирается на подставку, которая очень похожа на сиппарскую столицу (рис. 71); она имеет две волюты, разделенные острием. Пристрастие ассирийцев к этим особым изгибам также отражено в том религиозном и символическом устройстве, которое иногда называют *Древом жизни*. Когда-нибудь, возможно, точное значение этой эмблемы будет объяснено, мы же довольствуемся тем, что отмечаем разнообразие и счастливое расположение извилистых линий, которые окружают и обрамляют богато украшенную пилястру, выступающую в качестве ее ствола. Один экземпляр этого дерева мы приводили на рис. 8, теперь приведем другой (рис. 81). Здесь можно легко узнать астрагалы , рога козорога и волюты.

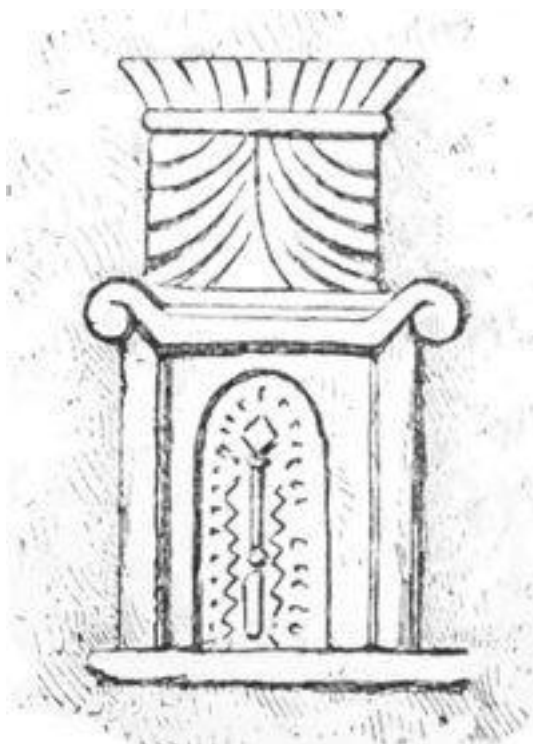
Капитал; из небольшого храма.

Рис. 77.-

Капитал.

Рис. 78.-

Халдейская скиния.

Рис. 79.-

Рис. 80.

Бляшка из слоновой кости, найденная в Нимруде. Фактический размер. Британский музей.

Единственная каменная столица, дошедшая до нас, действительно не имеет волют (рис. 74), но для нее характерен тот же вкус к плавным линиям и округлым формам. Ее общее сечение представляет собой циму реверса, увенчанную уплощенным тором, а внешний вид - вазу, украшенную криволинейными и геометрическими орнаментами. В очертаниях профиля и

расположении ажюра есть и оригинальность, и красота; в целом сечение не отличается от перевернутых колоколообразных капителей в Карнаке. [265]

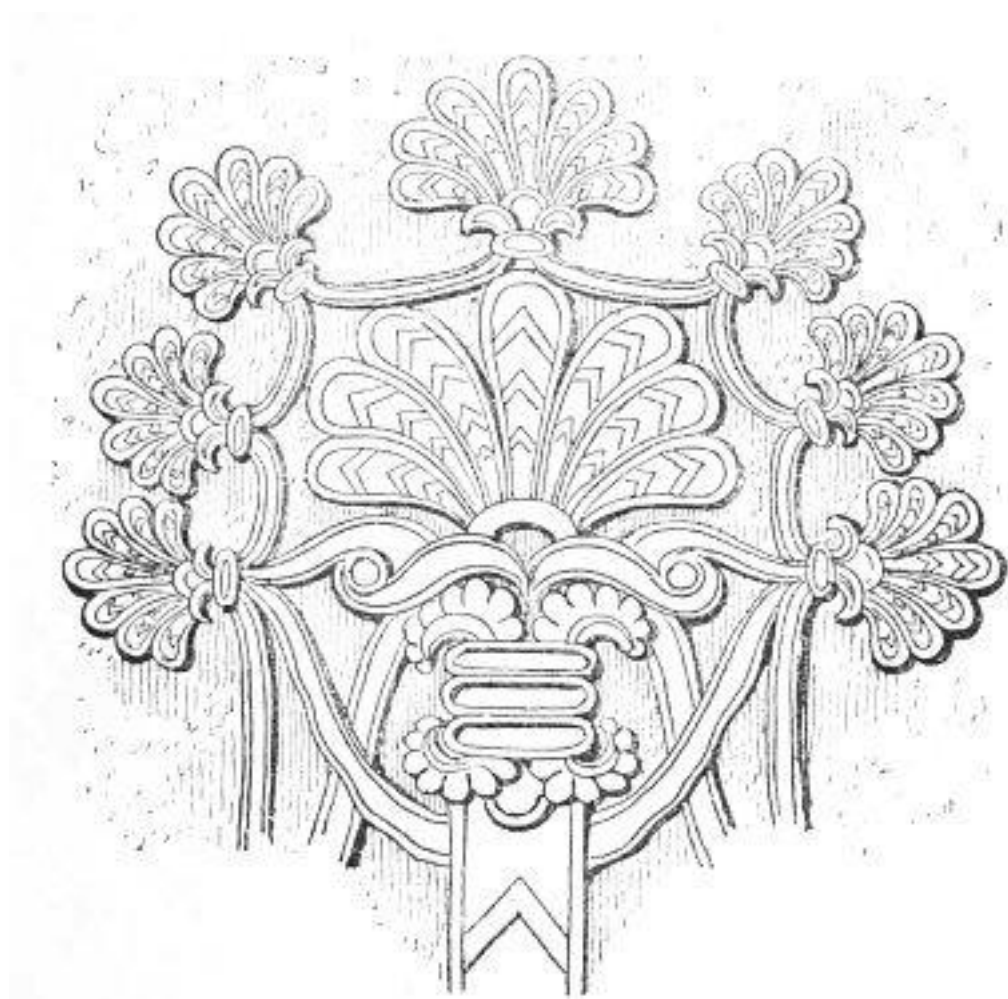

Рис. 81.- Древо

жизни; из Layard.

Этот тип, должно быть, часто использовался, так как мы находим его повторение в четырех основаниях, найденных еще на месте перед дворцом Сеннахериба сэром Генри Лэйярдом. Они были сделаны из известняка и опирались на цоколи и мостовую из того же материала (рис. 82). [266] Орнамент в них несколько сложнее, чем в фестоне на хорсабадской столице, но принцип тот же, и оба объекта относятся к одному узкому классу.

Мы снова встречаем эту же основу с ее противоположными изгибами в любопытном памятнике, обнаруженном в Куянджике мистером Джорджем Смитом. [267] Это небольшая и тщательно выполненная модель из желтого камня, изображающая крылатого человекообразного быка, поддерживающего на спине вазу или подставку, похожую по конструкции на ту, что изображена выше. Этот маленький предмет, должно быть, служил моделью для резчиков, занятых на стенах дворца. Мы не будем здесь останавливаться на рассмотрении атрибутов и украшений быка, они хорошо показаны на наших рис. 83 и 84, а их типы известны по многим другим примерам. Наша цель - показать, что мы правильно описали, для каких целей его использовали. Они могли бы остаться неясными, если бы в юго-западном дворце Нимруда не была обнаружена пара крылатых сфинксов, прокаленных огнем, но сохранившихся на своих местах между двумя огромными львами у одной из дверей. Прежде чем их очертания исчезли - а они быстро рассыпались при соприкосновении с воздухом, - Лайярд успел сделать рисунок того из них, который пострадал

меньше всего (рис. 85). В своем описании он говорит, что между двумя крыльями было что-то вроде плато, "предназначенного для основания колонны". [268]

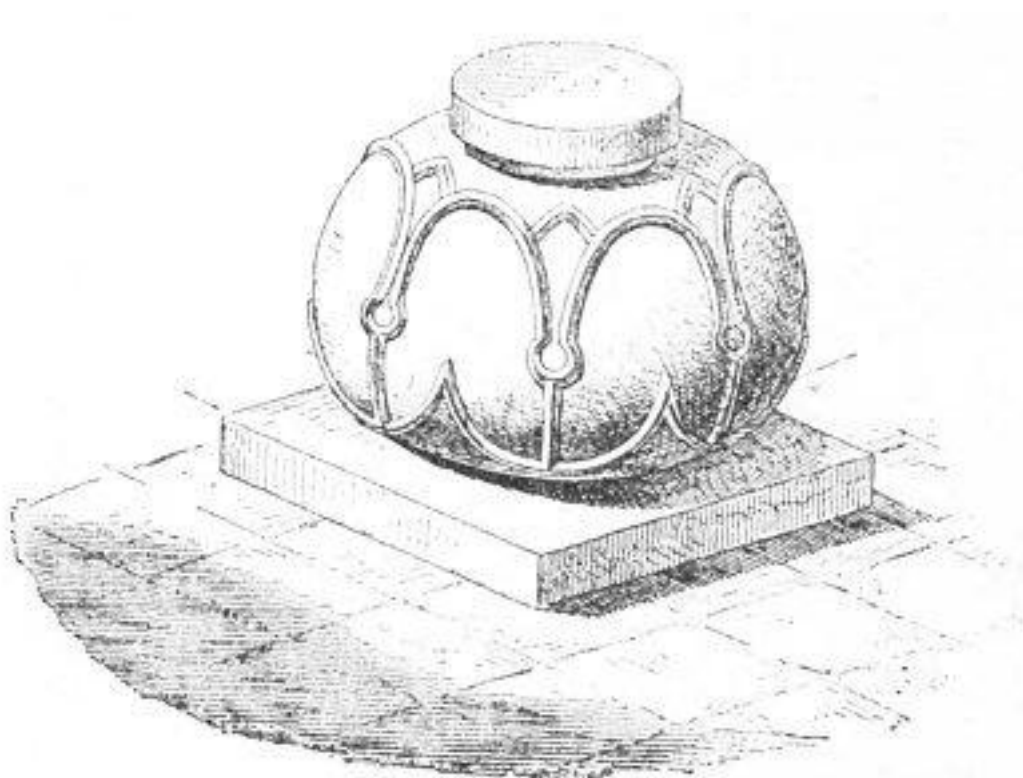

Рис. 82.

Орнаментированное основание из известняка.

Удивленный тем, что не нашел никаких следов самой колонны, он выдвигает другую гипотезу: что эти сфинксы были алтарями, на которых размещались подношения богам или подарки царю. Эта гипотеза встречает много возражений. Мы можем легко объяснить исчезновение колонны, предположив, что она была деревянной. Если же она была каменной, то ее могли унести для использования в качестве валика жители соседних деревень, прежде чем та часть здания, к которой она принадлежала, была полностью поглощена и скрыта руинами, как это произошло впоследствии. [269] Более того, мы можем указать на некоторое количество ассирийских алтарей, и их формы сильно отличаются от этой.

Рис. 83.-

Модель основания, вид сбоку. Фактический размер.

Рис.

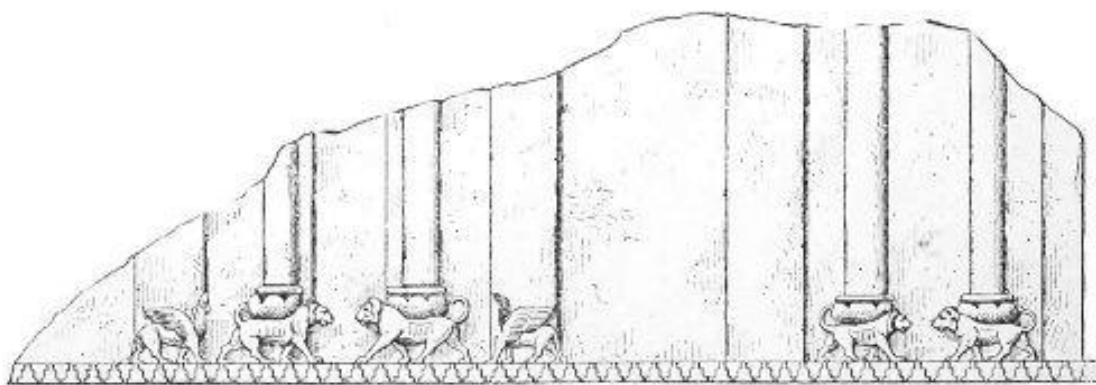
84.- То же самое, вид спереди.

Наконец, все наши сомнения снимает барельеф из дворца Ассурбанипала, который сейчас находится в Британском музее (рис. 86). Верхняя часть этого резного изображения разрушена, но сохранилось достаточно, чтобы показать, что оно воспроизводит фасад какого-то богато украшенного здания. Можно легко различить четыре колонны, опирающиеся на спины множества львов, и две плоские пилястры, поддерживаемые по той же моде крылатыми грифонами. То, что эти грифоны не повторены на левой стороне рельефа, объясняется, возможно, поспешностью или ленью скульптора. Возможно, он посчитал, что сделал достаточно, раз и навсегда показав, как устроены эти пьедесталы. Как бы то ни было, львы на этом рельефе играют точно такую же роль, какую мы приписываем маленькой модели, найденной Джорджем Смитом, и крылатому сфинксу, обнаруженному сэром Генри Лейардом перед одной из дверей в Нимруде. Между спиной животного и нижней частью вала вставлено основание в виде вазы или подушки. В пилястре - если мы можем поверить, что художник не допустил никаких вольностей по отношению к факту - соединение прямое, без вмешательства каких-либо декоративных мотивов.

колонны; из Layard.

Рис. 85.- Крылатый сфинкс, несущий основание

ассирийского здания; с барельефа в Британском музее. Высота 10 дюймов.

Рис. 86.- Фасад

В том, что М. Плейс называет государственными дверными проемами (*portes ornées*) Хорсабада, арки выходят из спин огромных быков в митрах, охраняющих вход. [270] Но независимо от того, поднимались ли колонны со спин реальных или фантастических животных, у них всегда, похоже, была база. Почти единственный случай его отсутствия - в открытой галерее на рис. 76, и там, возможно, они скрыты балюстрадой. В остальных местах мы находим более или менее декоративный элемент, расположенный между валом и землей. В Хорсабаде (рис. 41) это простой тор (рис. 87), в Куюнджике (рис. 42) - своеобразная подушка (рис. 88), которую мы находим изображенной на нескольких барельефах. Изгибы имеют отдаленное сходство с волютами столицы; над этим основанием появляется кольцо или астрагал, о происхождении которого можно легко догадаться. Первоначально деревянная колонна, только что срубленное дерево, которое устанавливалось для поддержки крыши палатки или дома, должно быть, ставилось на каменный или деревянный блок, к которому оно в определенной степени присоединялось путем

выемки последнего и установки в углубление подножия деревянной балки, а затем скрытия соединения тростниковыми лентами, которые, как рассказывают путешественники, все еще использовались для той же цели в последние годы существования Вавилона. [271] Со временем место тростника заняло металлическое кольцо, а когда стали использовать каменные колонны, то особенность, которая сначала была необходимостью или, по крайней мере, полезной целесообразностью и гарантией долговечности и прочности, в конце концов превратилась в простое украшение.

Рис. 87, 88 -

Основания колонн; с барельефов.

Теперь мы изучили ассирийскую колонну в целом и в деталях. Большинство ее особенностей кажутся нам пережитками тех методов и процессов, которые мы называли архитектурой шатра. Каменной колонне не было места в тех сооружениях из грубого кирпича, из которых состояла настоящая национальная архитектура Месопотамии; она была там не у себя дома; окружающие условия были неблагоприятны для ее развития. И все же со временем, как мы уже видели, она стала появляться, по крайней мере, у того из двух братских народов, где можно было получить достаточное количество камня, но и тогда она выполняла скорее декоративную и вспомогательную, чем жизненно важную функцию. Его остатки можно найти только в результате терпеливых поисков, и даже в барельефах его изображения немногочисленны и редки. Прилежно используя эти два канала информации, археология сумела доказать существование ассирийской колонны и описать ее формы, но в то же время она была вынуждена признать, насколько узким было ее применение, особенно в великих сооружениях, на которые месопотамские строители тратили все ресурсы своего искусства. В них она использовалась в основном для украшения хозяйственных построек, и будет неплохо узнать, как она справлялась с такой задачей.

Колонна, похоже, появилась в тех воротах, которым ассирийский архитектор придавал такое большое значение. [272] Внимательно прочтите описание сэра Генри Лэйарда о том, как он обнаружил двух сфинксов на одном из фасадов юго-западного дворца в Куюнджике (рис. 83); он не дает плана прохода, где он их нашел, но его рассказ [273] предполагает существование какого-то крыльца перед большим проемом. Оно должно было опираться на пару колонн на спинах двух сфинксов и, возможно, состояло из одного из тех деревянных навесов, которые так часто встречаются в современной архитектуре Востока. [274]

Мы склонны распознать подобный, но более сложной конструкции пятистенок на барельефе из Куюнджика, изображенном выше (рис. 83). Дверь не показана, но это, возможно, связано с

неумением скульптора изобразить пустоту, или же две центральные перпендикулярные линии могли быть соединены горизонтальной в верхней части рельефа, которая утрачена, и таким образом обозначен дверной проем; тогда он имел бы пару пилястр и пару колонн на каждом фланге.

В классической архитектуре мы не находим ничего, что можно было бы сравнить с этим любопытным представлением о размещении колонн и пилястр на спинах реальных или воображаемых животных, на льве, крылатом быке или сфинксе. На современном Востоке, однако, это все еще делается. Трон шаха в Тегеране поддерживают колонны, которые, в свою очередь, стоят на спинах львов. Как ни странно, эта же идея нашла отклик у европейских архитекторов в средние века, которые часто использовали ее в портиках своих христианских соборов. [275] Отсюда и старая формула, часто встречающаяся в судебных документах: *sedente inter leones*, - сидя между львами, - которая использовалась для обозначения епископских решений, выносимых на церковной паперти. В Италии, в зданиях ломбардского стиля, эти львы встречаются в большом количестве и в таком же положении. В Модене на южной паперти собора есть один, который своим стилем и поведением сильно напомнил мне фигуры, ныне существующие в Каппадокии, например, льва в Эюке; в обоих случаях он распростерт на земле, а его передние лапы лежат на каком-то звере, которого он поймал. [276] Вряд ли можно назвать более дорогой для восточного искусства мотив, чем этот. Между пристрастиями современного Востока и Ассирии и Халдеи существует множество подобных аналогий. Мы не будем пытаться объяснить их, а ограничимся тем, что укажем на них, как они проявляются.

Различные факты, подмеченные сэром Генри Лэйардом и покойным Джорджем Смитом, показывают, что колонны часто использовались для формирования крытых аллей, протянувшихся от двери до края платформы, несомненно, до площадок, на которых заканчивались ступенчатые или наклонные подходы к дворцу. Сэр Генри Лэйард [277] нашел четыре основания из известняка (рис. 82) на северной стороне дворца Сеннахериба. Они располагались парами: одна пара - вплотную к стене дворца, другая - на одной линии с ней, но примерно на восемь-двадцать ярдов дальше от здания. В каждой паре расстояние от центра до центра составляло 9 футов 3 дюйма. При такой ширине крытый путь вполне мог быть покрыт деревянной крышей, и это предположение подтверждается обнаружением в том же месте остатков грубых кирпичных стен. Колонны, по всей вероятности, обозначают две крайние точки прохода. Что касается другой гипотезы, выдвинутой исследователем, то она кажется нам гораздо менее вероятной. Он спрашивает, не могли ли эти основания быть постаментами для статуй. Многие ассирийские статуи были найдены вместе с их постаментами, и они всегда предельно просты и лишены каких-либо украшений. Более того, сами статуи были сделаны скорее для того, чтобы быть поставленными у стены, чем для самостоятельного существования в открытом дворе.

Более того, Джордж Смит видел две такие базы на месте у одного из входов во дворец Ассурбанипала. К сожалению, он не дает рисунка, и его описание лишено ясности, но он, кажется, заметил следы, оставленные цилиндрическим валом на верхней поверхности одного основания; его выражение "плоский круг для приема колонны", очевидно, означает, что последняя была утоплена в вещество основания. [278] Здесь, несомненно, находился конец галереи, подобной той, что была перед дворцом Сеннахериба.

По всей вероятности, были и другие остатки этих колонн, кроме тех, что заметил английский исследователь, но только в Хорсабаде раскопками руководил профессиональный архитектор, только здесь за ними наблюдал опытный глаз человека, способного придать истинное значение и ценность каждой детали разрушенного здания. В Нимруде, в Куюнджике, в Небби-Юнасе многие интересные следы древних построек могли быть уничтожены в ходе раскопок, и у тех, кто стоял рядом, не возникло ни малейшего подозрения об их значении.

Возможно, если бы это стоило времени, мы бы наткнулись на дальнейшие изображения колонн на гравированных камнях, на слоновой кости и бронзе, [279] но на таких маленьких объектах формы указаны очень кратко, и, кроме того, они были бы не более чем сокращенными повторениями мотивов, показанных более подробно и в большем масштабе в других местах. По приведенным нами примерам читатели могут справедливо судить о внешнем виде тех колонн из дерева и металла, которые халдеи использовали в легких и изящных скиниях, изображенных на рельефе из Сиппара, и о более прочных каменных опорах ассирийцев. Многолетняя привычка и чрезмерное уважение к традициям помешали последним довести колонну до ума. Они остановились на полпути. Они использовали эту особенность с такой робостью, что мы не можем указать ничего, что можно было бы назвать ассирийским ордером. Они не создали ничего, что можно было бы сравнить с богатыми и разнообразными колоннадами, которыми мы восхищались в гипостильных залах Египта. И все же нельзя сказать, что они проявили недостаток оригинальности или изобретательности в выборе украшений для баз и капителей своих колонн. Их любимым мотивом, по-видимому, была волюта, которую, однако, они делали бесконечно разнообразной. Они использовали ее, несомненно, многими способами, которые сейчас от нас ускользают, и, применяя ее то для этой цели, то для другой, иногда с самыми счастливыми результатами, они накопили опыт в отношении ценности этих изящных изгибов, который был очень ценен для их преемников. Кто были эти преемники и как они довели до совершенства форму, зародившуюся на берегах Тигра и Евфрата, будет показано в ходе нашей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[251] См. выше, с. 118, прим. 1.

[252] Тейлор, *Заметки об Абу-Шарейне и Телль-эль-Лахме* (*Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 404).-Ред.

[253] Полностью эта надпись опубликована в "*Клинописных надписях Западной Азии*", т. V, ч. II.

[254] Имена этих трех божеств указаны в надписи, которая идет под навесом павильона (см. рис. 71).

[255] Диск на столе сам по себе достаточен, чтобы выдать личность бога, но, чтобы сделать уверенность вдвойне более надежной, художник взял на себя труд вырезать на ложе рельефа под тремя маленькими фигурками надпись, которая была переведена М.М. Оппертом и Менаном следующим образом. Оппертом и Менаном: "Изображение Солнца, Великого Владыки, который обитает в храме Бит-пара, в городе Сиппара".

[256] См. нашу "*Историю искусства Древнего Египта*", т. ii. гл. 1, § 1.

[257] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 120-122, and vol. iii. plate 73.

[258] В этой связи сэр Х. Лэйард делает замечание, на которое следует обратить внимание художника. Всякий раз, когда рисуются картины *пира Белшаззара* и *Последней ночи Вавилона*, в них вводятся массивные египетские колонны: ничто не может быть более противоречащим фактам (*Discoveries*, p. 581).

[259] М. Плейс, действительно, встретил восьмиугольную колонну на кургане Карамлес, но общий характер предметов, найденных при этих раскопках, привел его к положительному заключению, что колонна, о которой идет речь, является реликвией парфянской или сасанидской эпохи (*Ninive*, vol. ii. pp. 169, 170).

[260] *История искусства в Древнем Египте*, т. II. с. 95.

[261] *Ibid.* vol. i. p. 397, fig. 230; и vol. ii. p. 105, fig. 84.

[262] Профили капителей в этой галерее заставили сэра Х. Лэйарда говорить о "небольших колоннах с капителями в форме ионической волюты" (*Discoveries*, p. 119) (?).

[263] Подобное расположение волют можно найти на грубых колоннах, выгравированных на одной из дощечек из слоновой кости, найденных в Нимруде (Layard, *Monuments, &c.*, first series, plate 88, fig. 3).

[264] Мы воспроизводим эту таблицу из книги Роулинсона "*Пять великих монархий*" (том I, стр. 333); но нам хотелось бы иметь возможность сослаться либо на рельеф, на котором она изображена, либо на первоначальный проект, который, должно быть, был сделан в случае с теми плитами, которые пришлось оставить в Ниневии. Нам не удалось найти ни рельефа, ни рисунка, поэтому мы не можем гарантировать верность изображения.

[265] См. "*Искусство в Древнем Египте*", т. II, с. 120, рис. 95.

[266] Лэйард забывает указать высоту этого основания: он довольствуется сообщением, что его наибольший диаметр составляет 2 фута 7 дюймов, а наименьший - 11½ дюйма. Это последнее измерение, должно быть, было сделано в месте соединения с валом (*Discoveries*, p. 590).

[267] Джордж Смит, "*Ассирийские открытия*", шестое издание, 8vo. 1876, p. 431.

[268] Лэйард, *Ниневия*, т. i. p. 349, на небольшом расстоянии исследователь обнаружил тела двух львов, поставленных спиной друг к другу, которые, похоже, образовывали пьедестал такого же типа. Их головы отсутствовали, а вся группа так сильно пострадала от огня, что невозможно было ни унести ее, ни сделать с нее удовлетворительный рисунок (*ibid.* p. 351).

[269] Это предположение кажется несовместимым с состоянием руин в том месте, где была сделана находка. Сэр Генри Лэйард описывает этих сфинксов как погребенных в древесном угле и настолько прокаленных огнем, что они рассыпались на мелкие фрагменты вскоре после выхода на воздух. Все, что они несли на спине, должно было упасть во время пожара, и если это была каменная колонна, то она была найдена под углем.

[270] Place, *Ninive*, vol. iii. plate 11.

[271] Страбон, xvi. 1, 5.

[272] Томас поместил один из этих портиков в свою реставрацию дворца Саргона в Хорсабаде. Оно опирается на две колонны и служит для обозначения одного из входов в гарем. (Place, *Ninive*, vol. iii. plate 37 *bis.*)

[273] Layard, *Nineveh*, vol. i. pp. 349, 350.

[274] Многочисленные примеры изображены в книге Косте и Фландена "*Современный мир*", листы 3, 7, 9, 26, 27, 54 и т. д. Они отбрасывают широкую тень перед дверными проемами, а иногда проходят по всей длине фасада. Некоторую небольшую поддержку теории М. Перро оказывает обстоятельство, на котором Лэйард сильно останавливается в упомянутом выше отрывке, а именно: сфинксы были найдены засыпанными с головой древесным углем, который вполне мог быть остатками такого крыльца; его количество кажется слишком большим для потолка - прим. ред.

[275] Это совпадение поразило профессора Роулинсона, который сравнивает одну из этих ассирийских колонн с колонной в портике Трентского собора. Он воспроизводит их обе в своей книге *"Пять великих монархий"*, т. i. с. 313.

[276] См. Perrot and Guillaume, *Exploration archéologique de la Galatie*, vol. ii. pl. 57.

[277] *Discoveries*, p. 590.

[278] George Smith, *Assyrian Discoveries*, p. 431.

[279] Один из любопытных примеров этого показан в работе М. Чипьеца *"Критическая история происхождения и формирования греческих орденов"*, стр. 20. См. также Layard, *Discoveries*, p. 444, где изображен барельеф из дворца Сеннахериба, на котором изображен сундук, поддерживаемый ножкой в форме колонны, которая заканчивается правильной спиралью.

§ 5. Арх.

На предыдущих страницах мы определили роль, которую играла колонна в Ассирии, и объяснили, что, несмотря на тщательность и вкус, проявленные к некоторым ее деталям, она никогда не поднималась выше ранга второстепенного и подчиненного элемента. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ассирийский архитектор никогда не ставил свои арки или своды на колонны или опоры; похоже, он и не подозревал, какие огромные возможности таит в себе такая процедура, процедура, из которой на самой почве Востока его далекие потомки должны были создать архитектуру византийской церкви и арабской мечети. Его архивольты и маятники его сводов всегда опираются на толстые стены, и все же среди руин его зданий можно найти почти все разновидности простой арки или туннеля-склепа.

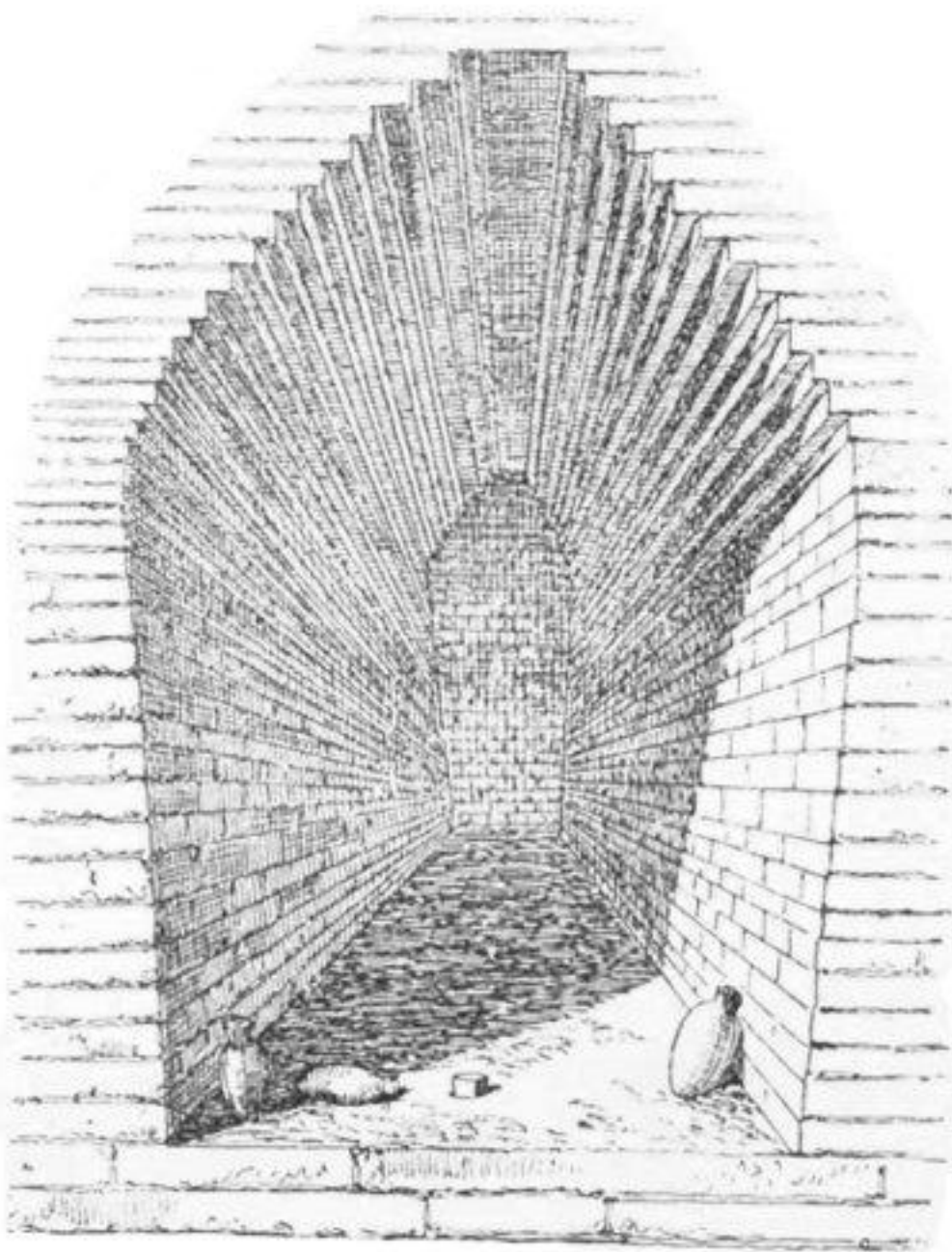

Рис. 89.- Гробница-

камера в Мугейре; из Тейлора.

Как и все другие формы ассирийской архитектуры, арка была изобретена в Халдее. Использование материалов небольшого размера, должно быть, привело к ее раннему открытию в этой стране. Но единственные арки, сохранившиеся до наших дней, встречаются в лучше сохранившихся памятниках Ассирии. С другой стороны, гробницы Нижней Халдеи представляют собой более чем один пример ложного свода, который мы уже встречали в Египте. [280] Изображенная ниже камера взята из некрополя Мугейра, бывшего "Ура Халдейского". Она построена из сырцового кирпича, скрепленного грязью. Свод поддерживается стенами, наклоненными вверх и наружу, как в современном тоннеле (рис. 89). [281]

Такой способ строительства подходит только для зданий небольших размеров; его нельзя было использовать для палат с широкими крышами или там, где нужно было выдерживать большой вес. Арки, на которые, согласно Страбону и Диодору, [282] опирались висячие сады Вавилона, должны были быть настоящими центрическими арками. О том, были ли они из писэ, как в

Хорсабаде , греческие писатели ничего не говорят. Из того, что мы знаем о привычках халдейских строителей, можно сделать вывод, что это были настоящие арки с вуалями либо из кирпичей, обожженных в печи, либо настолько хорошо высушенных, что они были почти такими же твердыми и прочными, как те, что прошли через огонь. Эта догадка подтверждается тем, что данные сооружения простояли до македонского завоевания. Страбон и Диодор говорят о великом храме Бэла как о настолько разрушенном, что его первоначальная высота не поддается даже приблизительной оценке. Иначе обстояло дело с висячими садами. Они приводят размеры в плане платформ и опор, их высоту и высоту арок. Нам трудно объяснить точность этих измерений и их соответствие друг другу, если только мы не предполагаем, что у обоих писателей был какой-то точный авторитет, например, один из спутников или историков Александра, на которого можно было бы сослаться. Цари Персии часть года жили в Вавилоне. Эти цари вполне могли быть равнодушны к сохранению национальных фанатов, они могли даже поспешить их разрушить, как это сделал Ксеркс, чтобы наказать и унижить непокорных вавилонян. Но в своих собственных интересах они позаботились бы о том, чтобы должным образом позаботиться о висячих садах, благодаря которым их пребывание в городе стало бы более приятным, чем в противном случае, и с чьих возвышенных платформ их бдительные глаза могли бы окинуть город и прилегающую равнину и проследить за течением великой реки, пока она не исчезнет на юге среди зарослей машущих пальм. Однако после возвышения Селевкии и Ктесифона сады быстро пришли в упадок, но они должны были быть изначально построены прочно, чтобы просуществовать так долго. Своды ниневитянских дворцов из писэ никогда не смогли бы простоять так хорошо. Несмотря на слои свинца и битума, которыми, как рассказывает Диодор, были покрыты их террасы, летние дожди со временем должны были проникать в стены и запускать процесс разрушения , который мог иметь только один конец. Настоящий кирпич с хорошим раствором мог противостоять такому воздействию, и, несомненно, именно эти материалы использовались в вавилонских садах. Если их субструктуры когда-нибудь будут найдены и открыты, мы не сомневаемся, что арки, построенные с такой же тщательностью, как и в ассирийских руинах, будут обнаружены.

Ворота города, построенного Саргоном у подножия дворцового кургана, были покрыты полукруглыми сводами. [283] Чтобы более тщательно изучить их конструкцию, М. Плейс по частям разрушил одну из этих арок, ту, что на его плане значилась под номером три. [284] Она уже была обречена на разрушение из-за необходимости выноса скульптур.

Общая высота от мостовой до кистона составляла двадцать четыре фута шесть дюймов, от центра кистона до пружины самой арки - восемь футов, общая ширина проема, измеренная по ногам кариатид, - четырнадцать футов четыре дюйма.

Кирпичи не были обожжены в печи, но подверглись длительному высыханию. Система строительства была максимально простой. Перпендикулярные боковые стены переходили в свод без какой-либо подготовки, и арка, когда она была завершена, не имела никакого внутреннего выступа и никаких структурных украшений, кроме внутренних граней тщательно уложенных вусуаров; поскольку все кирпичи были одинакового размера и формы, требовалось нечто большее, чем их слегка трапециевидная форма, чтобы удержать их на месте, и для скрепления их между собой использовалась более мягкая глина. С добавлением этого грубого цемента каждый кирпич превращался в длинный и узкий клин и определял изгиб свода, в который его помещали. Некоторое представление о внешнем виде этого тройного свода можно составить по иллюстрации, которую мы составили на основе сделанного М. Томасом снимка алькова в одной из квартир гарема в Хорсабаде (рис. 90). Этот свод не существует, но его составные части были найдены среди руин дворца Саргона. [285]

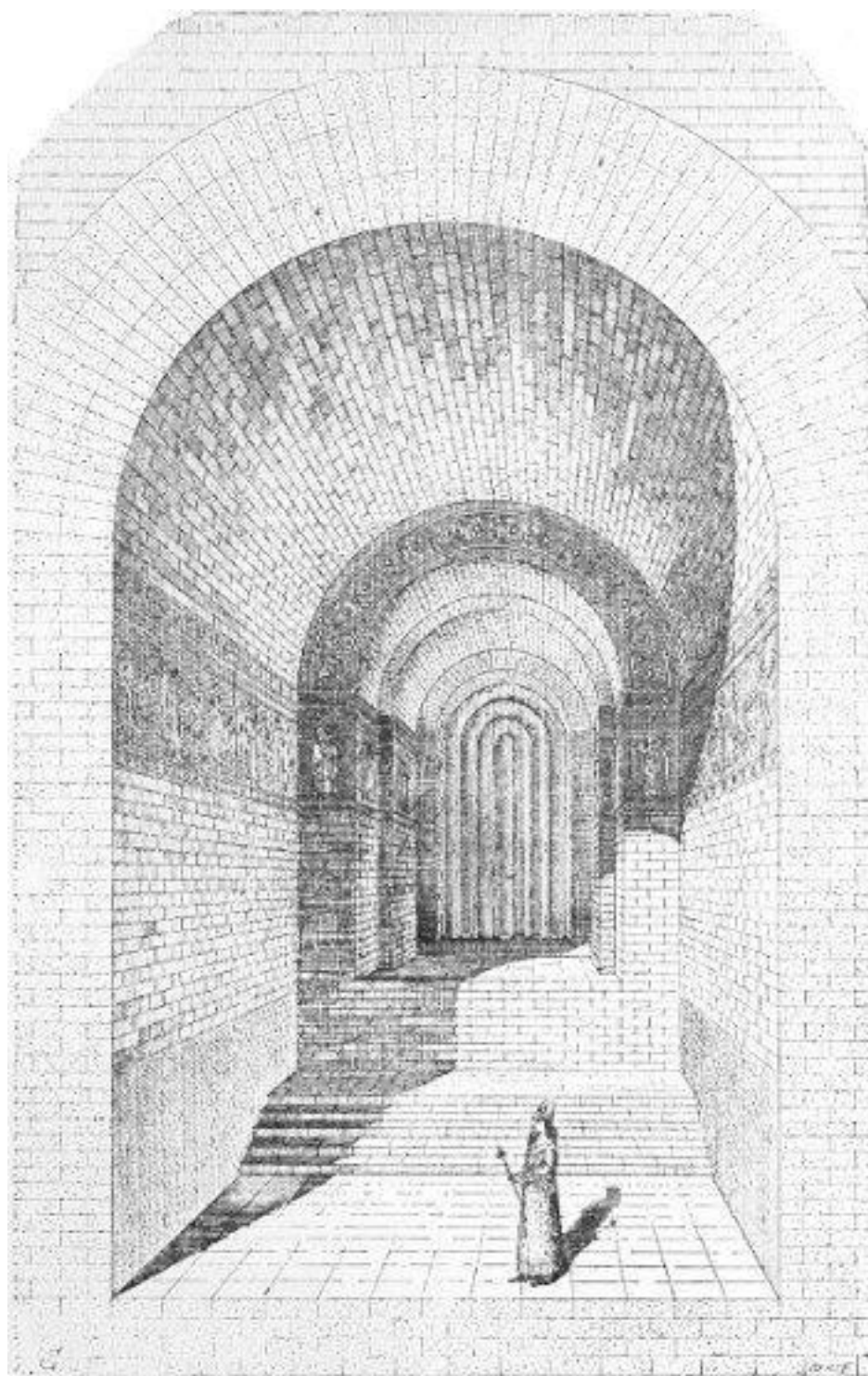

Рис. 90. Интерьер камеры в

гареме дворца Саргона в Хорсабаде; составлено по материалам Place.

В декоре этих дверных проемов есть одна деталь, на которую следует обратить особое внимание. Везде, где архитектор использует проем с круглой головкой, он усиливает его очертания своего рода полукруглым фризом, которому блестящие цвета или смелые рельефы придали бы не малую декоративную ценность. В том, что М. Пляс называет *portes ornées*, этот декоративный архивольт выполнен из эмалированного кирпича, в подчиненных входах он отличается от остальной части стены лишь своей рельефностью. Однако ни в том, ни в другом случае он не заканчивается каким-либо импостом, а возвращается горизонтально без арки и образует орнамент по линии, соответствующей пружине свода внутри. Мы приводим пример этой специфически ассирийской

конструкции с одного из ворот в Дур-Сарьюкине (рис. 91). Ничего подобного, насколько нам известно, не встречается в постройках других древних народов.

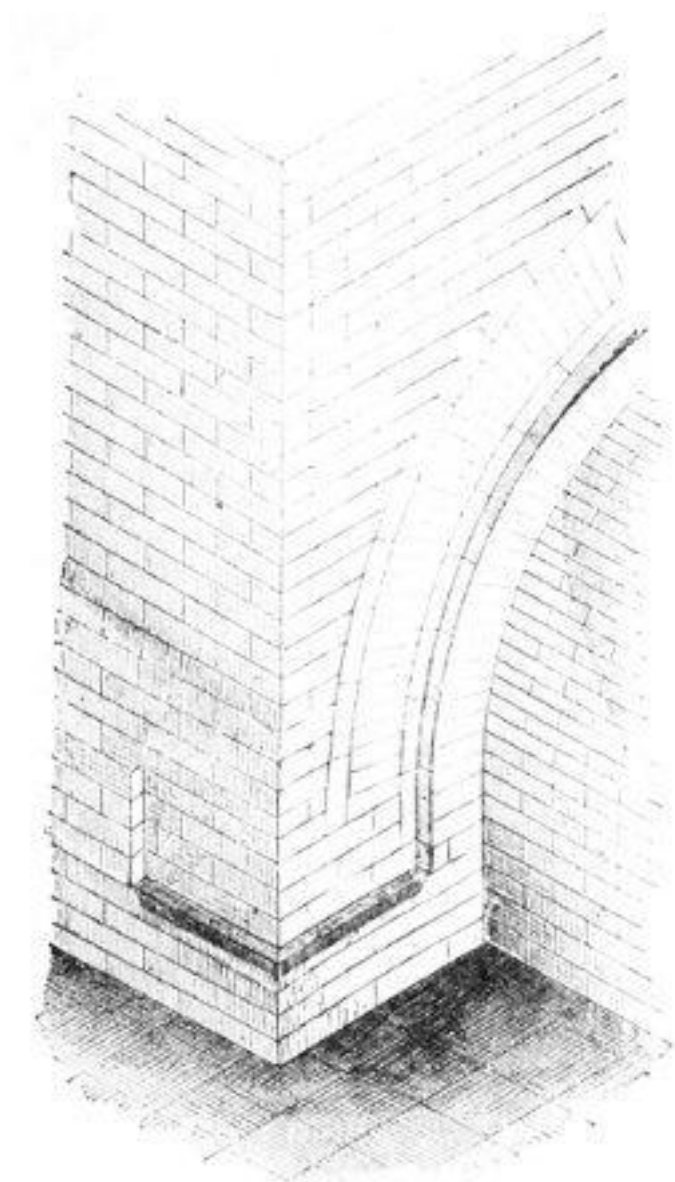

Рис. 91. Обратный ход вокруг угла архивольта в одних из ворот Дур-Сарьюкина; составлено по материалам Плесе.

С точки зрения специального исследования, которым мы сейчас заняты, жилая и видимая часть ассирийского здания менее интересна, чем те каналы, скрытые в подконструкциях, которые выполняли функцию стоков. Такие каналы существовали во всех дворцах. Лэйард встречал их в Нимруде и Куюнджике, [286] но именно в Хорсабаде они были найдены в лучшем состоянии и наиболее тщательно изучены. [287] Мы будем использовать главным образом наблюдения ММ. Плейса и Томаса в нашем объяснении любопытной системы канализационных труб, которая, возможно, делает больше чести ниневийскому строителю, чем любая другая часть его работы. Каждая деталь их конструкции полна интереса: общее расположение, выбор материалов и различные методы возведения сводов.

Почти во всех комнатах есть отверстие в середине мостовой, к которому полого спускается остальная часть пола. Это круглое отверстие, прорезанное в центре квадратного камня, установленного среди кирпичей, и ведущее к круглому кирпичному желобу. В первом образце,

описанном М. Плейс, глубина этой нисходящей трубы составляет пять футов четыре дюйма, а диаметр - более одиннадцати дюймов. Она ведет в почти горизонтальный канал аналогичного сечения и из тех же материалов. Этот последний канал имеет пологий наклон по всей своей длине; он заканчивается в главном стоке, разрез которого на следующей странице дает сечение в перспективе (рис. 92). [288]

Пол этого коллектора был сложен из больших известняковых плит, превышающих внутреннюю ширину канала на несколько дюймов. Таким образом, внутренние швы были сведены к минимуму, и еще одна мера предосторожности была принята путем помещения плит в ванну из асфальта, который также использовался для покрытия косых каналов и основания вертикальной трубы. Низкие перпендикулярные стены, на которые должен был опираться свод, были построены по внешнему краю этих широких плит. Они были сложены из четырехдюймовых кирпичей, тщательно уложенных.

Самое примечательное в этом водостоке - конструкция свода. Кирпичи, составляющие его, имеют трапецевидную форму, два их края слегка закруглены, один вогнут, другой выпуклый. Радиус этой кривой варьируется для каждого кирпича, определяясь его местом в своде. Поэтому кирпичи идут парами, а поскольку на каждой стороне свода четыре ряда кирпичей, потребуется четыре отдельные и разные формы, кроме пятой, для кирпича, о котором мы сейчас поговорим. Четыре узкие стороны этих кирпичей заметно отличаются друг от друга. Две изогнутые грани, находящиеся на разных расстояниях от центра, имеют неодинаковую длину, а поскольку нижняя косая грань находится на несколько дюймов ниже верхней по кривой, эти две грани имеют разное направление. Не желая использовать каменные вуазуары, ассирийские строители были вынуждены формовать кирпичи очень сложной формы, и то, как они справились с этой задачей, говорит об их мастерстве.

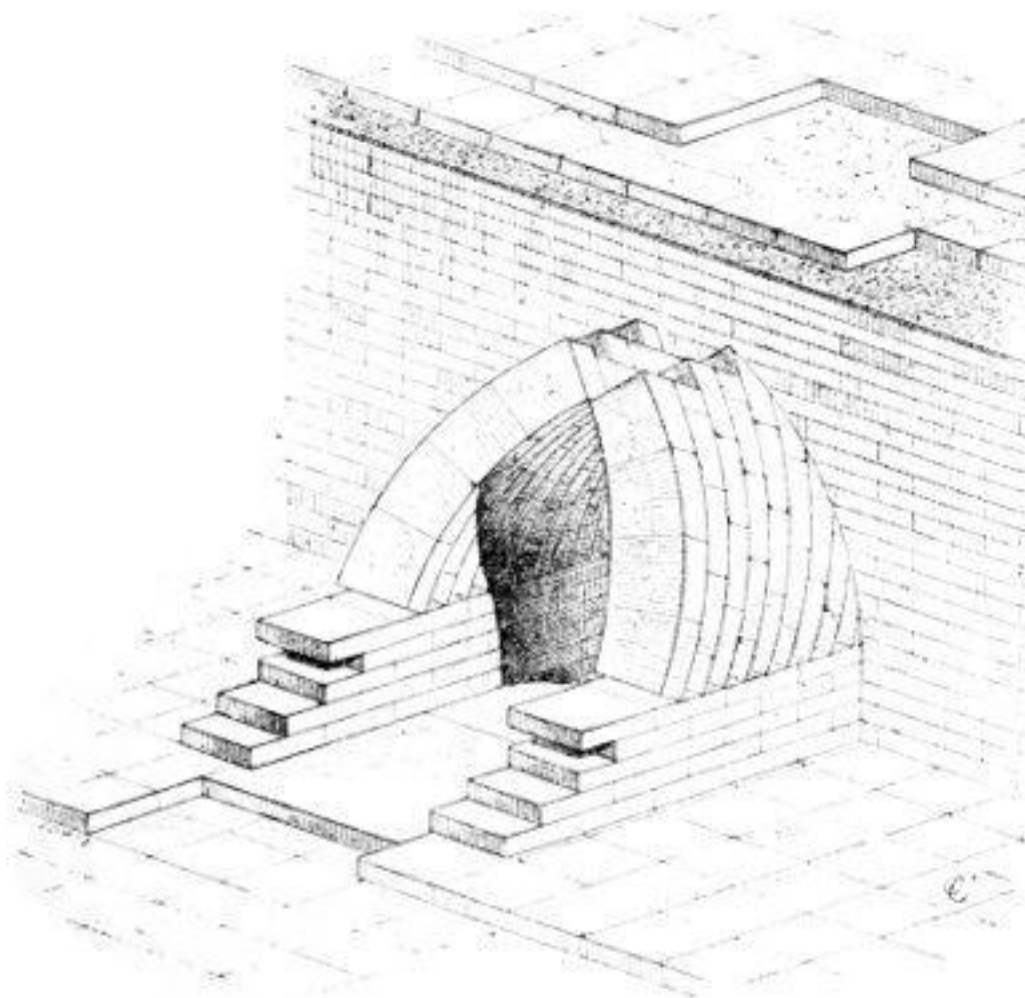

Рис. 92.- Дренаж в

Хорсабаде с остроконечной аркой. Сечение в перспективе.

Если мы бросим взгляд на [рис. 92](#), то первое, что бросается в глаза, - это отсутствие ключевого камня свода. Два ряда вуазуаров, которые находятся на виду, примыкают друг к другу только одним острым краем; между ними нет никакого краеугольного камня. Однако в ряду, расположенном сразу за ними, есть камень (на нашей иллюстрации он виден плохо), который, похоже, играет роль ключа. Таким образом, арка из жженого и формованного кирпича была завершена только в каждом следующем вертикальном ряду. Проемы, оставшиеся на вершинах других курсов, должны были быть каким-то образом заполнены, и, действительно, линия пустот, проходящая по верху экстрадо, была заполнена кирпичной землей, плотно утрамбованной и образующей лучшие ключи. Таким образом, свод был завершен и укреплен тем же материалом, который использовался для того, чтобы сделать его канал непроницаемым для воды. [\[289\]](#)

У этого свода есть еще одна странная особенность, которая поначалу очень удивляет. Вся конструкция имеет ощутимый наклон в направлении своей длины, что наводит на мысль о том, что в процессе возведения с ней произошел какой-то несчастный случай. Однако такое объяснение следует отвергнуть, поскольку в момент обнаружения вся конструкция не была повреждена, и, кроме того, заполнение глиной должно было сделать невозможным любое движение подобного рода. Объяснение М. Плейса кажется наиболее удачным. Он считает, что уклон был сделан лишь для того, чтобы облегчить работу каменщиков. Первый ряд облицовки должен был быть наклонен таким образом и опираться на какую-то массу сырцового кирпича в центре здания. Кирпичи второго ряда будут опираться на него, и их вес будет способствовать сплочению и прочности всей конструкции, вместо того чтобы быть полностью занятым добавлением к перпендикулярной тяге, а легкость, с которой они могут быть размещены без

внутренней опоры, значительно увеличится. С помощью этого простого приспособления два каменщика с рабочими могли бы возводить свод очень быстро. Можно предположить, что идея строительства таким образом никогда бы не пришла в голову ассирийским архитекторам, если бы не их привычка обходиться без деревянных центров.

Этот наклон повлиял на расположение кирпичей, на что следует обратить внимание. Во всех других хранилищах, например, в хранилищах городских ворот, блоки укладываются по самым длинным сторонам, а вертикальный разрез показывает их короткие диаметры. Здесь же, напротив, кирпичи стоят на гранях, а их самые большие поверхности соприкасаются с каждой стороны со следующим вертикальным рядом. Для того чтобы в полной мере использовать преимущества естественного сцепления кирпичей друг с другом, такой способ их укладки был абсолютно необходим.

Внутри изучаемый нами водосток имел высоту от пола до венца свода четыре фута восемь дюймов. Его ширина составляла три фута девять дюймов, а общий уклон был очень незначительным. Его общая длина составляла около 220 футов, после чего обвалы земли унесли арку и всю северную часть эспланады, так что от устья, через которое он открывался на равнину, не осталось и следа.

Другая канализация, описанная М. Плейсом, может быть отвергнута с еще большим основанием. Несмотря на чертежи и подробные описания, исследователям до сих пор не удалось объяснить эксцентричность ее конструкции. Она имеет два канала, расположенных один над другим, которые не похожи ни по наклону, ни по сечению. Более того, эта двойная канализация резко обрывается в середине искусственного кургана, через который она проходит. Должны ли мы поверить, что он так и не был достроен или использован? Мы не будем пытаться ответить на этот вопрос, а ограничимся тем, что укажем на сходство между этим туннелем и предыдущим описанным. Те же большие каменные плиты на слое битума, тот же наклон тела свода, те же кирпичи, сформированные в разных формах в соответствии с их местом в своде, встречаются в каждом из них.

На рис. 93 показаны два канала и их расположение один над другим. Покрытие террасы, состоящее из двойной кладки крупного кирпича, опирается на экстрадоски верхнего канала. Этот свод полукруглый; он имеет по три вузика с каждой стороны, что вместе с ключом составляет семь в каждом вертикальном ходе. Но в результате либо ошибки в измерениях, либо ошибки в расчете усадки кирпичей, между третьим вуассором справа и ключом образовался зазор. Этот зазор был заполнен путем вставки камня, выточенного в форме клина. Если бы не этот недостаток, который, однако, не оказал заметного влияния на прочность свода, он был бы идеальным. [290] Под ним виднеется узкое треугольное отверстие нижнего канала.

Полукруглый свод постепенно и незаметно переходит в эллиптический. Боковые стены становятся ниже, на каждом ярде их высота уменьшается на толщину кирпича, и, наконец, они исчезают примерно на середине общей длины. В точке, показанной на рис. 94, арка лишается опор и упирается прямо в мостовую канала. Ее эллипс состоит из восьми вусуаров, по четыре с каждой стороны, и ключа с небольшим клиновидным каменным вусуаром с каждой стороны. Между двумя точками, показанными на рис. 93 и 94, верхний и нижний коллекторы стали единым целым: сводчатая крыша первого и мощеный пол второго продолжают в одном тоннеле. В том месте, где этот тоннель резко заканчивается, он закрывается стеной, в которой пробиты два небольших отверстия, служащие для выхода канализационной трубы (рис. 94).

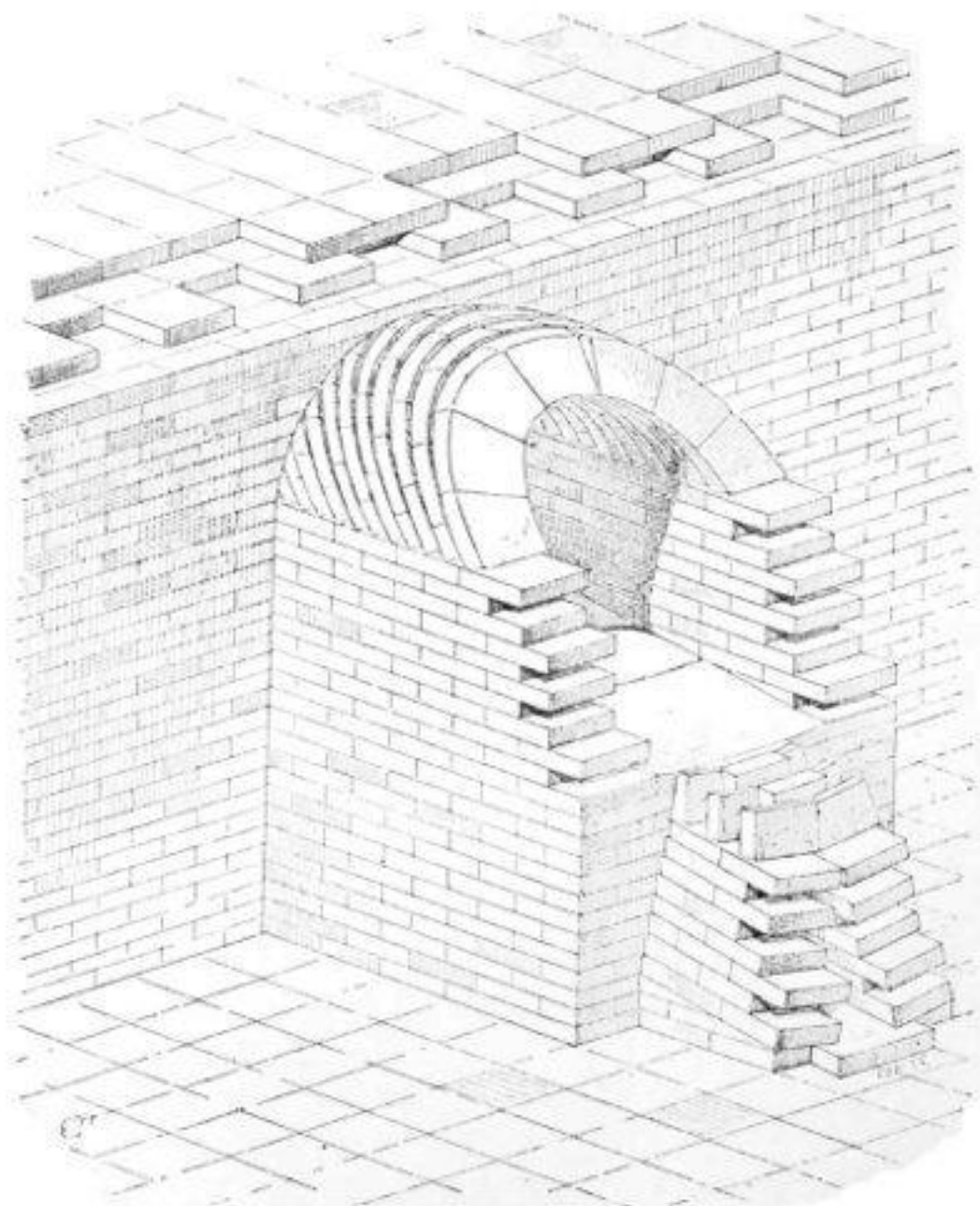

Рис. 93.

Канализация в Хорсабаде, с полукруглым сводом; составлено по материалам Place.

В разных местах Хорсабадского кургана М. Плейс обнаружил другие сточные каналы, некоторые с вдавленными, некоторые с корзинчатыми сводами, а в Нимруде были обнаружены каналы, квадратные в сечении и покрытые большими плитами из известняка. [291] Однако ассирийские архитекторы, похоже, отдавали предпочтение своду в такой ситуации. Они ожидали, что он придаст большую прочность, и в этом они не ошиблись. Своды из жженого кирпича, хотя и сложенные без цемента, остались непоколебимыми и плотными в своих соединениях, а канализационные трубы, которые они закрывают, являются единственными пустотами, сохранившимися в руинах зданий, к которым они относятся.

Рис. 94.-

Канализация в Хорсабаде, с эллиптическим сводом; составлено по материалам Place.

Возможно, нас обвинят в том, что мы слишком подробно останавливаемся на этих ассирийских сводах. Мы сделали это потому, что во всей истории архитектуры нет более интересного или более нового вопроса, чем истинное происхождение свода с ключом и различные способы его использования. Оттфрид Мюллер считал этрусков изобретателями свода; он полагал, что греческие строители узнали этот секрет от первых жителей Италии [292] и что арки римской *Клоаки Максимы*, построенные тосканскими архитекторами Тарквинами, были самыми древними из тех, что дошли до нас из античности. Археологические открытия последних пятидесяти лет необычайно опровергли его мнение и указали возраст свода, о котором раньше не подозревали. Даже во времена Древней империи египтяне, похоже, понимали его принцип; во всяком случае, архитекторы Аменофиса, Тотмеса, Рамсеса часто и умело использовали его задолго до возведения ниневийских дворцов, в которых мы его находим. [293] Но обладание камнями огромных размеров позволило египтянам в значительной степени обойтись без арки, и нас не должно удивлять, что они не смогли дать ей ничего похожего на ее полное развитие. Они держали ее на заднем плане, и хотя использовали ее при необходимости в своих гробницах, в пристройках к храмам, в частных домах и складах, они никогда не делали ее заметным элементом своей архитектурной системы. Ими можно восхищаться за величие их колоннад и великолепие их

гипостильных залов, но не за строительство их сводов, для подражания которым, к тому же, они не давали практически никаких возможностей.

В Халдее и Ассирии условия были иными. Если предположить, что архитектура этих двух стран еще не завершена, найдем ли мы в ней своды, соперничающие по возрасту с аркой в гробнице в Абидосе, которую Мариэтт относит к шестой династии? [294] Скорее всего, нет. Насколько мы можем судить, халдейская цивилизация не относится к столь отдаленному прошлому, как египетская, но представляется несомненным, что принципы свода были открыты и применены на практике халдеями задолго до сравнительно недавних времен, когда были возведены сегментные и остроконечные арки Ниневии. Последние сохранились только потому, что все эти века были скрыты под нагромождением руин зданий, к которым они принадлежали, в то время как халдейские своды уносились по частям, а их материалы снова и снова использовались современным населением Месопотамии.

Однако, несмотря на отсутствие таких прямых свидетельств, мы можем без опасений утверждать, что халдейские архитекторы вскоре открыли принцип арки и использовали его, по крайней мере, в самых простых и менее сложных формах. К этим выводам нас приводит не только ограничение их небольшими единицами строительства - ограничение, которое, несомненно, рано или поздно приведет к открытию, о котором идет речь, - но и индукция из памятников, которые мы только что изучали. Арки под висячими садами Вавилона, своды сточных канав и шлюзов, купола, покрывавшие большие квадратные палаты в ниневийских дворцах, - все это, мы можем быть уверены, было заимствовано из древней цивилизации. Мы не можем поверить, что такое совершенное мастерство в управлении сложным делом было достигнуто за один день. Чисто эмпирическое знание статики, которое оно подразумевает, могло быть накоплено только в результате долгой серии более или менее удачных экспериментов.

Только так можно объяснить легкость, с которой ассирийские строители преодолевали трудности, некоторые из которых озадачили бы современного архитектора, например, своды писе, возведенные над просторными галереями без какого-либо центрирования, и купола над квадратными камерами, для которых должна была быть придумана система пендентиев, то есть арок или других промежуточных сил, с помощью которых основание купола могло быть соединено с верхом несущей стены. Удивляет также точный расчет сил, действующих на своды, и прочности подпорных стен, ловкость, с которой варьируются и незаметно переходят одна в другую используемые кривые, мастерство, с которым искусственные материалы подготавливаются к назначенной им роли. Путем тщательной формовки и манипуляций ассирийский строитель делал свои кирпичные вуасуары такими же хорошо приспособленными для работы, как и тесаный камень в наши дни. Каждый кирпич имел свою форму и размер, так что ему заранее отводилось определенное место в своде и своя роль в обеспечении окончательной устойчивости здания. Во всем этом мы не можем не видеть результатов терпеливого и длительного процесса экспериментов и обучения, продолжавшегося на протяжении многих веков во всех мастерских Месопотамии.

Искусство возведения сводов из небольших строительных блоков было, таким образом, развито в Месопотамии дальше, чем в Египте; оно было там более откровенно развито; оно было вынуждено с большим успехом заменить камень и древесину. На самом деле в долине Тигра и Евфрата это искусство было более исконным, чем где-либо еще, более вдохновленным постоянными и неизменными условиями страны - одним словом, более национальным.

В наши дни историк с самоотверженностью прослеживает во всех ее витках длинную цепь мыслей и усилий, по которой человек прошел путь от первобытного варварства к благополучию современной цивилизации и к своему господству - с каждым днем все более полному и разумному - над незначительными силами природы. Долг критики, по мере того как ее методы постепенно совершенствуются, ежедневно повышать свою проницательность и наблюдательность и по возможности сокращать случаи, все еще столь многочисленные, когда нить доказательств рвется в ее руках и истинные отношения фактов друг к другу становятся непонятными. И все же мы не можем с уверенностью сказать, какому народу древнего мира принадлежит изобретение арки. В те далекие времена этот принцип мог быть открыт не раз и не два в разных и далеких странах, жители которых были заняты одной и той же задачей. У нас нет оснований полагать, что Халдея узнала этот секрет из Египта, а Этрурия - с Востока. Тем не менее, не менее верно, что неизвестные архитекторы Вавилона и Ниневии использовали его в полной мере в более ранний период и более разумно, чем любой из их соперников. Именно им принадлежит заслуга быть мастерами и художественными наследниками тех, кто построил Пантеон и церкви Святой Софии, Санта-Мария-дель-Фьоре и Святого Петра в Риме, и особенно тех великих современных инженеров, для которых принцип арки стал главным элементом их успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[280] *Искусство в Древнем Египте*, т. ii. стр. 82.

[281] Длина этой камеры составляет 7 футов, ширина - 3 фута 7 дюймов, высота - 5 футов. Taylor, *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 272.

[282] Страбон, xvi. 1, 5. Диодор, ii. 10.

[283] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 170-182 и 256-259, vol. iii. plates 9-18.

[284] Place, *Ninive*, vol. iii. plate 2.

[285] Place, *Ninive*, vol. i. p. 128.

[286] Layard, *Nineveh*, vol. i. p. 134; vol. ii. pp. 79 and 261. *Discoveries*, pp. 162-165.

[287] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 269-280 и таблички 38 и 39.

[288] Мы попытались объединить продольный разрез, вертикальный разрез и поперечный разрез М. Томаса (Place, *Ninive*, plate 38) в нашем едином разрезе.

[289] Тот же процесс был использован в Нимруде в дренажном или водном канале, эскиз которого приводит Лейард (*Discoveries*, p. 164). В связи с этими сводами мы должны помнить, что у остроконечной арки, собственно говоря, нет ключа; верхний камень - это всего лишь стык. Похоже, что ассирийский архитектор инстинктивно осознавал этот факт.

[290] Наклон, высота и ширина этого канала не везде одинаковы. В некоторых местах он достаточно широк, чтобы по нему могли пройти два человека в одну сторону.

[291] Layard, *Nineveh*, vol. i. p. 79.

[292] Ottfried Müller, *Handbuch der Archäologie der Kunst*, § 107 и 168 (3-е издание).

[293] *Искусство в Древнем Египте*, т. I. с. 112 и т. II. гл. II. § 4.

[294] *Ibid.* vol. ii. fig. 44.

§ 6. Второстепенные формы.

(Двери, окна, стелы, алтари, обелиски, лепнина).

Мы были вынуждены подробно остановиться на арке и колонне, потому что эти два элемента конструкции имеют наибольшее значение для всех, кто хочет получить истинное представление о месопотамском искусстве и его влиянии на соседние народы и на последующие развития архитектуры. С другой стороны, нам почти нечего сказать о том, что, говоря о египетском искусстве, мы называли *вторичными формами*. [295]

Мы уже имели возможность говорить о некоторых из них, таких как окна и двери. Мы объяснили, как природа материалов и жаркий климат заставили архитектора практически подавить первые, а вторым, напротив, придать экстравагантные размеры. Именно к двери в основном и обращались комнаты в поисках света и воздуха, без которых нельзя было полностью обойтись. Теперь нам предстоит рассказать несколько подробностей о том, как эти большие проемы были устроены в стенах, обрамлявших их. Что касается основных декоративных элементов - или лепнины, чтобы дать им правильное название, - то их список очень короток. Однако мы найдем их в некотором разнообразии в ряде небольших памятников, которые заслуживают, возможно, большего внимания, чем они еще получили - мы имеем в виду алтари, стелы и те объекты, которым с некоторой неточностью было дано название *obelisks*. Некоторые из этих объектов не лишены изящества и служат доказательством того, что халдеям и ассирийцам не хватало ни вкуса, ни изобретательности, но поощрения, которое дало бы их гению обладание благородным материалом.

Дверные проемы, по-видимому, обычно венчались кирпичным архивольтом; круглоголовые двери встречаются на барельефах чаще других, но нередки и прямоугольные (см. [рис. 43](#)). В последнем случае перемычка должна была быть деревянной, металлической или каменной. Бронзовые и деревянные перемычки, естественно, исчезли, а каменные были найдены исследователями лишь в одном случае, а именно у входа в зал во дворце Сеннахериба, обнаруженного Джорджем Смитом ([рис. 95](#)). Она представляет собой блок из известняка с богатой резьбой. Скульптуры сильно поизносились, но их мотивы и прочное исполнение по-прежнему вызывают восхищение. Два крылатых дракона с длинными шеями, сложенными наподобие лебединых, обращены друг к другу, узкое пространство между ними занимает большая двуручная ваза. Над ними проходит полоса резной листвы, детали которой теряются в тени, отбрасываемой выступающим карнизом вдоль верхней части перемычки. [296] Следует обратить внимание на ожерелье вокруг горла правого дракона.

Удивительно, что каменные перемычки встречаются так редко, тем более что соответствующая деталь, если ее можно так назвать, а именно подоконник или порог, обычно была из известняка или алебаstra, по крайней мере в более важных и богато декорированных помещениях.

Рис. 95.

Декорированная перемычка длиной 6 сантиметров и высотой 10 дюймов. Британский музей.

Исследование ассирийских дворцов позволило выявить три системы напольных покрытий: битая земля, кирпичные мостовые и мостовые из известняковых плит. [297] Во дворце Саргона почти

все помещения, кроме гарема, имели пол из битой земли, как в доме современного феллаха. Даже залы, в которых роспись и скульптурное убранство были наиболее роскошными, не были исключением из этого правила. Однако в этом нет ничего удивительного для тех, кто жил на Востоке: как и турки, арабы и персы нашего времени, халдеи и ассирийцы были обуты, за исключением тех случаев, когда они сражались или охотились, в *бабуши* или сандалии, которые так часто изображены на барельефах. Их обязательно снимали, как и сегодня, перед входом в храм, дворец или гарем. Моисей должен был снять обувь, прежде чем подойти к горящему кусту, потому что место, на котором он стоял, было священным. В домах их богов, царей и богачей пол был покрыт теми богатыми коврами и циновками, которые от одного конца Востока до другого скрывают от глаз полы из белого дерева или выбитой земли. Летом циновки свежи и приятны для босых ног, зимой ковры мягкие и теплые. Сами полы почти никогда не видны, так что не стоит удивляться тому, что они остались без украшений. Так же, по всей вероятности, было во дворцах Саргона и других царей, а также в священных зданиях.

В других местах, однако, мы находим мостовые, построенные с особой тщательностью и состоящие из трех отдельных частей - двух слоев крупных кирпичей с толстым слоем песка между ними. Нижний слой кирпичей уложен на слой битума, который отделяет его от земли и не позволяет сырости проникать ни вверх, ни вниз. Такая система укладки использовалась в большинстве покоев гарема в Хорсабаде, а также в открытых дворах и на террасах. Наконец, в некоторых помещениях сераля и гарема, в нескольких дворах, в вестибюлях, перед воротами города и на дорожках через открытые пространства было найдено известняковое покрытие. Везде, где есть это покрытие, камни одного вида и уложены одинаково. Известняк точно такой же, как в подпорных стенах, описанных на странице [147](#). Камни часто имеют площадь более трех футов и толщину от двух футов шести дюймов до двух футов десяти дюймов. По форме они не похожи на обычный массив; они скорее напоминают перевернутый конус, основание которого образует мостовую, а узкий конец заглублен в землю. Эти камни просто укладывались рядом друг с другом без использования раствора или цемента, но их вес и особая форма придавали необычайную прочность мостовой, для которой они использовались.

Большинство порогов относятся именно к этому классу. А в Ассирии, где дверные проемы были глубиной в несколько ярдов и шириной в два-три, эти пороги в действительности служили мостовыми для проходов или даже камер. [\[298\]](#)

Материалы для этих тротуаров всегда отличались от материалов полов по обе стороны от них. При входе в вымощенные кирпичом дворы использовались крупные камни, а в проходах между комнатами на полу лежали битые земляные кирпичи. Каменные пороги были в основном алебастровыми, как и скульптурные плиты на стенах камер. Как правило, они были цельными, несмотря на большую площадь, иногда достигавшую десяти-одиннадцати квадратных ярдов. В проемах, обрамленных крылатыми быками, на подоконниках были высечены надписи, которые в других местах встречались сравнительно редко. Иногда вместо клиньев мы видим богатый и сложный орнамент, состоящий из геометрических форм, условной листвы и цветов; фигуры людей и животных никогда не вводятся. Такое расположение было в лучшем вкусе, чем мозаичные пороги римлян, где люди изображались в виде картин, предназначенных для того, чтобы их топтали ногами. Ассирийский резчик, несомненно, брал свои эскизы с ковров в прилегающих палатах.

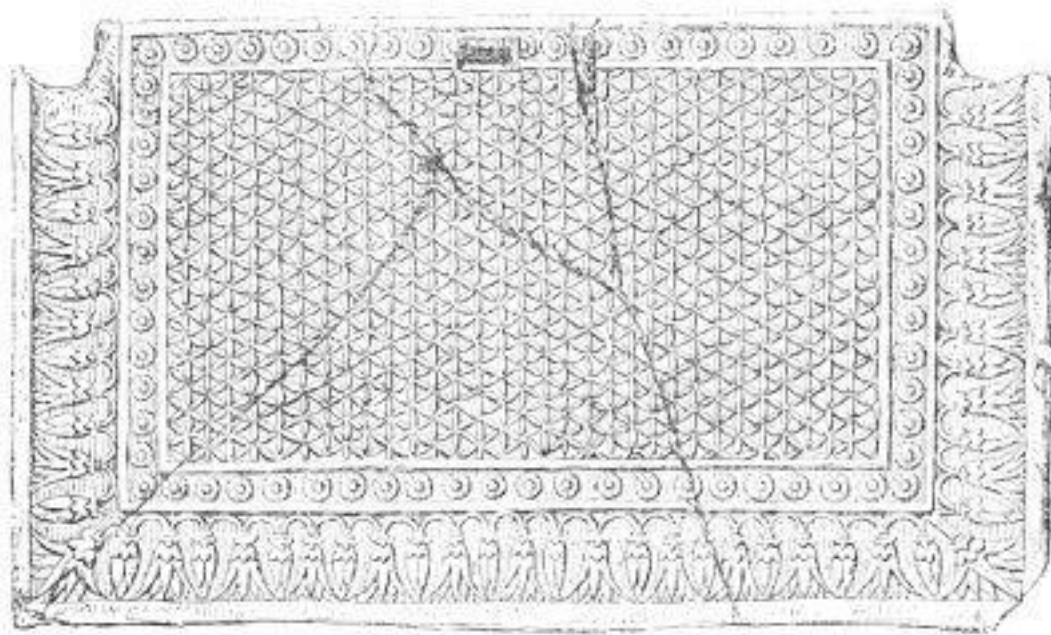

Рис. 96.- Порог

двери, из Хорсабада. Лувр. Длина 40 дюймов. Рисунок Бургуана. [299]

Хорошее представление об этих узорах можно составить по изображенной ниже плите. В центре расположен ряд переплетающихся кругов, свидетельствующих о немалом мастерстве орнаментатора. Бордюр из чередующихся закрытых и раскрытых цветков лотоса отделен от центра полосой из розочек. Все это отличается продуманностью и строгим вкусом. Следует обратить внимание на выемки в углах, где располагались шарниры дверей, а также на прорезь для нижнего засова двери около центра. Эти детали доказывают, что в данном случае дверь была двойной. В других случаях отсутствие прорези и наличие только одного отверстия для шарнира свидетельствуют о том, что использовались и одинарные двери. [300] Двери всегда открывались внутрь, прислоняясь либо к бокам входа, либо к стенам камеры.

Многие из этих порогов не имеют признаков шарнира на ни в одном из углов, из чего можно сделать вывод, что многие проемы оставались без дверей и могли закрываться только подвесными коврами или циновками, которые так охотно используются в жарких странах.

В очень величественных зданиях металлические пороги иногда заменяли каменные или кирпичные. В Британском музее хранится огромный бронзовый порог, который был найден в разрушенном храме в Борсиппе г-ном Рассамом. Его крайняя длина составляет шестьдесят дюймов, ширина - двадцать, а толщина - около трех с половиной дюймов. На нем есть надпись Навуходоносора, расположение которой доказывает, что в законченном виде подоконник был вдвое длиннее, чем сейчас, или около десяти футов. Его верхняя поверхность украшена крупными розетками в квадратных рамках. Нет нужды говорить о том, что он представляет собой цельную отливку и что его вес, следовательно, отнюдь не пустяковый. И те, кто его устанавливал, и те, кто его отливал, наверняка прекрасно понимали, что они делают. Даже сейчас, как нам говорят, последняя операция была бы сопряжена с некоторыми трудностями. [301]

Литейщики, изготовившие эту отливку, не могли испытывать трудностей с другими частями дверной коробки, и у нас нет причин сомневаться в утверждении Геродота, который так заканчивает свой рассказ о том, как были построены стены Вавилона: "В стенах было сто ворот, все из бронзы; их косяки и перемычки были из того же материала". [302]

Эти перемычки и косяки должны были быть, как и порог Борсиппы, из массивной бронзы, иначе они вскоре были бы раздавлены тем весом, который должны были поддерживать. С другой

стороны, если бы сами двери были целиком из этого металла, их было бы очень трудно, а то и невозможно повернуть на петлях, особенно в случае городских ворот, подобных тем, о которых только что шла речь. Поэтому вполне вероятно, что они были деревянными, покрытыми и скрытыми пластинами из бронзы. Геродот действительно рассказывает о том, что видел, как правдивый и умный свидетель, но он не был археологом, и ему не пришло в голову, когда он вошел в знаменитый город, ставший целью его путешествий, пощупать блестящий металл и выяснить, сколько в нем твердого, а сколько просто брони для более мягкой субстанции позади.

По фрагментам, найденным в Хорсабаде, М. Плейс уже догадался, что ассирийцы покрывали доски своих дверей бронзовыми пластинами, но все сомнения по этому поводу были устранены недавним открытием, которое раз и навсегда доказало, что искусство в конечном итоге выиграло от того, что сначала было не более чем защитой от непогоды и других причин порчи. В 1878 году г-н Ормузд Рассам, соратник сэра Генри Лэйарда, в ходе раскопок в Ассирии для Британского музея обнаружил металлические ленты, покрытые рельефами, на которых было написано имя Шалманесера III (895-825). (895-825). Местом находки стал Балават, искусственный курган примерно в пятнадцать миль к востоку от Моссула. [303] Как только эти полосы были исследованы в Лондоне компетентными археологами, их признали принадлежащими створкам деревянной двери, высота которой должна была составлять почти двадцать семь футов, а толщина - около трех дюймов. Последний размер был определен по длине гвоздей, которыми были прибиты полосы. С одного конца эти полосы сгибались молотком вокруг шарнира, к которому крепилась каждая половина двери. Эти шарниры, судя по бронзовым ножкам, в которые они были "вделаны", были около двенадцати дюймов в диаметре.

По их форме легко понять, как крепились эти ножки и как они выполняли свою работу (рис. 97). Острие конуса вставлялось в полое гнездо, подготовленное для него в блоке, вырезанном из самого твердого камня, который только можно было найти. Такой материал лучше противостоит трению и лучше полируется, чем кирпич, поэтому он был одновременно более прочным и менее прочным. Гнезда из кремня, базальта, трахита и других вулканических пород были найдены в большом количестве как в Ассирии, так и в Халдее. [304] В углублениях этих гнезд нередко случаи использования кирпича, [305] , однако то и дело обнаруживаются зеленоватые следы, оставленные длительным контактом металла. [306]

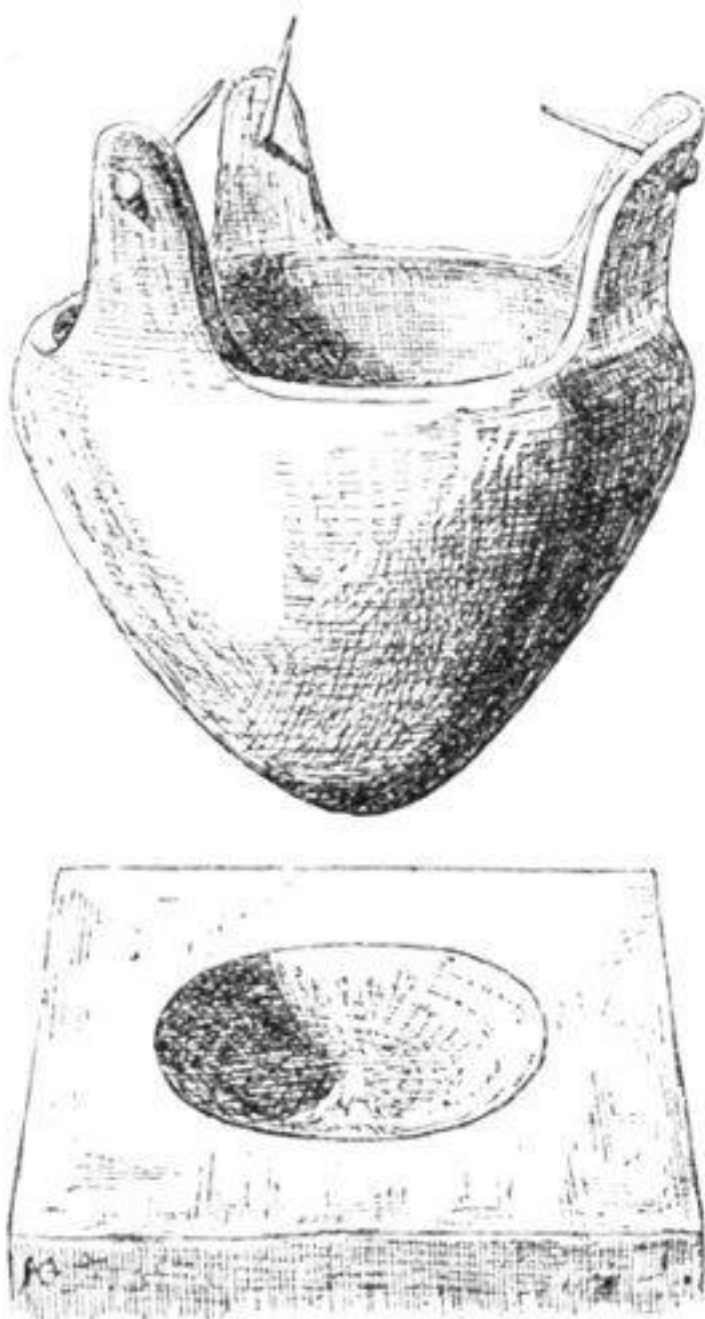

Рис. 97. Бронзовая ножка из ворот

Балавата и ее гнездо. [307] Британский музей.

Для фиксации шарниров дверей и обеспечения их легкого поворота использовался не один метод. Сэр Генри Лэйард привез из Нимруда четыре тяжелых бронзовых кольца, которые, должно быть, использовались для дополнения этих полых гнезд. [308] Так или иначе, бронза занимала очень важное место в дверной архитектуре ассирийцев. В тех случаях, когда она не снабжала дверную коробку и не украшала ее створки, она, по крайней мере, использовалась для крепления последних и для того, чтобы они могли поворачиваться.

В ассирийских фасадах двери имели гораздо большее значение, чем в тех архитектурных стилях, в которых стены разбиты многочисленными проемами. Их огромные размеры, богатый и разнообразный орнамент, важные фигуры в высоком рельефе, которыми были украшены стены вокруг них, торжественные оттенки бронзы, освещенные то тут, то там блеском золота, живые цвета эмалированных кирпичей, составлявших их архивольты, и, наконец, контраст между голыми и сверкающими стенами по обе стороны и их глубинами тени - все это в совокупности

акцентировать внимание на дверных проемах и дать то облегчение монотонности стен, в котором они так нуждались. Ведь ассирийская лепнина еще беднее, чем египетская. Мягкость сырцового кирпича, хрупкая твердость жженого кирпича не располагают к тем тонким изгибам, с помощью которых искусный архитектор стремится нарушить однообразие фасада и придать игру света и тени, составляющую красоту греческого или флорентийского карниза.

Единственные лепные украшения, встречающиеся в Ассирии, были найдены на нескольких зданиях или частях зданий, в которых использовался камень. В качестве примера можно привести подпорную стену небольшого изолированного строения, раскопанного Боттой у западного угла кургана Хорсабад, который, по его мнению, был храмом. [309] Стена построена из твердого серого известняка, блоки уложены поочередно в качестве растяжек и оголовков. Стена завершена цоколем, штампом и карнизом (рис. 98 и 99). Последний представляет собой настоящий карниз, состоящий из небольшого тора или бусины, скотии и филенки. Элементы те же, что и в египетском карнизе, за исключением профиля полого элемента, который здесь является *скотией*, а в Египте - *каветтой*, говоря языком современных архитекторов. Египетская лепнина одновременно смелее и проще, а вертикальные желобки, вырезанные на ее поверхности, придают ей богатый и убранный вид, которого нет у ее ассирийской соперницы. [310]

Еще один пример ассирийской лепнины мы видим на крылатом сфинксе, найденном Лэйярдом в Нимруде (рис. 85), - сфинксе, который нес на спине колонну. В разрезе эту лепнину можно сравнить с большой *скотией*, разделенной *тором* на две *пещеры*. Его эффект не радует. У ассирийцев было слишком мало опыта в камнеобработке, чтобы они могли выбрать наиболее удачные пропорции и профили для лепнины.

Можно также отметить антаблементы на небольших павильонах, изображенных на рис. 41 и 42. Им сильно не хватает изящества; в одном из них, особенно в том, что показан на рис. 42, надстройка очень тяжела по сравнению с самим маленьким храмом и его колоннами.

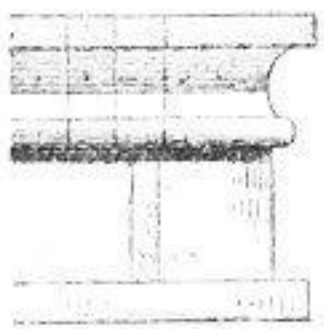
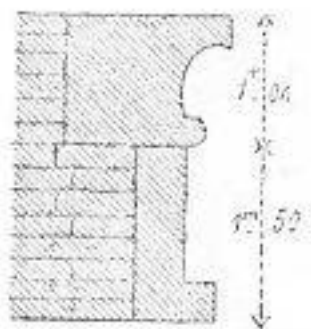

Рис. 98, 99 -

Ассирийская лепнина. Сечение и высота; из Ботта.

Единственная лепнина, если ее можно так назвать, заимствованная Ассирией из Халдеи и широко используемая в обеих странах, - это кирпичная. Лофтус был первым, кто указал на это. Он обнаружил его в разрушенном здании, несомненно, древнем храме, расположенном в окрестностях Варки и называемом туземцами *Вусвас*. Вот его описание: "В нижней части здания находятся группы из семи полуколонн, повторенных семь раз, - самые грубые из когда-либо воздвигнутых, но построенные из формованных полукруглых кирпичей и надежно прикрепленные к стене. Полное отсутствие карниза, капители, базы или уменьшения валов, столь характерных для других колонн архитектуры, и своеобразное и оригинальное расположение каждой группы рядами, как пальмовые бревна, наводят на мысль о типе, из которого они возникли." [311]

Со свойственной ему проницательностью Лофтус определяет и объясняет происхождение этих форм. По его мнению, идея была навеяна пальмовыми стволами, которые использовались в деревянных конструкциях или в глинобитных стенах через равные промежутки. В любом случае половина их толщины была бы видна снаружи, и, естественно, вызвала бы подражание со стороны архитекторов, ищущих украшение для лысых граней своих глиняных конструкций. [312]

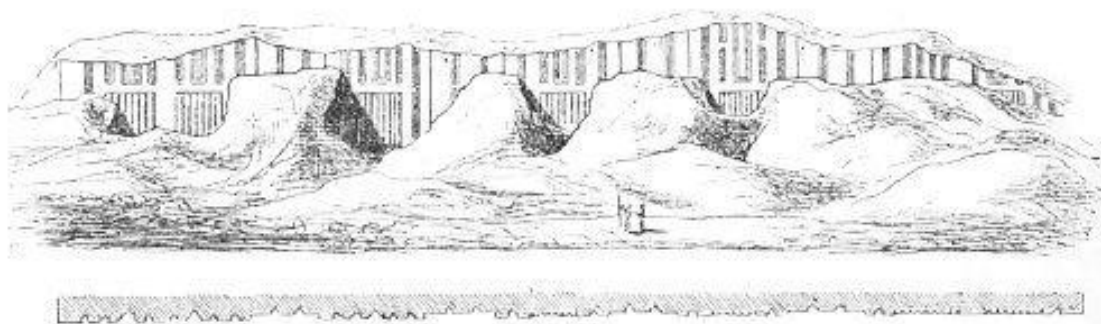

Рис. 100.- Фасад

разрушенного здания в Варке; из Лофтуса.

Что касается полученного таким образом эффекта, то по грубому эскизу, приведенному Лофтусом, мы вряд ли можем судить об этом (см. [рис. 100](#)). Из Ассирии, однако, пришли лучшие материалы для суждения. Там мы часто находим эти перпендикулярные ребра, обычно в группах по семь штук, в зданиях, которые были тщательно изучены и проиллюстрированы в достаточном масштабе. Мы приводим пример с одних из ворот гарема в Хорсабаде ([рис. 101](#)), на котором сразу видно, что эти огромные вертикальные тростники с их игрой света и тени и счастливым контрастом, который они создают между собой и блестящими оттенками окрашенных стен и эмалированных кирпичей, представляли собой декоративный мотив немалой ценности. Все это имело определенное элегантное богатство, которое вряд ли можно оценить без восстановления оригинальной композиции во всех линиях и оттенках.

И в Варке, и в гареме Хорсабада эти вертикальные ребра сопровождаются другим орнаментом, который, возможно, использовался еще чаще. Мы имеем в виду длинные перпендикулярные желобки, прямоугольные в сечении, которыми были заделаны ассирийские и халдейские стены. В стене гарема эти канавки обрамляют группу вертикальных тростников справа и слева, разделяя каждую из угловых опор на две квазипилестры. В Варке они появляются в более высокой части фасада, над группами полуколонн. Они служат для выделения серии панелей, из которых сохранились только нижние части. Недостающие части декора можно легко восполнить, немного изучив ассирийские останки. Четыре стороны здания в Хорсабаде, названного М. Плейсом *обсерваторией*, украшены единообразно. Об общем эффекте можно судить по нашей реставрации одного угла. Архитектор не ограничился украшением стены только этими бороздками; он разделил ее на чередующиеся отсеки, один из которых выступал вперед, а другой отходил назад, и на этих отсеках он провел длинные линии своего декора. Эти изменения поверхности в значительной степени помогали создать разнообразную игру света и тени, от которой архитектор зависел для облегчения голых масс своих стен. Самым обычным рабочим можно было доверить выполнение декора, который заключался лишь в повторении через определенные интервалы столь простой формы, какую только можно себе представить, а на языке искусства, как и на языке риторики, нет фигуры более эффективной на своем месте, чем повторение.

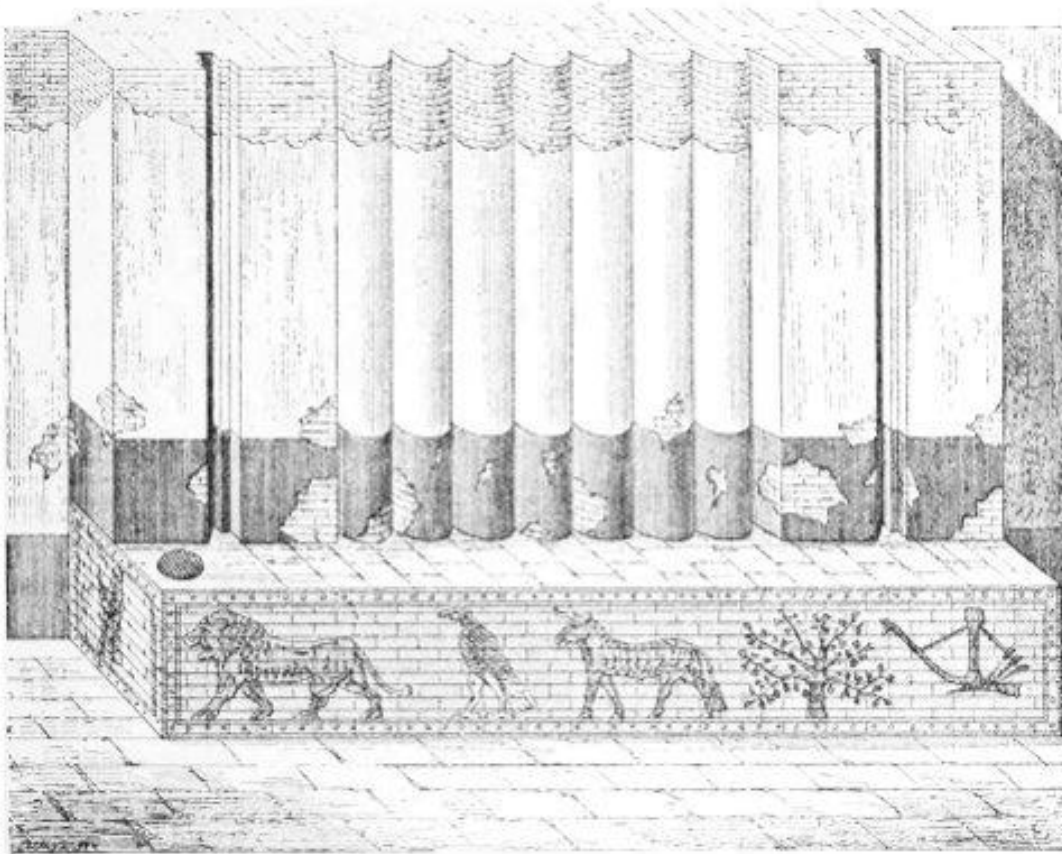

Рис. 101.-

Украшение одних из ворот гарема в Хорсабаде; составлено по материалам Place.

Необходимость в чем-то, нарушающем монотонность кирпичной архитектуры, ощущалась постоянно, и в те парфянские и сасанидские периоды, когда, как мы уже говорили, традиции старой халдейской школы были продолжены, мы видим, что панели заменены настенными аркадами, в которых арки отделены друг от друга высокими пилястрами. В целом принцип и замысел этих двух способов декорирования идентичны.

Египетский архитектор прибегал к тому же мотиву, во-первых, в гробницах Древней империи для украшения стен камер в мастабах, во-вторых, для рельефа больших кирпичных поверхностей. Сходство с месопотамскими работами иногда очень велико. [313]

Мы объяснили эту форму одним из переносов, столь частых в истории архитектуры, а именно переносом мотивов из плотницкого дела в кирпичную и каменную кладку. [314] В первом случае проемы, оставленные в каркасе, постепенно заполняются, и эти дополнения, в силу самой природы их материалов, чаще всего принимают форму панелей. Пазы, определяющие панели в кирпичных или каменных зданиях, представляют собой промежутки, оставленные плотником между досками и балками. Они также легко получались на гладких поверхностях балок, соприкасающихся друг с другом, либо с помощью желобка, либо другого инструмента, способного врезаться в дерево. Мы можем с уверенностью утверждать, что в Халдее и Ассирии, как и в Египте, именно в плотницком деле зародился рассматриваемый мотив.

С другой стороны, если существует форма, которая непосредственно вытекает из системы строительства, в которой она используется, то такой формой является крендель, которым, по-видимому, венчалось каждое здание в Месопотамии. [315]

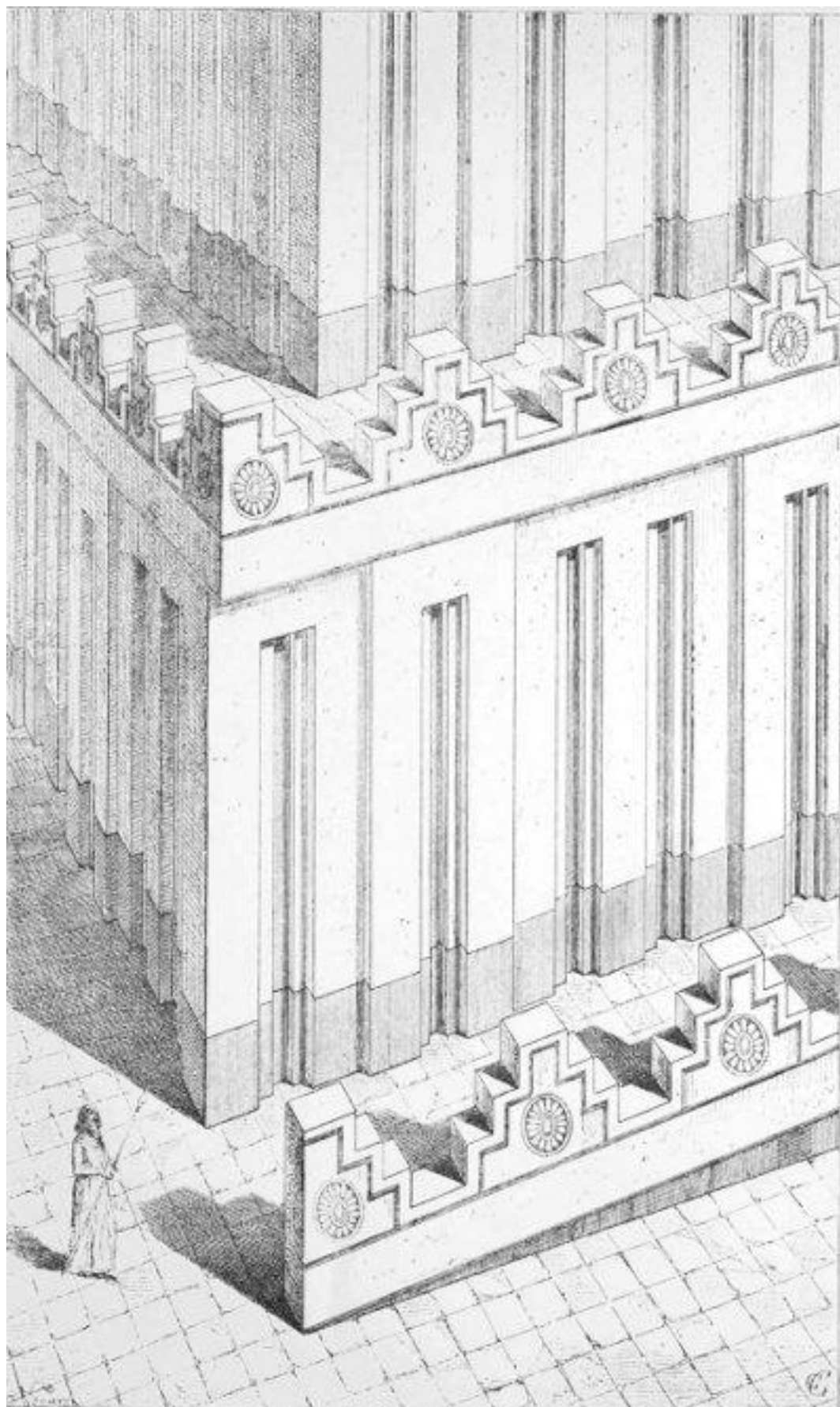

Рис. 102.- Вид угла

обсерватории в Хорсабаде; составлено по материалам Place.

Ассирийская кирпичная кладка, в которой было реализовано так много грандиозных проектов, состоит из блоков одного размера, скрепленных простым чередованием швов. Если нижний ряд

состоит из двух целых кирпичей, то вышележащий - из одного целого кирпича, с обеих сторон скрепленного половинкой кирпича. Ассирийская стена или здание состоит из бесконечного повторения этой единственной фигуры. Каждый целый кирпич лежит на стыке между двумя другими, и каждая перпендикулярная стена, включая парапет или бастион, возведена по этой системе.

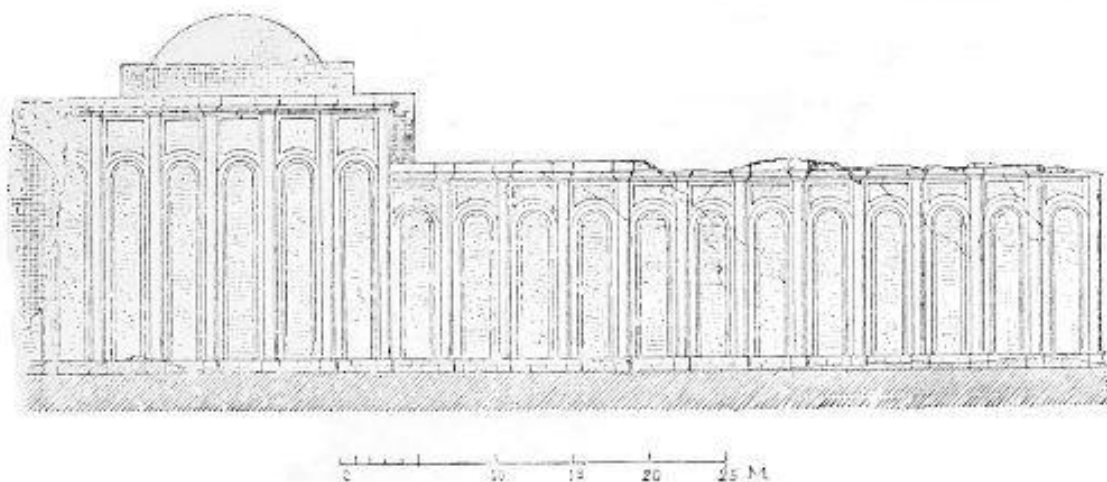

Рис. 103.-

Боковой фасад дворца в Фируз-Абаде; из Flandin and Coste.

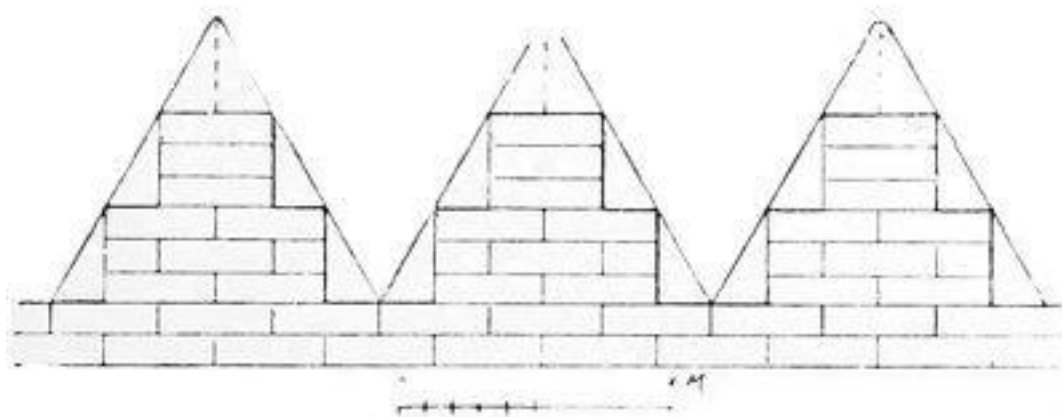

Рис. 104.- Боевые

элементы ассирийского дворца.

Эта связь не только не изменяет кренеллы, но и регулирует их форму, размеры и распределение. Кренуляции дворцовых стен состоят из двух прямоугольных массивов, неравных по размеру, поставленных один на другой. Нижний массив имеет длину в два кирпича, или около тридцати двух дюймов, ширину и толщину в три кирпича, или около четырнадцати дюймов, высоту. Верхняя масса равна нижней по высоте, а ее ширина равна длине одного кирпича, или шестнадцати дюймам. Таким образом, общая высота батискафа, от двадцати восьми до двадцати девяти дюймов, делится на две массы, одна из которых вдвое больше другой (см. [рис. 104](#)). Все бойницы одинаковы, и между каждой парой есть пустота, которая представляет собой не что иное, как пространство, которое занимала бы перевернутая бойница. Заполните это пространство необходимыми кирпичами, и будет восстановлен участок стены, идентичный по связям с тем, что находится под бойницами, за тем лишь исключением, что самый высокий блок бойницы, шириной всего в один кирпич, образуется путем укладки трех целых кирпичей один на другой.

Описанные нами кренелиты - это кренелиты подпорных стен дворца Саргона в Хорсабаде. *Обсерватория* несколько отличается тем, что имеет три этажа вместо двух (рис. 105). Самый нижний - шириной в три кирпича, второй - в три, самый верхний - в два. Высота каждого из них - три кирпича. Почему высота этих башен превысила высоту королевского дворца? На этот вопрос можно легко ответить. Кренуляции обсерватории предназначались для гораздо более возвышенного положения, чем дворцовые. Основание первого памятника возвышалось на 144 фута над вершиной искусственного холма, на котором он был установлен; общая высота составляла около 190 футов, то есть высота, на которой обычные крепостные стены, особенно когда они по большей части не имели ничего, кроме лица более высоких этажей для защиты, были бы практически невидимы.

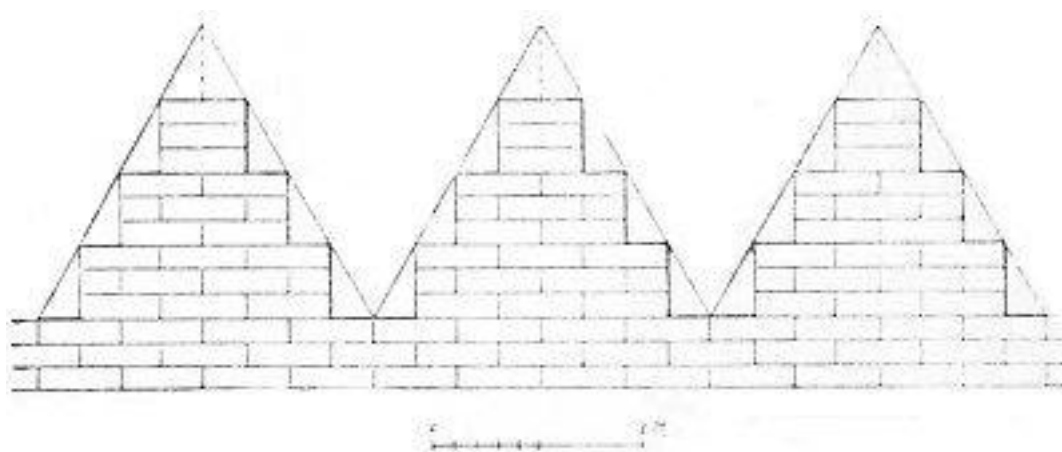

Рис. 105.- Боевые

сооружения Хорсабадской обсерватории.

Независимо от того, состояла ли она из двух или трех ступеней, она всегда была вписана в равнобедренный треугольник; более того, когда добавлялся третий этаж, высота и ширина у основания увеличивались в одинаковых пропорциях. М. Плейс делает большой акцент на этом треугольнике. Он заставляет его срезать верхние углы каждого из наложенных прямоугольников, как это сделано на наших рис. 104 и 105, и отмечает, что такой процесс дает очертания, похожие на очертания палисада, разрезанного на точки в его вершине, - мера предосторожности, которая часто принимается, чтобы затруднить эскаладу такого препятствия, и М. Плейс склоняется к мысли, что идея этих кренделей была подсказана деревянным палисадом, а последовательность прямоугольников была заменена на треугольник, чтобы соответствовать особым условиям нового материала. Однако нам кажется, что для объяснения этих форм вряд ли стоит возвращаться к деталям деревянного строительства. На барельефах мы не находим никаких признаков палисадов с шипами М. Пляса. Ограждения месопотамских полей должны были состоять из стволов пальм и крепкого тростника; вряд ли доски могли быть срублены из местных деревьев. Более того, каменщики и кирпичники видели, как формы этих крепостных сооружений повторялись их рукой каждый миг. Каждый раз, когда они начинали новую кладку, первый кирпич, который они клали на стык между двумя блоками нижележащей кладки, был первым шагом на пути к батальону. Декор, полученный с помощью этих башен, не был пережитком предыдущей формы, он был естественным следствием фундаментального принципа ассирийского строительства.

Считается, что некоторые здания, представленные на барельефах, имеют треугольную зубчатую форму вместо бойниц, изображенных на последней странице; [317], и в самом деле, на рельефах есть примеры стен с зубчатой формой, как у палисада (см. рис. 38), но, как нам кажется, их не следует воспринимать буквально. В большинстве случаев резец старался показать реальные формы бойниц (рис. 42), но в некоторых случаях, как в этом, он довольствовался их

изображением в виде зигзагов. В некоторых случаях мы можем указать на изображение в камне, которое образует переход между двумя формами, например, на [рис. 41](#). Такая аббревиатура объясняет сама себя. На самом деле, это не более чем имитация реального вида прямоугольных башен при взгляде издали. [\[318\]](#)

Архитектор не стал довольствоваться простой игрой света и тени, которую дают эти бастиионы. Он придал им небольшое возвышение над фасадом и многоцветный декор. Примерно на три фута ниже основания кренделей лицевая сторона стены была выдвинута вперед на дюйм или два, так что сами крендели и примерно восемь или десять курсов кирпича под ними нависали над фасадом на это расстояние, образуя своего рода рудиментарный карниз (см. [рис. 106](#)). В очень сложных постройках между башенками и этим карнизом вставляли эмалированные кирпичи. Они были украшены белыми розетками разных размеров на синем фоне. Исследователи Хорсабада встретили множество фрагментов этих кирпичей и несколько целых в кучах мусора у подножия внешних стен. Их положение доказывает, что они происходили из верхней части стен, и в целом мы можем принять реставрацию М. Томаса, заимствованную нами из работы М. Плейса, как достаточно обоснованную ([рис. 106](#)). [\[319\]](#)

Этот способ увенчания стены может показаться бедным по сравнению с греческим карнизом или даже с египетским, но, учитывая материалы, с которыми ему приходилось работать, он делает честь архитектору. Длинная полоса тени у вершины фасада, полосы блестящего цветного орнамента над ним, богатая игра света и тени среди башен, все это разряжено на фоне блестящей синевы восточного неба, должно быть, производило прекрасный эффект. Однообразие, от которого он страдал, было недостатком, характерным для месопотамской архитектуры в целом, и неотделимым от отсутствия или сравнительного неиспользования камня. Но в деталях, которые мы изучали, мы находим еще одну иллюстрацию мастерства, с которым эти люди справились, если можно так выразиться, пороки материи, и путем честного использования своих материалов и настаивания на тех горизонтальных и перпендикулярных линиях, которые они лучше всего могли дать, развили из нее архитектуру, которая доказала, что они обладали настоящим гением искусства.

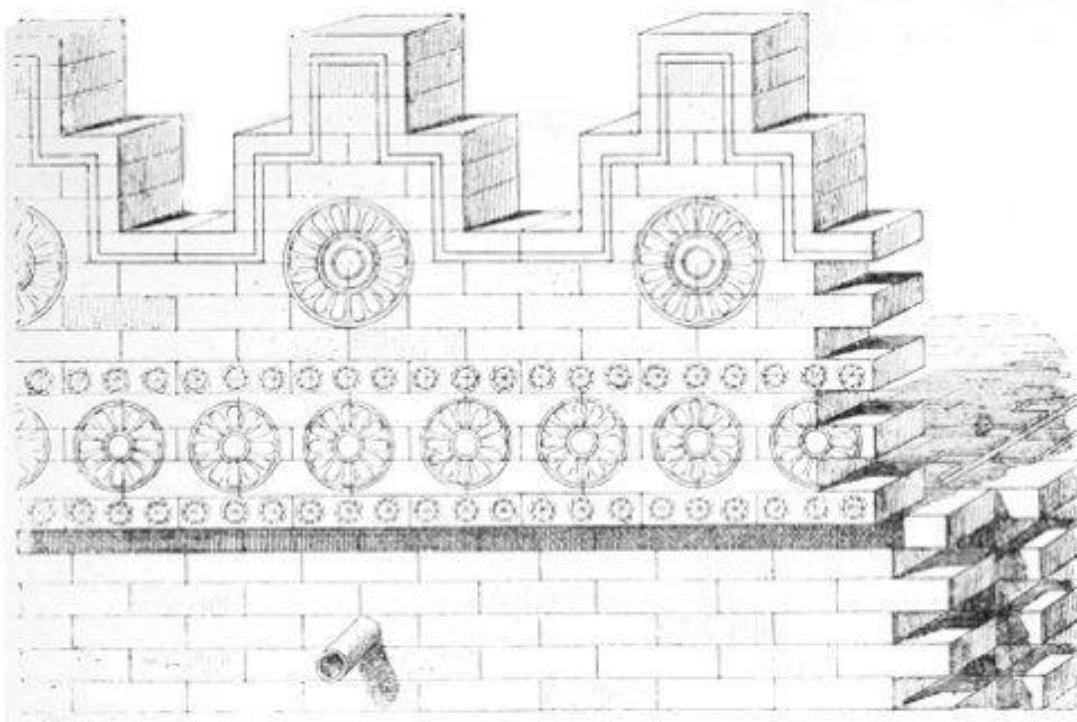

Рис. 106.-

Боевые элементы дворца Саргона в Хорсабаде; составлено по материалам Place.

Ассирийцы, похоже, были настолько довольны этими кренелями, что помещали их на такие

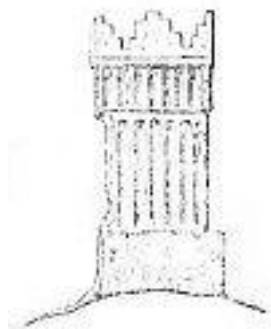

Рис. 107.- Алтарь; из Роулинсона.

мелочи, как стелы и алтари. В одном из Кюнджикских рельефов (рис. 42) есть небольшой объект - павильон или алтарь, его точный характер не очень ясно показан, - который увенчан таким образом. Другой пример можно найти на барельефе из Хорсабада (рис. 107).

Таким образом, мы переходим к теме алтарей. Они достаточно разнообразны по форме. На барельефе из Кюнджика (рис. 42) мы видим те формы четырех углов, которые были скопированы народами Средиземноморья и привели к выражению "рога алтаря". На Хорсабадском рельефе (рис. 107) рельеф этих рогов менее заметен. С другой стороны, плашка или дадо под ними рифленая. Другой алтарь, привезенный из Хорсабада в Лувр, имеет совершенно иную форму (рис. 108). Он треугольный в плане. Над цоколем с пологим уступом возвышается сам алтарь, поддерживаемый под каждым углом лапой льва. Стол круглый, украшенный по краю клинописью.

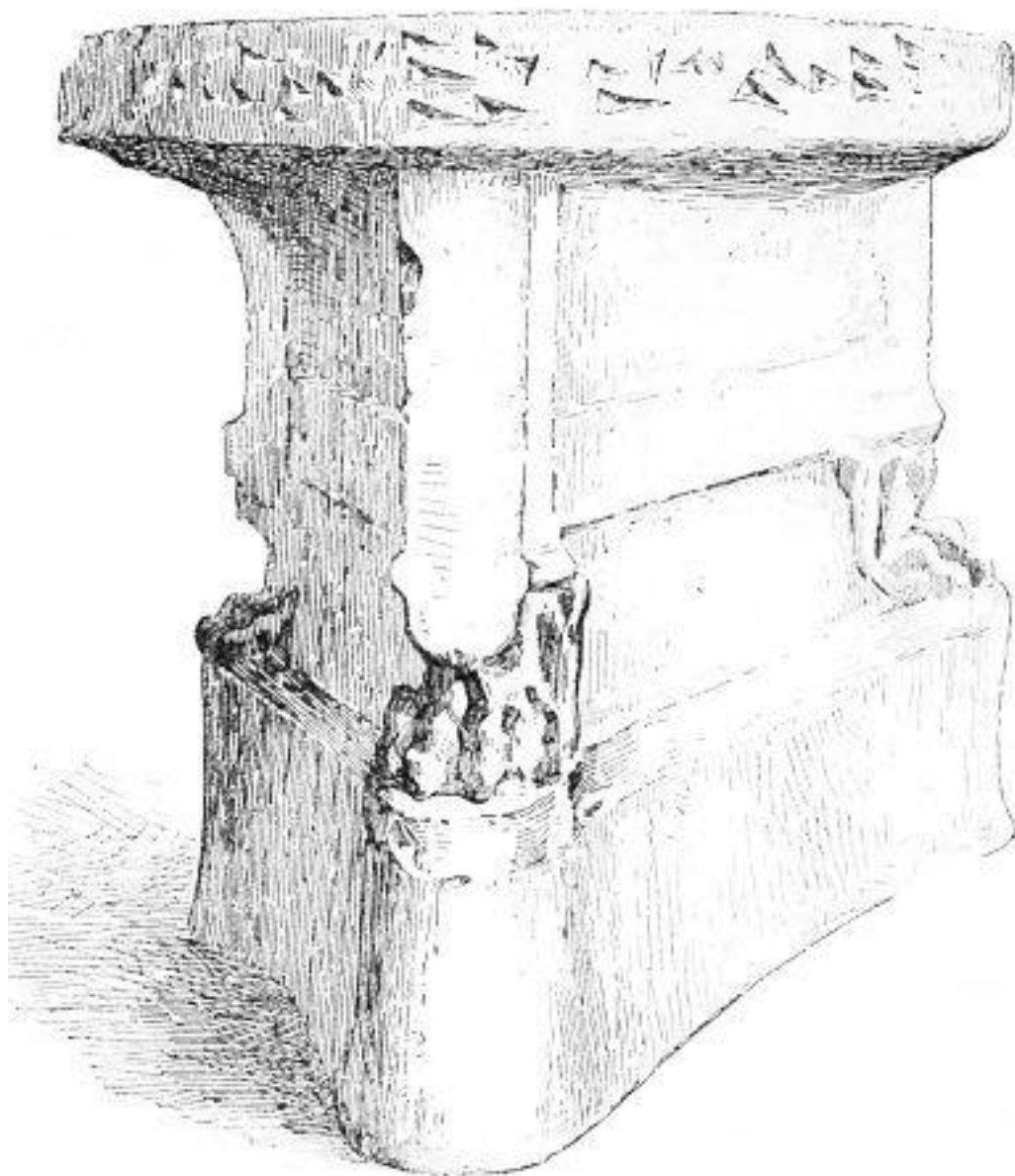
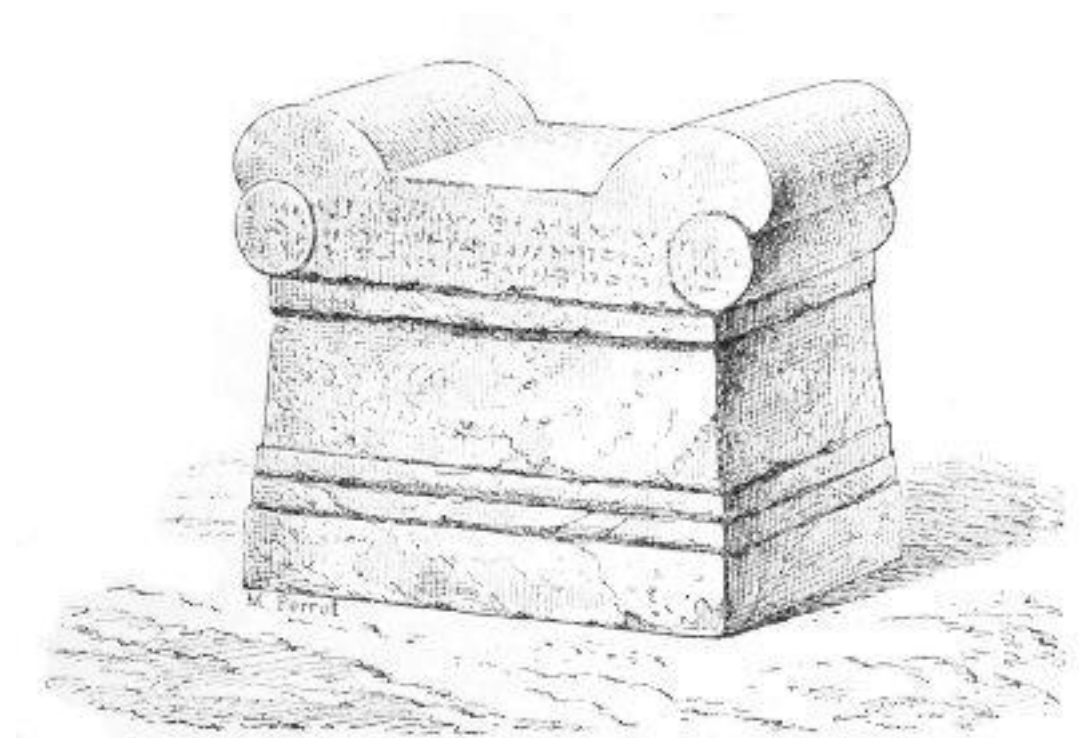

Рис. 108.- Алтарь в

Лувре. Высота 32 дюйма. [320]

Третий тип можно найти в алтаре из Нимруда, хранящемся в Британском музее (рис. 109); он датируется правлением Рамману-нирари, который, судя по всему, жил в первой половине восьмого века до нашей эры. [321] Валики на каждом конце этого алтаря очень любопытны и, похоже, являются прототипом формы, с которой нас познакомили грабо-римские саркофаги.

Британском музее. Высота 22 дюйма, длина у основания 22 дюйма.

Рис. 109.- Алтарь в

Рис. 110.- Стела из Хорсабада. План и высота; с места. Различные виды стел также очень интересны. Наиболее примечательна одна из них, обнаруженная в Хорсабаде М. Плейсом (рис. 110). Вал состоит из ряда перпендикулярных полос, попеременно плоских и вогнутых, в точности похожих на флейты ионического ордера. Вершину венчает шлейф из пальмовых листьев, поднимающийся от двойного свитка, как две консоли, расположенные горизонтально и головой к голове. Изящество и стройность этой стелы сильно контрастируют с обычно короткими и тяжелыми формами, характерными для ассирийских архитекторов, особенно когда они работали по камню. Трудно сказать, каково было ее предназначение. Она была обнаружена в центре внешнего двора, окруженного офисами и другими подчиненными зданиями; на ней нет ни фигур, ни надписей. [322] Основание было довольно грубым и бесформенным, и, должно быть, утоплено в почву двора, так что флейты начинались на уровне тротуара. М. Плейс предполагает, что это мог быть *миллиариум*, от которого отмерялись все дороги империи. Мы не знаем ни одного факта, подтверждающего такую ненужную догадку.

Стела, о которой мы говорили, уникальна, но нет недостатка в примерах другого специфически ассирийского типа, а именно того, к которому с некоторой долей дискриминации было применено название "*обелиск*". Ассирийские монолиты, названные так, гораздо короче по своим пропорциям, чем возвышенные "иглы" Египта, а их вершины, вместо того чтобы заканчиваться острой пирамидой, "ступенчатые" и увенчаны узким плато. (Рис. 111). Эти монолиты никогда не были очень внушительных размеров, самый высокий из них едва ли превышает десять футов в высоту.

Рис. 111. Обелиск Шалманесера II в Британском музее. [323] Высота 78 дюймов. Рисунок Бургуана.

Какое бы название мы ни выбрали для этих объектов, их назначение не вызывает сомнений. Это памятные монументы, над которыми трудились и писатель, и скульптор, чтобы воспеть славу государя. Длинная надпись покрывает основание вала, а верхняя часть каждой грани разделена на пять изображений, узкие полосы между которыми несут короткие легенды, описывающие изображенные сцены. Конечно, было важно, чтобы такие фигурные панегирики имели как можно больше шансов на бессмертие; и мы видим, что большинство этих обелисков сложены из самых твердых пород. Из четырех образцов, хранящихся в Британском музее, три сделаны из базальта, а один - из известняка.

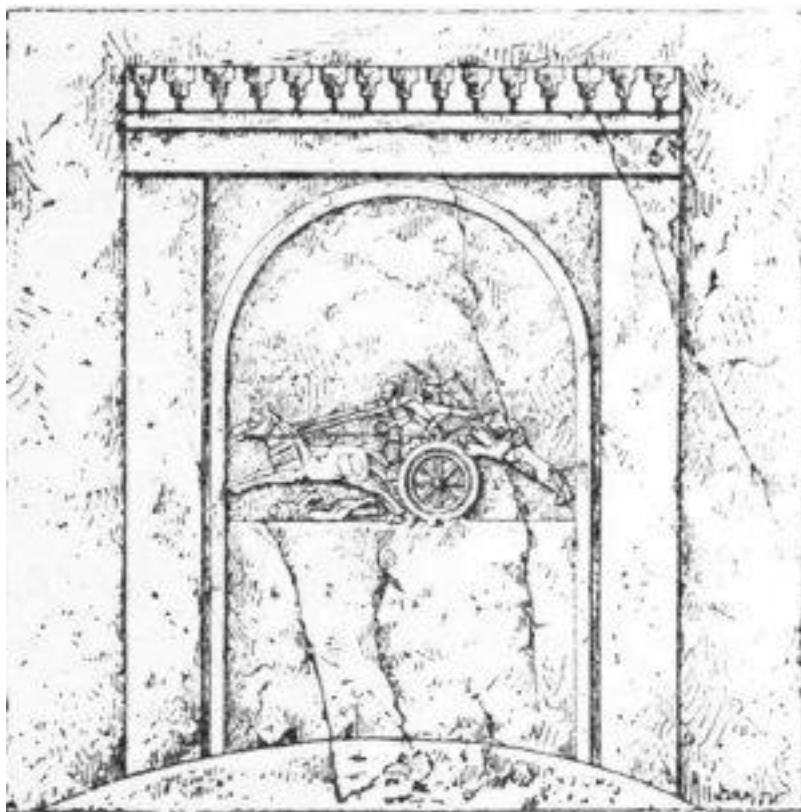

Рис. 112.- Вырубленная в скале стела из

Куюнджика. Британский музей.

Другой часто используемый тип стел - с арочным верхом и изображением царя. Она часто изображается на барельефах [324] (рис. 42), и не мало таких образцов находится в наших музеях. Когда мы будем говорить об ассирийской скульптуре, нам придется воспроизвести некоторые из них. Подобный мотив, но более витиеватый и сложный, мы находим в барельефе из Куюнджика, изображенном выше (рис. 112). На скальной стене на вершине холма высечена сцена охоты. Лев нападает на царскую колесницу сзади; царь собирается пронзить его голову стрелой, а возница склоняется над лошадьми и, кажется, сдерживает решимость, с которой они летят. [325] Скульптура окружена рамой, дугообразной в верхней части и закрытой архитравом с карнизом. Все это представляет собой удачно задуманный небольшой памятник; вероятно, первоначально он сопровождался пояснительной надписью.

Этот анализ того, что мы называли вторичными формами, показал, насколько велика была потеря халдейского архитектора и его слишком послушного ассирийского ученика, лишенных в силу обстоятельств, с одной стороны, и склонности, с другой, такого материала, как камень. Без него они не могли использовать ни одну из тех вариаций плана и других приспособлений того же рода, с помощью которых искусный архитектор показывает внутреннее устройство своих сооружений на их фасадах. Для этих целей он должен был обратиться к тем составляющим своего искусства, которым мы посвятим наш следующий раздел.

ПРИМЕЧАНИЯ

[295] *Искусство в Древнем Египте*, т. ii. гл. ii.

[296] Джордж Смит, *Ассирийские открытия*, стр. 146, 308, 429. Эта перемычка была установлена над южным дверным проемом в галерею Куюнджик Британского музея. При ближайшем рассмотрении бегущий орнамент в углублении карниза легко узнается - несмотря на то, что его верхний край изуродован - как состоящий из измененной формы мотива пальметты, который

берет свое начало в веерообразной головке финиковой пальмы. Восемь плюмажей, из которых состоит орнамент, состоят из трех больших листьев или петель и двух маленьких подвесок, последние служат средством соединения каждого плюмажа с соседними.- Ed.

[297] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 295-302.

[298] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 302, 303.

[299] Два гораздо лучших примера этой же работы можно увидеть в ассирийском подвале Британского музея.

[300] Place, *Ninive*, vol. i. p. 314.

[301] Здесь мы приводим мнение мистера Риди, известного директора музейных мастерских. В апреле 1882 года он осмотрел этот любопытный памятник, который сейчас находится в публичных галереях рядом с воротами Балавата.

[302] Herodotus, ii. 179: Πυλαὶ δὲ ἐνεστασι περὶ τοῦ τεύχεος ἑκατόν, χαλκαὶ πασαὶ καὶ σταθμοὶ τε καὶ ὑπερθύμα ὡσαύτως.

[303] Рассказ о находке и краткое описание останков можно найти в статье г-на Тео. Г. Пинчеса, опубликованной в журнале "*Transactions of the Society of Biblical Archæology*" и озаглавленной "*Бронзовые ворота, обнаруженные г-ном Рассамом в Балавате*" (vol. vii. part i. pp. 83-118). Скульптурная бронза с этих ворот, однако, не вся находится в Британском музее. Рабочим г-на Рассама удалось присвоить некоторое количество в ходе раскопок, и, таким образом, М. Гюстав Шлюмберже стал обладателем нескольких фрагментов, в то время как другие, гораздо более важные, попали в руки М. де Клерка. М. Ф. Ленорман опубликовал в *Gazette Archéologique* (1878) описание фрагментов, принадлежащих М. Шлюмберже, с двумя гелиографиями. Мы уже упоминали о большом труде, который сейчас готовится к публикации *Обществом библейской археологии*; в нем ассириологи и те, кто интересуется историей искусства, смогут найти точное воспроизведение этого интересного памятника. Мы вернемся к этим воротам, когда перейдем к рассмотрению скульптуры.

[304] Несколько розеток, найденных М. де Сарзекком в развалинах Телло, хранятся сейчас в Лувре. М. Плейс нашел несколько в Хорсабаде (*Ninive*, vol. i. p. 314), а сэр Генри Лэйард - на месте городов в Верхней Месопотамии (*Discoveries*, p. 242). В Британском музее хранится значительное количество находок в различных местах.

[305] В том же случае, что и ворота Балавата, есть кирпич, который, очевидно, использовался для этой цели.

[306] Place, *Ninive*, vol. i. p. 314.

[307] В Британском музее хранится несколько небольших бронзовых предметов того же рода из дворца Сеннахериба. Другие были найдены М. Плейсом во дворце Саргона (*Ninive*, plate 70, fig. 6), так что они, должно быть, часто использовались.

[308] Лэйард (*Discoveries*, p. 163) приводит эскиз одного из таких предметов. Его внутренний диаметр составляет около пяти дюймов, а вес - 6 фунтов. 3¼ унции. Сейчас эти кольца хранятся в Британском музее.

[309] Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. pp. 53-55.

[310] Botta, *Monument de Ninive*, пластины 149 и 150. См. также Layard, *Discoveries*, p. 131, и Fergusson, *History of Architecture*, vol. i. p. 185 (2-е издание).

[311] Loftus, *Travels and Researches*, p. 175.

[312] М. Плейс предлагает аналогичное объяснение ангажированных колонн, которые были найдены во многих частях дворца в Хорсабаде (*Ninive*, vol. ii. p. 50). Он собрал в одной табличке все примеры пилястр и полуколонн, которые он встретил в этом здании. Подобные попытки имитировать характерные черты бревенчатого дома встречаются во многих древнейших египетских гробницах. См. *Art in Ancient Egypt*, vol. ii. p. 62 и fig. 37.

[313] См. например, в *Art in Ancient Egypt*, vol. i. figs. 123, 124, 201, а также в томе ii. с. 55-64 и рис. 35-37 и 139.

[314] *Искусство в Древнем Египте*, т. I. стр. 117.

[315] Здесь мы приводим резюме наблюдений М. Плейса по этому вопросу. Он тщательно изучил эти кренели. *Ninive*, vol. ii. pp. 53-57.

[316] См. диаграммы М. Пляйса, *Ninive*, vol. ii. p. 54.

[317] Place, *Ninive*, vol. ii. p. 53.

[318] М. Перро отвергает доказательства тех, кто верит в палисадное происхождение ассирийских крепостных стен, возможно, в слишком резкой форме. Дело в том, что подавляющее большинство зданий с зубчатыми стенами на рельефах имеют треугольные бойницы, а теория о том, что они являются лишь поспешным способом изобразить ступенчатые зубцы, в некоторой степени опровергается их частым появлением рядом с последними на одном и том же рельефе. Например, ворота Балавата содержат около девяти или десяти примеров треугольной и четыре или пять ступенчатой формы. В серии скульптурных плит, изображающих осаду города Ассурназирпалом (10-15 в галерее Кюнджик Британского музея), есть примеры обеих форм, и в более чем одном случае треугольные бойницы украшены линиями и розетками, похожими по принципу действия на те, что показаны выше на рис. 106, что вряд ли можно согласовать с представлением о том, что их форма является результатом спешки художника. В Ассирийском подвале Британского музея есть интересный барельеф, изображающий ассирийских солдат, занятых разрушением крепостной стены, вероятно, какого-то только что взятого города. В воздухе висят материалы, сброшенные с ее вершины, среди которых большое количество досок или балок, что позволяет предположить, что древесина свободно использовалась для верхних работ ассирийской стены. Если это так, то остроконечные бастионы на рельефах вполне могут представлять собой те, в которых использовалась древесина, а ступенчатые - их кирпичные имитации. Обе формы использовались в качестве украшений в тех местах, где не могло быть настоящих башен, как, например, на шатре Сеннахериба, на известном барельефе осады Лахиша (см. рис. 56).-Ed.

[319] Place, *Ninive*, vol. ii. p. 85.

[320] Почти точно такой же алтарь хранится в Британском музее. Он был найден перед храмом бога войны в Нимруде.- Ред.

[321] На некоторых других памятниках, привезенных из того же места г-ном Ормуздом Рассамом и также выставленных в центральном салоне Нимруда, мы можем прочесть рядом с именем Рамману-нирари имя его супруги Саммурамат, которая, похоже, была связана с ним в управлении государством и удостоилась особых почестей. Имя этой принцессы заставило некоторых признать в ней сказочную Семирамиду греческих писателей. В следствии ускользнувших от нас фактов она вполне могла послужить первой идеей для романтических легенд, отголосок которых дошел до наших дней.

[322] Place, *Ninive*, vol. i. p. 96; vol. ii. pp. 71-73.

[323] Помимо обелиска Шалманесера II, который находится в удивительной сохранности, Британский музей располагает еще тремя подобными объектами. Два из них были сделаны для Ассурназирпала; третий, самый древний из всех, датируется временем Тиглата Пилесера I. К сожалению, от него остались лишь фрагменты.

[324] См. также Botta, *Monument de Ninive*, vol. i. plate 64. Здесь мы видим пример одной из этих арочных стел, установленных перед крепостью.

[325] ?-Ред.

§ 7. Украшение.

Месопотамия не была исключением из общего правила, согласно которому декорирование подчиняется строительству. Возьмем лишь один пример из уже изученного нами искусства: египетский храм был полностью из камня, и его украшения составляли часть того, что мы можем назвать плотью и кровью здания. Элементами этого богатого и блестящего декора служат лепные украшения, которые восполняют энергией то, чего им недостает в разнообразии, легким рельефом или едва заметной инталией бестеневых фигур, вырезанных скульптором в камне и покрытых художником самыми живыми красками. Это роскошное убранство, покрывающее все внешние и внутренние поверхности, может быть отделено от него не больше, чем кожа животного от его мышц. В этом случае союз будет еще более тесным, а сцепление - более полным. Пока стоят египетские стены, блоки известняка, песчаника или гранита, из которых они сложены, никогда не смогут полностью освободиться от изображений, то есть от выражения мыслей, вырезанных на них людьми сорокавековой давности.

В Ассирии дело обстоит иначе. Там здания были построены из кирпича, причем каждый блок в подавляющем большинстве случаев повторял свой соседний. В очень редких случаях кирпичи имели особую форму, и здания, в которых они использовались, могли быть украшены только навесным орнаментом, похожим по принципу действия на циновки и вешалки, которые мы расстилаем на полу и стенах, чтобы скрыть то, что хотим. Этого результата они добивались одним из двух способов: либо обкладывали стены камнем, что было дорого и трудоемко, либо покрывали их разноцветным декором.

Как только камень вошел в обиход, он, должно быть, стал непреодолимым соблазном для резца скульптора и орнаменталиста, и поэтому мы почти всегда находим его украшенным резьбой. Иногда, как в описанных выше перемиках и порогах (рис. 95 и 96), мотивы носят чисто орнаментальный характер. В других местах, в воротах ассирийских дворцов и на цоколях стен, окружающих их дворы и залы, мы находим как круглые, так и рельефные фигуры. В одной из следующих глав мы попытаемся определить стиль этих работ и выявить их достоинства. Пока же мы должны довольствоваться указанием на роль, которую играла скульптура в общей системе декора.

В Халдее скульптура, должно быть, играла очень слабую роль в ансамбле здания, камень был слишком дорог из-за расстояния, на которое его нужно было переносить. Из руин Халдеи не было извлечено ни колоссов, подобных тем, что украшали входы в ниневийские дворцы, ни длинных надписей на алебастровых плитах, которые так ценны для изучающих ассирийскую историю. Этим последним материалом и всеми возможностями, которые он предоставлял скульптору, халдеи, очевидно, полностью пренебрегли. В Нижней Месопотамии в основном использовались твердые вулканические породы. Их предпочитали, несомненно, из-за их прочности, но они мало

подходили для исполнения фигур любого размера, и особенно невозможно было подумать об их использовании для таких исторических барельефов, как те, на которых ассирийцы собрали сотни, а скорее тысячи, занятых фигур. Халдейские дверные проемы, однако, могли иногда украшаться львами и быками, [326] мы действительно склонны отнести к такому положению один памятник, описанный путешественниками, а именно льва, которого Рич и Лэйард видели наполовину погребенным в огромных вавилонских руинах, называемых *Каср*. [327] Он больше, чем жизнь. Он стоит на постаменте, а его лапы опираются на фигуру борющегося человека. В его челюсти есть круглая дыра размером с человеческий кулак. Работа грубая, как и, возможно, базальтовый лев, которого Лофтус видел в Абу-Шарейне. Высота этого льва составляет около пятидесяти четырех дюймов, и его первоначальное место, вполне возможно, было перед одним из дверных проемов здания. [328]

Из всех животных форм лев был первым, кто предоставил материалы для декоративной композиции любой ценности, и даже спустя все прошедшие века лев не утратил своей популярности на Востоке. При желании можно было бы привести множество примеров такого постоянства, но мы ограничимся лишь одним. В центре Малой Азии, в деревне Ангора, где я провел три месяца 1861 года, я встречал этих львов на каждом шагу. Неподалеку, в деревне Калаба, находился фонтан турецкой постройки, в который был вставлен лев, весьма похожий по стилю на ассирийских. [329] Во дворе одной из мечетей стоял круглый лев - замечательная работа какого-то греко-римского скульптора. [330] Здесь и в других городах Малой Азии львы сельджукского периода отнюдь не редкость, да и сейчас их делают в немалом количестве. После дневных трудов мы иногда проводили вечера в виллах богатых греческих купцов, которые почти все находились на востоке города. Большинство этих домов были построены недавно и наполнены зеркалами, прекрасными коврами и гравюрами. Перед домом, в центре большого мощеного и обсаженного шпалерами двора, находились фонтаны, иногда украшенные с большим вкусом, из которых в торжественных случаях тонкая струя воды давала прохладу воздуху. Углы почти каждого из этих фонтанов были отмечены маленькими беломраморными львами, тяжелыми и неуклюжими по форме, но, тем не менее, считающимися в Ангоре последним словом искусства. Они привезены из Константинополя вместе с бассейнами фонтанов.

Однако, несмотря на все это, можно сомневаться в предназначении львов, найденных среди халдейских руин. Единственный обнаруженный там памятник, который, кажется, несомненно принадлежал к архитектурному декору, был найден сэром Генри Лэйардом во время его слишком скоро прерванных исследований в Касре. Это фрагмент известняковой плиты из облицовки фасада (рис. 113). Верхние части двух мужских фигур поддерживают сломанный антаблемент, под которым высечено имя какого-то божества. [331]

Главный интерес этого фрагмента заключается в том, что он служит еще одним доказательством тесной связи между искусством Халдеи и Вавилона. Ни в костюме, ни в чертах лица этих людей нет ничего такого, чего нельзя было бы найти в Ассирии. Диадема с плюмажем и розетками, пунцовые волосы и борода, дубинка с большой рукоятью - все это характерно для обеих стран, в то время как последний предмет можно найти на скалах Бавиана и даже севернее, в скульптурах Каппадокии.

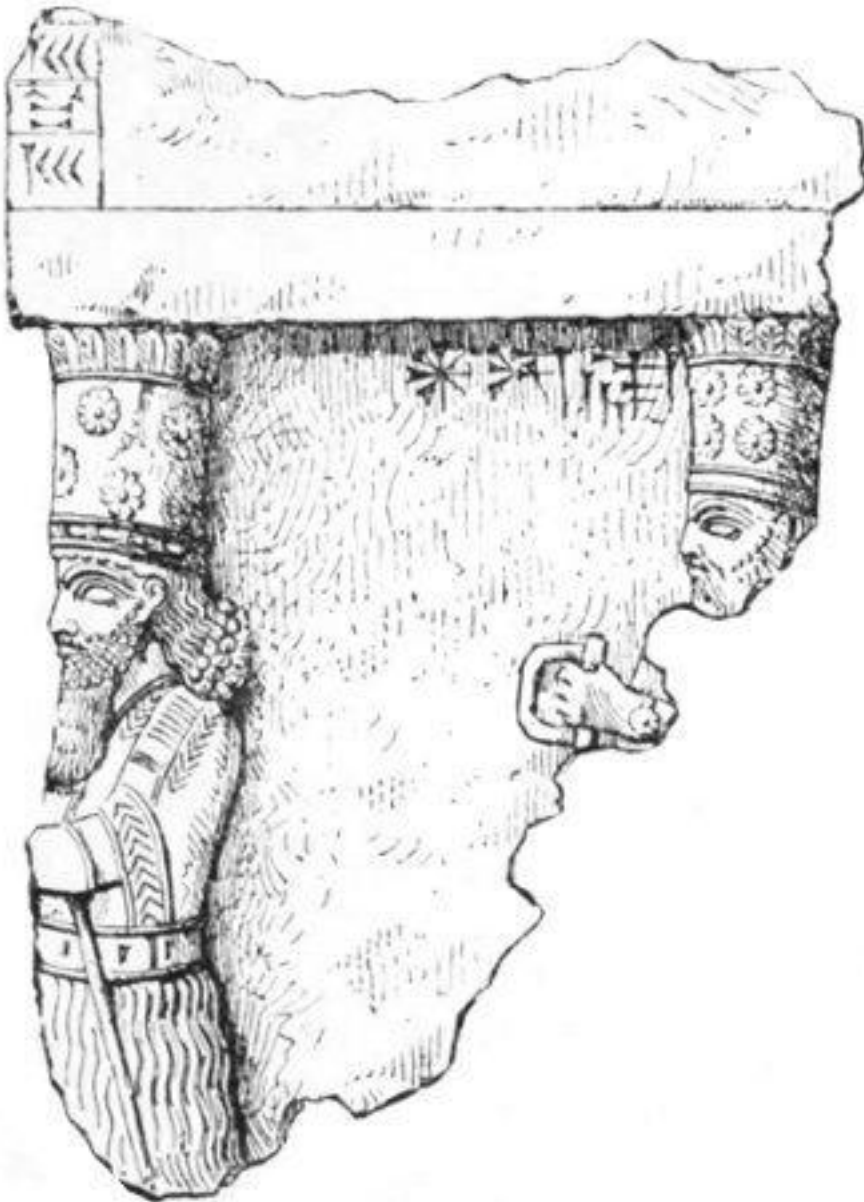

Рис. 113.- Фрагмент из

Вавилона. Британский музей. Высота 11 дюймов, ширина 9 дюймов.

Изучение тех рельефов, в которых нет ничего, кроме чисто декоративных мотивов, приводит нас к точно такому же выводу. Возьмем, к примеру, большой бронзовый порог из Борсиппы, о котором мы уже говорили; розетки, расположенные через определенные промежутки вдоль его протектора, идентичны тем, что встречаются в таком количестве в Ассирии.

При крайней редкости камня в своей части света халдейский архитектор, похоже, практически зарезервировал его для отдельных статуй, для вотивных барельефов, для объектов культового или религиозного характера, но, тем не менее, у нас есть достаточно доказательств того, что декоративная скульптура, нашедшая место в халдейских зданиях, не сильно отличалась от той, к которой нас приучила Ассирия.

Из всего сказанного нами о распространении камня становится ясно, что для получения четкого представления о мерах, с помощью которых здания из грубого кирпича становились более привлекательными благодаря орнаменту из более твердого материала, мы должны обратиться к Ассирии. Мы с трудом можем представить себе ассирийский дворец без тех серий барельефов, которые сегодня украшают стены наших музеев точно так же, как они покрывали стены дворцов

Саргона и Сеннахериба, и все же маловероятно, что вначале ассирийские дворцы имели такие резные стены. Облицовка из камня и алебаstra, должно быть, изначально использовалась в более утилитарных целях - чтобы скрыть серый и рыхлый материал внутри, защитить его от повреждений и предложить глазу поверхность, которая, по крайней мере, не должна была раздражать. Верхняя часть стен была покрыта лепниной, которую можно было обновлять при необходимости, но для нижней части, для всего, что находилось в пределах досягаемости толпы людей, посещавших публичные залы сераля, проходивших через его ворота или ворота самого города, требовалась более эффективная защита. Поэтому конструктор решил заключить нижние части своих стен в каменный кирасу, наложенный на их кирпичные ядра. Плиты, которые он использовал для этой цели, варьировались от трех до десяти футов в высоту и от шести до пятнадцати в ширину. Их средняя толщина составляла около восьми дюймов.

Способ крепления этих плит вряд ли достоин таких умных строителей, да и вообще ассирийцам, похоже, так и не удалось справиться с трудностями, возникающими при соединении двух разнородных материалов. Плиты были из гипса или известняка, а стена - из писэ, материалов, которые нелегко соединить. Ассирийцы довольствовались тем, что просто ставили одно на другое. Никаких следов стяжки не обнаружено. Внутренним граням плит придали "зуб", скрепив их во всех направлениях зубилом, и, возможно, в последний момент между ними и мягкой глиной было введено какое-то пластичное вещество, но никаких следов других приспособлений для скрепления двух материалов не обнаружено. После того как общая масса здания - его глиняные стены и своды - была завершена, для облицовки его камер и завершения их отделки привлекли другой класс рабочих. Сырой кирпич к тому времени уже высох и не мог приспособиться к шероховатостям алебастровых плит. Жидкая глина, подобно глиняному "телу", смачивает и смягчает поверхность кирпича, проникая в каждую впадину камня, и таким образом соединяет одно с другим. Мы рекомендуем эту гипотезу тем, кто в будущем займется раскопками в Ассирии. Именно им предстоит подтвердить или опровергнуть его.

Однако, как бы то ни было, строитель использовал не один метод придания большей прочности своим стенам в целом. Его плиты не только входили друг в друга по углам, в некоторых камерах были установлены квадратные угловые элементы достаточно большого диаметра, чтобы они могли глубже погружаться в грубый кирпич позади, и таким образом обеспечивать устойчивые точки опоры в каждом углу. Наконец, отдельные плиты скреплялись в верхней части свинцовыми "ласточковыми хвостами", подобными металлическим зажимам, которыми скрепляют друг с другом облицовочные камни.

Такие меры предосторожности оказались бесполезными из-за того, что вся работа была несовершенна в основании. Залы и палаты не имели прочного фундамента или покрытия, поэтому тяжелые плиты их отделки покоились на подвижной почве, неспособной выдержать их без колебаний. Во многих местах они погружались в землю на несколько дюймов, мягкая земля толкала их вперед, и при их падении неизбежно страдал ряд, к которому они принадлежали. Раскопки снова и снова находили целые ряды барельефов, которые, казалось, упали вместе. Такой случай - повод для радости потомков. Положенные на мягкую и податливую почву, произведения скульптора защищены лучше, чем стоящие прямо, их верхние части очищены, возможно, от руин, которые покрывают их ноги, и подвержены, по крайней мере, непогоде, а слишком часто и жестокости невежественного населения.

Подобных дефектов достаточно, чтобы доказать, что эти плиты никогда не были рассчитаны на большой вес; они не только не служили опорой для стены, но и нуждались в ней для поддержания собственного равновесия. С другой стороны, они защищали ее, как мы уже говорили, от слишком быстрого разрушения.

В Хорсабаде эта каменная обделка находится в очень плохом состоянии многих местах, например, в залах и переходах хозяйственных построек и во дворах, примыкающих к городским воротам. [332] Там камни только сглажены, и их очевидное назначение - просто защищать грубый кирпич внутри. Таким образом, четко прослеживается чисто архитектурное происхождение этой системы облицовки.

Но наличие этих плит, установленных вертикально на стене, создавало для амбициозного архитектора соблазн, перед которым он вряд ли устоял. Известняк и алебастр, из которых они были сложены, обеспечивали как благоприятную поверхность для резца, так и определенную гарантию долговечности форм, которые он выбивал. В каждом ассирийском дворце мы видим, что царь, его строитель, преследовал двойную цель: прославление богов и передача потомкам своего собственного образа и памяти о своем правлении. Для этих целей архитектор призвал скульптора, под чьими руками грубо отесанные плиты приобрели исторические формы, с которыми мы знакомы.

Из всех частей дворца дверные проемы были наиболее подвержены повреждениям от ударов транспорта, и мы видим, что их более прочные цоколи возвышаются над более высокими и толстыми плитами, чем в других местах. На этих плитах высечены изображения божеств-покровителей. Огромные крылатые и человекообразные быки (Plate X) [333] или львы (рис. 114), говорящие символы силы и мысли, встречали приближающегося посетителя. Иногда вместо человекообразного льва устанавливался лев, с необыкновенной энергией воспроизводящий черты настоящего зверя (рис. VIII). [334]

У этих стражей ворот передняя часть тела всегда в той или иной степени выступала из общей линии стены. Голова и грудь, по крайней мере, находились за пределами арки. Справа и слева от прохода находились очень толстые плиты, также высеченные в виде крылатых быков в профиль и сопровождаемые охраняющими их джинами. Эти последние божества иногда имеют серьезный и благородный вид, явно благожелательный (рис. 8 и 29), иногда отвратительное лицо и яростный жест. В последнем случае они призваны отпугивать профанов или врагов от охраняемого ими жилища (рис. 6 и 7). Все эти фигуры выполнены гораздо более рельефно, чем скульптуры во внутренних покоях.

Рис. 114. Человекоголовый лев.

Нимруд; из Layard.

Все это говорит о том, что скульптор прекрасно понимал, как использовать свои возможности, когда его однажды позвали украсить массивные дверные рамы и плиты, которые поначалу были не более чем дополнительными опорами для здания, к которому они были прикреплены. Он варьировал формы этих блоков в зависимости от их предназначения и увеличивал их размеры, чтобы придать гигантские пропорции своим человекообразным быкам и лвам. Некоторые из крылатых быков достигают в высоту от шестнадцати до семнадцати футов. [335] Несмотря на труд, затраченный на вырезание и установку на место этих огромных фигур, они чрезвычайно

многочисленны, едва ли не меньше, чем пирсы Осиридов в Египте. [336] Во дворце Саргона в Хорсабаде было насчитано двадцать шесть пар; во дворце Сеннахериба в Кюнджике их было десять на одном фасаде. [337]

В тех переходах, залах и дворах, назначение которых оправдывало такую роскошь, скульптор использовал каменную облицовку стен с таким же мастерством, но в несколько ином духе. Фигуры на фасаде должны были быть видны с большого расстояния, на них падал полный свет месопотамского солнца, поэтому их колоссальные пропорции и разнообразная смелость рельефа были вполне оправданы. Скульптуры в интерьере были меньше по масштабу и представляли собой строго *барельефы*. С уменьшением расстояния, с которого их можно было рассматривать, их масштаб стал более соответствовать реальному человеческому росту. В некоторых просторных залах несколько фигур крупнее, чем в жизни, а в самых узких галереях они становятся совсем маленькими - алебастровые плиты разделяют два этажа и более (см. [рис. 115](#)). [338]

В связи с этими скульптурами следует отметить еще одну особенность. Сюжеты, затрагиваемые снаружи, сильно отличаются от тех, что находятся внутри дворцов. В первом случае фигуры религиозные и сверхъестественные, во внутреннем - исторические и анекдотические. Детали этих повествовательных скульптур отличаются большим разнообразием, но их основной темой всегда является прославление и, в некотором смысле, биография государя.

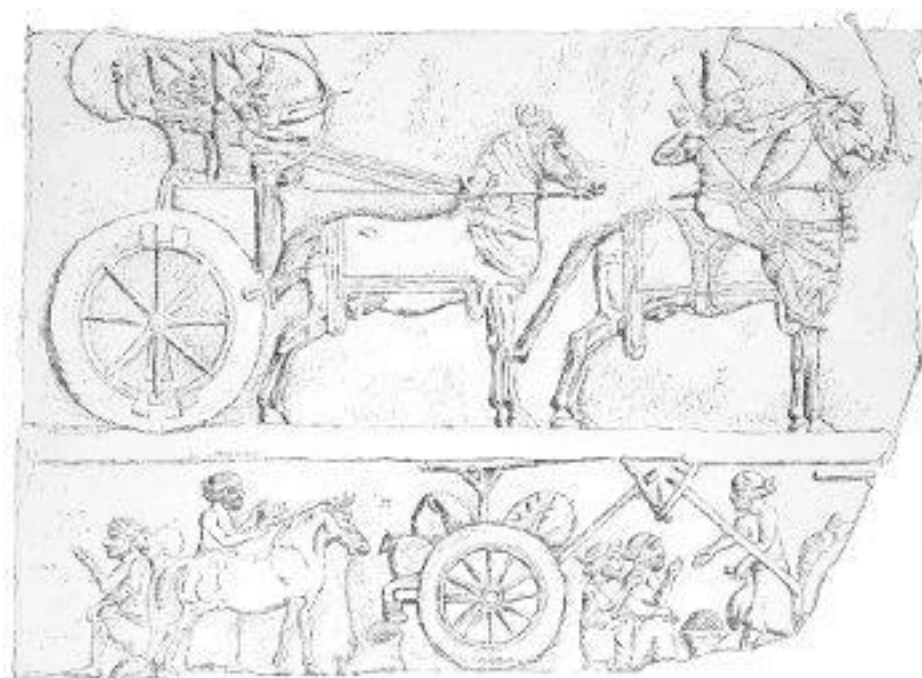

Рис. 115.- Барельеф с

несколькими регистрами. Ширина 38 дюймов. Лувр. Рисунок Бургуана.

В египетском храме фигуры, образующие его *освещение*, распределены безразлично по всей поверхности стен. В греческом храме, напротив, скульптура, за редким исключением, ограничивалась верхней частью здания, главным образом фронтонами и фризом. Ассирийский метод не был похож ни на египетский, ни на греческий. В Ниневии скульптор не расставлял, как в Египте, свои фигуры по всей длине и ширине здания, не поднимал их, как в Греции, над головами толпы; он ставил их на самую нижнюю часть стены, на ее цоколь. Их ноги касались земли, их глаза были на одном уровне с теми, кто смотрел на них; можно сказать, что они образовывали бесконечную процессию вокруг каждого зала и камеры. Причины такого расположения следует искать не в эстетских наклонностях ассирийского художника, а в том простом факте, что только в каменной кирасе, внутри которой были закрыты нижние части кирпичных стен, он мог найти

благоприятный материал для своего резца. Нигде больше во всем здании не было камня, без которого его искусство было бессильно.

Но так как боковое развитие ассирийских зданий было велико, то и ассирийскому скульптору открывалось большое поле для деятельности. Было подсчитано, что скульптурные плиты, найденные во дворце Саргона, если их поставить в ряд, покрыли бы расстояние почти в полторы мили. Их площадь равна примерно полутора акрам. Из этого видно, что скульптура играла важную роль в украшении ассирийского дворца, но поскольку она была ограничена нижней частью стен, пришлось изобрести другой метод для украшения тех поверхностей, на которых нельзя было использовать резец. В Халдее, где было так мало камня, пришлось практически все здание украшать таким образом. В обеих странах проблема была решена одинаково - широкое использование эмалированного кирпича и окрашенной лепнины, а также разработка богатой, элегантной и при этом оригинальной системы полихромии.

Исследователи единодушны во мнении, что ни обожженный, ни высушенный солнцем кирпич никогда не оставался без того, чтобы прикрыть свою наготу. Он всегда был скрыт и защищен слоем лепнины. [339] В Ниневии, по мнению М. Плейса, эта штукатурка образовывалась путем тщательного смешивания жженого мела с гипсом, в результате чего получалась своего рода белая кашка, которая очень плотно прилипала к глиняной стене. [340] Его своеобразная консистенция не позволяла наносить его кистью, для этого использовался шпатель или доска. Толщина этого цемента никогда не превышала одного-двух миллиметров. [341] Его когезионная сила была настолько велика, что, несмотря на свою тонкость, он служил эффективным защитником. Его часто находили в отличном состоянии как на плоских, так и на изогнутых поверхностях, на стенах дворов и палат, на нижних сторонах сводов, везде, где на самом деле не было каменной оболочки.

Кажется, что некоторые здания не имели никаких внешних украшений, кроме сияющей белизны этой штукатурки, эффект которой можно наблюдать в наши дни в побеленных домах Востока. Блеск такой стены удачно контрастировал с мягкой зеленью, которая иногда росла вокруг нее, и темной синевой неба, на фоне которого выделялась ее вершина. Такой контраст придает важность и акцент самому маленькому зданию, что прекрасно понимают художники, изображающие пейзажи Юга.

Однако у нас есть основания полагать, что, как правило, белая лепнина служила фоном и опорой для других цветов. До нас не дошло ни одного халдейского интерьера, а экстерьеры сохранились настолько плохо, что мы вряд ли можем составить верное суждение о цветах и рисунках, которыми они когда-то были украшены. Но в случае с Ассирией мы довольно хорошо знаем, как декоратор понимал свое дело, и вполне вероятно, что, как и его коллеги, архитектор и скульптор, он был доволен тем, что увековечил традиции своих халдейских мастеров.

В некоторых случаях декоратор использует широкие непрерывные тона. Это самый простой способ использования цвета. Например, во дворце Саргона везде, где отсутствуют скульптурные плиты, мы находим цоколь, окрашенный в черный цвет дистемпером. Высота этих цоколей - от двух до почти четырех футов, в зависимости от площади дворов или покоев, в которых они расположены. Цель такого плинтуса ясна: он должен был защищать нижнюю часть стены если не от преднамеренного насилия, то, по крайней мере, от грязи. Белая лепнина в таком месте вскоре была бы изуродована пятнами и различными следами, которые были бы незаметны на черном фоне. Кроме того, контраст между цоколем и белой стеной над ним должен был иметь определенный декоративный эффект. [342]

Этот цветной дадо можно встретить даже там, где он, казалось бы, совершенно не уместен. В Хорсабаде, например, оно проходит по подножию тех полукруглых пилястр, которые мы заметили в одной из комнат гарема (рис. 101). Эти пилястры стоят на цоколе высотой от трех до четырех

футов, так что контакта с грязью пола можно было не опасаться. Существование дадо в таком положении можно объяснить, предположив, что декоратор рассматривал его как обычный орнамент для нижней части стены. Сложнее понять, почему альковы, которые, по мнению ММ. Плейс и Томас, которые, по их мнению, были спальнями, в каждом случае были расписаны одной и той же полосой черного цвета. [343]

Самый любопытный пример использования непрерывных оттенков, на который мы можем указать, - это случай с обсерваторией М. Плейса. Ступени этого здания были высотой около двадцати футов каждая, и каждая была окрашена в свой цвет: первая - белая, вторая - черная, третья - красная, четвертая - белая. Когда проводились раскопки, эти оттенки все еще были хорошо видны. По всей видимости, изначально здание имело семь ступеней, и три верхних, несомненно, были окрашены по тому же принципу, что и нижние. В своей реставрации Томас окрашивает пятую ступень в вермильон, шестую - в серебристо-серый цвет, а седьмую и последнюю позолотил. [344] В этом выборе и расположении оттенков нет ничего произвольного. Он основан на описании Геродотом Экбатаны, столицы медов. "Меды... построили город, называемый ныне Агбатаной, стены которого велики и прочны, возвышаются кругами одна внутри другой. План этого места таков, что каждая из стен должна возвышаться над той, что находится за ней, при помощи крепостных стен. Природа местности, представляющей собой пологий холм, в некоторой степени способствует такому расположению, но в основном оно было достигнуто благодаря искусству. Число кругов - семь, причем королевский дворец и сокровищница находятся в последнем. Схема внешней стены почти такая же, как в Афинах. У этой стены крыши белые, у следующей - черные, у третьей - алые, у четвертой - синие, у пятой - оранжевые; все они окрашены краской. Две последние стены покрыты серебром и золотом". [345]

Между серией цветов, найденных на рассматриваемых руинах, и списком, приведенным Геродотом, существует идентичность, которая не может быть обусловлена случайностью. Меды и персы ничего не изобретали; все их искусство было не более чем восточным ответвлением месопотамского. Именно в Халдее число семь впервые приобрело исключительный и квазисвященный характер. Наша неделя из семи дней - результат раннего поклонения пяти великим планетам, солнцу и луне. Также существовало семь цветов радуги. Исходя из этих признаков, ранние архитекторы Ассирии должны были определить количество ступеней, отводимых под религиозное здание; они также регулировали порядок цветов, каждый из которых по традиции был посвящен одному из этих великих небесных тел. Мы можем легко понять, как серебристо-белый цвет предпоследней ступени был выбран, чтобы символизировать луну, в то время как сияние золота на верхнем этаже напоминало о полуденном солнце.

Таким образом, мы должны представить себе башню с семью ступенями, которую Навуходоносор похвастался восстановить в большем, чем прежде, великолепии. Такое расположение цветных полос имело двойное значение. Каждый оттенок имел свое символическое и традиционное значение, а ряд, образованный семью, был, так сказать, фразой в национальной теологии, обращением к воображению и исповеданием благочестия. В то же время основные членения памятника были ярко выражены, и взгляд притягивался к их количеству и значению, а здание в целом выглядело более внушительным и величественным, чем если бы его цвет был равномерно белым от основания до вершины. Краски, должно быть, часто обновлялись.

В интерьере, где температура не подвергалась резким перепадам, где не было ни дождя, ни палящего солнца, архитектор использовал роспись дистемперами, чтобы усилить декор в своих более роскошных покоях. К сожалению, сейчас эти фрески представлены лишь несколькими фрагментами. В ходе раскопок было обнаружено множество примеров их использования, но почти в каждом случае воздействие воздуха быстро разрушало их оттенки и даже вещество. В основном они встречались в помещениях, стены которых были облицованы в нижней части

скульптурными плитами. Путем бесконечного кропотливого труда М. Плейсу удалось скопировать несколько фрагментов этих картин. [346] Согласно сохранившимся образцам, человеческие фигуры перемежались с чисто орнаментальными мотивами - плюмажами, филенками и розетками. Краски использовались черные, зеленые, красные и желтые, к которым можно добавить пятую часть белого цвета гипсового грунта, на который они наносились. Телесные оттенки выражались в том, что этот белый цвет оставался незакрашенным.

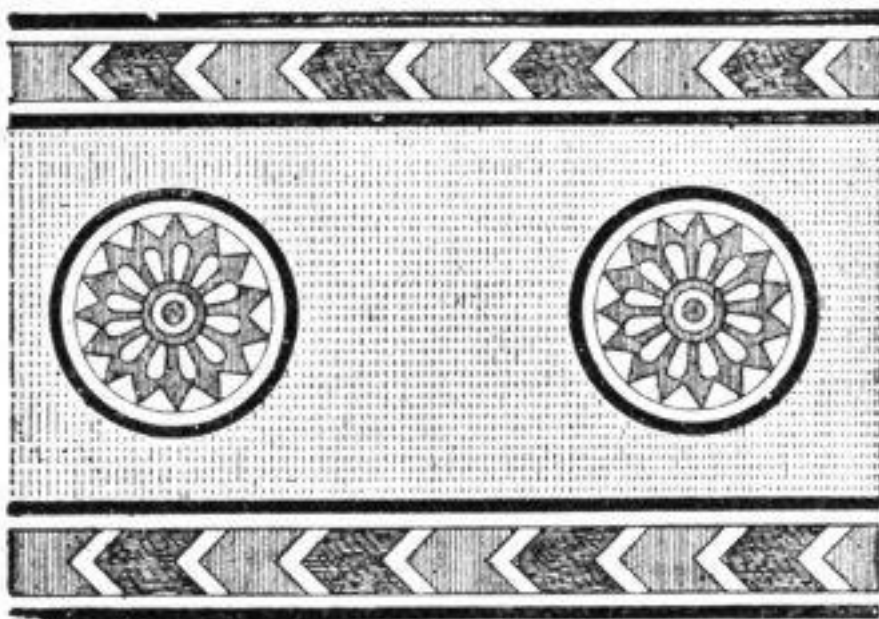

Рис. 116.- Орнамент,

нарисованный на гипсе; из Layard.

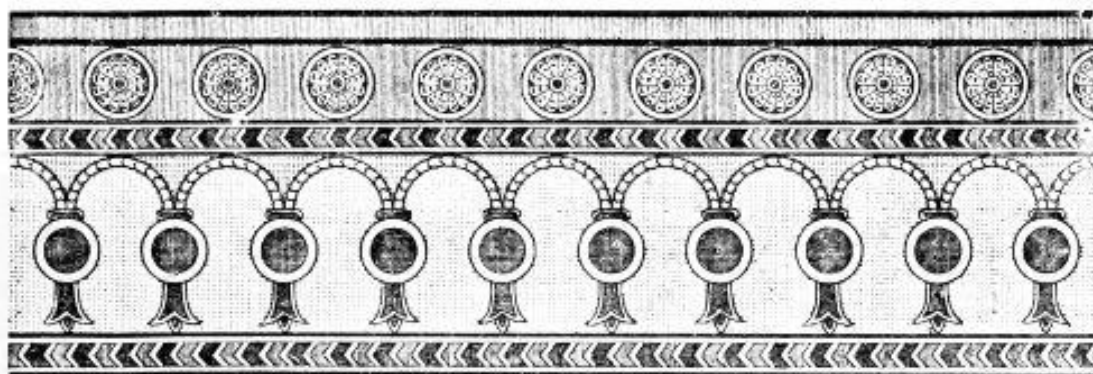

Рис. 117.-

Орнамент, расписанный по штукатурке; из Лэйарда.

Несколько фрагментов этих расписных украшений также были сохранены сэром Генри Лэйардом. Самый простой из них представляет собой широкую желтую полосу, окаймленную с каждой стороны линией попеременно красных и синих шевронов, отделенных друг от друга белыми линиями. По центру желтой полосы проходит ряд синих и белых розеток (рис. 116). Другой пример, в котором использованы те же цвета, одновременно и сложнее, и изящнее (см. рис. 117). Наконец, в третьем фрагменте несколько упрощенная версия этого мотива служит нижней каймой к фризу, на котором два быка стоят лицом друг к другу, их белые тела отделены от желтого грунта

толстой черной линией. Баталии в верхней части темно-синие (рис. 118). Представление об оттенках, использованных в этом декоре, можно получить из рис. 2 нашей пластины xiv.

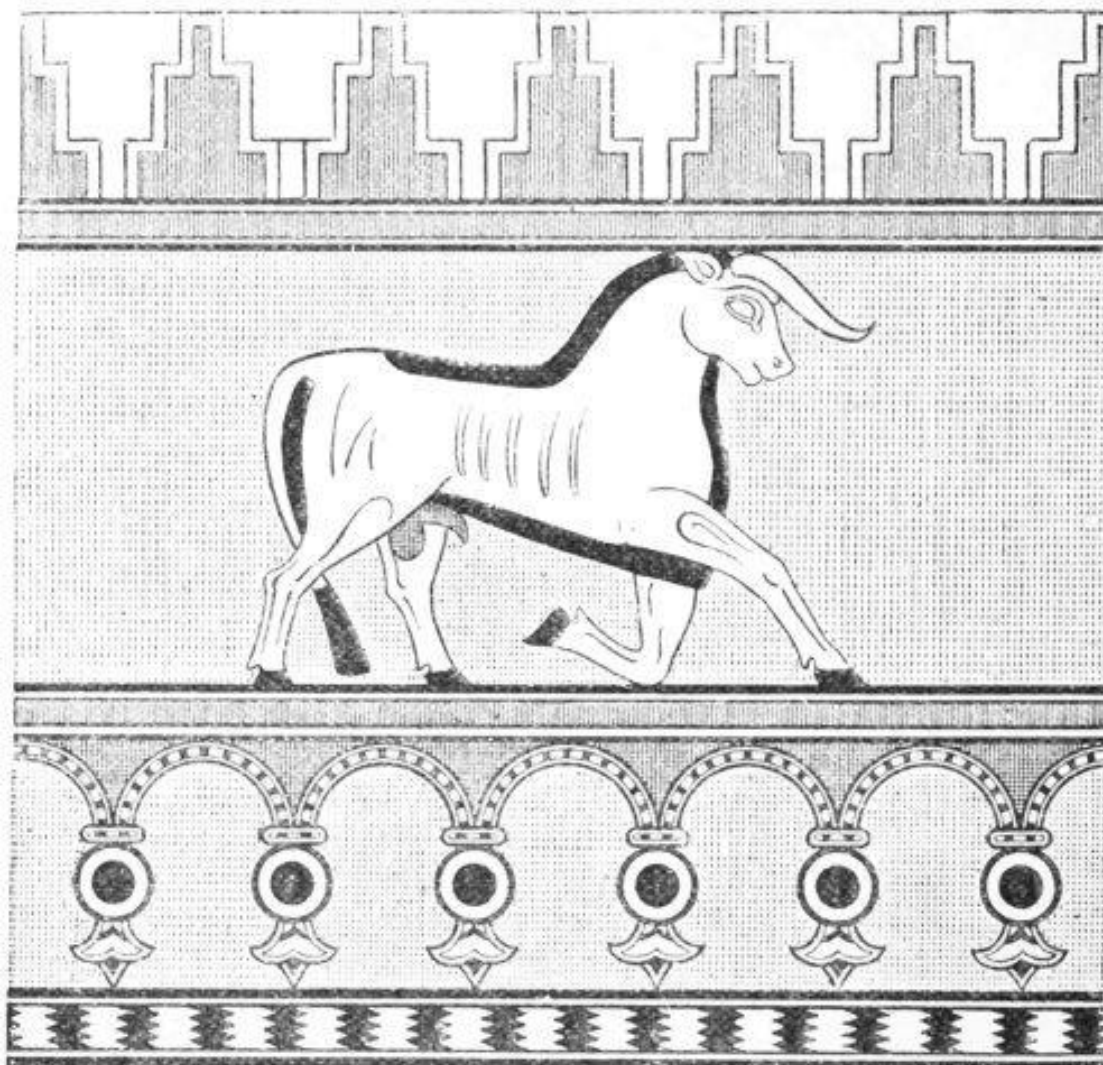

Рис. 118.

Орнамент, нанесенный на штукатурку; из Layard.

Именно на верхних частях стен, где они были недоступны для случайных повреждений, размещались эти расписные украшения. М. Плейс имел основания полагать, что они также использовались на нижней стороне сводов. В помещениях, где не было необходимости в более богатом и постоянном орнаменте, для украшения использовалась только краска. В нескольких камерах, расчищенных Джорджем Смитом в Нимруде, исследователь обнаружил горизонтальные цветные полосы, попеременно красные, зеленые и желтые, а там, где каменная облицовка нижних стен не была скульптурной, эти полосы были продолжены на ее поверхности. [347]

Художник, которому было поручено выполнение этой работы, наверняка позаботился о том, чтобы его оттенки гармонично сочетались с теми, что были нанесены другой кистью на многие детали скульптурных плит. Вопрос о полихромии в ассирийской скульптуре мы обсудим в будущем, а сейчас нам достаточно отметить, что эффект рельефов был усилен то тут, то там использованием цвета.

Борода, волосы и брови были окрашены в черный цвет; такие вещи, как бахрома одеяний, балдрики, цветы в руках, были окрашены в синий и красный. Приданная таким образом веселость

приводила помещение в гармонию и не позволяла холодному серому цвету алебастровых плит составлять неприятный контраст с яркими тонами крыш и верхних стен.

Таким образом, мы могли бы восстановить интерьер ассирийской квартиры и получить целое, некоторые элементы которого были бы безусловно подлинными, а другие, по крайней мере, очень вероятными. Попытки, предпринятые до сих пор в этом направлении, оставляют желать лучшего и дают много поводов для критики; и это потому, что их создатели не смогли полностью овладеть духом месопотамской архитектуры, как это показано в ее оставшихся фрагментах. [348]

Было бы гораздо менее просто, фактически безрассудно, пытаться восстановить зал из вавилонского дворца. Нашей информации совершенно недостаточно для такой задачи. Однако мы можем утверждать, что там, где у архитектора не было камня, декорации должны были иметь несколько иной характер, чем там, где этот бесценный материал использовался свободно. Общие тенденции в обеих странах должны были быть одинаковыми, но между Ниневией и Вавилоном, а тем более между столицей Ассирии и городами Нижней Халдеи, существовали различия, которые время от времени нам удастся уловить. Вынужденный почти полностью полагаться на глину, художник Халдеи, должно быть, обращал свое внимание на цвет в качестве украшения гораздо больше, чем его ассирийский соперник.

Его увлеченность этой идеей очень любопытно показана на фасаде одного из тех разрушенных зданий в Варке, которые изучил и описал Лофтус. [349] Мы заимствуем у него план и план фасада, к которому мы обращаемся (рис. 119).

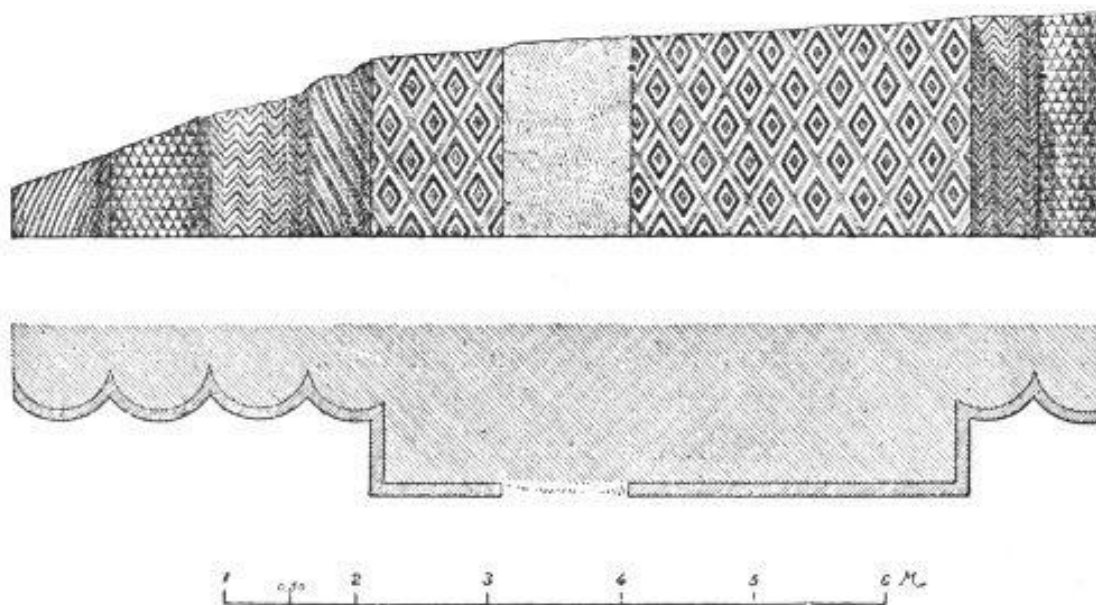

Рис. 119. План и

изображение части фасада в Варке; из Лофтуса.

В первую очередь читатель узнает те полукруглые пилястры или гигантские тростники, о которых мы уже упоминали, как о ярко выраженной характеристике халдейской архитектуры и одним из самых верных признаков ее происхождения. Следует обратить внимание на шевроны, спиральные линии и ромбы цветного декора, которым покрыты полуколонны и опорные контрфорсы, разделяющие их на две группы. Орнамент меняется с каждым структурным подразделением. Лофтуса, однако, больше всего поразил процесс, использованный для создания конструкции. Вся лицевая сторона стены состоит из терракотовых конусов (рис. 120), соединенных раствором, состоящим из грязи, смешанной с измельченной соломой. Основания этих конусов вывернуты наружу и образуют поверхность стены. Некоторые из них сохранили естественный цвет

терракоты - темно-желтый, другие были погружены - без сомнения, перед фиксацией - в ванны с красным и черным красителем. Благодаря помощи этих трех оттенков был достигнут эффект, который, по словам Лофтуса, далеко не всегда неприятен. Этот процесс можно сравнить с мозаикой, когда конусы из терракоты заменяются маленькими кубиками из цветного камня или стекла. [350]

Рис. 120.- Конус с цветным основанием; из Лофтуса. На том же месте М.

Лофтус обнаружил следы еще более необычного украшения. Горизонтальные ряды грубого кирпича были разделены между собой фаянсовыми вазами, установленными так, что их открытые горлышки находились вровень с лицевой стороной стены. Три ряда этих ваз ставились одна на другую, и любопытный орнамент повторялся трижды в оставшемся куске стены. Внешне вазы были длиной от десяти до пятнадцати дюймов, но внутри их глубина не превышала десяти дюймов, так что их конические основания были сплошными. [351] Темные тени от их открытых горлышек составляли сильный контраст с белой штукатуркой, покрывавшей кирпичную кладку вокруг них. Игра света и тени, не разбавленная цветом, была достаточно приятной. Однако, несмотря на толстые стенки, эти вазы едва ли могли успешно противостоять весу кирпичей сверху и различным разрушающим воздействиям, возникающим в результате их сжатия при высыхании. Большинство ваз были разбиты, когда Лофтус увидел их, хотя и оставались на месте.

Конусообразная мозаика и вставка ваз среди кирпичей в конечном счете предоставили лишь скудные возможности для архитектора-декоратора. Если бы строители Халдеи не обладали более эффективными средствами, чем эти, для достижения красоты, их сооружения вряд ли бы навязали себя в качестве моделей своим богатым и могущественным соседям из Ассирии так полно, как они это сделали. Нужен был какой-то процесс, который не ограничивал бы декоратора кривыми и прямыми линиями простейших геометрических фигур, который позволил бы ему использовать мотивы животного и растительного царства, человека и тех причудливых творений человеческого разума, которые стали результатом его попыток изобразить богов. Вряд ли можно сомневаться в том, что халдеи, как и их северные соседи, часто использовали краски для украшения широких оштукатуренных стен, которые представляли собой столь заманчивую поверхность для кисти. До нас не дошло ни одного фрагмента такой работы, но у нас есть все основания полагать, что расположение мотивов и выбор линий были такими же, как и в Ассирии. Мы можем

рассматривать настенные росписи в ниневийских дворцах как копии, сохранившие для нас основные черты их халдейских оригиналов.

Даже в Халдее, где климат был более сухим, чем в Ассирии, росписи, нанесенные на наружные стены, не могли иметь очень долгую жизнь. Они не имели ничего общего с небом Верхнего Египта, где годы проходят без единого дождя. Искали средство закрепить цвет, чтобы его не смыло первым же дождем, и оно было найдено в изобретении эмали, в покрытии кирпичей цветным материалом, который при прохождении с ними через огонь стекленел и погружался до некоторой степени в их вещество. Кирпич, покрытый таким образом, никогда не мог потерять свой цвет; последний становился нерастворимым и так тесно соединялся с блоком, к которому был прикреплен, что один едва ли мог быть разрушен без другого. Сэр Х. Лэйард рассказывает, что многие фрагменты кирпича, найденные в Касре, были покрыты толстой глазурью, цвет которой ничуть не пострадал со временем. На некоторых из них можно было различить фрагменты орнаментов и фигур. Чаще всего встречаются очень яркие синие, красные, темно-желтые, белые и черные цвета. [352]

В поисках информации о том, как эти эмалированные кирпичи складывались в рисунки, нам снова приходится обращаться к ассирийским руинам. Ни один исследователь не нашел в остатках халдейского города ничего, что можно было бы сравнить с архивольтом из эмалированных кирпичей, обнаруженным М. Плейсом над одними из ворот города, основанного Саргоном. [353]

Однако мы вряд ли можем сомневаться в том, что искусство эмалиера было открыто в Халдее и оттуда перенесено в Ассирию. Все сочетается, чтобы дать нам такую уверенность: изучение руин в Месопотамии и предметов, привезенных из них, а также прямые заявления древних.

Каждый путешественник говорит, что в Вавилоне нет ни одной руины, в которой нельзя было бы найти сотни этих эмалированных кирпичей, и их можно найти в других местах Халдеи. [354] Некоторое количество фрагментов сейчас находится в Британском музее и Лувре с надписями на них, не оставляющими сомнений в том, откуда они пришли. [355] Что касается блоков того же рода, происходящих из Ниневии и ее окрестностей, то они очень многочисленны в наших коллекциях. Поэтому легко сравнить изделия халдейских мастерских с изделиями ассирийского происхождения. Сравнение не в пользу последних. Эмаль на вавилонских кирпичах очень толстая и прочная, она крепко сцепляется с глиной и даже в условиях сравнительно влажного климата сохраняет свой блеск. Иначе обстоит дело с кирпичами из Хорсабада и Нимруда, которые быстро тускнеют, когда их извлекают из земли, защищавшей их на протяжении многих веков. Похоже, их обжиг не был достаточно продолжительным. [356]

Необходимость - мать изобретения, гласит пословица. Если и есть страна, в которой глина была вынуждена делать все, что было в ее силах, то это, несомненно, та, в которой не было другого материала для строительства и украшения зданий. Результаты, полученные эмалиерами, были практически одинаковыми в Ассирии и Халдее, и мы склонны считать более древний из этих двух народов изобретателем этого процесса, тем более что он вряд ли мог обойтись без него так же хорошо, как его более молодой соперник, и это мнение подтверждается превосходным качеством вавилонской эмали. Возможно, есть доля правды в утверждении, что большинство дошедших до нас глазурованных кирпичей относятся к реставрациям Навуходоносора; но даже если предположить, что это так, они свидетельствуют о техническом мастерстве, настолько совершенном и уверенном в себе, что оно должно было быть очень далеким от своего младенчества. Родиной эмалиера является Южная Месопотамия и особенно Вавилония, где эмалированные кирпичи, похоже, использовались в необычайных количествах.

Стена Дур-Сарьюкина, города, построенного Саргоном, была найдена нетронутой на значительной части своей высоты. Как и в подпорной стене дворца, цветной кирпич

использовался крайне осторожно. Он встречается только над арками главных дверей и, возможно, в виде розеток на источниках бойниц. Остальная часть огромной ширины сырцового кирпича была покрыта белой штукатуркой. [357]

Иначе обстояло дело в Вавилоне. Ктесий, живший там некоторое время, так описывает дворец на правом берегу Евфрата: "В глубине первой линии окружности Семирамида построила еще одну по кругу, на которой изображены всевозможные животные, выбитые на еще необожженных кирпичах; природа имитируется в этих фигурах с помощью красок [358] Третья стена, та, что посередине, была двадцать стадий в окружности... на ее башнях и их куртинах можно было увидеть всевозможных животных, изображенных по всем правилам искусства, как по форме, так и по цвету. Все они представляли собой погоню за различными животными, причем высота последнего превышала четыре локтя: в центре Семирамида на коне пускает стрелу в пантеру, а с одной стороны ее муж Нинус сближается со львом, которого он поражает своим копьем". [359]

Диодор приписывает все эти постройки своей сказочной Семирамиде. Он ошибся. Перед ним был дворец, построенный Навуходоносором; его взор остановился на творениях тех государей второй Халдейской империи, которые возглавили настоящий ренессанс искусства - пробуждение цивилизации, которая никогда не была столь блестящей, как в годы, непосредственно предшествовавшие ее падению. Ошибка историка здесь не имеет особого значения. Нас интересует главным образом тот факт, что он действительно видел стены, о которых рассказывает, и видел их покрытыми картинами, материалом для которых послужил эмалированный кирпич.

Эти кирпичи, должно быть, производились в немалом количестве, чтобы позволить украшать стены фигурами высотой почти в шесть футов. [360] Мы можем составить некоторое представление о таком фризе животных по одному из них во дворце Саргона у подножия стены по обе стороны от дверного проема гарема (Plate XV.). [361] Что касается охотничьих инцидентов, то мы можем представить себе, какими они были, по ассирийским скульптурам (рис. 5).

В Вавилоне, как и в Ниневии, палитра эмалиера была очень ограничена. Фигуры, как правило, были желто-белыми, облепченными на синем фоне. Штрихи черного цвета использовались для акцентирования некоторых деталей, таких как волосы и борода, или для определения контура. Поверхность кирпича не всегда оставалась гладкой; в некоторых случаях на ней видны углубления, в которые помещались определенные цвета, когда требовалось обозначить отличительные или дополнительные черты. Как правило, мотивы были рельефно изображены на земле, так что они выделялись не только цветом, но и мягкой рельефностью, что увеличивало их солидность и эффектность. [362] Это можно наблюдать на вавилонских кирпичах, привезенных в Европу М. Делапортом, генеральным консулом Франции в Багдаде. Сейчас они находятся в Лувре. На одном из них мы видим три белых лепестка, принадлежащих одному из тех цветов в форме Маргариты, которые художники в таком изобилии использовали в живописи и скульптуре (рис. 22, 25, 96, 116, 117). Другой представляет собой фрагмент крыла и, должно быть, вошел в композицию одного из тех крылатых гениев, которых в ассирийском декоре не меньше (рис. 4, 8, 29). На третьем можно различить ствол пальмы, а на четвертом - извилистые линии, окаймляющие драпировку. [363] М. де Лонгперье вычислил по размерам этого последнего фрагмента, что фигура, к которой он принадлежал, должна была быть высотой в четыре локтя - именно такую высоту Ктесий определил для фигур в группах, которые он видел во время посещения дворца древних царей. [364]

М. Опперт также упоминает фрагменты, которые были частью подобных важных композиций. Желтые чешуйки, отделенные друг от друга черными линиями, напомнили ему условную фигуру, под которой ассирийцы изображали холмы или горы; на других он нашел фрагменты деревьев, на третьих - голубые волнистые линии, означающие, несомненно, воду; на четвертых - части

животных: ноги лошади, грива и хвост льва. Толстая черная линия на синей земле, возможно, обозначала копье охотника. На одном из фрагментов можно различить человеческий глаз, устремленный вперед. [365] Можно предположить, что в этих остатках М. Опперт увидел все, что осталось от изображений, вызвавших восхищение Ктесия.

Надписи крупными буквами, полученные тем же способом, сопровождали и поясняли изображения. Иероглифы были белыми на синем фоне. М. Опперт собрал около пятнадцати таких монументальных текстов, но не нашел ни одного фрагмента, на котором было бы больше одной буквы. Надписи должны были быть различимы на значительном расстоянии, ведь высота букв составляла от двух до трех дюймов. В последующие времена арабские архитекторы последовали этому примеру и с величайшим мастерством использовали изящные формы куфического алфавита в своих работах. [366]

Для создания одной из этих фигур людей или животных требовалось большое количество единиц, а для того, чтобы она сохраняла свою верность, необходимо было не только точное совпадение отдельных частей, но и их крепление и подгонка с особой тщательностью. В Вавилоне они были прикреплены к стене с помощью битума. На задней поверхности нескольких эмалированных кирпичей в Лувре можно увидеть толстый слой этого вещества; он сохранил отпечаток всех шероховатостей на поверхности грубой массы, на которую был нанесен. Невозможно определить, был ли этот натуральный раствор использован для заполнения швов между одним эмалированным квадратом и другим или нет. Ни один из этих кирпичей не был найден на месте, и ни один, насколько нам известно, не был сломан. Возможно, покрытие с обратной стороны делало сцепление настолько полным, что дальнейшие меры предосторожности не требовались. В Ассирии, по крайней мере в Хорсабаде, они довольствовались меньшими трудностями. Кирпичи, образующие эмалированный архивольт, о котором мы говорили, прикреплены к стене раствором, в котором мало клеящей способности. [367] Он не оказал никакого сопротивления, когда М. Пляс разобрал арку, чтобы обогатить свою страну трофеями Саргона. Если бы не несчастный случай, отправивший его лодки на дно Тигра неподалеку от Бассоры, эти прекрасные ворота были бы восстановлены в Париже. [368]

Установить все эти квадраты на свои места было делом тонким, но оно упростилось благодаря долгой практике. На непокрытых поверхностях грубых кирпичных стен были замечены знаки или, скорее, цифры, служившие руководством для рабочих. [369] Еще больше мастерства требовалось для правильного распределения фигуры по кирпичам, из которых она должна была быть создана. Ретушь была невозможна, так как кирпичи окрашивались перед обжигом. Малейшая небрежность каралась прерыванием контуров или их деформацией из-за несовпадения линии на одном кирпиче и ее продолжения на следующем. Предотвратить подобные ошибки можно было только одним способом - заранее подготовив то, что мы называем карикатурой. На нем предполагаемый дизайн прорисовывался через сеть квадратов, изображающих стыки кирпичей. Затем кирпичи формировались, моделировались и нумеровались; каждый из них раскрашивался в соответствии с рисунком, с должной пропорцией грунта или фигуры, в зависимости от ситуации, и отмечался тем же номером, что и соответствующий квадрат на рисунке. [370] Краска наносилась на каждый кирпич отдельно; это доказывается наличием на их краях пигмента, вытекшего с лицевой стороны и обожженного одновременно с остальными.

Так были изготовлены те эмалированные кирпичи, по которым современный посетитель развалин Вавилона ходит на каждом шагу. Разбитые, измельченные почти в порошок, они показывают, как далеко зашло искусство эмалирования в те далекие времена и какой огромной была его индустрия. Мы не сомневаемся, что краски, закрепленные в огне, должны были составлять главный элемент декора зданий Навуходоносора, того Вавилона, чье наглое процветание так поражало воображение и вызывало гнев еврейских пророков. Именно на картины такого рода

ссылался Иезекииль, когда обличал Иерусалим под именем Ахолиба за его неверность и принятие чуждых суеверий: "Ибо, когда она увидела на стене людей, изображенных в образе Халдейцев, вымазанных в пурпуре, подпоясанных кушаками на чреслах, в крашеном одеянии на головах, все они князья, на которых можно смотреть, по примеру Вавилонян Халдейских, земли их происхождения". [371]

Росписи в храме Белоса, описанные Беросом, по всей вероятности, были выполнены таким же образом. Они украшали стены великого храма Бел-Меродаха в Вавилоне, где можно было увидеть "все виды дивных чудовищ с величайшим разнообразием их форм". [372]

Таким образом, мы видим, что и священные, и светские писатели утверждают важную роль, которую играли эти картины в столичных дворцах и храмах. А Ктесий, который не довольствуется аллюзиями, а вдаётся в мельчайшие подробности, рассказывает, как выполнялась работа и как обеспечивалась ее долговечность. Современные здания Персии дают нам некоторое представление о том, как выглядели вавилонские постройки. Несомненно, план мечети полностью отличается от плана храма Мардука или Небо, но принцип декорирования тот же. Если бы волшебная палочка чародея могла восстановить главные здания Вавилона, мы, возможно, нашли бы не одно, к которому можно было бы применить следующее описание великой мечети Исфахана с изменением одного слова здесь и там: "Все без исключения части здания покрыты эмалированными кирпичами. Их основа - синий цвет, на котором белым цветом выведены изящные цветы и фразы из Корана. Купол голубой, украшенный щитами и арабесками. Трудно представить себе, какой эффект производит такое здание на европейца, привыкшего к унылому однообразию наших бесцветных построек; его охватывает восхищенное удивление, которое невозможно выразить никакими словами". [373]

Если бы мы взяли за такое сравнение, то главным отличием, на которое следует обратить внимание, было бы то, которое вытекает из запретов Корана. Персидскому гончару приходилось довольствоваться ресурсами чистого орнамента, на которые он наносил рисунок с изысканным мастерством, не позволяющим нам сожалеть об отсутствии в его работах людей и животных. Цветные поверхности вавилонских зданий, должно быть, отличались большим разнообразием, чем поверхности большой мечети в Исфахане или зеленой мечети в Брусе. Но одни и те же группы и одни и те же персонажи постоянно повторялись в одних и тех же позах и оттенках, так что их общий характер должен был быть чисто декоративным. Даже когда они объединялись в нечто, приближающееся к сцене, то условностью трактовки и частым повторением знакомых типов и групп старались не привлекать к себе внимания, которое должно было принадлежать композиции, частью которой они являлись. Художника в первую очередь занимал общий эффект. Его целью было придать определенный ритм череде традиционных форм, порядок и расположение которых никогда не менялись, наполнить широкие поверхности своей архитектуры контрастами и гармониями цвета, которые должны радовать глаз и предотвращать его утомление.

Были ли цвета такими же мягкими и гармоничными, какими мы видим их сейчас в тех зданиях Персии и Малой Азии, которые вскоре сами станут не более чем руинами? Трудно ответить на этот вопрос по тем небольшим фрагментам цветных украшений вавилонских храмов и дворцов, которыми мы располагаем, но условия остались теми же; желания, которые нужно было удовлетворить, и процессы, использовавшиеся столетие назад, были идентичны тем, что были в Вавилоне и Ниневии; Архитектор и художник стояли перед тем же ослепительным солнцем, и, насколько мы можем судить, вкус не претерпел заметных изменений на всем огромном пространстве страны, простирающейся от границ Сирии до восточных границ плоскогорья Ирана. Появились новые народы, новые религии и новые территориальные деления, но промышленные привычки остались; несмотря на политические революции, рабочий передавал секреты своего ремесла своим сыновьям и внукам. Восточному искусству теперь угрожает гибель от рук западной

конкуренции. Благодаря своим машинам Европа наводняет самые отдаленные рынки продукцией более дешевой, чем та, которую производит туземный мастер, и туземный мастер, обескураженный и сомневающийся в себе, переходит к неуклюжему подражанию Западу и теряет власть над искусством, которое он так хорошо понимал. Традиции сильно ослабли за последние полвека, но в тех немногих местах, где они еще сохранили былую жизненную силу, их можно с уверенностью считать представителями искусства и промышленности многовековой давности и прямыми потомками тех ранних продуктов цивилизации, на которые мы пытаемся бросить новый свет. Если, как нам кажется, цвета и узоры, которые женщины Хорасана и Курдистана наносили на свои ковры и ковровые покрытия, идентичны тем, что были на вешалках во дворцах Саргона, Навуходоносора и Дария, почему бы нам не допустить, что оттенки, которые сегодня восхищают нас на мечетях Тегерана и Испахана, Никеи и Брусы, идентичны тем, что использовал халдейский гончар?

Несомненно, и те, и другие питали синее пристрастие к голубому цвету - чудесному цвету, окрасившему самые красивые цветы их полей, сиявшему на их далеких горах, озерах, морях и глубокой лазури почти безоблачного неба. Природа, похоже, выбрала синий цвет для фона своих изменчивых картин, и, как и художники современной Персии, художники античной Месопотамии понимали ценность данного им намека. На фрагментах вавилонских изразцов, привезенных путешественниками, синий цвет является доминирующим; синий служит фоном для двух композиций из эмалированного кирпича, найденных *на месте*. Однако вавилонский синий цвет, по-видимому, был более насыщенным и более темным по оттенку, чем хорсабадские плитки.

Мы уже упоминали об этой неполноценности ассирийской эмали. Это можно объяснить тем, что ассирийский архитектор обращался к скульптуре для создания самых роскошных эффектов; он использовал полихроматический декор только для подчиненных частей своей работы, и поэтому он мог довольствоваться менее тщательным исполнением, чем требовал его вавилонский соперник. Глазурованные плитки Ассирии не были, как в Халдее, квази-барельефами. Их тона наносились плашмя; единственное исключение составляют розетки, которые изготавливались в таком большом количестве для использования на верхних частях стен и вокруг дверных проемов; в них небольшой центральный босс моделировался в низком рельефе (см. [рис. 121](#) и [122](#)).

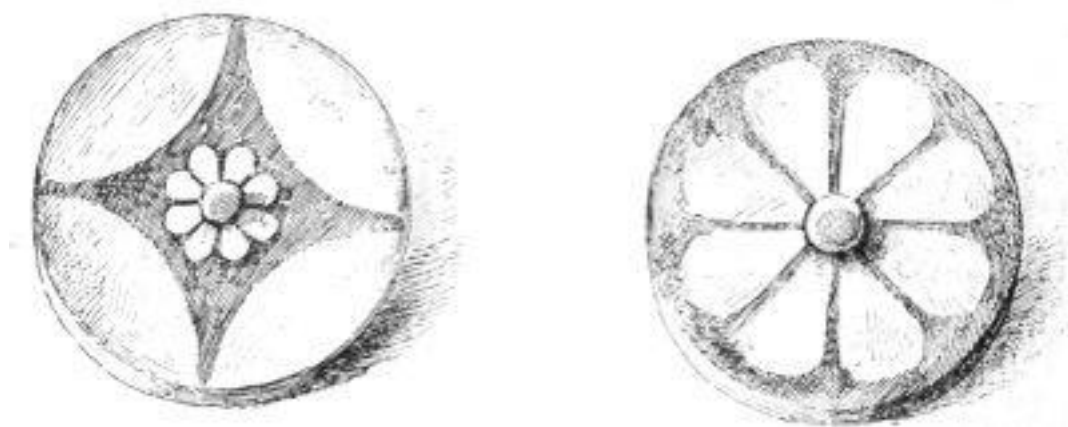

Рис. 121, 122 -

Розетки из глазурованной керамики. Лувр.

Эти глазурованные кирпичи ассирийский архитектор использовал в основном для дверных проемов и в непосредственной близости от них. [\[374\]](#) М. Плейс обнаружил почти нетронутое украшение одних из городских ворот в Хорсабаде. [\[375\]](#) Эмаль нанесена на один край кирпича, толщина которого составляет в среднем три дюйма с половиной. Фигуры разгружены желтым цветом, а розетки - белым на синем фоне. По нижнему краю диадемы проходит полоса зеленого

цвета. [376] Те же мотивы и те же фигуры повторяются по всей длине полосы. Фигуры представляют собой крылатых джиннов в различных позах поклонения и жертвоприношения. В руках они держат металлические печати и сосновые шишки, которые мы так часто встречаем на барельефах. Распределенные по входу, эти гении кажутся покровителями города, это благодетельные образы, их жест - молитва, обещание, благословение. По обе стороны арки, у ее истока, стоит один, более рослый, чем его товарищи (рис. 123). Его лицо обращено к сводчатому проходу. На изгибе архивольта небольшие фигуры стоят парами друг к другу, каждая пара отделена от соседних розетками (рис. 124).

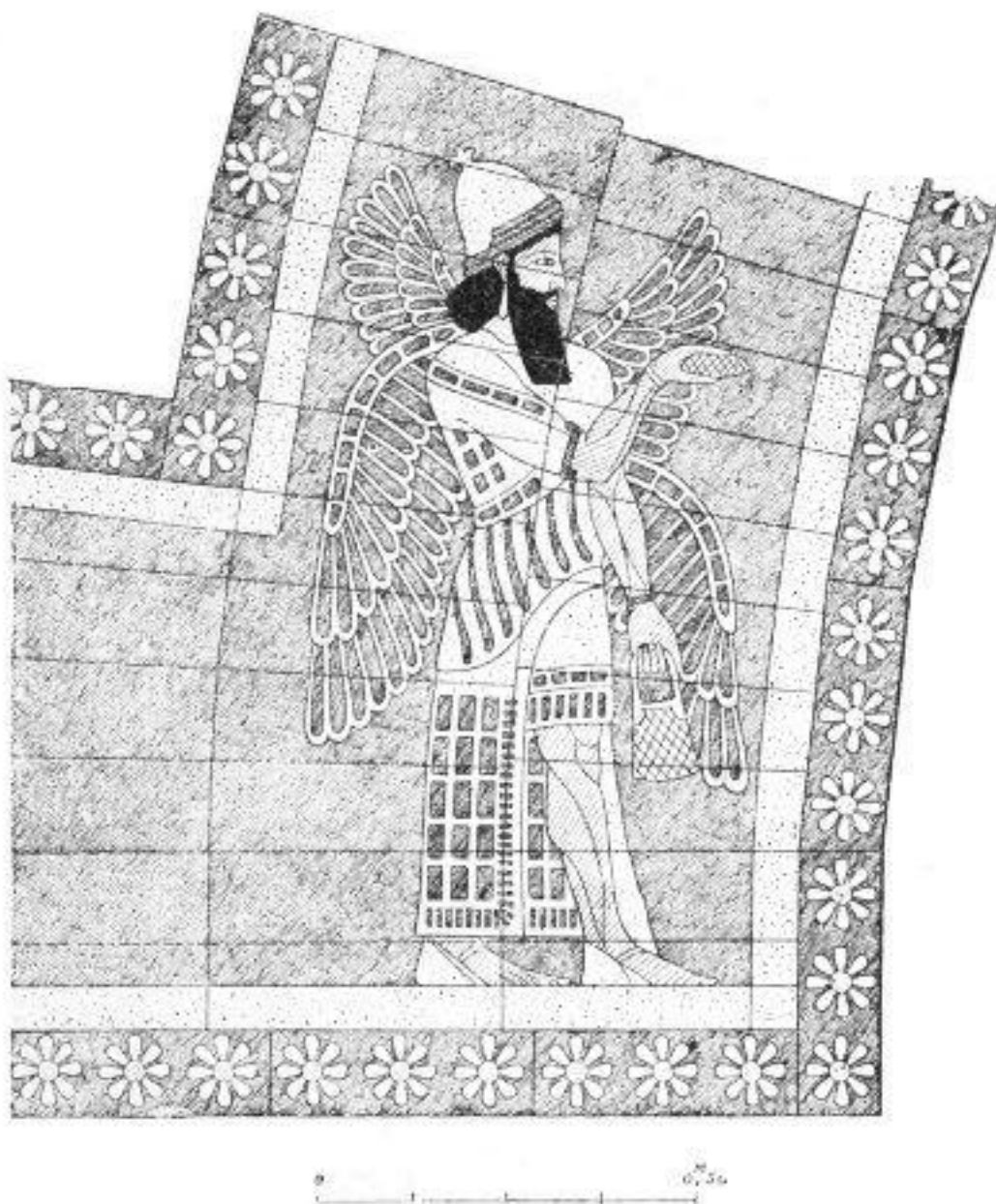

Рис. 123. Деталь

эмалированного архивольта. Хорсабад. С места.

Другая композиция находится на постаменте в дверном проеме гарема в Хорсабаде. Длина этого постаumenta составляла около двадцати трех футов, а высота - более трех футов. Его орнамент повторялся с обеих сторон дверного проема. [377] Он состоял из льва, орла, быка и плуга (плита XV). На обратных углах изображен король, стоящий, с одной стороны с обнаженной головой, с

другой - покрытый диадемой. Фон синий, как и в городских воротах; зеленый использован только для листьев дерева, в котором некоторые признают смоковницу.

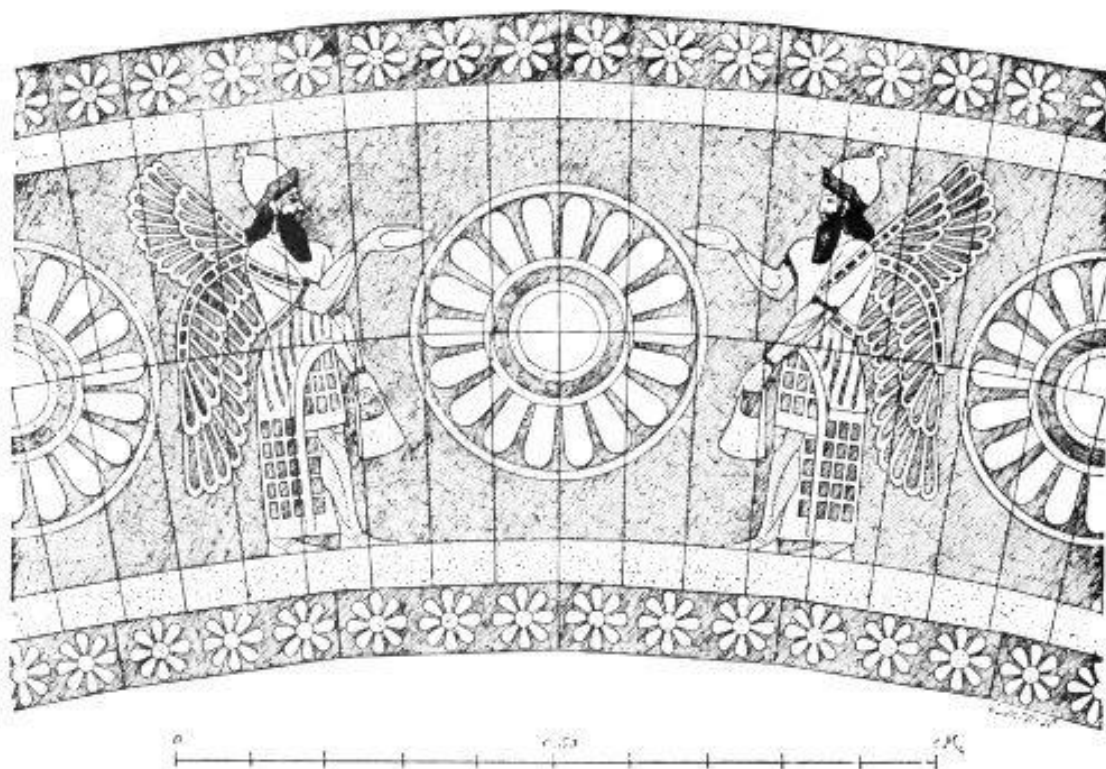

Рис. 124.- Деталь

эмалированного архивольта. Хорсабад. От места.

В этих двух примерах декор предельно прост; фигуры не вовлечены ни в какое общее действие; по сути, здесь нет никакой картины. Иногда кажется, что художник был более амбициозен. Так, Лэйард обнаружил в Нимруде остатки декора, в котором художник, очевидно, пытался соперничать со скульптором: он изобразил сцену битвы, аналогичную тем, которые мы в таком изобилии находим на барельефах. [378] Похожий мотив можно найти в лучше сохранившемся фрагменте, принадлежащем тому же сооружению (плита XIV, рис. 1). [379] На одном кирпиче изображены четыре человека: бог, от которого остались только руки, царь с паторой в руке, предлагающий возлияние, евнух с луком и колчаном и, наконец, офицер с копьем. Джордж Смит также нашел фрагмент такого же типа в Нимруде (см. рис. 125). На нем изображена фигура воина, от колен вверх, вооруженного луком и копьем, который стоит у колеса колесницы. Над его головой видны остатки надписи, которая, видимо, была продолжена на следующем кирпиче. Слово "воины" еще можно расшифровать. [380] Возможно, эта фигура была частью попытки декоратора рассказать в красках о некоторых подвигах царя, для которого был построен дворец.

Рис. 125.- Кирпич с эмблемой в

Британском музее.

Есть разница между такими фрагментами, как этот, и глазурованными плитками Хорсабадских ворот. В последних для создания одной фигуры требовались эмалированные края нескольких кирпичей. В кирпичах из Нимруда, напротив, на их поверхности нарисованы целые фигуры, и фактически на одном кирпиче было несколько фигур, которые, таким образом, были гораздо меньшего масштаба. Декор, в котором фигуры достигали двух и трех футов в высоту, хорошо подходил для использования в возвышенных местах, где фигуры, ограниченные поверхностью одного кирпича, были бы едва заметны. Последние, должно быть, крепились на нижних частях стены, но поскольку ни одна из них до сих пор не найдена на месте, мы не можем с уверенностью утверждать, что это было именно так.

Кроме того, такие изображения были совершенно исключительными. Большинство кусков глазурованного кирпича, найденных в руинах, представляют собой не что иное, как остатки фигур и мотивов, скорее декоративных, чем исторических по своему характеру. [381] Помимо розеток, о которых мы так часто говорили, на каждом шагу мы встречаем спиральный орнамент, рисунок которого остается без особых изменений, а некоторое разнообразие общему эффекту придает изменение расположения его цветов. В примере, представленном на рис. 126, большие черные диски, как глаза, охвачены двойной спиралью, в которой чередуются синий и желтый цвета. [382]

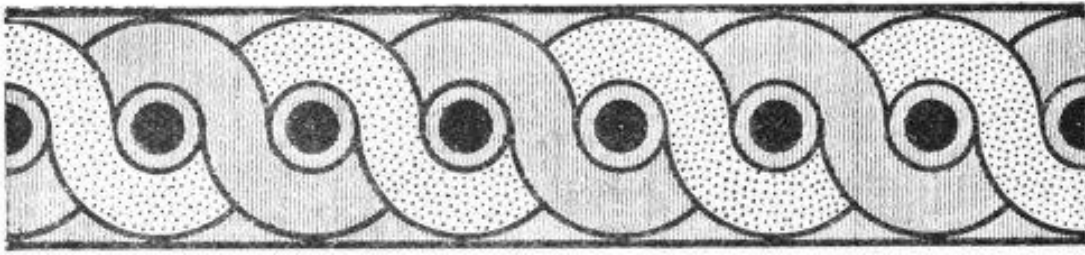

Рис. 126.

Орнамент на эмалированном кирпиче. Британский музей.

Есть один любопытный класс глазурованных плиток, в которых этот мотив постоянно проявляется. Эти плитки тоньше обычного кирпича. Их форма иногда квадратная, но со слегка вогнутыми сторонами (рис. 127), иногда круглая, в форме квоиты (рис. 128). В каждом случае используются похожие узоры: цветы, пальметты и т. д. Они выполнены черным цветом на белом фоне и расположены симметрично вокруг круглого отверстия в центре плитки. Эти вещи должны были быть изготовлены с какой-то особой целью, а имя Ассурназирпала, которое можно прочесть на нашем первом фрагменте (рис. 127), показывает, что они принадлежали к какому-то большому произведению декора, главной целью которого было прославление имени этого государя. Предполагается, что они служили центрами для кессонного потолка, и ничто не может опровергнуть эту догадку. Отверстие в центре могло быть заполнено боссом из бронзы или серебра с позолотой. Как мы уже показали, аппликация такого рода играла большую роль в ассирийском декоре; ею покрывались двери, и есть много признаков того, что и в Халдее, и в Ассирии многие другие поверхности защищались таким же образом.

Рис. 127.- Фрагмент

глазурованного кирпича. Ширина 14 дюймов. Британский музей.

Рис. 128.- Фрагмент

глазурованного кирпича. Диаметр 17 дюймов. Британский музей.

После тщательного изучения руин Тейлор пришел к выводу, что верхний этаж ступенчатой башни в Абу-Шарейне имел позолоченные стены. Он нашел множество маленьких и очень тонких золотых пластин на плато, образующем вершину здания, а вместе с ними - позолоченные гвозди, которыми они были закреплены. [383] В своей жизни *Аполлония Тианского* Филострат приводит описание Вавилона, которое, похоже, взято из достоверных источников, и отмечает такое использование металла. "Дворцы вавилонского царя покрыты бронзой, которая заставляет их сверкать на расстоянии; покои женщин, покои мужчин и портики украшены серебром, битым и даже массивным золотом вместо рисунков". [384] Геродот говорит о посеребренных и позолоченных боевых башнях Экбатаны [385], а в Хорсабаде были найдены кедровые мачты, оправленные в позолоченную бронзу, [386], в то время как следы золота были обнаружены на некоторых грубых кирпичах в Нимруде. [387] Учитывая, что металл использовался для покрытия широких поверхностей и что, как мы еще покажем, формы скульптуры, мебели и смежных с ними искусств в Месопотамии доказывают, что жители этого региона были необычайно искусны в обращении с металлом, будь то зубило или молоток, вышеприведенное предположение вполне может быть верным; блеск полированной поверхности прекрасно гармонировал бы с эмалевым фаянсом вокруг нее.

Было высказано предположение, что некоторые из резных слоновых костей могли быть использованы для украшения сундуков. Это предположение само по себе кажется достаточно правдоподобным, но мне не удалось обнаружить в богатой коллекции Британского музея ни одной слоновой кости, форма которой соответствовала бы отверстиям в плитке. [388] Однако несомненно, что слоновая кость использовалась для украшения зданий. "Я инкрустировал", - говорит Навуходоносор, - "дверные косяки, перемычки и порог места упокоения слоновой костью". Небольшие прямоугольные дощечки, которыми заполнены несколько шкафов и множество ящиков в Британском музее, вполне могли использоваться для украшения дверей, панелей потолков и карнизов. Их было так много, особенно во дворце Ассурназирпала в Нимруде, что мы не можем поверить в то, что все они были сняты с небольших и подвижных предметов мебели. В этом нас убеждает тот факт, что ни одна из этих слоновых костей не является уникальным или единичным произведением искусства. Несмотря на тщательность и вкус, проявленные при их исполнении, они не были драгоценными камнями, ценимыми за их редкость и ценность; они были продуктами активной мануфактуры, выпускавшей свои типы сериями, можно сказать, десятками. Самые изящные и законченные из них представлены по три, четыре и пять раз в избранных экземплярах в Британском музее. Можно с уверенностью сказать, что сохранившиеся образцы одной модели - далеко не все, которые были сделаны; более того, в

ящиках, где хранятся мелкие фрагменты, мы заметили остатки более чем одного изделия, которое когда-то было похоже на более совершенные образцы, выставленные на всеобщее обозрение.

Так, в музее хранятся четыре копии маленькой работы, изображенной на [рис. 129](#). [389] Голова женщины с полным лицом и в египетском головном уборе обрамлена узким окном и смотрит на балкон, образованный колоннами с любопытными капителями, которые уже упоминались на стр. [211](#). Помимо этих четырех более или менее полных образцов, в музее хранится несколько отделенных голов ([рис. 130](#)), которые когда-то, несомненно, принадлежали к подобным композициям.

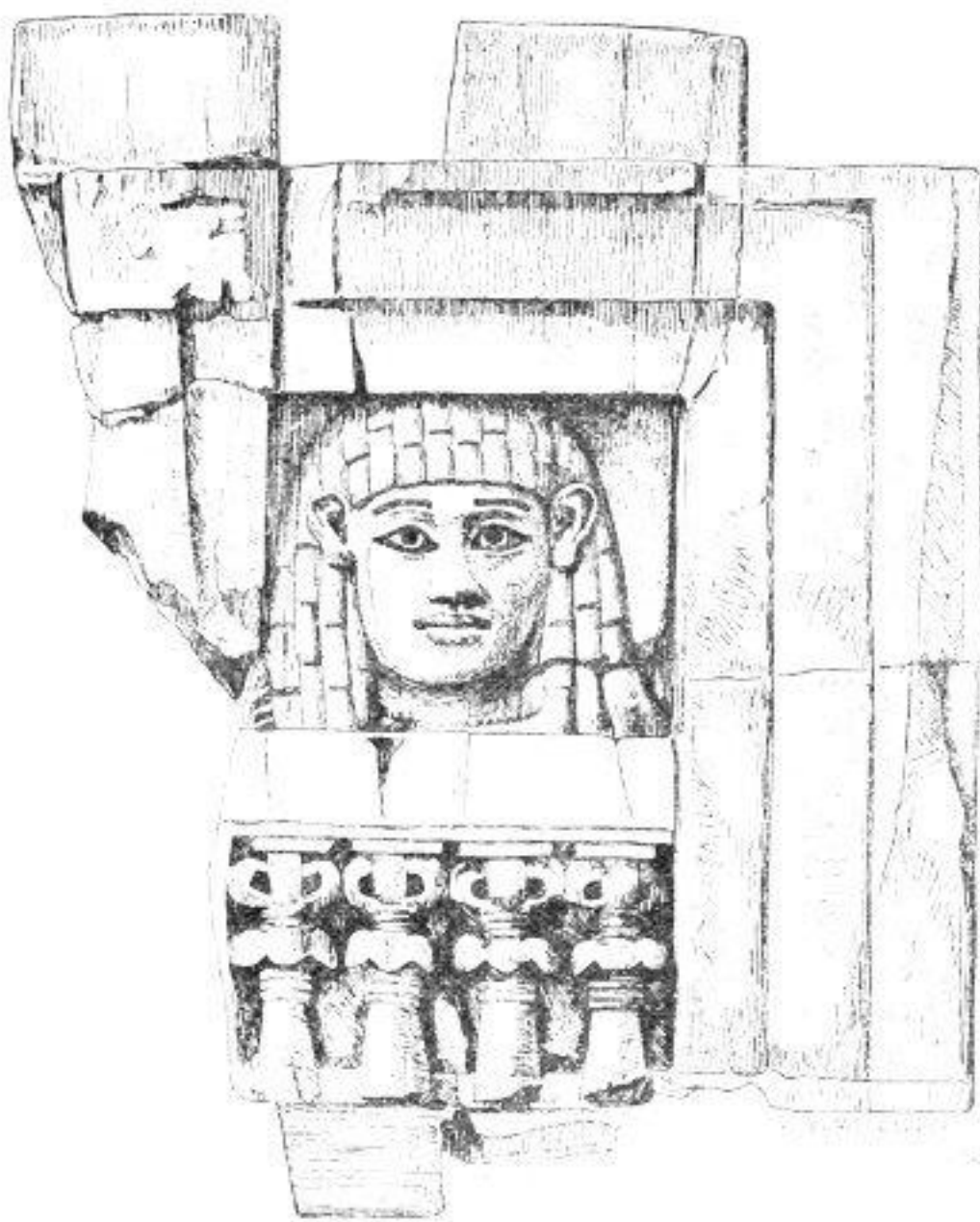

Рис. 129.- Планшет

из слоновой кости в Британском музее. Рисунок Сент-Эльма Готье.

Красота поверхности слоновой кости часто подчеркивалась вставкой цветных эмалей и ляпис-лазури в углубления планшета. Следы такой инкрустации можно увидеть на многих слоновых

костях из Музея, особенно на тех, что были недавно привезены из Вана в Армении. На планшетах также видны следы позолоты.

Рис. 130. Фрагмент таблички из слоновой кости.

Все это доказывает, что месопотамский декоратор не жалел средств на украшение своих обшитых панелями стен и кессонных потолков. Эти чеканные, эмалированные и позолоченные изделия из слоновой кости, должно быть, были вставлены в рамы из кедра или кипариса. Ассирийские тексты не раз свидетельствуют об использовании этих прекрасных материалов, а древнееврейские писатели часто ссылаются на роскошную столярную работу, которой подражали их собственные принцы в Иерусалимском храме. [390] В одной из своих язвительных речей против Ниневии Зефания восклицает: "Опустошение будет в порогах, ибо он раскроет кедровые работы". [391]

Чем больше мы вникаем в детали, тем богаче и разнообразнее представляется убранство этих зданий. В наши дни великие руины выглядят достаточно уныло и однообразно. Многовековые дожди смыли с них краски; украшения из металла и фаянса, слоновой кости и кедра упали со стен; рука человека в сочетании с медленным действием времени превратила их в стихию, и от их первоначальной красоты не осталось ничего, кроме отдельных фрагментов или намека на цвет. И все же, когда мы собираем эти скудные остатки воедино, мы обнаруживаем, что осталось достаточно, чтобы вкус и изобретение ассирийского орнаментатора заняли очень высокое место в нашем уважении. Этот художник был наделен способностью придумывать счастливые сочетания линий и варьировать мотивы, ни на мгновение не теряя из виду свою первоначальную тему.

Мы можем наглядно продемонстрировать это на примере более тщательного изучения двух уже встречавшихся нам мотивов - розетки и бегущего орнамента, который в своих бесчисленных модификациях известен как "узор из висюлек и цветов". Эти два мотива объединены в тех больших порогах, которые то и дело находят в такой чудесной сохранности. Они также встречаются на некоторых барельефах, изображающих архитектурные украшения, так что у нас есть все документы, необходимые для формирования истинного представления об их разнообразной красоте. В ассирийском подвале Британского музея хранится прекрасная гипсовая

плита, один из углов которой мы воспроизводим на рис. 131. [392] Помимо столь заметной розетки в форме маргаритки, есть и более сложный рисунок, который мы воспроизводим в большем масштабе и с другого примера на рис. 132. Она заключена в квадратную рамку, украшенную шевронами. Эта рамка с вписанной в нее розеткой может быть воспринята как некое представление о потолочных панелях или кофрах.

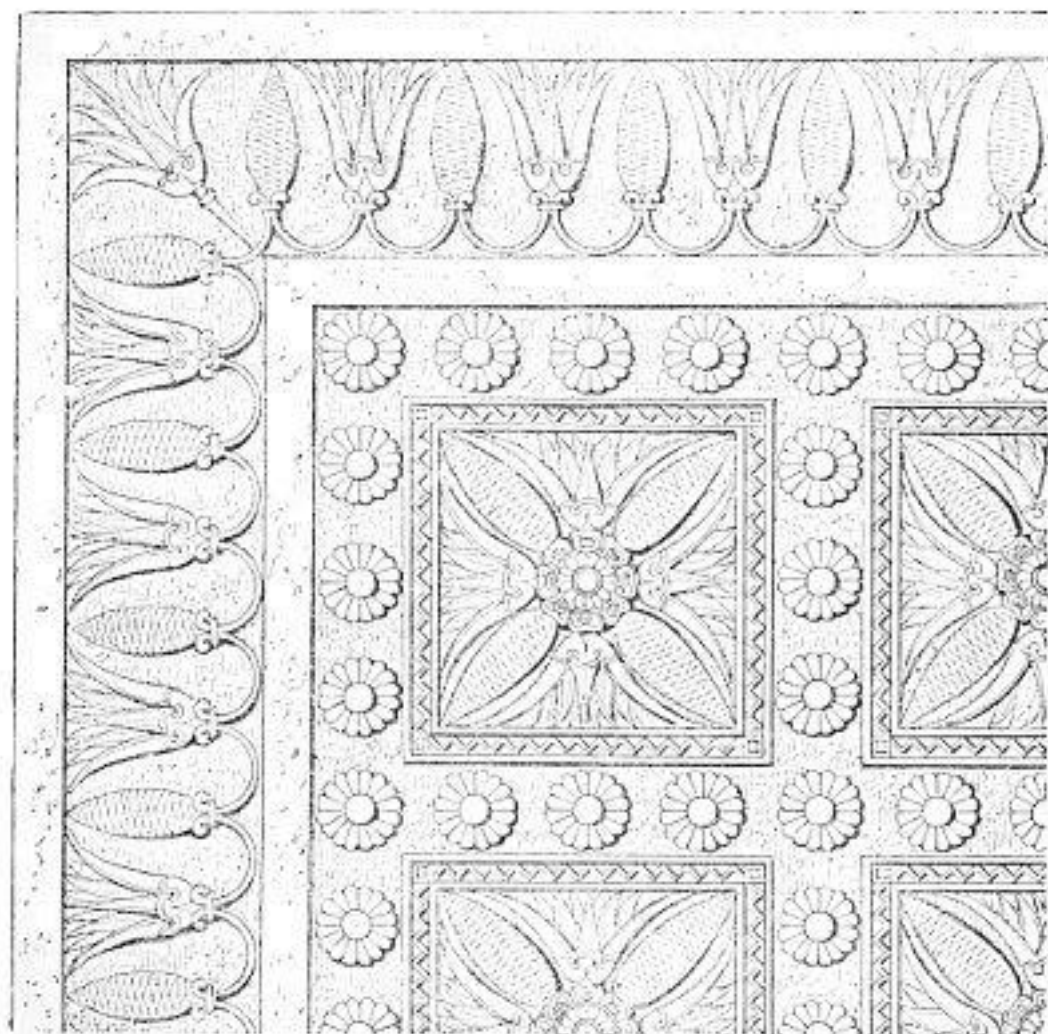

Рис. 131.- Порог из Куюнджика. Из Лэйарда.

Рис. 131.- Порог из

В этой розетке следует заметить, что за двойным фестом вокруг центральной звезды появляется такое же чередование бутонов и цветов, как и в прямой кайме. Этот цветок был признан египетским лотосом, но Лэйард считает, что его тип был создан, возможно, на основе алого тюльпана, который очень часто встречается в начале весны в Месопотамии. [393] Мы же скорее верим в подражание мотивам в вещах, драгоценностях, мебели и керамике, которые Месопотамия почерпнула из Египта в очень ранний период при посредничестве финикийцев. Сами финикийцы переняли тот же мотив и ввели его вместе со своим производством не только в Месопотамии, но и во всех странах, омываемых Средиземным морем. Наша догадка в некоторой степени подтверждается наблюдением сэра Х. Лэйарда. По его словам, этот цветок лотоса можно найти только в самых поздних ассирийских памятниках, а именно в тех, которые датируются восьмым и седьмым веками до нашей эры - веками, в течение которых ассирийские цари не раз вторгались в Финикию и захватывали Египет. [394] На более древних барельефах встречаются цветы с совершенно иными аспектами, скопированные, по всей вероятности, непосредственно с

натуры. О них можно составить некоторое представление по соседнему разрезу. Он воспроизводит букет, который держит в руке крылатый гений во дворце Ассурназирпала (рис. 133).

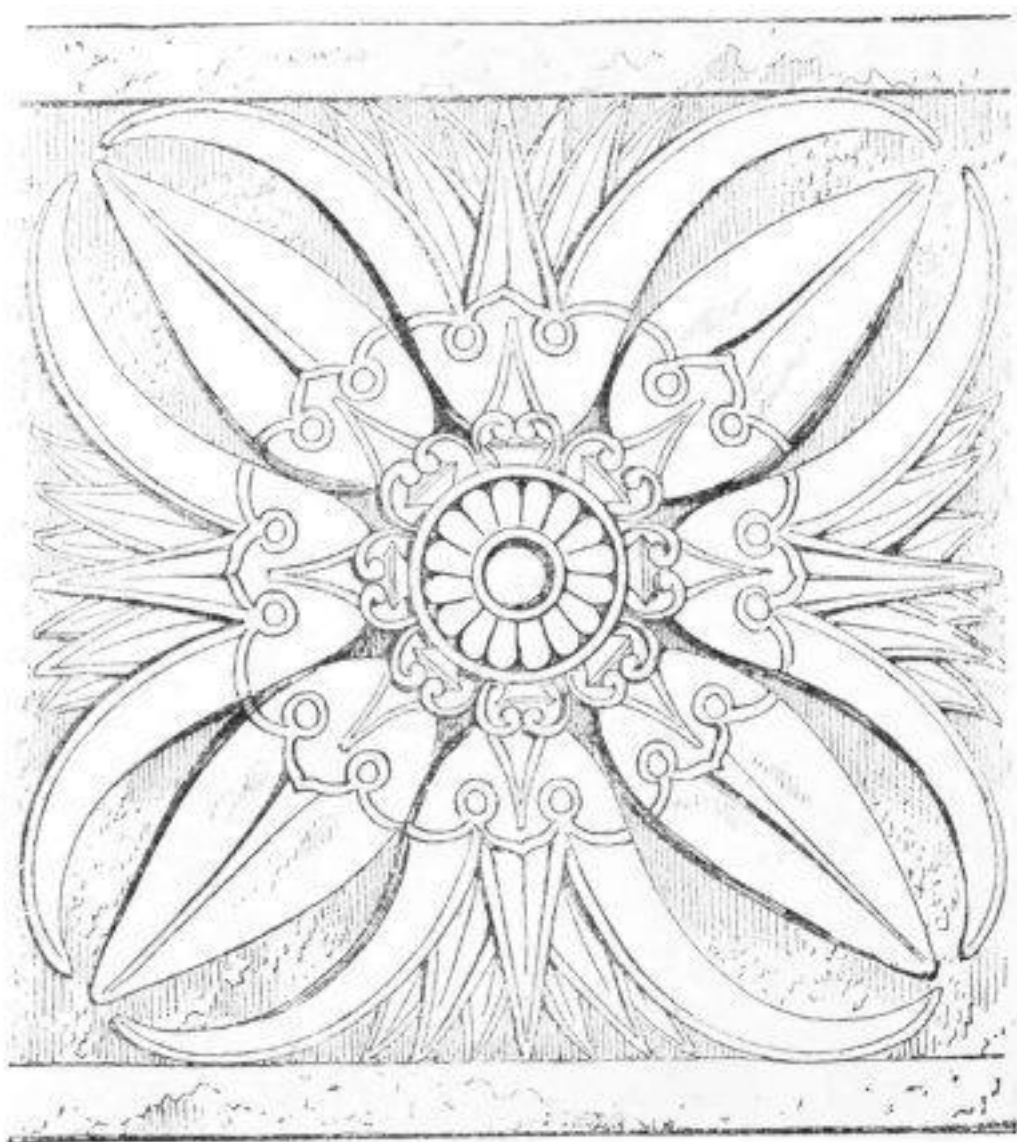
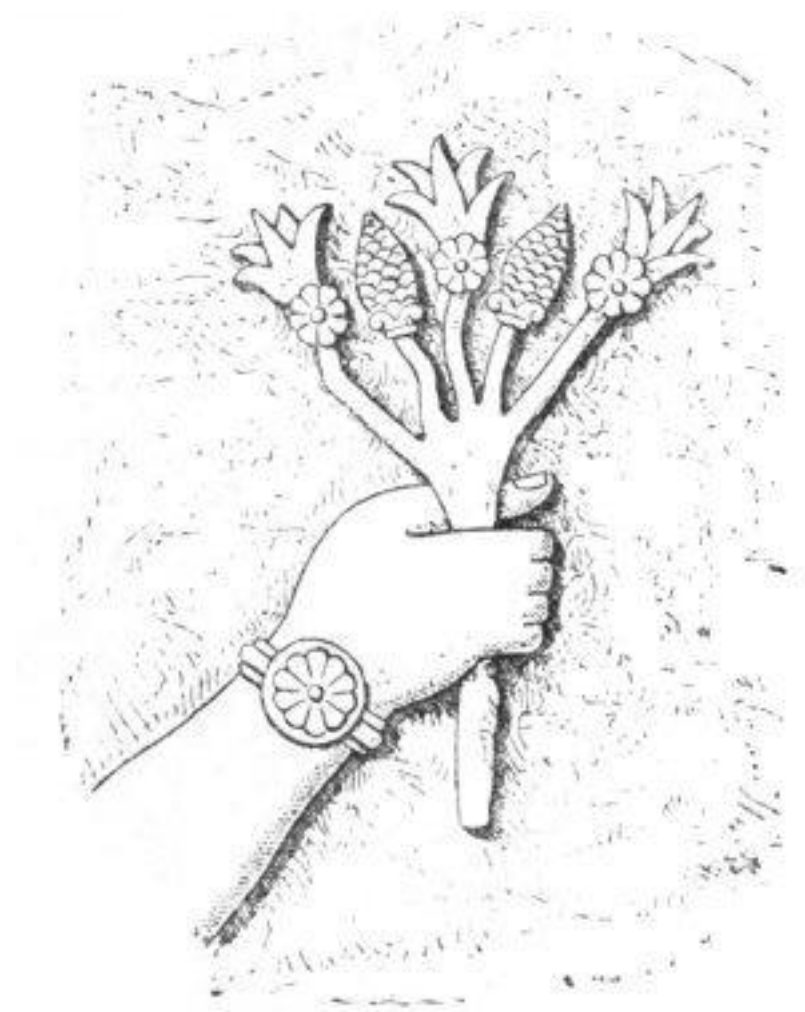

Рис. 132. Розетка.

Цветок лотоса встречается и в памятниках гораздо более древних, чем саргонидские, но это нисколько не опровергает гипотезу о прямом плагиате. Торговые отношения между долинами Нила и Евфрата относятся к гораздо более отдаленной эпохе, и примерно в начале восемнадцатой династии египтяне, похоже, заняли силой бассейн Хабуга, главного притока Евфрата. Лэйард обнаружил множество следов их перехода и пребывания в этом районе, в том числе ряд скарабеев, многие из которых несут надпись Тотмеса III. [395] Таким образом, точек соприкосновения было достаточно много, а взаимное общение было достаточно тесным и продолжительным, чтобы объяснить ассимиляцию месопотамскими художниками мотива, взятого из флоры Египта и встречающегося почти на каждом предмете, привезенном из долины Нила. Это подражание представляется тем более вероятным, что в росписях фиванских гробниц, относящихся к гораздо более отдаленному периоду, чем древнейшие ниневитские останки, рисунок с чередованием бутона и цветка полностью повторяется. Множество примеров можно найти в табличках большого труда Присса д'Авенна; [396] один из них воспроизведен на нашем рис. 134.

Layard.

Рис. 133.- Букет из цветов и бутонов; из

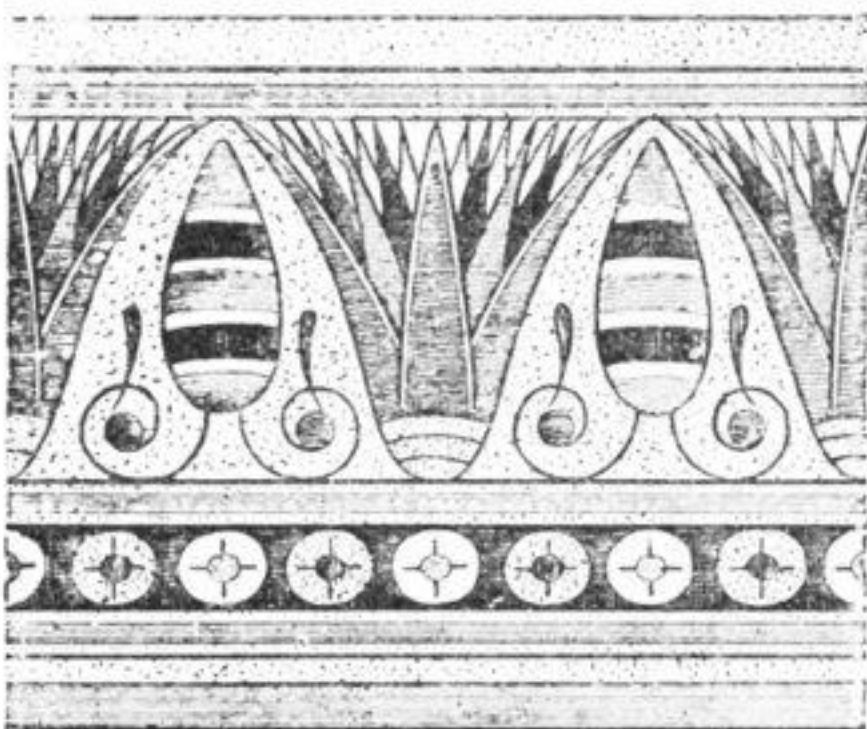
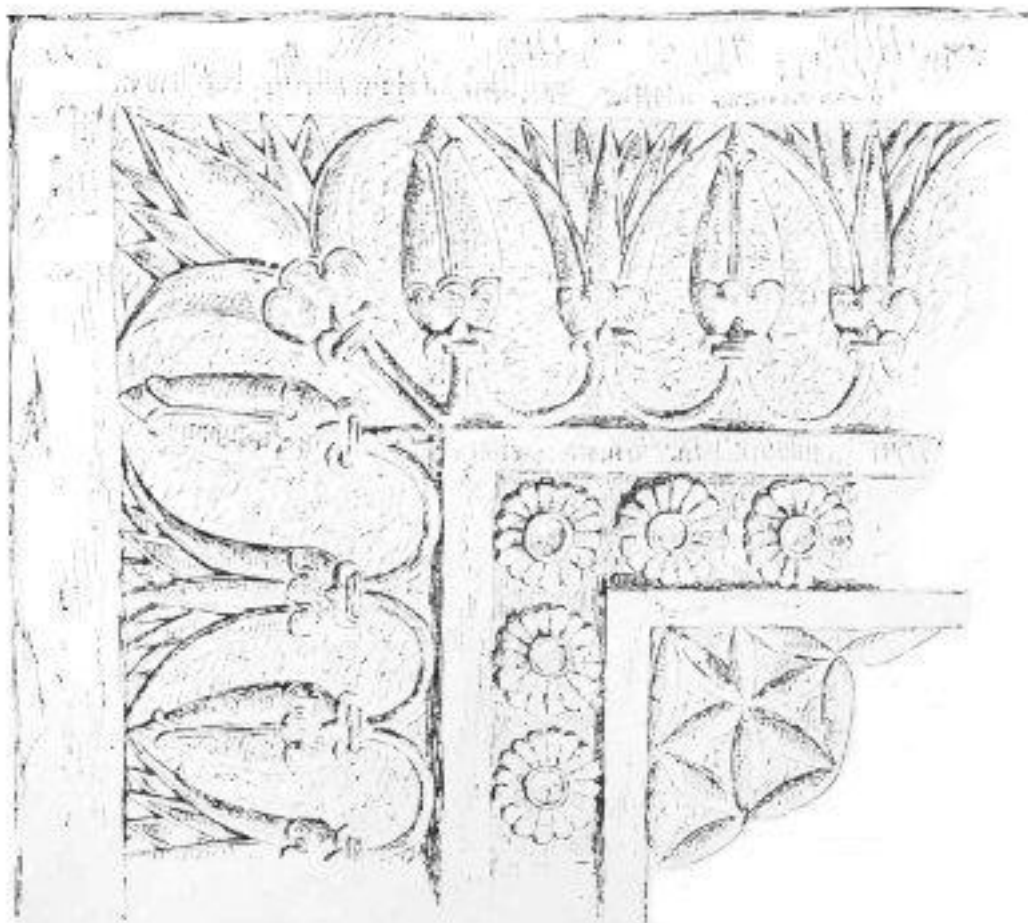

Рис. 134.- Расписная кайма; из

Фив, после Присса.

Ассирийцы позаимствовали свой мотив у Египта, но они придали ему больше, чем египетское совершенство. Они придали ему окончательные формы, которые не преминула скопировать даже Греция. В египетском фризе шишки и цветы разрозненны; их изолированность неудовлетворительна как для глаза, так и для разума. В ассирийском узоре они прикреплены к непрерывному волнистому стеблю, извилистые линии которого придают композиции большую элегантность. Отличительные черты бутона и цветка также очень хорошо выделены ассирийскими художниками. Закрытые лепестки одного и открытые лепестки другого, а также деления чашечки указаны в манере, удачно сочетающей истину и условность. На [рис. 135](#) мы воспроизводим в более крупном масштабе часть плиты, уже проиллюстрированной на стр. [240](#), чтобы лучше оценить достоинства ее изготовления.

порога; из Хорсабада. Лувр. Рисунок Бургуана.

Рис. 135. Фрагмент

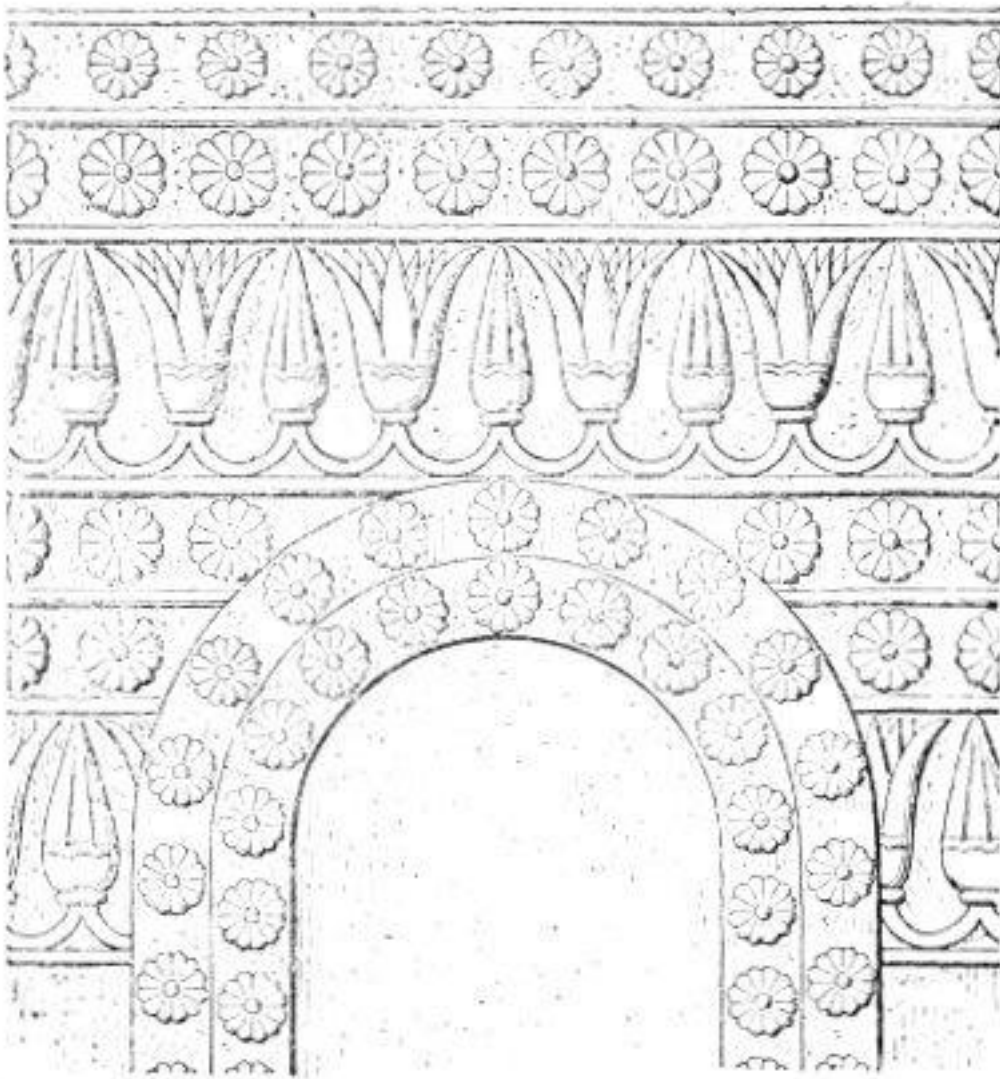

Рис. 136.- Орнамент

двери; из Куюнджика. По рисунку Роулинсона.

Художник также использовал этот мотив. На барельефе из дворца Ассурбанипала мы видим круглоголовый дверной проем, изображенный [на рис. 136](#). Его богатое убранство, должно быть, было выполнено из глазурованных кирпичей, подобных тем, что М. Плейс обнаружил на одних из ворот Хорсабада. Здесь, однако, фигуры сверхъестественных существ заменены розетками и двумя линиями орнамента из шишечек и цветов.

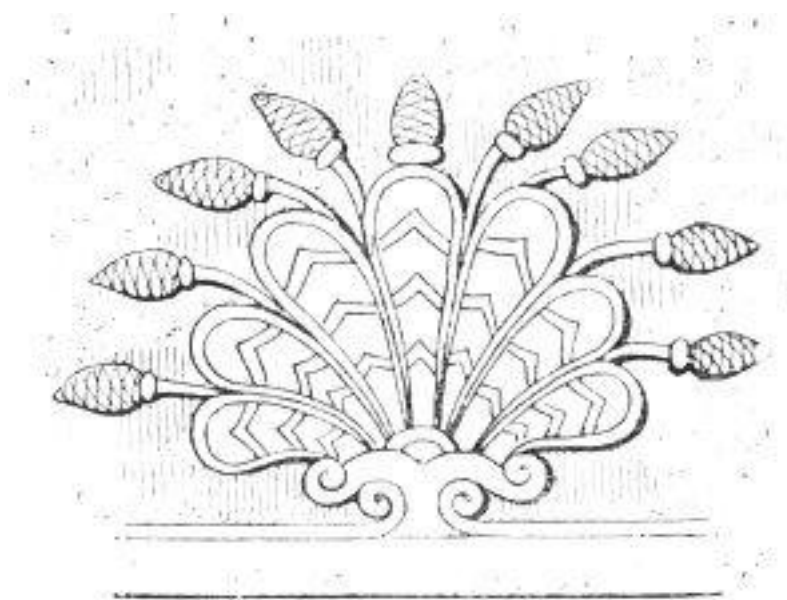

Рис. 137.- Пальметта; из Layard.

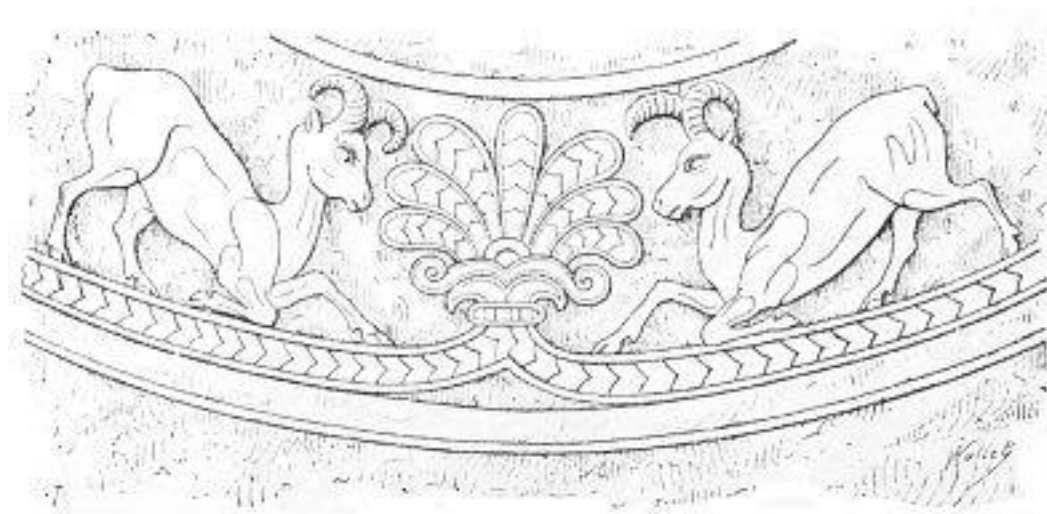

Рис. 138.- Козы и

пальметта; из Layard.

Растительные формы приносили ассирийскому декоратору удачу. Даже заимствуя мотив из чужого стиля орнамента, он понимал, как, так сказать, натурализовать растение и сделать его формы выразительными для своей индивидуальности. Единственная трудность для нас - сделать выбор среди многочисленных иллюстраций его изобретательской плодовитости; мы ограничимся воспроизведением узоров, вышитых на царских одеждах Ассурназирпала. Вряд ли стоит говорить, что этих одеяний сейчас не существует, но ниневийский скульптор скопировал их в мягком алебастре с бесконечным терпением, которое делает ему честь. Он сохранил для нас каждую деталь, за исключением цвета. Лотос в этой вышивке не встречается; его место занимает пальметта или пучок листьев ([рис. 137](#)), сквозь которые проступают стебли, сгибающиеся под тяжестью бутонов, которые они несут. Животные, реальные и воображаемые, искусно перемешаны с веерообразными пальметтами; в одном месте мы видим двух козлов ([рис. 138](#)), в другом - двух крылатых быков ([рис. 139](#)). И быки, и козлы стоят на коленях перед пальметтой, что наводит на мысль о том, что последняя является сокращенным изображением того священного дерева, с которым мы уже сталкивались и еще столкнемся на барельефах, где оно окружено сценами поклонения и жертвоприношения. Этот мотив имеет двойное преимущество - пробуждает религиозное чувство у зрителей и вызывает мгновенное изящество линий и

движений у двух пар животных. С другой стороны, мы вряд ли можем объяснить мотив, представленный на наших [рис. 140](#) и [141](#) - мотив, уже встречавшийся в фигурной архитектуре барельефов и глазурованных изразцов, - чем-то иным, кроме художественного каприза. В некоторых случаях розетка и пальметта представлены в одном рисунке ([142](#)).

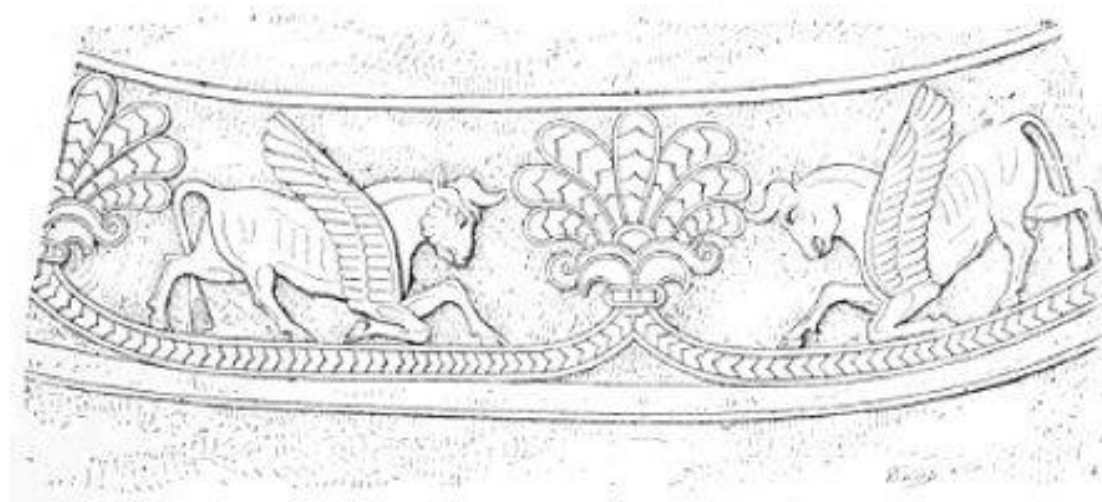

Рис. 139.-

Крылатые быки и пальметта; из Layard.

Мы решились дополнить скудные остатки архитектурного декора этими иллюстрациями из другого искусства, потому что весь вавилонский орнамент, будь то ковры, висюльки или драпировки, работы из битого металла, красок или эмалированного фаянса, подчиняется одному духу и отмечен одним и тем же вкусом. В каждой форме, нанесенной на материю древними жителями Месопотамии, до бесконечности повторяются одни и те же символы, одни и те же типы, одни и те же мотивы. Приведенных нами примеров достаточно, чтобы показать основные характеристики этого декора. Несомненно, у него был один большой недостаток: его слишком легко было отделить от здания, которому он принадлежал; он был хрупким, склонным к падению и поэтому вряд ли мог прослужить очень долго. Но архитектор в этом не виноват. Дефект был вызван бедностью материала, с которым ему пришлось работать. Учитывая условия, в которых он работал, нельзя отрицать, что он проявил большое мастерство, чтобы использовать их наилучшим образом. Он понимал, как контрастировать широкие непрерывные поверхности с некоторыми важными частями своего ансамбля, такими как карнизы, цоколи и особенно дверные проемы. На них он сосредоточил усилия живописца и скульптора; на них он использовал все оттенки ассирийской палитры и украсил их резными фигурами людей и богов, царей и джиннов, всех бесчисленных толп, которые сражались и умирали за Ассирию и ее божественного покровителя, непобедимого и непокоренного Ассура.

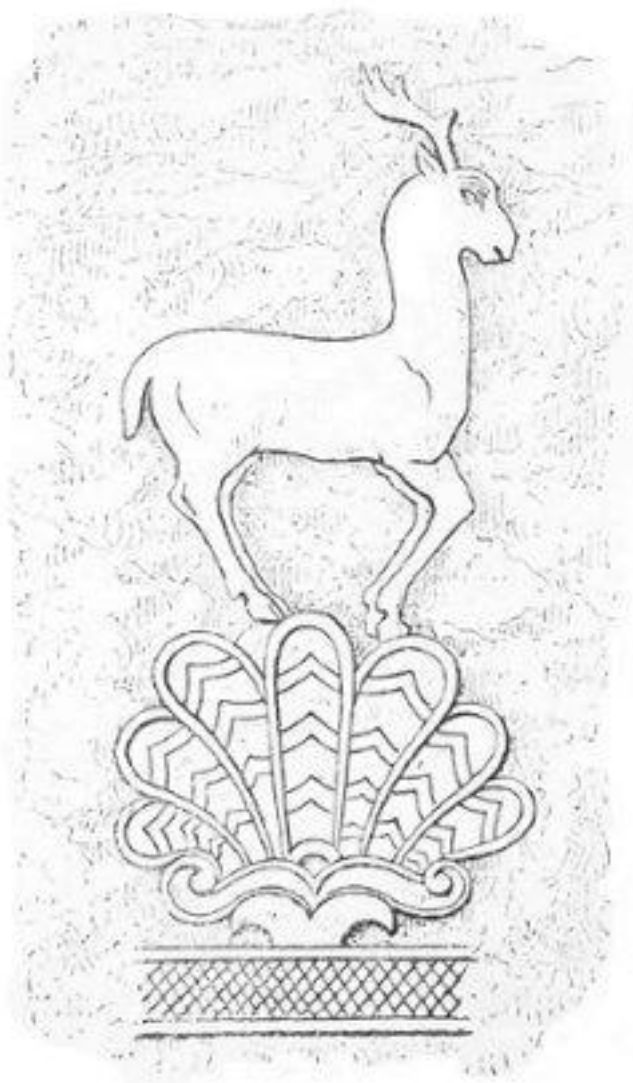

Рис. 140.- Олень на пальметте; из Layard.

Рис. 141. Крылатый бык на розетке; из Layard.

Если, не довольствуясь этим общим представлением об ассирийском декоре, мы разберем его в деталях, то обнаружим, что его экономика наиболее разумно организована и понятна. Когда скульптор брался вырезать плиты, обрамляющие дверь или защищающие нижнюю часть стены, он стремился передать то, что видел или представлял, как можно точнее и определеннее. Он обращался к природе за вдохновением, даже когда вырезал воображаемых существ, и копировал ее, возможно, фрагментарно, но с верной и энергичной искренностью. Везде, за исключением некоторых картин со строго ограниченной функцией, он подчинялся воображению, за которым неусыпно следила верная рассудительность. Его многоцветные декорации выполняли свою задачу - развлекали и радовали глаз, не пытаясь его обмануть. Таков и всегда должен быть истинный принцип орнамента, и декораторы великих зданий Вавилона и Ниневии, похоже, прекрасно понимали, что это так; Их богатая и плодovitая фантазия управлялась во всех случаях, на которые мы можем указать, с неизменным тактом, и именно им следует отдать должное за изобретение некоторых из мотивов, которые до сих пор можно проследить в искусстве египтян и персов, сирийцев, финикийцев, народов Малой Азии и, прежде всего, греков - этих непревзойденных мастеров, подаривших бессмертие каждому художественному сочетанию, которое они решили принять.

Рис. 142. Олень, пальметта и розетка; из Layard.

ПРИМЕЧАНИЯ

[326] В клинописных текстах упоминаются "два быка у дверей храма Э-Шакиль", знаменитой ступенчатой башни Вавилона. Fr. Lenormant, *Les Origines de l'Histoire*, vol. i. p. 114 (2-е издание, 1880).

[327] Rich, *Narrative of a Journey to the Site of Babylon in 1811, and a Memoir on the Ruins*, p. 64. Layard, *Discoveries*, p. 507. По мнению Рича, этот лев был из серого гранита, по мнению Лэйярда - из черного базальта.

[328] Лофтус ничего не говорит об этом льве в тех "*Путешествиях и исследованиях*", которые мы так часто цитировали. Возможно, он нашел его позднее. Мы наткнулись на него в коллекции оригинальных эскизов и рукописных заметок ("*Рисунки в Вавилонии*" У. К. Лофтуса и Г. Черчилля), хранящейся у хранителя восточных древностей в Британском музее. Мы должны выразить свою признательность доктору Берчу за разрешение воспользоваться этой ценной коллекцией.

[329] Perrot, Guillaume et Delbet, *Exploration archéologique de la Galatie*, vol. ii. pl. 32.

[330] *Exploration archéologique*, vol. ii. pl. 11.

[331] Layard, *Discoveries*, p. 508.

[332] Place, *Ninive*, vol. ii. pp. 68-70.

[333] Этот характер божества-покровителя, который мы приписываем крылатому быку, наиболее четко выражен в клинописных текстах: "В этом дворце, - говорит Эсархаддон, - *седи* и *ламасси* (ассирийские названия этих колоссов) благосклонны, являются стражами моего царского променада и ликованием моего сердца, пусть они вечно следят за дворцом и никогда не покидают его стен". И снова: "Я велел сделать двери из кипариса, который имеет приятный запах, украсил их золотом и серебром и закрепил в дверных проемах. Справа и слева от этих дверей я велел поставить *седи* и *ламасси* из камня, они поставлены там, чтобы отгонять нечестивых". (St. Guyard, *Bulletin de la Religion assyrienne*, в *Revue de l'Histoire des Religions*, vol. i. p. 43, примечание).

[334] Place, *Ninive*, vol. iii, plate 21.

[335] Высота тех, что хранятся в Лувре, составляет четырнадцать футов; самая высокая пара в Британском музее примерно такая же.

[336] *Искусство Древнего Египта*, т. ii. ч. ii. стр. 92, рис. 70.

[337] Об этих крылатых быках см. Fr. Lenormant, *Les Origines de l'Histoire*, vol. i. chap. 3.

[338] Воспроизведенный здесь барельеф происходит из дворца Ассурбанипала в Кюнджике. На фрагменте, хранящемся сейчас в Лувре, три этажа, но верхний этаж, являющийся точным повторением того, что находится непосредственно под ним, на нашей гравюре опущен.

[339] Loftus, *Travels and Researches*, p. 176. Layard, *Discoveries*, pp. 529, 651. Botta, *Monument de Ninive*, vol. v. p. 44. В книге Даниила рука, которая выводит предупреждающие слова на стенах дворца Белшаззара, выводит их "*на штукатурке стены*" (Даниил, ст. 5).

[340] Place, *Ninive*, vol. i. p. 77.

[341] В Варке, однако, Лофтус обнаружил в здании, которое он называет *Вусвас*, слой штукатурки толщиной от двух до четырех дюймов (*Travels*, p. 176.).

[342] Place, *Ninive*, vol. ii. pp. 77, 78.

[343] Place, *Ninive*, vol. iii. plate 25.

[344] *Ibid.* vol. i. pp. 141-146; vol. ii. pp. 79, 80; vol. iii. plates 36 and 37.

[345] Геродот (перевод Роулинсона), i. 98.

[346] Place, *Ninive*, vol. iii. plate 32.

[347] G. Smith, *Assyrian Discoveries*, pp. 77, 78. Лэйард (*Ниневия*, т. ii. с. 130) также говорит, что некоторые комнаты не имели других украшений.

[348] Пишут, что мы ссылаемся главным образом на реставрацию, проведенную мистером Джеймсом Фергюссоном в книге "*Восстановленные дворцы Ниневии и Персеполиса*" (1 том 8vo. Murray), которая была представлена миру слишком рано, а именно в 1851 году. Сэр Х., тогда еще мистер Лэйард, еще не опубликовал на сайте ни своего второго повествования (*Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon*), ни второй серии *Monuments of Nineveh*, ни великого труда ММ.

Плейса и Томаса о дворце Саргона (работа, которой мы обязаны столькими новыми и достоверными сведениями). В реставрациях мистера Фергюссона свободно используется колонна и исключается свод, так что во многих отношениях его работа кажется нам чисто причудливой, и все же она безоговорочно принимается английскими писателями и по сей день. Профессор Роулинсон, критикуя г-на Фергюссона в своем тексте (*The Five Great Monarchies*, vol. i. p. 303, note 6), воспроизводит его реставрацию большого двора в Хорсабаде, в которой колоннада введена по принципу гипостильных залов Персеполиса. Профессор Роулинсон, возможно, поступил бы лучше, если бы воздержался от популяризации видения, которое, как он сам справедливо заявляет, совершенно чуждо гению ассирийской архитектуры.

[349] Loftus, *Travels and Researches*, pp. 187-189.

[350] Лофтус считает, что этот процесс был очень распространен, по крайней мере, в Нижней Халдее. Он обнаружил конусы, вмурованные в раствор, в нескольких других местах в руинах Варки, но приведенный нами пример - единственный, на котором можно четко проследить рисунок. Тейлор видел конусы такого же типа в Абу-Шарейне. На них не было надписей, а их основания были черными (*Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 411). По всей вероятности, они составляли часть декора, подобного тому, что описал Лофтус. В Египте мы находим конусы из терракоты, венчающие фасады некоторых фиванских гробниц (Rhind, *Thebes, its Tombs and their Tenants*, p. 136). Декоративно они кажутся похожими на конусы из Варки, но религиозные формулы, которые они несут, связывают их скорее с конусами, найденными М. де Сарзекком в Телло, на которых есть памятные надписи. К ним мы вернемся позднее.

[351] Loftus, *Travels and Researches*, pp. 190, 191

[352] Layard, *Discoveries*, p. 607. Рич также свидетельствует об изобилии этих останков в своем "Путешествии к развалинам Вавилона". См. также Oppert, *Expédition scientifique*, vol. i. p. 143.

[353] Французский путешественник прошлого века де Бошамп (он был консулом в Багдаде) слышал, как арабский рабочий и подрядчик описывал комнату, которую он нашел в Касре, стены которой были выложены эмалированными кирпичами. На одной из стен, по его словам, была изображена корова, а над ней - солнце и луна. Его рассказ, по крайней мере, должен был быть основан на правде. Ни один мотив не встречается в халдейских памятниках чаще, чем бык и звезды-близнецы дня и ночи. (См. Rennell, *History of Herodotus*, p. 367.)

[354] Лофтус собрал в Варке несколько фрагментов этих эмалированных кирпичей, "похожих на те, что были найдены, - говорит он, - в Вавилоне в развалинах Касра" (*Travels and Researches*, p. 185). Тейлор также сообщает, что нашел множество фрагментов кирпича с синей эмалью в Мугейре (*Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv. p. 262).

[355] Самые интересные из этих фрагментов, те, которые позволяют еще разгадать предмет, частью которого они являлись, были опубликованы М. де Лонгперье, *Musée Napoléon III*. plate iv.

[356] Я осмотрел в Британском музее оригиналы глазурованных кирпичей, воспроизведенных Лэйардом в его первой серии "Памятников", некоторые из которых мы скопировали в наших табличках xiii. и xiv. Очертания орнамента теперь едва различимы, а цвет - не более чем бледный отблеск.

[357] Лофтус считает, что внешние стороны ассирийских стен, как правило, не были обложены эмалированным кирпичом. Он разобрал три стороны северного дворца в Куюнджике, не обнаружив никаких следов полихроматического декора. (*Travels and Researches*, p. 397. примечание).

[358] Καθ' ὃν ἐν ὧμαις ἐτι ταῖς πλινθοῖς διετετυπωτο θηρία, παντοδαπα τῇ τῶν χρωμάτων φιλοτεχνία τὴν ἀληθειαν ἀπομιμουμένα (Diodorus, ii. 8, 4.) Диодор прямо заявляет, что заимствует это описание у Ктесия (ὡς Κτησιας φησιν), *ibid.* 5.

[359] Ἐνῆσαν δὲ ἐν τοῖς πυργοῖς καὶ τεῖχεσι ζῶα παντοδαπα φιλοτεχνῶς τοῖς τε χρομασι καὶ τοῖς τῶν τυρῶν ἀπομασι κατασκευασμένα. (Диодор, ii. 8, 6.)

[360] Παντοῖων θηρίων ... ὧν ἦσαν τὰ μεγέθη πλείον ἢ πήχων τετταρῶν. Четыре локтя равнялись примерно пяти футам восьми дюймам. В Хорсабаде самые высокие из джиннов, изображенных на цветных плитках у двери, имеют высоту всего 32 дюйма; другие не превышают двух футов.

[361] Place, *Ninive*, vol. iii. plates 24 and 31.

[362] "Роспись, - говорит М. Опперт, - была нанесена на своего рода грубо вырезанный рельеф". (*Expédition scientifique*, vol. i. p. 144.)

[363] De Longperier, *Musée Napoléon III.*, plate iv.

[364] В этом дворце часть года жили принцы Ахемениды, гостем и врачом которых был Ктесий.

[365] Oppert, *Expédition scientifique*, vol. i. pp. 143, 144.

[366] Два таких эмалированных письма хранятся в Лувре. См. также по этому вопросу Place, *Ninive*, vol. ii. p. 86. Я также видел некоторые из них в коллекции месье Пио.

[367] Place, *Ninive*, vol. i. p. 236.

[368] Только два плота прибыли в Бассору; восемь покинули Моссул, так что только четвертая часть собранных древностей добралась до места назначения в целости и сохранности. Ящики с предметами, отправленные вавилонской миссией, то есть ММ. Френеля, Опперта и Томаса, попали в ту же катастрофу. Если бы не это, ассирийские коллекции Лувра уступали бы по качеству коллекциям Британского музея.

[369] Place, *Ninive*, vol. i. p. 253.

[370] Place, *Ninive*, vol. ii. p. 253. Эти знаки были распознаны на многих фрагментах, найденных в Вавилоне, М. М. Оппертом и Томасом (Oppert, Thomas). Опперт и Томас (Oppert, *Expédition scientifique*, vol. i. pp. 143, 144). Лофтус расшифровал и опубликовал некоторое количество знаков того же рода, которые он обнаружил на глазурованных кирпичах из дворца в Сузе. Иногда они вырезаны в кирпиче острием, иногда нанесены эмалью, как на лицевой стороне. (*Travels and Researches*, p. 398.)

[371] Иезекииль ххiii. 14, 15.

[372] Беросус, фрагмент i. § 4, в томе ii "Исторических фрагментов Грэкорума" Ч. Мюллера.

[373] Texier, *Arménie et Perse*, vol. ii. p. 134. В той же работе можно найти детали великолепного декора мечети суннитов в Тавриде (которая послужила образцом для мечети в Исфахане), воспроизведенные в оригинальных цветах. Странно, что это искусство эмалевого фаянса, сохранившись так долго, должно было так недавно исчезнуть на Востоке. "В начале прошлого века, - пишет М. Тексье (т. ii. с. 138), - искусство эмалировки кирпича было не менее процветающим в Персии, чем во времена Шаха-Аббаса, строителя великой мечети в Исфахане (1587-1629); но теперь это искусство полностью исчезло, и, несмотря на мое желание посетить фабрику, где я мог бы увидеть работу в процессе, не нашлось ни одной от одного конца Исфахана до другого." Согласно информации, которую я собрал в Малой Азии, именно в начале нынешнего

века были окончательно закрыты мастерские в Никее и Никомедии, в которых изготавливались прекрасные эмалированные плитки на мечетях в Брусе. В этих *мастерских изготавливались* и бляшки, которые в таком изобилии уже около двадцати лет находят на Родосе и других островах Архипелага. [Однако производство этих глазурованных плиток отнюдь не исчезло в Индии. Во многих центрах Синда и Пенджаба глазурованные плитки, почти точно такие же, как на мечети в Исфахане, по цвету и орнаментальным мотивам, изготавливаются в огромных количествах и используются для тех же целей, что и в Персии и древней Месопотамии. В Индии существует традиция, что это искусство было привезено из Китая, через Персию, воинами Гингиз-хана, но изучение самих плиток достаточно, чтобы показать, что они сохранились от художественных производств Вавилона и Ниневии. Подробную информацию об истории и процессах, использовавшихся при изготовлении этих плиток, см. в книге сэра Джорджа Бердвуда "Промышленное искусство Индии", часть ii. стр. 304-310, 321 и 330; также отчет мистера Друри Фортнума о синдхской керамике на Международной выставке 1871 г.].

[374] Сэр Х. Лэйард заметил это в самом начале своих исследований: "Между быками и львами, образующими входы в разные части дворца, неизменно находили большую коллекцию обожженных кирпичей, искусно расписанных фигурами животных и цветов, а также клинописными знаками" (*Nineveh*, vol. ii. p. 13).

[375] Place, *Ninive*, vol. i. p. 234; vol. iii. plates 9 and 17.

[376] Там же, том iii, табличка 14. Мы должны были бы воспроизвести эту композицию в цвете, если бы размер нашей страницы позволял сделать это в надлежащем масштабе. М. Плейс не смог передать все это даже на двухстраничном листе своего огромного фолианта.

[377] Place, *Ninive*, vol. iii. plates 23-31.

[378] Layard, *Monuments*, 2nd series, plates 53, 54. В другом месте (*Discoveries*, pp. 166-168) Лэйард дал каталог и краткое описание всех этих фрагментов, из которых только часть была воспроизведена на листах его огромной коллекции.

[379] Там же, пластина 55.

[380] Geo. Smith, *Assyrian Discoveries*, p. 79.

[381] Ботта приводит примеры некоторых из этих кирпичей (*Monument de Ninive*, пластины 155, 156). Среди воспроизведенных там мотивов есть один, который мы уже видели на барельефах (рис. 67). Это козел, стоящий в собранной позе, которую он принял бы на острие скалы. Голова горного козла - также нередкий мотив (Layard, *Monuments*, first series, plate 87, fig. 2; см. также Botta).

[382] На рис. 1 нашей пластины XIV. воспроизведен тот же рисунок, но с более простой окраской.

[383] J. E. Taylor, *Notes on Abou-Sharein*, p. 407 (в *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. xv.).

[384] Филострат, *Жизнь Аполлония*, i. 25. Ср. Дионисий Периегет, который говорит о Семирамиде (ст. 1007, 1008):

αυταρ επ' ακροποληι μεγαν δομον εισατο Βηλωι
χρυσωι τ' ηδ' ελεφαντι και αγυρωι ασκησασα.

[385] Геродот, i. 98.

[386] См. выше, с. 202.

[387] Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 264, note 1. Частые упоминания о таком использовании металла встречаются в клинках. В переводе лондонской надписи М. Ленорманта (*Histoire ancienne*, vol. ii. p. 233, 3-е издание), в которой Навуходоносор перечисляет великие работы, выполненные им в Борсиппе, я нахожу следующие слова: "Я покрыл золотом крышу места упокоения Нево. Балки двери перед оракулами я обложил серебром... шарнир двери в женские покои я обложил серебром".

[388] Среди фрагментов плиток, привезенных из Нимруда г-ном Джорджем Смитом и хранящихся сейчас в Британском музее, есть два, подобных тем, что воспроизведены выше, к которым прикреплены боссы или ручки из того же материала - глазурованного фаянса. Шейки этих боссов пронизаны отверстиями, очевидно, для крепления цепи подвесной лампы, а у основания они окружены надписями Ассурназирпала, в которых говорится, что они были частью декора храма в Калахе.

[389] Размер нашей гравюры немного превышает размер самого предмета.

[390] 1 *Царств* vi. 15; vii. 3.

[391] Зефания ii. 14.

[392] Дизайн полностью состоит из симметричного повторения приведенных здесь деталей. [На этой гравюре фактический дизайн мостовой несколько упрощен. Между конусом и цветком, образующим внешнюю кайму, и розетками находится полоса орнамента, состоящая из симметричного повторения мотива пальметты с рудиментарными волютами, как это происходит вокруг внешней стороны древа жизни, изображенного на стр. 213. Еще в одной детали наш срез немного отличается от оригинала. В последнем нет углового элемента; кайма проходит полностью по торцу, а боковые каймы упираются в нее].

[393] Layard, *Discoveries*, p. 184, примечание.

[394] Layard, *Nineveh*. vol. ii. p. 212, note.

[395] Layard, *Discoveries*, p. 281.

[396] Prisse d'Avennes, *Histoire de l'Art égyptien d'après les Monuments* (2 vols folio): см. листы под названием *Couronnements et Frises fleuronés*.

§ 8. Об ориентации зданий и церемониях закладки фундамента.

Жители Месопотамии были настолько впечатлены небесными явлениями и так твердо верили в влияние звезд на судьбу человека, что непременно устанавливали определенную связь между этими небесными телами и расположением своих зданий. Все здания Халдеи и Ассирии ориентированы; принцип соблюдается везде, но не всегда понимается одинаково.

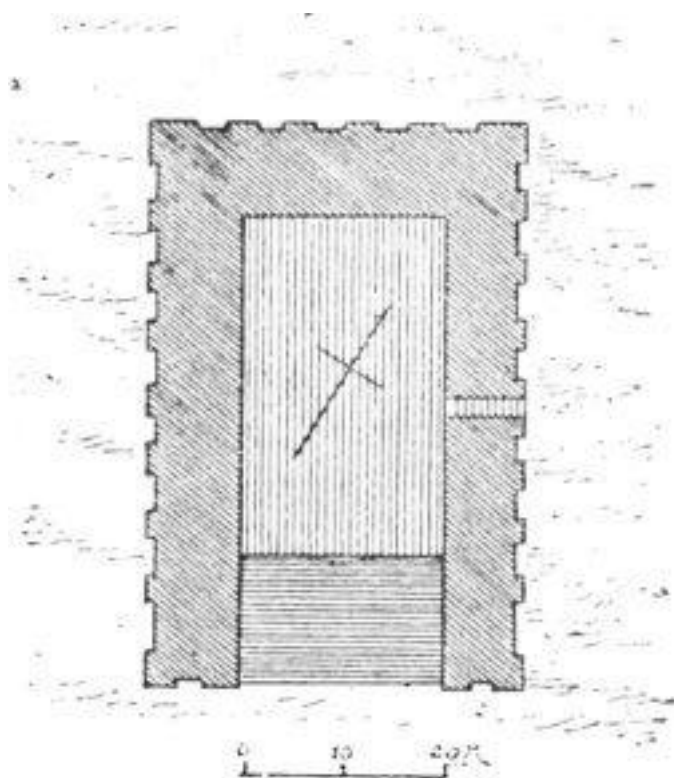

Рис. 143.- План храма в Мугейре; из Лофтуса.

Месопотамские здания всегда были прямоугольными, а часто и квадратными в плане, и иногда углы, а иногда центры каждой грани были направлены к четырем кардинальным точкам. Легко понять, что в целом предпочтение отдавалось первой системе. Фасады были настолько велики, что их направление на определенную точку горизонта не было очевидным, в то время как прямые углы, с другой стороны, имели всю точность астрономических расчетов; и это хорошо понимали самые ранние архитекторы Халдеи. Некоторые из зданий, исследованных Лофтусом и Тейлором в низовьях Евфрата, возможно, были восстановлены, в большей или меньшей степени, Навуходоносором и его преемниками, но общепризнанно, что нижние и менее травмоопасные части большинства этих зданий относятся к самым истокам этой цивилизации и были построены принцами ранней империи. Теперь и в Варке, и в Мугейре один из углов здания всегда повернут к истинному северу. [397] Примером тому может служить небольшое здание в Мугейре, в котором узнаются нижние части храма (рис. 143). Такое же расположение можно найти во дворце, раскопанном М. де Сарзекон в Телло. [398]

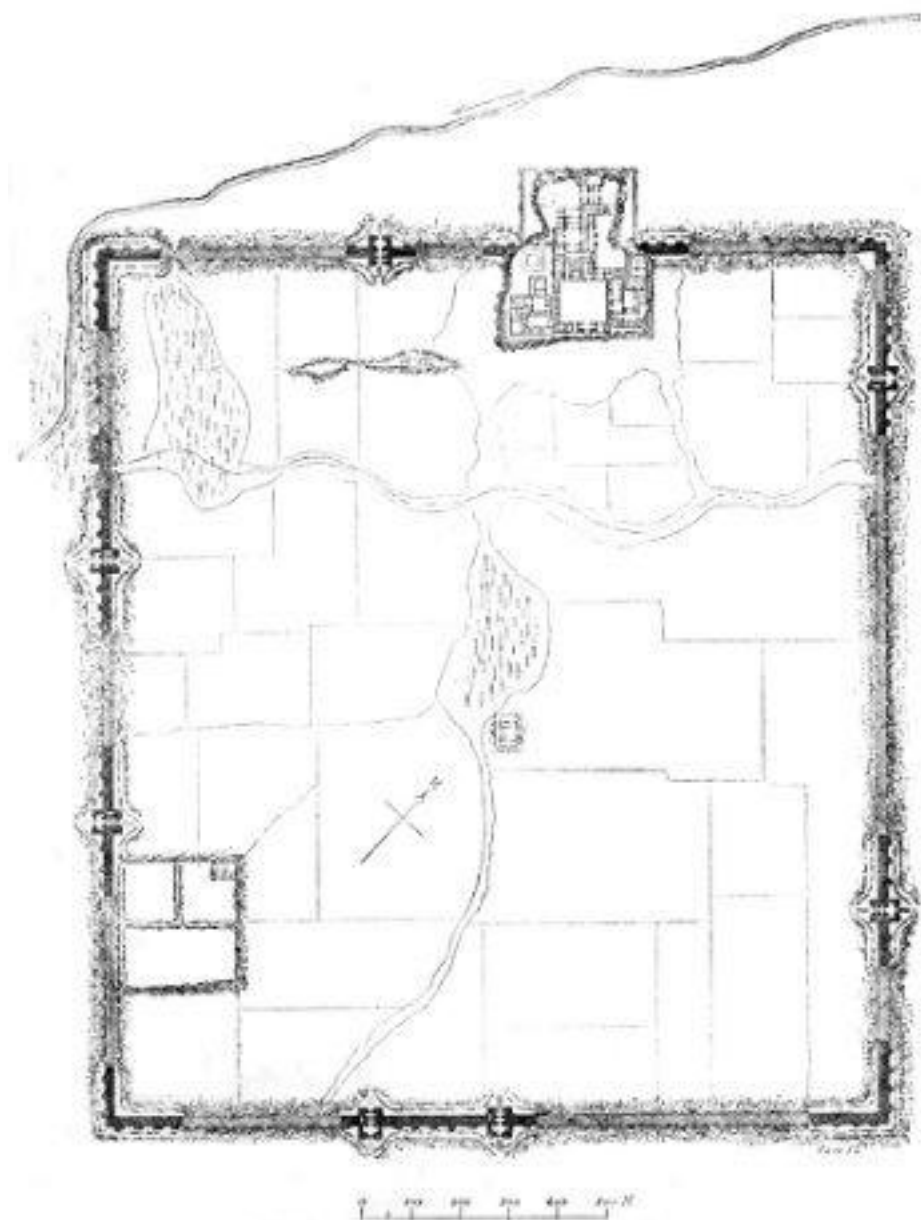

Рис. 144. План города и

дворца Саргона в Хорсабаде; с сайта Place.

Большинство ассирийских архитекторов поступали подобным образом. Например, план города Саргона в Дур-Сарьюкине ([рис. 144](#)). Его окружность представляет собой почти точный квадрат, диагонали которого направлены на север, юг, восток и запад соответственно. [\[399\]](#) На крупномасштабных планах дворца и некоторых его частей, которые мы приведем далее, будет видно, что параллелограммы, из которых состоит это здание, также имеют углы, повернутые к четырем кардинальным точкам. То же самое можно сказать и о строениях, расположенных на вершине огромного кургана Куюнджик, в центре того, что когда-то было Ниневией.

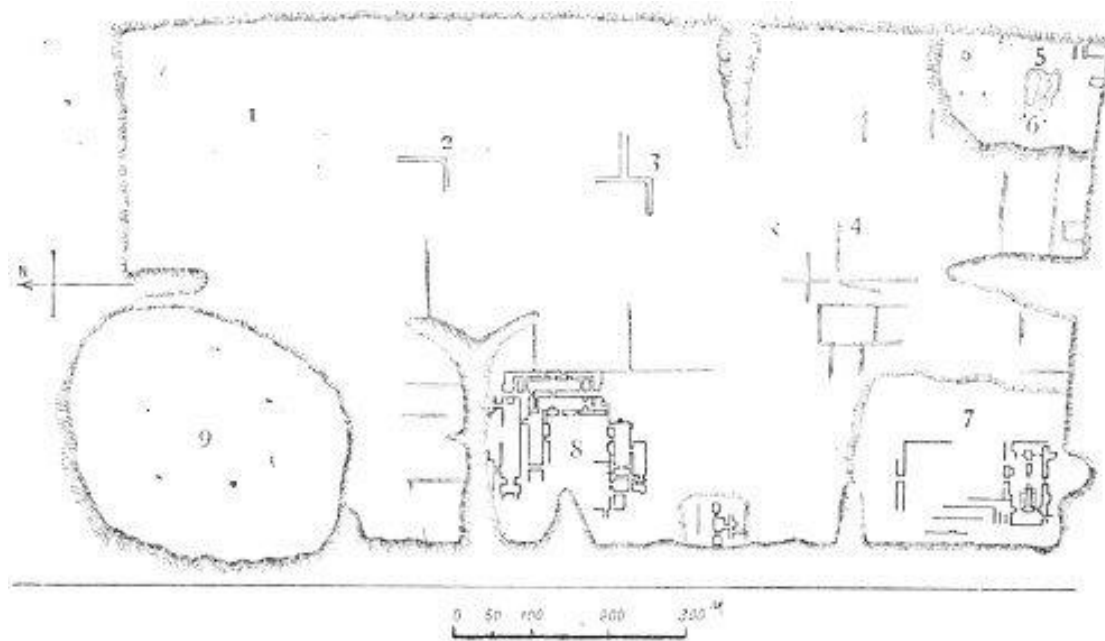

Рис. 145.-

Общий план останков в Нимруде; из Layard.

1, 2, 3 Траншеи, 4 Центральный дворец, 5 Гробницы, 6 Юго-восточное сооружение, 7 Юго-западный дворец, 8 Северо-западный дворец, 9 Высокий пирамидальный курган.

С другой стороны, в тех руинах Нимруда, которые были идентифицированы с древним Калахом, именно стороны кургана и зданий на нем обращены к четырем кардинальным точкам (рис. 145). Приведенный Лэйярдом план квадратной ступенчатой башни, демонтированной во время последних раскопок у северо-западного угла кургана, показывает это более четко. [400] Почти половина северной стороны занята выступающей круглой массой, которая так бросается в глаза при взгляде на курган с равнины. Мы не знаем, чем вызвано это отклонение от традиционного обычая; возможно, причину следует искать в конфигурации грунта и в русле реки, омывавшей подножие искусственного холма, на котором стояли царские жилища Тиглата-Пилесера и Ассурназирпала.

Первый из этих двух способов ориентации имел то преимущество, что устанавливал более точную и четко определенную связь между расположением здания и теми небесными точками, которым придавалось особое значение. Следует также помнить, что такое расположение давало более приятное жилище, чем другое. Ни один фасад, обращенный прямо на север, не был полностью лишен солнечного света, и в то же время не было ни одного, обращенного на юг. Солнце, проходя свой ежедневный путь, освещало на некоторое время каждое лицо по очереди.

Религиозные идеи, которые привели к ориентации, проявляются и в других деталях, в выборе времени для начала строительства храмов или дворцов, а также в определенных обрядах, которые совершались после этого - несомненно, с помощью жречества, - чтобы поместить здание под защиту богов и заинтересовать их в его продолжительности. Существовали церемонии, аналогичные тем, которые мы практикуем сейчас при закладке фундамента. В халдейской системе первым камнем, семенем, из которого должны были появиться остальные части здания, был угловой камень, под которым или в котором хранились дощечки с надписями. Они содержали имя основателя, а также молитвы к богам и проклятия всем, кто угрожал стабильности здания. Этот обычай восходит к самому началу халдейской цивилизации, о чем свидетельствует любопытный текст, переведенный М. Оппертом. [401] Он был обнаружен в Сиппаре и датируется временем Набунида, одного из последних

вавилонских царей. За много веков до правления этого царя был разрушен храм, воздвигнутый солнцу Сагаракиями из первой династии, а в его фундаменте, по преданию, хранились священные скрижали Ксисутроса, которого отождествляли с библейским Ноем. Набунид рассказывает о безуспешных попытках, которые предпринимались до его времени, чтобы вернуть себе владение драгоценным хранилищем. Два вавилонских царя, Куригалзу и Навуходоносор, и один ассирийский царь, Эсархаддон, предприняли попытку и потерпели неудачу. Один из них запомнил свою неудачу надписью следующего содержания: "Я искал угловой камень храма Ульбар, но не нашел его". Наконец Набунид взялся за поиски. После одной остановки, вызванной наводнением, он возобновил поиски с усердием; он направил на них свою армию и наконец, прокопав на большую глубину, пришел к угловому камню: "Так, - говорит он, - я узнал имя и дату Сагарактыся".

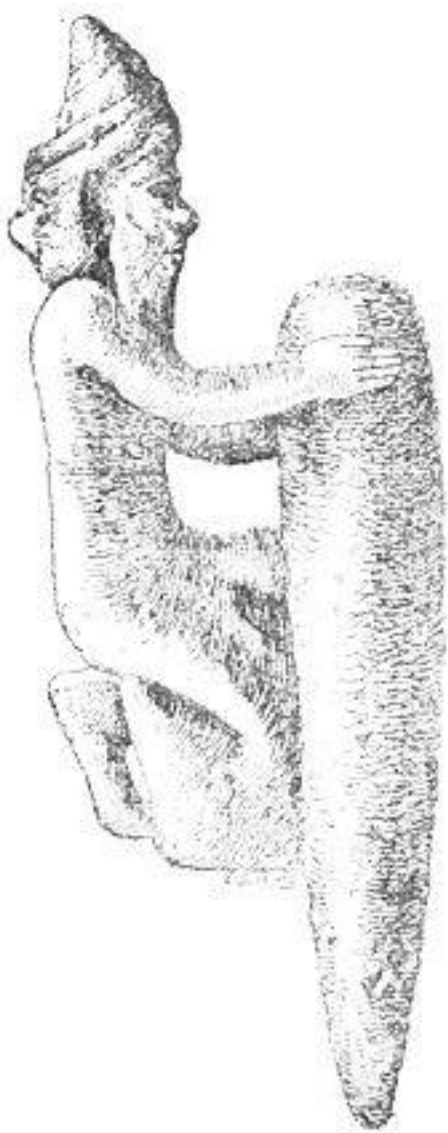
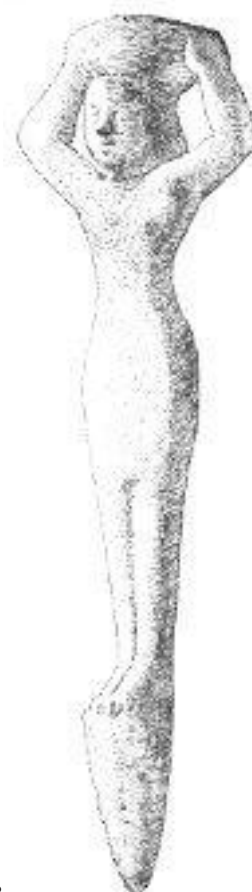

Рис. 146. Бронзовая статуэтка. Высота 8¼ дюйма. Лувр.

В руинах древнего королевского города, обнаруженных М. де Сарзеком в Телло, повсюду были найдены следы подобных мер предосторожности. В центре огромного массива руин, план которого мы все еще ждем, "я нашел, - рассказывает М. де Сарсек, - на глубине почти 30 сантиметров (один английский фут) ниже первоначального уровня почвы четыре кубические массы, состоящие из больших кирпичей, сцементированных битумом, и размером около 80

сантиметров в поперечнике каждой грани. В центре каждого куба находилось углубление длиной 27 сантиметров, шириной 12 и глубиной 35. В каждом случае в этом углублении находилась небольшая бронзовая статуэтка, как бы упакованная в непроницаемую пыль. В одном углублении статуэтка представляла собой коленопреклоненного мужчину (рис. 146), в другом - стоящую женщину (рис. 147), в третьем - быка (рис. 148). У ног каждой статуи лежали две каменные таблички, установленные в большинстве случаев в битум, которым была выложена полость. Одна из этих табличек была черной, другая - белой. Как правило, именно на черной находили клинописные надписи, похожие или почти похожие на надписи на статуэтках". [402]

Сокращенные варианты той же памятной и набожной формы слов
147. Бронзовая статуэтка. Высота 8¼ дюйма. Лувр. найдены на тех конусах из терракоты, которые были обнаружены в таком количестве среди фундаментов и в промежутках сооружения (рис. 149). [403] Рис.

Месопотамский строитель не довольствовался тем, что полагался на талисманы, встроенные в нижнюю часть здания или разбросанные под тротуарами. Тейлор в Мугейре и Лофтус в Синкаре установили, что выгравированные цилиндры были встроены в четыре угла верхних этажей. Кирпич был опущен, оставив небольшую нишу, в которой они были установлены на концах. [404] Воспользовавшись подсказкой, сэр Генри Роулинсон раскопал углы одной из террас Бирс-Нимруда в Вавилоне и, к изумлению своих рабочих, обнаружил терракотовые цилиндры, на которых рассказывается о реконструкции храма Навуходоносором именно в том месте, где он велел им копать. [405] Эти маленькие кадки называются цилиндрами - не очень удачное название. Поскольку высота некоторых из них составляет около трех футов (рис. 150), они могут содержать памятные надписи гораздо большей длины, чем те, что вырезаны на маленьких цилиндрах из твердого камня. Некоторые из этих надписей

содержат до сотни строк, очень тонко выгравированных. В развалинах Вавилона было найдено множество драгоценных образцов, относящихся ко временам Навуходоносора и его преемников. [406]

Рис. 148. Бронзовая статуэтка. Высота 10 дюймов. Лувр.

Таким образом, от начала и до конца халдейской цивилизации сохранялся обычай освящать здание, пряча в его веществе предметы, которым божественный шрифт и выгравированный текст придавали как талисманное, так и памятное значение.

Как можно предположить, такой же обычай существовал и в Ассирии. Во дворце Ассурназирпала в Нимруде сэр Генри Лэйард обнаружил несколько алебастровых табличек с надписями на обеих сторонах, спрятанных за колоссальными львами у одного из дверных проемов. [407] Британский музей также располагает серией небольших фигурок, найденных в Нимруде, но в сравнительно современном здании - дворце Эсархаддона. У каждой из них по две пары крыльев, одна пара поднята, другая опущена. Они были разбросаны на песке под порогом одной из дверей.

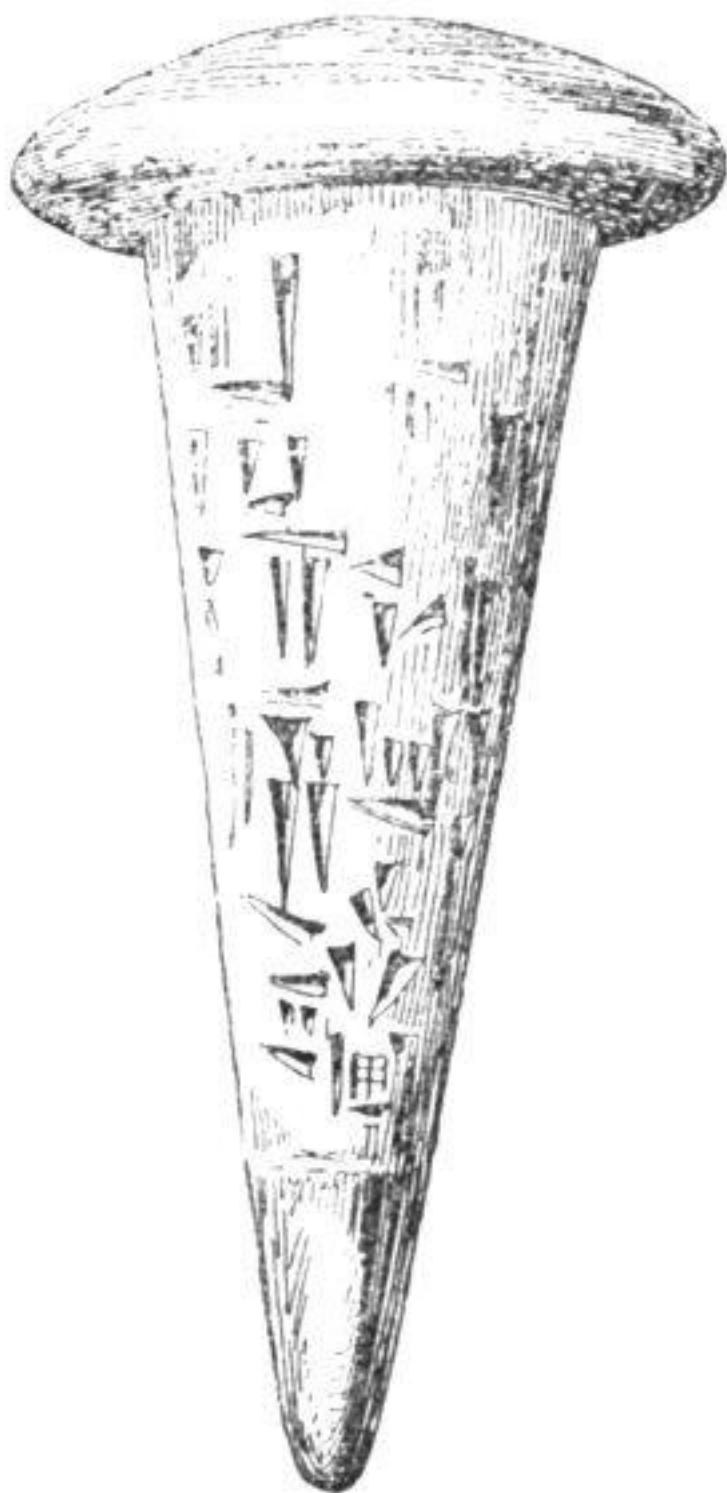

Рис. 149.- Терракотовый конус.

Высота 6 дюймов. Лувр.

Однако именно в Хорсабаде были сделаны наблюдения, которые наиболее ясно показали, какое значение придавалось этой церемонии освящения. М. Опперт рассказывает, что летом 1854 года "М. Плейс выкопал из фундамента Хорсабада каменный футляр, в котором было пять надписей на пяти различных материалах: золоте, серебре, сурьме, меди и свинце. Из этих пяти табличек он забрал четыре. Свинцовая оказалась слишком тяжелой, чтобы ее можно было унести сразу, и она была отправлена в Бассору на плотах вместе с основной частью коллекции, судьбу которой она разделила". Остальные четыре таблички находятся в Лувре. Их текст почти идентичен. М. Опперт дает его перевод. [408] Согласно его переводу,

надпись, в которой царь говорит от первого лица, заканчивается таким восклицанием: "Пусть великий владыка Ассур уничтожит с лица этой страны имя и род того, кто повредит творениям моей руки или унесет мои сокровища!"

Чуть выше, где Саргон рассказывает об основании дворца, встречается фраза, которую М. Опперт переводит: "Народ бросил свои амулеты". Что имел в виду Саргон, показали раскопки М. Плейса. В фундаменте городских стен, и особенно в песчаном слое между основаниями скульптурных быков, охраняющих дверные проемы, он нашел сотни мелких предметов, таких как цилиндры, конусы и терракотовые статуэтки. Самые любопытные из них сейчас хранятся в Лувре. Количество и характер этих предметов доказывают, что в церемонии освящения должно было участвовать большое количество людей.

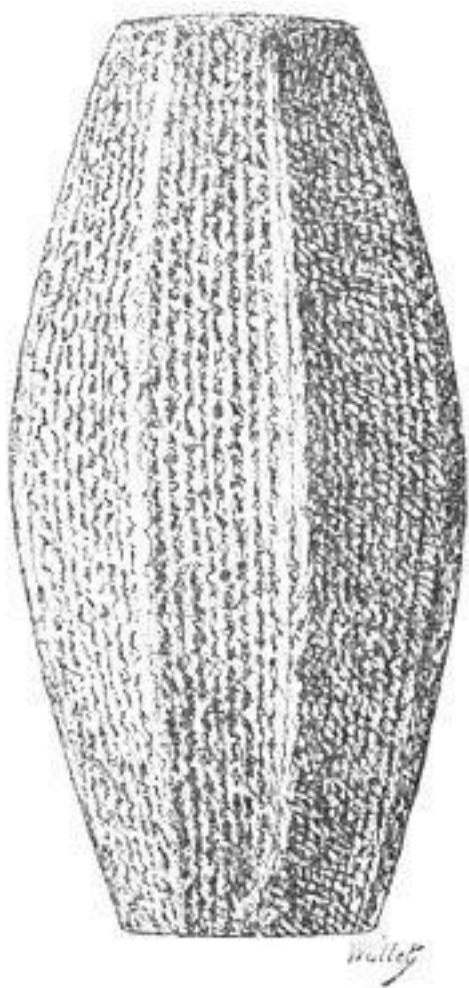

Рис. 150.- Терракотовый цилиндр. Одна треть от реального размера; из Плейса.

Некоторые из этих амулетов не лишены ценности ни по материалу, ни по исполнению, но подавляющее большинство из них были самого грубого вида, некоторые представляли собой просто ракушки или камни с отверстием, которые, должно быть, принадлежали беднейшему классу общества. Во многих случаях можно было легко определить их назначение: отверстия, которыми они были проколоты, и другие следы ношения указывали на то, что это личные амулеты. [409] Те, кто присутствовал на церемонии освящения фундамента, должны были отсоединить их от шнуров, на которых они были подвешены, и бросить их, после произнесения жрецами умиловительной формулы, в песок, который должен был быть покрыт первыми большими плитами из алебаstra.

Терракотовые цилиндры использовались в Ассирии не менее часто, чем в Халдее. М. Плейс обнаружил не менее четырнадцати, все еще сохранившихся в нишах стен гарема в Хорсабаде. Длинная надпись, которую они несли, содержала косвенные подробности строительства города и дворца. Как и на металлических табличках, она заканчивалась проклятием всем, кто осмелится поднять руку на дело Саргона. [410]

Что касается цилиндров, спрятанных в каждом углу здания, то, как мы полагаем, в Ассирии до сих пор не было найдено ни одного; возможно, потому, что их не искали или искали неэффективно.

Мы уже подробно останавливались на ориентации зданий, важности угловых камней и мерах предосторожности, принятых для того, чтобы поместить здание под защиту богов и сохранить имя его основателя от забвения. Мы не можем привести более весомых доказательств, чем те, которые предоставляют эти действия в целом, высокой цивилизации, которой народ Халдеи и Ассирии достиг в очень ранний период. Храм и дворец не расстилались на земле по слову капризной и индивидуальной фантазии; постоянная воля управляла его планом, торжественные ритуалы открывали его строительство и рекомендовали его благосостояние богам. Тексты ничего не говорят нам об архитекторах, воздвигших столько благородных памятников; мы не знаем ни их имен, ни их социального положения, но по их работам мы можем судить, что у них были прочные традиции, и что они могли рассчитывать на основательное и тщательное обучение своей профессии. Составляли ли они одну из тех тесных корпораций, в которых секреты ремесла передаются из поколения в поколение их членов, или же принадлежали к касте священнослужителей, мы не знаем. К последнему предположению нас склоняет глубокий религиозный характер церемоний, сопровождавших закладку здания, и оставленные древними свидетельства о жрецах, которых они называли *халдеями*. Именно этим халдеям месопотамское общество обязано всем, что оно знало о научных методах и способах мышления, и, возможно, справедливо предположить, что они обратили к занятиям искусством тот интеллект, который они культивировали выше своих братьев. Архитектура особенно требует чего-то большего, чем умение работать руками, практика и природный гений. Когда она заходит так далеко, как это было в Халдее, она требует определенного количества науки, и жрецы, которые по праву своего интеллектуального превосходства занимали такое важное место в государстве, вполне могли добиться монополии в качестве архитекторов для царя. Только в их лице научные знания, необходимые для такой работы, сочетались бы с возможностью совершать те священные обряды, которые придавали началу строительства нового здания характер договора между человеком и его божеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

[397] Loftus, *Travels and Researches*, p. 171.

[398] *Les Fouilles de Chaldée*, сообщение о письме М. де Сарзека к М. Леону Хозею, § 2 (*Revue archéologique*, ноябрь, 1881).

[399] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 17, 18. Ботта ранее сделал такое же наблюдение (*Monument de Ninive*, vol. v. p. 25).

[400] Layard, *Discoveries*, plan 2, p. 123.

[401] Oppert, *Expédition scientifique de Mésopotamie*, vol. i. p. 273.

[402] *Les Fouilles de Chaldée*, сообщение о письме М. де Сарзека, написанном М. Леоном Хозеем (*Revue archéologique*, ноябрь, 1881).

[403] Что касается представлений, связанных с этими шишками, будь то рассыпанные по фундаменту здания, установленные в определенных святилищах или носимые на человеке, можно с пользой прочесть статью, опубликованную М. Ледреном, в которой рассказывается об агатовой шишке, недавно добавленной в коллекцию Лувра. Ее полное название: *Une Page de Mythologie sémitique (la Philosophie positive, Revue, 14-й год, 1882, стр. 209-213).*

[404] Taylor, *Notes on the Ruins of Mugheir (Journal, &c. vol. xv., pp. 263, 264).* Loftus, *Travels, &c. p. 247.*

[405] См. "Атенеум" за 20 января 1855 г. (№ 1421), с. 84. "После двух месяцев раскопок полковник Роулинсон был призван к работе, получив информацию о том, что... стена была найдена и обнажена на расстоянии 190 футов, и что она отходит под прямым углом с каждого конца, чтобы, по-видимому, быть проведенной по всему кургану, образуя квадрат высотой около двадцати семи футов, над которым возвышалась платформа. Он немедленно поскакал к раскопкам, осмотрел место, где нашел рабочих совершенно обескураженными и безнадежными, поскольку они долго трудились и ничего не нашли. Однако он был прекрасно осведомлен об этих фактах и сразу же указал место, недалеко от угла, где нужно было убрать кирпичи. Через полчаса было найдено небольшое углубление, из которого он тут же приказал старшему рабочему "достать памятный цилиндр" - и, к удивлению и недоумению людей, это приказание было немедленно выполнено; и цилиндр, покрытый надписями, был извлечен из своего укрытия двадцати четырех веков, такой же свежий, как и в тот момент, когда его положили туда руки, вероятно, самого Навуходоносора! Полковник добавил в примечании, что слава о его магической силе долетела до Багдада и что его осаждают с просьбами одолжить его чудесный инструмент для использования в поисках спрятанных сокровищ!"

[406] Среди них можно упомянуть цилиндр Филиппа, из которого, рассказывая о великих делах, совершенных Навуходоносором, Ленорман приводит длинные выдержки в своем *Manuel d'Histoire ancienne, vol. ii. pp. 233 и 235.*

[407] Layard, *Nineveh, vol. i. p. 115, and vol. ii. p. 91.*

[408] Oppert, *Expédition en Mésopotamie, vol. ii. pp. 343-351.*

[409] Place, *Ninive, vol. i. p. 188.*

[410] Oppert, *Expédition scientifique, vol. i. pp. 354 и далее.*

§ 9. Механические ресурсы.

Халдейцам и ассирийцам никогда не приходилось перевозить такие огромные массы, как некоторые египетские монолиты, такие как обелиски и два больших колосса в Фивах. Но каменные быки, украшавшие дворцы Ниневии, не были легким грузом, и современным исследователям не без труда удалось доставить их к берегам Тигра и погрузить на плоты, на которых они начали свое долгое путешествие в Париж и Лондон. Для перемещения таких предметов с места на место у ассирийцев, как и у египтян, не было другого секрета, кроме терпения и неустанного использования человеческих рук и плеч в неограниченном количестве. [411] Мы знаем это из памятников, в которых детали операции изображены еще более четко и с большей живописностью, чем на барельефе в Эль-Берче, который послужил нам для ознакомления с методами, используемыми при переносе египетского колосса из каменоломни на место.

В Месопотамии, как и в Египте, существовали водные пути, которые можно было использовать в любое время года для транспортировки тяжелых масс. Каменоломни располагались как можно ближе к берегам Евфрата и Тигра, а когда каменное чудовище нужно было доставить в город, расположенный на некотором расстоянии от обеих рек, каналы, которыми страна была пересечена во всех направлениях, обеспечивали их место. При движении вниз по течению, особенно в половодье, не требовалось никаких движущих средств; ход лодок или плотов направлялся с помощью тяжелых весел, подобных тем, которыми до сих пор пользуются лодочники, плавающие по Тигру в келеках, или плотах, поддерживаемых надутыми шкурами; при подъеме по течению использовалась буксировка, как мы знаем из одного из барельефов Куюнджика. [412] В этом случае перевозимый камень имеет продолговатую форму и помещается на широкую плоскую лодку, за пределы которой он выходит как на корме, так и на носу. Он надежно закреплен кусками дерева, скрепленными крепкими штырями. Буксировочных тросов три: два прикреплены к самому камню, а третий - к носу лодки.

Башни тянут за эти тросы с помощью небольших шнуров, продетых вокруг плеч каждого и соединенных с основными тросами; таким образом они могут выдерживать гораздо больший вес, чем если бы они держали трос в руках, как в Египте. Барельеф, о котором идет речь, изуродован, но можно предположить, что к каждому тросу было прикреплено по сто человек, то есть всего триста, подчиняющихся единой воле старшего инженера, который сидит на камне и руководит их движениями. На каждом фланге банды маршируют надсмотрщики, вооруженные мечами и раттанами, которые быстро опускаются на спину и поясницу любого халтурщика.

Не один пример такого наказания можно увидеть на барельефе, частично воспроизведенном на рис. 151. В нижней части его можно увидеть двух или трех таких рабоводителей с поднятыми руками против рабочих; в одном случае последний опускается на землю под ударами, сыплющимися на него. То, как вся серия операций представлена на этом рельефе из Куюнджика, очень любопытно. Высоко в поле мы часто видим самого короля, стоящего в своей колеснице и подбадривающего работу. Вся картина занимает несколько больших листов Лэйарда. Мы можем воспроизвести только центральную группу, которая представляет наибольший интерес для изучающего инженерное дело в древней Месопотамии.

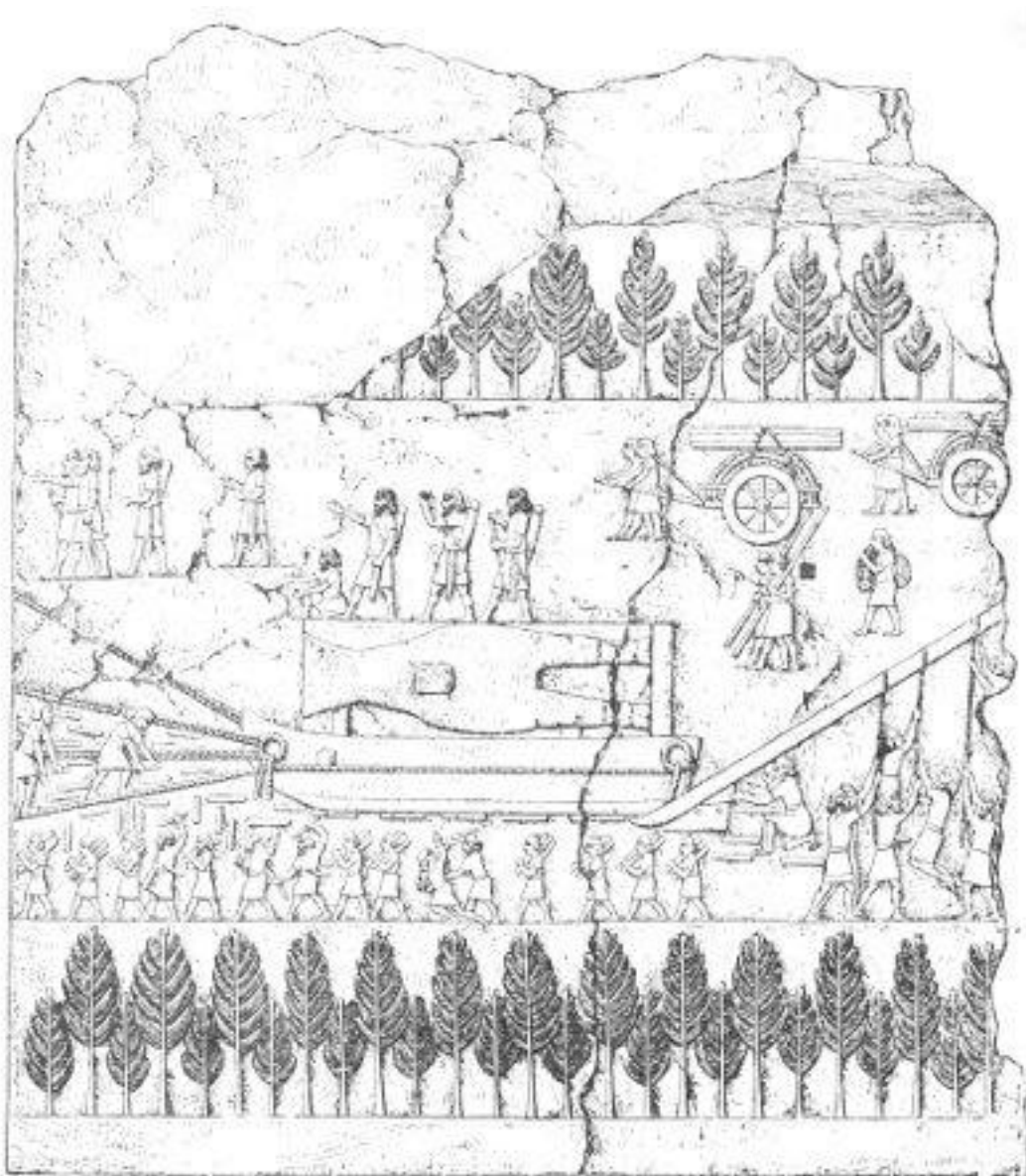

Рис. 151.-

Перевозка быка. Высота плиты - 7 футов 3 дюйма; Британский музей.

Глыба алебастра, которую мы видели минуту назад на лодке, буксируемой сотнями человеческих рук, была доставлена скульпторам и обрела под их руками грубую форму быка с человеческой головой. После установки на место он будет доработан; последние штрихи долота и кисти будут ему приданы, но самая тяжелая часть работы уже сделана, и блок потерял большую часть своего первоначального размера и веса. Крепко набитый древесиной, бык лежит на боку на санях, изогнутых спереди, как лодка или современные сани. Два троса прикреплены к носу и два - к корме. Инженер снова сидит на камне и хлопает в ладоши, давая время, но теперь его сопровождают три солдата, которые голосом и жестами поддерживают его власть. Чтобы предотвратить трение и облегчить движение саней, под их полозья по мере продвижения подкладывают ролики. Однако прежде чем огромная масса начнет движение, напряженные веревки и мышцы необходимо подтолкнуть сзади. Для этого используется огромный рычаг, на который тянут всем весом несколько человек, а его изогнутая нога заходит под сани. Один из рабочих занимается укреплением точки опоры, вставляя клин между ее верхней поверхностью и нижним краем рычага. Когда все будет готово, раздастся сигнал, люди, стоящие сзади, бросят свой вес на рычаг, сани немного приподнимутся, канаты натянутся, и тяжелая масса будет скользить вперед по смазанным роликам, пока руки и ноги не ослабнут и не наступит перерыв для отдыха, за

которым последует повторение того же процесса. При этом принимаются все меры предосторожности, чтобы свести к минимуму последствия любого несчастного случая, который может произойти в процессе работы. За санями везут запасные тросы и рычаги, некоторые на спинах людей, другие на маленьких ручных тележках. Кроме того, несколько рабочих несут ролики.

Мы упомянем еще только один из этих рельефов, которым, по-видимому, завершается серия (рис. 152). Не без оснований считается, что эта резная картина изображает возведение быка [413] на предназначенное ему место. После медленного, но непрерывного шествия огромное чудовище прибыло на плато, где его ждали. Одним большим последним усилием он был втянут по наклонной плоскости на вершину кургана и поставлен на ноги. Осталось только подтащить его к дверному проему, который он должен охранять и украшать. Те же сани, те же ролики, тот же рычаг, те же меры предосторожности от несчастного случая - все это можно узнать здесь, как и на предыдущей картине. Единственное отличие - в положении самой статуи. В таком вертикальном положении она гораздо больше подвержена травмам, чем в положении лежа на боку. Поэтому были введены новые меры предосторожности. Под живот статуи подложены деревянные брусья, а для предотвращения опасной вибрации она заключена в строительные леса. Дополнительные меры предосторожности от этой последней опасности обеспечиваются бригадами людей, которые ходят по бокам и держат, некоторые веревки, прикрепленные к стойкам лесов, другие длинные вилообразные шесты, заведенные под горизонтальные части. С помощью этих средств равновесие может быть восстановлено после любого дополнительного колебания саней и их груза.

Все эти маневры поражают мастерством и расточительностью, с которой использовалась человеческая сила; из всех научных инструментов, изобретенных для экономии усилий и сокращения продолжительности выполнения задачи, единственным, который они, похоже, никогда не использовали, был самый простой из всех - рычаг, инструмент, который, должно быть, изобретался снова и снова везде, где люди пытались поднять с земли груз камня или дерева. Его открытие, по сути, должно было произойти задолго до начала того, что мы называем цивилизацией, хотя его теория была впервые изложена греческими математиками.

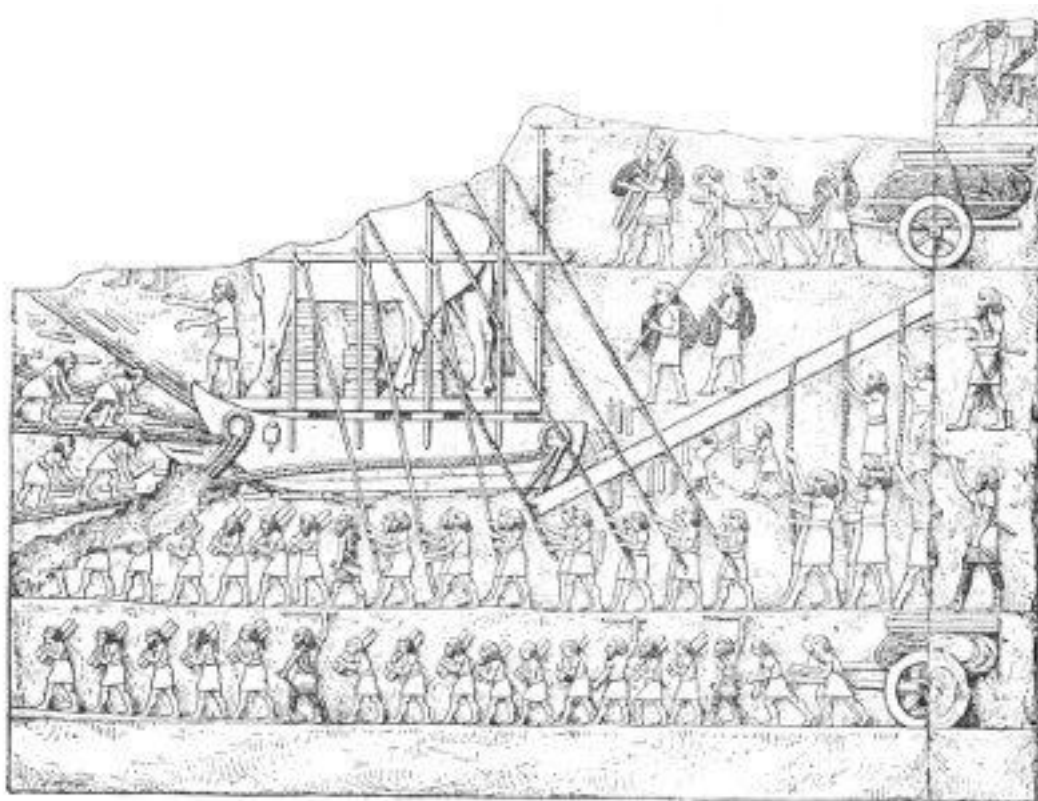

Рис. 152.-

Постановка быка на место; из Layard.

На рельефе во дворце Ассурназирпала в Нимруде изображен шкив, в точности похожий на тот, что часто можно увидеть над современным колодцем. [414] Через него проходит шнур, поддерживающий ведро. Нет никаких доказательств того, что ассирийцы использовали такое приспособление для каких-либо целей, кроме подъема воды. Нельзя сказать, что они использовали его для поднятия тяжестей, но тот факт, что они понимали принцип его действия, ставит их несколько выше египтян как инженеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[411] О простоте египетской инженерии см. в *"Истории искусства Древнего Египта"*, т. II, с. 72, и рис. 43.

[412] См. Layard, *Monuments*, 2nd series, plate ii. Тот же автор дает подробное описание этой картины в своих *"Открытиях"*, с. 104-106.

[413] Layard, *Discoveries*, p. 112.

[414] Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 32.

§ 10. О графических процессах, используемых при изображении зданий.

Халдеи и ассирийцы знали о перспективе так же мало, как и о механике. Когда им нужно было изобразить здание и его содержимое или пейзажный фон, они не могли устоять перед соблазном объединить множество вещей, которые нельзя было увидеть с одной точки зрения. Подобно фиванским живописцам и скульпторам, они самым наивным образом смешивали те графические процессы, которые мы тщательно разделяем. Все, о чем они заботились, - это быть понятыми. Нам нет необходимости воспроизводить здесь наблюдения, которые мы сделали по этому поводу в соответствующей главе "Египетского

искусства"; [415] достаточно привести несколько примеров одновременного использования ниневийскими скульпторами противоречивых систем.

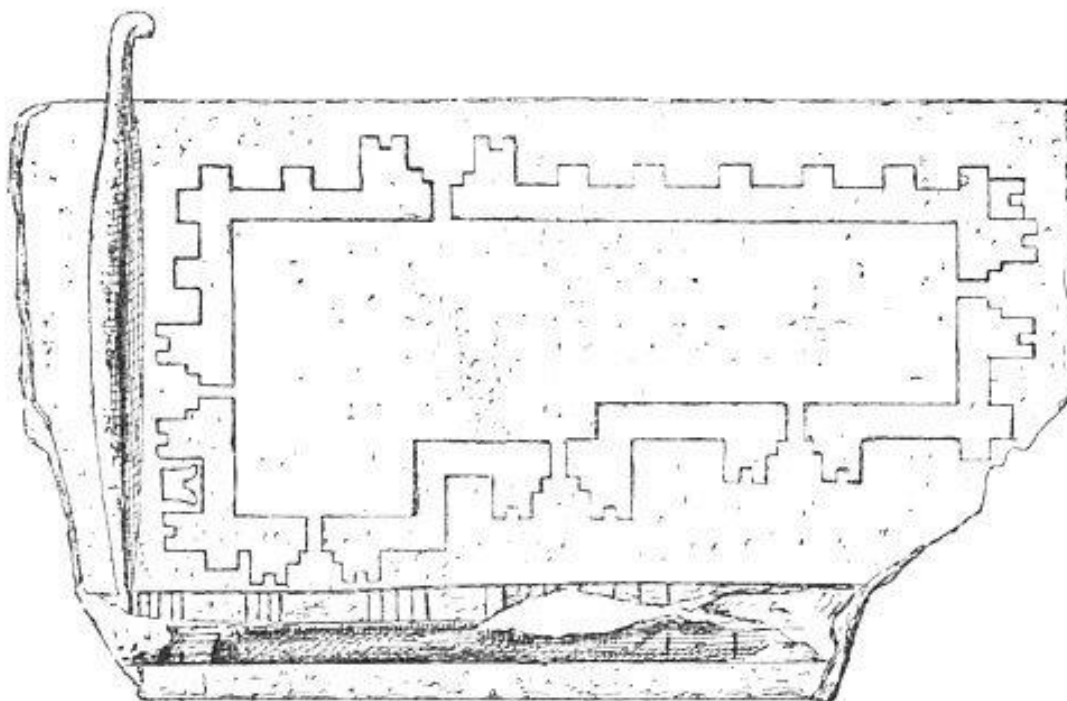

Рис. 153.-

Халдейский план. Лувр.

Нетрудно привести примеры того, что при некоторой изобретательности можно подвести под определение плана. Самый любопытный и ярко выраженный из них представлен одним из самых древних памятников, дошедших до нас; мы имеем в виду статую, найденную в Телло в Нижней Халдее М. де Сарзекон. Она представляет собой сидящего человека, который держит на коленях выгравированную табличку, на которой изображены два или три различных предмета (рис. 153). Справа находится один из тех стилей, с помощью которых в мягкой глине вырезались буквы или изображения. В нижней части таблички находится шкала, которая, как мы знаем из другого памятника того же рода, первоначально имела длину 10-8 дюймов, то есть вавилонский полукубит или пролет. Однако большую часть поля занимает неправильная фигура, в которой можно легко распознать след крепостной стены. Когда эти памятники были впервые привезены во Францию, предполагалось, что это статуя архитектора. Однако, когда надписи были интерпретированы, это мнение пришлось несколько изменить. Оказалось, что они содержат тот же королевский титул, что и другая фигура, похожая по стилю и материалу, обнаруженная М. де Сарзекон на том же месте, а именно титул человека, которого археологи в настоящее время договорились называть Гудеа. [416] Поэтому кажется, что она изображает этого принца в образе архитектора, строителя здания, в котором его статуи были помещены в качестве священного хранилища. Должны ли мы считать, что это план его королевского города в целом или только его дворца? Трудно ответить на этот вопрос, особенно если учесть, что точных сведений о нем не было получено из надписей, интерпретация которых представляет много трудностей. Однако несомненно, что гравер представил нам план стены, укрепленной фланкирующими башнями, из которых самые смелые охраняют шесть проходов во внутренние помещения.

Еще более простой план мы находим на ассирийском памятнике гораздо более позднего времени, а именно на доспехах из битой бронзы, которые раньше защищали ворота Балавата. В этом примере (рис. 154) дверные проемы, углы и центры двух длинных куртин укреплены башнями.

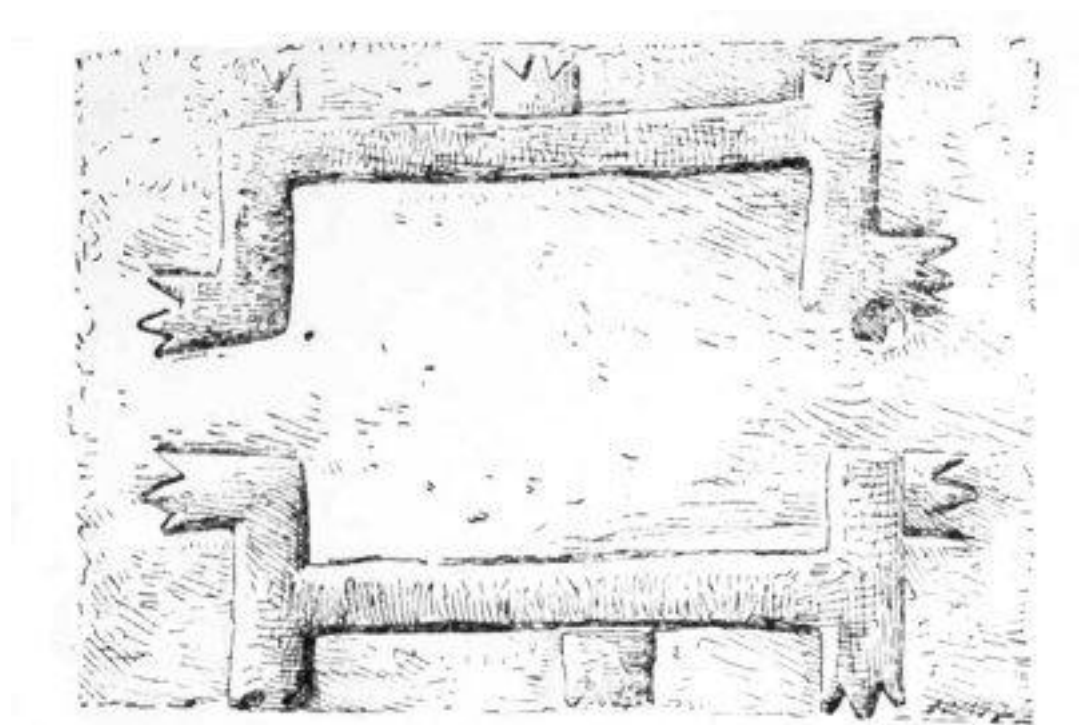

Рис. 154.-

Ассирийский план; с ворот Балавата в Британском музее.

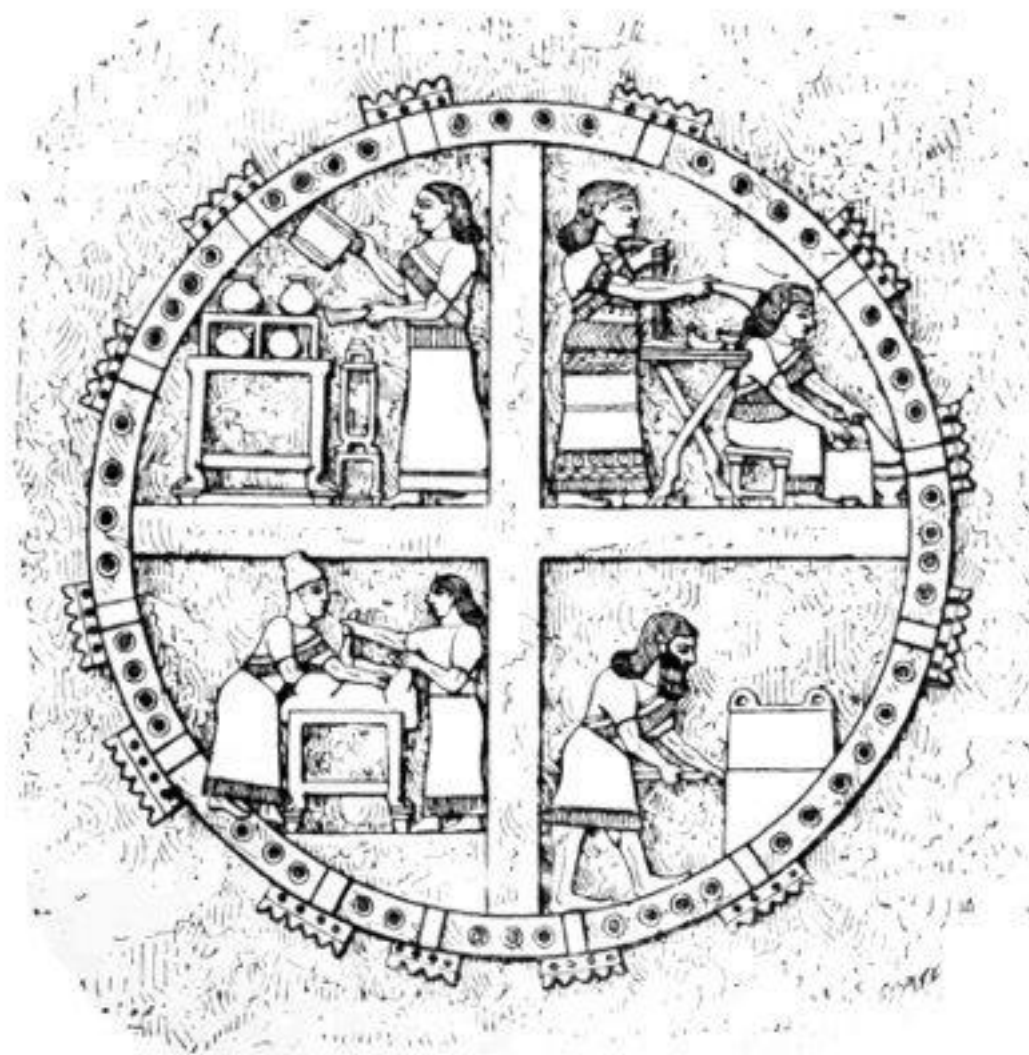

Рис. 155.- План и

разрез крепости; из Layard.

То, как скульптор попытался изобразить зубчатые стены, показывает, что эти планы не были нарисованы по тому же принципу, что и наши; здесь нет сечения, сделанного на стыке с почвой или на определенной высоте; рисовальщик, вероятно, хотел дать представление о высоте фланкирующих башен. Его изображение представляет собой идеальную *проекцию*, подобную тем, которые мы находим во многих примерах в Египте, только здесь башни уложены плоско за пределами укрепления, к которому они принадлежат, таким образом, что их вершины находятся как можно дальше от центра сооружения. Мы увидим это лучше на другом плане того же рода, в котором детали проработаны более тщательно ([рис. 155](#)). Это происходит от барельефа, на котором изображена круглая крепость, разделенная на четыре равные части стенами, исходящими из ее центра.

На этом рельефе мы видим еще один излюбленный прием египтян, а именно: вертикальный разрез сочетается с выступом, чтобы открыть зрителю внутреннее убранство здания и его обустройство. В данном случае мы можем видеть, что происходит в четырех главных камерах замка. В каждой из них один или два человека занимаются, судя по всему, религиозными обрядами.

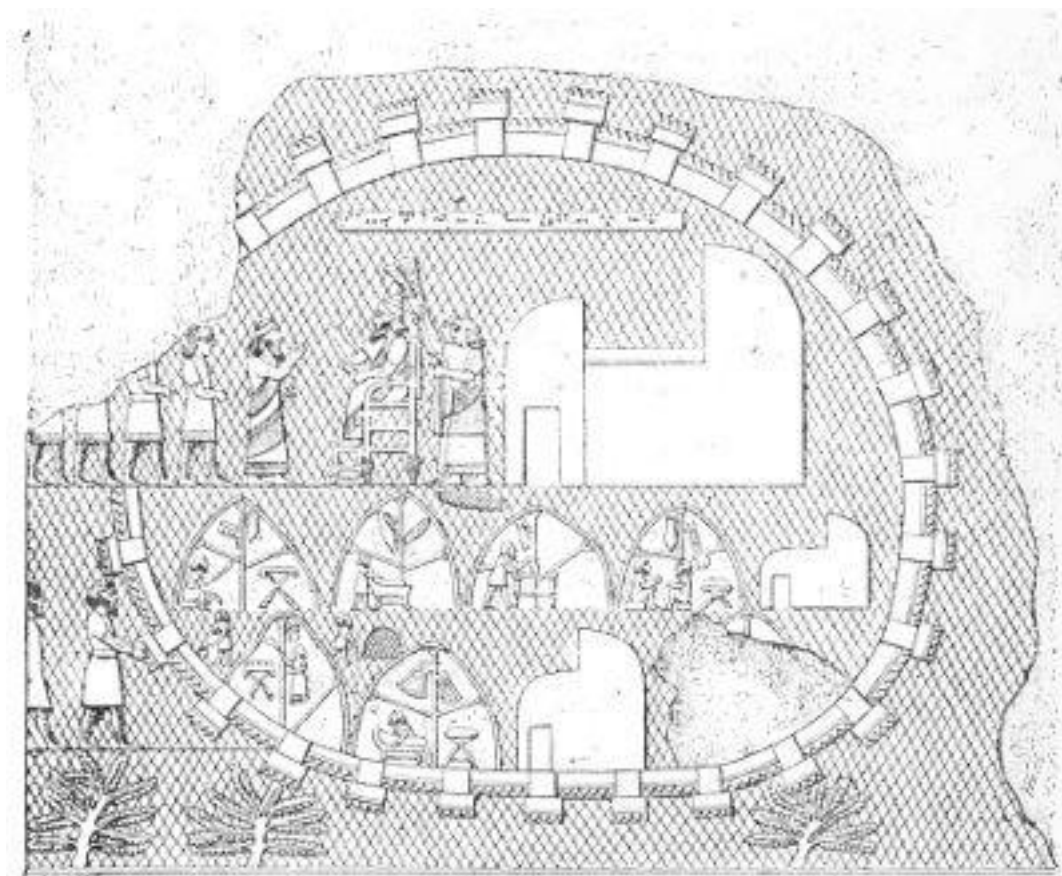

Рис. 156.- План,

разрез и высота укрепленного города; из Layard.

На другом барельефе из Нимруда мы видим еще большее разнообразие процессов, использованных в одном произведении (рис. 156). На картине изображен царь, возвышающийся в центре укрепленного города, который он только что захватил. К нему ведут пленных; в самом городе победоносные войска разбили свои шатры. Рядом с этими палатками три неравных по размеру дома представляют собой жилища побежденных. *Энсинта* с башнями спроецирована на землю так, как было указано выше; продольный разрез обнажает интерьеры палаток и показывает нам солдат за их различными занятиями. Что касается домов, то они представлены главными фасадами, которые нарисованы в перспективе.

Рис. 157.- План и

план укрепленного города; из Layard.

Когда ему приходилось иметь дело с более сложными изображениями, как на рельефах в Куюнджике, представляющих завоевания и походы Ассурбанипала, художник произвольно изменял свои процессы, чтобы объединить в узком пространстве, имеющемся в его распоряжении, всю информацию, которую он считал нужным дать. Например, рельеф, на котором ассирийцы празднуют взятие Мадакту, важного города Сузианы, своего рода триумфом (рис. 157). Сам город с его возвышающимися стенами и пригородами, в которых каждый дом укрыт финиковым деревом, изображен в центре. Сверху и по бокам стены выступают за пределы города, а снизу они заходят внутрь, несомненно, для того, чтобы оставить место для верхушек финиковых деревьев. Кроме того, скульптор должен был найти место для большого здания справа от своего укрепления. По всей видимости, это дворец короля. Охраняемый барбаканом и окруженный деревьями, он возвышается на искусственном кургане на некотором расстоянии перед городом. Художник также хотел показать, что дворец и город защищены извилистой рекой, кишащей рыбой, в которую впадает более узкий ручей в районе дворца. Если бы он спроектировал стены дворца и барбакана так же, как и стены других зданий, ему пришлось бы либо вклиниться в ручьи и скрыть их слияние, либо изменить их русло. Чтобы избежать этого, он использовал несколько точек обзора и расположил два главных сооружения на земле таким образом, чтобы они образовывали косой угол с остальными зданиями. Полученный таким образом результат кажется нам странным, но он выполнил свою задачу: дал четкое представление о

том, как располагались различные здания по отношению друг к другу, и с точностью воспроизвел топографические особенности завоеванной страны.

Главным желанием скульптора было быть понятым. Эта руководящая мысль нигде не прослеживается так четко, как на одном из рельефов, посвященных подвигам Сеннахериба. [417] Здесь он должен был объяснить, что для проникновения в такую горную страну, как Армения, царь был вынужден идти по руслу потока между высокими лесистыми берегами. В центре картины мы видим царя на колеснице, за которым следуют всадники и пешие воины, идущие по воде. К вершине рельефа возвышенности, нависающие над потоком, представлены обычной сетью. Но как изобразить лесистые горы по эту сторону воды? Художник легко решил этот вопрос, показав ближние горы и их деревья вверх ногами - решение, которое в принципе вполне соответствует описанным выше планам. Холмы спроецированы по обе стороны от линии, проведенной потоком, так что он проходит вдоль их оснований, как это и происходит на самом деле; но этом случае перевернутость деревьев и холмов имеет очень поразительный эффект. Намерения художника, однако, совершенно очевидны; его процесс детский, но вполне понятный.

Ни один из этих планов или картин не имеет, в большей степени, чем египетские, масштаба, по которому можно судить о пропорциях представленных объектов. Люди, которые в глазах художника были важнее зданий, всегда выше, чем дома и башни. Это еще яснее видно на рисунке, который мы воспроизводим с ворот Балавата (рис. 158). На ней изображена крепость, осажденная Шалманезером II. На крыше здания стоят три человека; если мы восстановим их нижние конечности, то увидим, что их высота равна высоте самой крепости. [418]

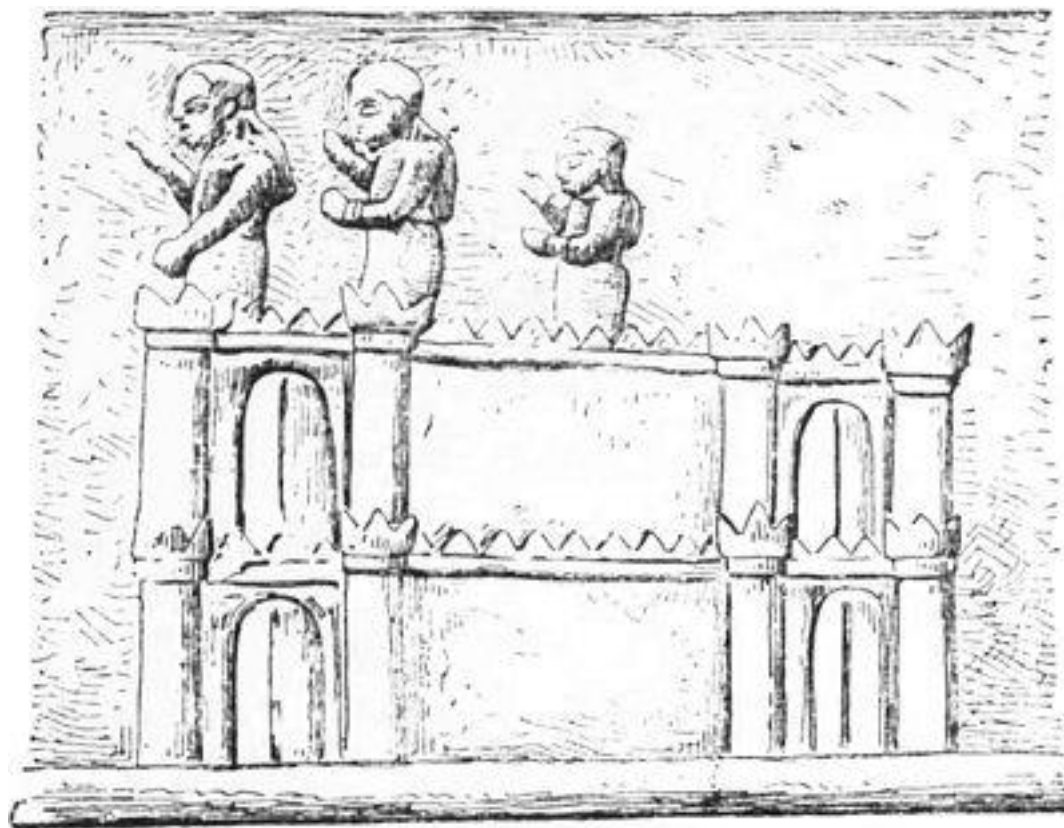

Рис. 158.- Крепость

с ее защитниками; от ворот Балавата.

Это краткое рассмотрение духа и принципов ассирийской фигуры было необходимо для того, чтобы избежать неловкости и сомнений при обсуждении архитектурных проектов и других вещей того же рода, которые мы можем найти воспроизведенными на барельефах. Если бы мы не поняли досконально систему, которой пользовались скульпторы, мы не смогли бы основывать наши реставрации на их работах в какой-либо важной степени; кроме того, если и есть какой-то камень, более надежный, чем другой, по которому мы можем определить пластический гений народа, так это изобретательность или ее недостаток, проявляющийся в изобретении средств, позволяющих изображать линиями толщину тел и расстояния между различными плоскостями. В этом вопросе Халдея и Ассирия, как и Египет, оставались в зачаточном состоянии искусства. Их даже превзошли египтяне, которые проявили больше вкуса и последовательности в управлении своими процессами, чем их восточные соперники. В скульптурах долины Нила нет ничего столь абсурдного, как эти холмы и деревья, перевернутые вверх ногами, и мы увидим, что подобное превосходство проявляется в способе объединения фигур в барельефах. Во втором томе нашей книги о египетском искусстве мы обратили внимание на некоторые фиванские скульптуры, в которых, казалось, боролись смутные подозрения относительно истинных законов перспективы. Попытка применить их к композиции некоторых групп была реальной, хотя и робкой. Ничего подобного нельзя найти в ассирийской скульптуре. Месопотамский художник, кажется, ни на минуту не усомнился в достоинствах своего метода, который заключался в размещении многочисленных фигур, чье положение в пространстве большей или меньшей глубины он хотел передать, друг над другом на поле своего рельефа. Он, по сути, полагался на интеллект зрителя и не прилагал особых усилий, чтобы помочь ему разобраться в представленных ему образах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[415] *Искусство в Древнем Египте*, т. ii. глава i. § 1.

[416] М. Ж. Халеви оспаривает такое прочтение этого слова. Поскольку мы не можем обсуждать этот вопрос, мы должны отослать наших читателей к его наблюдениям (*Les Monuments Chaldéens et la Question de Sumir et d'Accad*) в *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*, 1882, p. 107. М. Халеви считает, что это имя следует читать как имя принца Набу или Небо. Этот вопрос имеет лишь второстепенное значение, но М. Халеви расширяет его рамки, вновь открывая весь вопрос дебатов между ним и М. Оппертом относительно истинного характера того, что ассириологи называют шумерским языком и письменностью. В *Comptes rendus* приводится лишь краткое содержание работы. В том же томе содержится резюме ответа М. Опперта (1882, с. 123: *Inscriptions de Gudéa, et seq*).

[417] Layard, *Discoveries*, p. 341.

[418] Такую же диспропорцию между людьми и зданиями можно найти и на многих других рельефах (см. рис. 39, 43 и 60).

ГЛАВА III.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА.

§ 1. Халдейские и ассирийские представления о будущей жизни.

Из останков, дошедших до нас из Древнего Египта, самыми древними, самыми важными в некоторых отношениях и, вне всякого сомнения, самыми многочисленными являются гробницы. Из двух жизней египтянина, о которых мы знаем больше всего, это его посмертная жизнь - жизнь, которую он вел в тени тщательно скрытого подземного жилища, которое он называл своей "хорошей обителью". В то время как в любой другой стране тела через несколько лет становятся лишь горстками пыли, в Египте они тысячами появляются на свет из гротов на склонах гор, из ям, прорытых в песке пустыни, и из впадин в самом песке. Они поднимаются, сопровождаемые длинными надписями, которые говорят за них, и делают нас сопричастными их радостям и печалям, их религиозным верованиям и обещаниям, на которые они возлагали свои надежды, когда их глаза должны были закрыться навсегда. Особенность, единственным примером которой является Египет, объясняется так. Дом мемфитского гражданина и дворец самого царя теперь можно восстановить только по подсказкам, почерпнутым из рельефов и надписей - подсказкам, которые иногда поддаются более чем одному толкованию, в то время как гробницы Египта известны нам во всех деталях структуры и расположения. Не в одном случае они дошли до нас с эпитафиями и молитвами, вырезанными и нарисованными на стенах картинами и всей роскошью усыпальниц, в точности такими, какими они были оставлены, когда их двери были закрыты для их молчаливых жильцов столько веков назад. [419]

Мы, конечно, далеки от того, чтобы сказать это об Ассирии и Халдее. В этих странах в лучшем состоянии сохранился дворец, жилище государя, и по нему мы можем представить, какими были дома частных лиц; но мы почти ничего не знаем об их гробницах. В последние годы были обнаружены халдейские гробницы, но они безымянны и немые. Мы не располагаем ни одной погребальной надписью, относящейся к тем временам, когда два народа, разделившие между собой Месопотамию, были еще сами себе хозяевами. Устройство безымянных гробниц в нижней Халдее крайне простое, а их убранство очень бедное, если сравнивать их с усыпальницами на египетских кладбищах. Что касается ассирийских захоронений, то их пока не обнаружено. Гробницы, конечно, были найдены в Нимруде, в Куюнджике, в Хорсабаде и во всех курганах в окрестностях Моссула, но никогда среди ассирийских останков или под ними. Они всегда находятся в массе земли и различных обломков, скопившихся на руинах ассирийских дворцов, чего достаточно, чтобы показать, что они датируются временем, предшествующим падению Месопотамской империи. Любые сомнения, которые могли возникнуть по этому поводу, были устранены характером найденных предметов, которые никогда не были старше Селевкидов или парфян, а иногда датируются даже римской эпохой. [420]

Что же тогда ассирийцы делали со своими мертвецами? Никто не атаковал этот вопрос более энергично, чем сэр Генри Лэйард. В попытке ответить на него он исследовал весь район Моссула, но безрезультатно; он указал на интересность исследования всем своим сотрудникам, говорил о нем с более умными из своих рабочих и обещал награду тому, кто первым покажет ему ассирийскую могилу. Однако он ничего не нашел, и ни Лофтус, ни Плейс, ни Рассам не добились большего успеха. Ни тексты, ни памятники не помогают нам заполнить этот пробел. Раскопки М. де Сарзека действительно позволили обнаружить

фрагменты ассирийской стелы, на которой изображена погребальная сцена, но, к сожалению, ее смысл ни в коем случае не ясен. [421] Я не могу указать ассирийский рельеф, на котором была бы затронута та же тема. Среди множества батальных изображений мы не находим ни одной сцены, аналогичной тем, что так часто повторяются на картинах и скульптурах Греции. Смерть и погребение ассирийского воина не давали темы ни одному ассирийскому скульптору. Похоже, что национальная гордость восставала против любого признания того, что ассирийцев можно убивать, как других людей. Все трупы на бесчисленных полях сражений - это трупы врагов, которых иногда калечили и обезглавливали. [422]

Эти презренные тела оставляли гнить там, где они упали, и кормить ворон и стервятников; [423] Но невозможно поверить, что ассирийцы не воздавали почестей телам своих принцев, знати и родственников, а в некоторых недавно обнаруженных текстах есть явные намеки на погребальные обряды. [424] Мы вряд ли можем согласиться с мнением М. Плейса, который спрашивает, не может ли быть так, что ассирийцы предавали свои трупы реке, как современные индусы, или хищным птицам, как гебры. [425] Обычаи, столь несовместимые с обычаями других древних народов, несомненно, были бы замечены современными писателями, греческими или древнееврейскими. В любом случае в ассирийской литературе должны были сохраниться какие-то намеки на них, но никаких намеков на это не обнаружено.

Но после того, как мы отвергли эти гипотезы, вопрос не стал ближе к решению; мы по-прежнему сталкиваемся с удивительным фактом, что ассирийцы так умели скрывать своих мертвых, что никаких следов их никогда не было обнаружено. Догадка, предложенная Лофтусом, является наиболее привлекательной. [426] Он напоминает нам, что хотя кладбища полностью отсутствуют в Ассирии, в Халдее их полно. Между Нифером и Мугейром каждый курган представляет собой некрополь. Ассирийцы знали, что Халдея - родина их расы, и относились к ней как к священной территории. Мы видим, что ниневийские цари, даже когда им было труднее всего справиться со своими мятежными подданными на юге, считали делом чести сохранить и восстановить храмы Вавилона и поклоняться им с царской пышностью. Возможно, ассирийцы, а точнее те из них, кто мог позволить себе расходы на путешествие, перенесли своих умерших на кладбища Нижней Халдеи. Последняя страна, или, по крайней мере, определенная ее часть, стала бы своего рода святой землей, где те семиты, чьи ранние традиции были связаны с ее почвой, могли бы считать себя уверенными в более спокойном отдыхе и защите со стороны более благосклонных божеств. Сама же земля Ассирии принимала не что иное, как трупы рабов и нищих, которые, не считаясь ни с чем в своей жизни, были похоронены после смерти в первом удобном углу, без эпитафии и надгробного убранства.

Эта гипотеза объясняет две вещи, которые нуждаются в объяснении: отсутствие в Ассирии таких гробниц, которые встречаются во всех других странах Древнего мира, и огромные размеры халдейских кладбищ. И у Лофтуса, и у Тейлора сложилось одинаковое впечатление, что скопления гробов, все еще огромные, несмотря на количество разрушенных за последние двадцать веков, не могли быть полностью обусловлены городами второго и третьего уровня, по соседству с которыми они расположены. Нагроможденные один на другой, они образуют курганы, занимающие обширные пространства, и настолько высокие, что их можно увидеть за много миль по всей равнине. [427] Этот район, должно быть, был общим кладбищем Халдеи и, возможно, Ассирии; туда, должно быть, свозили умерших вавилонян. Не слишком ли много, чтобы предположить, что с помощью рек и каналов туда могли свозить и ниневийцев? Разве не точно так же мумии тысячами перевозили из одного

конца долины Нила в другой, туда, где они должны были воссоединиться со своими предками? [428]

Но нам не нужно возвращаться в Древний Египет, чтобы найти примеры того, как трупы совершали долгие путешествия, чтобы добраться до какого-то великого национального места погребения. Лофтус получил первый намек на свое предположение из того, что он сам видел в Неджефе и Кербеле, где он не раз встречал похоронные процессии на дорогах Ирака и Араби. Из каждого города Персии в Месопотамию после смерти доставляют тела шиитов-мусульман, желающих упокоиться рядом с бренными останками Али и его сына. [429] По данным Лофтуса, только на кладбище Неджеф, которое окружает мечеть, известную как *Мехед-Али*, ежегодно попадают тела от пяти до восьми тысяч персов. Теперь путешествие между Ниневией и Калой и равнинами Нижней Халдеи было намного проще, чем сейчас - особенно учитывая состояние дорог - между Тавридой, Испаханом и Тегераном, с одной стороны, и Неджефом - с другой. Транзит из Ассирии в Халдею, как и перевозка египетской мумии, мог быть осуществлен исключительно по воде, то есть очень дешево, очень легко и очень быстро.

Однако нам мешает одно возражение. Хотя халдеи, как правило, подчинялись ассирийцам, с XI по VII век до нашей эры они находились в состоянии постоянного восстания против своих северных соседей; они упорно боролись за свою независимость и вели долгие и кровопролитные войны с хозяевами Ниневии. Могли ли ассирийские цари осмелиться предать свои бранные останки погребению посреди народа, который проявил себя столь враждебно по отношению к их господству? Разве они не должны были дрожать за безопасность гробниц, окруженных мятежным и разгневанным населением? А яростные конфликты, о которых мы находим в ассирийских надписях, разве не должны были часто прерывать перевозку тел и заставлять их ждать без погребения месяцами и даже годами?

Дальнейшие исследования и расшифровка текстов когда-нибудь решат эту проблему. А пока мы должны попытаться определить природу халдейско-ассирийских представлений о будущей жизни. Геродот нам в этом не поможет. Намереваясь описать нравы и обычаи халдеев в специальной работе, которую он либо никогда не писал, либо она была утеряна, [430], в своей истории он рассматривает Месопотамию гораздо менее полно, чем Египет. Все, что он оставил нам по теме, которую мы сейчас изучаем, это мимолетное замечание: "Вавилоняне кладут своих мертвых в мед, и их погребальные причитания очень похожи на египетские". [431] К счастью, у нас есть халдейские кладбища и скульптурные памятники Ассирии, к которым мы можем обратиться за информацией. Погребальные надписи египтян позволяют нам читать их сердца как открытую книгу. Мы знаем, что люди, жившие во времена древней империи, смотрели на посмертную жизнь как на простое продолжение жизни под солнцем. Они считали, что ею управляют те же желания, но она способна бесконечно продлеваться, пока эти желания удовлетворяются. Поэтому они помещали своих умерших в гробницы, где их окружали такими же вещами, какие требовались им при жизни, особенно мясом и питьем. Наконец, они старались обеспечить им возможность наслаждаться этими вещами до самого крайнего предела времени, сохраняя их тела от распада. Если бы они рассыпались в прах на следующий день после того, как вошли в свою новую обитель, то провизия и мебель, которыми она была укомплектована, оказались бы бесполезными.

Халдеи держали перед собой аналогичную цель. Они не пренебрегали ничем, чтобы защитить тело от воздействия сырости, во-первых, делая боковые стенки своих склепов и

сами гробы водонепроницаемыми, во-вторых, обеспечивая быстрый отвод дождевой воды с кладбища, [432] и, наконец, если они не продвинули искусство бальзамирования так далеко, как египтяне, они вступили на тот же путь. Тела, которые мы находим в самых древних гробницах, - это несовершенные мумии по сравнению с египетскими, но скелет, по крайней мере, почти всегда находится в прекрасной сохранности; только когда с ним обращаются, он рассыпается в пыль. В более просторных гробницах тело лежит на циновке, а голова - на подушке. В большинстве случаев вокруг него находили остатки бинтов и льняных тканей. Циновки, подушки и повязки были обработаны битумом. На небольшой терракотовой модели в Британском музее изображен мертвец, уложенный таким образом в гроб; руки сложены на груди, а вокруг всей нижней части тела прослеживаются ленты, придававшие ему вид мумии.

Погребальная мебель далеко не так богата и разнообразна, как в гробницах Египта и Этрурии, но в обоих случаях при выборе предметов руководствовались одной и той же идеей. Когда труп принадлежит мужчине, мы находим рядом с ним цилиндр, служивший ему печатью, его оружие, наконечники стрел из кремня или бронзы и остатки посоха, который он держал в руке. [433] В женской гробнице тело украшено драгоценностями на шее, запястьях и лодыжках; драгоценности разбросаны по гробнице и положены на крышку гроба. Среди других предметов туалета были найдены маленькие стеклянные бутылочки, фрагменты букета и лепешки с черным пигментом, который женщины Востока до сих пор используют для удлинения бровей и усиления их черноты. [434]

Рис. 159, 160 -

Вазы; из Варки. Британский музей.

Вазы, которые всегда присутствуют в хорошо сохранившихся гробницах, показывают представления месопотамцев о смерти яснее, чем что-либо другое. На ладонь одной руки или за голову ставится чаша, иногда из бронзы, чаще из терракоты. Из нее покойник может пить воду или перебродившие жидкости, которыми наполнены большие глиняные кувшины, расставленные на полу его могилы (рис. 159 и 160). Рядом с ними мы также находим неглубокие чаши или блюдца, которые, несомненно, использовались в качестве тарелок для еды. В большом количестве присутствуют также финиковые камни, куриные и рыбы кости. В одной гробнице было найдено рыло рыбы-меч, в другой - череп кабана. Похоже, что идея добавлять имитацию пищи к настоящей приходила в голову как халдеям, так и египтянам. [435] Из одной могилы, вскрытой Тейлором, были извлечены четыре утки, вырезанные из камня.

Гробницы, в которых были найдены упомянутые нами предметы, являются самыми древними в Халдее, в этом сходятся все исследователи. Их расположение в самой нижней части погребальных курганов, вид символов, выгравированных на цилиндрах, и стиль вещей, которые они содержали, все это доказывает их возраст. В аналогичных гробницах,

обнаруженных М. де Сарзеком в Сиртелле, в том же регионе, были найдены каменная табличка и бронзовая статуэтка, ничем не отличающиеся от тех, что были вложены в камни фундамента. Выгравированные на них тексты не оставляют сомнений в их большой древности. [436] Значит, именно к ранней халдейской монархии мы должны отнести эти гробницы, в которых так явно прослеживаются идеи и верования, практически идентичные тем, что нашли свое наиболее свободное выражение в масштабах древней Египетской империи.

В Месопотамии, как и в Египте, человеческий интеллект с течением времени пришел к чему-то, выходящему за рамки этой детской и примитивной веры. Однако люди не отбросили ее как ложную и нелепую; они продолжали лелеять ее в глубине души и позволяли ей навязывать им определенные действия, которые иначе трудно было бы объяснить или оправдать. Как и в Египте, и в более поздние годы в Греции, на первую концепцию накладывалась новая, более абстрактная. С точки зрения логики, вторая теория была отрицанием своей предшественницы, но там, где главную роль играют воображение и чувства, на такие противоречия не обращают внимания.

В другом месте [437] мы проследили процесс, в ходе которого воображение было вынуждено набросать новое объяснение тайны смерти. По мере того как опыт человека увеличивался, а его способность к наблюдению становилась все более сильной, ему приходилось прилагать все больше умственных усилий, прежде чем он мог поверить в бессмертие тела и в жизнь, продленную до бесконечности во мраке могилы. Чтобы удовлетворить тягу к вечности, было представлено нечто, трудно сказать что, тень, *имаго*, которое отделялось от тела в момент смерти и взлетало с легкостью птицы. К первой концепции было добавлено огромное пространство, не имеющее определенного размера, формы или положения, в котором эти тени ушедших могли встречаться друг с другом и пользоваться большей свободой, чем в могиле. Эта менее материальная вера была лучше, чем первая, приспособлена к моральным инстинктам человечества. Материальное и органическое существование, переходящее в могилу, наказывало одинаковой участью как хороших, так и плохих людей. С другой стороны, не было ничего проще, чем разделить царство теней на два отсека, на две различные области, и поместить в одну тех, чье поведение было достойно награды, а в другую - тех, чьи преступления и пороки были недостаточно наказаны на земле.

Не халдейским гробницам мы обязаны знанием о том, что семиты Месопотамии пошли по стопам египтян, столкнувшись с проблемой жизни и смерти; это связано с литературой ассирийцев. Среди терракотовых табличек из библиотеки Ассурбанипала, которые сейчас хранятся в Британском музее, Джордж Смит в 1873 году обнаружил мифологический документ, в котором рассказывается о спуске Истар в адские области в поисках ее возлюбленного Таммуза. Он дает первый перевод, который уже устарел. С тех пор как было объявлено о его открытии, самые ученые ассириологи изучили этот документ, и теперь даже те из них, кто редко думает одинаково, согласны с его смыслом, за исключением нескольких несущественных деталей. [438] Не остается никаких сомнений в общем значении этого документа; мы даже можем сравнить его с другими документами из той же библиотеки, в которых есть многое, подтверждающее и дополняющее его содержание.

Даже если бы не было никаких доказательств обратного, мы могли бы с уверенностью утверждать, что первая концепция не была вычеркнута из сознания ассирийцев второй. М. Халеви перевел один ассирийский текст, смысл которого он выразил следующим образом: "Что становится с человеком, помещенным в гробницу? Любопытный отрывок в одной из "книг" из библиотеки Ассурбанипала отвечает на этот вопрос, правда, косвенно, но без всякой двусмысленности. После смерти жизненный и неразрушимый принцип, бесплотный

дух, отделяется от тела; по-ассирийски он называется *ékimtu* или *égimtu*..... Экимму обитает в гробнице и ложится на ложе (*залалу*) трупа. Если дети покойного хорошо относятся к нему, он становится их защитником, если нет - их злым гением и бичом. Самое большое несчастье, которое может постигнуть человека, - лишиться погребения. В этом случае его дух, лишенный места упокоения и погребальных возлияний, ведет бродячее и жалкое существование; он подвергается всевозможным видам жестокого обращения со стороны своих собратьев-духов, которые не проявляют к нему никакой милости".

Здесь мы находим определенные элементы той первобытной веры, которая ускользнула бы от нас при простом изучении халдейских гробниц. Мы видим, как они понимали связь между живыми и мертвыми, и почему они так страстно желали получить должное погребение. Эти идеи и чувства идентичны тем, которые так глубоко проанализировал М. Фюстель де Куланж в своем "*Античном городе*". Они существовали во всей своей силе в Ассирии и должны были иметь все последствия, все социальные эффекты, которые они имели в других местах, и все же мы находим упоминание о доме для мертвых, безрадостной стране, в которой они могли собираться в своем бесчисленном количестве; как Египет имел свой *Амент*, а Греция свой *Аид*, так Халдея и Ассирия имели свой ад, свое место ушедших призраков. Из рассказа Истара мы знаем, что они смотрели на него как на огромное здание, расположенное в центре земли и ограниченное со всех сторон великой рекой, воды которой омывают основание мира. Эту страну мертвых называют "землей, где ничего не видно" (*мат ла намари*), или "землей, откуда не возвращаются" (*мат ла тайарти*). Управление страной находится в руках Нергала, бога войны, и его супруги Аллат, сестры Астарты. Дом окружен семью крепкими стенами. В каждой стене есть одна дверь, которая заколачивается засовом, как только в нее входит новый человек. Каждую дверь охраняет неподкупный страж. Мы не можем процитировать всю историю, но приведем несколько строк, в которых наиболее ярко проявляются основные черты ассирийской концепции. Истар говорит:-

Позвольте мне вернуться [в дом],

.....

[К] дому, в котором живет Иркалла,
В котором вечер не имеет утра,
[К стране], откуда нет возврата,
[Чьи жители,] лишенные света,
[имеют пыль для еды] и грязь для питания,
Туника и крылья для одежды,
[Которые не видят дня,] которые сидят в тени,
[В доме], в который я должен войти,
[Они живут там,] (когда-то) носители корон,
[Носящие] короны, которые управляли миром в древние дни,
Имена и память о которых увековечили Бел и Ану.
Там же стоят основания земли, сходятся могучие воды,
Во дворце из пыли, в который я должен прийти,
Живи принц и благородный,
Живут король и силач,
Живут хранители глубин великих богов,
Живите Нер и Этана.

Далее следует долгий диалог Истар со стражем ворот, из которого мы узнаем, что здесь действовал строгий закон, обязывающий всех проходящих раздеваться донага. Несмотря на свое сопротивление, Истар сама была вынуждена подчиниться этому закону. Из других текстов мы узнаем, что вход в эти inferнальные области находился у подножия "северной горы", своего рода ассирийского Олимпа.

Согласно цитированному выше фрагменту, состояние мертвых было поистине плачевным; у них не было никакой пищи, кроме пыли и грязи; их жилище иногда называют *бит-эди*, "дом одиночества", потому что в жизни, полной страданий и лишений, никто не думает о других, его единственная забота - облегчить свои собственные проблемы. Поэтому здесь нет ни семей, ни общественной или совместной жизни. Совесть протестовала против несправедливости смешения с толпой тех смертных, которые при жизни отличились своими подвигами или добродетелями. Так, в недавно скопированном отрывке из великого эпоса Издубара, ассирийского Геракла, мы находим, что доблестные воины - несомненно, павшие в "Войнах Ассур" - были вознаграждены за свою доблесть. Как только они попадали в царство теней, их укладывали на мягкую кушетку и окружали родственники. Отец и мать поддерживали голову, которую ранил вражеский меч, жены стояли рядом и ждали их с усердием и нежностью. Они были освежены и восстановили свои силы благодаря чистой воде жизни.

Идея окончательной награды выражена в еще более отчетливых акцентах в религиозной песне, из которой до нас дошли два фрагмента. Поэт воспекает счастье праведника, принимающего пищу вместе с богами и становящегося самим богом: - ...

Омой руки твои, очисти руки твои,
Боги, старцы твои, омоют и очистят руки свои;
Ешьте чистую пищу в чистых дисках,
Пейте чистую воду из чистых ваз;
Приготовься наслаждаться покоем праведных!

.....

Они принесли свою чистую воду,
Анат, великая супруга Ану,
взяла тебя в свои священные объятия;
Иау перенес тебя в святое место;
Он передал тебя из своих священных рук;
Он перенес тебя в среду меда и жира,
Он влил волшебную воду в уста твои,
И сила воды открыла уста твои.

.....

О том, где находился этот рай, у нас нет точных сведений. Вряд ли он мог быть просто отдельным районом той обители теней, которая окрашена в столь мрачные цвета. Мы должны предположить, что он был открыт для солнечного света; возможно, он находился на одном из склонов *Северной горы*, по соседству со светящейся вершиной, на которой обитали боги и богини.

Идея награды для справедливых влечет за собой идею наказания для несправедливых, но, несмотря на логическую связь между этими двумя понятиями, мы не можем утверждать, что Элизиум этих семитов имел рядом с собой Тартар. Ни в одном из уже переведенных текстов мы не нашли упоминания о таком месте. С другой стороны, мы находим некоторые свидетельства того, что ассирийцы верили в воскрешение мертвых. Мардук и его супруга Зарпаниту часто носят титул "тех, кто заставляет мертвых жить снова" (*мубаллит* или *мубаллитхат мити* или *митуту*). Тот же эпитет иногда дается и другим божествам, особенно Истару. Пока мы не знаем, когда и при каких условиях должна была быть дарована обновленная жизнь.

Вряд ли стоит добавлять, что идеи, нашедшие выражение в ассирийских текстах, отнюдь не были свойственны северным народам. Все ассириологи согласны с тем, что во всем, что связано с интеллектом, ассирийцы ничего не изобретали; они только адаптировали и подражали, переводили и копировали у более плодовитых халдеев, которые как бы поставляли хлеб, на котором питались их умы. Именно халдейский интеллект мы изучаем, когда задаемся вопросом о текстах из библиотеки Ассурбанипала.

Другие отрывки из этих терракотовых книг помогают дополнить и проиллюстрировать те, из которых мы, так сказать, получили первое представление о подземном мире ассирийцев; но мы никогда, по всей вероятности, не узнаем его так, как уже знаем египетский. Отчасти, возможно, потому, что он был менее сложным, а отчасти потому, что очарование, которое он оказывал на разум человека, было не столь велико.

История не содержит упоминаний о народе, более озабоченном делами могилы, чем египтяне. Несомненно, халдеям приходилось уделять определенное внимание той же проблеме, и мы знаем, что она решалась в том же смысле и с помощью той же последовательности верований как на берегах Евфрата, так и на берегах Нила; но другие вопросы были более привлекательны для народов Месопотамии. Их любопытство возбуждали прежде всего небесные явления, сложные фантазмагии, которые по ночам разыгрывались в глубинах небес. За ними они наблюдали с терпением и точностью, и именно сформированным таким образом привычкам они, по крайней мере частично, обязаны своим научным превосходством и почетом, который они получают благодаря неоспоримому факту, что они предоставили современной цивилизации элементы более полезные и более легко усвояемые, чем любой другой великий народ далекого прошлого.

И все же семиты Халдеи не были лишены мифов, связанных с обиталищем ушедших душ, некоторые особенности которых можно уловить. Для того чтобы лучше понять их, мы должны не только искать и переводить новые тексты, но и разумно изучать фигурные изображения. По крайней мере, в этом, похоже, заключается урок одного любопытного памятника, обнаруженного недавно. [439]

Люди могут расходиться во мнениях относительно значения тех или иных деталей, но никто не станет отрицать, что в целом табличка носит религиозный и погребальный характер, и что, каково бы ни было ее назначение, в целом она связана с памятью и поклонением мертвым, а значит, именно здесь уместны те замечания, которые мы хотим сделать по этому поводу.

Предмет, о котором идет речь, - это бронзовая бляшка, украшенная скульптурой с обеих сторон, которую Перетье приобрел в Хаме в Северной Сирии. Торговец, у которого он ее купил, заявил, что она попала к нему в руки от крестьянина из Пальмиры. О том, где последний нашел ее, нам ничего не известно. В любом случае оазис Тадмор был зависимой территорией Месопотамии до тех пор, пока существовала власть халдейской и ассирийской

монархий, и характерные черты рассматриваемого произведения полностью ассирийские. В этом отношении ни Перетье, ни Клермон-Ганно не ошиблись.

Эта табличка представляет собой высокий прямоугольник. На двух верхних углах ее имеются выступающие кольца или скобы, предназначенные, по-видимому, для крепления шнура или цепи. В нижней части она имеет небольшой выступ, что позволяет предположить, что она стояла на своем основании и одновременно была подвешена. Как бы то ни было, следует обратить внимание на то, что обе его грани должны были быть видны.

Лицо, которое мы называем аверсом, полностью занято телом фантастического четвероногого, частично высеченного в легком рельефе, частично выгравированного. Это чудовище стоит вертикально на задних лапах; его спина повернута к зрителю, а нижняя часть тела видна почти в профиль. Двумя передними лапами он цепляется за верхний край дощечки и смотрит на нее, как на стену. Его передние лапы и голова выполнены в круглой форме. У него четыре крыла: два больших с вкраплениями перьев растут из плеч, а пара меньших видна под ними. Такое расположение мы уже встречали в несомненных ассирийских памятниках (см. [рис. 8, 29 и 123](#)). Если мы повернем табличку, то окажемся лицом к лицу с чудовищем. Его череп вдавлен, черты лица отвратительны, оскаленные челюсти сморщены, как у льва или пантеры. Его кошачий характер подчеркивают грозные когти.

Тело, стройное и худощавое, как у леопарда, покрыто сетчатым рисунком. Вздернутый хвост почти касается поясницы, а другая деталь его лица в точности повторяет очертания змеи.

[\[440\]](#) Задние лапы принадлежат хищной птице.

Рис. 161.- Плакетка из чеканной

бронзы. Аверс. Из журнала *Revue archéologique*.

Теперь мы должны описать оборотную сторону этого необычного памятника (рис. 162). Прежде всего, верхний край монумента украшают когти и морда только что описанного зверя, который, таким образом, доминирует над сценами, изображенными ниже.

Эти сцены разделены горизонтальными полосами на четыре части, и эти деления отнюдь не произвольны; они показывают нам, что скульптор думал о четырех регионах, на которые была разделена ассирийская вселенная. Это *небеса, атмосфера, земля и ад* или *хадес*.

Высшее разделение - самое узкое из всех. В него входят только звезды и несколько других символов, сгруппированных почти в точности так, как мы находим их на немногих памятниках Месопотамии. [441] Неземные эмблемы в этом подразделении, несомненно, являются атрибутами богов, живущих рядом со звездами в глубинах небосвода.

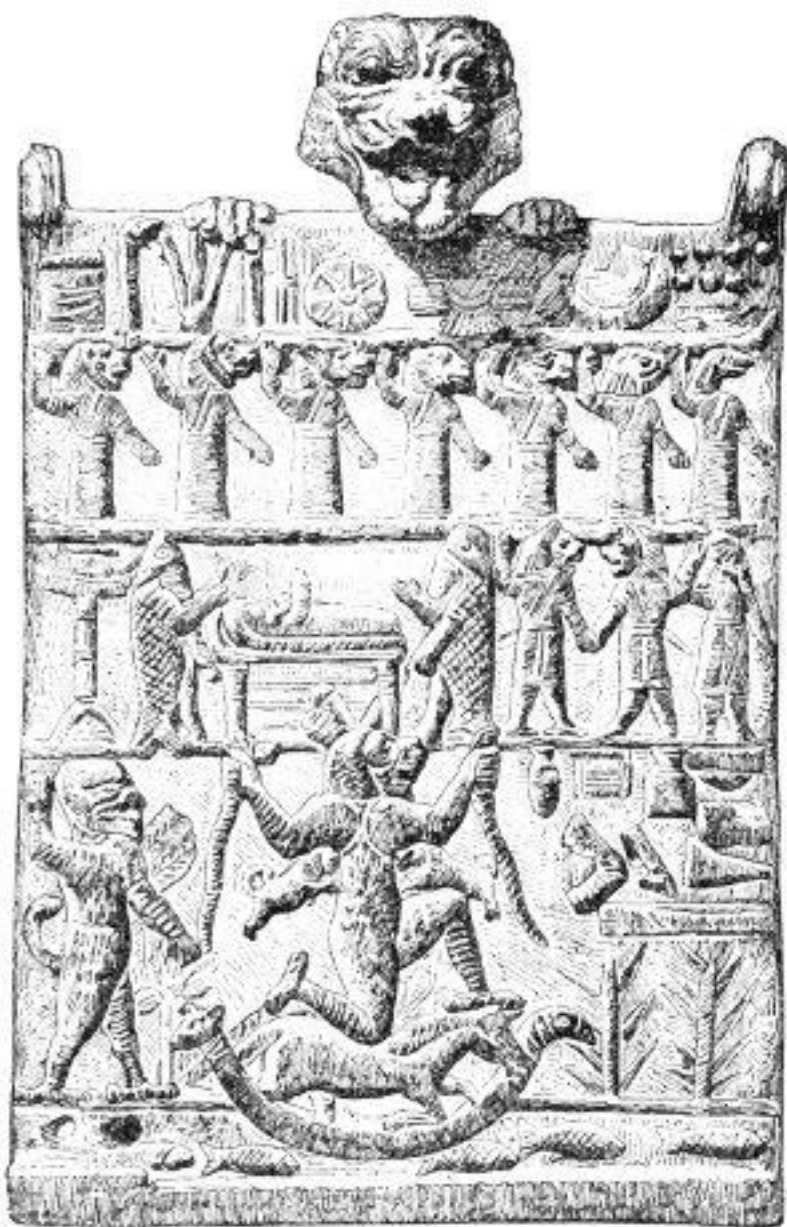

Рис. 162.- Плакетка из чеканной

бронзы. Реверс.

Во втором отделении мы видим семь звероголовых персонажей, проходящих справа налево. Нам не нужно останавливаться на описании их внешнего вида и жестов; мы уже встречали их в Ниневии, охраняющих дворцовые ворота ([рис. 6 и 7](#)); они принадлежат к классу демонов, которые, в зависимости от обстоятельств, попеременно являются то язвами, то покровителями человечества. Место, которое они занимают, представляет собой среднюю область между небом и землей, а именно атмосферу, которая, как считалось, была полностью заселена этими джинами.

Третий отдел содержит погребальную сцену, благодаря которой мы сразу же переносимся на землю. Справа находится штандарт или канделябр, а слева - группа из трех фигур. Одна из них, по-видимому, мужчина, две другие имеют головы львов и напоминают джиннов из предыдущего раздела. Однако наиболее важной является группа в центре. Человек, закутанный в некое подобие савана, лежит на ложе, у головы и ног которого стоят два персонажа, наполовину человек и наполовину рыба, в которых узнали Оаннеса из Бероса ([рис. 9 и 67](#)). [\[442\]](#) Фигура на ложе, должно быть, представляет собой труп, завернутый в льняные бинты, фрагменты которых были найдены в гробницах Нижней Халдеи. Два

рыбоподобных бога держат над трупом что-то, что, насколько можно разобрать, кажется цветком или пучком травы. Их жест похож на жест благословения, как у современного священника с кропилом для святой воды.

Самый нижний отдел, безусловно, самый просторный из четырех. Он, очевидно, изображает области под землей, и как его размер, так и сложность его расположения показывают нам, что он, по мнению художника, был более важным, чем все три вышележащие. Всю ее нижнюю часть занимают пять рыб, плывущих в одном направлении, - условный символ, всегда используемый ассирийскими художниками для изображения реки. Левый берег обозначен рельефной линией, проходящей от одной стороны таблички к другой. На этом берегу слева от рельефа растут два куста или тростника, над которыми виднеется группа предметов, характер которых нелегко определить. Это идеографические знаки или погребальные приношения? Последнее более вероятно. Во всяком случае, мы можем различить вазы, бутылки, небольшую шкатулку или гребень и особенно ногу лошади, запряженной с большой точностью. На другом конце этого разделения на берег реки надвигается отвратительное чудовище. Его полузвериная, получеловеческая голова плоская и покрытая шрамами, с широким вздернутым носом и ртом, доходящим до ушей. Верхняя часть его тела похожа на человеческую, хотя кожа испещрена короткими вертикальными линиями, обозначающими волосы. Одна рука поднята, а другая опущена, как у джиннов из второго отдела. Хвост вздернут, ноги - птичьи, а над левым плечом видны крылья. В целом сходство между этой фигурой и безымянным зверем на аверсе плакетки настолько велико, что мы склонны думать, что они оба представляют одно и то же существо.

За рекой и в центре этого деления разворачивается сцена, занимающая более трети всего поля. Это, несомненно, главный сюжет. По течению скользит небольшая лодка, крыло которой украшено головой четвероногого, а нос - птицей. В лодке сидит лошадь, изображенная в профиль, с согнутой в колене правой передней ногой. Поза этого животного, которое кажется сгорбленным под тяжестью груза, объясняется остальной композицией. Бедное четвероногое несет на спине тело гигантского и грозного божества, которое использует его не в ортодоксальной манере, а просто как пьедестал; его или, скорее, ее правое колено упирается в спину лошади, а левая нога, похожая на птицу-предок, поглаживает голову животного. Ноги этого странного чудовища человеческие, как и тело, но здесь, как и у человека, идущего по берегу реки, мы видим короткие царапины, обозначающие волосы; голова у нее львиная. И хотя ее пол может показаться кому-то сомнительным, трудно объяснить действия двух львят, которые бросаются к ее груди, иначе, чем предположением М. Клермон-Ганно о том, что они жаждут пропитания.

Грудь, которую атакуют два детеныша, видна спереди, но голова над ней - в профиль, причем настолько высоко, что она возвышается над линией, отделяющей нижний отдел от того, что находится непосредственно над ним. Челюсти открыты, то есть они ухмыляются в унисон с челюстями чудовища, выглядывающего из-за верхушки дощечки, с джиннами третьего отдела и берега реки. Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить желание художника произвести эффект ужаса, и в каждую руку богини он вложил по длинной змее, которая свисает вертикально вниз и своими изгибами показывает, что она борется в ее хватке. Между конечностями богини и гривой лошади находится нечто, имеющее смутное сходство со скорпионом.

Мы не можем претендовать на то, чтобы отметить каждую деталь этого любопытного памятника, так как их объяснение завело бы нас слишком далеко, и, при всем внимании, которое мы могли бы им уделить, мы все равно должны были бы оставить некоторые

необъяснимыми. Мы удовлетворимся указанием на те особенности композиции, смысл которых кажется ясным.

В первую очередь следует обратить внимание на разделение поля на четыре зоны; оно совпадает с известным нам ассирийским способом разделения вселенной на силы небесные, демонов, людей и мертвых. Главный инцидент третьей зоны показывает нам, что, как и египтяне, ассирийцы хотели заверить себя в защите какого-то благосклонного божества после смерти. В долине Нила таким покровителем был Осирис, в Месопотамии - Ану, Оаннес или Дагон, бог рыб, которому человек был обязан преимуществами цивилизации в этом мире и своей безопасностью в следующем. Царство теней, в которое он должен был спуститься после смерти, было населено чудовищными фигурами, чтобы дать представление о которых скульпторы отправились далеко среди диких зверей земли и собрали вместе атрибуты и оружие, которые природа никогда не сочетает в одном животном, такие как клешни скорпиона, крылья и когти орла, спирали змеи, грива и морда огромного хищника. Концепция, управляющая всем этим, схожа с той, которую мы видим в тех фиванских гробницах, где мертвец продолжает свое путешествие по потокам Амента и сталкивается с оскаленными демонами, которые схватили бы и уничтожили его, если бы не защищающее присутствие Осириса. Сходство продолжается и в деталях. Лодка по форме напоминает египетские лодки; [443] реку можно сравнить с подземным Нилом из фиванских гробниц, а она напоминает нам Стикс и Ахерон из греческого Аида. Вспоминается и строка из процитированного нами песнопения:

"Там тоже стоят основания земли, встреча могучих вод".

Некоторые неясные моменты, которые все еще существуют в связи с халдæо-ассирийским адом и персонажами, которыми он населен, несомненно, будут устранены по мере изучения останков. Пока же нам достаточно объяснить с помощью предыдущих исследователей представления семитов Месопотамии о смерти и второй жизни и показать, что они ничем не отличались от представлений египтян или любого другого древнего народа, чьи представления нам достаточно известны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[419] См. *"Искусство в Древнем Египте"*, том I, глава 3.

[420] О гробницах, найденных в Нимруде, см. Layard, *Nineveh*, vol. i. pp. 17-19 and p. 352; vol. ii. pp. 37, 38. Некоторые погребальные урны, обнаруженные в Хорсабаде, изображены в Botta, *Monument*, &c. plate 165. В Ассирии есть один некрополь, который по использованию терракотовых гробов напоминает кладбища Халдеи; это Калех-Шергат, который уже давно раскапывается арабами, которые находят среди его могил цилиндры, гравированные камни и драгоценности. По внешнему виду гробов и других найденных предметов Плейс судит, что этот некрополь относится к парфянским временам (*Ninive*, vol. ii. pp. 183-185). Лэйард придерживается того же мнения (*Ниневия*, т. ii. с. 58, 154, 155). Г-н Рассам нашел гробницы в Куюнджике, но слишком поздние, чтобы быть ассирийскими (Loftus, *Travels and Researches*, p. 198, note). Лофтус нашел несколько костей в грубо сколоченном склепе, расположенном на семнадцать футов ниже уровня юго-восточного дворца в Нимруде, но он признает, что не видел ничего, что заставило бы его отнести эти останки к ассирийской эпохе, а не к какой-либо другой (*Travels and Researches*, p. 198). Лэйард был склонен видеть в длинной и узкой галерее, расчищенной им в Нимруде (в середине ступенчатой башни, возвышающейся в северо-западном углу кургана), усыпальницу, в которой когда-то должно было покоиться тело царя (*Discoveries*, pp. 126, 128), но он признается, что не нашел в ней ничего - ни человеческих останков, ни каких-либо следов усыпальницы. Таким образом, его

предположение полностью витает в воздухе, и сам он высказывает его лишь с оговорками. Трудность этого расследования увеличивается тем, что представители различных религий, на смену которым пришли ассирийцы, всегда предпочитали хоронить своих умерших на высоких уровнях. Даже в наши дни христиане, мусульмане и езиды устраивают свои кладбища, как правило, на высотах, возвышающихся над равнинами; и они становятся серьезными препятствиями для исследователей из-за естественного нежелания крестьян беспокоить прах своих предков. Бенндорф (*Gesichtshelme*, пластина xiv. рис. 1 и 2) воспроизводит две золотые маски, подобные найденным в Мицене, которые были найдены, одна в Кундджике, другая в неизвестном месте в том же районе; он упоминает (стр. 66, 67) о третьей находке того же рода. Но характер предметов, найденных вместе с этими масками, ясно показывает, что гробницы, из которых они были извлечены, были, по крайней мере, поздними, если не римскими императорами, то Селевкидами (см. Hoffmann, в *Archäologische Zeitung* за 1878 г., стр. 25-27).

[421] Когда мы будем говорить о халдейской скульптуре, мы приведем репродукцию этого рельефа. Мы не можем использовать его в настоящем исследовании, так как его значение очень неясно. Камень разбит, а недостатки рисунка таковы, что мы с трудом можем сказать, что хотел изобразить художник. Например, две фигуры с корзинами на головах - несут ли они погребальные подношения или засыпают землей сваленные в кучу трупы, на которых они сидят?

[422] Layard, *Monuments*, 1st series, plates 14, 21, 26, 57, 64, &c.

[423] В более чем одной сцене битвы мы видим этих птиц, парящих над головами сражающихся (Layard, *Monuments*, 1st series, plates 18, 22, 26, &c.). Мы также можем сослаться на любопытный памятник из Телль-Лоха, на котором изображены стервятники, уносящие в облаках человеческие головы и конечности. Гравюру с его изображением см. в нашей главе о халдейской скульптуре.

[424] См. статью, опубликованную М. Ж. Халеви в *Revue archéologique*, vol. xlv. p. 44, под названием: *L'Immortalité de l'Âme chez les Peuples sémitiques*.

[425] Place, *Ninive*, vol. ii. p. 184.

[426] Loftus, *Travels and Researches*, pp. 198, 199.

[427] Лофтус особенно резко высказывается по этому поводу (*Travels*, &c. p. 199). "Самым важным из этих городов-усыпальниц является Варка, где огромное скопление человеческих останков доказывает, что это было особенно священное место, и что оно так почиталось на протяжении многих веков. Трудно передать что-либо похожее на правильное представление о грудах человеческих мощей, которые здесь совершенно поражают воображение. За исключением лишь треугольного пространства между тремя основными руинами, вся остальная часть платформы, все пространство между стенами и неизвестное пространство пустыни за ними повсюду заполнены костями и гробницами мертвых. Вероятно, в мире нет другого места, которое могло бы сравниться с Варкой в этом отношении; даже гробницы Древних Фив не содержат такого количества смертей. С момента основания Урухом и до окончательного оставления парфянами - период, вероятно, в 2500 лет - Варка, похоже, была священным местом погребения!"

[428] См. любопытную работу М. Э. Ле Блана под названием: *Tables égyptiennes à Inscriptions grecques* (*Revue archéologique*, 1874).

[429] В шестой и седьмой главах Лофтус дает очень интересный отчет о своих посещениях святилищ Неджефа и Кербелы.

[430] Он ссылается на свою работу *Assyrioi logoi* (i. 184).

[431] Геродот, i. 198.

[432] См. выше, с. 158-9 и рис. 49. Все последующие подробности заимствованы из рассказов тех, кто исследовал могильные курганы нижней Халдеи. Возможно, наиболее важными из них являются сведения г-на Дж. Э. Тейлора, на которые мы уже неоднократно ссылались ("*Заметки о развалинах Мугейра*", к которым можно добавить его "*Заметки об Абу-Шарейне и Телль-эль-Лакме*", с. 413, в том же томе "*Журнала*"). Ср. восемнадцатую главу Лофтуса (*Travels*, &c. p. 198) и страницы из книги Layard's *Discoveries*, с 556 по 561.

[433] "Каждый из вавилонян, - говорит Геродот (i. 195), - носит с собой печать и трость, вырезанную в верхней части в виде яблока, розы, лилии, орла или чего-то подобного, поскольку у них нет привычки использовать трость без украшения".

[434] Loftus, *Travels*, p. 212.

[435] См. "*Искусство в Древнем Египте*", т. I. с. 145, прим. 3.

[436] *Les Fouilles de Chaldée, сообщение о письме М. де Сарзека*, написанном Леоном Хозеем, § 1 (в *Revue archéologique* за ноябрь 1881 г.).

[437] *Искусство в Древнем Египте*, т. I. стр. 127 и далее.

[438] М. Опперт полностью перевел этот текст в работе под названием: *L'Immortalité de l'Âme chez les Chaldéens* (*Annales de philosophie chrétienne*, vol. viii. 1884), и он воспроизвел свою версию с некоторыми изменениями деталей в *Fragments Mythologiques* (Quantin, 1881, 18mo). М. Халеви привел длинные выдержки из того же документа в статье в *Revue des Études Juives* (октябрь-декабрь, 1881), озаглавленной: *Les Inscriptions peintes de Citium*, § 2; он вернулся к этой теме в статье в *Revue archéologique* (июль, 1882), *L'Immortalité de l'Âme chez les Peuples sémitiques*. Мы воспроизводим его перевод как самый последний. Герр Шрадер посвятил целую книгу переводу и объяснению этого же мифа (*Die Høellenfahrt der Istar*, Giessen, 1874).

[439] См. первую часть книги М. Клермон-Ганно "*L'Enfer assyrien*" (*Revue archéologique* vol. xxxviii. and plate xxv.). Вторая статья, которая должна была содержать объяснение этого маленького памятника, так и не появилась, к большому сожалению всех, кто ценит знания и проницательность этого ученого писателя по достоинству. Первая статья представляет собой не что иное, как подробное описание, которое мы сокращаем. Во время ее публикации были высказаны определенные сомнения в подлинности этого предмета; однако ничего не произошло, чтобы подтвердить их. Как по композиции, так и по исполнению он превосходен. Месье Перетье, к тому же, был не из тех, кого легко обмануть. М. Клермон-Ганно описал и проиллюстрировал эту бронзовую пластину по фотографиям, но после появления своей статьи он снова посетил Восток, увидел и обработал оригинал.

[440] М. Клермон-Ганно напоминает нам, что эта особенность повторяется в монстре на одном из рельефов Нимруда (см. Layard, *Monuments*, series ii. plate 3).

[441] См. выше, с. 72, и рис. 3, 10, 11, 12. См. также примечания к статье М. Клермон-Ганно. Ему нетрудно показать, насколько широким было использование этих эмблем.

[442] См. страницу 65.

[443] Сравните рис. 23, 31, и особенно 159 и 209 в книге *"Искусство Древнего Египта"*, т. I.

§ 2. Халдейская гробница.

Принцип халдейской усыпальницы был схож с принципом египетской мастабы или гипогея; она должна была удовлетворять те же потребности и оказывать те же услуги; задача, возложенная на архитектора, в каждом случае определялась одной и той же общей идеей. Почему же в Месопотамии мы не нашли ничего, что можно было бы сравнить, даже на самом почтительном расстоянии, с великолепными усыпальницами фиванского некрополя, или даже с теми, что находятся в Финикии, Малой Азии или Этрурии? Причина разницы легко объяснима: она кроется в характере и конфигурации самой страны. Здесь не было гор, в склонах которых можно было бы вырезать гробницы, а в рыхлой проницаемой почве равнины было бы практически невозможно создать ямы, которые были бы одновременно просторными и прочными.

Несомненно, почти в каждой стране мы найдем усыпальницы, возведенные над землей наподобие дворцов и храмов. В Египте мы уже сталкивались с пирамидой, но даже там усыпальница в большинстве случаев вырублена в самой скале, а огромная каменная масса над ней - не более чем колоссальная крышка. Погребальная архитектура не довольствуется, как гражданские или религиозные здания, заимствованием материалов из скалы; она высекает и высекает живую скалу сама. В каждой стране первая мысль, которая приходит в голову человеку, когда ему нужно избавиться от бренных останков своих людей, - это доверить их земле. В горных странах камень повсюду находится рядом с почвой и то тут, то там возвышается над ней, особенно на склонах холмов. Как правило, он достаточно мягок, чтобы его можно было легко разрезать подходящим инструментом, и достаточно тверд или, по крайней мере, способен затвердеть под воздействием воздуха, чтобы сохранить любую форму, которую ему можно придать. Как только человек вышел из состояния варварства и у него появилось желание взять с собой в мир иной те блага, которыми он наслаждался в этом, наспех вырубленная нора дикаря превратилась сначала в просторную камеру, а затем и в набор камер. Она превратилась в богато обставленное жилище, настоящий дворец. Но и тогда черты, отличающие дом живых от дома мертвых, были тщательно сохранены. Самая большая из гробниц в Бибан-эль-Молуке - не более чем развитие первобытной могилы. Что касается тех гробниц, в которых погребальная камера находится над землей, как в знаменитом Галикарнасском мавзолее, то они являются лишь блестящими исключениями, воплощением княжеского каприза или архитектурных амбиций. Погребальная архитектура в силу своего предназначения - это подземная архитектура, архитектура скалы. Страны, в которых она была реализована с наибольшей силой и оригинальностью, - это те, чья почва наиболее благоприятна для проведения земляных работ. Известняковые и песчаниковые цепи долины Нила, обрывистые склоны персидских оврагов, каппадокийские и ликийские холмы, скалистые склоны Греции и Этрурии как нельзя лучше подходили для работы погребального архитектора.

Если бы цивилизация месопотамских семитов зародилась в стране над Ниневией, у подножия тех холмов, в которых берет начало Тигр, отцы народа, возможно, высекали бы в мягком гипсе гробницы, подобные египетским, а в более поздние годы их потомки, вместо того чтобы полностью порвать с традициями прошлого, возвели бы на равнинах курганы и построили в них кирпичные камеры на месте склепов, вырубленных в живом камне. Тогда Халдея была бы усеяна погребальными курганами, подобными тем, которыми покрыты степи центральной России. Ничего подобного до сих пор не обнаружено; ни одна из балок или курганов из высушенного на солнце кирпича не была идентифицирована как гробница, и это потому, что, как мы уже видели, цивилизация шла с юга на север; первый импульс пришел с

берегов Персидского залива, от людей, населявших аллювиальные равнины, состоящие только из песка и щебня. С самого первого часа этим людям пришлось заставлять глину, размятую и высушенную на солнце или в печи для обжига кирпича, оказывать те услуги, которые в других местах требуются от камня. Поэтому они довольствовались тем, что хоронили своих умерших либо в маленьких кирпичных склепах, либо под большими терракотовыми крышками, либо в гробах из последнего материала.

В качестве примера можно взять усыпальницу, изображенную на рис. 89. Ее высота составляет пять футов, длина - семь футов, а ширина - три фута семь дюймов. Свод закрыт сверху одним рядом кирпичей, а с каждого конца - двойной стеной из того же материала. Дверей нет. Закрытые гробницы, должно быть, были недоступны. Сооружение было построено с такой тщательностью, что ни пыль, ни вода не могли проникнуть внутрь. Некоторые из этих могил, в том числе и эта, содержали только один скелет. Тейлор обнаружил в ней четырнадцать глиняных ваз, не считая других предметов, таких как трость, кольца, цилиндры и бронзовые кубки. Кроме того, там был золотой поясной ремень шириной около дюйма, что свидетельствует о том, что это могила богатого человека. В других гробницах было найдено до трех, четырех и даже одиннадцати скелетов. В них иногда отсутствовали кирпич под головой и бронзовая чаша в руке, но кувшины с водой всегда были на месте.

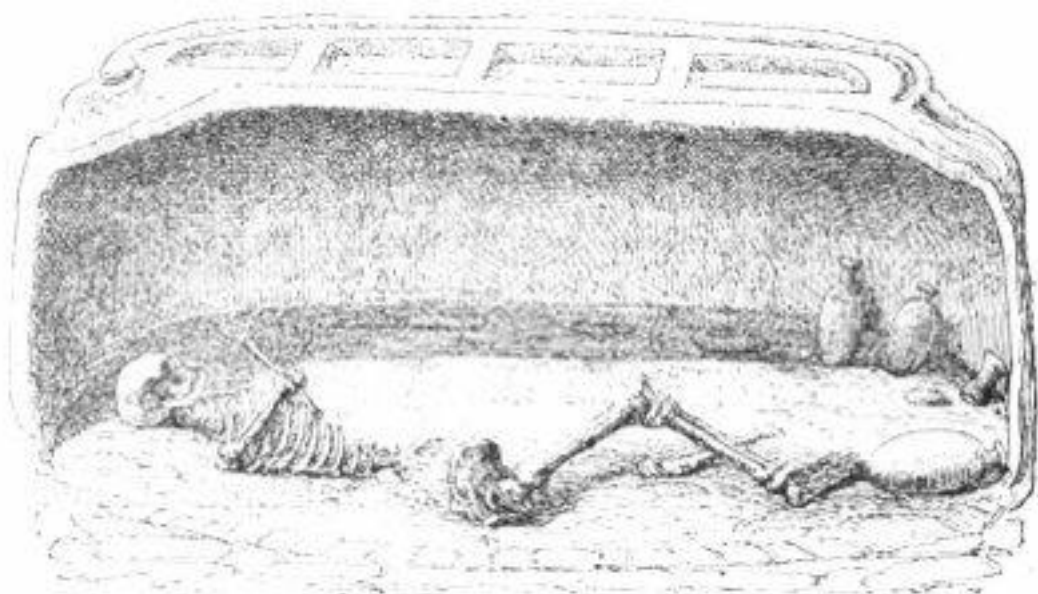

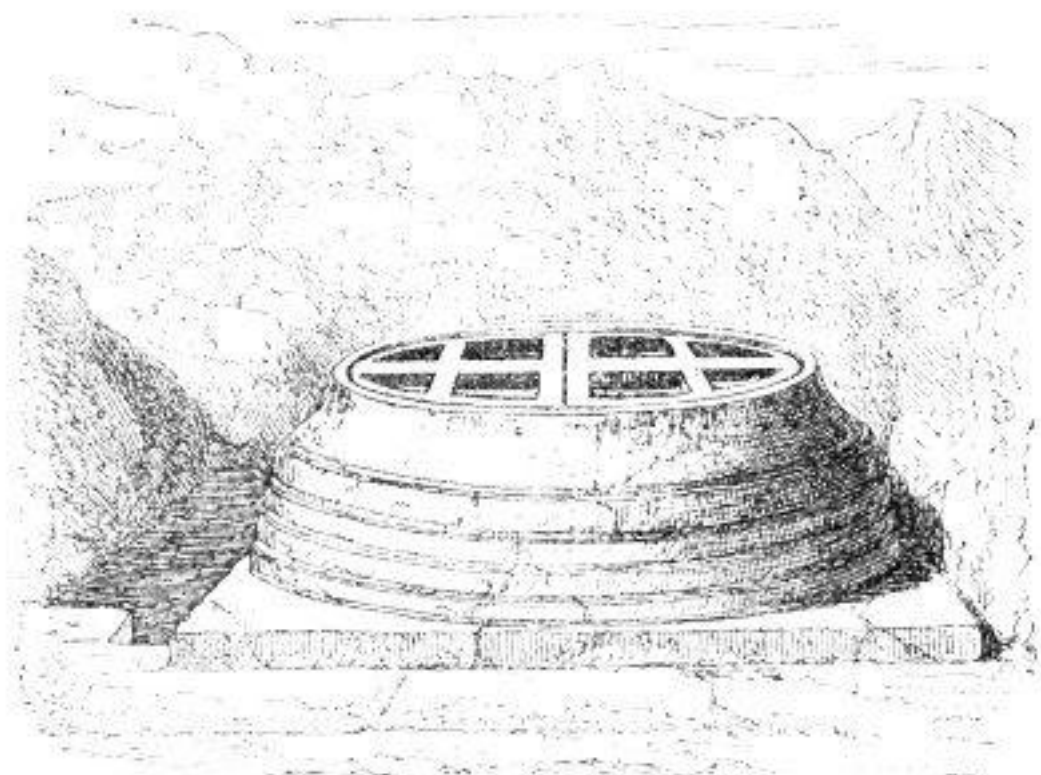
Рис. 163.- Гробница

в Мугейре; из Тейлора.

В других частях того же кладбища покойников вместо склепа клали на площадку, вымощенную большими хорошо обожженными кирпичами и накрытую огромной терракотовой крышкой. Эти крышки состояли из нескольких частей, соединенных между собой тростником, пропитанным битумом. Мы приводим разрез (рис. 163) и высоту (рис. 164) одной из этих своеобразных усыпальниц. Вся она была около семи футов в длину, трех в высоту и трех в ширину.

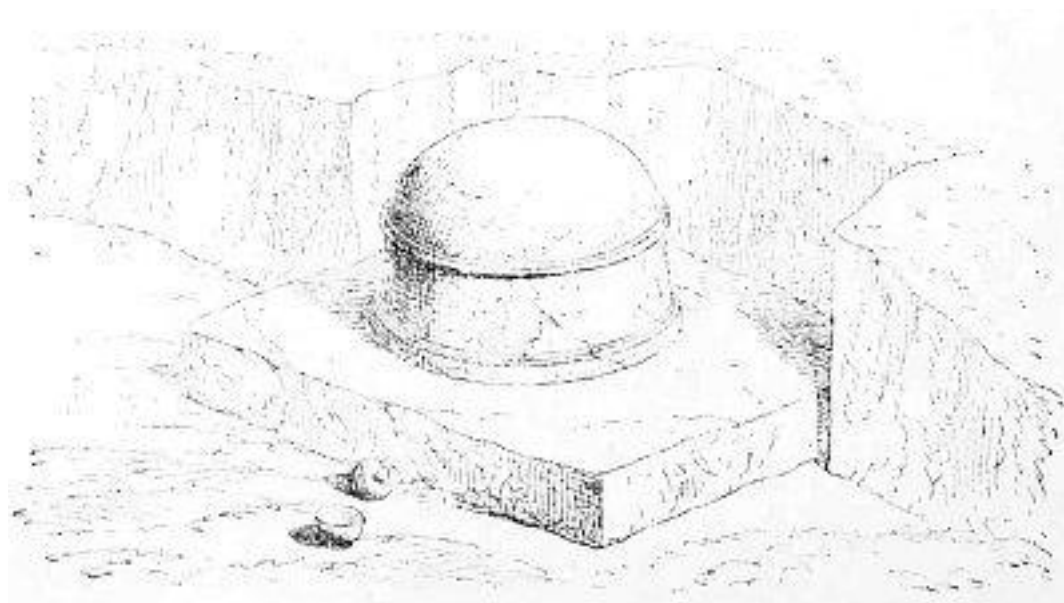
Тело крышки состоит из нескольких колец, толщина которых уменьшается по мере удаления от земли. Верхняя часть представляет собой овальное плато, разделенное плоскими полосами на восемь симметричных отсеков. Скелет всегда лежит на боку, обычно на левом,

конечности вытянуты вверх, как показано на гравюре (163). Тейлор приводит полный список предметов, найденных в этой гробнице, с указанием их точного расположения.

в Мугейре; из Тейлора.

Рис. 164.- Гробница

в Мугейре; из Тейлора.

Рис. 165.- Гробница

Иногда крышка имеет более простую конструкцию и куполообразный верх (рис. 165). В других местах того же некрополя были обнаружены многочисленные примеры еще более элементарной формы погребения. Скелеты детей находили между двумя полыми плитами, а тела взрослых - в своеобразных двойных вазах, в которые их можно было засунуть только с

некоторым трудом и то после того, как они были сложены вдвое. Еще чаще встречались гробы такой формы, как показано на рис. 166. Диаметр этих цилиндрических кувшинов составлял около двух футов. Стык между ними заделывался битумом. В одном конце было отверстие для выхода газов, образующихся при разложении. Ни один из этих гробов не содержал более одного скелета, но в узких кувшинах нашлось место для ваз и посуды. В основном это была глиняная посуда, но встречалось и несколько бронзовых. В каждом гробу лежал наконечник стрелы из последнего материала, а ноги и руки скелета украшали железные кольца. В нескольких случаях были обнаружены остатки золотых украшений, скульптурных изделий из слоновой кости и гравированных раковин.

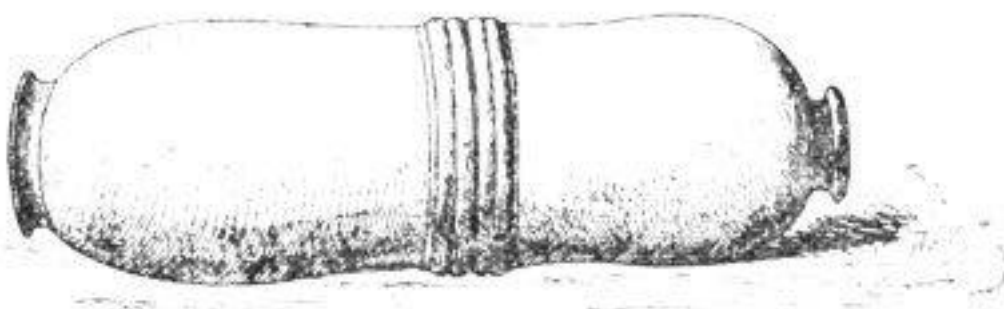

Рис. 166.-

Гробница, или гроб, в Мугейре; из Тейлора.

Наконец, мода изменилась, и в обиход вошла более элегантная форма гроба. Он все еще был из терракоты, но его поверхность была покрыта насыщенной глазурью, первоначально синей, но теперь в основном темно-зеленой. Кое-где, на участках, лучше всего защищенных от воздействия атмосферы, голубой цвет сохранился. Общая форма этих гробов напоминает туфлю или башмак; овальное отверстие, через которое вносилось тело, имеет рифленый край для регулировки крышки. Небольшое отверстие для выхода газа находится на узком конце. Этот тип, по-видимому, относится к последним векам античности, а не ко времени Халдейской империи; его образцы найдены близко к поверхности кладбищ, откуда мы можем сделать справедливый вывод, что они были последними поступлениями. Еще более показательным, что изображения, нанесенные на панели, которыми украшены крышки, мало чем напоминают барельефы Ассирии и Халдеи, и только когда мы обращаемся к медалям парфян и Сасанидов, мы находим что-то, с чем их можно легко сравнить. [444]

На кладбищах Нижней Халдеи различные вместилища для человеческого праха, которые мы описали, нагромождены вертикально друг на друга, так что со временем они образовали огромные курганы, занимающие обширные пространства и заметно возвышающиеся над равниной (см. рис. 167, буква с). Лофтус рассказывает, что в Варке он прорыл траншею глубиной от тридцати до сорока футов, не дойдя до самого нижнего слоя захоронений. В их расположении не было видимого порядка. Иногда встречались кирпичные перегородки определенной длины, как будто использовавшиеся для отделения могил одной семьи от другой. Слой мелкой пыли, равномерно разносимой ветрами из пустыни, разделял гробы. В промежутки были брошены терракотовые конусы с надписями молитв. Иногда, как в Мугейре, над образовавшимся курганом возвышается мощеная площадка, на которой открываются стоки, пересекающие массив. [445] В большинстве случаев эти курганы были перевернуты арабами во всех своих верхних частях. Вероятно, в древности у каждого из этих огромных кладбищ были жрецы и смотрители, которым поручалось следить за ними, назначать место каждому новому посетителю и взимать плату, подобную той, что в наши дни

платят моллам при мечетях Неджефа и Кербелы. Они следили за целостностью кургана, а когда он достигал установленной высоты, его засыпали и окончательно закрывали.

Ни на одном из этих кладбищ не было обнаружено ни одной гробницы, которая своими размерами, богатством или изолированностью провозглашала бы себя местом погребения царственных особ, и все же государи Месопотамии должны были иметь нечто аналогичное огромным и великолепным усыпальницам египетских царей. Их гробницы, по крайней мере, должны были быть больше и великолепнее, чем гробницы частных лиц. В случае с Сузианой мы знаем, что так оно и было, благодаря надписи Ассурбанипала. Ассирийский царь повествует о своей кампании. Он рассказывает, как его воины проникли в священные леса и подожгли их, а затем, чтобы яснее показать, с какой суровой местью он обрушился на восставших эламитов, добавляет: "Гробницы как их древних, так и современных царей, тех царей, которые не боялись Ассура и Истара, моих владык, и тревожили царей, моих отцов, я свалил, я разрушил их, я пустил на них свет солнца, затем я унес их трупы в Ассирию. Я оставил их тени без погребения и лишил их подношений тех, кто был обязан им возлияниями". [446]

Если у эламской династии был свой царский некрополь близ Суз, в котором погребальные обряды совершались вплоть до момента ассирийского завоевания, то вряд ли могло быть иначе с могущественными и благочестивыми монархиями Халдеи. История сохранила несколько преданий о царских усыпальницах этой страны. Геродот упоминает гробницу той царицы Нитокрис, которой он приписывает столько великих деяний; [447] предполагается, что она была египетской принцессой и женой Набополассара. По словам историка, она приказала построить для себя погребальную камеру в стенах Вавилона, над одними из главных ворот. Что касается условий надписи, то он мог быть обманут местными драгоманами, но в самом факте создания гробницы в толще стены нет ничего, что могло бы вызвать наш скептицизм. В Синкаре Лофтус обнаружил две сводчатые гробницы, вмурованные в массу каменной кладки, которая, очевидно, служила подвалом для храма, перестроенного Навуходоносором. [448]

Некоторые из вавилонских князей, однако, были похоронены в той части халдейской территории, которая была ограничена Евфратом и Тигром и содержала большинство кладбищ, о которых мы говорили. По словам Арриана, Александр, возвращаясь с Паллакопского озера, проходил недалеко от гробницы одного из древних царей. "Говорят, - добавляет историк, - что большинство бывших царей Ассирии были похоронены среди озер и болот". [449]

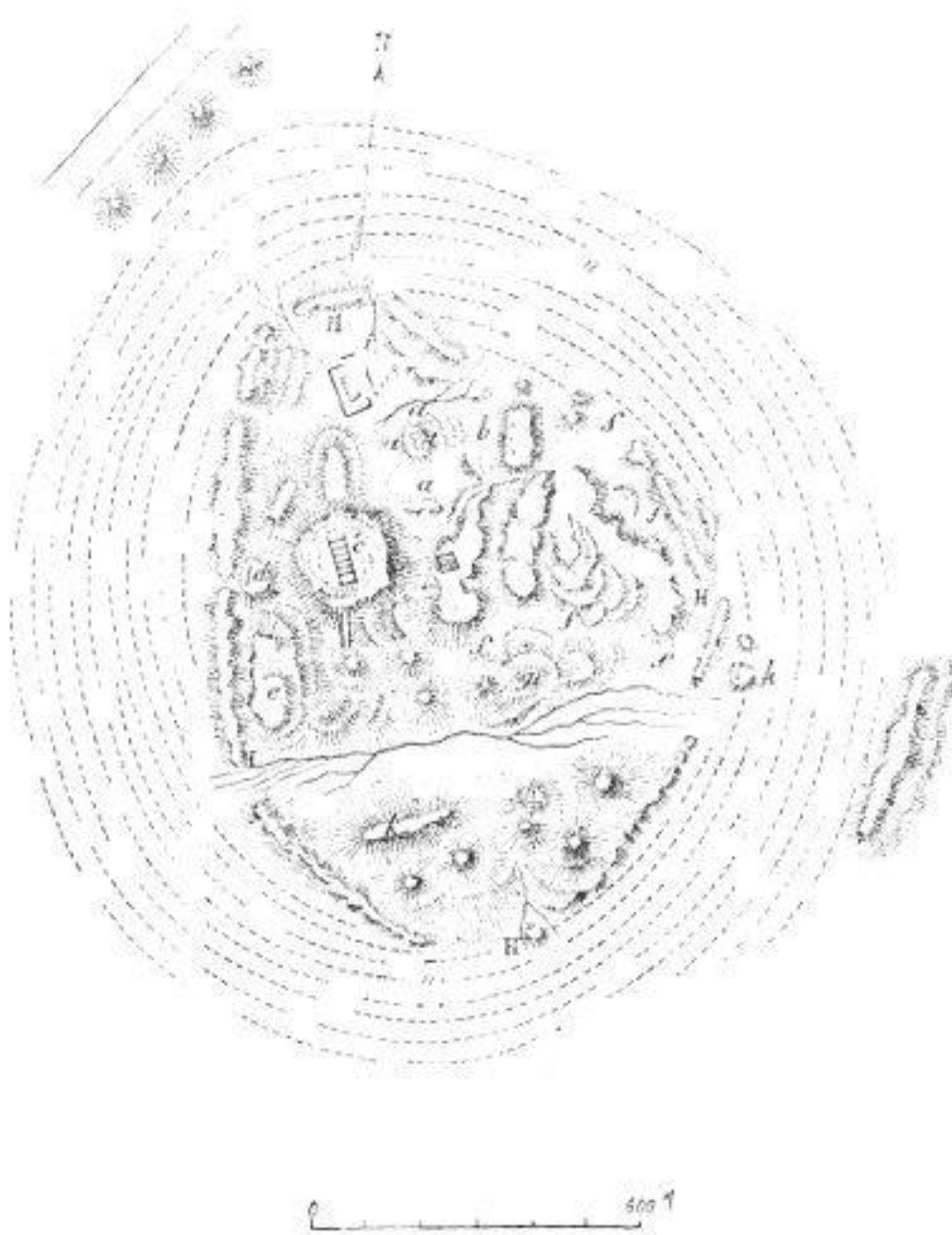

Рис. 167.- Карта

руин Мугейра; из Тейлора.

h, h, h, h, окружность 2 946 ярдов; а, платформа дома; b, тротуар на краю платформы; с, могильный курган; d, e, g, h, k, l, m, точки, в которых были сделаны раскопки; f, f, f, f, f, сравнительно открытое пространство с очень низкими курганами; n, n, могилы; o, большой двухэтажный развалин.

Лофтус предполагает, что эти царские гробницы следует искать в Варке, но он не нашел ни одной руины, которой можно было бы с уверенностью приписать такой характер. Единственное упоминание о царской ассирийской гробнице в истории не говорит нам ни о чем. "Семирамида, - говорит Диодор, - похоронила Нину в пределах пограничных стен дворца, она воздвигла над его могилой курган необычайных размеров; Ктесий говорит, что он был девяти стадий в высоту и десяти в ширину. Город простирался середине равнины, недалеко от Евфрата, [450] погребальный курган был замечен на расстоянии многих стадий, как акрополь; мне говорят, что он все еще существует, хотя Ниневия была низвергнута

мидянами, когда они разрушили Ассирийскую империю". Преувеличения, которым предавался Ктесий, можно признать. Невозможно серьезно относиться к утверждениям, согласно которым гробница Нинуса составляет около 5500 футов в высоту и 6100 в диаметре. История Нина и Семирамиды в изложении Ктесия - не более чем романтическая сказка, подобная тем, что рассказываются в "*Шах-Наме*". Все, что мы можем с уверенностью извлечь из рассматриваемого отрывка, - это, что во времена Ктесия, а возможно, и немного позже, среди руин Ниневии можно было увидеть остатки большой ступенчатой башни. Народное воображение окрестило ее гробницей Нина, так же как одну из огромных куч обломков, которые сегодня отмечают это место, называют гробницей Ионы.

Все, что до сих пор было найдено в месопотамской архитектуре гробниц, не имеет большого значения с точки зрения красоты, и нас, возможно, упрекнул в том, что мы так подробно останавливаемся на этих останках в истории искусства. Но у нас были причины попытаться объединить и интерпретировать те скудные факты, которые проливают свет на эту тему. Из всех творений человека его гробница - это, пожалуй, то, что позволяет нам глубже всего проникнуть в его внутреннюю сущность; нет такого произведения его рук, в которое он вложил бы больше своей истинной души, в котором он говорил бы более наивно и с более полным признанием своих реальных убеждений и оснований своих надежд. Пройти молча мимо халдейской гробницы, потому что это посредственное произведение искусства, значило бы закрыть глаза на всю одну сторону жизни великого народа, народа, роль которого в развитии древней цивилизации была такова, что требовала от нас не оставить камня на камне, чтобы стать хозяевами каждой его мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[444] Loftus, *Travels*, &c., pp. 203-4. В Британском музее хранится несколько прекрасных образцов этих глазурованных гробов. Можно с интересом ознакомиться с подробным описанием некрополя Синкара, приведенным Лофтусом (глава xx.).

[445] См. выше, с. 158, и рис. 49.

[446] М. Станислас Гиар опубликовал перевод этого отрывка в *Journal asiatique*, за май-июнь 1880 г., р. 514; некоторые термины, которые оставались сомнительными, были объяснены М. Амием в том же журнале за август-сентябрь 1881 г., р. 237.

[447] Геродот, i. 187.

[448] Loftus, *Travels*, &c., pp. 248-9.

[449] Аппиан, *Анабасис*, vii. 22.

[450] Диодор, ii. 7, 1-2.

ГЛАВА IV.

РЕЛИГИОЗНАЯ АРХИТЕКТУРА.

§ 1. Попытки восстановления основных типов.

Несмотря на все наши исследования, нам не удалось найти во всей Месопотамии ни одной настоящей усыпальницы, гробницы, на которую был бы потрачен талант архитектора, а также мастерство строителя. Халдеи и ассирийцы прилагали больше усилий, когда им нужно было воздать почести богу, чем когда они были призваны обеспечить жильем своих мертвых. Из всех возведенных ими сооружений их храмы, похоже, были самыми амбициозными по высоте и грандиозности пропорций, хотя и не по площади. Об этом говорят классические авторы, и их утверждения подтверждаются документами, написанными на ассирийском языке, более чем в одном аспекте. Мы также можем в некоторой степени проверить их утверждения, изучив сами памятники или, скорее, их немногочисленные остатки.

Мы будем тщетно искать руины, которые можно было бы сравнить с египетскими святилищами. Природа материалов, использовавшихся в долине Евфрата, делала разрушение здания и стирание его очертаний гораздо более быстрым, чем в других местах. И все же во многих случаях почти бесформенный вид сооружений, которыми когда-то так восхищались, не мешает тем, кто умеет их исследовать, восстанавливать многие из их прежних форм; и на барельефах, и на некоторых очень маленьких памятниках мы находим скульптурные наброски, которые были признаны изображением храмов.

Эти эскизы очень несовершенны и сильно сокращены: сами руины перепутаны; из греческих и ассирийских текстов одни краткие и неясные, другие вызывают у нас скептицизм. Не желая отрицать ценность использованных методов или важность полученных результатов, мы с трудом можем поверить, что уверенность, с которой переводятся технические термины, вполне обоснована. Есть некоторые из этих терминов, которые, если бы они встречались в греческой надписи, вызвали бы немалое смущение своим чисто специальным характером, и это даже у того, кто мог бы объединить в своем лице квалификацию греческого ученого с квалификацией архитектора или скульптора. Мы надеемся, хотя вряд ли ожидаем, что наша надежда оправдается, что когда-нибудь месопотамский храм будет найден в хорошей сохранности. До тех пор мы не можем придать нашим реставрациям таких зданий ничего, приближающегося к точности или полноте, которых так легко достичь, когда речь идет о великих религиозных сооружениях Греции или Египта. Мы не находим тех четко очерченных

элементов, тех ясных и точных сведений, которые в других местах позволяют нам стереть повреждения, нанесенные временем и врагами человека. Подножие каждой стены завалено такими бесформенными массами кирпича и кирпичной пыли, что практически невозможно провести полноценные исследования или сделать точные замеры. Приходится довольствоваться приближением к истине.

За единственным исключением - ступенчатой башней в Хорсабаде - мы не будем пытаться дать ни одной реставрации в собственном смысле этого слова. Мы не хотим сказать, что различные модели храмов, представленные на наших табличках II, III и IV, а также на [рис. 173](#), являются творением нашей фантазии. Ни одна из четырех моделей не претендует на то, чтобы воссоздать одно знаменитое здание в большей степени, чем другое. Это абстрактные типы, каждый из которых в общих чертах представляет одну из разновидностей, на которые можно разделить ассиро-халдейские храмы. Расположение, в котором заключается оригинальность каждого типа, было установлено М. Чипьезом только после долгих исследований. В каждом случае он брал за отправную точку либо греческий или ассирийский текст, либо скульптурный рельеф, либо факты, собранные при обследовании оригинальных объектов; в большинстве случаев ему удавалось дополнить и исправить информацию, полученную из одного из этих источников, информацией из другого. Таким образом, он проникся духом месопотамской архитектуры и восстановил основные формы, в которые она облекалась в своих культовых сооружениях в зависимости от времени и местности. Он не может сказать, что все изображенные детали были найдены вместе, как здесь, на одном здании; но они не являются изобретениями, ни одна из них не лишена авторитета, и использование, которому они подвергаются, было определено изучением реальных останков. То же самое можно сказать и о пропорциях. Они являются результатом изучения и сопоставления одних руин и одних свидетельств с другими; они не были взяты из какого-либо отдельного здания. Наконец, некоторые детали, такие как след и высота пандусов, были полны трудностей. К принятому решению М. Чипеса пришел индуктивным путем, тщательно взвесив очевидные условия задачи и выбрав те варианты, которые казались ему наиболее простыми и удобными. В силу своего общего характера реставрации М. Чипьеза достигают высокой степени вероятности. Их можно сравнить, если можно так выразиться, с теми триумфами исторического синтеза, в которых не делается попыток рассказать о событиях, как они происходили и во всех деталях, но в которых целый народ живет, и характер целого века подытоживается, в картине, каждая линия и цвет которой заимствованы из реальности. [\[451\]](#)

Несмотря на кажущееся разнообразие, все здания, которые мы опишем в этой главе, можно отнести к одному фундаментальному типу. Каждое из них состоит из нескольких кубических масс, наложенных одна на другую и уменьшающихся в объеме пропорционально их высоте в монументе. Мы уже объясняли, как была принята такая система. [\[452\]](#) Она была обусловлена ограничениями единственного материала, имевшегося в распоряжении архитектора, и имела, по крайней мере, то преимущество, что позволила ему разбавить монотонность халдейских равнин искусственными горами, чьи огромные размеры и смелость линий должны были произвести впечатление на умы людей и дать им представление о могуществе их хозяина и величии божеств, в честь которых они были воздвигнуты.

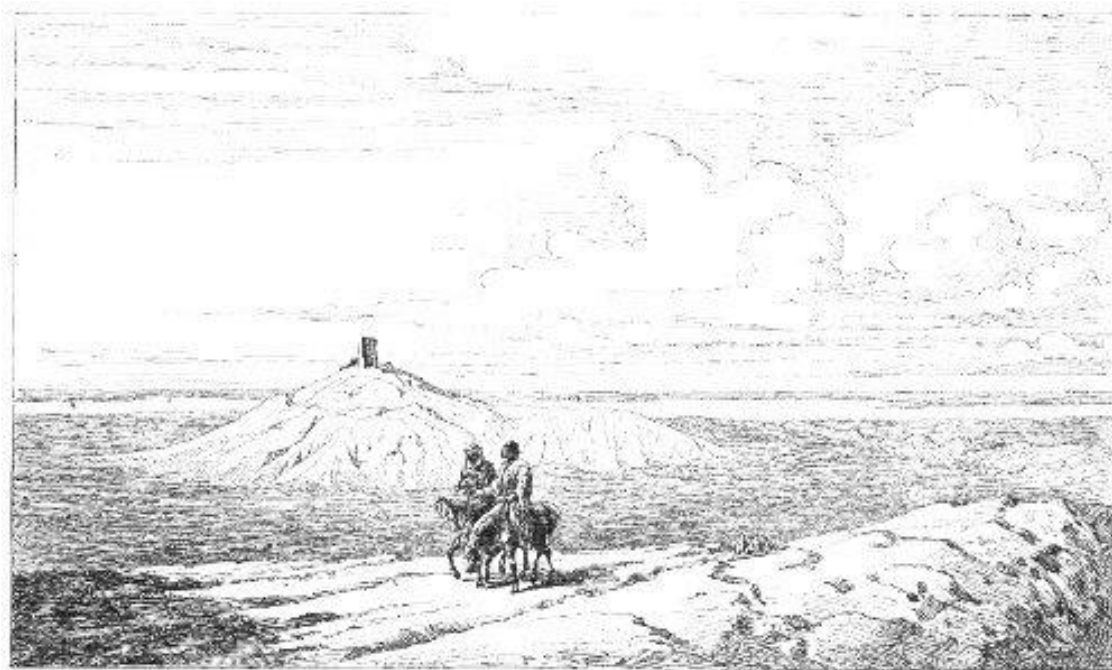

Рис. 168.- Вид

на Бирс Нимруд; по Феликсу Томасу.

Тогда Месопотамия была покрыта зданиями, напоминающими по своим очертаниям ступенчатую пирамиду. Мы находим их на рельефах (рис. 10), а в древнейших городах часто можно увидеть запутанные руины двух-трех нижних этажей. Наше единственное сомнение связано с возможным использованием этих зданий - *зиккуратов* ассирийских текстов. Мы не будем здесь перечислять доказательства в пользу их религиозного характера; достаточно привести описание Геродотом храма Бэла или Белуса в Вавилоне. Вопрос о том, следует ли отождествлять руины этого здания с *Бабилон* (рис. 37) или *Бирс-Нимрудом* (рис. 168), мы выясним позже. Вот описание Геродота: - "В другой (крепости)

"В другой (крепости) находился священный участок Юпитера Белуса, квадратное сооружение в два аршина в каждую сторону с воротами из цельной меди; оно сохранилось и в мое время. Посреди участка возвышалась башня из цельной кладки, длиной и шириной в фург, на которой стояла вторая башня, на ней - третья, и так до восьми. Подъем на вершину осуществляется с внешней стороны, по дорожке, которая огибает все башни. Примерно на половине пути вверх можно найти место для отдыха и сидения, где принято сидеть некоторое время на пути к вершине. На самой вершине башни находится просторный храм, внутри которого стоит кушетка необычайных размеров, богато украшенная, с золотым столиком на боку. Здесь нет ни одной статуи, и по ночам кушетку не занимает никто, кроме одной туземной женщины. Ниже в том же районе есть второй храм, в котором находится сидящая фигура Юпитера, вся из золота... снаружи храма два алтаря". [453]

Это описание, конечно, очень короткое; в нем нет многих деталей, которые мы хотели бы в нем найти; но, как и почти все описания Геродота, оно очень четкое. Старый историк хорошо видел, и его ум сохранил увиденное. Из его рассказа ясно, что это был самый прекрасный из вавилонских храмов, и что даже когда он частично разрушился при преемниках Александра, его колоссальные размеры все еще могли поражать иностранных гостей. Таким образом, мы можем рассматривать его как тип халдейского храма, как лучшее религиозное сооружение в первом городе Месопотамии. Навуходоносор перестроил его, сделал выше и богаче орнаментами, чем прежде, но сохранил древний фундамент и не изменил общего характера плана. В этом единственном

сооружении были собраны все нити долгой традиции; это было как бы высшее усилие, последнее слово национального искусства: и Геродот прямо заявляет, что это была ступенчатая башня.

Такое утверждение ставит вопрос вне сомнений и позволяет нам указать на ступенчатую башню как на форму, выбранную этим народом и использовавшуюся на протяжении всей его цивилизации для зданий, воздвигнутых в честь его богов. И, отбросив этот фундаментальный вопрос, мы должны теперь дать быстрое описание основных разновидностей типа, как они были установлены М. Чипьезом. И по мере того, как мы будем продолжать, мы будем указывать на авторитеты для каждой реставрации; будь то сами руины, надписанные тексты или скульптурные рельефы.

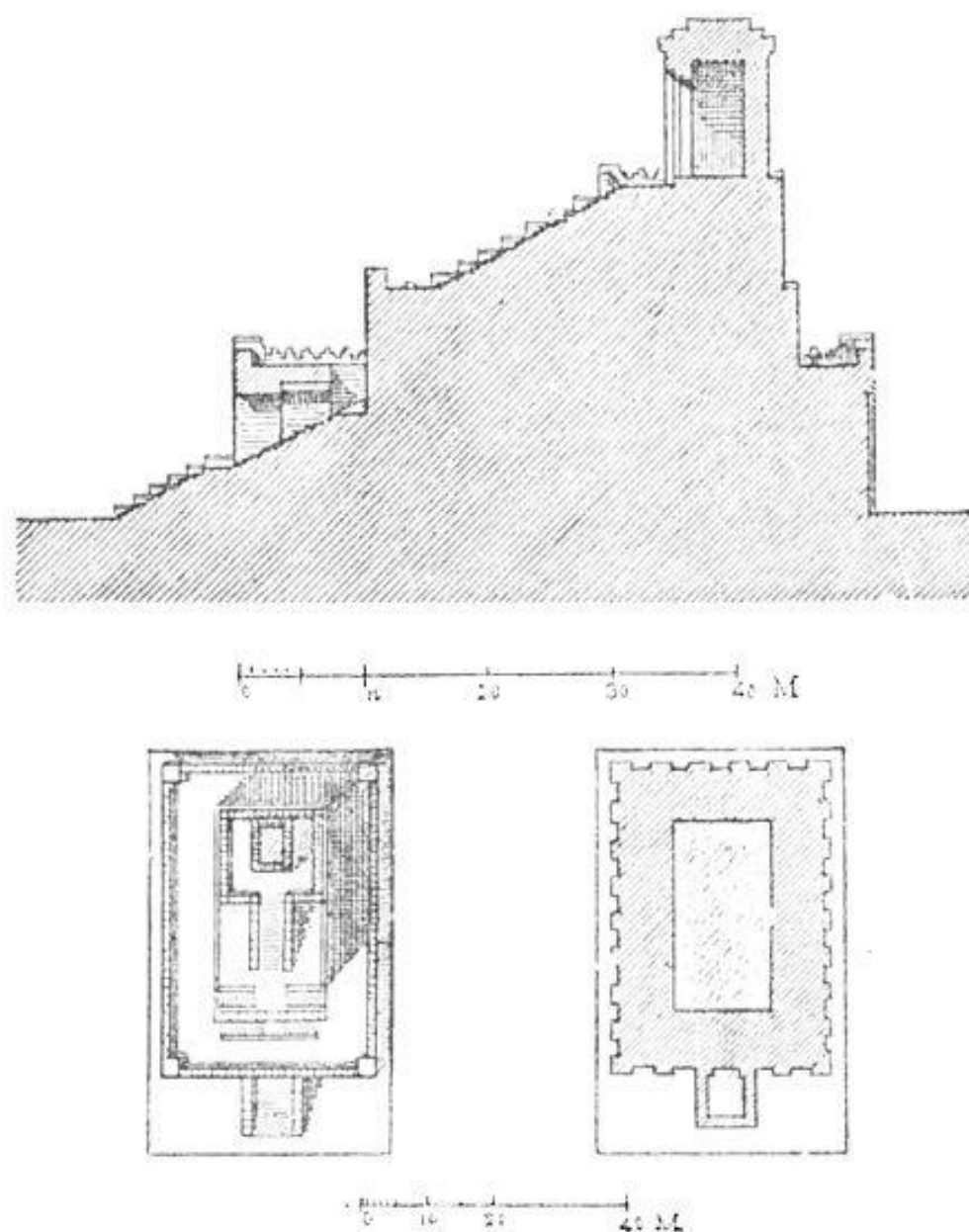
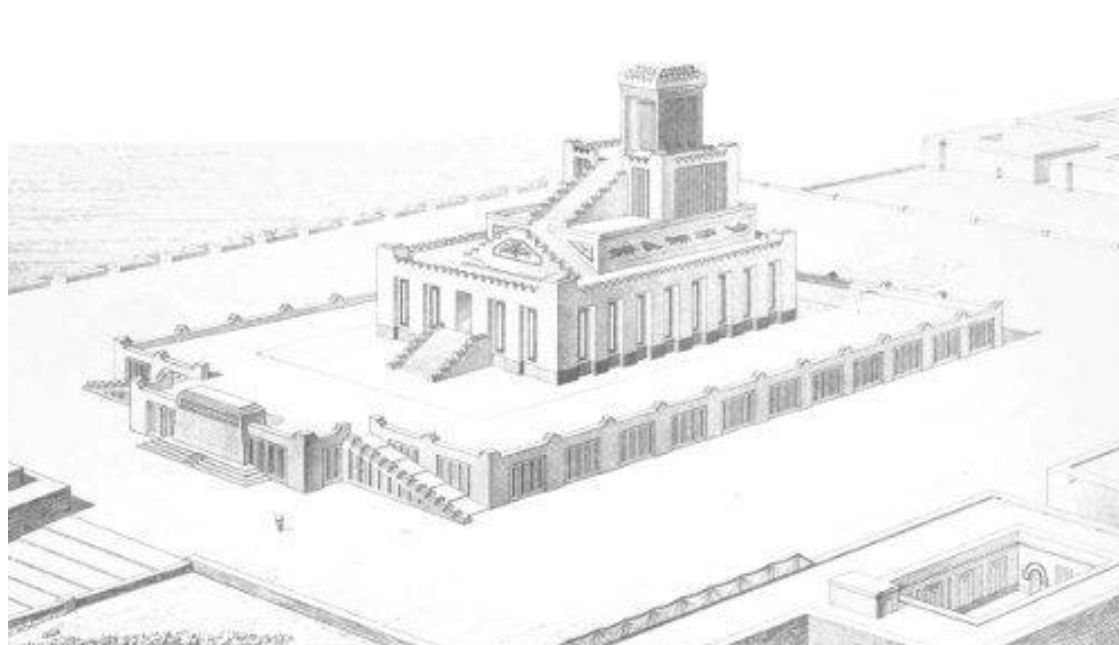

Рис. 169-171.-

Продольный разрез, план и горизонтальный разрез прямоугольного типа халдейского храма.

В первую очередь мы должны поставить прямоугольный халдейский храм (Plate II. и [рис. 169, 170](#) и [171](#)). Мы поставили его на первое место потому, что все останки, по которым он был реконструирован, были найдены в Нижней Халдее, то есть среди древнейших халдейских

городов. Как мы узнаем из текстов, эти храмы были отремонтированы при последних вавилонских царях, и именно их древность сделала их дорогими как для народа, так и для царей. Поэтому мы можем полагать, что при их восстановлении старались сохранить их древние черты. В обновлении нуждалась лишь верхняя часть подпорных стен, которые были восстановлены на древнем фундаменте. Кое-где они существуют и по сей день, а на их кирпичах можно прочесть имена самых ранних халдейских князей. [454]

ПЛИТА II.

ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ХАЛДЕЙСКИЙ ХРАМ

Восстановлено Ч. Чипьезом.

Останки, изученные господами Тейлором и Лофтусом в Варке (рис. 172), Абу-Шарейне и Мугейре, послужили основными элементами для нашей реставрации, которая имеет сильное сходство с руинами в Варке под названием Бувария (А на карте), и еще более сильное - с храмом в Мугейре, чье нынешнее состояние показано на наших рис. 48 и 143. Первый тип характеризуется формой нижних и положением верхних ступеней. Последние не располагаются в центре платформы, на которой они стоят; они отброшены назад гораздо ближе к одной из двух коротких сторон, чем к другой, так что здание имеет переднюю и заднюю части. Передняя часть почти полностью занята широкими лестницами. [455] Лестница, ведущая с первого этажа на второй, должна была быть скрыта только в интерьере здания, что позволило избежать необходимости нарушать массивность этой внушительной сцены (см. рис. II).

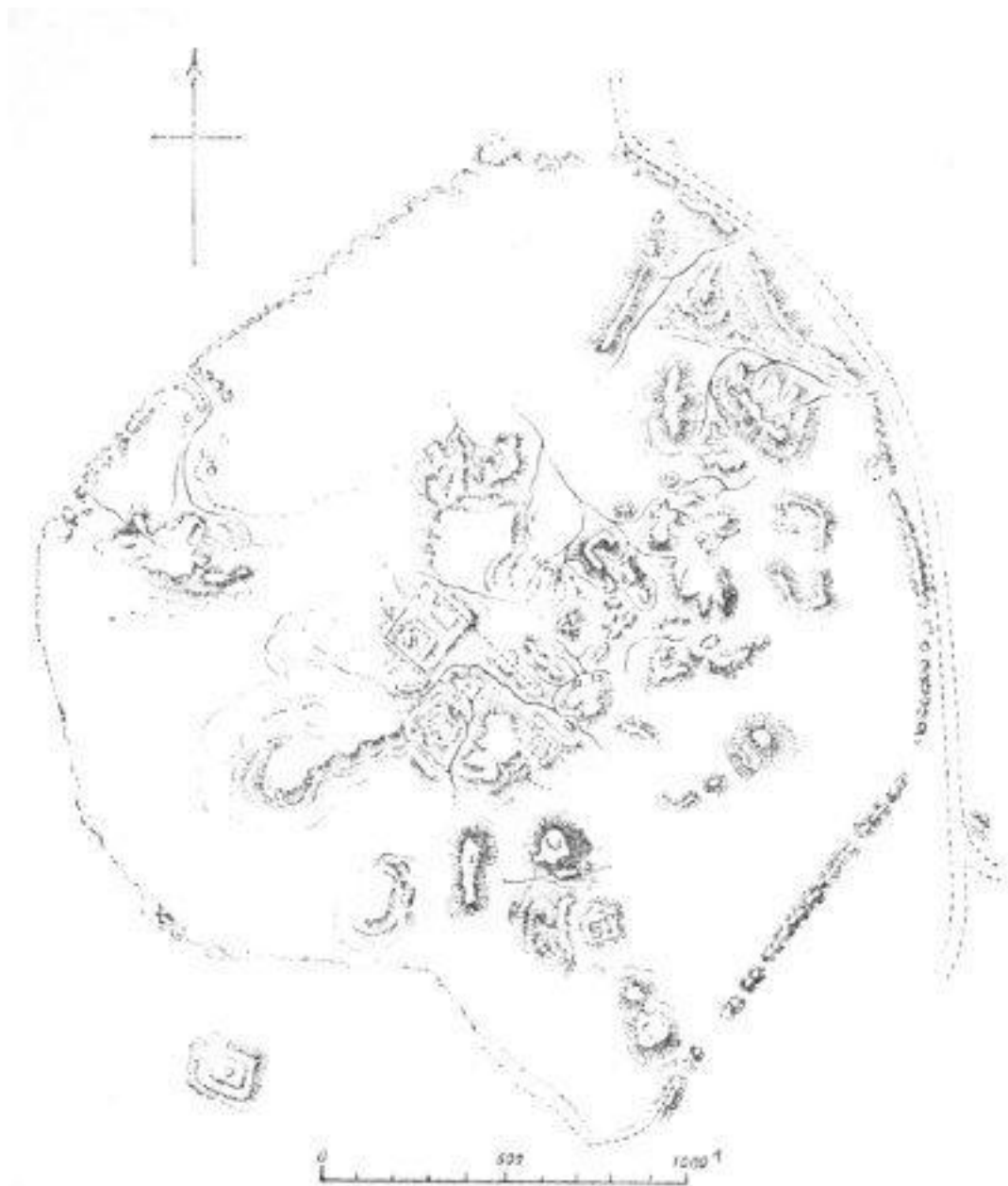

Рис. 172.- Карта

Варки с ее руинами; из Лофтуса.

А, Бувария; В, Вусвас; С, руины парфянской эпохи; D, здание, украшенное цветными конусами (см. стр. 279).

Окружение храма на нашей табличке - фон слегка волнистой равнины, дома, похожие на те, что нашли Тейлор и Лофтус, в которых они обнаружили сводчатые проходы, пересекающие толщу стен [456] , - конечно, чисто воображаемые.

Сам храм, как и дворец в Хорсабаде, возвышался на огромной платформе, к которой примыкали городские стены. На эту платформу вели широкие лестницы. [457] Боковые пандусы вели на вторую платформу, огороженную со всех сторон, с которой начиналась священная часть здания - Харам. Мы уже говорили о панельном орнаменте, которым были украшены большие плоские поверхности его стен. [458] Самая нижняя ступень храма была снабжена контрфорсами, подобными тем, что до сих пор сохранились в храме Мугейра (рис. 43). Между первой и второй ступенями находился высокий прямоугольный цоколь, украшенный в нашей реставрации глазурованным фаянсом [459] . [460] Венчала все это прямоугольная часовня, украшенная, по всей вероятности, металлическими бляшками и глазурованными полихроматическими кирпичами.

Следы этой часовни были найдены в Мугейре, а богатство ее убранства подтверждается многими свидетельствами. [461] В Абу-Шарейне также есть остатки небольшого и богато украшенного святилища, венчающего вторую ступень руины, чей облик сейчас имеет явное сходство с храмом в Мугейре. Тройной ряд кренелляций, который мы придали этому святилищу или часовне, был подсказан алтарями и обелисками (рис. 107 и 111). Здесь, как и в Ниневии, эти крандели, должно быть, были универсальной отделкой стен. Их использование вполне соответствует духу месопотамской архитектуры, но прямых доказательств их присутствия в этих зданиях нет. В этом отношении наша реставрация носит предположительный характер.

Взглянув на наш продольный разрез (рис. 169), можно увидеть, что мы оставили основную часть этой огромной массы высушенного на солнце кирпича абсолютно цельной. Напрасно в Мугейре были пробиты траншеи и шахты по флангам руины, не было найдено ни одного признака какого-либо помещения или пустоты самого элементарного вида. [462]

Храм Мугейра возвышается над уровнем равнины едва ли более чем на пятьдесят футов. Реставрация М. Чипьеца, для которой он послужил основой, показывает высоту в 135 футов; судя по пропорциям остатков, здание вряд ли могло быть выше этого. Но несомненно, что многие храмы достигали гораздо большей высоты, иначе их размеры не могли бы произвести большого впечатления на путешественников, видевших египетские пирамиды. Даже сейчас Бирс-Нимруд, который на протяжении многих веков подвергался непрерывному процессу уменьшения, возвышается над окружающей местностью не менее чем на 235 футов, [463] а Страбон, единственный греческий автор, который говорит что-то точное о высоте величайшего из вавилонских памятников, пишет следующее: "Этот памятник, который, как говорят, был свергнут Ксерксом, представлял собой квадратную пирамиду из обожженного кирпича, высотой в один стад (606¾ фута) и диаметром в один стад". [464]

Наиболее удобным способом достижения такой высоты было бы наложение квадратных масс одна на другую, причем каждая масса располагалась бы по центру на верхней поверхности той, что находилась под ней. Вес был бы распределен более равномерно, а риск оседания был бы более незначительным, чем в любой другой системе. М. Чипес восстановил две разновидности этого типа. Сначала мы опишем более простую из них, которую мы можем назвать Квадратный однобашенный халдейский храм (рис. 173, 174, 175, 176).

Основные элементы для этой реставрации были взяты из ступенчатой башни в Хорсабаде, известной как *Обсерватория*, но М. Чипес увеличил ее размеры, пока они почти не достигли тех, которые Страбон приписывает храму Бэла. Кроме того, ему пришлось решать деликатный вопрос, который открытие Хорсабадской *обсерватории*, где сохранились только четыре нижние ступени, ничего не дало, а именно план и наклон пандуса. В восстановленной М. Томасом Хорсабадской башне последний участок пандуса наверху параллелен нижнему, а венчающая платформа не совпадает с центральной осью здания. [465] В реставрации М. Чипьеца верхняя платформа находится в центре, как и те, что ниже, а верхний конец пандуса вертикально проходит над местом, где он выходит из земли. Этот результат был достигнут благодаря особому расположению наклонной плоскости, о котором, должно быть, знали месопотамские архитекторы, видя, насколько велика была их практика и насколько желанным, по их мнению, был симметричный аспект, который только она могла дать. На нашей гравюре мы передали разнообразие цветов различных этапов с помощью изменения тона. Несмотря на слова Геродота, М. Чипес дал своей башне только семь ступеней, поскольку это число, по-видимому, было священным и традиционным, а Геродот, вполне возможно, включил цоколь или конечную часовню в число восьми, упомянутых в его описании. Помня о фразе Диодора - "На вершине Семирамида поставила три статуи из битого золота, Зевса, Геры и Реи" [466] - мы увенчали ее вершину именно такой группой. Фраза Геродота "Внизу... есть второй храм" привела нас к введению часовен,

устроенных в интерьере масс и открывающихся на пандус на пятом и шестом этажах. Ничто не мешает предположить, что таких камер было гораздо больше, чем эта, и они открывались то на одну, то на другую из четырех сторон.

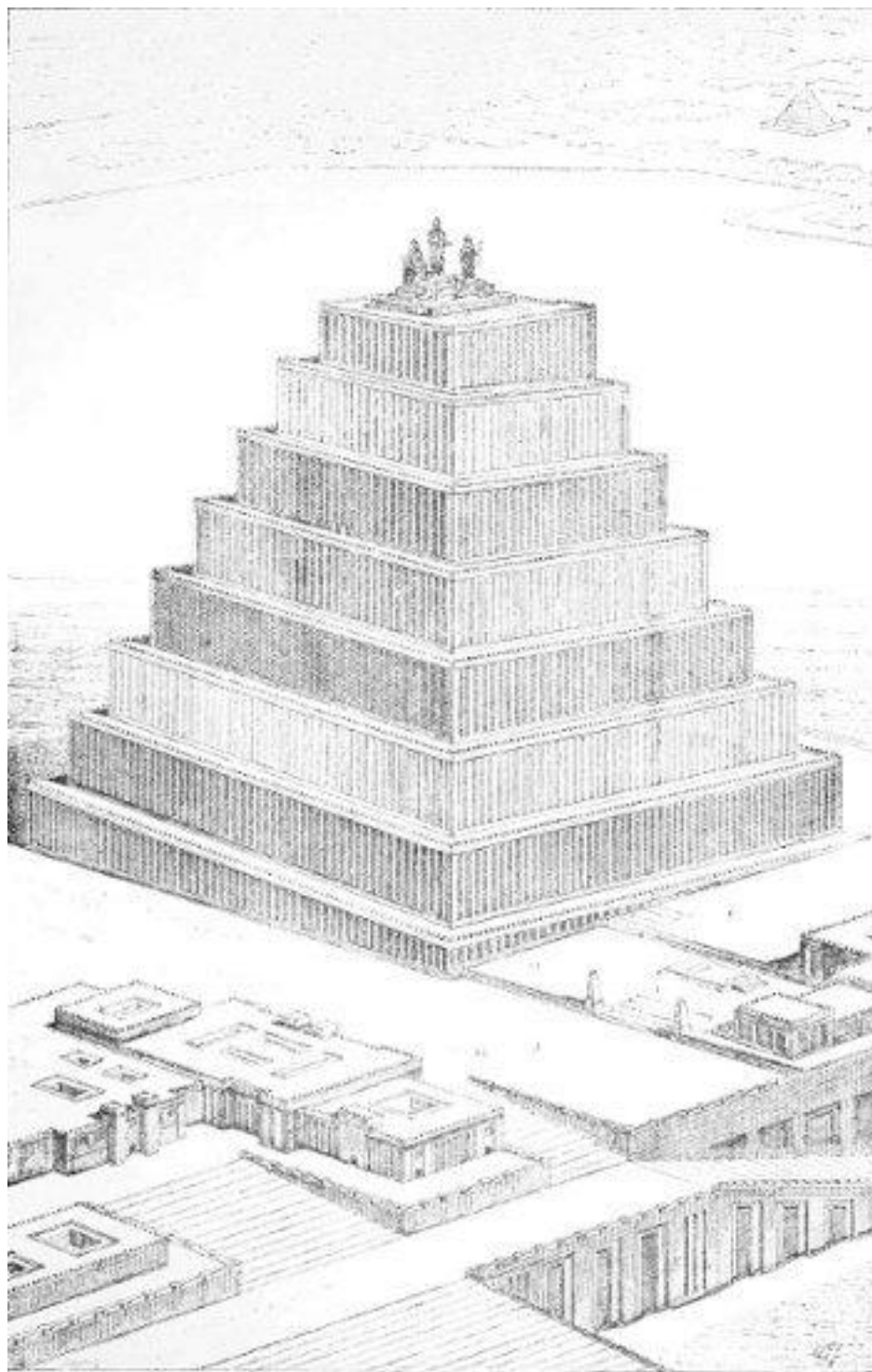

Рис. 173.- Тип квадратного

однобалочного халдейского храма. Составлено Ч. Чипьезом.

Здания в нижней части нашей гравюры воображаемые, но отнюдь не неправдоподобные. Среди них можно выделить широкие лестничные марши и наклонные плоскости, по которым добирались до платформы, на которой стоял храм. [467] У подножия храма справа на гравюре находится дворец, слева - две обелискообразные стелы и небольшой храм, тип которого будет

описан ниже. За башней простираются воды озера. Навуходоносор в одной из своих надписей говорит о том, что построенный им храм окружен озером.

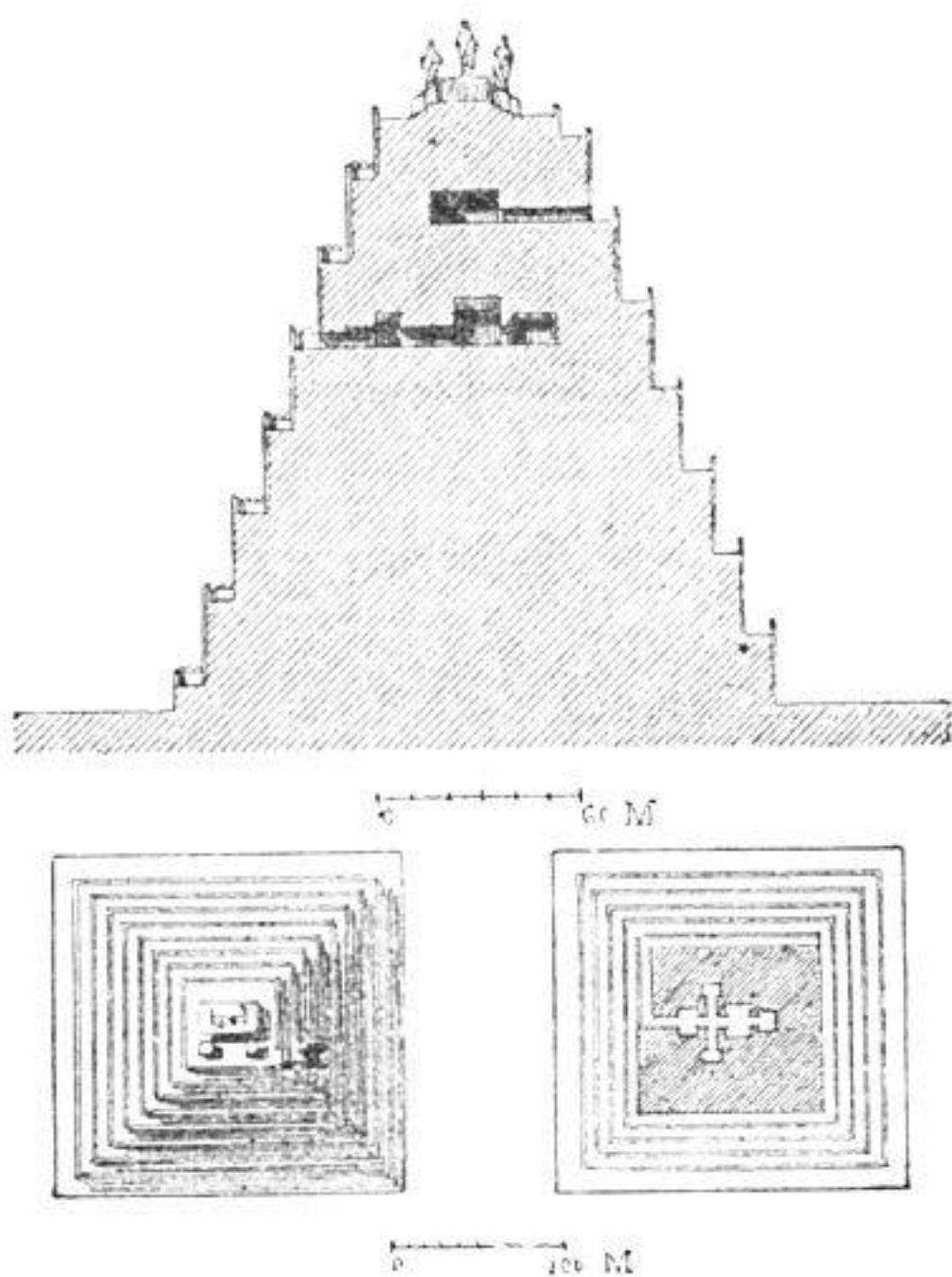

Рис. 174-176.-

Поперечный разрез, план и горизонтальный разрез квадратного однобашенного халдейского храма.

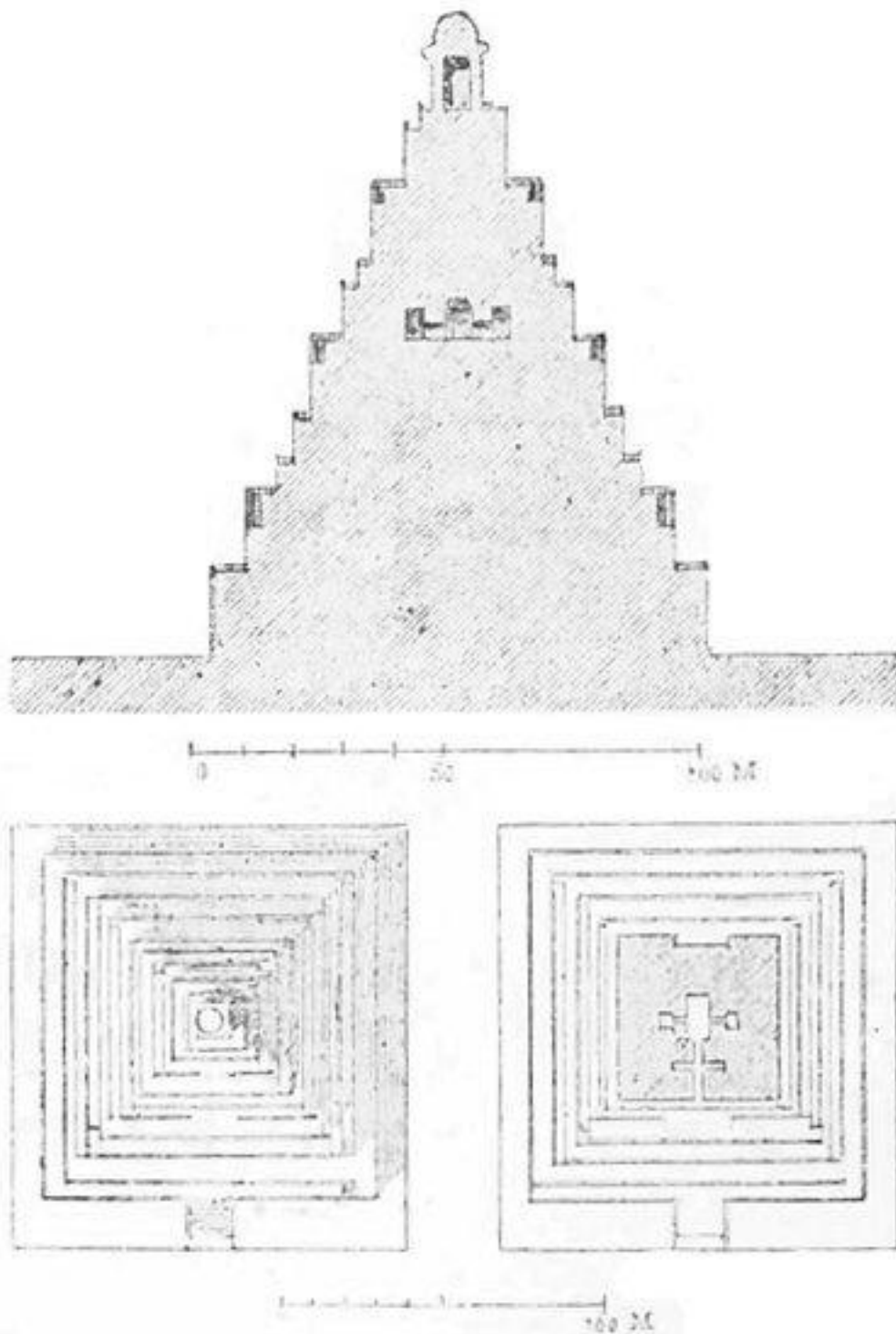
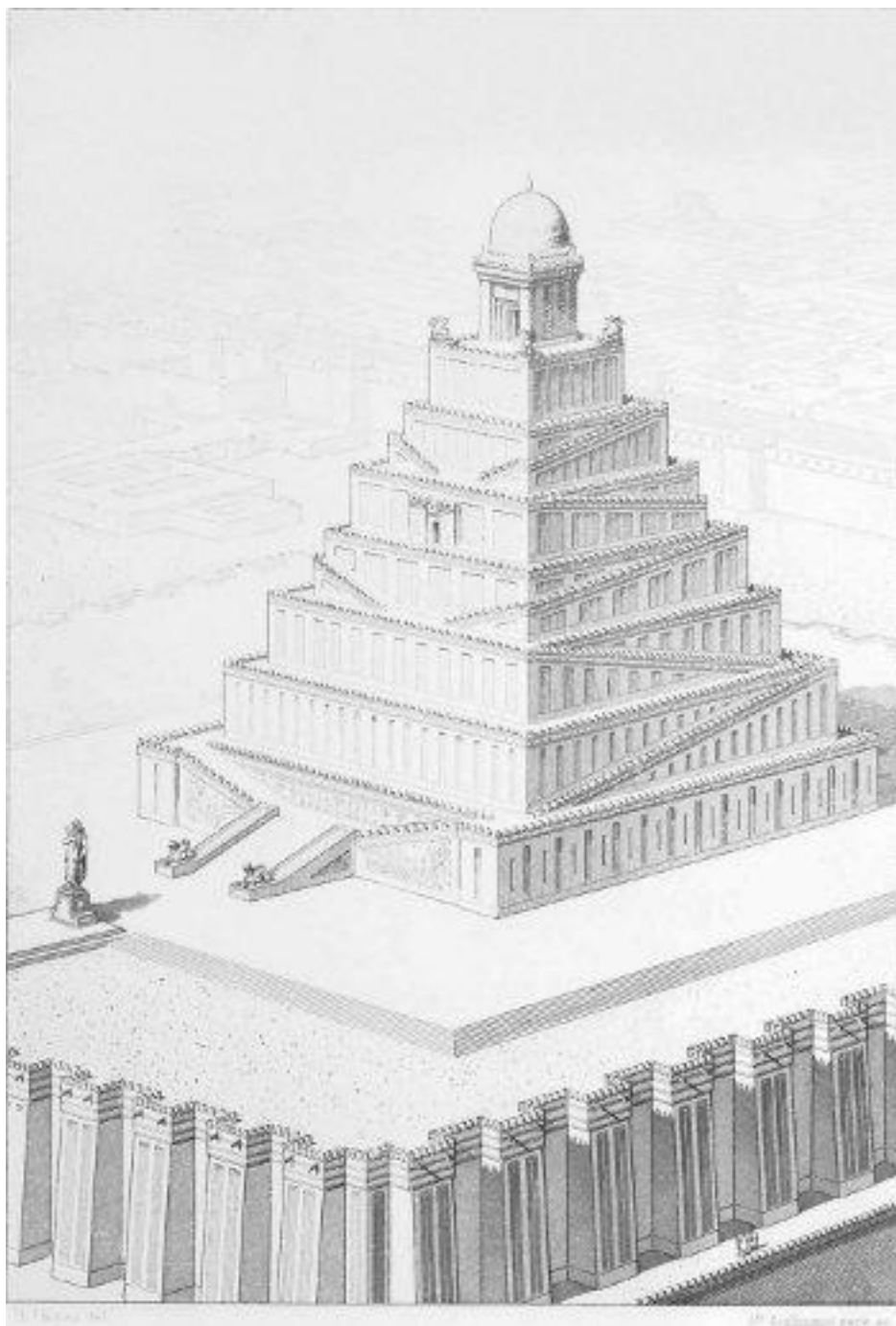

Рис. 177-179.

Поперечный разрез, план и горизонтальный разрез квадратного двухбалочного халдейского храма.

Стремясь изменить эффект, производимый этими внешними пандусами, халдеи, возможно, пришли к мысли о более сложном устройстве, чем то, на которое они обратили внимание в прошлый раз. Эту идею М. Чипес воплотил в своей реставрации квадратного двуххрамного халдейского храма (Plate III. и Fig. 177, 178 и 179). Как и в предыдущей модели, здесь семь ступеней, каждая из которых квадратная в плане, но отличие состоит в использовании двух пандусов, ведущих от основания к вершине. Каждый из них держится на своей стороне здания, приближаясь к другому только на переднем и заднем фасадах на четвертой, пятой и шестой ступенях (см. (Plate III)). Для того чтобы здание в целом имело симметричный и монументальный

вид, необходимо было, чтобы все его семь ступеней, за исключением первой, которой отведена совсем другая *роль*, были одинаковой высоты. Но их длина и ширина различались пропорционально их высоте в здании. Постоянное сокращение расстояния, в которое должен был укладываться наклон, привело бы к тому, что, если предположить, что каждый пандус ограничивался одной стороной башни, уклон должен был становиться круче с каждым этажом. Такое отсутствие параллельности было бы очень некрасивым, и избежать его можно было только одним способом - продолжить пандусы почти до центра фасада на четвертом и шестом этажах, и до центра заднего фасада на пятом. Преимущества такого расположения очевидны. Изгнанная в основном на фланги, двойная рампа оставила четыре ступени свободными спереди и сзади, обеспечив простор для променада. На трех других он проявлялся в достаточной степени, чтобы "обставить" здание и разнообразить его облик, ни в коей мере не обременяя его. Вся конструкция завершалась часовней, расположенной на центральной оси башни и увенчанной куполом. В надписях упоминается купол, покрытый листьями из чеканного золота, который венчал в Вавилоне тот храм "до основания земли", восстановленный Навуходоносором. [468]

ПЛИТА III. КВАДРАТНЫЙ В

ПЛАНЕ ХАЛДЕЙСКИЙ ХРАМ С ДВОЙНЫМ ПАНДУСОМ
Восстановлено Ш. Чипьезом.

В этих текстах упоминается еще одно святилище, включенное в то же здание и расположенное на полпути между основанием и вершиной. Это была погребальная камера Бел-Меродаха, в которой проводились консультации с его оракулом; в реставрации М. Чипьеза вход в это святилище помещен в середине пятого этажа.

Обширная эспланада у основания храма была подсказана описанием Геродота. Она опирается на два колоссальных цоколя, фланкированных и поддерживаемых контрфорсами. На нашей пластине нижний из этих двух цоколей намечен только в двух нижних углах. Вдали за самим храмом виднеется одна из тех крепостных стен, которые разделяли Вавилон на множество крепостей, а еще дальше - группа больших зданий, окруженных стеной и обычными городскими домами.

Этот тип с двумя пандусами является одновременно и самым красивым, и самым трудоемким из тех, что предлагают эти ступенчатые башни. При одном пандусе мы получаем башню, четыре грани которой повторяют друг друга, но здесь мы имеем настоящий фасад, на котором счастливый контраст устанавливается между непрерывными ступенями и теми, на которых появляются пандусы - между наклонными линиями и линиями, параллельными земле. Здание приобретает спокойствие и солидность, а его истинный масштаб становится более очевидным, чем когда взгляд неощутимо ведется от основания к вершине по монотонной спирали.

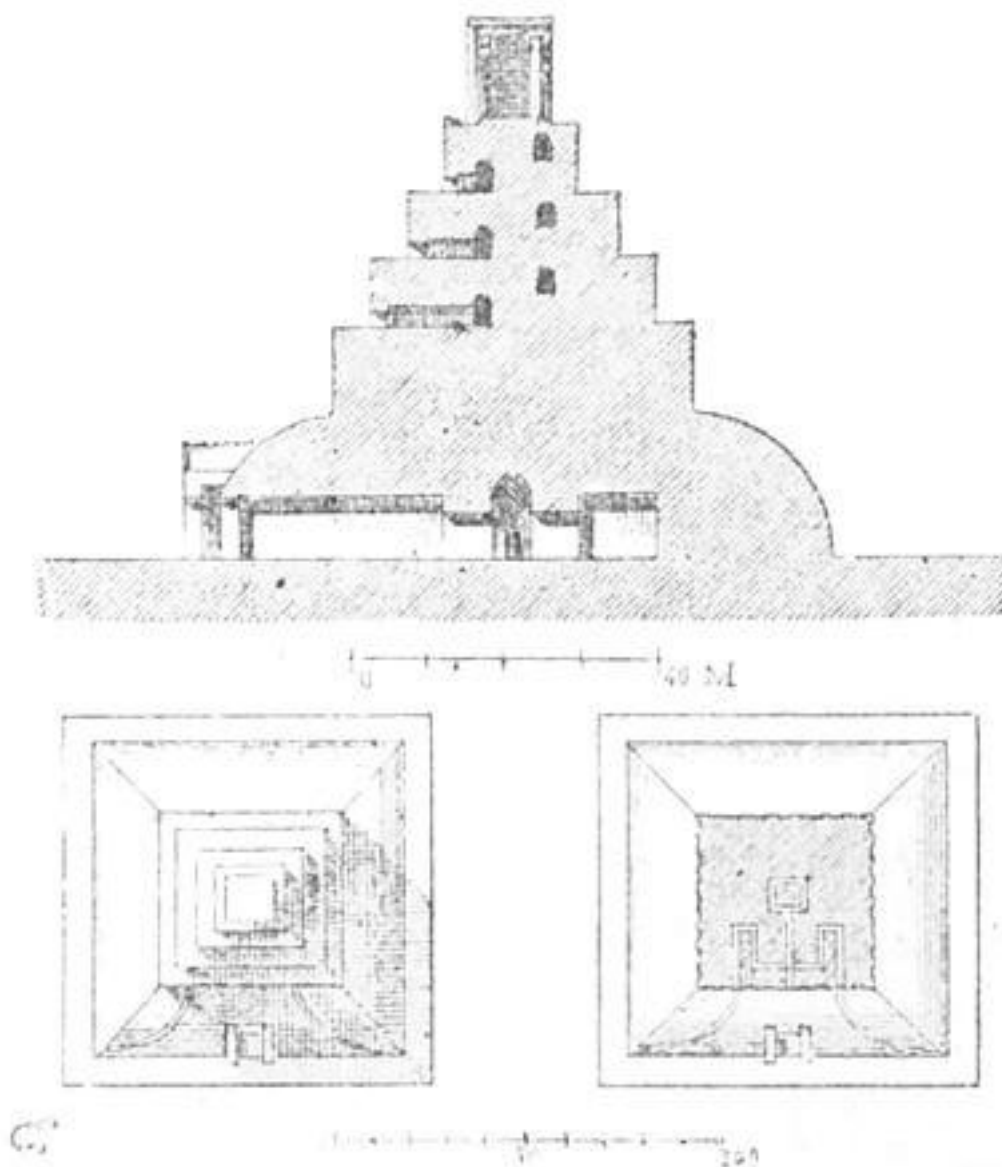
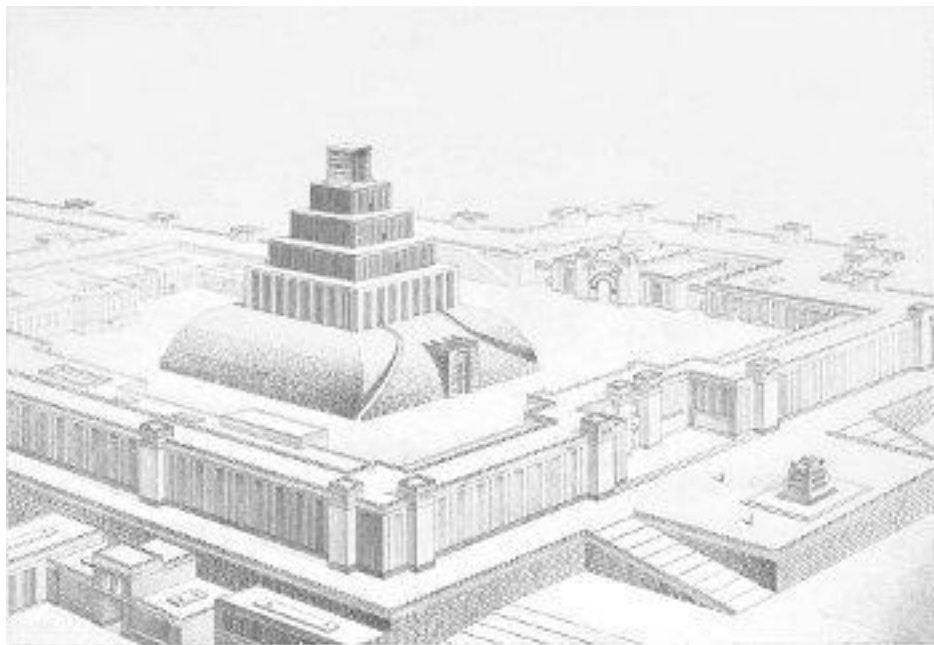

Рис. 180-182.

Квадратный ассирийский храм. Продольный разрез, горизонтальный разрез и план.

Мы не можем с уверенностью утверждать, что архитекторы Месопотамии понимали и использовали только что описанную систему; нет никаких положительных свидетельств на этот счет. [469] Однако она не содержит ничего, кроме логического развития из предпосылок, ничего, кроме того, что полностью соответствует месопотамским привычкам, ничего, что связано с трудностями исполнения или строительства, выходящими за рамки тех, которые, как мы знаем, они преодолели. Кроме того, у нас есть доказательства того, что они не довольствовались подневольным воспроизведением одного и того же типа на протяжении двадцати веков; их

храмы не все были вылеплены по одной и той же форме. Тип храма Мугейра заметно отличался от типа Хорсабадской *обсерватории*. Одна из скульптур Куянджика показывает любопытный вариант традиционной для Ассирии темы в расположении ступенчатой башни, о которой мы никогда бы не догадались, если бы не сохранился этот рельеф (рис. 34). Картина, о которой идет речь, несомненно, сильно сокращена и далека от пропорций оригинала, но все же она предоставила М. Чипьеzu элементы реставрации, в которой предположениям было уделено очень мало внимания. Мы назвали ее "Квадратный ассирийский храм" (см. Plate IV. и рис. 180-182).

ПЛИТА IV. КВАДРАТНЫЙ

АССИРИЙСКИЙ ХРАМ

Реставрирован Ш. Чипьезом.

Согласно рельефу, сама башня возвышается на куполообразном кургане, перед которым находятся большой дверной проем и два изогнутых пандуса. Из всего, что мы знаем об ассирийских зданиях такого рода, мы можем быть уверены, что оригинал картины был расположен именно так. Форма кургана может быть описана как воспроизводящая *extrados* вдавленной арки. Это единственная форма, на которой могли быть построены ступени с изгибом, подобным изображенному здесь. Дизайн ступеней на нашей пластине в точности соответствует тому, что более грубо указал скульптор; никаких других способов обеспечить удобный доступ к основанию башни - по крайней мере, за пределами кургана - придумать было невозможно. Две двери были пробиты в начале ступеней через большие панели, которыми была украшена нижняя ступень самой башни, и с этого момента, насколько мы можем судить по рельефу, подъем продолжался по внутренним лестницам. Скульптор показал только три ступени, но - если только отсутствие чего-либо выше не было вызвано повреждением плиты - мы можем предположить, что он добровольно исключил четвертую. [470] В любом случае третий этаж слишком велик, чтобы образовывать вершину башни. Общие пропорции предполагают, по крайней мере, еще одну ступень для поддержки обычной часовни. Последнюю мы восстановили как деревянную конструкцию, покрытую металлическими пластинами, шкурами или цветными досками. Три ступени, расположенные непосредственно под часовней, мы украсили расписными имитациями панелей, выполненными либо во фресках, либо в глазурованном кирпиче. Что касается внутреннего устройства, то мы знаем очень мало. Большой дверной проем, которым на рельефе предвещается сам курган, должен был вести в какое-то помещение, достойное его размеров и

важности; поэтому мы пробили в нашем разрезе массу с набором из нескольких камер. На втором этаже находится еще один дверной проем; он гораздо меньше и проще, и камера, в которую он вел, должна была быть сравнительно неважной. На нашем [рис. 180](#) он восстановлен как подход к внутренней лестнице.

Чтобы разнообразить рамки наших реставраций и показать ассирийскую архитектуру в как можно большем количестве аспектов, мы поместили этот храм в крепостную стену, подобно Хорсабаду. В своеобразном бастióне слева от плиты мы поместили один из тех небольших храмов, остатки которых были найдены в Хорсабаде и Нимруде. Стены города являются продолжением стен храма. Перед главным входом в священное помещение мы установили памятную стелу.

Благодаря этим реставрационным работам мы надеемся дать более ясное и яркое представление о халдейском искусстве, чем если бы мы ограничились описанием скудных остатков их культовых сооружений. Теперь нам предстоит сделать беглый обзор тех существующих руин, чье прежнее назначение и устройство еще можно в какой-то степени проследить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[451] Эти реставрации основных типов халдейских храмов были выставлены М. Чипьезом в Салоне 1879 года под названием *"Туры в храмы Халдеи и Ассирии"*.

[452] Глава II. § 2.

[453] Геродот, I, 181-3, версия Роулинсона. Под Юпитером, или скорее Зевсом, мы должны понимать Бел-Меродаха. Диодор называет бога храма Зевса Белусом.

[454] Loftus, *Travels*, &c., p. 131. См. также статьи Тейлора в томе XV *журнала Королевского азиатского общества*.

[455] Лофтус, (стр. 129). "Однако постепенный наклон от вершины к основанию скорее натолкнул меня на мысль, что с этой стороны строения находилась большая лестница такой же ширины, как и верхний этаж".

[456] Loftus, *Travels*, &c., p. 133.

[457] В Варке, вокруг руин, которые арабы называют *Вусвас*, Лофтус проследил план этих больших дворов и платформ (*Travels*, p. 171).

[458] См. выше, с. 246, рис. 100 и 102.

[459] В этих руинах были найдены многочисленные куски глазурованной плитки.

[460] Идея этого цоколя была подсказана М. Чипьезу замечанием, сделанным на странице 129 *"Путешествий Лофтуса"*: "Между этажами есть постепенный ступенчатый наклон около семи футов в перпендикулярном направлении, который, однако, может быть случайным и возникнуть в результате разрушения верхней части нижнего этажа".

[461] См. Taylor, *Journal*, &c., pp. 264-5.

[462] Loftus, *Travels*, p. 130. То же самое произошло с *обсерваторией* в Хорсабаде.

[463] Layard, *Discoveries*, p. 495.

[464] Все авторитеты, которыми пользовался Страбон при описании Вавилона, жили во времена Александра и его преемников; никто из них не мог видеть храм в целости и сохранности и измерить его высоту. Основанная на традиции или на осмотре останков, цифра, приведенная географом, может быть только приблизительной. Я думаю, что она, скорее всего, преувеличена.

[465] См. Place, *Ninive*, vol. iii, plate 37.

[466] Диодор, ii, 9, 5.

[467] Эти дворы, как и дворы современных мечетей, должны были в определенное время дня быть местом встречи большого количества населения. Вокруг них располагались лавки, в которых продавались религиозные эмблемы и другие *предметы культа*, подобно тому, как в наши дни путешественник находит регулярную ярмарку во дворе мечети *Мешхед-Али*. Среди товаров, которые переходят из рук в руки в таких местах, очень часто встречаются белые голуби (Loftus, *Travels*, p. 53). Возможно, в этом можно усмотреть пережиток языческого обряда - жертвоприношения голубя вавилонской Истар, финикийской Астарте и греческой Афродите. Именно во дворах одного из этих храмов происходили те священные проституции, о которых говорит Геродот (i. 199). Огромные размеры наклонных площадок легко объясняются тем, что они должны были вмещать толпы людей.

[468] "Я взялся в Бит-Саггату, - говорит царь, - восстановить палату Меродаха; я придал ее куполу форму лилии и покрыл его чеканным золотом, так что он засиял, как день". Лондонская надпись в переводе М. Фр. Ленорманта в его *Histoire ancienne*, vol. ii. pp. 228-229. См. также текст Филострата в его жизни *Аполлония Тианского* (i. 25). Софист, который, похоже, основывал свое описание Вавилона на достоверной информации, говорит о "большом кирпичном здании, покрытом бронзой, купол которого изображал небосвод и сиял золотом и сапфирами".

[469] М. Опперту также пришла в голову идея ограничить рампу двумя сторонами башни, исключив остальные (*Expédition scientifique*, vol. i. p. 209); но, насколько мы понимаем его систему, которую он не проиллюстрировал ни одним рисунком, он не удваивает наклон, а лишь чередует его стороны на каждом этапе, так что часть его будет находиться на северо-западной, а часть - на юго-западной стороне башни.

[470] Оригинал этого рельефа не был привезен в Европу. Поэтому мы не можем решить, точно ли передал его состояние рисовальщик Лэйарда или нет.

§ 2.- Развалины ступенчатых башен.

При описании первого из наших четырех типов мы имели возможность указать на постройки в Варке и Мугейре, которые позволили нам восстановить то, что можно назвать нижнехалдейской формой храма. Курганы, образованные останками этих зданий, не трогали тысячелетиями, они полностью избежали таких разрушений, каким подвергались руины Вавилона на протяжении стольких веков от рук строителей Багдада и Хиллы; и вполне вероятно, что исследования, проводимые методично и с разумным терпением, дадут интереснейшие результаты. Если бы, например, фундаменты всех стен были систематически расчищены, мы смогли бы с абсолютной уверенностью восстановить планы зданий, к которым они принадлежали. К памятникам, обнаруженным английскими исследователями, мы должны теперь добавить находку, сделанную М. де Сарзеком в Телло, о которой, однако, еще предстоит сообщить полные подробности. [471] Из слишком короткого письма, которое было зачитано в Академии надписей 2 декабря 1881 года, мы взяли следующее. "Наконец, именно в той части здания, обозначенной h, которая выходит на площадку b, я обнаружил любопытное сооружение, о котором говорил с вами. Эта массивная

масса из жженого кирпича и битума, с уменьшающимися террасами, возвышающимися одна над другой, напоминает нам те халдейско-вавилонские сооружения, чьей вероятной целью было предоставить жителям убежище от стай насекомых и жгучих ветров, которые опустошают эти края в течение девяти месяцев в году." Здесь, как нам кажется, М. де Сарсек ошибается; единственными убежищами от воспаленного дыхания пустыни были *сердабы*, подземные камеры с их скудным светом и влажными стенами, и темные апартаменты ассирийских дворцов с их стенами огромной толщины. Огромные террасы, возведенные с такими огромными затратами труда, были сделаны не только для того, чтобы спастись от комаров; однако мы можем принять слова М. де Сарсека как доказательство того, что в Сиртелле, как и во всех городах Нижней Халдеи, можно обнаружить остатки здания с несколькими этажами или ступенями.

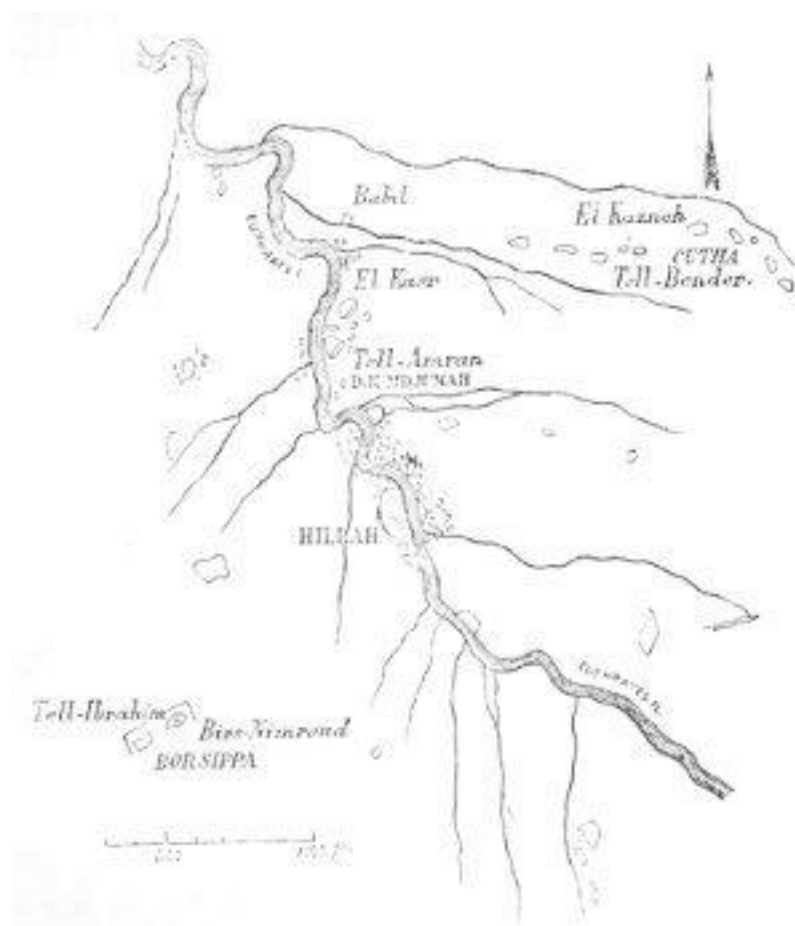

Рис. 183.- Карта руин Вавилона; из

Опперта.

Руины на месте Вавилона можно разделить на четыре основные группы, каждая из которых образует небольшие холмы, видимые на многие мили вокруг; они обозначены на прилагаемой карте названиями, под которыми они обычно известны. Это, в порядке с севера на юг, *Бабиль*, *Эль-Каср* (или *Муджелибех*) и *Телль-Амран* на левом берегу; на правом берегу самый заметный из них - *Бирс-Нимруд*. [472] Большинство тех, кто изучал топографию Вавилона, склонны видеть в Касре и Телль-Амране остатки огромного дворца или, скорее, нескольких дворцов, построенных разными царями, и знаменитых висячих садов; в то время как в Бабиле (Plate I. и Fig. 37) и Бирс-Нимруде (Fig. 168) они согласны признать все, что осталось от двух главных религиозных зданий Вавилона. В Бабиле находится древнейший из них - *Бит-Саггату* или "храм основания земли", который стоял в самом центре царского города и был восхищен и описан Геродотом. Бирс-

Нимруд будет соответствовать не менее знаменитому храму Борсиппы, *Бит-Зида*, "храму планет и семи сфер".

В Вавилоне никакие исследования не пролили ни малейшего света на расположение здания. Во всей его огромной массе, возвышающейся над равниной на высоту около 130 футов, не найти ни следа отдельных кубов, ни их размеров. Все реставрации, которые были сделаны, являются чисто воображаемыми. В Бирс-Нимруде раскопки сэра Генри Роулинсона в 1854 году были отнюдь не бесплодными, но, к сожалению, мы не располагаем подробным отчетом об их результатах. Насколько нам известно, существование по крайней мере шести из семи ступеней было установлено, и монумент, высота которого, согласно измерениям сэра Генри Роулинсона, составляет 153 фута, мог потерять совсем немного от своей первоначальной высоты. Однако вряд ли можно поверить, что человеческое насилие и бури стольких веков нанесли столь незначительный ущерб. [473] Кажется, теперь более ясно доказано, что по форме храм принадлежал к классу, который мы описали под заголовком "Прямоугольный халдейский храм". [474] Ось храма, вертикальная линия, на которой должен был располагаться центр конечной часовни, находилась не на одинаковом расстоянии от северо-западной и юго-восточной сторон, так что здание имело самый пологий наклон - если брать его в целом - к юго-востоку. [475] С этой стороны кубические блоки, из которых он состоял, были расположены таким образом, что оставляли гораздо более широкие ступени, чем на северо-западе. Таким образом, храм имел настоящий фасад, перед которым располагались пропилеи, подобные тем, что были представлены в нашей реставрации из руин в Мугейре. Разница заключается в том, что здесь ступени квадратные в плане. Самый низкий помост был 273 фута в каждую сторону; он опирался на платформу из высушенного на солнце кирпича, которая возвышалась над уровнем равнины всего на несколько футов.

Если предположить, что эти размеры точны, то они указывают на здание, которое не отличалось ни высотой, ни массой. Размеры, указанные Ричем и Кер-Портером, гораздо больше. Оба они говорят об основании площадью в стад, или около 606 футов, что дает окружность не менее 2 424 футов - не менее полумили. В любом случае храм, который сейчас представляет Вавилон, должен был быть большим из двух. М. Опперт называет 180 метров, или около 600 футов, в качестве одного диаметра нынешней довольно неровной массы. Это все равно уступает пирамиде Хеопса, квадрат которой в основании составляет 764 фута, и все же диаметр в 600 футов для Вавилона, несомненно, превышает его первоначальные размеры. Скопление мусора, должно быть, увеличило ее основание во всех направлениях.

Поэтому кажется очевидным, что великие сооружения Халдеи уступали крупнейшим царским гробницам Египта как по высоте, так и по протяженности. Мы не знаем, насколько далеко могли простирались вспомогательные здания, которыми окружены и дополнены ступенчатые башни на наших табличках, но трудно поверить, что их количество или значение могли сделать ансамбль, в который они входили, соперником Карнака или даже Луксора.

Если судить по текстам и существующим руинам, культовые сооружения Ассирии были меньше, чем в Халдее. Когда Десять Тысяч пересекали долину Тигра в своем знаменитом походе, они прошли недалеко от большого заброшенного города, который Ксенофонт называет Лариссой. Была ли его Лариса Калахом (Нимрудом) или Ниневией (Кюнджиком), нам сейчас выяснять не нужно, но его краткое описание ступенчатой башни представляет большой интерес: "Недалеко от этого города, - говорит он, - стояла каменная пирамида высотой в два плетра (около 203 футов); каждая сторона ее основания была длиной в один плетр". [476]

Башня, которую Лэйард обнаружил в Нимруде, возможно, та самая, которую видел Ксенофонт. [477] Греческий солдат говорит о каменной пирамиде, в то время как башня Нимруда - кирпичная,

но вся ее подконструкция обложена более тонким материалом на высоту почти двадцать четыре фута, чего вполне достаточно, чтобы объяснить утверждение Ксенофонта. Что касается его размеров, то их не следует воспринимать слишком буквально. В своем стремительном и тревожном марше греческие командиры не имели времени на то, чтобы взять в руки отвес или измерительную цепь; они должны были полагаться в основном на свои глаза, чтобы составить представление об истинных размерах зданий, которые привлекали их внимание. Башня в Нимруде, должно быть, имела площадь около 150 футов, измеренную по цоколю; нынешняя высота кургана составляет 141 фут, и ничего выше первой ступени сейчас не существует. Как отмечает Лэйард, необходимо учесть еще один или два этажа, и они легко составят первоначальную высоту от 200 до 240 футов, или примерно как у башни в Лариссе. Ксенофонт использовал слово "пирамида", потому что язык не давал ему более точного термина. Как и настоящая пирамида, ступенчатая башня постепенно уменьшалась от основания к вершине, и не может быть никаких сомнений в реальном характере здания, которое видели греки, как можно понять из заявления их вождя, что "варвары из соседних деревень укрылись на ней в большом количестве". Такие сооружения, как пирамиды Египта и Эфиопии, не могли дать подобного убежища. Несколько человек могли стоять на их вершинах, если предположить, что они потеряли свои камни, но для того, чтобы обеспечить опору для населения нескольких деревень, потребовались бы широкие пандусы и террасы ступенчатой башни. [478]

В настоящее время в Нимруде не осталось ничего, кроме двух первых ступеней, а точнее цоколя и первой ступени, от того, что, должно быть, было главным храмом Калаха. Нет никаких следов ни пандуса, ни цветов, которыми были украшены различные этажи. Башня в Хорсабаде, обнаруженная Плейсом, более интересна и гораздо более поучительна с точки зрения устройства и структуры этих зданий. [479]

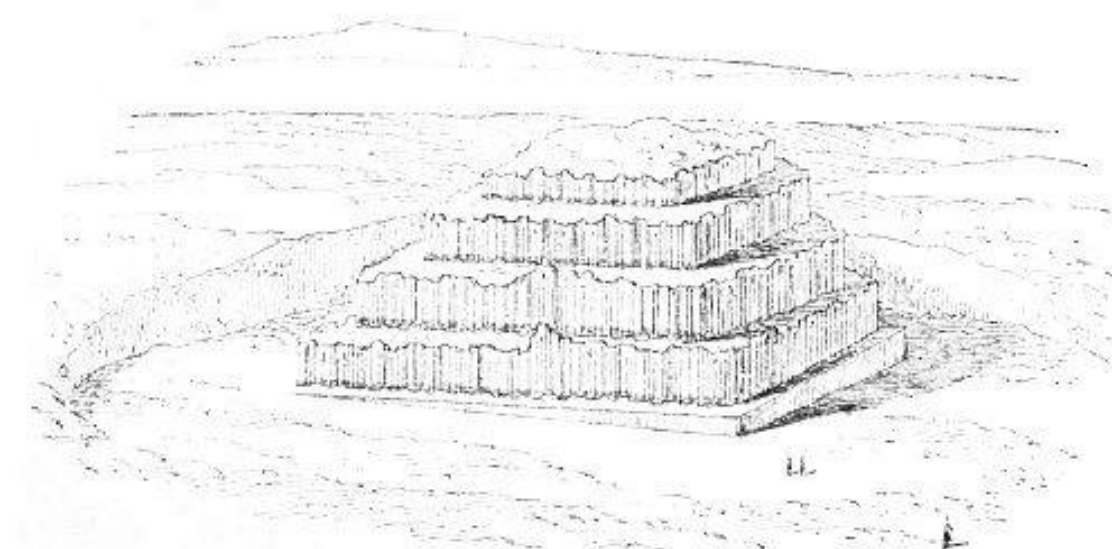

Рис. 184.-

Фактическое состояние так называемой обсерватории в Хорсабаде; из Плейса.

Эта башня ранее была скрыта под массой *обломков*, что придавало ей коническую форму, как у башни в Нимруде. Ботта уже заметил ее существование, но не смог угадать ее настоящий характер, о котором, правда, догадался только Плейс, когда его исследования зашли далеко вперед. Как только все сомнения в подлинном характере памятника были устранены, М. Плейс позаботился о сохранении всего, что еще могло существовать, и на [рис. 184](#) показано состояние здания после завершения раскопок. Три целых ступени и часть четвертой (не говоря уже о цоколе)

все еще сохранились. Лицевая сторона каждой ступени была украшена вертикальными желобками, повторяющими по горизонтали высоту ассирийских ступенчатых бойниц (рис. 102); цветная штукатурка, меняющаяся по оттенку от ступени к ступени, была все еще на месте и подтверждала утверждения Геродота о традиционной последовательности оттенков. [480] Также был найден внешний пандус с покрытием из жженого кирпича и зубчатым парапетом. [481] У его основания первая ступень описала на почве квадрат площадью около 143 футов в каждую сторону. Высота каждой из трех полных ступеней составляла двадцать футов три дюйма.

На основании этих данных М. Томас без труда восстановил все здание. Очевидно, что четвертый этаж не мог быть первоначальной вершиной, так как было бы странно, если бы, когда весь остальной дворец Хорсабада лишился своих верхних частей, только высушенные на солнце кирпичи *обсерватории* устояли перед агентами разрушения. Более того, материалы верхних этажей все еще сохранились в 40 000 кубических ярдов мусора, которые покрывают окружающую платформу на среднюю глубину около десяти футов.

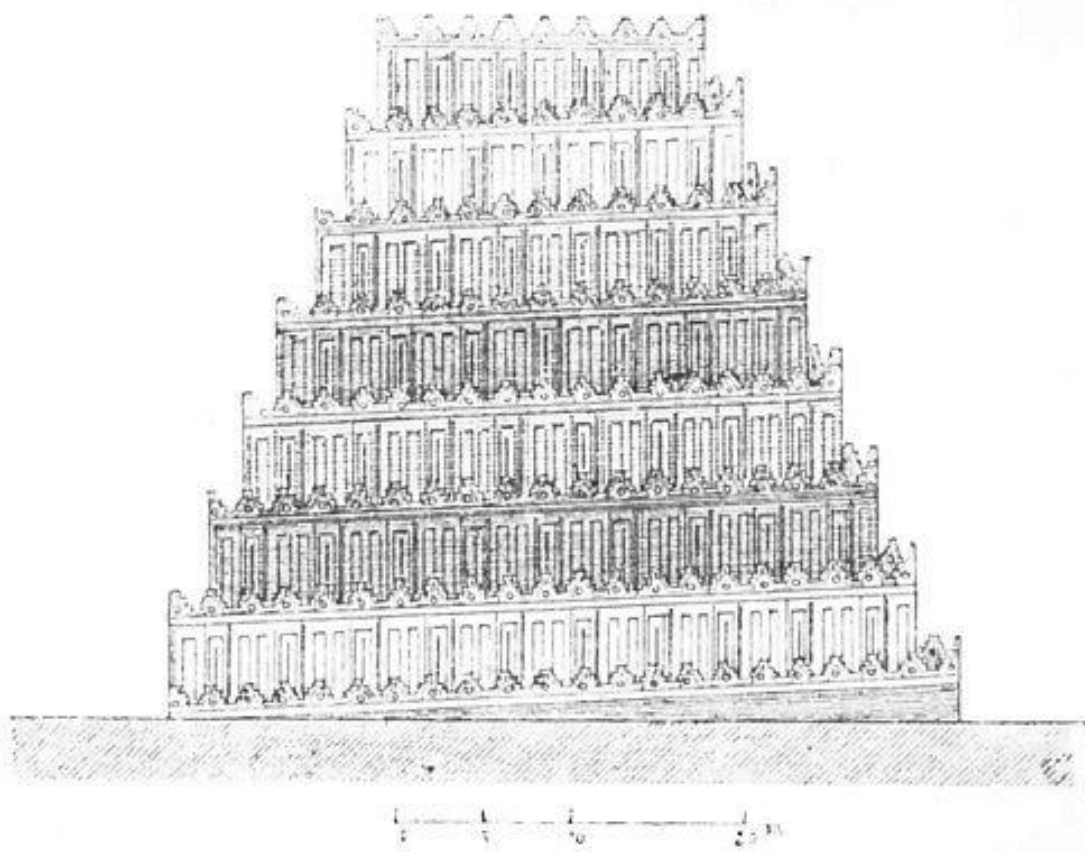

Рис. 185.

Восстановленная обсерватория. Высота.

Сколько было этапов? Пораженный значением числа семь в ассирийской архитектуре, М. Томас остановился на этом числе. Даже в самом Хорсабаде эта цифра постоянно встречается. Городские стены имели семь ворот. Одним из самых распространенных орнаментальных мотивов, встречающихся на внешних и внутренних стенах харема, является полоса из семи полуколонн, изображенная на странице 247. Геродот рассказывает нам о семи различных цветах, использованных на концентрических стенах Экбатаны. Наконец, при определении семи этажей здания мы получаем общую высоту в 140 футов, которая так

близко соответствует 143 футам основания, что мы можем принять их за идентичные, а небольшую разницу между ними, составляющую всего три дюйма на каждый этаж, объяснить сложностью проведения правильных измерений на разрушенном строении из высушенного на солнце кирпича. И мы должны помнить, что Страбон говорит нам в уже цитированном отрывке, что высота великого храма в Вавилоне была равна его меньшему диаметру, что, возможно, в какой-то степени было предписано обычаем.

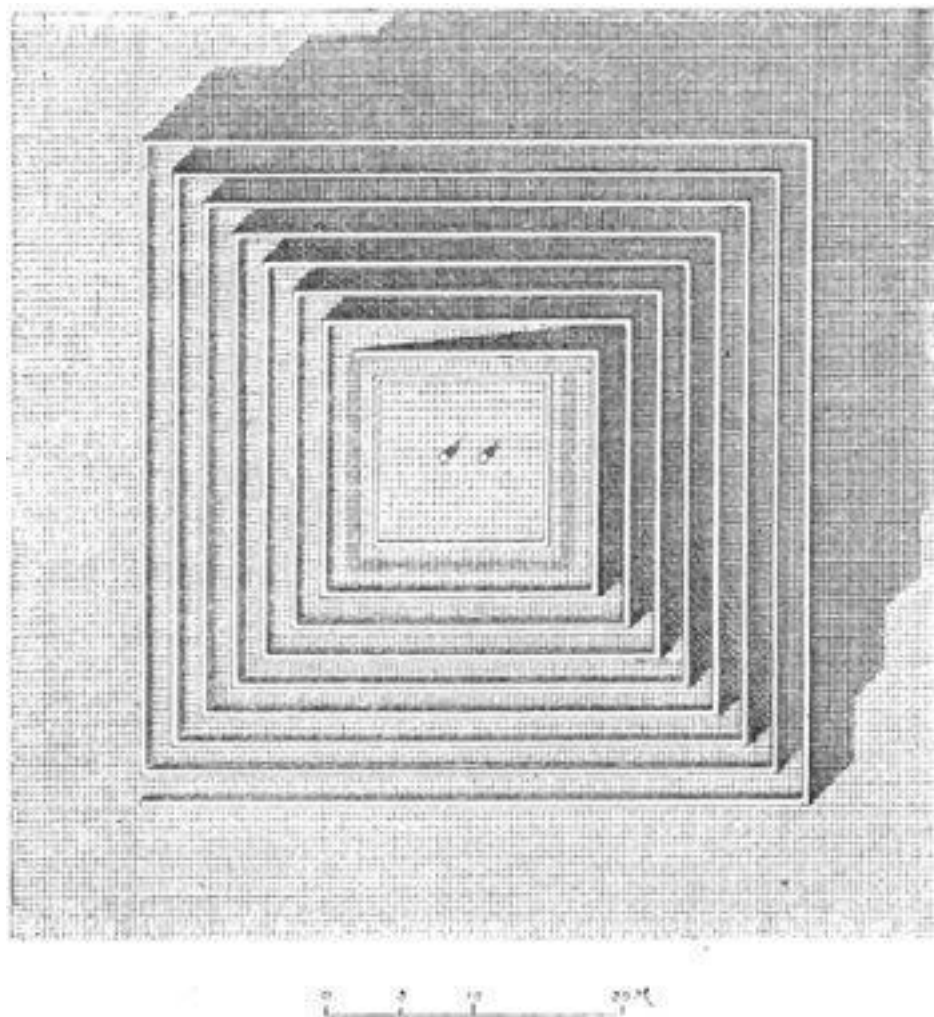

Рис. 186. Восстановленная

обсерватория. План.

Что касается ее основных черт, то мы можем рассматривать реставрацию, заимствованную из работы М. Плейса, как совершенно аутентичную (рис. 185 и 186). Наш разрез (рис. 187) предназначен для того, чтобы показать, что французские исследователи не обнаружили никаких следов внутренних камер или пустот самого малого вида. Однако вполне возможно, что такие камеры были предусмотрены в верхних этажах, но у нас нет никаких доказательств их существования. То же самое можно сказать и о местах для отдыха, упомянутых Геродотом в описании храма Белуса. Но если предположить, что это сооружение имело семь ступеней, то длина его пандуса должна была составлять около тысячи ярдов, и вполне вероятно, что на таком длинном подъеме были предусмотрены места для отдыха.

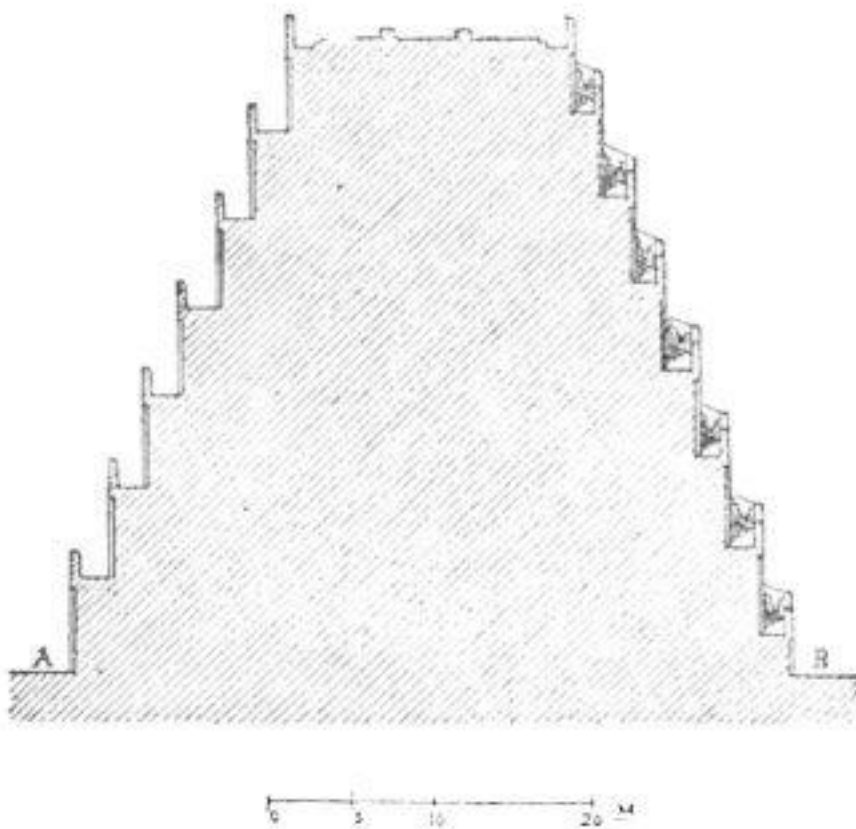

Рис. 187. Обсерватория.

Поперечный разрез через АВ.

Только когда мы переходим к обсуждению цели такого здания, мы чувствуем себя вынужденными разделить компанию с ММ. Плейсом и Томасом. Они склонны считать, что это была обсерватория, а не храм, и именно под таким названием они его описали. Хотя мы и использовали данное название, мы не считаем его оправданным. Среди руин Хорсабада нет ничего, говорит М. Плейс, что свидетельствовало бы о том, что на вершине башни когда-либо находилась часовня или скиния. Но согласно их собственной гипотезе, она лишилась трех самых высоких этажей, так почему же они должны ожидать найти какие-либо остатки такой часовни, ведь она должна была исчезнуть первой? Нет абсолютно ничего, что могло бы отрицать мысль о том, что она могла быть деревянной, и в этом случае ее полное исчезновение не вызвало бы удивления даже после того, как платформа была бы тщательно исследована; а в настоящее время это далеко не так. Кроме того, есть несколько небольших доказательств того, что назначение пирамиды было религиозным. В ее окрестностях были найдены два каменных алтаря. Независимо от того, пришли ли они с ее вершины или с эспланады, они оправдывают нашу уверенность в том, что *обсерватория* была храмом. В этом нас убеждает сходство, на которое указывает сам М. Пляс, между ней и главными памятниками Вавилона, описанными Геродотом. Кажется неоспоримым, что Халдея приняла эту форму для самых больших и роскошных своих храмов, и почему мы должны предполагать, что ассирийцы нарушили эту традицию и посвятили здания, спланированные и построенные по тому же принципу, другому использованию?

Правда, в царском архиве в Куюнджике были найдены таблички, на которых записаны отчеты о состоянии небес для руководства царя, [482], но в них, насколько удалось расшифровать, нет ничего, что указывало бы на то, что наблюдения велись с вершины *зиккурата*. Однако весьма вероятно, что астрономы воспользовались такой высотой над равниной, чтобы спастись от плавающих паров и получить более широкий горизонт.

Площадь платформы башни Хорсабада должна была составлять около 180 квадратных ярдов. В центре могла располагаться часовня или скиния, и при этом астрологам оставалось достаточно места, чтобы спокойно заниматься своей работой. Мы не хотим отрицать, что эта башня и другие памятники того же рода могли использоваться в качестве обсерваторий, но мы считаем, что в Ассирии, как и в Халдее, их основная цель была религиозной, что они были подняты так высоко над жилищами людей, даже самого царя, чтобы оказать честь богам, чьи святилища должны были венчать их вершины. [483]

ПРИМЕЧАНИЯ

[471] См. *Les Fouilles de Chaldée* в *Revue archéologique* за ноябрь 1881 года. Месье де Сарсек в своей статье ссылается на план, который еще не был представлен Академии. Мы очень сожалеем, что его публикация так долго откладывалась, поскольку мы не смогли воспользоваться архитектурными открытиями месье де Сарсека в той мере, в какой хотели бы.

[472] Наиболее четкую и точную информацию о топографии Вавилона можно найти в эссе профессора Роулинсона на эту тему во втором томе его перевода Геродота (р. 570, в третьем издании).

[473] В своих расчетах профессор Роулинсон, конечно, забыл принять во внимание пирс или участок стены, который все еще стоит вертикально на поверхности кургана (Oppert, *Expédition scientifique*, vol. i. pp. 260, et seq.). Это ясно видно на нашем рисунке - сэр Генри Лэйард не оставляет сомнений: "Бирс-Нимруд поднимается на высоту 198 футов, а на его вершине находится компактная масса кирпичной кладки высотой тридцать семь футов и шириной двадцать восемь, что в целом составляет 235 футов в перпендикулярном направлении", *Discoveries*, p. 495. Однако Лэйард утверждает, что приведенные здесь размеры были взяты у Рича, так как у него не было времени на измерения во время спешного визита. Прим. ред.

[474] *Discoveries*, p. 495.

[475] Эти подробности мы берем из очерка профессора Роулинсона о топографии Вавилона.

[476] Ксенофонт, *Анабасис*, iii, 4, 9.

[477] Layard, *Discoveries*, pp. 126-128, и карта 2.

[478] В Калех Шергат, где находится важный, но пока не идентифицированный ассирийский город, есть коническая насыпь, напоминающая по своему общему виду башню Нимруда, которая, должно быть, содержит все, что осталось от *зиккурата*; но глубоких раскопок в ней еще не проводилось (Layard, *Nineveh*, vol. ii. p. 61).

[479] Place, *Ninive*, vol. i. pp. 147-148, and plates 36-37.

[480] См. выше, стр. 272-274.

[481] Мы уже упоминали о размере его ступеней; см. стр. 192. Уклон на первой ступени составлял примерно один к двадцати. На верхних ступенях он должен был быть гораздо круче, так как окружность ступеней была гораздо меньше, а высота оставалась прежней. Однако он никогда не становился очень крутым, так как если предположить, что первоначальное количество этажей было семь, то ближе к вершине уклон был бы не более одного к четырнадцати.

[482] Lenormant, *Histoire ancienne*, vol. ii. p. 200 (3-е издание).

[483] Положение, занимаемое этой ступенчатой башней на плане царского дворца в Хорсабаде, позволяет предположить, что, возможно, ни одно из двух объяснений ее назначения, о которых здесь говорилось, не является истинным. Она расположена непосредственно за стеной гарема - а в принадлежности гарема нет никаких сомнений - таким образом, что любой, кто поднимался на нее, должен был иметь беспрепятственный вид на многочисленные дворы женских апартаментов. Такая возможность кажется несовместимой с многочисленными мерами предосторожности, принятыми для обеспечения приватности этой части дворца (см. т. II. гл. I. § 2). Возможно, реальное решение этой проблемы можно найти в предположении, высказанном, но отброшенном г-ном Фергюссоном, что этот *зиккуратт* в Хорсабаде был, по сути, частным ораторием для исключительного использования самим Саргоном (*History of Architecture*, vol. i. p. 173).-Ed.

§ 3. Подчиненные *типы храма*.

Бок о бок с этими пирамидальными храмами ассирийцы, похоже, ставили другие, менее амбициозные, посвященные, несомненно, божествам второго ранга. Большие ступенчатые башни, высота и масса которых предполагали усилия, которые не могли быть часто повторены, были посвящены поклонению великим национальным богам. Ботта считал, что он обнаружил храм этого меньшего типа в здании, из которого мы позаимствовали пример ассирийской лепнины, воспроизведенный на наших [рис. 98](#) и [99](#). Это здание примечательно не только своим карнизом, но и тем, что оно построено из известняка и украшено скульптурами, вырезанными из плит базальта, единственными вещами такого рода, которые были обнаружены в руинах Хорсабада. Общая планировка не похожа ни на одну другую часть дворца. К сожалению, здание находится в очень плохом состоянии. Даже его план можно восстановить лишь частично. Томас склонен видеть в нем скорее тронный зал, или диван, как его назвали бы на современном Востоке, чем храм. Немногочисленные барельефы, которые можно с уверенностью назвать принадлежавшими ему, не носят религиозного характера; они изображают сцены охоты, сражения и пленников, приносящих дань. Хотя реставрация Томаса, как он сам признается, является полностью предположительной, у нас нет серьезных оснований считать это здание храмом. [\[484\]](#)

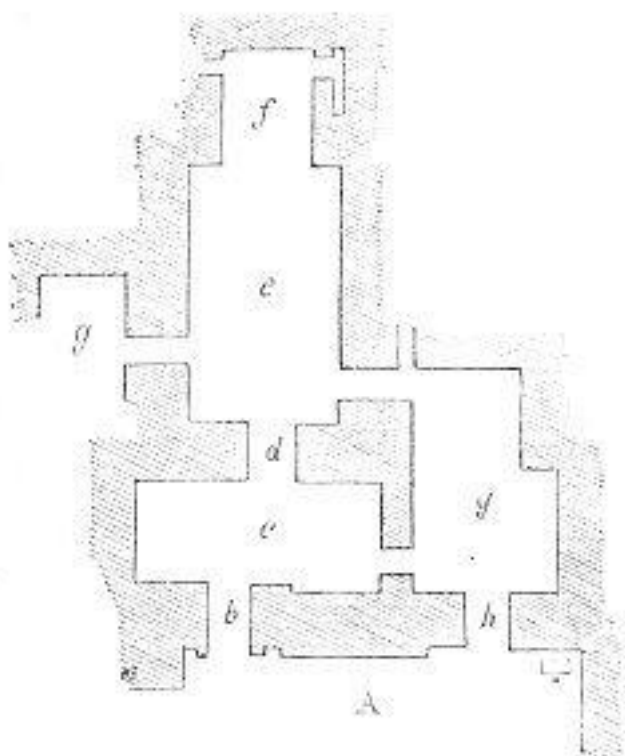

Рис. 188.- План небольшого храма в Нимруде; из Layard.

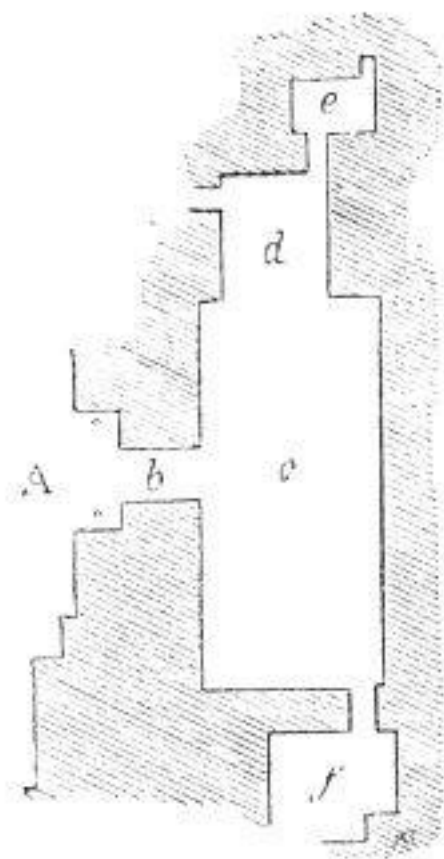

Рис. 189.- План небольшого храма в Нимруде; из Layard.

С другой стороны, у Лэйарда, похоже, были веские причины для признания небольших храмов в сооружениях, которые он расчистил возле большой ступенчатой башни в Нимруде. [485] Более важная из них действительно касалась этой башни (рис. 188). О характере здания сразу же говорит характер его скульптур, скорее религиозных, чем исторических - изображения богов и джиннов, сцены обожания и мистического богословия. Не без умысла он был поставлен в тесном соседстве с *зиккуратом*, что доказывает, что он был частью коллекции зданий, освященных принцем, чье жилище занимало остальную часть платформы, богам, на защиту которых он возлагал свои надежды. Второй храм, меньший по размеру, стоит примерно в тридцати ярдах к востоку на самом краю искусственной насыпи (рис. 189). Перед входом в него был найден алтарь с тремя ножками, вырезанными в форме львиных лап. [486] Барельефов не было: украшения выполнялись красками. Количество комнат было меньше, но их общая планировка была аналогична той, что была в более крупном здании. Главной особенностью обоих был большой зал (е на первом плане, с на втором) с квадратной нишей в одном из его концов (f на первом плане, d на втором). Эта ниша была вымощена одной плитой из алебаstra, значительного размера и покрыта с обеих сторон длинной надписью, подробно описывающей правление князя, которым был освящен храм. В большем из этих двух зданий плита имела двадцать три фута четыре дюйма в длину и семнадцать футов восемь дюймов в ширину; ее толщина составляла двенадцать дюймов. На ней, по всей вероятности, стояла статуя бога. Ниша, по сути, должна была быть *секосом*, или святилищем, если говорить правильно. Большой продолговатый зал был *наосом* или *целлой*. В большом храме его длина составляла сорок шесть футов семь дюймов. Перед ним находился *пронаос* или притвор (рис. 188, с). У нас нет никаких данных о назначении камеры, обозначенной на нашем плане буквой g. Она имеет прямой вход снаружи (h). Малый храм менее сложен. Два дверных проема (b и f) ведут непосредственно в главный зал или

наос. Небольшая камера (е) позади святилища, возможно, была чем-то вроде кладовой или ризницы. Следует отметить, что в маленьком храме двери в наос были расположены таким образом, что изображение в святилище не было видно извне. [487] В обоих зданиях двери были украшены крылатыми львами или быками, как в царских дворцах. Стены большого храма были украшены глазурованными кирпичами.

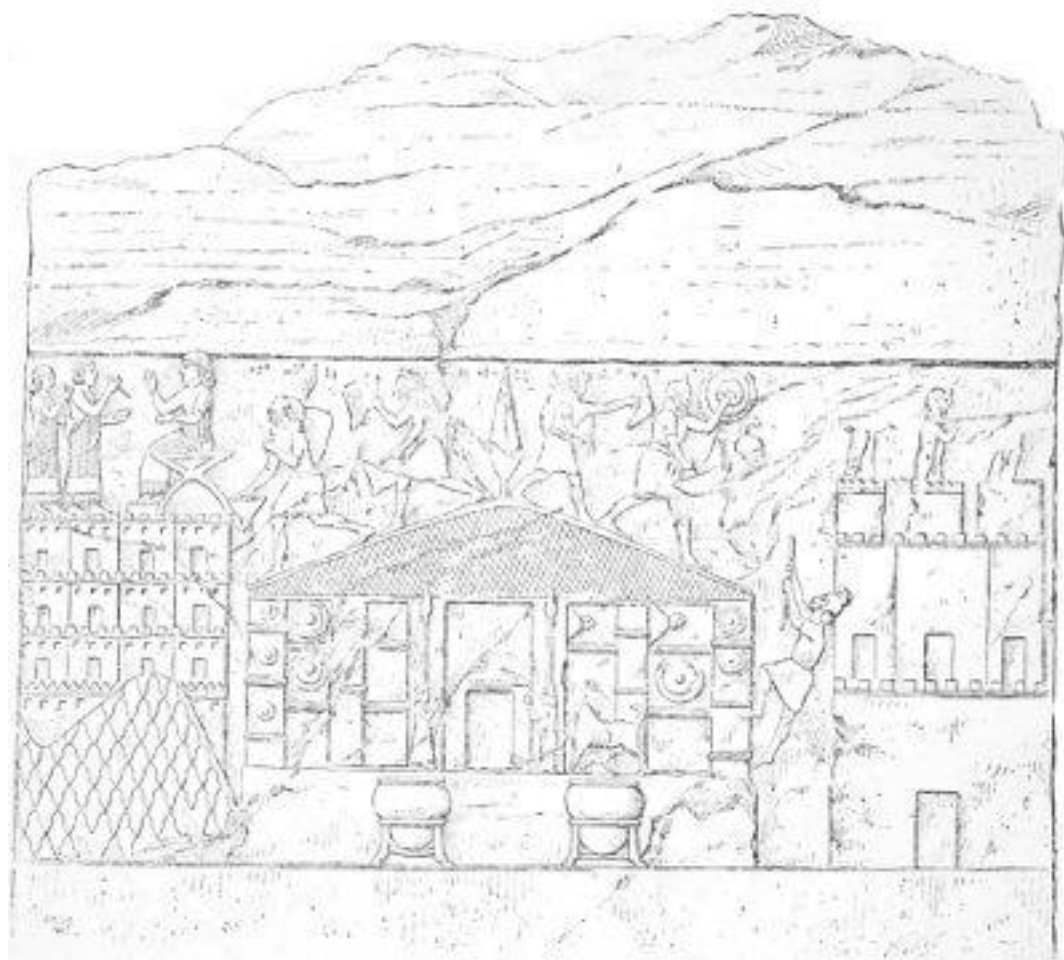

Рис. 190.- Храм с треугольным фронтоном; из Ботты.

Эти храмы второго класса отличались большим разнообразием форм. Фасады некоторых из них венчал треугольный фронто́н, как у греческих храмов (рис. 190). Правда, на хорсабадском рельефе, откуда мы копируем эту своеобразную композицию, речь идет о взятии армянского города Мусасир, названного в повествовании о завоеваниях Саргона "жилищем бога Халдии", [488] храм которого, должно быть, и изобразил здесь скульптор. Должны ли мы поверить, что художник придал своему храму непривычную для себя форму в знак уважения к рассказам тех, кто принимал участие в походе? Не вероятнее ли, что он скопировал какую-то модель, которую каждый зритель узнал бы как храм, поскольку она часто встречается по соседству с тем самым дворцом, над украшением которого он работал? На последний вопрос мы склонны ответить утвердительно. Но даже если рассматривать этот рельеф как точную зарисовку с армянского храма, мы все равно будем считать, что он воспроизводит тип, неизвестный ассирийскому искусству. Все вместе взятое доказывает, что жители горных стран, расположенных к востоку и северу от Ассирии, не имели собственной оригинальной и хорошо заметной цивилизации в течение всего периода, о котором мы сейчас говорим. Как Эфиопия заимствовала все у Египта, так и меды и армяне черпали свои искусства и письменность из Халдеи, через Ассирию. Все предметы,

найденные в окрестностях озера Ван, имеют чисто ассирийский характер, и не возникает вопроса о том, насколько уместно помещать их в наших музеях рядом с предметами из Нимруда и Хорсабада. Однако не имеет большого значения, был ли храм, изображенный на нашей гравюре, скопирован с натуры или нет; если в Армении и были такие здания, то только потому, что подобные им ранее существовали в Ассирии, откуда архитекторы полуварварского народа, который был поочередно врагом, вассалом и подданным ниневийских монархов, заимствовали их основные черты.

Более того, в этом армянском памятнике мы находим одну из самых характерных черт ассирийской архитектуры. Вход в здание украшают львы, похожие на тех, что охраняют храмы в Нимруде. [489] Другие особенности композиции совершенно новы для нас. Перед храмом на треножниках стоят две большие вазы, несомненно, из бронзы. В них хранилась вода, необходимая для очищения; мы еще встретим их в Сирии. Они напоминают нам о "расплавленном море" в храме Соломона. Храм стоит на высоком цоколе, к которому, должно быть, вели ступени, опущенные скульптором. По обе стороны от двери стоит шест с наконечником копья, что, возможно, указывает на то, что храм был посвящен богу войны. Перед копьями стоят два человека в позах поклонения, возможно, статуи или рельефные фигуры. Фасад состоит из пилястр, разделенных по горизонтали узкими полосами; на этих пилястрах и на стене между ними висят щиты или мишени, которые хорошо сочетаются с копьями, фланкирующими вход. Из двух пилястр слева от дверного проема выглядывают головы и плечи львов; они также могут быть восприняты как символ воинственного нрава бога, которому было посвящено здание. Фронтон, которым увенчан фасад, довольно низок по своим пропорциям. Его тимпан заполнен своеобразным сетчатым орнаментом, состоящим из мелких ромбов или сеток. О внутреннем устройстве ничего не известно, но по этому резному эскизу можно легко восстановить фасад, за исключением, конечно, размеров, о которых мы можем только догадываться.

Этот тип интересен прежде всего своей аналогией с греческим храмом. Мы уже обращали внимание на схожие моменты в небольших зданиях, в которых колонна играет такую важную роль (рис. 41 и 42). Мы видели, что некоторые из этих небольших сооружений напоминают египетские храмы, другие - греческий храм *in antis*. [490] Для полноты картины можно также упомянуть о павильоне, который мы так часто встречаем в халдейских памятниках (рис. 79). Он увенчан рогатой митрой, которую мы привыкли видеть на головах крылатых быков. Наш интерес к этим маленьким часовням был пробужден главным образом из-за декоративных форм, которые они представляют собой столь ранние примеры. Не в них мы должны искать отличительные черты месопотамской храмовой архитектуры. Их мы должны искать в *ступенчатой башне* или *зиккурате*. Почему же все эти памятники, за единственным исключением так называемой Хорсабадской *обсерватории*, сегодня представляют собой лишь груды бесформенной пыли, в точности исполняя библейские пророчества о судьбе Ниневии и Вавилона? Один путешественник рассказывает, что, подъезжая к Бирс-Нимруду, он увидел волков, растянувшихся на его склонах и греющихся на солнце. Прежде чем они лениво поднимались и решались на побег, арабы из его эскорта должны были скакать вперед, крича и потрясая копьями.

ПРИМЕЧАНИЯ

[484] См. Place, *Ninive*, vol. i. pp. 149-151, and vol. ii. pp. 6-7, and 36-42. Это здание находится у западного угла участка, занятого руинами Хорсабада (т. III, лист 3). Реставрацию можно найти на табличке под номером 37-бис.

[485] *Discoveries*, &c., pp. 348-357, 359-362; и *Monuments*, &c., second series, plate 5.

[486] Сейчас она находится в Британском музее - прим. ред.

[487] Двери расположены таким образом, что ни в одном из храмов не видно неба, если стоять снаружи здания.- Прим. ред.

[488] Эта экспедиция состоялась на восьмом году правления Саргона. Отрывок, в котором рассказывается о главных событиях, можно найти в длинной и важной надписи, переведенной М. Оппертом, под названием: *Annales de Sargon* (Place, Ninive, vol. ii. p. 313).

[489] Скульптор представил только одну из них; другую он оставил на усмотрение зрителя.

[490] Страница 142.

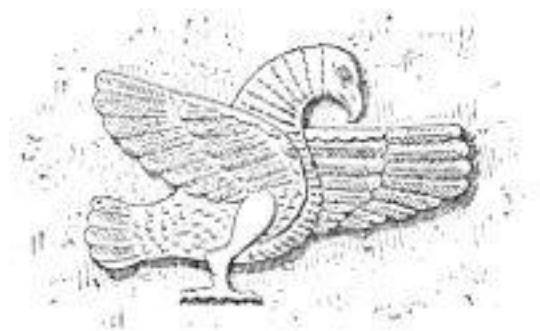
§ 4. Сравнение халдейского храма с египетским.

Хотя древние называли их одним и тем же именем, между египетскими пирамидами и ступенчатыми башнями Халдеи больше различий, чем сходства. На берегах Нила мы имеем истинную пирамиду, массив, который носит это имя в геометрии. В Месопотамии мы имеем ряд прямоугольных призм, поставленных одна на другую. На расстоянии постепенное уменьшение их размеров может придать пирамидальный вид массе, частью которой они являются, но их стены вертикальны. Наконец, контраст между назначением этих двух зданий еще больше. Египетская пирамида - это гробница; ее огромная масса - не более чем чудовищное развитие каменной оболочки, в которую был заключен саркофаг. Для достижения вершины не было предусмотрено никаких средств, и ее высота, так сказать, не имела ни *смысла существования*, ни практической пользы. Несмотря на все искусство, которым она была украшена, пирамида вряд ли была зданием в собственном смысле этого слова - это была просто груда строительных материалов.

Совсем иначе обстояло дело с *зиккуратом*, конечная платформа которого поддерживала богато украшенное святилище. Астрономы могли использовать его для наблюдения за небом в лучших условиях, чем это было возможно внизу; часовни также были вырезаны в боковых частях его нижних ступеней, так что удобные средства подхода к каждому этажу сверху донизу были абсолютно необходимы. Эта необходимость повлекла за собой разнообразные конструкции пандусов и террас, о которых мы постарались дать представление в наших реставрациях. Если мы дадим волю нашему воображению и позволим ему на мгновение восстановить на пандусах и террасах их зубчатые парапеты; если мы установим места для отдыха, перестроим часовни и павильоны и заменим статуи; Если мы покроем святилище одеянием из бронзы и золота, а все здание - поверхностным декором, которому солнце Месопотамии придавало самое большое значение, то мы поймем, насколько халдейский *зиккурат* превосходит египетскую пирамиду как архитектурная концепция. С гладким и обнаженным лицом последняя была в какой-то степени неорганической массой, такой же безжизненной, как и труп, который она раздавила своим нелепым весом. Деление первой на этапы имело скрытый ритм, который сильно притягивал; глаз с не малым удовольствием следил за извилистым склоном, который своим легким уклоном, казалось, приглашал путешественника подняться на возвышенную вершину, где в масштабах и красоте вида он нашел бы столь богатую награду за легкую усталость от подъема.

Но мы не должны забывать, что *зиккурат* был храмом, и что сравнивать его нужно именно с храмами Фив. В таком сравнении Египет вновь обретает все свое превосходство. Как холодно и убого выглядят башни Халдеи и Ассирии рядом с колоннадами Рамессеума, Луксора, Карнака! В одном случае единственными возможными разновидностями являются изменения в положении и пропорциях ступеней, в наклоне и расположении пандусов. В

другом - какие бесконечные комбинации площадок, пилонов и портиков, какая постоянно меняющаяся игра света, тени и форм среди рощ изображенных колонн! Какой контраст между ассирийскими святилищами, освещенными только от дверей и желтым светом факелов, и таинственным полумраком египетских залов, где глубокие тени то тут, то там нарушались блуждающими лучами солнца, падающими вниз из отверстий в массивной крыше и выделяющими на фоне окружающего мрака какое-нибудь блестящее изображение Птаха или Амена. Но халдеи могли бы, возможно, сравняться с египтянами, если бы их страна была так же богата камнем, как долина Нила; их вкус и инстинкт к величию были не меньше, а религиозные чувства были такими же живыми и возвышенными у поклонников Ассира и Мардука, как и у поклонников Осириса и Амена-Ра. Неполноценность их религиозной архитектуры объясняется природным строением их страны, которое ограничивало их почти полностью использованием фетильного материала.

КОНЕЦ ТОМА. I.

ЛОНДОН:

R. Clay, Sons, and Taylor,
BREAD STREET HILL, E.C.